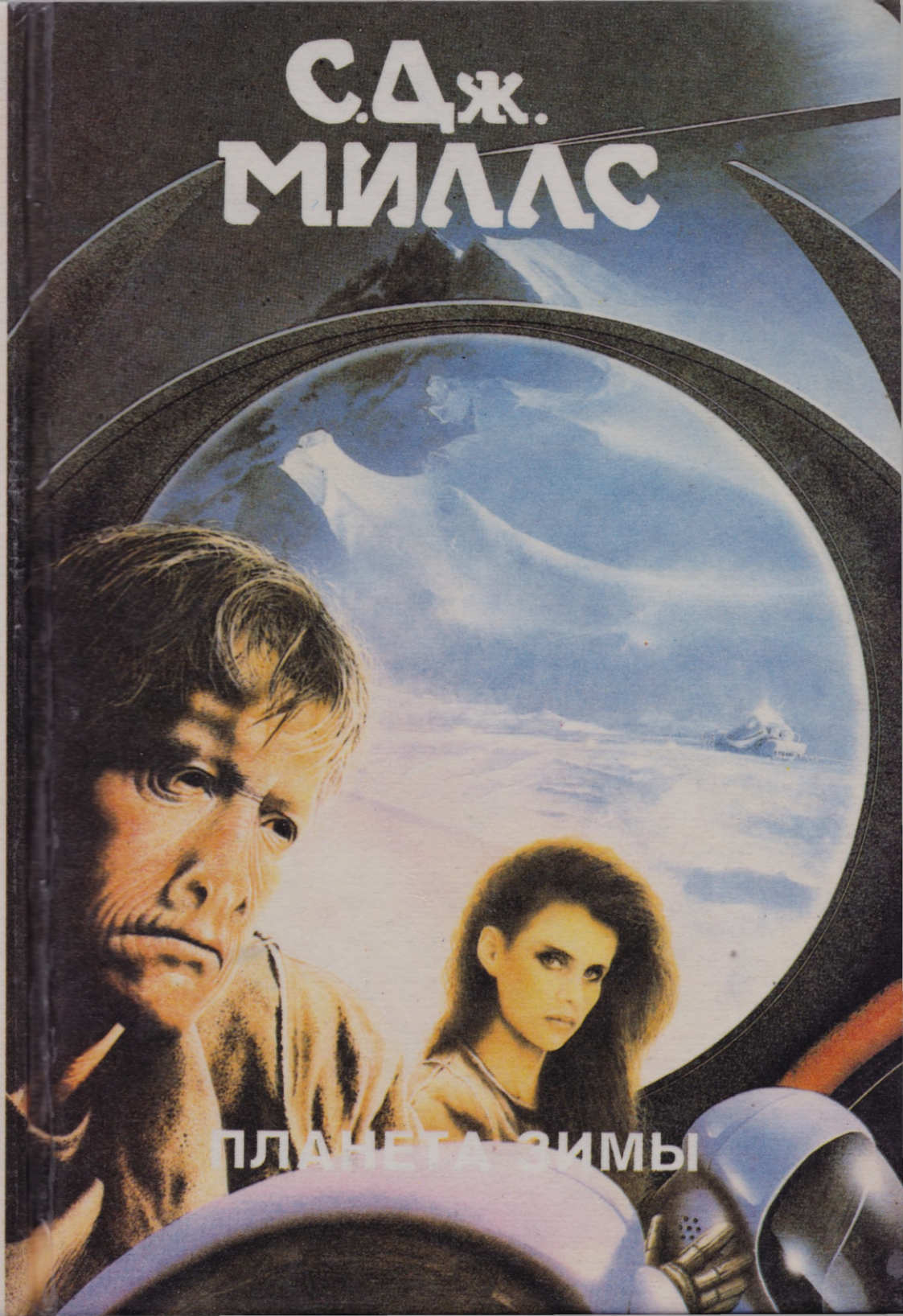
С.Дж. МИЛЛС



ПЛАНЕТА ЗИМЫ

С.Дж. МИЛЛС · ПЛАНЕТА ЗИМЫ

МВ

МОСКВА
ГФ «ПОЛИГРАФРЕСУРСЫ»
ТОО «ТРАНСПОРТ»
1994

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

16

С. Дж. МИЛЛС

ПЛАНЕТА ЗИМЫ

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

16

С. Дж. МИЛЛС

ПЛАНЕТА ЗИМЫ

Об авторе

«Планета зимы» — первый роман писательницы из Миннесоты С. Дж. Миллс. Захватывающий сюжет и ирреальность происходящего в далеком межзвездном мире — характерные особенности этого романа, который, несомненно, займет свое место среди лучших произведений современной научной фантастики.

ISBN 5-85550-017-9

© Транспорт

КНИГА ПЕРВАЯ

ПЛАНЕТА ЗИМЫ

Роберте, которая спасла жизнь Карну Халареку.

Пролог

Отделившись от торгового корабля «Альдефара», космический челнок полетел в направлении планеты Старкер IV. Капитан Телек смотрел, как он исчезал в грозовых облаках, окутавших всю поверхность планеты, и в отчаянии скрежетал зубами. Да, теперь он избавился от молодого Лхарра, но поздно, слишком поздно.

«Ублюдок! — рычал он вслед исчезающему Лхарру.— Визгливый, наглый щенок! Гхарры всегда жили в кровной вражде и убивали друг друга, пока ты не потребовал проверки того, что здесь происходило». Ногти его больно вонзались в ладони, и Телек заставил себя разжать кулаки.

«Если бы он не потребовал расследования этих „несчастных случаев", я был бы уже в пути. Если бы он погиб в результате одного из них, я был бы уже в пути. Тот, другой господин из Гхарров, сказал, что Халарек будет легкой добычей, что он провел слишком много лет на Болдере и не помнит видов кровной вражды. Стрельба на орбите Болдера, бомбы, яд, газ — молодой лорд пережил все»,— думал капитан, свирепо уставившись на сгустившиеся внизу тучи.

Телек резко отошел от экрана. Губы его сжались. Тонкие усы дергались. Погибли три оплативших рейс пассажира, а Гильдия этого не любит. На кораблях Гильдии люди должны быть в безопасности. Корабли Гильдии должны оставаться сугубо нейтральными. Но кто-то принес на корабль кровную вражду со Старкера IV. Теперь Гильдия потеряет огромные деньги из-за того, что «Альдефара» вынуждена оставаться на орбите до прибытия Патруля, который проведет расследование, найдет виновника и осудит его, прежде чем его будут судить присяжные из его соплеменников. Карьера Телека в Гильдии окончена. После всего этого он был бы счастлив стать командиром одного из кораблей глубокого космоса. Если только Патруль не примет во внимание его роли в этом поражении. Если же... Телек в ярости погрозил кулаком грозовым облакам.

«Надеюсь, он доберется до вас, молодой господин! Доберется и сделает с вами самое худшее!» — гневно шептал он.

Глава первая

Казалось, что космический челнок уже несколько часов медленно плыл, пробираясь сквозь темные, тяжелые облака. Стройный молодой человек в форме юнги Альтаирского флота неотрывно и пристально смотрел в иллюминатор, стараясь разглядеть что-то в сплошной серой пелене, окружавшей корабль. Наконец в редких просветах меж туч показались строения порта Гильдии, словно слипшиеся друг с другом в снежных, вьюжных сумерках. Челнок опустился ниже. Серые холодные каменные здания рассекали белую дымку, скрываясь в ней всякий раз, когда челнок проплывал мимо. Он кружил все ниже и ниже, ожидая, когда стихнет резкий, порывистый ветер, и, улучив момент недолгого прояснения, сел, глухо ударившись о землю. Пилот заглушил моторы. Теперь только шум падающего на обшивку корабля снега и свист ветров нарна нарушали тишину. Сняв шлем, пилот обернулся к своему пассажиру.

— Сэр, как мне сказали, вам не разрешат покинуть корабль, пока вы не согласитесь подвергнуться полному психоанализу.— Тонкое, усталое лицо юнги вспыхнуло. Он встал, выпрямившись во весь рост. Глаза его горели гневом.

— Я — Кари Халарек, Лхарр Дома Халареков, глава одной из Девяти Семей. Гильдия не имеет права задерживать меня!

Пилот посмотрел на юного Лхарра.

— Мы должны защищать свой нейтралитет, сэр. Гильдия не признает ни рангов, ни классов, ни политики, и до сих пор все было в порядке. Во всей галактике все было спокойно. Но кто-то принес сюда вашу клановость, вашу кровную вражду, вашу политику. Мы не можем рисковать своей репутацией и способствовать вашему убийству. Это подорвет наш авторитет во всех известных мирах.

— Но, джентльхом, процедура психоанализа занимает целую неделю, а Совет Домов собирается последний раз в этом году через три дня. Решается судьба моего Дома! Я должен быть там!

— Сожалею, сэр, но политика Старкера IV совершенно не

волнует Гильдию. Мы сохраняем нейтралитет и не можем допустить, чтобы вы приняли медленно действующий яд.

Лхарр нервно сцепил руки, посмотрел вниз, глубоко и прерывисто вдохнул, а затем очень медленно выдохнул.

— Похоже, у меня нет выбора. Откройте. Я согласен на ваши испытания.

Люк открылся, и Карн Халарек, соскользнув по борту корабля вниз, пересек посадочную полосу и направился к зданию таможни. Пронизывающий ветер пробирался под одежду, жестоко напоминая о мягком климате Болдера, больно кололо в носу и ушах. Острые льдинки проникали за воротник, попадали в рукава. Когда Карн вошел, двери лифта открылись и, впустив его, тотчас захлопнулись. Лифт не отапливался, и Халарек дрожал от холода, стряхивая снег с ботинок, выбивая из рукавов и воротника. «Я слишком привык к хорошей погоде,— сказал он себе.— Если мои солдаты не привезут более подходящей для Старкера IV в середине нарна одежды, я, пожалуй, совсем замерзну на обратном пути».

Он думал о теплых вещах и обо всем остальном, что было у него на борту «Альдефары», когда взорвалась бомба:

«Одежду, конечно, можно получить новую, но картина, которую написал для меня Иджил... Я почти не запомнил ее, а теперь у меня не осталось ничего на память об Иджиле и его отце».

Карн попытался отогнать горькие мысли. Иджил Олафсон был самым близким его другом, вторым после брата Джерема. Отец Иджила, Оудин Олафсон, относился к Карну как к сыну. Благодаря этому человеку Карн узнал, что между отцом и сыновьями может существовать настоящая, сильная любовь, не наносящая ущерба их мужественности. Теперь это в прошлом, в прошлом все, что было на Болдере, все, кого Карн оставил там.

Лифт, преодолев сорок метров, остановился в помещении таможенного контроля, и молодой Лхарр шагнул в тепло, ощутив затхлый запах постоянно рециркулирующего воздуха. Здесь его уже ждал Первый Купец в красной с позолотой форме с изображением символической ракеты — гиро.

— Мир вашему дому, Карн Халарек.

— Также и вашему, Первый Купец,— ответил Карн.

— Прошу вас сюда, сэр, медики ждут.

Клиника находилась в нескольких шагах от лифта. Трое врачей в белом слегка поклонились вошедшему, других же знаков уважения к чинам и рангам на Гильдии не было принято. Старший из них, высокий седой доктор, тонко улыбнулся:

— Прежде всего должен сказать, что женщины не будут участвовать ни в одном из ваших тестов, сэр. Мы соблюдаем обычай Гхарров, несмотря на то, что вы провели долгое время в других мирах.

Затем он помолчал, понимая, что следующие его слова могут оскорбить собеседника, и, откашлявшись, продолжал:

— Экзамен пройдет относительно быстро, сэр, намного быстрее, чем обычно. Офицер-медик с «Альдефары» прислал почти все нужные нам материалы. Вы, вероятно, не знаете, как тщательно он вас проверял, пока вы были без сознания после того несчастного случая с газом.

Карн пристально смотрел на врача. «Нет,— решил он,— этот человек не считает проникновение газа в пассажирскую каюту несчастным случаем. Он просто защищает Гильдию».

Седой доктор продолжал:

— Офицер-медик также уверяет нас в своем заключении, что с момента отравления он первым пробовал все, что вам давали есть и пить. Вам очень повезло, сэр, что он был на борту. Менее опытный врач мог не спасти вас.— Старший медик показал жестом на небольшой куб: — Большинство приемов, которые мы используем, находится здесь. Пожалуйста, зайдите туда, разденьтесь и сядьте на стул.

Спустя четыре совершенно невероятных часа Карна отпустили из клиники. Служащий проводил его в маленький парк, расположенный на верхнем уровне здания порта. Унылый вид клерка и его короткая серебристо-серая шерсть не испугали Карна, как это случилось бы шесть лет назад. Шесть лет назад Гильдия еще не посылала «ХГ» на Старкер IV.

— Гильдия приглашает вас, сэр, подождать здесь ваших сопровождающих,— голос клерка был таким же пушистым, как его тело,— разыгралась буря, и они задержались в районе Цинна. Вы же знаете, что такое нарн, сэр.

— Да, я знаю,— нетерпеливо согласился Карн,— устройте мне, пожалуйста, разговор с замком.

Служащий кивнул и свернул на узкую улочку, отходящую от парка. Карн проводил его взглядом, а затем вышел на маленькую площадку, покрытую травой и цветами, из-за чего она казалась больше, чем была на самом деле. Яркая зелень парка резко выделялась на фоне окружавших его серых строений. В центре его, среди голубых сосен и кустарника с крошечными, нежными листочками, бил фонтан. Голубые сосны, которые были не выше Карна, когда шесть лет назад он уезжал в Академию, тянулись теперь к высокому, изогнутому каменному потолку. От каждой улицы к этому зеленому островку вели дорожки, сквозь брусчатку их робко пробивалась молодая трава. Невидящими глазами смотрел Карн на струи воды, то взбирающиеся вверх, то стремительно падающие.

Он думал о том, что Совет звал его домой: его отец и братья были убиты, теперь он становился главой Дома. Как погибла его семья? Кто убил их? Только Астен Харлан нанимал таких убийц, что они четырежды пытались убрать его, Карна, и не смогли этого сделать. А его отец, быстрый и умный Лхарр Трев, двадцать лет обманывал Харлана. Теперь все четверо мертвы, а он, Карн, не обучен управлению родом.

Кто-то дотронулся до его руки. Карн обернулся.

— Прошу прощения, сэр,— услышал он мягкий голос клерка.— Мы не можем связаться с замком Халареков с тех пор, как капитан вашего эскорта сказал, что они уезжают. Видимо, буря помешала сообщению.

Карн ощутил неясную тревогу, давно знакомое ему чувство, которого не заглушили и пять лет, проведенных в Академии.

— Связи с другими Домами тоже нет?— резко спросил он.

— Не знаю, сэр. Я приду за вами, когда вернутся ваши сопровождающие.

— Спасибо.

Лицо Карна оставалось спокойным — сказались годы работы над собой, но холодный пот выступил на спине: «Что-то случилось! А меня не было так долго, что теперь я даже не могу предположить, что же произошло!»

Карн снова взглянул на маленький уютный парк, стараясь отвлечься от бесполезного волнения. Лучше думать о чем-нибудь другом, пока не появится хоть какой-то информации. В доме Халареков нет таких садов. Когда более двадцати поколений назад замок Онтар и город были глубоко врезаны в камень, никто не позаботился о садах. Задачей колонистов было пережить суровые зимы на Старкере IV. Теперь в замке деревья и цветы растут только в шубах и ящиках на окнах. Карн побрел к краю фонтана, осторожно ступая по камням, чтобы не повредить нежную травку, и подставил руку под прохладную струю. Ритмичный плеск воды успокаивал. Здесь, во влажном воздухе, несмотря на работающие вентиляторы, чувствовался аромат свежей зелени. На мгновение Карн мысленно возвратился на Болдер, к его чудесной природе, его просторным зданиям с их стеклянными стенами и огромными окнами, круглый год любующимися деревьями, холмами и небом. Он ощутил острую, болезненную тоску.

— Ваш эскорт прибыл, сэр.

Голос служащего Гильдии прервал его мысли. Карн обернулся, ища глазами стоящих вдали «ХГ».

— Пойдемте, сэр.

Карн в последний раз взглянул на сверкающий фонтан и пошел за клерком вереницей коридоров, мимо складов, офисов, мастерских — к лифту. Двери захлопнулись, и, пока они не распахнулись на стартовой площадке, он мог видеть только изображенную на них красную ракету — гиро. Снег укрывал растущим сугробом навес над площадкой и сыпал оттуда непрерывным белым потоком. Карн дрожал и, крепко обхватив себя руками, пытался хоть немного согреться. Черный пучок из нескольких двухместных флиттеров приземлился на площадку, и девять человек в синей униформе Дома Халареков подошли к Карну. Старший из них (лицо его было изборождено шрамами — следами многолетней яхаррской службы) опустился перед Карном на одно колено, остальные последовали его примеру.

— Мир вам, повелитель.

— Мир вам. Встаньте. У нас много работы.

Старший поднялся, сделал шаг вперед и отдал честь:

— Капитан Симмс к вашим услугам, повелитель.

«Что он чувствует, служа мне — отвергнутому сыну Трева Халарека?» — подумал Карн, ощутив вспышку давнего гнева, с трудом подавляемую.

— Какой из кораблей мой?

Симмс кивнул на ближайший флиттер, а затем указал жестом на одного из солдат, темноволосого коренастого юношу с веселыми глазами и хитрой улыбкой. Тот отдал честь.

— Я ваш пилот, милорд.

Карн одобрительно кивнул и направился к кораблю, думая уже о том, как ему быстрее восстановить в памяти политические интриги Гхарров.

— Милорд, — вдруг резко окликнул его Симмс.

Карн остановился и обернулся. С плохо скрываемым нетерпением он ждал, что скажет офицер.

— Милорд, несколько часов назад люди Харлана осадили замок. Мы не можем доставить вас домой, милорд.

Карн опустил голову, сделав вид, что рассматривает ботинки. Он не хотел, чтобы люди увидели, как он напряжен. Харлан! Астен Харлан должен умереть, только тогда его, Карна, Дом станет самым могущественным! Полностью овладев собой, он поднял голову:

— Почему те, кто привез меня сюда, ничего не сказали об осаде? Я был еще на Болдере, когда Харлан объявил ее.

— Не было положенного предупреждения за сорок дней, милорд.

— Клянусь кровью моего отца! — Карн смотрел вверх, на серый свет над навесом площадки. Что означает эта осада? Должно быть, Дом Харланов теперь не в неумелых руках Астена, а в других, жестких и опытных, но чьих? Ричарда? Все святые хранят мой Дом, если старший брат Ричарда мертв!

Симмс откашлялся и заговорил:

— Дом Харланов имеет сейчас мощную поддержку в Совете, милорд. Как вам известно, по завещанию вашего отца Ларга стала регентом на шесть месяцев, до вашего вступления во власть. Многие в Совете воспротивились главенству женщины даже на столь короткий срок. Это нарушение всех традиций, милорд. Прошу прощения, господин, но Харлан решил воспользоваться этой частью завещания для захвата Дома Халареков.

Вывод из всего сказанного был один, хотя и не произнесенный вслух: открытое, нескрываемое презрение Трева Халарека к своему «слабому» сыну необычайно укрепило позиции Харлана. Губы Карна сжались в тонкую, горькую складку. «Да, отец, своим телосложением мы, моя мать, Катрин и я, не похожи на быков, но это не значит, что мы слабы. Вопреки твоей воле, я изучил основы

гхаррского права в Академии»,— думал он. Карн знал, что должен делать. Он повернулся к своим людям.

— Совет должен осудить незаконную осаду. Мы сейчас же идем на заседание Совета.

Решение это частично сняло его напряжение. Карн взошел на корабль и опустился в пассажирское кресло.

Пилот лишь мгновение находился за его спиной. Он проверил двери и переключатели, подал Карну теплую куртку и облачился в специальное снаряжение. Затем повернулся и протянул руку, как это было принято в семье:

— Меня зовут Ник, милорд. Николас фон Шусс.

Пожимая ему руку, Карн внимательно смотрел на пилота.

— Барон знает, что ты со мной? Даже одно то, что ты служишь у меня пилотом, может быть расценено как альянс твоего Дома с моим.

Фон Шусс улыбнулся:

— Да, он знает, потому что мы действительно союзники. Ведь кто-то должен поддерживать Дом Халареков. Если один Дом угрожает другому, как это делает Харлан, никто из нас не может чувствовать себя в безопасности. Вы готовы лететь, милорд?

Карн кивнул, застегивая скафандр и надежно закрепляя ремни. Горечь и гнев переполняли его. Даже информацию о том, кто был его союзниками, скрыли от него.

Флиттер и четыре корабля сопровождения поднялись в воздух, не дождавшись, когда ангар над стартовой площадкой откроется полностью, и, рассекая темноту, устремились в заснеженную ночь. Взошла луна, Тарвал, и в ее бледно-голубом свете расстилавшийся внизу пейзаж казался еще более холодным. Огромные белые перья снега летели с круглых холмов, извиваясь, кружась и танцуя на ветру.

Карн взглянул на фон Шусса:

— Жаль, тебя не было в отряде синих, когда я здесь жил. Ты бы летал с самим Лхарром, а это должность старшего офицера.

Ник засмеялся, и его заразительный смех напомнил Карну барона фон Шусса.

— Я всего несколько месяцев на службе у Дома Халареков, но я лучший пилот по эту сторону экватора, и именно это делает меня пилотом Лхарра. Ларга ценит людей за их способности, не за положение.

Слова его совершенно не казались бахвальством, а тот факт, что он был пилотом Лхарра, не позволял усомниться в их правдивости.

— Если ты в самом деле фон Шусс, а судя по твоим глазам и голосу, это действительно так, то почему же мы не встретились раньше?

Задав этот вопрос, Карн вдруг понял, что мог уже оказаться в ловушке у Харлана. Ведь он не знал никого из офицеров Дома Халареков. Осознав это, он напрягся, и рука его нащупала

спрятанный под курткой станнер. Это движение не ускользнуло от фон Шусса, он криво усмехнулся:

— Если бы я был человеком Харлана, вас давно не было бы в живых, милорд.

И тихо добавил:

— Вы не успели бы даже подержать в руках станнер. Моя мать,— продолжал он,— вышла замуж в Дом Кингслендов, и последние пятнадцать лет мы жили на юге экватора. Дядя Эмиль позвал меня вернуться два года назад, когда... Да ведь вы этого не знаете... Карл умер.

— Карл умер? Как?

— Его убил Гаррен Одоннел на дуэли. Это был жестокий поединок.

Внезапно Карн почувствовал себя очень старым. Карл фон Шусс был самым близким другом его брата Джерема. Теперь и он тоже мертв. Джерем, и Керэл, и Лиам, и Карл, и... Он тряхнул головой. Сейчас не время горевать — время действовать.

— Милорд, корабли на экране, идут быстро.

Карн приоткрыл люк. Сначала он увидел только голубой морщинистый лик луны и взвивающиеся снежные хвосты, а затем, оставляя багряный след, прошел тепловой луч. Заднее крыло ближайшего к флиттеру корабля сопровождения вспыхнуло и обвисло. В следующее мгновение пылающий корабль рухнул носом вниз.

— Держитесь, милорд. Спасательный костюм в ящике под сиденьем. Наденьте его и возьмите аварийный комплект. Мы не можем вступать в бой: они идут слишком быстро для флиттера. Если бы знали, что Харлан атакует, держу пари, мы бы так не влипли. Я буду снижаться дважды. Вот здесь какие-то развалины,— фон Шусс сильно толкнул флиттер,— где-то здесь. Так у вас есть шанс спастись, милорд.

Карн вскочил, натянул спасательный костюм, проделав все это с такой скоростью, какой он не помнил у себя ни на одном из занятий по аварийным ситуациям.

— Через грузовой люк во время следующего погружения, милорд.

Карн не обратил внимания на прозвучавший в нем возмущенный голос отца: он позволил подчиненному руководить собой. Стоя возле грузового люка, он прижимал к груди комплект аварийного снаряжения.

Небольшой серебристый флайер без опознавательных знаков прошел рядом и повернул назад. Карн смотрел на оставленный им след.

Фон Шусс быстро пошел на снижение, а затем резко взял вверх.

— Открывайте дверь. Руины слева от вас. Держитесь!

Карн сгруппировался. Сделав крутой вираж, флиттер стал снижаться, и Карн увидел багровую полосу на том месте, где то-

лько что был их корабль. Внизу простиралось заснеженное пространство с едва заметными редкими островками скал и насыпей камней и щебня.

— Давайте, милорд!

Раскачавшись, Карн с усилием разжал пальцы. Сильно ударившись о землю, он покатился и очнулся у подножия разрушенной стены. Дрожащий и испуганный, он тихо лежал в своем укрытии, глядя, как серебристые флайеры пикируют, охотясь за флиттером. Флиттер качнулся, выровнял курс и оторвался от преследователей, но тепловой луч коснулся его хвоста, и в следующее мгновение флиттер исчез в ослепительно белой вспышке света. Успел ли фон Шусс уйти? Карн не был уверен в этом — из-за непрекращающейся вьюги видимость была плохая. Флиттер загорелся, и два серебристых флайера без опознавательных знаков добили его. Снежные облака почти скрыли их из виду, а вскоре нельзя было разглядеть даже силуэтов.

Флиттеры без оружия на борту, флайеры без опознавательных знаков, внезапная осада. Гнев вспыхнул в душе Карна, страха не осталось. Эти приказы рассчитаны на то, что все погибнут. Во что бы то ни стало я должен выяснить, кто за этим стоит, и рассказать обо всем Совету.

Лунный свет проник сквозь завесу облаков, и Карн, пробираясь вдоль стены, двинулся на поиски двери, ворот или просто глубокой ниши — любого места, где можно было бы спрятаться от преследователей. Впереди он увидел темное пятно, оказавшееся лестничным колодцем. Карн оглянулся: его следы были почти заметены снегом, просвет между облаками снова заволокла пелена. Темнота и непрерывный снегопад, конечно, затруднят поиски. Карн прочел солдатскую молитву за тех, кто пал в этой битве, за фон Шусса, и повернулся к лестнице. Ступеней почти не было видно, но фонарик из аварийного комплекта мог служить ему маяком. Прижав снаряжение еще крепче к себе, Карн двинулся вниз, держась одной рукой за стену, нащупывая ногой каждую ступень, в надежде, что древние никогда не устраивали ловушек так близко к поверхности.

Шел он медленно, осторожно. Ветхие, проломленные ступени были завалены щебнем и покрыты сухим снегом. В распоряжении тех, кто ищет его, Карна, были прожектора.

Он облизал пересохшие губы. В любой момент прожектор мог осветить колодец, выхватив его из темноты. Внезапно камень под ногой осыпался, и, потеряв равновесие, Карн упал. Он летел в темноту, безуспешно пытаясь поймать выступ камня, ухватиться за что-нибудь, чтобы прервать этот страшный полет, но непрочные камни падали вместе с ним, обдавая его пылью, осколками и колючим снегом. Обессилевший Карн был совершенно беспомощен перед темной бездной.

Груда щебня высотой в человеческий рост остановила его. Он лежал очень тихо, пораженный тем, что еще жив. Во время падения он ушиб колени, локти и щеку, но оно защитило его от ветра. Карн прислушался. Должно быть, полет сопровождался грохотом, впрочем, он был слишком занят собственным спасением, чтобы заметить это. Он не уловил никакого движения наверху. Видимо, падающий снег скрадывал шум. Однако он тут же мрачно напомнил себе о том, что снег может смягчать и звуки погони, пока преследователи не проникнут непосредственно в лестничный колодец. Карн осторожно зашевелился. Он хотел, во-первых, проверить, цело ли аварийное снаряжение, а во-вторых, удостовериться в том, что, кроме порезов, царапин и синяков, других увечий не получил.

Он встал на колени, нащупал свой аварийный комплект и осторожно пополз вокруг груды щебня. Под ней не хватало по меньшей мере двух ступеней. Может быть, это вход в одну из шахт, оставленных предками? Карн оглянулся и не увидел над собой никакого света. Снежная буря продолжалась. Украдкой, пряча свет от глаз возможных преследователей, он направил луч фонарика на ступени. Внизу двух не хватает, а сверху руины скрывают вход на лестницу. Похоже, его положение не так безнадежно, как казалось. Карн выключил фонарик и стал осторожно пробираться в нижний коридор.

Двигаясь, он ощупывал стену пальцами. Через двадцать пять шагов руки его наткнулись на пустоту. Что это, угол или западня? Карн опустился на колени и ощупал пол перед собой, справа, слева. Кажется, прочный. Значит, угол. Он пополз вокруг, так же проверяя прочность пола. Когда Карн понял, что увидеть его, стоя у подножия лестницы, невозможно, он почувствовал себя в безопасности и сел, прислонившись к стене. Он прислушался. По-прежнему никого. Коснувшись хронометра, он узнал время и снова откинулся к стене.

«Харлан, должно быть, считает мой Дом совсем слабым,— с горечью думал Карн,— если организовал незаконную осаду и покушался на массовое убийство, вопреки всем законам кровной вражды. Неужели Совет теперь настолько во власти Дома Харланов, что они могут действовать, как захотят? Неужели Астен Харлан верит, что может уничтожить мою Семью до того, как Совет обо всем узнает? Нет, это слишком хитроумный план, и Астен — не единственный его автор. Он никогда не был мыслителем. Я должен прийти на Совет и рассказать обо всем, но если сейчас я и ускользну от убийц, то как я попаду туда? Собрание уже через три дня, а у меня нет никакого транспорта, кроме собственных ног».

Карн включил фонарь, луч его выхватил из темноты подножие

лестницы, отразился тусклым светом на стенах. Карн застыл, боясь шумом выдать себя.

— Сюда, милорд? — услышал Карн гортанный голос, принадлежащий, судя по манере говорить, рабу. В словах угадывалось сомнение.

— Я уверен, что видел, как он спрыгнул где-то здесь, Кранд,— прозвучало в ответ.

Карн почувствовал, что покрывается холодным потом: он узнал этот спокойный густой голос. Ричард Харлан. Он наследник, и потому пришел сюда сам, чтобы увидеть наследника Дома Халареков мертвым. Карн стоял очень тихо, придерживая металлические предметы на поясе, чтобы не было слышно ни звука. Мозг работал четко и быстро. Если преследователи спустятся в этот каменный коридор, нужно бежать. В любом случае он погибнет, но лучше навсегда остаться здесь, в руинах древнего колодца, чем испытать на себе изощренную жестокость Харлана.

— Я уверен, что он спрыгнул здесь, милорд,— продолжал раб,— хотите, я спущусь туда и посмотрю?

— А как ты думаешь, кретин?

Раб был достаточно туп, чтобы задавать хозяину вопросы, но не настолько туп, чтобы спорить с ним.

— Я... я... древние...

— Ты отказываешься выполнять приказ, Кранд? — голос Ричарда оставался мягким, и от этого все происходящее казалось еще более опасным.

— Но вы... вы не отдали никакого приказа, господин. Я... я просто подумал, что если Халарек был здесь, то должны остаться какие-то следы.

— Спустись и проверь, Кранд.

Карн увидел прыгающий луч света, затем последовал вскрик, и он услышал характерный шум падения. Наступила долгая тишина, после чего, судя по доносившимся звукам, солдат поднялся и продолжал движение по лестнице. Карн вжался в стену и затаил дыхание. Остались ли на ступенях его следы? Шаги раба гулким эхом отдавались в каменном подземелье.

— Я не собираюсь попадать ни в какие ловушки древних. Эти запутанные коридоры, эти ямы, провалы...— бормотал он не так громко, чтобы мог услышать Харлан, но вполне достаточно, чтобы слова его донеслись до Карна.

— Что ты там видишь? — в голосе Харлана звучало нетерпение.

Раб скользнул фонарем вдоль коридора.

— Здесь никого не было, милорд.

— Хорошо бы ты не ошибся. От этого зависит твоя жизнь.

Карн молился, чтобы страх раба перед древними лабиринтами оказался сильнее его страха перед казнью.

— Да я... я понимаю, милорд.

Человек прошел еще несколько шагов вниз по коридору, дер-

жа фонарь так, чтобы казалось, что он находится дальше. Через несколько минут Карн услышал, как он поднимается по лестнице. Харлан что-то говорил ему, но звук шагов заглушал его слова.

Карн еще долго стоял не шевелясь, потом сел, обхватив руками колени, и уронил голову. «Сам Ричард пришел искать меня!»

Отчаяние охватило его, придя на смену железному самообладанию, не покидавшему Карна с того момента, как он получил горестное известие от Совета. Здесь, во тьме и холоде подземелья, он заплакал. Карн плакал о своих погибших братьях — Джереме, Керэле и Лиаме, о себе, презренном и необученном третьем сыне в семье, который должен теперь расплачиваться за последствия кровной вражды, начатой еще его прадедом. Прошло много времени, прежде чем холод, проникший даже под спасательный костюм, вывел Карна из этого тяжелого состояния. Суставы ломило, пальцы рук и ног горели. Кляня себя за потерянное время, он достал аварийный комплект и с трудом (каждое движение причиняло боль) открыл его. Затем установил термоплитку и устроился поближе к теплу. Так он сидел, пока не стихла боль. Потом развернул двухместное укрытие, вынул капсулу с прессованным воздухом, с помощью которой наполнялись соединительные трубы, и залез внутрь вместе с термоплиткой и остальным снаряжением. Соединив термоплитку с вентилем, он вытащил пакеты с едой — стандартный набор продуктов для экстремальных ситуаций, все обезвоженное, все требует воды.

Карн закрыл глаза. Харлан и его люди, должно быть, ушли и продолжают поиски. Хотел ли он пойти на риск и выбраться наверх? Мысль о том, что придется снова идти по этим жутким ветхим ступеням, о том, что он может выдать себя и попасть в руки Харлану, страшно испугала Карна. Слишком долго его не было на Старкере IV. Чувство опасности, способность быстро и правильно реагировать в критической ситуации, инстинкт самосохранения — все это было не востребовано годами. Карн с горечью подумал, не потерял ли он окончательно этих навыков. А что с фон Шуссом? Если ему удалось избежать катастрофы, то сейчас он где-то там, в снежной буре. Как его командир и как человек, Карн чувствовал свою ответственность за Николаса, знал, что должен помочь ему, если только это возможно. И знал также, что такое чувство совершенно неуместно в этом мире. Карн открыл глаза и уперся невидящим взглядом в белую стену своего укрытия. Да, он мог терпеть голод, но не мог бездействовать. Он должен выйти отсюда. Он должен найти фон Шусса.

Захватив с собой фонарь и складное ведро, Карн осторожно выбрался из укрытия и прислушался. Вокруг стояла холодная тишина мертвого камня, сверху доносился свист ветра. Он выпрямился и двинулся по направлению к лестнице, нащупывая дорогу ногами и кончиками пальцев. У подножия ступеней он остановился, прислушиваясь. Не смягчаемый камнем, вой ветра казался пронзительным криком. Карн вспомнил нарновские ветры на

Старкерс IV, разметающие сугробы, срывающие ветки с деревьев, замораживающие несчастных попавших к ним во власть теплокровных.

По лестнице Карн взобрался на четвереньках: не хотел включать свет, чтобы не выдать себя. Когда руки его оказались на верхней ступеньке, Карн лег и снова прислушался, но, как и прежде, услышал лишь ветер. Огней не было. Он сполз с лестницы и, низко пригнувшись, стал слушать еще внимательнее и напряженнее. Затем очень тихо перелез через основание стены, придерживаясь за нее рукой. Металл позвякивал, соприкасаясь с камнем. Внезапно Карн остановился на полпути. Он услышал такой же звук, исходивший из-за высокого сугроба. Карн осторожно поставил ведро и вынул из-за пояса станнер, потом включил фонарь и направил его в сторону доносившегося звука. В ответ послышался скрежет, и знакомый голос произнес:

— Лорд Карн? Я...

Это был голос фон Шусса. Заснеженная глыба чуть приподнялась от земли и тяжело рухнула. Карн пошел было к человеку, но вспомнил об уроках недоверия и подозрительности, которые, за ненадобностью, успел забыть за шесть лет, проведенных в других мирах. Он остановился. Никакого движения больше не было в снежной, метельной ночи. Если он никого не видел, то и его тоже никто не видел, а значит, не мог убить. Кроме фон Шусса. Нет, это невозможно. Фон Шуссы всегда были друзьями Халареков. Карн положил станнер в футляр и бросился сквозь снег к фон Шуссу.

— Фон Шусс! Фон Шусс! — он тряс лежащего, но тот не отвечал. Карн направил на него фонарь. Фон Шусс лежал без сознания, вцепившись в ремень своего аварийного комплекта. Ткань намокла и обтрепалась.

«Он тащил его по земле!» — Карн, с трудом перехватив фонарь в зубы, быстро ощупал фон Шусса. Из правого рукава торчала кость.

— Господи! — прошептал Карн, снова ощутив в руке когда-то пережитую боль, и слегка потер снегом место давнего перелома. Он вспомнил, как недоволен был отец тем, что после перенесенной травмы Карн очень ослаб. Ему было тогда семь зим от роду.

Очень медленно и осторожно Карн дотащил раненого до лестницы и, сев на верхнюю ступеньку, положил фон Шусса спиной себе на грудь и заскользил вниз. Рука пилота, державшая аварийный комплект, не разжалась ни на миг. Спустившись, Карн соединил два укрытия, свое и фон Шусса, чтобы было помещение для приготовления еды, наложил шину, сделанную из опоры термоплитки, на раненую руку, включил плитку на полную мощность, чтобы согреть полузамерзшего фон Шусса, и укутал Ника в свой спальный мешок. Затем Карн вернулся наверх за ведром и набрал в него снега. В пути ему послышался шум летящих флайеров, но огней видно не было. «Дом» постепенно наполнялся теплым паром и ароматом разогреваемой пищи. Сняв котелок с плитки,

Карн налил себе кружку клэга и осторожно отхлебнул, но горячая жидкость обожгла язык.

«Три дня, только три дня осталось до заседания Совета, а я здесь, откуда за три дня можно добраться туда пешком здоровому человеку, в нормальную погоду. И со мной раненый фон Шусс,— размышлял Карн. Он посмотрел на пилота:— Я могу оставить его здесь и прислать за ним кого-нибудь из Совета. Если он доживет... Так поступил бы отец. Но если буря усилится, если Совет отвергнет регентство моей матери...» Карн сделал еще глоток, неподвижно глядя на поднимающийся от котелка пар. Вдруг веки фон Шусса дрогнули. «Он спас мне жизнь,— решительно сказал себе Карн,— мы пойдем вместе, только вместе, как-нибудь».

Фон Шусс открыл глаза:

— Значит, мне не привиделось... Вы нашли меня,— голос был слабый, прерывающийся, неуверенный.

— Не преувеличивай. Я просто вылез набрать снега и чисто случайно тебя услышал. Я боялся, что люди Харлана все еще наверху. Я, сын Трева Халарека, прятался во тьме этих развалин, потому что боялся!

Повисла долгая пауза. Затем фон Шусс заворочался в спальнике и с усилием сел. Он пристально посмотрел на Карна своими серьезными темными глазами.

— Страх — это еще не преступление, милорд. Преступление — когда, охваченный страхом, человек совершает подлость; когда его подчиненные видят, что он трусит. То мужество, та сила, с которыми командир преодолевает страх, выиграли не одну битву.

Фон Шусс попытался освободить раненую руку, вздрогнул от боли и тихо выругался.

— Харлан! Астен уже не тот, а Ричард берет бразды правления раньше времени. Знал бы об этом его отец!

Он посмотрел вниз на тонкий матерчатый пол, потом поднял глаза к потолку, нависавшему всего в нескольких сантиметрах от его головы.

— По дороге сюда я столкнулся с двумя солдатами Харлана. Они посадили флиттер. Я убил их, но один, падая, ударил меня по раненой руке, и я отключился. Не знаю, долго ли я был без сознания, но было чертовски холодно, когда я очнулся и услышал вас,— при воспоминании об этом его пробирала дрожь.— Пахнет клэгом?

Карн кивнул и налил ему кружку. Пока Ник пил, Карн положил себе жарко́го и, глядя на поднима́ющийся над тарелкой пар, мечтал о тихом, солнечном Болдере. Он должен был вернуться домой. Как бы ни сильна была его ненависть к клановости, кровной вражде и интригам на Старкере IV, он должен был вернуться домой. Иначе его Дом и Владения будут разгромлены.

«Третий сын и четвертый наследник,— с горечью думал Карн,— а если бы женщина имела право наследования, отец поставил бы и Кит впереди меня в завещании. К тому, что она похо-

жа на мать и комплекцией, и характером, он относился спокойно».

Боль от сознания всего этого была сейчас острее, чем когда-либо. Пять лет, проведенных в Академии, где к нему относились как к самостоятельной личности и судили о нем по его собственным качествам и знаниям, несколько отодвинули и притупили воспоминание об отцовском презрении. Теперь эти переживания вновь ожили в нем.

«Хорошо же, третий, отвергнутый сын своего отца спасет Дом от рук Харлана, если это спасение вообще возможно»,— мысленно пообещал себе Карн, и губы его сжались в тонкую жесткую складку.

— Милорд?

Он поднял глаза. Пилот смотрел на него серьезным, изучающим, долгим взглядом. Карн улыбнулся, пытаясь скрыть свои чувства, но улыбка получилась похожей на кривую гримасу.

— Не кажется ли тебе, что это слишком глупо, когда один наследник называет другого «милорд?»— спросил он.

Фон Шусс поднял бровь:

— Я ваш младший офицер, Карн Халарек.

— Мне сейчас нужен друг... Гораздо больше, чем младший офицер,— пробормотал Карн. Это были мысли вслух, вырвавшиеся непроизвольно, и Карн не мог заставить себя взглянуть на собеседника, боясь увидеть, какое впечатление произвели на того его слова — второе нарушение гхаррского этикета за такое короткое время.

«И это старший воспитанник Альтаирской Академии Посредников? Юнга, который никогда не показывает своих чувств, не поддается им?»— с насмешкой думал Карн.

Фон Шусс кашлянул в нерешительности:

— Ну, если так, то...— голос был хриплым.

Карн посмотрел на него, но фон Шусс не отвел смущенно глаз, как того ожидал Халарек. Нет, глаза его сияли, и в них играли искорки доброго смеха.

— Значит, так и будет. Дружба, «милорд». Что вы собираетесь теперь делать?

— Как-нибудь попасть на Совет. Ближе всех к нам владения Харланов. Может быть, мы сможем проникнуть туда и украсть один из флайеров.

Фон Шусс усмехнулся:

— Пройти сейчас через пустыню Цинн? Это смешно! Нет, мы не сможем достать флайер,— он вздохнул.— Мне нравится это «мы»! Твой отец бросил бы меня здесь или убил, чтобы я не мешал ему в пути. Я не задержу тебя, Карн. В комплекте есть обезболивающие. Я продержусь.

И он держался. Буря стихла, когда они выбрались наверх, но небо было по-прежнему серым, а воздух оставался холодным. Бледный, бело-зеленый диск солнца едва вырисовывался. Разме-

тая снег, ветер гнал его по земле, поэтому заносов не было, и путники шли легко, а быстрый шаг спасал их от холода. Говорили мало, чтобы слышать шум приближающихся флайеров. И несколько прошло над ними: маленькие, юркие, без опознавательных знаков, серебристые флайеры прочесывали пустыню в поисках заблудившихся. Каждый раз, заслышав знакомый звук, они бросались в снег лицом вниз, чтобы белые спины костюмов сделали их незаметными, слившись со снежным покровом. И каждый раз при приближении флайеров Карн ждал смертельного луча. Фон Шусс ни словом не напомнил о своей боли, не просил сбавить шаг. Три дня шли они под открытым небом по пустыне, останавливаясь лишь для того, чтобы передохнуть, согреться, для еды и сна. Шли, движимые необходимостью не опоздать на Совет. Наутро четвертого дня, дня открытия Совета, Карн и фон Шусс, взобравшись на невысокую гору, отделявшую Владения Халареков от пустыни Цинн, спустились на территорию Владений.

— Флайер! — пронзительно крикнул фон Шусс.

Путники бросились на землю, и он пролетел мимо.

— «Зеленые» Харлана,— отметил фон Шусс,— *здесь* флайеры в форме армии Харлана. Должно быть, его посты где-то рядом.— Они быстро двигались по предгорью, вдоль речного русла, где снег был не очень глубоким. Над ними часто появлялись флайеры, и тогда приходилось прятаться за выступы берега или падать лицом в снег. Наконец они увидели крышу замка Онтар и город, окруженный войсками Харлана. Онтар был самым центром, сердцем Владений. Выглянуло солнце, и отвыкшим от яркого света глазам было больно смотреть на заискрившийся снег. Карн рванулся вперед.

— Уже полдень. Совет сейчас откроется. Нужно быстрее найти флайер.

Они спустились по западному склону и стали пробираться сквозь голубые сосны туда, где, как казалось с высоты, находилось внешнее кольцо осады. Карн целиком полагался на знания и опыт фон Шусса, надеясь, что тот сумеет определить места посадки флайеров Харлана. Собственный же его военный опыт ограничивался лишь практическими занятиями в Академии, полевыми играми на Болдере да книжной теорией.

Друзья двигались молча, прислушиваясь к человеческим голосам и звуку моторов. Карн чувствовал, как уходит время. Вопрос о правлении Домом Халареков должен быть одним из первых в повестке заседания Мирового Совета.

— Тсс! — предупреждающе прошептал фон Шусс.

Карн вздрогнул. Под ними, в кювете, опершись о серебристый флайер, стояли два солдата в зеленой форме армии Харлана. На поясе у них висели зачехленные лучеметы.

— Серебристый! — прошептал Карн.— Они!

Он жестом велел фон Шуссу оставаться на месте, а сам подполз к краю кювета и заглянул вниз. Пока он смотрел на солдат,

один из них достал фляжку и показал напарнику на удобное нижнее крыло флайера. Карн вернулся к фон Шуссу, который, воспользовавшись паузой, отдыхал, прислонившись к сосне и обняв рукой красный потрескавшийся ствол.

— Ты же совсем без сил, Ник.

Пилот улыбнулся усталой, вымученной улыбкой:

— Почти. У нас есть стимуляторы. Это поможет мне еще немного пройти.

— «Часовые» ничего не заметили. Лучеметы у них зачехлены, и сейчас они что-то выпивают.

Фон Шусс проглотил маленькую белую таблетку и с трудом оттолкнулся от дерева. Качнувшись, он схватился за ствол, чтобы удержаться.

— Таблетка подействует через несколько минут, милорд.

— У меня нет нескольких минут, Ник. Подожди немного здесь, а потом иди за мной.

— Но их двое.

— Их двое. Но ты совершенно не в состоянии мне помочь. У тебя ноги заплетаются от слабости. Каждый миг, проведенный здесь, уменьшает мои шансы попасть на Совет до принятия решения. Представляешь, какие сказки рассказывают там Харланы! Или, может быть, утешают мою мать, потерявшую наследника, якобы пропавшего в бурю. Я сниму этих часовых, Ник. Я должен.

Карн крался между деревьями. Если бы он на самом деле чувствовал себя таким уверенным, каким только что показал себя в разговоре с фон Шуссом! У края кювета он нагнулся и осмотрелся. «Они плохие стратеги», — подумал Карн. Слева от него росли мощные деревья, почти достигавшие борта флайера. Хороший солдат не расположит своих позиций в такой досягаемости для противника. Карн обошел деревья. Снег сухой, не сыпучий, значит, если наступить, не покатятся вниз по склону мелкие предательские комочки. Несколько минут он смотрел сквозь ветви на флайер; солдат видно не было. Он волновался. Вышел из-за деревьев. Часовые кончили выпивать и теперь стояли у носа машины, глядя в сторону Карна. Услышали ли они что-то? А может быть, видели Ника? Карн сел, опершись о ствол, настроил свой станнер на большую дальность и выпустил луч в солдата. Потом побежал к ним. Кровь стучала в висках медленно, но четко.

«Мягкий! Слишком мягкий, чтобы убить их! Твоя мягкость тебя погубит!» — шептал ему голос отца. Стараясь не обращать внимания на это предостережение, Карн нагнулся, чтобы снять с солдат форму.

Фон Шусс спустился вниз по склону и ухватился за край крыла, чтобы не упасть.

— Мертвые? — он кивнул на две застывшие фигуры.

— Нет. Возможно, их найдут раньше, чем они окончательно замерзнут.

Карн помог фон Шуссу забраться в флайер. Внутри него они переоделись в форму Харлана. Халарек накинул китель на плечи пилота так, чтобы шина была хорошо видна, затем откинулся на спинку сиденья и осмотрел Ника.

— Пойдет. Придумай какую-нибудь легенду, как ты был ранен во время осады, или что-нибудь в этом духе. Мы везем важные новости лорду Астену. Если даже его люди ищут нас на Совете, в чем я сомневаюсь, он совершенно не ожидает увидеть нас в форме своих.

— Ты пойдешь к Астену Харлану? — недоверчиво спросил Ник.

— Ты пойдешь. Я много бы отдал за то, чтобы сказать Ричарду в лицо, что он не смог убить меня, но, боюсь, после того, как он узнает меня, мне не прожить и нескольких секунд. Это был бы глупый риск. Я везу известие для Дома фон Шуссов о судьбе его наследника.

Фон Шусс усмехнулся каким-то своим мыслям.

Карн пристегнул себя и Ника ремнями и, подняв флайер из кювета, взял курс на посадочную площадку Совета.

— Этому взлету несколько не хватает мастерства.

Не обратив внимания на юмор сказанного, Карн серьезно ответил:

— Не летал с тех пор, как не был здесь. Необходимости не было. — Он включил автопилот и потянулся к блоку контроля, когда затрещала рация:

— Тридцатый. Тридцатый. Куда это ты направляешься?

Карн бросил быстрый взгляд на фон Шусса, тот пожал плечами. На мгновение Халарек закусил губу, затем подался вперед и заговорил:

— Летим к Совету. Мы перехватили информацию от спецпатруля над пустыней Цинн. Вы же знаете, лорд Ричард приказал докладывать немедленно, по секретным каналам.

— Да, это приказ. Не болтайтесь там на обратном пути. Если Халарек обнаружит...

— Есть, сэр. Мы пройдем тихо, — Карн отключился от связи.

— Удачные совпадения, милорд, — сказал фон Шусс, удобнее устраиваясь в кресле.

— Да, действительно повезло. Надо было просто упомянуть Ричарда. Этого было бы достаточно. Я пошел на слишком большой риск. Мне бы надо было это знать. Если бы этакого приказа не было, нас бы уже окружили флайеры.

Карн поставил автопилот на контроль и откинулся на спинку кресла. Несколько минут он молчал, наслаждаясь тем, что можно просто сидеть, потом повернулся к фон Шуссу:

— Теперь поговорим о деле. Я никогда не был на Совете, а нам нужно внезапно остановить заседание.

— Никогда не был на Совете?

— Мой отец был уверен, что я никогда не буду править, и не

считал нужным брать меня с собой. Кроме того, у меня было три брата.

— Но ты ведь не самый младший?

— Нет,— ответил Карн, своим тоном давая понять, что тема исчерпана.

Солдаты Одоннела слонялись вокруг здания Совета, наблюдая за спешащими на собрание участниками. Некоторых останавливали, чтобы поговорить, или — изредка — для беглого досмотра. Карн и Ник видели, как жертва такого обыска, кипя негодованием, скрылась за дверями лифта. На помрачневшем лице фон Шусса Карн прочел возмущение таким грубым попранием нейтралитета, которого придерживались в Совете. Халарек же был уверен, что его собственный гнев оставался незаметным. Академия прекрасно вышколила его.

— Ты все еще хочешь попробовать, Карн?

— Не называй меня по имени,— тихо предупредил Халарек,— у меня нет выбора, я иду туда.

Вложив станнер в кобуру, он твердым шагом направился к лифту, шепнув фон Шуссу:

— Постарайся выглядеть представительным. Мы спешим. У нас известие особой важности для лорда Астена.

Люди Одоннела преградили им путь. Дежурный префект встал в дверях лифта, скрестив руки на груди, и смерил Карна презрительным взглядом. Послышался смех солдат. Халарек окружил себя воображаемой стеной официальности. Это производило эффект — он уже использовал такой прием несколько раз, когда не удавались переговоры,— и успешно, но теперь это все в прошлом. Карн уже чувствовал, как страх овладевает им, как бешено стучит сердце. Он торжественно приблизился к префету и резко приказал:

— Отойдите! У нас послание особой важности для лорда Астена! Это приказ лорда Ричарда!

Префект выглядел уже не столь уверенным.

— Отойдите!

Префект отступил с дороги. Карн ворвался в лифт и нажал кнопку нужного уровня. Вся его официальность исчезла, как только захлопнулись двери; он в изнеможении прислонился к стене.

— Боже мой, Карн, ты сразил этого префета наповал!

— Это испытанный трюк,— ответил Карн отрешенно, а затем гневно продолжал:

— Обыски! И это частная армия Совета! Что же творится с законом?

— Да, плохо дело,— мрачно заключил фон Шусс.

Лифт стал двигаться медленнее. Они подъезжали к уровню Палаты Совета. Снова вспомнив, как его учили в Академии, Карн сделал несколько глубоких, медленных вздохов, чтобы справиться с яростью. *Хороший офицер-пацифик никогда не демонстрирует своих эмоций. Во многих мирах подобные демонстрации по-*

зволяют одной или другой стороне почувствовать превосходство. Глубокое, медленное дыхание оказывало свое действие. *Хороший морской офицер никогда не демонстрирует своих чувств. Он использует их под должным умственным контролем как стимул для решительных действий.* Двери лифта открылись, и друзья очутились в окружавшем Палату холле, украшенном великолепной мозаикой, выполненной в сине-зеленых тонах. На выходе Карн на секунду задержался. «Эффективные действия,— повторил он про себя.— Господи! Моя академическая подготовка — это все, что у меня есть. Да поможет она моему Дому!»

Фон Шусс здоровой рукой достал из кармана еще одну таблетку и проглотил.

— Последняя.

— Все решится так или иначе раньше, чем кончится ее действие, Ник.

Пройдя через массивные двойные двери, они вошли в круглый зал Палаты и остановились, чтобы оглядеться. Яркий верхний свет придавал контрастность деталям окружающей обстановки.

Председатель сектора Дюк де Ври стоял, подавшись вперед, опираясь на глянцевито-блестящую крышку стола и устремив взгляд на говорившего Лхарра Тимкина Одоннела. На стене, над головой Председателя, находился трехмерный экран. Слева располагались полупустые зрительские трибуны. Скамьи малых Домов, справа от Председателя, были почти полностью заняты. Лорд одного из этих Домов стоял, ожидая своей очереди выступать. Напротив прохода, отделяющего места Девяти Семей от остальных, находились скамьи Дома Халареков. Этот сектор был удручающе пуст. В первом ряду и за столом Главы Дома и его ближайшего окружения не было никого, а на скамьях сидели несколько представителей небольших отдаленных владений. Фон Шусс положил здоровую руку на плечо Карна, желая ободрить друга в тяжелую минуту, и, постояв так мгновение, направился к скамьям Дома Харланов. Карн же, услышав неодобрительный гул, который прошел по рядам Дома фон Шуссов при появлении невдалеке от них солдат в зеленой форме, быстро зашагал туда.

Тем временем Лхарр Одоннел говорил:

— Как и все остальные представители Девяти Семей, Дом Одоннелов сожалеет о смерти во время бури молодого наследника Карна Халарека. Как ни печально, но Дом остался без главы. Единственные уцелевшие в роду мужчины, сыновья Керэла Халарека,— совсем еще дети, и не могут наследовать власть в такой трудный час, поэтому Семья Халареков не принимает участия в этой дискуссии.

Одоннел небрежно махнул рукой в сторону пустующих скамей Дома Халареков.

Карн внутренне напрягся, но не взглянул на выступающего. Конечно, Лхарр Одоннел не мог не знать об осаде и о том, почему Халареки не присутствуют на Совете. Даже Карну было известно,

что Семьи Одоннелов и Харланов — ближайшие союзники уже в десятом поколении.

Карн остановился позади первого ряда скамей фон Шуссов и стоял, глядя на лысую голову барона.

Одоннел продолжал:

— Несмотря на свое горе, потерю мужа и сыновей, Ларга должна была бы присутствовать здесь с одним из родственников-мужчин, который выступил бы от ее имени и от имени Дома. Неужели она действительно думает, что мы допустим ее к власти в Доме, что бы там ни говорилось в завещании? — Гневный шепот прошел по рядам. «Нет женскому правлению!» — выкрикнул кто-то. Барон фон Шусс отчаянно замотал головой. В этот момент Карн тронул его за плечо. Барон обернулся и побагровел при виде зеленой формы:

— Ваш хозяин...

— Эмиль,— Карн приподнял шлем, чтобы тот мог видеть его лицо и золотые, выдающие Халарека, глаза.

В один миг гнев барона исчез, он попытался подняться с места, но Карн, приложив палец к губам, сделал знак молчать. Барон снова сел и подвинулся, уступая ему место рядом. С соседних скамей послышался шепот любопытствующих. В это время Ник, пройдя через зал, остановился возле секции Семьи Харланов. Слегка коснувшись руки барона, Карн едва заметно кивнул в сторону младшего фон Шусса. Эмиль, напряженно вдохнув воздух, пробормотал:

— Он не погиб в Цинне. Мы слышали передачу с Гильдии. Там говорилось о воздушном бое над Цинном. Ведь я знал, что Ника называли пилотом Лхарра...— голос его дрожал.

— Мой дом осажден. Вот почему не было известий от Халареков.— Они снова посмотрели на сектор Харланов. Ник отмахивался от бойцов в зеленом, которые предлагали свою помощь раненому товарищу. Он медленно шел к столу Главы Дома Харланов, каждым движением подчеркивая, как он болен и измучен. Приблизившись, Ник наклонился и шепнул что-то лорду Астену, а затем отступил к задним рядам скамей Семьи Джастинов. Подняв зеленый шлем, он стоял, отвернувшись от Харлана.

Даже сидя напротив, на таком дальнем расстоянии, Карн мог видеть победное выражение на лице Астена и подозрительное — на лице его сына. Дюк резко повернулся к Ричарду и быстро заговорил. Все больше и больше глаз смотрели уже не на выступающего, а на Астена и таинственно шептавшихся в задних рядах молодых Джастинов. Ник и Карн незаметно обменялись знаками, и младший фон Шусс скинул зеленый китель. Зал заволновался, Джастины и фон Шуссы бросились к нему.

Председатель постучал по столу, призывая к тишине:

— У нас есть оратор. Что все это значит?

Ник поднялся:

— Николас фон Шусс, Дом фон Шуссов, милорд. Только что

я сообщил лорду Астену, что наемные убийцы, посланные им для уничтожения флиттеров Халарека над пустыней Цинн, успешно справились со своей задачей.— Потрясенный зал замер, задохнувшись от изумления. Выдержав паузу, фон Шусс продолжал:

— Я не сказал только, что двое остались в живых, господа. Двое из девяти. Я, наследник Дома фон Шуссов — один из них, а другой — Карн Халарек.

В зале началось невообразимое: все обсуждали происшедшее, повторяя и комментируя друг другу слова Ника, многие кричали, вставая с мест и грозя кулаками в сторону Харланов.

— Халарек мертв! — выкрикнул кто-то.

Пилот сделал знак, и его друзья Джастины встали вокруг него. Гордо подняв голову, он указал на первый ряд Семьи фон Шуссов:

— Он здесь! Халарек жив!

Глава третья

Карн стремительно вскочил на ноги и сбросил шлем и китель. Шлем с шумом покатился по гладкому полированному полу к столу Председателя. Звук казался гулким в наступившей внезапно тишине. Карн стоял, прямой и гордый, медленно поворачиваясь, чтобы все увидели его золотые глаза, глаза сына Ларги. Зал загудел, пришел в движение. Представители Халареков прыгали от радости и кричали:

— Халарек жив! Халарек жив!

Все размахивали руками, потрясали кулаками, спорили. Друзья Дома Халареков пробирались по рядам к Карну.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — призывал Председатель, но его возгласы тонули в нарастающем гаме.

Ник в сопровождении молодых Джастинов пытался пробиться к скамье фон Шуссов. Победно улыбнувшись Карну, он сел рядом на заранее приготовленное место. Джастины с трех сторон окружили Карна.

— Мы хотим, чтобы вы жили, милорд, чтобы вы поведали всем вашу историю.

— Спасибо,— сердечно ответил Карн, не отрывая глаз от происходящего в центре зала. Он лишь мельком увидел Ричарда Харлана, и толпа скрыла того от Карна. Наследник Харланов был разъярен. Со всех сторон по-прежнему доносились крики. Голова Халарека гудела от шума, запахов, яркого света и непрерывного движения в зале. Внезапно свет погас. Отовсюду послышались короткие возгласы удивления, затем все стихло. Карн слышал дыхание своих соседей и шуршание работающих вентиляторов. Молодые Джастины теснее окружили его, несколько человек встали впереди.

— Когда вы успокоитесь, господа, свет зажжется, и мы подве-

дем итог собрания,— жестко прозвучал в тишине голос Председателя.

Никто не шевельнулся, не заговорил. Де Ври дважды стукнул молотком по столу, и вспыхнул свет. Лорд Астен поднялся. Сын тянул его за рукав, но тот не обращал на него внимания.

Дюк поклонился Председателю. Лицо его горело и блестело от пота, он тяжело дышал.

— Это подлог! Карн Халарек погиб на борту «Альдефары». Капитан подтвердит это клятвой! Этот парень — самозванец!

Благодаря хорошей акустике его прерывистое дыхание слышал весь зал.

— Вы же знаете Халареков! Разве у них могут быть стройные, тонкие в кости сыновья?

— Нет! — взревели ряды Харланов и Одоннелов.

— Трев Халарек ни разу не приводил своего третьего сына на Совет. Фактически он сослал его на Альтаир, как только ребенок достаточно вырос для того, чтобы отправиться туда без сопровождающих. Кто из присутствующих здесь знает, как этот самый третий сын выглядит?

Всего несколько человек помнили Карна, да и то совсем маленьким. «Теперь наш Дом расплачивается за твое тщеславие, отец. Даже мои вассалы не узнают меня»,— с горечью думал он.

— Он умер в космосе, господа, как я и сказал. Капитан Телек подтвердит мои слова.

Дождавшись, когда стих гул в зале, Карн вышел и встал возле стола Председателя, повернувшись лицом к де Ври. В знак уважения, по обычаю, существующему в Федерации, он коснулся лба и сердца. Затем обратился к представителям Девяти Семей. Даже начав говорить, Карн слышал голоса, доносившиеся со стороны Харланов и Одоннелов. Это непрекращающееся перешептывание подчеркивало союз двух Домов. Карн выпрямился и гордо поднял голову, как подобает истинному Лхарру.

— Гильдия может не сказать правды Харлану. Спросите Первого Купца. Я должен был умереть в космосе, господа и граждане. Сейчас «Альдефара» находится над нами на орбите и ждет исследовательского патруля. На борту корабля были наемные убийцы, а вы знаете, джентльмены, как относится к подобным вещам Гильдия.

Он медленно зашагал по кругу, оглядывая ряды Свободных граждан, малых Домов и скамьи Девяти Семей.

— Посмотрите на мои глаза, господа и граждане. Это глаза моей матери. Из всех Гхарров только у моей матери, моей сестры и у меня такие глаза. Это всем известно.

По залу прошелестел одобрительный шепот, и это придало Карну сил.

«Меня поддерживают не одни фон Шуссы!» — подумал он, чувствуя прилив бодрости.

Ричард Харлан, наклонившись к отцу, что-то прошептал. Дюк

замотал головой, вскочил на ноги и, ткнув трясущимся пальцем в сторону Карна, заорал:

— У него же специальные линзы, которые изменяют цвет глаз! Такие легко найти в других мирах.

Ричард скривил рот от отвращения и, отвернувшись от отца, скрестил руки на груди. Маркиз Гормсби поднялся со своего места и, обойдя вокруг стола, остановился перед ним.

— Я не друг Халареков, как вам известно, Астен Харлан, но я не дурак. Мы здесь Семья, а не рабы, и не позволим себя дурачить! Ваш Дом и так за последние дни наделал столько глупостей, что их хватит на целое поколение!

Маркиз демонстративно повернулся к Харлану спиной и прошел на свое место.

— Милорд, я могу говорить?— обратился Карн к де Ври.

Председатель кивнул, и Карн повернулся к Харлану.

— Милорд, мы оба знаем, что сейчас вопрос не в том, кто я. Вопрос в том, кто послал наемных убийц и организовал осаду замка.— На мгновение все затаили дыхание, а затем по залу прошел шепот, в котором то и дело слышалось слово «осада». Карн дождался тишины и заговорил тихо, обостряя таким образом внимание слушателей:

— Харланы пытаются отвлечь вас, господа и граждане, чтобы защитить себя. Флайеры без опознавательных знаков, направленные Ричардом Харланом, чей голос я сам слышал, атаковали меня над Цинном, сбили мой флиттер и все мое сопровождение. В осажденном городе, в замке, окруженном войсками Харлана, Халареки не могли никому сообщить, что...

— Нарушен порядок ведения собрания,— вмешался Ричард Харлан.

— Что вы хотите сказать, милорд?

— Господин Председатель, Карн Халарек не является членом Совета, а потому не имеет права говорить.

Поднялся молодой представитель Дома Джастинов:

— Синкойд Джастин, милорд. Человек имеет титул и положение по праву крови, а не с разрешения Совета.

— Он пока несовершеннолетний,— спокойно поправил Ричард.

— Он законный представитель своего Дома,— возразил Синкойд.

— Господа,— начал Председатель,— вы только что говорили о порядке, а никто из вас не заметил, что Фрем Дейвин Рид встал со своего места.

— Свободный гражданин!

— Этот вопрос касается только Семей.

— Какое дело гражданам...

— Дайте ему сказать,— гаркнул де Ври.

— Благодарю, милорд,— Дейвин Рид прошел на место оратора. Он был в традиционных чулках и сорочке с коротким рукавом.

Нагрудный знак свидетельствовал о том, что он был бургомистром свободного города Лока.

— Свободные граждане, господа, представители малых Домов, право Карна Халарека на титул и положение в Совете — это дела Домов и только их, но он говорил об осаде, а это уже наше дело.

Ричард Харлан снова поднялся и вежливо поклонился Председателю и Риду:

— Фрем Рид, мы, члены Девяти Семей, ценим стремление Свободных граждан защищать законы кровной вражды, но это не столь значительный вопрос, его можно решить путем обсуждения и переговоров.

Безупречные манеры Харлана-младшего, его почтительная речь покорили представителей старшего поколения некоторых Семей, они одобрительно кивали и улыбались. Глядя на них, Карн надеялся, что кто-то из них, может быть, смеялся над юношеской пылкостью и заносчивостью Ричарда, а вовсе не разделял его позиции.

— Нарушение, — чуть слышно выдохнул барон фон Шусс.

Рид наклонился к микрофону:

— Я не уступал трибуны никому, милорд Ричард.

Дейвин холодно посмотрел на наследника Харланов. Глаза Ричарда сузились, губы сжались, он пожал плечами и сел.

— Спасибо, — сухо сказал Рид и продолжал:

— У нас есть законы, которые управляют кровной враждой, это необходимо для безопасности остальной части планеты. Мы, Свободные граждане, поддерживаем наш нейтралитет, лишь добиваясь всеобщего повиновения этим законам. В данном случае не было ни предупреждения об осаде, ни сорокадневного перемирия для эвакуации гражданских лиц, ни призыва к медиации. *Не должно быть никаких незаконных блокад!* Свободные граждане настаивают, чтобы молодому Лхарру дали слово.

Де Ври развернулся в кресле, чтобы видеть Харланов:

— Вы допустили нарушение. Мы сейчас не обсуждаем положения Халарека в Совете. Он утверждает, что стал свидетелем осады и пережил незаконное нападение наемных убийц. Он может говорить как свидетель, и его возраст не имеет значения. Лорд Карн.

Карн обратился непосредственно к Председателю:

— Когда мой флиттер был сбит над пустыней Цинн, спастись удалось только пилоту фон Шуссу и мне. Три дня мы шли до моих Владений для того только, чтобы увидеть осажденный войсками Харлана замок Онтар.

— Лгун! — закричал Астен Харлан.

Карн оглядел сидящих в зале представителей Девяти Семей, от Кингслендов до Харланов.

— Мы украли флайер, фон Шусс и я, чтобы попасть на Совет. Флайер был серебристый, без опознавательных знаков на борту,

точно такой же, как те, что напали на нас в Цинне, только охраняли его люди в этой форме.

С этими словами Карн отправил зеленый китель туда, где уже валялся шлем,— на середину зала.

— Вы все видели, что Харланы приняли нас за своих, когда мы вошли. Какие еще нужны доказательства?

Он подождал, пока стихнут гневные возгласы, вызванные его вопросом.

Халарек еще больше выпрямился и стоял, оглядывая зал, чтобы определить реакцию членов Совета на сказанное. Главы каждого из Домов совещались со своими семьями. Среди граждан и малых Домов наблюдалось непрерывное движение. Некоторые, поворачиваясь во все стороны, шептались с соседями. Многие с нескрываемым гневом глядели на Астена Харлана.

Карн обратился к Свободным гражданам:

— Всем вам известна давняя вражда Харланов и Халареков. Однако до сих пор она никогда не выходила за рамки законов. Но Астен Харлан так ненавидит мой Дом, что захватил нас без предупреждения, незаметно. Он даже организовал покушения наемных убийц, когда я находился под защитой нейтралитета Гильдии. *Чтобы уничтожить меня, он пошел на огромный риск, ибо Гильдия могла наложить эмбарго на весь наш мир.* Я считаю, что сейчас для нас жизненно необходимо, чтобы Харлан был наказан за нарушение наших законов.

— Ложь! Ложь! Я не знал...— Астен задохнулся и склонился над столом, цепляясь за его край. Его люди бросились к нему. На скамье Халареков гневно зашумели. Представители четырех малых Домов вскочили с мест, требуя слова.

— Господа и Свободные граждане,— крикнул Карн, стараясь перекричать гул,— я еще не закончил.

Краем глаза он увидел Ричарда Харлана, чьи губы говорили:

— Ты уже все закончил.

И Карн понимал, что это значит. «Вот кто самый опасный из них»,— сказал себе Карн и, отвернувшись от Харланов, обратился к Председателю:

— Милорд?

Де Ври кивнул и стал призывать зал к порядку. Когда шума немного поубавилось, Карн заговорил:

— Я повторяю, Харланы нарушили основные законы клановой вражды. Я требую сурового наказания по закону— тюремного заключения для инициатора и опеки Совета над Домом.— Воцарилась тишина. Астен Харлан лежал на передней скамье, рядом был врач в черном. Ричард стоял у стола, катая по его поверхности свиток. Взгляд его узких глаз сосредоточился на Карне, красивое лицо было мрачно.

— Вы можете пойти в клинику, милорд, для более тщательного медицинского осмотра,— предложил Председатель.

Представители обвиняемого Дома не могут принимать участия в голосовании по обвинению.

— Нет,— Астен тяжело дышал,— я останусь, чтобы услышать результаты.

Врач что-то шепнул ему, но Харлан только раздраженно замотал головой. Ричард подошел к отцу.

Дейвин Рид, разговаривавший с солдатом в красной форме Совета, направился к столу Председателя и, поговорив шепотом с де Ври, вернулся на свое место.

Ричард Харлан положил руку на плечо отца.

— Я буду говорить от имени своего Дома, пока мой отец снова не обретет силы.

Астен сделал несколько слабых, беспомощных движений, пытаясь подняться, но тело не слушалось его. Ричард даже не взглянул на отца.

Де Ври сделал знак солдату, стоящему возле председательского стола.

— Позовите судебных приставов и проследите, чтобы они немедленно приготовили бюллетени для голосования.

Председатель стоял так, чтобы его могли видеть все члены Совета. Он продолжал:

— Дейвин Рид из свободного города Лока сообщил мне, что по спутниковой связи получено сообщение с Гильдии. Они подтверждают, что войска Харлана действительно окружили Онтар и Онтарский замок. Эта осада грубо нарушает наши основные законы, и, значит, решение по данному вопросу должно быть принято в первую очередь.

— У вас есть другие улики, лорд Карн?

— Только показания другого свидетеля, милорд.

Внезапно он ощутил сухость во рту и слабость в коленях, ладони его вспотели.

«Вот они, мой долгий путь, короткий ночлег, напряжение. Господи, помоги мне продержаться еще немного! Сейчас опять начнутся дебаты, и я должен выглядеть сильным и бесстрашным. Иначе Семьи набросятся на мой Дом, как голодные звери на добычу».

Карн взглянул на фон Шусса. Как бы ему хотелось быть сейчас там, рядом с друзьями, но теперь он обязан был занять в этом зале место главы своего Дома. И он сел за стол Халареков, один, окруженный почти пустыми скамьями.

Председатель ободряюще кивнул ему, и Карн был благодарен де Ври за эту поддержку.

— Есть ли другие свидетели, кроме молодого фон Шусса, желающие под присягой дать показания по этому делу?— спросил Председатель.

— Халарека не привели к присяге.

— Несовершеннолетние не дают присягу,— возразил де Ври.

— Но главы Домов обязаны.

— Он еще не глава Дома, Тимкин Одоннел, как вы сами недавно заметили, и не участвует в голосовании.

— Николас фон Шусс, вы хотите что-либо добавить к показаниям Халарека?

— Нет, милорд. Все было именно так, как он рассказал.

Пришли судебные приставы и раздали всем присутствующим, кроме Карна и Харланов, голубые листки бюллетеней. Де Ври объяснил процедуру голосования:

— Закон требует приговора Совета. Вам, господа и граждане, предстоит решить, виновен ли Астен Харлан в незаконной осаде. Если да, а теперь мы имеем подтверждение Гильдии, то он будет приговорен к пожизненному тюремному заключению. Плюс — опека Совета над Домом Харланов на тот срок, который Совет сочтет необходимым. Прошу заполнять бюллетени.

Карн смотрел, как члены Семей тихо обсуждали свои решения. Видимо, так было принято.

«Неужели Совет ненавидит грубую политику моего отца настолько, чтобы погубить наш Дом? Если Харланы останутся безнаказанными, на Старкере IV начнется война, и первой ее жертвой станет Дом Халареков»,— мрачно размышлял Карн, и его пальцы нервно сжимались и разжимались под столом.

Десятки представителей малых Домов и Свободных граждан в раздумье склонились над бюллетенями. На них, этих людей, вся надежда Карна. Они составляют две трети Совета, и, если они проголосуют против Харлана, у Халарека будет шанс спасти свой Дом.

— Время голосования подошло к концу,— объявил де Ври,— судебные приставы соберут и сосчитают листки.

Бейлифы в красной форме быстро собрали бюллетени и удалились подсчитывать голоса. Карн положил руки на стол и стал пристально разглядывать свои длинные смуглые пальцы. В это время барон фон Шусс поднялся с места:

— Эмиль фон Шусс, Дом фон Шуссов. Будет ли Совет обсуждать убийства в пустыне Цинн, пока подводятся итоги голосования?

— Этот вопрос остается на повестке дня, барон.

Карн упрямо, с силой сжимал кулаки, глядя, как напрягаются мышцы, как белеют костяшки пальцев. Слева от скамьи фон Шуссов кто-то встал, чтобы выступить, но Карн даже не взглянул в его сторону. Он сосредоточил все внимание на своих руках и на поверхности стола, где они лежали. Старый, почерневший от времени стол, уже не один век стоявший здесь, был покрыт рубцами, пятнами, выбоинами. Словно бывалый израненный воин, он хранил на себе следы минувших сражений. Возле правой тумбы остался глубокий, незаживающий шрам от охотничьего ножа, будто кто-то жестоко вонзал его в гладкую поверхность долго, до тех пор, пока под ударами не обнажилось добротное темно-красное дерево, напоминавшее пролитую в битве кровь. Отмети-

на эта была, должно быть, очень давней: в Палате Совета уже на протяжении многих поколений существовал запрет на любые виды оружия. Под правой рукой Карн заметил круглую, точно по размеру крупного, тяжелого кулака, вмятину — отголосок проходивших здесь когда-то страстных и напряженных споров.

Карн очнулся, услышав холодный, пронзительный голос.

— Бранд Кингсленд, Дом Кингслендов. Доказательств нападения наемных убийц не существует,— и Кингсленд снова сел на свое место.

Повернувшись и изучая его строгий породистый профиль, Карн думал о том, кто же союзники Дома Кингслендов.

«Интересно, Бранд — граф? Конечно, ему за пятьдесят, он слишком стар, но, если у клана нет влиятельных и сильных врагов, он может...»

Он мысленно проклинал надменность и заносчивость своего отца, отказавшегося дать третьему сыну политическое образование.

О Кингслендах он знал только то, что они связаны родственными узами с Домом фон Шуссов, но даже это стало ему известно не от отца.

«У тебя было *четыре* сына, отец, теперь я остался один, чтобы спасти наш Дом»,— с горечью думал Карн.

— Ян Виллем, Дом Джастинов, господин Председатель.

Маленький, коренастый, он был чуть старше Халарека.

— Показания Гильдии еще окончательно не изучены, но цвет формы и серебристый флайер доказывают выдвинутое лордом Карном обвинение. Личные армии и их солдаты не должны участвовать в убийствах, милорд. Это закон. Мы все это знаем. Таким образом, нападение в пустыне Цинн — грубое нарушение закона, и вынесение обвинительного приговора должно повлиять на срок опеки, устанавливаемой Советом над Домом Харланов.

— А кто сказал, что она будет установлена? — усмехнулся Гаррен Одоннел.

— Мы, господа! — раздался резкий, гневный голос со стороны скамей Свободных граждан.— Харим Гашен, свободный город Ниран, господин Председатель. Спутник Гильдии сделал снимки осады. Есть ли снимки флайеров над пустыней, нет ли их — законом предусмотрено наказание за предпринятую осаду, а закону надо подчиняться.

— Свободные граждане никогда не вмешивались в...

— Мы и сейчас не вмешиваемся, лорд Тимкин. Ольдермен Ташек, свободный город Йорк. Существующий закон, изданный Семьями, будет соблюден. Мы, Свободные граждане Старкера IV, проследим за этим.

— Рид, свободный город Лок. Господа «благородные» представители Девяти Домов, ваши рабы бунтуют, вражда между вами усиливается. Мы не позволим вам своим произволом и беззаконием втянуть Свободных граждан в войну, не позволим оттол-

кнуть от нас Гильдию. Мы сделаем законы еще более суровыми, чтобы защитить *наши* семьи и города.

Между рядами торопливо пробирался бейлиф.

— Господа и Свободные граждане, приговор,— поднял руку де Ври.

Разгневанные граждане нехотя уселись, не сводя взглядов со своих противников. Пробежав глазами текст, Председатель поднял лист, чтобы его было видно всему залу, и провозгласил:

— Астен Харлан признан виновным в незаконной осаде и приговорен к пожизненному тюремному заключению в Бревене. А теперь Совет обсудит, кто станет опекуном Дома Харланов, и срок опеки. Первым будет говорить граф Неллис Кингсленд.

Услышав приговор, Карн почувствовал облегчение — у него будет время для передышки; расслабившись, он понял, что теряет контроль над своим измученным страшным перенапряжением телом. Он должен был уйти, чтобы не опозорить перед всеми своего Дома. Он вышел настолько быстро, насколько позволяли приличия, и, оставшись один в холле, побежал в ближайший туалет, где его стошнило. Он сел на холодный пол, уронив голову на руки. Когда стало немного лучше, Карн прислонился спиной к стене и сосредоточил взгляд на цветке, изображенном напротив него на кафеле. Это был прием для снятия внутреннего напряжения, которому их учили на первом курсе Академии. Когда перестала болеть голова, Халарек медленно поднялся и вышел в холл. Совет закончил работу, и из зала высыпали участники собрания. Со смешанным чувством надежды и отчаяния Карн оглядывался вокруг, ища знакомых. Пышно разодетая толпа напоминала калейдоскоп, и Карну, который еще не совсем пришел в себя, не хотелось долго находиться в этом круговороте красок. Чуть ниже, в двух шагах от холла, стояла группа людей в богато украшенных перьями голубых шляпах. Кто-то помахал Карну, и он увидел барона, приглашающего его присоединиться.

— Ты уже знаком с Эллитом, графом Джастином, да, Карн?

Карн кивнул — Эллит Джастин был одним из любимых приятелей его отца, с которым они вместе охотились.

Барон представил Халареку остальных:

— Вильден Фризн, Чилдрет Коннор, Ван Макнис.

Фон Шусс продолжал:

— Совет потребовал от Харлана немедленного снятия осады. Если он этого не сделает, на его Дом будет наложено эмбарго, ты знаешь. Опека продлится до сообщений Гильдии о расследовании несчастных случаев на «Альдефаре» или до Оттепели.

— Боже мой! — воскликнул Карн.

— Да, приговор мягкий. У Харлана влиятельные союзники, а Свободные граждане не вмешиваются в дела Семей, ты ведь знаешь. Астен парализован, и врачи говорят, не переживет опеки, а Ричард не может официально управлять Домом, пока отец жив.

— Пусть не официально, но он будет правителем. Ричарда я помню,— горько ответил Карн.

— Опекуном назначен Кингсленд, не самый худший выбор для тебя,— добавил Коннор.

— Совет признал последнюю волю Трева. Ларга будет правительницей до твоего совершеннолетия. Но Совет не будет обеспечивать вашему дому никакой защиты,— голос Макниса дрожал от возмущения.

Карн почувствовал, как кровь отливает от головы. Фон Шусс слегка тряхнул его за плечо:

— Потому мы и собрались здесь. Я сейчас же пошлю сотню своих солдат.

— И я пришлю добровольцев,— сказал Джастин,— скорее всего, из своей черни. Их ничто не остановит.

— Мы будем делать все возможное, пока ты не можешь приступить к управлению Домом,— сказал Фризн, а Макнис и Коннор поддержали его.

Карн глубоко и облегченно вздохнул. Теперь он не одинок в своей борьбе за жизнь. Голос его дрожал, когда он благодарил друзей. «Ты проявляешь слабость»,— снова услышал он суровые слова Халарека-старшего.

Усилием воли он заставил себя выпрямиться, в коленях еще ощущалась слабость. Карн с трудом улыбнулся:

— Поверьте, у меня нет слов, чтобы сказать, как я вам благодарен. Мой Дом к вашим услугам, если когда-нибудь вам понадобится помощь. Ваши люди получат в моем Доме все, что я смогу предложить им.

Говоря, Карн едва заметно прислонился к стене и стоял, ощущая усталой спиной приятный холод, но, несмотря на такую поддержку, перед глазами у него вдруг все поплыло.

— Извините, друзья. Семья ждет меня дома,— тепло попрощавшись, сказал Карн и, поклонившись, осторожно пошел к выходу.

Его провожал барон фон Шусс. Идя не слишком близко, чтобы не обидеть Карна своей помощью, он монотонно (что было совершенно на него не похоже) рассказывал ему всякие семейные сплетни и политические подробности, и эта монотонность действовала на Карна успокаивающе. По дороге к ним присоединился Ник, молчаливый и задумчивый. Барон все продолжал свой бесконечный монолог; так они подошли к флиттеру фон Шуссов, коричневому с золотом.

Барон остановился у крыла, готовый, если нужно, помочь племяннику и Карну забраться в машину. Он все еще что-то рассказывал, но глаза смотрели внимательно и серьезно, а сам он будто насторожился. Карн сам влез на крыло и подал руку Нику. Тот сначала колебался, но здравый смысл взял верх, и он принял помощь друга. Барон помрачнел, глядя на юношей.

— Надо было показать руку врачу, Ник.

— Ничего, меня посмотрит доктор Отнейл, когда мы прилетим в Онтар. Пилот на своем месте, дядя Эмиль.

— Но ты не можешь везти Карна домой.

— Ничего, дядя.

Все трое знали, хотя и не говорили об этом, что, если сейчас Ник останется, он может уже не попасть в Онтар. Без вмешательства армии Ричард Харлан, возможно, не подчинится решению Совета. Напряжение продолжалось еще несколько секунд, а затем барон возобновил свой рассказ. Карн посмотрел на него, поймал его взгляд и подмигнул. Барон рассмеялся.

— А ты молодец, Карн Халарек. Я думал, тебе нужно время, чтобы оправиться от твоего состояния. Поразительно! Ты так быстро пришел в себя. Не знаю, кто еще сумел бы так. Включи автопилот и поспи, сынок. Ты благополучно доберешься до дома, да и потом все будет хорошо. Даже Ричарду Харлану потребуется не один день, чтобы обдумать те условия, в которых оказался теперь его Дом. Да поможет тебе Бог!

Карн улыбнулся и, помахав фон Шуссу, нырнул во флиттер.

Ник уже сидел в пассажирском кресле, устроив как можно удобнее раненую руку и закрыв глаза.

— Если бы он знал заранее, что мы полетим, то прислал бы транспорт, но так как он этого не сделал, Джастины обещали сопровождать нас. Ян и Дэннен Виллемы остаются здесь. Как сказал дядя Эмиль, даже Ричард не отважится напасть на нас снова сразу же после вынесения приговора.

Через несколько секунд фон Шусс заснул. Карн поднял флиттер, включил автопилот и взял курс на Онтар. В последний раз он взглянул на сверкающую внизу снежную белизну и закрыл глаза.

Глава четвертая

Спустя несколько часов сигнал тревоги разбудил Карна. Он подскочил в кресле и посмотрел в иллюминатор. Земля тускло поблескивала в холодном бледно-голубом лунном свете. Дымчатые снежные хвосты летели с вершин холмов. Огромные черные тени горных сосен лежали у подножия. На раскинувшейся под крылом равнине показалась полоса посаженных буквой «И» деревьев — граница примыкающего к замку парка.

— Включи посадочные огни,— сонно напомнил фон Шусс, здоровой рукой заслоняя глаза от вспыхнувшего света синих лампочек.

Карн прильнул к иллюминатору, глядя, как постепенно открывается крыша ангара над взлетно-посадочной полосой. Дома. Через шесть лет. Когда ангар полностью открылся, Карн посадил флиттер и, включив сигнальные огни, смотрел на медленно проплывающие за стеклами иллюминаторов грубо обтесанные каменные стены. Он вспомнил, как в детстве ему чудилось, будто он

видит на них таинственные, высеченные далекими предками знаки.

Флиттер легко ударился о поверхность посадочной площадки, и через несколько минут показались члены Семьи, слуги, стражники. Все они образовали живой коридор, через который шествовала Ларга Алиша Халарек. В честь счастливого и торжественного события она была одета в роскошное длинное темно-синее платье. Это был традиционный цвет Семьи. Рядом с ней, пританцовывая от нетерпения, бежала Катрин.

Карн ступил на крыло и несколько секунд стоял, слегка покачиваясь. После сна, почти не снявшего усталости, он чувствовал себя разбитым. Ник фон Шусс вышел вслед за ним.

— Мы поговорим позже, Ник. Пусть врач посмотрит твою руку.— Карн осторожно спрыгнул на землю, держась за край крыла, чтобы сохранить равновесие, немного постоял, пока не прошла унизительная слабость в коленях. Он встретился взглядом с матерью. Она ласково улыбалась и протягивала ему руку. Он подошел, опустился перед ней на одно колено и поднял ее руку к своему лбу.

— Мама.

Ларга посмотрела на склоненную голову сына, и черты ее лица смягчились. Она протянула руку, словно хотела погладить его по волосам, но тут же отвела ее и жестом приказала одному из стражников помочь фон Шуссу спуститься с крыла флиттера.

— Встань, сын мой. Ты дома.

Карн встал и оглядел ее.

— Ты прекрасна, как всегда, мама.

Он был восхищен ее красотой. О его отце, Треве Халареке, говорили, что он не особенно интересуется женщинами и женится на ком угодно, если уж необходимо иметь наследника. Трев же поразил всех, когда его Черный Корабль привез с соседней звездной системы эту миниатюрную женщину с нежной золотистой кожей, волосами цвета золотистого меда и глазами словно темное золото.

Она была так не похожа на темноволосых Гхарров, что выбор Халарека выглядел в их глазах оскорблением всех знатных мужей планеты. Трев не просто кичился своим богатством и властью (любой благородный Гхарр, решивший украсть невесту из других миров, должен был иметь и власть, и богатство, чтобы финансировать полет на Черном Корабле) — он выказал открытое презрение традиций Черного Корабля. После Болезни, унесшей большинство женщин Девяти Семей и оставившей в мужском семени инфекцию, погубившую треть всех девочек в младенчестве, появился обычай полетов на Черном Корабле. Выбирали только тех женщин, которые походили на Гхарров внешне и были воспитаны в родственной культуре. Золотая же красота Алиши и тот факт, что жители ее планеты считали систему Старкера варварской, бы-

ли страшным оскорблением для тех, кто следовал существовавшей традиции, молчаливым упреком в трусости и малодушии.

Ларга взяла Карна за руки:

— Пойдем. Все ждут тебя в Большом Зале. Столько ходило слухов о твоей смерти, а чернь так легковерна. Они должны убедиться, что ты жив. Семью ты можешь увидеть позже.

Карн покорно кивнул, вежливо поклонился стоявшим позади матери кузенам, ласково потрепал по щеке Катрин и направился к дверям замка. Охрана обступила его, но он слишком устал, чтобы противиться этому.

Лифт находился совсем близко от входа, но, лишь войдя в замок, Карн почувствовал себя в западне, и с каждым его шагом это ощущение усиливалось. Каменный пол и тяжелые, нависшие над ним каменные потолки, серые каменные стены вокруг. Ни окон, ни солнечного света, ни свежего воздуха. Постоянное мягкое шуршание вентиляторов, толкающих один и тот же воздух, непрерывно циркулирующий по замку, по всему городу. В нем не было ни запаха, ни чувств, ни жизни. Карн замотал головой, словно пытаясь стряхнуть с себя этот серый давящий камень, этот безжизненный воздух, этот внезапный, душивший его страх. Долг сына возвратил его к тем обязанностям, о которых он ничего не знал. И к смерти.

«Долг и смерть,— думал Карн,— смерть — судьба всех правителей этого Дома».

— Карн!

Он поднял глаза. Ларга ждала его у открытого лифта. Когда же она прошла мимо? Она вернулась, положила свою тонкую кисть на его руку и посмотрела на Карна.

— Я знаю, как тяжело тебе было возвращаться сюда, сынок,— сказала она так тихо, что только он один мог услышать,— Трев сделал все, чтобы ты не любил ни этот Дом, ни эту Семью. И, *конечно*, он не предполагал, что ты станешь нашим правителем. Я счастлива, что ты вернулся, чтобы попробовать.

По лицу матери Карн видел, что, будь они здесь одни, она бы обняла его.

— Это потребовало такого мужества, сынок. Я горжусь тобой.— И с заметным усилием добавила:

— Лифт ждет, Карн. Пора показать людям их нового повелителя.

Она взяла его под руку, положив свою руку поверх его руки, как было принято.

— Я так счастлива тебя видеть,— очень тихо сказала Ларга,— я так тосковала по тебе.

Они вошли в лифт, сопровождаемые четырьмя охранниками. Как только двери закрылись, Катрин обняла Карна, крепко обхватив его за талию.

— Карн! Карн! Как я рада, что ты дома!

Он прижал ее к себе так, что девочка запищала, потом слегка

отстранил. Оба они были смуглые и темноволосые — в отца, но изящны и золотоглазы, как Ларга.

— А ты уже не малышка, да, Кит?

— Мне четырнадцать зим,— гордо ответила сестренка, вытянувшись, как могла.

— Я не это имею в виду. Ты совсем взрослая.

Девочка вспыхнула и поправила юбку.

— Мне же было только девять, а в этом керенстене исполнится пятнадцать. Возраст невесты, Карн.

Карн обнял сестру.

— Есть кто-нибудь на примете?

— Нет, я подумаю об этом, когда все вернется на свои места и мир перестанет лететь в пропасть. Карн,— снова окликнула она брата, смеясь и сияя от счастья.

«У меня есть время до того как Ричард что-нибудь предпримет, но его не хватит на то, чтобы разобраться и найти свою дорогу в этой политической трясине. Все знают, что отец вовсе не готовил меня к управлению Домом. Ричард быстро воспользуется этим»,— размышлял Карн.

Катрин снова порывисто обняла его:

— Тебе придется выступить перед ними, Карн. Как мой большой застенчивый брат собирается это делать?

Ларга строго посмотрела на дочь:

— Не приставай к нему сейчас, Катрин. И не лезь обниматься при людях.

— Но здесь же все свои, мама,— мы и личная охрана. И потом, я его люблю и ужасно соскучилась.

Лифт остановился, и, как только двери открылись, Карн освободился от объятий сестры.

— Ты же понимаешь — мама права,— сказал он и, наклонившись к ее уху, шепнул:

— Я тоже ужасно по тебе соскучился.

Охранники вышли, за ними быстро зашагала вниз по коридору к Большому Залу Ларга. Позади, в нескольких шагах от нее, шли дети, тихо о чем-то переговариваясь.

— Я все время выступал перед людьми, Кит. Ведь я собирался быть морским офицером-пацификом, помнишь?

Жестокая ирония собственных слов поразила Карна, и на миг лицо его помрачнело.

Повернув во внутренний двор, темный в это время — в замке, как и вокруг, была ночь — они остановились у входа в Большой Зал. Кого только не было в Зале — от библиотекарей до помощников конюха. Карн увидел даже садовника, известного тем, что он никогда не выходил из своей оранжереи на шестом уровне. Галерею заполняли кузены, племянники и другие родственники, разные по степени близости. Солдаты дворцового полка укрепляли горящие фонари-факелы в нишах меж массивных древних колонн. Вот уже на протяжении двенадцати поколений эти факелы были

непременным атрибутом всех торжеств в Доме Халареков. Карн провел пальцами по старинной полустершейся росписи на одной из колонн. Неужели и на галерее, расположенной над входом, столько же народу? Он смотрел на толпу, плывущую по залу, слегка раскачиваясь в тусклом свете, и чувствовал, как страх охватывает его. Это были не незнакомые люди, которых он больше никогда не увидит независимо от того, удачными или нет будут переговоры; это была его Семья, его работники, его солдаты, и жизнь их зависела теперь от него одного. Подозвав троих телохранителей, Карн устремился в толпу.

— Лхарр. Дорогу Лхарру,— приказывала охрана, прокладывая ему путь.

Со всех сторон к нему потянулись руки. Люди хотели дотронуться до него, коснуться его одежды. Телохранители отталкивали их, иногда ударяя по головам станнерами, чтобы подчинились.

— Лхарр вернулся!

— Будьте здоровы, повелитель!

— Да здравствует повелитель!

— Лорд Карн! Лорд Карн!

Карн чувствовал, каким трепетом охвачены люди, как они верят ему, и еще раз дал себе слово не обмануть их ожиданий, быть достойным их доверия.

— Халарек жив! Халарек жив!

Он поднялся на несколько ступеней и оглядел шумную, бурлящую толпу, затем посмотрел напротив, на галерею над главным входом. В центре ее стояла Ларга, маленькая и золотая, и ободряюще улыбалась ему.

«Это *мой* народ. Я еще не осознал этого, но это так. И они зависят от меня»,— думал Карн.

Он откашлялся и заговорил:

— Слухи о моей смерти, как видите, были преждевременны.

По залу прошел вздох облегчения.

— Нам сейчас тяжело, но, пока я жив, вы в безопасности. Я обещаю вам. Харланы захватят этот Дом только тогда, когда никого из Семьи Халареков не останется в живых.

Толпа одобрительно загудела, послышались приветственные крики, в воздух полетели шапки и фартуки. Большего Карн сказать не смог бы, даже если бы хотел. Сойдя с трибуны, он шепнул телохранителям:

— Уходим.

Они прошли через боковую галерею и вышли в холл.

— Теперь я посплю четыре часа,— сказал Карн,— а ты...

— Трин, мой господин,— подсказал охранник.

— Трин, скажи моим генералам, чтобы они ждали меня в библиотеке через четыре с половиной часа. А ты, в обуви не по форме, скажи офицерам домашней охраны, что я встречусь с ними в библиотеке через пять часов.

Карн медленно пошел к лифту. Ему казалось, будто он проби-

рается по глубокому снегу, который тяжелыми комьями липнет к ногам, затрудняя каждое движение.

— Милорд?

Карн взглянул на третьего солдата, шедшего рядом.

— Милорд, я пойду с вами в ваши покои.

— В мои покои? — удивленно переспросил Карн, смерив его подозрительным взглядом.

— На вас нападали уже четыре раза, милорд. Разве вам не нужна личная охрана?

— Никто из Лхарров Халареков никогда не имел личной охраны. Я не хочу быть первым.

— Слушаюсь, сэр, — солдат вспыхнул и, отдав честь, быстро ушел.

Карн растерянно и смущенно смотрел ему вслед. Может быть, подозрения напрасны, может быть, ловушка, которая снова почудилась ему, — лишь в том унижении, которое испытывает Лхарр, когда не смеет сделать ни шага без охраны в своем собственном замке? Нет, солдат не мог быть наемным убийцей — он бы не стал так открыто предлагать пойти с ним. Или стал бы? Карн слишком долго находился вне той жестокой игры, какой была вся жизнь на Старкере IV. Он не помнил ее правил. Карн медленно шел по коридору к своей комнате. Она была последней в ряду детских, которые когда-то здесь располагались. Он толкнул дверь. Комната не изменилась. Такой он ее и помнил: узкий, длинный серый прямоугольник с жесткой узкой кроватью, единственным стулом, маленьким столиком и одной полкой старых потрепанных книг. Только картины с изображением других планет яркими пятнами выделялись на стенах. Это были и написанные красками космические пейзажи, и вырезки из журналов и школьных учебников. Карн сел на край кровати, стянул с себя обувь, лег и закрыл глаза.

Маленький пушистый белый комочек внезапно зашевелился под рукой Карна, ворочаясь и перекатываясь. Затем послышалось повизгивание: «Ухл, ухл! Ухл, ухл!» Карн вскочил, на смену сну моментально пришел страх, рука нащупала станнер. Затем наткнулся на зверька, поднял его и поднес к лицу.

— Вики! Это ты, старик?

Шесть маленьких покрытых кожей лапок и длинный тонкий хвост показались из мохнатого шарика, и два невероятно серых глаза в черных ободках уставились на Карна. Выскользнув из его рук, зверек обвил лапками и хвостом его лицо и шею и стал лизать его.

— Эй! Ты меня задушишь! — Карн стряхнул Вики. Рот был набит белой шерстью.

Халарек снова лег, посадив зверька на руку.

— Я так рад тебя видеть, — зашептал он в то место, где, как ему всегда казалось, должны быть ушки ухла-ухла, — я был уверен, что такой старичок, как ты, уже давно присоединился к своим предкам.

Зверек устроился поудобнее, вытянув хвост по руке Карна к его плечу, и, не переставая лизать хозяина, закрыл глаза.

Очень скоро Карна разбудил стук в дверь. Открыв глаза, он лежал несколько минут, вспоминая, где он и что должен делать. Затем встал, поправил форму, пригладил рукой волосы и вышел.

Трин ждал его в холле.

— Генералы собрались в библиотеке, милорд.

— Спасибо, Трин. Распорядись, чтобы мне принесли завтрак.

Чтобы проснуться, Карн прошел по лестнице вниз и сделал несколько упражнений, разгоняя кровь. Туман в голове рассеялся. Карн спустился на четвертый уровень и, подойдя к тяжелой двери библиотеки, остановился и еще раз одернул китель и пригладил волосы. Закрыв глаза, он представил, каким сильным и властным он становится.

Офицер-пацифик должен быть уверенным и властным или убедительно создавать иллюзию такового. Научитесь технике перевоплощения, играйте вашу роль так же убедительно, как хороший актер, и скоро иллюзия станет реальностью.

Ему же нужна была эта реальность немедленно. Карн толкнул дверь. Оглядев комнату, он увидел стеллажи книг вдоль стен, дверь в другой коридор, витую железную лестницу, которую можно было передвигать на тележке, длинный стол Трева Халарека, за которым он много лет работал. Стол был старый, полированные поверхности вытерлись. Еще одна железная лестница, за массивной дверью, вела к покоям Лхарра. Карн отвернулся: Трев Халарек был мертв, а он, Карн Халарек, еще не был официально признан его преемником.

В глубоком кресле перед камином сидела Ларга Алиша, а перед ней, с листком бумаги в руках, склонился Эстрот Бринд, верный советник ее мужа, прослуживший у него более двадцати лет. Карн сразу узнал и генерала Шенна — он был другом отца с детства. Остальные присутствующие не были знакомы ему, и Халарек-младший думал, как, обращаясь к ним при необходимости, не показать, что он не знает их имен. Он чувствовал себя так, будто шел по тонкой проволоке над пропастью. Один неверный шаг — и катастрофа.

— Прошу прощения, мой господин,— услышал Карн детский голос.

Он посторонился и пропустил мальчика — пажа лет семи, несшего поднос с завтраком. Поставив поднос на стол, маленький слуга вежливо поклонился и выскользнул в другую дверь. В то же мгновение в комнату вошли два офицера лет пятидесяти, один — маленького роста, плотный, другой — высокий, широкоплечий. Коренастый тяжело дышал.

— Милорд, вы рано проснулись. Мы пришли как могли быстро.

Карн не обратил внимания на эту реплику.

— Садитесь, джентльмены. Как я понимаю, вы генерал Ци-

кер,— он посмотрел на полного офицера,— а вы — генерал Шенн. У нас много работы на короткие сроки. Я знаю, что отец доверял вам. Бринд,— обратился он к советнику,— у нас будет приватная беседа, оставьте нас, пожалуйста. Я позову вас, когда мы закончим разговор. А с вами мы побеседуем позже; надеюсь, префект Трин сообщил вам об этом.

— Да, префект сказал мне,— ответил Бринд и, поклонившись, вышел.

— Мама,— Карн улыбнулся Ларге,— ты регент. Посидишь там или присоединишься к нам?

— А я должна остаться, Карн? Ведь я ничего не понимаю в военном деле.

— Но ты — регент. Ты должна присутствовать.

Ларга кивнула, и Карн снова повернулся к генералам. Они смотрели на него скучающе, слегка презрительно. Можно себе представить, что успел наговорить им Трев о своем третьем сыне!

— Джентльмены, мой первый вопрос к вам. Как случилось, что осада оказалась для вас внезапной?

Сонные глаза генерала Шенна расширились. Взгляд стал острым.

— Была середина нарна, милорд. Осада — дело длительного времени. Кто же устраивает ее в середине нарна!

— Значит, мне почудилось, что замок был окружен палатками и флайерами Харлана?

Генерал Цикер покраснел, уязвленный саркастическим вопросом Карна.

— Никто никогда такого не делал раньше, милорд.

— В отсутствие Главы Дома вы несли ответственность за оборону Владений Халарека. Как давно вы служите у Халареков, генерал Шенн?

— Двадцать семь лет, милорд.

— А вы, генерал Цикер?

— Почти сорок, милорд. Я начинал еще при вашем дедушке.

— И за это время ни один из вас не изучил Дома Харланов? Самого сильного врага нашего клана? Когда это они следовали правилам, если можно было получить выгоду обманом? Даже мне это известно. Вы разве не знали, что Ричард Харлан фактически стал правителем своего Дома? Я только пять дней на Старкере IV и знаю об этом!

Опытным глазом Карн читал на их лицах обуревающие генералов чувства. Они не смеют сказать ему того, что хотели бы. Он был Лхарр, но, в то же время,— мальчишка, который насмешливо и зло отчитал их. И это оскорбило их, хотя они понимали, что, будь он постарше, в его власти было бы и казнить и миловать. В своем гневе на безответственных генералов Карн совсем забыл о завтраке. Не спуская глаз с обиженных и рассерженных офицеров, он отпил глоток клэга. Генералов надо уволить, и чем скорее, тем лучше. Вряд ли они пойдут против него, но всякое может

быть. В конце концов, они продемонстрировали полное отсутствие здравого смысла.

Пока он не найдет квалифицированных людей, придется самому решать тактические вопросы, может быть, с помощью Ника.

Да, он знаком с темой только по учебникам, но даже это лучше, чем оставлять оборону Владений в руках этих двоих. Пока нужно будет не отбирать у них званий, их огромные знания могут еще пригодиться ему. К тому же ему совершенно не хотелось, чтобы верные генералам офицеры подняли против него восстание.

Генералы немного остыли. Карн поставил кружку на стол.

— Вот что вы должны сделать за ближайшие четыре дня. Генерал Шенн, проверьте склады, посмотрите, чего там не хватает для того, чтобы выдержать длительную осаду, и доложите мне. Генерал Цикер, Дома Джастинов и фон Шуссов пришлют нам подкрепление; я хочу, чтобы вы нашли и подготовили помещения для солдат. Дома Конноров, Макнисов и Фризнов посылают помощников на то время, пока я не дам присягу. Этим людям нужно подыскать такое же комфортабельное, но временное жилье. Я еще не говорил с Бриндом о дне присяги, но, думаю, ему потребуется неделя, чтобы все подготовить. Таким образом, десять дней, не считая четырех дней до начала ухла. Я думаю, что даже Ричард не станет рисковать своими войсками в такие бури.

Карн помолчал, затем снова заговорил, глядя на генералов:

— Я не намерен ставить на карту жизнь моей Семьи и не очень надеюсь на здравый смысл Ричарда. Я опозорил его Семью перед всем Советом. Он не будет ждать до Оттепели, чтобы отомстить, и опека его не остановит. Подготовьте Дом к долгой осаде, джентльмены. Вы свободны.

Подойдя к столу, он продолжил завтрак. Генералы не уходили.

— Приступайте к работе, господа.

Они нехотя подчинились.

Завтрак давно остыл, хлеб засох, сыр рассыпáлся на крошки, но двухдневный голод взял свое, и Карн, поморщившись, все же съел невкусную еду, запив уже холодным клэгом. Откинувшись в кресле, он закрыл глаза. Надо переключаться на другой уровень, сейчас будет серия новых проблем. Он задремал, но в следующее мгновение его разбудила громко хлопнувшая дверь. Вошел Бринд, а с ним еще несколько человек. Ларга встала и вежливо поздоровалась с ними. Карн поймал ее взгляд и улыбкой поблагодарил за те несколько секунд, которые она дала ему, чтобы собраться с мыслями. Он изучал вошедших.

Бринд был довольно высокого для Гхарра роста, худой, с несколько надменным выражением лица. Его спутники: невысокий подтянутый человек лет около сорока, молодой, лет на десять старше Карна, парень, с очень темными, как у жителей Севера, волосами (лицо его показалось Халареку знакомым), и мальчик, ви-

димо, тоже северянин, который так нервничал и волновался, что даже дрожал. Бринд распорядился, чтобы все сели. Его тон, жесты, сам тот факт, что он пригласил пришедших сесть,— все свидетельствовало о его намерении вести эту встречу. Карн чувствовал это и не хотел позволять. Да, сейчас он многого не знает, но это незнание временно, и только он будет держать в своих руках Дом. Он попросил невысокого человека выйти вперед и смотрел на Бринда в ожидании, когда тот представит своего спутника. Советник выглядел крайне удивленным.

«Ты слишком много слушал моего отца,— мстительно думал Карн,— но больше ты не получишь первенства в этой встрече». Карн смотрел на Бринда не слишком почтительно.

— Фрем Вейсман, управляющий по хозяйству и снабжению,— наконец выдавил Бринд.

Вейсман опустился на колени. Карн узнал этот жест и, когда Вейсман поднялся, сказал:

— Я помню вас, Свободный гражданин. Раньше вы носили рубашку со знаком вашего города.

— Теперь я считаю себя членом этого Дома, милорд. Девятого адена исполнится двенадцать лет, как я служу у Халареков,— с этими словами Вейсман отступил точно на то место, которое указал ему Бринд.

«Итак,— подумал Карн,— ты пляшешь под его дудку».

— Это Тан Орконан,— представил Бринд темноволосого человека. Карн обошел вокруг стола и встретил Орконана на полпути.

— Мне не нужно представлять Тана, Бринд. Он был моим учителем.

Орконан слегка поклонился. Подмигнув Карну, он покосился на Бринда.

— У вас хорошее зрение, милорд,— усмехнулся Тан,— придется теперь привыкать к этому «милорд».

На миг прекрасная улыбка озарила тонкое серьезное лицо Карна. Опередив Бринда, Орконан пригласил самого младшего из пришедших выйти вперед.

— Это мой кузен Гарет, милорд. Он ученик Фрема Бринда только с прошлого месяца.

Карн взглянул на Бринда. Лицо советника было напряженным, но он молчал. Глаза его, тускло поблескивающие, бегали от Тана к Карну. Гарет поклонился. Глядя на мальчика, Карн думал, что по возрасту он, видимо, ближе к Кит, чем к Орконану или к нему самому, что было бы более привычно. Вероятно, Гарет один из младших сыновей Дома Конноров, как и Тан, и ему приходится зарабатывать на жизнь головой или руками.

— А твоя семья знает, что работать в моем Доме сейчас очень опасно, Гарет?

— Да, милорд. Вы наш господин, лорд Карн.

«Я должен был это знать! Господи, отец, как ты мог быть на-

столько уверен, что в живых останется один из трех других твоих сыновей!»

Карн с трудом погасил гнев в надежде, что никто не заметил его невежества или ярости.

— Я рад, что ты пришел. Нам сейчас очень нужна поддержка. Приступим к делу. Насколько я помню, сначала я должен дать присягу и лишь после этого мои вассалы считаются по закону обязанными служить мне. Память не изменяет мне, Бринд?

— Все верно, милорд.

— Ну, скажем... одиннадцати дней достаточно для подготовки церемонии принятия присяги? Может быть, тридцать шестого нарна?

— Это возможно.

— Какая сумма потребуется, чтобы принять добровольцев от фон Шусса и Джастина?

— Нужно подсчитать, мы сделаем это.

— Я должен также знать, сколько мы можем ассигновать на наемников, если будет такая необходимость, и какие силы мы выдвинем против Харлана.

— Все это можно сделать прямо сейчас.

— Тогда поручите это вашим спутникам, Бринд. Я хочу поговорить с вами конфиденциально.

Пока трое совещались, Карн отвел Бринда к камину.

— Вы не называете моего титула, когда обращаетесь ко мне, Бринд. Этого знака уважения я требую от всех своих подчиненных.

Бринд вытянулся и казался теперь еще выше и тоньше.

— Я служу здесь управляющим дольше, чем вы живете на свете, молодой человек, и...

— Мой титул, Фрем Бринд. Мои подчиненные должны выказывать уважение к Лхарру, только тогда меня будут уважать за пределами моего Дома. Говорите, Бринд, или к утру вас в моем Доме не будет!

Бринд вспыхнул от гнева, щеки его покрылись пятнами.

— Вы еще не Лхарр до десятого числа следующего адена! — прошипел он.

— Он Лхарр. Во всем, кроме возраста,— Ларга встала рядом с сыном,— наше политическое положение сейчас слишком неустойчиво, чтобы даже внешне проявлять неуважение к Карну, особенно — управляющему его Дома. Вы, как никто другой, должны это знать.

Бринд проигнорировал слова Ларги. Он поправил тяжелые бусы, знак его власти, и продолжал:

— Вы не должны ничего предпринимать сейчас, молодой человек. Вы пришли в наш мир, ничего не зная о нем и о том, что нам нужно, чтобы выжить. У меня есть те знания, которые необходимы Дому Халареков, чтобы жить.

Карн стоял очень тихо, внимательно глядя на Бринда. Почему он так говорит? Только ли из непомерного тщеславия? Или

искренне верит в это? А может быть, он предатель? Карн и его управляющий проведут много часов вместе, особенно в ближайшие дни,— практически все время, что будет свободно от общения с офицерами его армии. Конечно, сейчас такое демонстративное неупотребление при обращении его титула и мелкие, но слишком явные знаки неуважения, даже презрения, с которым Бринд относился к Карну, не нанесут серьезного ущерба, но в дальнейшем... Если главному исполнительному офицеру Дома Халареков позволено так вести себя, то вскоре и другие будут, и тогда Дому наступит конец. Что делать? Можно посадить Бринда в тюрьму и держать, пока он не сдастся, но вместе с ним уйдут и его знания. Если же игнорировать его поведение, то это может привести к катастрофе. Единственное, что заставит Бринда покориться,— пытки, но Бринд, безусловно, узнает, что Карн никого другого так не наказывает. Он повернулся к Ларге:

— Есть в замке кто-нибудь еще, кто мог бы стать управляющим?— Губы Ларги были крепко сжаты, глаза горели гневом.

— Тан. Он четыре года был правой рукой Бринда. Он справится с этой работой.

Она в ярости налетела на Бринда:

— Вы, Свободный гражданин! Вы ведете себя недопустимо! За все годы, что я живу здесь, никто не посмел так игнорировать меня! А сейчас я регент! И никто никогда не позволял себе так разговаривать с Лхарром Халареком!

Бринд презрительно усмехнулся.

— Он не Лхарр. И никогда им не будет. Он слишком мягкий и слабый. Трев называл его «бабой» среди своих сыновей. Даже леди Катрин была бы...

— Хватит!— сказал Карн значительно тише, чем можно было бы ожидать от человека в такой момент.— Фрем Бринд, вы уволены, и я требую, чтобы ноги вашей не было в моем Доме к рассвету завтрашнего дня. Вы получите пенсию, которую заработали на службе у моего отца, но ничего сверх того.

Бринд скинул свое презрение, словно плащ, и заглянул Карну в глаза. Карн воззрился на него, пораженный внезапной переменой. Управляющий положил руку на плечо юноши.

— Я люблю этот Дом и долго служил ему, милорд. Даже мой город уже не значит для меня того, что Дом Халареков. Я не хотел видеть, как он гибнет из-за мягкотелости и слабоволия своего правителя, поэтому решил испытать вас. Если бы вы оказались «бабой», как думал ваш отец, я бы остался и попытался исправить это в вас. Но я старею, и единственное, чего я в самом деле хочу,— получить пенсию, уехать в Ниран и нянчить там внуков.

На лице Бринда появилось нечто похожее на улыбку.

— Человек не может управлять другими, если он не умеет управлять собой, лорд Карн. А вы, что бы ни говорили о вас многие гхаррские лорды, умеете управлять и своей гордостью и своим гневом. Вы удивили меня, лорд,— он почтительно поклонился.—

Из-за того, что ваш отец так заблуждался в отношении вас, вам придется многому научиться до Совета Оттепели, но вы уже начали. Вы будете править, лорд Карн, и править хорошо, если враги дадут вам время,— с этими словами Бринд еще раз поклонился и вышел.

Глава пятая

Бринд покинул библиотеку, бросив на кресло бусы — знак своей должности, и аккуратно закрыв за собой дверь. Карн онемел от изумления: старик великолепно сыграл свою роль. Халарек взглянул на Ларгу. Казалось, она тоже была потрясена. Алиша тихо заговорила:

— Карн, я знаю его... сколько? Тридцать лет? И я никогда не видела, чтобы он употребил свое хитроумие на кого-нибудь из членов Семьи.

— Он старая лиса,— сказал Карн с нескрываемым восхищением,— все доказательства того, что это спектакль, были налицо, но он играл так убедительно, что я их не заметил.

Он невесело засмеялся:

— Это должно научить меня не быть самодовольным. Ладно, продолжим с делом, регент. Тану нужно официально сообщить о его новых обязанностях.— Карн оглядел людей, сидящих за длинным столом. Вейсман и Гарет деловито, даже чересчур деловито, шуршали бумагами, но Орконан смотрел дружелюбно. Хотел бы он знать, сколько они слышали.— Кто будет просить Тана, ты или я, если Тан займется работой администратора?— Карн говорил слишком тихо для того, чтобы быть услышанным остальными.

— Да, ты Лхарр, но ты пока несовершеннолетний. Мы заключим контракт с Таном. Я полагаю, мне придется составить официальное соглашение, но правишь здесь ты, поэтому тебе просить его и ставить условия. Я уверен, что он согласится. Я подпишу любую бумагу, которую вы двое составите.

Карн кивнул и пошел к рабочему столу. Он коснулся плеча Орконана и увлек его подальше от остальных.

— Тан, должность администратора Дома твоя, если ты этого хочешь. Ты знаешь обязанности, и я хотел бы заключить с тобой письменный контракт. Ларга говорит, ты работаешь хорошо. Ты согласен?

— Нет!— Вейсман взорвался. Он дрожал с головы до ног.— Нет! Вы не можете дать ему работу. Я работал для этой Семьи в два раза больше Орконана. Предложите эту работу мне! Мне!

— Фрем Вейсман,— начала Ларга,— я вижу, вы считаете, что у вас есть причина для расстройства.

— Причина! Меня выгоняют с работы, которую я выполнял годами, и выгоняют по женской прихоти!

Алиша Халарек открыла рот, чтобы ответить, но Карн сделал резкое движение рукой, чтобы она молчала.

— Вы забываетесь, Фрем Вейсман,— сказал он холодно.

— Возможно, Свободные люди и говорят так о своих начальниках, но вы не будете говорить таким тоном о Ларге Халарек. Это ясно?

— Да, мой повелитель.

В этом ответе была легкая усмешка. Такая легкая, что Карн знал: если он привлечет к этому внимание, то покажется мелочным и нелепым. Он удержался от язвительного ответа.

— Мама, есть ли у Фрема Вейсмана основание, чтобы думать, что он получит работу, когда Бринд уйдет в отставку?

— Конечно, нет! — Ларга бросила взгляд на обиженного секретаря.— Свободный человек не имеет слуха к языкам и не может вести комплексные счета. Он выполняет свою настоящую работу прекрасно, но у него нет способностей, чтобы двигаться вверх по лестнице. Трев нанял Тана, чтобы тот занял должность Бринда. Я уверена, он не давал Фрему Вейсману никаких обещаний.

«Даже если давал, Вейсман был дураком, если поверил в них»,— подумал Карн про себя.

— Мой повелитель,— Вейсман сделал полный вдох и посмотрел на Карна.— Я могу изучить Галак, а нанятый бухгалтер может вести работу с цифрами, предоставив мне делать все остальное. Я знаю бизнес этого Дома, повелитель.

— Ты не смог изучить Галак за двадцать лет. Я не верю, что сейчас ты сможешь сделать это.— Ларга перекладывала листок бумаги, взятый со стола, из руки в руку снова и снова. Пока он говорил, она не сводила глаз с двигающегося листка бумаги.— Наш Дом существует за счет экспорта. Мы должны иметь администратора, одинаково свободно говорящего на языках Галака и Штерна, а также легко разбирающегося в числах. Тебе пришлось бы иметь дело с многими из Первых Торговцев, останавливающихся здесь, и работать как переводчиком, так и бухгалтером. Это неэффективно и дорого, Свободный человек.— Она подняла глаза, и Вейсмана обжег взгляд холодных желтых глаз.— Ты недостаточно квалифицирован для работы. Это так просто. Ты не квалифицирован.— Ларга повернулась к нему спиной, взяла пачку торговых документов и предложила прочесть их.

Вейсман выпрямился и ехидно посмотрел на Ларгу.

— Я не забуду этого. Никогда!

— Вейсман,— резко произнес Карн,— ни слова больше, или ты последуешь за Бриндом прочь со службы в этом Доме. Ступай к себе и успокойся. Если ты хочешь уйти в отставку, пожалуйста. Но так или иначе, ты сослужил этому дому хорошую службу, и я бы хотел видеть, что эта служба продолжается.

Вейсман вышел из комнаты. «Нужно будет проследить за ним,— сказал сам себе Карн и занес Вейсмана в список людей, которых нужно будет проверить через несколько недель.— Если бы

я стал выгонять каждого за вероломство, осталось бы слишком мало людей для работы в Доме и в поместье».

— Я на некоторое время иду к себе, мама. Вели принести мне полдник туда. Тан, я хочу знать имена всех моих вассалов, их финансовое состояние, финансовое состояние этого Дома, размеры запасов на случай осады — генералы Шенн и Цикер готовят тебе список — и в самом скором времени можно будет провести праздник принятия присяги. Позже ты можешь начать обучать меня вопросам экспорта, импорта, заработной платы и...— Он улыбнулся: — Но ты знаешь, что я должен изучить и как нужно учить меня, не так ли? К счастью, Академия научила меня быстро воспринимать все на слух.

Карн проигнорировал странный взгляд своей матери, когда он не пошел к винтовой железной лестнице, ведущей в комнаты Лхарра, но направился к двери в холл.

Он поднялся по ступеням в свою маленькую комнату, запер дверь, послал сообщение в семейную клинику, что он хочет видеть Ника фон Шусса через час у себя, и лег на узкую кровать. Вики вылез из-под кровати, замурлыкал, свернувшись у Карна под подбородком, и они заснули.

Карн проснулся с ощущением страха. Что-то коснулось его щеки. Он откатился от прикосновения, одновременно пытаясь схватить оружие, которого не было у него в портупее, и открыл глаза. Вики сидел на его подушке, пытаясь коснуться его мягким кончиком одной из своих маленьких лапок. Всего лишь Вики, Карн попытался отогнать напряжение. Его инстинкт самосохранения возвращался, но реакции были медленны и несовершенны. Ему следовало бы слышать движение Вики, следовало бы иметь оружие в руке, прицелиться и открыть огонь в доли секунды. Его жизнь могла зависеть от этого. Он уставился на свою дверь. В конце концов он запер ее. Вики ласково потерся о руку Карна. Он улыбнулся маленькому созданию: «Голоден? Я тоже. Давай посмотрим, что нам прислали».

Поднос лежал на полу снаружи. Записка на краю гласила: «Пилот фон Шусс не сможет оказать услугу Лхарру, так как он еще не проснулся от наркоза, необходимого для исправления его руки. Х. В. Отнейл».

Итак, подумал Карн, я не смогу некоторое время получить твоего совета, Ник. Он внес поднос в комнату, закрыл дверь и разделил трапезу с Вики. Затем он долго сидел, слепо уставившись на стену перед ним, пытаясь провести связующую нить между тем, что он уже узнал и что он помнил, чтобы как можно с большей точностью спрогнозировать следующие шаги его врагов, направленные против него.

В последующие пять дней над Карном нависла угроза, что Харлан будет действовать против него, по крайней мере, еще раз, до того, как шторма ухла остановят все движение на поверхности. В это напряженное время военные поместия и чиновники давали

Карну огромное количество деталей политических альянсов; имена и обязательства вассалов, законы осады, борьбы и террористические акты. Вспоминалась история и тактика Халарека-Харлана, начиная с кражи пра-прадедом Карна невесты пра-прадеда лорда Ричарда. Вечерами он сидел с Ником в библиотеке и просматривал информацию за день, суммируя, выделяя главное, пытаясь запомнить все жизненно важное для своего Дома. Он чувствовал себя беспомощным, не имея опыта выделять единицы информации, которые могут оказаться важными для выживания Дома. В ночь пятого дня он медленно вошел в библиотеку, закрыл дверь и оперся на нее, опустив голову. Он устало потер глаза. Единственный другой человек, находившийся в комнате, Ник фон Шусс, сидевший, уставившись в огонь, поднял голову:

— Карн?

Карн плюхнулся в большое кожаное кресло у огня и стал смотреть на свои ноги.

— Я недостаточно знаю, Ник. Я не могу достаточно быстро познавать новое. Я сделаю неправильный выбор и разрушу свой Дом.— Карн уронил голову на руки и замолчал надолго. Когда он поднял голову, его золотистые глаза светились.— Как мог мой прадед сделать это! Он так презирал Харлана, что думал, что его сыновья в безопасности? Что в безопасности он сам? Дом Харлана собирается отнять у нас эти владения, а меня учили в Академии поддерживать мир.

Обычно веселое лицо фон Шусса было серьезно. Его темные глаза следили за Карном.

— От Астена вы были в безопасности, учитывая его невероятную глупость. Астен не виноват в смерти вашего прадеда. Ваша мать не говорила вам об этом? Ричард убил их всех своей собственной рукой. Сначала Трева и Джерема, затем Керэла и Лиама, когда те пытались отомстить за смерть первых. Он оставил в живых только двоих, чтобы они рассказали о его деяниях.

— Ангелы!— Карн уставился, не видя, на книжные полки вдоль комнаты. Долгое время его ум был темной пустотой. Когда он снова получил возможность думать, это произошло благодаря Джерему — его мудрости, обаянию и глубокой любви, которую он и Карн испытывали друг к другу. Затем пришло горе, черная печаль, а после него неукротимая ярость. Наследник Харлана убил наследников Халарека своими собственными руками.

Мускулы Карна взывали о немедленном действии. Он должен действовать до того, как его ярость уведет его в сторону и он не сможет ничего предпринять против Харлана. Карн вскочил с кресла, бросился к ближайшему лифту и спустился на второй уровень. Он лишь краем уха слышал за собой Ника. Лицо чиновника центра озарилось изумлением, когда он увидел Карна, бегущего к летательному аппарату.

— Мой повелитель!— вскричал он.— Мой повелитель, вы не должны лететь на нем. В небе буря, она унесет вас во владения Кингсленда!

В этот момент Ник поймал Карна и обхватил его своей здоровой рукой.

— Повелитель,— сказал он на ухо Карну,— остановись. Я могу вообразить, что ты чувствуешь, но ты не должен так вести себя перед лицом слуг.

Карн остановился с трудом, но затем чувство степенности вернулось к нему. Ник отпустил его, но не ушел.

— Милорд,— сказал он громче и более официально,— пойдем.

Ник завел Карна в лифт, они спустились на один уровень на покрытую песком арену. Карн шел за ним послушно, как ребенок. Вооруженный робот-тренер стоял среди песка и около него, на низком бортике арены лежали два меча. Ник вложил один из них в руку робота, другой отдал Карну:

— Представь, что это Ричард. Убей его, Карн.

Робот медленно повернулся, следуя за теплом, исходящим от Карна, и шагнул вперед. Карн парировал первый удар, затем попытался ударить его в сердце. Робот с легкостью выбросил меч вперед. Установка робота была на уровне обычного мастерства Карна, но его ярость придавала ему быстроту натиска. Ник стоял около низкого бортика арены и наблюдал: бросок, удар, парирование, поворот, бросок, удар, парирование, поворот. Наконец Карн нанес последний и «смертельный» удар, и робот остановился. Карн подошел поклониться сначала бортику арены, затем — Нику.

— Спасибо, друг,— сказал он и сел у основания бортика.

— Не думаю, что ты захочешь сегодня поколотить еще кого-нибудь,— заметил Ник.— Робот не мог серьезно повредить тебе, но небольшая боль помогла тебе избавиться от этого...

— Да,— сказал Карн.

Он медленно поднялся, сбросил с себя свою мокрую тунику и направился в душ. Вскоре, умытый и одетый в тренировочный костюм, заимствованный в военном складе около душа, Карн присоединился к Нику в зале возле арены. За ними находилась оружейная комната с ее запахами оружейного масла. Карн повернул голову назад и вдыхал сильный запах лошадей, стоящих в двух залах с другой стороны от арены. Он уставился на каменную стенку арены, как будто он мог по желанию увидеть самое ядро поместий, где Бренден оставался в течение зимы.

Его взгляд и сознание вернулись к каменной стене перед ним, к каменным стенам комнат за ним и вокруг него.

Он сделал нетерпеливое движение. Здесь тоже есть с чем иметь дело: тяжесть, серость и месяцы заключения. Он прошел сквозь зал по коридору мимо комнат рабочих с животными и первых двух из ряда цветных дверей, затем рывком открыл третью. Ник положил на него руку.

— Карн, что ты делаешь?

— Я хочу выйти наружу.

— Наружу? Наружу! Ты все так же в бессознательном состоянии!

— Это то, что мне надо сделать сейчас. Но я не дурак, Ник. Я собираюсь выйти через один из городских лифтов, а не через лифт, где одна из моих кузин может меня увидеть. Я не выйду из убежища и беру тебя с собой, по крайней мере, до лифта.

— Снаружи буря.

— Внутри тоже буря, Ник. Меня слишком долго не было здесь. Я научился нуждаться в свежем воздухе, настоящем солнце и открытом пространстве. Онтар больше не дом для меня. Даже если бы не было Харлана, я бы чувствовал себя в Онтаре как в тюрьме. Это часть ярости, Ник. Если я смогу освободиться от этой части, я смогу использовать свою ярость, вместо того, чтобы разрешить ей использовать меня, как она только что сделала. Я не могу позволить потерять сейчас контроль над собой. Сейчас, когда Ричард хочет поймать меня на серьезной ошибке.

Глаза Ника смотрели с сомнением. Карн заглянул в них:

— Верь мне, Ник, я много узнал о себе за последние пять лет. Тебе не придется стараться понять, что мне нужно. Просто пойдем со мной. Пожалуйста.

Ник выглядел очень колеблющимся, но он пошел за Карном через дверь, по ступеням в гараж и в машину. Карн повернул руль и поехал в Онтар.

Город спал в искусственном лунном свете. В первый раз в жизни Карн почувствовал раздражение от этого подобия лунного света.

Вместе дома Онтара казались более темными, улицы более узкими и извилистыми. На некоторых из самых узких улиц пешеходам, если таковые попадались в этот поздний час, приходилось прижиматься к дверным проемам, чтобы не быть сбитыми машиной. Казалось, воздух сгущается. Карн забыл запах Онтара, кислый, затхлый запах большого количества людей, наполняющих крохотные комнаты, фильтры которых редко прочищались. Силуэты домов неясно вырисовывались вокруг машины. Они выглядели темными и тяжелыми. Карн чувствал себя стесненным, связанным, он был почти на грани паники. Повернув машину, он повел ее по живописной зеленой дорожке, которая вела к одному из запасных выходов из города. Его руки дрожали, улица поворачивала и петляла, сужалась и расширялась вновь и заканчивалась пустой площадкой. Карн соскочил со своего сиденья, пересек площадь и подошел к длинной вешалке для снаряжения около лифта, двери которого закрыл Ник. Их шаги отдавались эхом среди каменных стен.

Карн схватил защитную одежду и маску с вешалки:

— Охраняешь лифт, Ник?

Фон Шусс кивнул. Карн приблизился к поверхности, надевая на ходу одежду и маску. Он знал, что он должен делать, и размышлял, хватит ли у него на это сил. Лифт остановился. Карн уста-

вился на тяжелые двери. Медленно подняв руку и нажав кнопку, он открыл двери лифта. Ветер и пронизывающий холод ворвались внутрь. Карн шагнул из лифта наружу и подошел к входу в убежище. Это был Старкер IV. Буря закрыла солнце, небо, ландшафт — все, что было видно из входа в убежище. Ледяной ветер носился в воздухе, опускаясь к замерзшей земле. Он налетал на Карна, увлекая его к горам. Он ухватился свободной рукой за край канавы на другой стороне убежища, чтобы сопротивляться настойчивым порывам. Ледяная крошка била ему в лицо. Мороз сковал маску, а края его одежды заледенели. Люди умирали на таком ветру. Дыхание здесь было невозможно. Карн прислушивался к свистящему ветру, поскрипыванию ледяных осколков и легкому шороху снега, заносимого в убежище. Он знал, что следующие пять месяцев будут похожи на эту бурю и пронизывающий ветер.

Карн позволил себе подумать о живописной зелени Болдера — деревья, травы, горы, поляны, купающиеся в солнечном свете и не подверженные снежным бурям. Он видел мягкие сугробы зимы, бледную зелень весны, переходящую в яркое мягкое лето, лето, которое медленно переходило в осень, поражающую многоцветием листьев. Он подумал о прогулках и играх с друзьями, в которых не было страха вероломства, флиртах с молодыми женщинами без душераздирающих истерик по поводу женитьбы, и более всего об Иджиле. Крупный, светловолосый, мощный Иджил, который был Карну даже ближе, чем Джерем. Джерем, который должен был бы быть Лхарром.

Карн переместился поглубже в убежище лифта, где он был недосягаем для пронизывающего ветра. Под защитой стен он снял маску и вдохнул холодный воздух. Он прихватил нос Карна, обжег легкие, но это был настоящий воздух, не из циркуляции. Водворив маску на место, Карн вернулся на край серого света и снега. Он ухватился обеими руками за край канавы. «Это был Болдер и моя свобода для жизни моего Дома,— сказал он себе.— Я испытал тепло и солнечный свет, радость и дружбу, и этот неприветливый мир. Я сделал свой выбор. Я должен сделать его достойным цены».

Он потерял чувство времени, когда стоял, смотря в ночь. Он остро ощущал, как далеко ему придется пойти, чтобы стать настоящим Лхарром. Он также понимал, что паралич Астена Харлана катастрофически сократил время, необходимое ему для обучения. В конце концов холод проник даже через защитный костюм, и Карн повернулся к буре спиной, отправившись через тонкий слой снега внутрь убежища к лифту.

Ник и Карн не говорили ничего по пути назад. Карн был занят своими мыслями, а у Ника хватило мудрости не перебивать его. Карн вылез во дворе Дома и попросил Ника поставить машину в гараж, а сам стал смотреть на окна детской. Их оконные рамы отбрасывали тени, а гипсовые цветы белели в темноте. Он остано-

вился в коридоре перед Большим Залом, чтобы вдохнуть запах и почувствовать Онтар, затем он преодолел два лестничных пролета, ведущих в его комнату, и распахнул дверь. Он стоял в дверном проеме и смотрел на фотографии и рисунки других миров. Они были его мечтой, его спасением все время, насколько он помнил. Когда у него ничего не вышло со встречей последователей Трева Халарека на арене, он проводил здесь часы наказания, мысленно посещая ветренные поляны Бета Сигма III, Альтаирскую Морскую Академию Болдера и другие места других миров.

Он прошел несколько шагов, которые отделяли его от большого изображения Болдера и его двух крошечных лун. Карн подошел к нему и коснулся пальцами зеленовато-голубого лика планеты холодной, мирной. Затем рука его упала, и он отступил назад. Несколько минут он запоминал ее цвета, затем осторожно снял ее и другие картины и связал их в пачки.

Глава шестая

На следующее утро Карн нес несколько маленьких существ и Вики в официальные комнаты Лхарра в конце зала. Он остановился перед дверью в зал, смотря в спальню, которая была почти такой же, какой он ее оставил. Через комнату была дверь в гостиную Ларги, а слева железная лестница вела в библиотеку. Большая деревянная кровать без каких бы то ни было украшений закрывалась в Халареке голубыми и зелеными занавесками. Кровать, строгого дизайна стол и ночной столик были единственной мебелью комнаты. Ничто больше не смягчало тяжесть серого камня. Карн собрался было идти в комнату своего отрочества. Вместо этого он повел плечами, отнес корзину с маленькими существами к постели и вызвал одного из слуг пятого уровня. Он велел принести из своей старой комнаты кожаное кресло и позвать портного, чтобы тот измерил его для пошива новой военной формы.

— Я не мог провести остаток зимы в моей кадетской униформе,— скажет он потом Нику.

Первым пунктом утренней программы была встреча с Оркона-ном, чтобы подготовить все к празднику принятия присяги, который должен проводиться тридцать шестого нарна.

Пока Карн упражнялся и оттачивал свою речь на будущей церемонии, портной сновал вокруг него, работая над будущей одеждой. Кит и Ларга Алиша наблюдали за этим процессом с нескрываемым изумлением. Он как раз дернулся из-за того, что портной в двадцать третий раз воткнул в него булавку, когда кто-то постучал в дверь. Префет синих был внутри уже до того, как Ларга закончила говорить «Войдите».

Префет приветствовал Карна, затем Ларгу:

— Милорд, миледи, центр только что получил вызов с Фер-

мы 3. Рабы восстали, убили всех пятерых помощников управляющего, а его самого захватили в плен. Вызов сделала жена управляющего. Она с детьми укрылась в доме. Их не достанут там, но некоторые из рабов знают, как вызвать взрыв. Генерал Цикер спускается, чтобы поговорить с вами, лорд Карн.

— Хорошо, пошлите за пилотом фон Шуссом и генералом Шенном.

— Повелитель! — Префект посторонился, пропуская генерала Цикера.

Генерал напыщенно приветствовал Карна и Ларгу.

Карн отпустил портного движением руки. Генерал Цикер опустил свое грузное тело в ближайшее кресло.

— Подагра сегодня обострилась,— извиняющимся тоном произнес он.

— Генерал,— голос Карна был очень тихим,— вам следует попросить разрешения, прежде чем вы сядете в присутствии моем или регента. Теперь встаньте и сделайте это.

Генерал уставился с удивлением на Карна, но встал, как приказано, попросил разрешения, затем сел опять.

Капитан в форме охранника вошел через дверь, которую генерал оставил открытой.

— Милорд, генерал! Шенн приносит свои извинения, у него жар.

— Спасибо, капитан.— Карн разрешил ему идти и снова повернулся к генералу.— Сэр, префект сказал, вы уже знаете о ситуации на Ферме 3. Что вы посоветуете?

Генерал Цикер откашлялся.

— Милорд, миледи, что-то нужно сразу делать. Быстрая атака, перекрыть все входы в здание на Ферме и выгнать рабов на поверхность. Это мой лучший совет. Затем убить всех недовольных. Если мы этого не сделаем, другие рабы тоже будут пытаться брать заложников.

Ник тихо проскользнул в комнату, пока генерал говорил. Проходя, он вложил записку в руку Карна. Теперь он спросил, внимательно глядя на генерала:

— И как дела сейчас, генерал?

— Кто вы такой, чтобы задавать мне вопросы, пилот?

— Он мой советник по тактике,— угрожающе сказал Карн.— Он также наследник фон Шуссов и требует уважения. В нем тоже течет голубая кровь, генерал. Вы составляете о себе плохое мнение, будучи невежливым.

Глаза генерала сузились, губы вытянулись в одну узкую полоску, но он согласно кивнул.

— Где сейчас рабы, генерал?

— Этого не доложили, пилот.

— Должны будут они остаться на поверхности в это время года?

— Я сомневаюсь, что все стадо уже загнано в загон, милорд.

Большинство рабов захотят завершить начатое, пока не разразилась настоящая буря, но, конечно, если они убили всех управляющих, кто скажет им, что животные нуждаются в защите. Рабы слишком мало знают, чтобы поднимать свои носы без приказа.

— Вы сделали приблизительную оценку количества людей в боевой готовности, генерал?

— Да, милорд. Транспорт готов тронуться по вашему приказу.

— Ведите людей, генерал. Я буду с вами как только одену защитный костюм.

— О, мой повелитель! Вы не должны присоединяться к нам. Подавлять восставших рабов — не ваше занятие. Это недостойно одного из Девяти.— Лицо генерала покраснело от волнения. Карн посмотрел на Ника, ища поддержки или совета.

— Он прав. Лорды могут бороться только с людьми своего класса. У тебя и без того много проблем, Карн.

Карн кивнул. В эту пору у него еще не было опыта битв.

— Возьмите необходимых вам людей и покончите с этим, генерал.

Генерал Цикер кивнул, поднялся из кресла и покинул зал.

Карн развернул записку: «В ваших комнатах вас ждет посетитель». Карн вопросительно посмотрел на Ника, но тот лишь пожал плечами и отвернулся:

— Я не знаю, кто это. Иди и посмотри сам.

Карну показалось, что в голосе Ника была усмешка, но он не был уверен. Он посмотрел мгновение на спину фон Шусса, оттолкнул ногой железный стул, поднялся по лестнице и вошел в деревянную дверь, которая уже была открыта. Здесь никого не было. Он ворвался в гостиную. Светловолосая голова и мощная шея торчали из-за кожаного старого кресла. В тот момент, когда дверь хлопнула, белоголовый гигант вскочил с кресла и повернулся на звук.

— Иджил!

После этого они смеялись, хлопали друг друга по плечам, что-то говорили в одно и то же время. Наконец Иджил отодвинул Карна от себя и посмотрел на него сверху вниз смеющимися голубыми глазами.

— Я скучал по тебе и твоему «уходи, я учусь». Итак, я попрощался с отцом, объяснил, что давно не слышал о тебе, а ты нуждаешься в друзьях именно сейчас, и приехал.

— Но твоя карьера!

Иджил пожал плечами:

— Из меня не получится моряка. Слишком много правил и приказов. Мой отец найдет место для меня среди морских торговцев. Когда я вернусь,— добавил он.

— Когда ты вернешься,— эхом отозвался Карн.— Если ты будешь показывать, что ты мой друг, твоя жизнь будет в такой же опасности, как и моя. Оставайся вне этой борьбы, Иджил. Ты

знаешь, как я рад видеть тебя, но я хочу видеть тебя живым. Возвращайся, когда кончится война.

Иджил затряс головой:

— Я помню, что ты говорил о недоверии ко всем, о друзьях, предающих друзей ради денег и земли. Тебе нужен кто-то, кто будет рядом независимо ни от чего.

— Мы говорим о твоей жизни, Иджил!

— Это твоя жизнь тоже.— Иджил заметил: — Никто не знает своего конца, так чего скрываться в безопасном месте, как говорили древние, смерть найдет нас рано или поздно. Как тебе в положении Лхарра?

— Очень плохо. Официально я еще не Лхарр, мне еще нет шестнадцати зим, и ты знаешь, что мой отец думал обо мне.

— Твой отец — ас! Если это самая сложная проблема...

— О нет. Я расскажу тебе потом. Последний раз я почувствовал всю тяжесть этого, когда мой флот встретился с оппонентами на Уртек-Сирильских переговорах, и обе стороны решили убить нас. Помнишь? В этой ситуации было много и забавных сюрпризов, но там я был юнцом, а здесь я уже повелитель.

Иджил некоторое время стоял в задумчивости, затем его лицо просветлело:

— Ты ухитрился уйти тогда, ты сделаешь это и сейчас.— Он хлопнул Карна по плечу, затем поймал его, когда тот отшатнулся от удара.— Итак, я здесь, и для нас двоих не существует ничего, с чем бы мы не могли справиться. Ведь так?

Карн согласно кивнул и обнял своего друга за плечи:

— Пойдем вниз. Я представлю тебя своей матери, и она покажет тебе твои комнаты.

Карну казалось, что железная лестница сорвется со стены, когда Иджил ступил на нее. Но этого не случилось. Люди в библиотеке подняли головы вверх, а Кит даже открыла рот. Карн смеялся про себя, «Я рассказывал ей об Иджиле, но она не верила, что он действительно может быть таким большим».

Щеки Ларги порозовели. Она протянула руки к Иджилу.

— Добро пожаловать, Олафсон. Я так много слышала о тебе.

Иджил сделал шаг вперед, опустился на одно колено и положил руку Ларги себе на лоб. Затем он встал и оценивающе взглянул на нее. Ее голова приходилась как раз ему по локоть.

— Да будет мир в твоем доме, Ларга Алиша.

— И в твоем радость и мир, Иджил.— Алиша Халарек улыбнулась, и маленькая ямочка появилась на ее правой щеке.— Ты изучал наши обычаи. Здесь же разреши мне познакомить тебя с ними.

Иджил остановил ее после двух-трех предложений.

— Извини, Ларга. Я думал, я смогу легко понимать тебя, но оказалось, что это не так. Я только немного говорю на Ромском.

Ларга засмеялась:

— Ты дурачишь меня,— сказала она на языке Галака,— у тебя

хорошее произношение.— Она посмотрела в другой конец комнаты: — Тан, принеси нам транслиты, пожалуйста.

Иджил слегка вздохнул:

— Спасибо. Я не пользуюсь ими. Четвертый язык всегда идет легче, чем второй, и у меня с собой учебные пленки.

Ларга согласно кивнула:

— Похоже, ты собираешься остаться у нас надолго. Я рада. Карну нужен друг, который не замешан в здешних политических интригах.

Ларга взяла транслит с подставки и обвила цепочку вокруг своей шеи так, что круглый микрофон оказался как раз против ее рта.

— Транслиты не слишком удобны, но не настолько, что невозможно было бы их понимать. Здесь, на Старкере IV, немногие люди знают другие языки,— она посмотрела через плечо,— на что ты их настроил, Тан?

— На языки Рома и Штерна.

— Спасибо. Теперь, Иджил, я покажу тебе твои комнаты.

В полдень на Ферму 3 поднялся транспорт с восемьюстами лучшими людьми на нем. Но это было перед тем, как генерал Цикер прислал сообщение о том, что он прибыл на ферму, размещает людей и готов в любую минуту встретить врага. Карн связался с ним в тот полдень, и генерал сообщил, что еще не видел никого из рабов. Но как на следующий, так и во все последующие дни генерал не обнаружил «врага», не делал попыток обследовать здания на ферме и не предпринимал вообще ничего, кроме как приносил извинения. В этот вечер Карн прочел копию последнего сообщения Цикера, рассвирепел, порвал сообщение на мелкие кусочки и швырнул их в камин в библиотеке. «Он не собирается даже пытаться очистить входы на ферме и послать людей вниз! Он говорит, что потери будут слишком велики! О Боже!»

Карн посмотрел на Орконана, Ника, Кит, Иджила и Ларгу Алишу — на всех на них, глядевших на него в молчании.

— Цикер не может предположить, что рабы сами придут к нему. Они уже там, где хотели быть. Уже конец нарна! Послезавтра принятие присяги, а мои солдаты сидят на поверхности вокруг Фермы 3, в грязи, и ждут Цикера и бог знает чего еще! Рабы же сидят в тепле и уюте, а наши единственные потери от мороза!

Карн повернулся, чтобы толкнуть ногой полено в огонь, но вспомнил, что это не тот огонь, которым он наслаждался последние пять лет, и поставил ногу на пол. Этот огонь был лишь имитацией, с дровами и языками пламени, которые выглядели так реалистично. Карн посмотрел на Ларгу и фон Шусса.

— У генерала Шенна пневмония, а Цикер не шевелится. Ладно, придется пошевелиться нам. Я беру всех синих, чтобы открыть эту ферму. Тан, пошли за лидером группы Греггом. Вели ему собрать людей. Завтра за час до восхода солнца они должны быть

на площадке для флиттеров. Я хочу, чтобы ты вел транспорт, Ник. Если кто-нибудь и может здесь безопасно вести его, то это ты.

Предводитель группы Грегг приветствовал Карна за дверью площадки для флиттеров:

— Все, что вы приказывали, исполнено, повелитель.

— Хорошо. Выделите четырех человек для сопровождения флайера. Я хочу взять Цикера и всех его сторонников как можно быстрее. Пусть люди в транспорте разделятся, чтобы занять все убежища для группы. Никто не должен применять оружие, пока мы не приземлимся на Ферме 3. Мама,— повернулся он к Ларге,—будь за меня, пока я не вернусь. Не смотри так встревоженно. Да, возможно, Ричард приложил к этому руку. Он надеется, что я сделаю что-нибудь перед присягой, чтобы вызвать презрение у моих вассалов! Он зря надеется, власть не достанется ему.

Ларга улыбнулась. Карн поцеловал ее в щеку, побежал к флайеру, забрался в него и сел в кресло пилота. Когда он выглянул из-за него, он увидел Иджила, наблюдающего за ним с пассажирского сидения:

— После твоей речи о безопасности прошлой ночью я решил не спрашивать тебя, можно ли лететь с тобой. Твоя борьба — это моя борьба, Карн.

Карн посмотрел в глубокие голубые глаза. Он мог бы спорить, но это было так же безуспешно, как спорить с луной. Выставить Иджила из флайера было не самым легким делом.

— Будет ли толк, если я прикажу тебе уйти?

— Никакого. Я пришел сюда не для того, чтобы прятаться от трудностей.

Локаторы флайера исследовали землю, большую часть галактики. Карн взглянул на панель контроля. Разрешающий зеленый свет замигал на ней.

— Мы готовы, милорд.— Голос ком-центра заполнил маленький отсек.

Разрешающий свет стал постоянным. Карн поднял флайер в воздух. Он почувствовал легкое возбуждение, которое всегда ощущалось, когда флайер, который он вел, поднимался в небо.

Через четыре часа они достигли Фермы 3. Под левым крылом он увидел очертания убежищ, выглядевших странными черными скалами. Он один раз облетел район, затем приземлился прямо у командного пункта. Карн выскочил из флайера и побежал. Остальные четыре пилота бежали за ним, а оставшийся флайер быстро покрывался снегом, который приносил ветер.

Вместе с Иджил Карн ворвался через люк в командный пункт. Генерал Цикер и его помощники вздрогнули и застыли. Они играли в дип и флайер, и кости, оброненные ими в удивлении, покатились по игральному столу. Звук, издаваемый ими, в наступившей тишине казался еще громче.

Один из офицеров бросился к пульту. Карн выстрелил из лучемета, и помощник схватился со стоном за руку. В пластиковой

стене возле него образовалась пробоина. Снег залетал через нее и таял на полу.

— Посмотри, что ты наделал,— начал генерал.

— Вам не нужно больше убежище, генерал,— перешел в наступление Карн,— вы уволены за измену.

Грегг протиснулся в дверной проем, сопровождаемый тремя другими пилотами, Ником и группой синих из транспорта. Карн остановил свой взгляд на одном из офицеров, худощавом молодом человеке с рыжеватыми волосами и большими ловкими руками.

— Эй вы, у вас есть какая-нибудь связь с фермой?

Тот нервно кивнул.

— Есть ли у рабов предводитель? Имеете ли вы подход к нему?

Офицер кивнул оба раза.

— Тогда почему вы сидите здесь?— Карн уже кричал на генерала.

— Вы разговариваете с командиром, повелитель. Я все держу в своих руках. Вы...

— Генерал Цикер, вы возвращаетесь обратно с пилотом...— Карн посмотрел на человека слева от себя.

— Дженкинс, милорд.

— С пилотом Дженкинсом. Вы слишком долго были человеком моего отца. Я не могу верить вам. Иджил, свяжи ему руки за спиной. Веревка в третьем кармане его дополнительного ремня.

Иджил шагнул к генералу Цикеру. Тот упал на колени.

— Избавьте меня от унижения, повелитель.— Генерал слегка повернулся, опустив правую руку в карман. Иджил бросился к нему, схватил его правую руку и держал до тех пор, пока не разжались его пальцы, онемевшие от боли. Маленький пистолет упал на игральный стол. Карн уставился на него. Смерть. От одного из служащих его семьи.

— Спасибо, брат. Я не...— Карн остановился, подождав, пока не спадет оцепенение. Когда он снова посмотрел на генерала, его глаза были холодны, как у кошки.— Я слишком долго жил в мире, где человеческому слову можно верить, а верность подданных своему повелителю не ставится под сомнение.— Карн посмотрел на ожидающих его синих.— Выведите этого предателя наружу и убейте его. Тело оставьте на растерзание медведям.

— О-о-о.— Все звуки, произносимые Цикером, слились в один протяжный выдох.— Ты никогда не будешь частью Лхарра, какой был твой отец.— Слова жалили, и генерал знал это.

— Ты и твоя мать с ее нежными связями с иностранцами...

— Уберите его!

Объединившись, Дженкинс и несколько синих выволокли генерала наружу.

— Перед твоими людьми!— Лицо и голос Иджила выдавали волнение.

— Это обычная вера, созданная моим собственным отцом,— ответил Карн с горечью. Он посмотрел на пилотов.— Один из вас уберет командирский пульт. Я хочу, чтобы все сотники лагеря немедленно были здесь. Фон Шусс, ты проверишь каждый барак и посадишь на транспорт каждого с обморожением или лихорадкой. Затем сообщишь мне, сколько людей осталось. Руководитель группы синих проследит за разоружением помощников генерала и запрет их отдельно в транспорте под охраной стражи.

Офицеры побелели, и один из них произнес дрожащим голосом:

— Повелитель, мы ничего не знали о планах генерала, мы подчинялись приказам. Лорд Карн, будьте милосердны.

— Вы можете доказать свою верность в другой раз, а сейчас у меня нет настроения давать вам шанс. Где карта входов на ферму?

Один из офицеров, к которому возвращался его цвет лица, показал на сверток, лежавший у стены.

— Спасибо за наши жизни, милорд. Ваш отец не оставил бы нам шанс.

Карн повернулся спиной, как будто он ничего не слышал, и направился к свертку с картами. Развернув его, он приложил палец к точке на карте.

— Мы здесь?— Говоривший офицер кивнул.— Как раз около одного из выходов?— Тот снова кивнул:

— Генерал не любил ходить слишком далеко по снегу.

— Тогда почему он не использовал его?

— Он один ведет в верхний ангар и контролируется рабами. Есть еще два других, на более глубокие уровни. Они открыты, милорд.

— Но почему он выбрал этот вход?

— Он тогда не контролировался восставшими, мой повелитель.

Карн длинно и с чувством выругался на трех языках. Его солдаты мгновение с изумлением смотрели на него, затем заулыбались. Это остановило Карна на полуслове.

— Что случилось?— улыбки исчезли. Тогда Карн тоже улыбнулся, затем засмеялся, и солдаты засмеялись вместе с ним. Карн повернулся к пилоту:— Идут сотники?

— Да, милорд. Расстрел генерала не остановил их.

— Посмотри, нельзя ли добраться до главного дома на ферме?

Ком-оператор повернулся к пульту.

Карн обратился к помощнику генерала, который показывал ему карту.

— Твое имя?

— Обрен, повелитель.

— Покажи, где, по твоим сведениям, находятся восставшие.

Молодой офицер показал на здания на карте. Мятежники

взяли в кольцо главный дом на ферме. Карн не оторвался от карты, когда услышал выстрелы через открытое окно.

— Где открытые входы?

Офицер показал.

— Сколько уровней вниз?

— Лестница спускается на девять уровней, повелитель. Грузовой лифт идет как раз прямо отсюда и опускается до ангара, где и находится база мятежников.

Карн повернулся назад и принялся изучать группу сотников, которые только что вошли. Они все были близко по возрасту к его отцу. Трое из них выглядели очень уставшими. Двое других перешептывались, сжимая и разжимая кулаки. Их лица были бледны и блестели от пота. Последний член этой группы, худой высокий офицер примерно пятидесяти зим от роду стоял в некотором отдалении от других, наблюдая за остальными. Губы его были слегка сжаты, что выдавало его волнение.

— Где остальные? Их было восемь.

Худой офицер сделал шаг вперед и отдал честь.

— Сотник Винтер, милорд. Я только что посадил их на транспорт. Они ухаживали за своими людьми и сами заразились снежной лихорадкой. Сотник Рот при смерти, милорд.

— Спасибо, Винтер. Что же делали остальные? Спали?— Трое офицеров с помятыми лицами вздрогнули и опустили глаза, стараясь на встречаться с Карном взглядом.— А вы двое? Ну?

— Они только что приехали, милорд,— сказал Винтер после некоторого молчания.— Срочное дело в теплой гостинице в Лоче.— Тон Винтера был сух.— Цикер предупреждал их один раз, когда они оставили своих людей, но его не оказалось рядом, чтобы остановить их на этот раз.

Двое офицеров покраснели. Они смотрели на Винтера, но не отрицали сказанного.

— Кто дежурный офицер?

Один из офицеров с помятым лицом показал на более высокого из двух шептавшихся мужчин.

Обвиняемый начал было что-то бормотать про медицинские показания и отмороженные конечности.

— Ты пленник. Ты будешь расстрелян, если трибунал признает действительными обвинения, выдвинутые против тебя. Вы, там, отведите его на транспорт в одиночное заключение.— Карн повернулся к двум другим.— Вы уволены. К концу дня вы должны убраться из Владений. Офицер должен быть рядом со своими людьми до приказа его командира.— Карн мрачно посмотрел на оставшихся сотников:— Сложите оружие.— Он подождал, пока оружие было брошено на землю.— Вы все, кроме Винтера, доберетесь на транспорте до Онтара и там будете ухаживать за жертвами этого фиаско, пока они не поправятся и не выйдут из клиники. За это время мы посмотрим, сдержите ли вы свои обещания. Вперед!

Сотники бросились за дверь. Карн направил трех синих, стоявших около двери, сопровождать их.

— Где был ты, Винтер?

— Как я уже сказал, повелитель, я только что посадил сотников Мартина и Рота на транспорт. До этого я отправлял отсюда жертв моего собственного отряда.— Винтер сжал руки в кулаки.— Это все пребывание здесь! Бараки не приспособлены для осады, повелитель.

— Сколько ваших людей пострадало?

— Тридцать процентов, повелитель. В основном это обмороженные.

Карн присвистнул.

— В остальных сотнях такая же ситуация?

— Намного хуже, милорд. Мои мази были под прикрытием некоторых из этих больших скал.

Карн кивнул:

— Хорошая мысль. Позовите всех своих боеспособных людей. Вы поможете нам покончить с этой осадой.— Карн повернулся к оператору: — Ты связывался с центральной усадьбой?

— Не отвечают, милорд.

— Я надеюсь, мы не опоздали. Можно ли услышать мятежников по радио, Обрен?— Тот кивнул и назвал длину волны.

— Посмотрите, сможете ли вы их поймать, пилот. Остальные взгляните на эту карту.— Он развернул большой лист.— Мы используем два входа на глубину. Если они завалены снегом, используйте ковш флайера, чтобы очистить их. Мы проникнем в коридор и из него поднимемся к мятежникам.

— Управляющий фермы — их заложник, милорд,— произнес пилот, не подняв головы от пульта.

— Увеличь звук,— велел Карн.

Шум и ругань разъяренной толпы наполнили комнату. Карн откашлялся, вытер потные руки о штаны и распорядился:

— Отправьте половину людей вниз прямо сейчас, Винтер. Пусть их сопровождает лучший командир отряда. Пилот фон Шусс, кто лучший командир в Г-сотне?

— Карсен или Валтт, милорд.

— Выбери одного из них и пошли вниз с отрядом из пятидесяти человек. Пусть они откроют канал 26 для остальных.

Винтер и фон Шусс отдали честь и исчезли.

Карн включил передатчик:

— На связи командный пункт. Я — Лхарр Карн. Это восстание слишком затянулось. Мы закончим с ним сегодня. Генерал Цикер мертв. Сдавайтесь и предотвратите кровопролитие.

— Если мы сейчас сдадимся, то прольется наша кровь,— зазвучал в наушниках глубокий низкий голос.— Мы умрем в честной схватке. Зачем сдаваться, чтобы нас потом убили?

Карн услышал крики восставших, поддерживающих говорившего.

— Кто это говорит?

— Анс-кузнец. Ты, значит, теперь новый Лхарр?

— Да.

— Они послали мальчика, чтобы тот сделал работу за целую армию,— съязвил Анс.

— Я пришел сам. Освободите управляющего, и я прекращу репрессии.

Ответа снизу не было.

— Я обещаю, что репрессий не будет, если вы освободите управляющего и вернетесь на работу,— повторил Карн.

— Не будет репрессий!— Хриплый раскатистый смех раздался в наушниках.— Ни твой, ни мой род никогда не держали данные друг другу обещания. Нет, ферма рухнет и погребет нас. Вы не выгоните нас отсюда.

Карн заметил, что Винтер вернулся. Карн сделал ему знак молчать и вопросительно взглянул на офицера. Тот тряхнул головой и показал пять пальцев. Переговоры продолжались.

— Мы заморим вас голодом так же, как вы это сделали с теми, кто жил на ферме.

— Это займет годы, мой прекрасный лорд. У нас в руках заложники.

Карн взглянул на Винтера, и тот кивнул.

— Вы не можете противостоять тренированным обученным солдатам. Отпустите управляющего и остальных заложников. Они здесь ни при чем.

— Ни при чем! Вы еще говорите это! Вы, по чьему указу нас доводят до изнеможения, а плата за еду постоянно растет. Наши семьи голодают из-за управляющего, а вы говорите ни при чем!

Карн бросил взгляд на фон Шусса, но тот пожал плечами. Подобные соглашения с рабами не были распространены в то время. Мозг Карна напряженно работал. Чтобы спасти себя и свой дом, ему придется сделать то, что считалось невозможным для одного из Девяти. Он должен выбрать путь Гхарра, поднятого на Старкер IV. Карн повернул выключатель и посмотрел на своих людей, на их лица, пытаясь прочесть их мысли, и наконец понял, что делать. Его лицо и голос стали властными настолько, что офицеры не могли спорить с ним, памятуя, как его отец обращался со спорщиками.

— Я иду вниз, чтобы встретиться с ними лицом к лицу. Они знают, как легко лгать на расстоянии. Я хочу, чтобы Винтер, фон Шусс, Иджил, Дженкинс, ты, ты и ты из синих и ты, пилот...

— Виллем, повелитель.

— Вы все пошли со мной.

Карн снова щелкнул выключателем.

— Я иду вниз, чтобы поговорить с вами, и веду с собой восемь человек. Свое оружие мы оставляем здесь.— Карн прервал связь прежде, чем рабы могли ответить. Он достал оружие из костюма, бросил его и направился к выходу. Его люди запротестовали:

— Милорд, это несерьезно. У вас нет шансов. Пусть люди на первом уровне охраняют вас.— Карн посмотрел на молодого офицера из синих, кто предложил это.

— А если удивление мятежников, вызванное нашим появлением, не принесет нам победы? Что тогда? Они погибли! Погибли все! У нас было уже достаточно нелепых жертв. Нет, пусть они лучше привлекают внимание мятежников, оставаясь на месте.— Он двинулся вперед.

Фон Шусс положил свою руку на плечо Карну:

— Пусть кто-нибудь из нас пойдет вперед, мой повелитель. Не рискуй собой без необходимости.

Карн кивнул:

— Но это будешь не ты, Ник. Твой дом не лучше выглядит без наследника, чем мой.

Виллем, Дженкинс и двое из синих прошли вперед. Они ступили в глубокий снег, который почти закрывал лифт, оставляя свободным лишь вход в него. Один из синих открыл крышку лифта:

— Сюда, милорд!

Люди, сопровождавшие Карна, спустились в квадратный грузовой лифт. Карн спрыгнул в него последним, нажал кнопку, и лифт, вздрогнув, пошел вниз, а затем так же резко остановился. Дверь открылась, и рослый, мускулистый раб в сопровождении, по крайней мере, пятидесяти других вошел в лифт.

Карну показалось, что он уловил тень уважения в светлых глазах раба.

— Кто из вас Лхарр?

Карн сделал шаг вперед.

— Я. Ты — Анс-кузнец?

— Да. Ты намного моложе, чем я думал! Вы выходите?

— Я чувствую себя лучше здесь,— ответил Карн.— Я не знаю, насколько ваши люди находятся под контролем. Мои же не откроют огонь до тех пор, пока на них не нападут.— Он протянул руки вперед:— Смотрите, у меня нет с собой оружия.

— Это немного, учитывая, что твои люди вооружены и ты защищен с трех сторон. Однако ты сдержал слово.— Анс повернул голову и посмотрел на трясущегося человека в коричневой одежде, стоявшего напротив стены около лифта. Тот поднял голову, и Карн узнал в нем своего управляющего.

— Будьте милосердны, повелитель,— дрожащим голосом произнес тот.

— Ты лишал этих людей еды?— Руки управляющего вцепились в края его одежды.

— Ты... делал это?

— Мой... мой повелитель. Д-да, мой повелитель.— Лицо Карна побагровело, но голос оставался спокойным.

— Ты облагал их налогами за одежду и жилище?

— Да, мой повелитель. Я делал это.

Карн сосчитал до тридцати медленно, дважды. Он заставлял

себя говорить тихо. «Мы хорошо платили управляющим. Мы обеспечивали всем необходимым наших рабов. Мы никогда не облагали их налогами на то, в чем они действительно нуждались».

— Твои действия незаконны. Они негуманны.— Карн прикрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

— Дом Халарека всегда хорошо обеспечивал своих рабов, и с ними никогда не было проблем. Ты заставил целую ферму воевать с твоей жадностью. По твоей вине сотни людей стали жертвами этой войны.

Управляющий выглядел смущенным.

— Но, повелитель, дом Халарека всегда разрешал мне некоторую дополнительную работу в пользу управляющего.

— Некоторую дополнительную работу! А сейчас сотни солдат сидят на поверхности слабые и обмороженные, и все из-за твоей жадности.

— Но, повелитель, кто-то звонил мне из Онтара и предложил мне делать так. Он сказал, все так делают, и что новый Лхарр...

Пальцы Карна вцепились в руку управляющего:

— Кто сказал это?

— Он не назвал себя.

— И тебе не показалось это странным?

— Я не думал об этом, милорд.

Карн почувствовал, что сейчас ударит управляющего. Вместо этого он повернулся к кузнецу:

— Я хочу, чтобы жившие на ферме вернулись сюда и были в безопасности.

— Это в вашей власти, повелитель.

— У вас через три дня будет новый честный управляющий.

— Мы голодны, повелитель. Обещания не наполнят желудки.

— Я выполню обещанное.

— Увидим, повелитель.

— Что вы хотите?

— Извинения, повелитель. И управляющего, который подходил бы нам.— Кузнец ткнул управляющего пальцем в бок, тот вскрикнул и затрясся, как осиновый лист.

Карн почувствовал легкую усталость. Неужели у человека нет гордости? Как он может так раболепствовать?

— Извинения ты получил, кузнец. Но это была провокация.

Люди за Карном затопали ногами и возмущенно зашумели.

— Твой отец не сказал бы так, повелитель.

— Мой отец умер, кузнец.

— Возможно, ты скоро последуешь за ним.

— Ты неглуп, кузнец. Убей меня, и дом Халарека уйдет опекунам. Это значит, он будет в руках сильнейших фамилий —Харлан, Одоннел, Джастин.

Кузнец задумался.

— Нехорошо это, повелитель. Четыре пальца я уже оставил

палачу Одоннелов. Снова убежать я бы уже не смог, и тогда я был продан сюда.— Он повернулся к людям, стоявшим за ним, и они стали совещаться. Вернувшись, он сказал:

— Они не верят твоим обещаниям, повелитель. Им не нравятся эти отряды солдат под нами. Они не хотят отпускать этого,— он ткнул пальцем в управляющего,— и ты не сказал, что солдаты уйдут наверх, повелитель.

— Я не давал вам никаких обещаний за исключением тех, что касаются лично меня. Мне пришлось рисковать своей жизнью и потому я застраховал ее.

Сверху раздался громкий треск. Карн поднял голову, затем вопросительно посмотрел на кузнеца.

— Мы также застраховали свои жизни, милорд. Лифт может подняться вверх при нажатии одной кнопки, а для тебя есть еще и лестница, но силовой трос перерезан.

Глава седьмая

Один из людей в лифте тихо охнул от изумления. Некоторые из рабов достали ножи и тесаки. Толпа двинулась вперед, подталкивая кузнеца к лифту.

— Назад! — закричал кузнец.

Рабы отступили назад.

— Наши силы равны, повелитель,— сказал кузнец с угрюмой усмешкой.

Карн посмотрел на раба, взвешивая свои возможности. Удивление уже прошло. Солдаты снизу проложат путь на любой уровень, если он и Винтер позовут их. Сил достаточно для того, чтобы убить или взять в плен всех рабов в ангаре. Но к этому времени рабы расправятся с теми, кто сейчас находится в лифте.

Стоявшие за кузнецом мятежники потрясали кулаками или бряцали оружием. Стоявшие сзади всех подпрыгивали, чтобы увидеть, что происходит, и выкрикивали проклятья. Один из них, мальчик лет двенадцати или около того, вскарабкался на плечи своему соседу и сообщал о том, что он видит. Кузнец наблюдал за Карном с кривой ухмылкой на губах.

— Подумай хорошенько, повелитель. Я не всегда был рабом и знаю многие уловки знати.

— Я обещал вам индульгенции. Если я умру здесь...

Пожилой человек в запятнанной ветхой одежде подошел ближе:

— Индульгенции легко обещать здесь, повелитель,— проговорил он,— но кто скажет, что мы останемся при них, когда вы выйдете на поверхность.

— Я держу свое слово,— твердо ответил Карн.

— Это говорите вы,— язвительно усмехнулся старик.

— Я сдерживал слово, данное вам. Применяться оружие не будет.

Винтер бросился из лифта и схватил старика за руку.

— Это Лхарр. Никто не должен говорить с ним так.

Карн поймал взгляд сотника.

— Спокойно, Винтер. Его слова не обижают меня. Я не хочу, чтобы кто-нибудь погиб здесь.— Винтер стиснул зубы, но отпустил старика и вернулся в лифт.

— Назад, Эноч. Переговоры веду я.— Кузнец грубо втолкнул старика в центр толпы.

— Держите его там,— сказал Анс-кузнец соседям Эноча.— Я не хочу, чтобы он будоражил остальных.— Он вернулся к двери лифта.— Мой контроль над ними ослабевает. Они слишком долго ждали. Мы должны верить друг другу. Итак, повелитель...

— Я предлагаю свободу.

Кузнец сплюнул как раз около открытых дверей лифта.

— Что они знают о свободе? Им нужно что-нибудь более конкретное.

— А вам?

— Я уже был свободен один раз. Я был одним из счетоводов королевства. Он послал меня в рабство за карточный долг, сказав, что держать в руках деньги — это слишком большое искушение для игрока. Я играю и сейчас, повелитель. Свобода устроит меня, но они,— он кивнул головой через плечо,— им нужно что-то, что можно потрогать руками. Например, управляющий. Его жизнь.

Карн посмотрел на стонущую кучу коричневой одежды. Он заслужил это, что бы они ни сделали с ним. Идеи Болдера о справедливости не могли существовать здесь. Здесь люди верили, что человеческие жертвы — это наиболее подходящее наказание. Он кивнул головой, соглашаясь, затем сказал:

— Приведи это семейство ко мне.

Кузнец повернулся к молодому мятежнику.

— Приведи их сюда, Нил.

Анс вынул пистолет и затянул портупею.

— Ты будешь моим посыльным. Пусть они бегом бегут сюда. Мы торопимся.

Карн почувствовал, что его шея и плечи напряжены. Мускулы его ног одеревенели. Он старался подготовиться к завершающим шагам этой сделки, но его мозг не мог отрешиться от проблемы, занимающей его сейчас. Кузнец был настоящим лидером, вожаком, и он был опасен, оставаясь рабом. Трев Халарек уладил бы инцидент после того, как оказался бы в безопасности. Это оставило бы рабов без вожака и сделало бы их более уступчивыми. Карну нужно было что-то предпринимать с кузнецом, как только сделка завершится. Должен был быть какой-то путь использовать ум Анса и его власть над другими людьми.

Детский плач и женские рыдания донеслись из коридора снару-

жи, от ангара. Дверь открылась, и толпа посторонилась, пропуская внутрь группу из пятнадцати человек.

— Это все? — спросил кузнец.

Молодой раб кивнул:

— Две взрослые женщины, шесть детей и девять родственников.

— У него было две жены? — спросил изумленно Карн. Он не имел никакого желания расспрашивать дрожащего трясущегося труса, поставленного у стены напротив.

Кузнец кивнул:

— Да, и наложница из рабов, повелитель.

«Три женщины, у мужчины три женщины», — с гневом подумал Карн. Женщин было так мало, что многие из знатных семей не могли оставить прямого наследника. А этот недостойный сын недостойного дома взял трех!

Карн вышел из лифта и двинулся к семье.

— Отправьте их на поверхность, — велел он Ансу-кузнецу.

— Наша сделка не завершена, повелитель.

— Я остаюсь здесь. Уведите его семью, чтобы он не мог ее видеть.

— Не будьте дураком, лорд Карн! — произнес Винтер.

— Я остаюсь с тобой, — Иджил вышел из лифта.

— Трое — лучше, чем двое, — сказал Ник фон Шусс. — Я тоже остаюсь.

— Ты — последний наследник своего дома. Ты не можешь рисковать, Ник.

— Ты — последний в своем.

— Это мои рабы, моя ферма. Это моя проблема.

Фон Шусс упрямо сжал губы и перестал смотреть на Карна. Виллем снял чехол со своего лучемета и вышел из лифта за фон Шуссом. За ним следовал Винтер.

— Охраняйте этих людей, пока мы не поднимемся наверх, — приказал Винтер трем синим в лифте. Те подняли свои станнеры.

Карн показал на лифт.

— Торопитесь, — сказал он семье, сбившейся в кучу, — время бежит быстро для всех нас. Вперед.

Те бросились к лифту. Анс-кузнец сказал пару тихих слов в передатчик и затем закрыл двери лифта.

— У меня внизу есть человек. Он поднимет лифт с помощью лебедки.

Лифт стал медленно подниматься и вскоре исчез из виду. Никто не произнес ни слова, пока индикатор не показал, что лифт достиг поверхности и теперь опускается вниз. Когда он прибыл в ангар, Карн открыл двери и ткнул трясущуюся кучу одежды:

— Вставай.

Тот поднялся и съежился, стараясь казаться меньше.

Карн был охвачен гневом и негодованием. Ему пришлось замолчать, чтобы взять себя в руки.

— Жизнь наша и жизнь солдат внизу. Конец восстания для нас, жизнь управляющего для других и свобода для тебя. Это сделка, Анс-кузнец?

Кузнец повернулся к толпе и повторил предложение Карна:

— Это сделка?

— Да! — заревела толпа. Она подалась вперед, схватила управляющего и увлекла его в коридор. Там характер криков изменился, и Карн заставлял себя не слушать их. Он пытался сконцентрировать внимание на комнате и людях, находящихся в ней. Крики управляющего становились все слабее. Лицо кузнеца было непроницаемо.

Анс пожал плечами и потянулся.

— Какое слово должен дать раб, о повелитель?

— Мне нужно не твое слово, а ты сам, заложник за свое обещание. Прикажи своим людям, чтобы они не причиняли больше вреда ферме. Она должна работать как следует. — Карн увидел, как сжалось тело кузнеца и он схватил свой лучемет. Иджил прыгнул вперед и приземлился возле Анса, слегка пригнувшись. Он усмехнулся.

— Я ждал момента, когда смогу побороться с тобой, Анс-кузнец. Ты осмелишься схватиться с борцом Дринна?

Кузнец слегка присвистнул:

— Ты один из них, — сказал он на Галаке, — я не хочу драться с тобой всерьез, молодой чужеземец. Но потехи ради мы как-нибудь поборемся с тобой.

Он повернулся, чтобы сказать что-то в передатчик, стремительно развернулся и бросился к Иджилу. Тот отклонился, затем быстро схватил кузнеца за руку, заставив его стоять на месте.

Кузнец рассмеялся:

— Я так и думал, что у тебя выйдет неплохо. В другой раз испытание будет более сложным. Мы посмотрим, что ты сможешь сделать, если я не дам поймать себя. — Кузнец продолжал улыбаться и не пытался позвать людей из коридора.

Иджил вел его до тех пор, пока солдаты в лифте не взяли его под свое наблюдение. Кузнец сам зашел в лифт, а Карн и Иджил последовали за ним.

Лифт заскрежетал тросами. Когда они достигли поверхности, Иджил открыл двери, и снег посыпался на пассажиров. Карн выскочил наружу, мягко приземлившись на покрытую снегом землю. К своему удивлению он обнаружил, что день близится к концу. Начал подниматься ветер, неся за собой снег. Тяжелые серые облака затянули небо. Похоже, шла ранняя ухлская гроза. Карн повернул свое лицо к ветру и ледяным крошкам, которые тот нес с собой.

— Винтер, что ты можешь сказать о транспорте, который ты видел?

Сотник спрыгнул из коробки лифта на снег около Карна.

— Почти полон, милорд. Жертвы восьми сотен...

— Посади в него столько людей, сколько он сможет поднять. Фон Шусс, собери боеспособных мужчин и отправь их вниз к Карсену и Валтту. Потом ты с синими можешь сопровождать семейство с фермы,— Карн остановился, чтобы подавить свое отвращение к жадности управляющего,— проводи их на транспорт и можешь возвращаться на Онтар.

— Лорд Карн, позвольте поговорить с вами наедине.

Карн безуспешно пытался прочитать по лицу фон Шусса его мысли. Сдавшись, он отошел с пилотом к дальней стороне лифта. Ветер завывал около лифта, проникал через одежду людей, сбивая их с ног. На несколько минут снег затмил все вокруг. Исчезли даже яркие огни транспорта.

— Ты должен уехать сейчас, Карн,— быстро сказал Ник,— это единственный флайер, который полетит сегодня. Остальные слишком легки, и лететь на них в такой шторм, какой, похоже, будет сегодня, слишком рискованно.

— Мы оба на одном корабле? Не будет ли это удачей для Ричарда?

— Какова вероятность того, что Харлан атакует здесь, ночью, 35-го нарна?

— А какова вероятность того, что он отправил кого-то на Онтар, чтобы подкинуть этому управляющему идею о налогах?

— Ты знаешь, что он мог сделать это откуда угодно. Для того же, чтобы заполучить транспорт, ему надо как минимум иметь тяжелое оружие здесь, на Ферме 3. Это было бы нам известно.

Карн вздохнул:

— Возможно, я борюсь с тенями. Предатель где-то в Доме, мятеж рабов, который не подавлен до конца, и принятие присяги завтра.— Он смотрел, как Винтер и Обрен, пользуясь затишьем ветра, ведут кузнеца к транспорту.

— Из недостаточно подозрительного я превратился в подозрительного чересчур.— Он посмотрел на своего друга.— Я хочу жить, Ник. Я хочу спасти свой Дом, но не хочу умереть, делая это.

Ник положил одну руку на плечо Карна. В молчании они смотрели, как возвращаются Винтер и Виллем.

— Винтер,— сказал Карн.— Я знаю, у тебя были три тяжелых дня, но я хочу, чтобы ты еще поработал. Я оставляю тебя здесь старшим. Пусть люди на первом уровне проверят всю ферму. Все группировки рабов должны быть разогнаны, а сами рабы отправлены в свои жилища, где они будут находиться до конца шторма. Ник думает, что шторм разразится завтра к полудню, так что мы сможем послать транспорт за тобой и твоими людьми. Рабы теперь будут мирно настроены, по крайней мере, некоторое время. На Онтаре ты сможешь неделю отдохнуть.

Винтер отдал честь и пошел через снег к ближайшему убежищу. Карн и Ник присоединились к Иджилу, который ждал с другой стороны лифта, и все они пошли к транспорту, покрытому снегом.

Несколько часов спустя они достигли Онтара. Карн лично проследил за выгрузкой раненых, определил для сотников порядок дежурства и повидал Анса-кузнеца, помещенного в комфортабельные комнаты для политических заключенных.

Карн велел принести хлеба, мяса и пива для всех, кто был в состоянии съесть их, внимательно выслушал отчет Ларги о дне, прошедшем без событий, после чего он и оставшиеся солдаты разошлись, чтобы поспать несколько часов.

Оставшись один в своей холодной комнате, Карн растянулся на большой кровати и заснул еще до того, как успел накрыться одеялом.

Казалось, что его голова только коснулась подушки, а нетерпеливые руки уже барабанили по его двери, пытаясь разбудить Карна.

— Вставай, бездельник! Твой день настал! Вассалы ждут.— Голос Иджила гремел по всей комнате.

Карн скатился с кровати и уставился на каменный потолок. Он был таким серым! Серым был весь малый Дом. «Как приятно,— сонно подумал Карн,— иметь потолки голубого цвета, как летнее небо, окаймленное травой и полевыми цветами. Может быть, тогда зима не казалась бы столь долгой».

Иджил заколотил по двери громче:

— Ты еще не встал? Выходи! Люди Орконана ждут.

Карн медленно сел, нехотя спустил ноги с кровати и потянулся. Зима означает, по крайней мере, безопасность. 160 дней не будет ни осад, ни поединков, ни убийств. Он зевнул.

«Что не успели сделать за последнюю неделю, так это провести подготовку к присяге».— Он заставил себя слезть с кровати и побрел в ванную.

Через несколько минут он вернулся в свою комнату, вытирая насухо свои волосы.

— Заходи, Иджил. Извини, что я так долго. Ты говоришь, большой день? Вассалы? Стража?

Иджил разразился смехом.

— Тебе следовало бы посмотреть на свою физиономию. Да, вассалы. Они ждут уже часа два. Ты спал слишком долго. Никто не мог разбудить тебя. Тогда Ларга послала твою сестру, чтобы она попыталась сделать это.

Карн театрально содрогнулся:

— Я проспал? Я не знаю никого, кто спал бы дольше времени, которое установлено Кит для подъема.— Он посмотрел на свои часы, и его рот печально скривился: — Похоже, мне уже пора надевать костюм для церемонии.

Одежда лежала на подносе у ножки кровати. Карн надел Халарекские синие брюки, украшенные снизу узкой полоской короткого коричневого меха, свободную рубашку рыжевато-коричневого цвета с длинными рукавами и вышитыми краями, вельветовый жилет, синюю шляпу, украшенную свободно висящими полоска-

ми кожи, и синюю накидку до колен. Он перекинул накидку через правое плечо, затем взял с подноса продолговатый сверток. Иджил подошел поближе, чтобы лучше видеть. Карн положил сверток на кровать и аккуратно развернул его. Внутри был меч с рукоятью, отделанной драгоценными камнями. Меч был в употреблении уже не один раз, и некоторые из камней потерялись. Карн повесил меч себе на пояс так, что рукоятка оказалась на уровне его левого бедра. Одним коротким движением Карн вытащил меч и взмахнул им.

— Это меч, который выиграл Халарек пятьсот лет назад. Мы — молодой Дом.— Карн встал, слегка расставив ноги, поставив меч на пол острием и скрестив руки на его рукояти.— Как я смотрюсь?

Иджил медленно обошел вокруг него.

Карн широко улыбнулся.

— Мы очень привержены традициям здесь.

Иджил засмеялся и показал на меч.

— Вы до сих пор пользуетесь этим?

— Только для формальных дуэлей.— Карн вложил меч в ножны и повернул Иджила к двери.— Давай подкрепимся прежде, чем Орконан найдет меня. Мои обязанности хозяина к случаю. Кажется, я пропустил множество обедов за эти дни.

Но для этого времени не было. Орконан встретил их в холле и тут же начал говорить с Карном о вассалах, сеньорах и присягах. Совсем скоро, думал он, Карн будет стоять в середине своей официальной свиты перед дверью Большого Зала в ожидании Ларги. Люди заполнят Зал и галереи. Огромные знамена разных цветов, каждое с широкой темно-синей полосой, обрамленной узкими зелеными каемками — знаки Халарека, свисали с колонн под галереями. Горящие факелы посылали струи черного дыма к сводчатому потолку. Дым колыхался над головами толпы, поднимаясь от церемониальных курильниц, раскачиваемых мальчиками в синем.

Друзья, Семья, вассалы — собрание двигалось, как озеро на ветру. Все были ярко, по-праздничному одеты. Здесь и там Карн видел особенно броские всплески пурпурного, зеленого, красного и даже золотого на вуалях тонких конических шляп высокородных дам.

«Солнце» играло в гранях окон, сверкая в цветном стекле и бросая в толпу острые блики и искры. В другом конце Зала был помост для Лхарров. Высоко над ним висел огромный деревянный крест. Под этим крестом Карн будет принимать свою присягу, когда его официально назовут Лхарром в следующем адене, десятого. Сегодня, когда вассалы произнесут клятвы верности, стол Лхарров будет накрыт на помосте для праздничного обеда.

Личный телохранитель Ларги прокладывал ей путь. Ларга поспешила к Карну.

— Извини, что опоздала, сын.— Она поправила свою высо-

кую шляпу.— Как я выгляжу?— Она медленно повернулась. Синее, цвета Халареков, платье из ворсистой материи контрастировало с золотистыми волосами.

— Великолепно, миледи. Великолепно.

— Это то, что сказал бы твой отец.— Ларга вздохнула.— Ах, это не самое плохое, чему ты мог научиться от него. Он уделял внимание своей внешности.— Она скользнула рукой в складки юбки.— Вот, это тебе пригодится.— Она вложила в руку Карна тяжелое ожерелье распорядителя Дома.

Карн закрепил концы ожерелья на ремне меча и поправил мягкую шляпу.

— Наши гости ждут. Если вы готовы, матушка?

Она взяла его руку, и они пошли к возвышению. Стража Ларги и домашние синие прокладывали дорогу. Шепот одобрения, тихие реплики об одежде и украшениях, смех и тяжелые ароматы духов, курений и пота окружали их. Кое-где в толпе лаяла собака. Карн и Ларга дошли до низкого помоста и взошли на него. Слуги дома под галереями выступили вперед с возгласами: «Лхарр! Лхарр!»— и преклонили колени перед возвышением. Карн отвечал словами традиционного приветствия: «Благодарю, добрые люди. Я ценю вашу преданность. Идите с божьим благословением».

Слуги отошли. Карн смотрел поверх сверкающей толпы. Он страшился следующей церемонии этого ритуала. Насколько презрение его отца повлияло на эту движущуюся, шепчущую толпу людей? Что они сделают? Карн гадал: «Буду ли я кричать в одиночестве?» Он сглотнул.

— Лхарр мертв. Да здравствует Халарек!— Без колебаний толпа ответила:

— Да здравствует Халарек!

На одну секунду он почувствовал беззаботность и облегчение. Они не отвергли меня! Затем он вспомнил следующий этап. Он нашел глазами Тана Орконана, стоящего в первом ряду толпы, подозвал его.

— Семья, леди и милорды, друзья Дома Халарека, сегодня мы назначаем нового распорядителя Дома, Тана Орконана, сына Дома Коннора.

Орконан встал на колено у края возвышения. Карн склонился и одел ожерелье ему на шею.

— Тан Орконан, будете ли вы служить верой и правдой интересам Дома Халарека?

— Да, да поможет мне Бог.

— Встаньте, Господь и Ангелы да помогут вам.

Карн опустил руки на плечи стоящему Тану и поцеловал его в обе щеки.

Когда Орконан занял место рядом с Ларгой со стилосом и подставкой для записи клятв и подарков, а Гарет занял место с Карном, у стола с пакетами, Ларга Алиша подошла к краю возвышения.

— Сейчас я призываю всех верных вассалов Дома Халарека выйти и подтвердить обязательства, взятые их дедами и восстановленные по желанию Лхарра. Я, регент Дома Халарека, объявляю Карна Халарека Лхарром. Ваша клятва ему.— Ее певучий голос был удивительно силен и поразил вассалов, первыми вышедших вперед из глубины зала.

Четверо мужчин в красном с золотом подошли к помосту. Старший поклонился в приветствии Карну.

— Мы старейшины свободного города Онтара, милорд. Мы, тем не менее, признаем нашу зависимость от замка Онтар и протекцию Холдинга Халарека и его финансовую поддержку. Наш обычный нейтралитет не уменьшает нашей преданности, лорд Карн.

Все поклонились и отошли на десять шагов, прежде чем они повернулись и отошли на свои места. Старейшины городов Трин и Фриден подходили, подтверждая обязательства за землю и кварц, используемый в мастерских. Такое признание было традиционным, и старейшины возвращались на свои места с обещаниями помощи. Орконан закончил записи со Свободными городами и объявил во весь голос, что города воздали должное.

Карн взял у Гарета пару ботинок и сверток с одеждой. Он поднял это, чтобы все увидели.

— Каждый слуга Халарека в этих городах получит сегодня новую обувь для себя и детей и ткань на одежду для всей семьи.

Несмотря на то, что это тоже было традицией, толпа приветствовала дар радостными возгласами. Ларга вышла вперед и гордо подняла голову.

— Теперь я призываю благородные Дома. Выходите вперед, как требует обычай.

Первый представитель Домов, седой человек, вышел, преклонил колено и положил свои руки в руки Карна.

— Я, Пауль III Друма, по милости Бога герцог Друма, с этого часа буду верен Карну, Лхарру Дома Халарека, и его сподвижникам. Я не стану причиной смерти или пленения ни словом, ни делом, ни согласием, ни намерением. Я буду предотвращать ущерб, если смогу, и предупреждать о нем, если нет. Я буду хранить тайны Халарека. Я буду помогать всем, чем смогу, поддержке и защите наследия Карна Халарека. Мой Бог и Ангелы да помогут мне.

Карн поклонился, поцеловал Друма в обе щеки, поднял его и вручил большую коробку.

— Идите с Богом,—сказал он.

Друма был единственным членом Девяти Семей, присягающим Дому Халарека. После герцога лорды младших Домов Коннора, Лабара, Дюрлена и Номера выходили, давали клятву, получали те же поцелуи, подарки с благословением. Кузены Халарека тоже дали клятву. Последними были младшие сыновья младших Домов, имеющих фабрики и шахты от Халарека для участия

в дивидендах. Эти люди получили счет в валюте Палаты вместо подарка.

— Идите с Богом,— сказал Карн последнему и обернулся к капеллану Пути, сидящему под галереей, ожидая своей минуты.

Немолодой человек вышел вперед, воздел руки и предался молитве. Когда он вернулся к своему креслу, люди в Зале могли уйти или остаться. Ларга сделала знак менестрелям начинать и исчезла. Тамбурины, трубы грянули музыку у помоста. Жонглер двинулся в толпу, подкидывая серебряные ножи над головой. Зрители смеялись, кричали, разговаривали. Собаки были возбуждены. Одна начала лаять на барабанщиков и бегать рядом с ними, когда они двинулись вдоль Зала. Где-то на галерее заплакал ребенок. Некоторые гости вышли в коридоры, но большинство осталось, ожидая в нетерпении. Карн взглянул на Орконана.

— Чего они ждут?

— Вы забыли объявить, что все высокородные вассалы выполнили свои обязательства, милорд.— Он поднял руку, когда Карн открыл рот, чтобы заговорить.— Это как всегда, милорд. Роул, Нерут и Мелеван не пришли. Что вы хотите, лорд Карн?

Карн шепнул:

— Вот почему они ждут там. Они учли это и хотят увидеть, что я сделаю.— Карн посмотрел поверх толпы. Он знал, что тишина совсем не дружелюбная.— Они ждут, что я проявлю слабость, в которой их уверил мой отец.— Он взглянул вниз на ожидающие, почти жаждущие лица, и на минуту возненавидел их.

— Хотите, позову регента, милорд?

— Что?

— Не хотите ли, чтоб я позвал регента, милорд?

— Это только утвердит их во мнении обо мне, Тан.

— Объяви, что...

— Нет. Я не могу позволить, чтобы кто-то говорил вместо меня.— Он вскинул голову и заговорил твердым, холодным голосом:— Леди и милорды, люди моего Дома, я прерываю ваше веселье, чтобы сделать важное объявление. Церемония не закончена. Трое вассалов отказались присягнуть. Нерут, Мелеван и Роул стали теперь клятвопреступниками. Они будут наказаны за пренебрежение обязанностями.— Он ушел прежде, чем кто-нибудь смог спросить его, как.

— Встретимся в библиотеке,— сказал он Орконану тихо и покинул зал.

Когда Орконан пришел в библиотеку, Карн облокотился на камни очага, сунув руки в карманы брюк, рисуя замысловатые линии на камнях пола носком белого ботинка. Он напрягся, когда Орконан подошел к нему, взял его руки, расправил его плечи.

— Посоветуй мне. Я должен принимать правильные решения первое время,— сказал он напрямик.— У меня не будет второго шанса ни с моей Семьей, ни с тремя вассалами, ни с Ричардом Харланом.— Карн обернулся, хлопнул ладонью по камню и уста-

вился на пламя.— Будь здесь кровь предка, эти трое никогда не посмели бы так поступить с ним. Держу пари, они думают, ухл удержит «женщину» Халарека от всяких действий.

Орконан сел в кресло у рабочего стола и ждал. Карн отошел от очага и стал ходить от одной стены к другой. Мягкие туфли издавали звук «пат, пат» на каменном полу. Он остановился у кресла Орконана.

— Мой повелитель посадил бы армию в транспорты и поставил бы своих вассалов на колени, ухл или нет, и эти трое знают это! Это ужасно, почему убийство — первая мысль в этом мире! У меня внизу более сотни человек в клинике и на кроватях в коридорах, обмороженные, лихорадящие, и в глазах моих врагов будет ошибкой, что не будет раненых и мертвых. И не будет мертвых рабов. Я уже слышу хихиканье и насмешки за то, что не избиваю рабов.— Его плечи опустились, он рухнул в кресло напротив Орконана. Он встретил темные глаза пожилого человека.— Ты один из пяти человек в целом мире, которым я могу верить, и двое не могут поддержать меня в политике иначе, как только невестами скрепить альянс. Ангелы! Кто мои сторонники, правда?— Карн протянул руки и долго рассматривал их. Он уронил их на колени.

Орконан смотрел на юношу с симпатией, затем углубился в бумаги на столе.

— Ваши союзники Друма, Джастин и фон Шусс, милорд. Кингсленд чудесный человек, беспристрастный, но слишком медленно соображает, чтобы держаться с наследником Харлана.

— Мне нужна будет большая помощь, чтобы правильно принимать решения.— Карн вскочил из кресла.— Я спас мой Дом от многих несчастий, я избежал угрожающих трат по перемещению полусотни мертвых рабов, Ферма 3 снова работает, и все, что я слышу, это обвинения в слабости и тупости! — Он перестал ходить и уставился на Орконана горящими глазами, в напряжении, как будто собирался ударить кого-то. Орконан отошел на шаг, и это движение вывело Карна из гнева. Он успокоился.— Позовите Иджила и Ника, Тан. Матушку тоже. Она ничего не знает о тактике, но она регент, и детали очень важны. Ферма 3 была ошибкой, что касается моей Семьи. Мне надо было самому приказывать с самого начала. И убедить, что многие будут убиты в сражении,— добавил он с горечью.— Я не могу допустить еще одну ошибку, даже если я до сих пор не понимаю, что допустил ошибку. Я думаю, я выведу этот Дом из этого беспорядка на удивление правильно. Болдер думает. О, почему меня отослали, Тан? Почему! — Здесь, со своим другом, Карн не пытался прятать своих чувств. Время тайн слишком скоро вернется.

— Ты это знаешь,— сказал Орконан спокойно.— Ты сказал мне об этом в день, когда узнал это. Но смерть отца и его мысли и действия не значат теперь ничего. Он не может навредить. Теперь ты Лхарр. Этот Дом будет жить, как решишь ты.

Карн сел в темной тишине. Орконан нажал на панель сбоку стола. Гарет пришел почти тотчас, и Тан послал его в Большой Зал с запиской Карна. Двое мужчин сидели в тишине, ожидая.

Ник сопровождал Ларгу по коридору, совсем рядом шел Иджил. Ларга не села.

— Это твой праздник присяги, Карн,— сказала она, волнуясь.— Обед будет готов через несколько минут! Что может иметь такую важность, чтобы мы ушли от гостей?

— Восстание, Матушка. Знаете ли вы, что Роул, Нерут и Мелеван не пришли?

Глава восьмая

Ларга со вздохом опустилась в кресло, подставленное Ником.

— Не знаю, почему я не заметила, что эти трое не приняли присягу. Я ожидала нечто подобное от Роула. Он был невыносим со дня смерти отца.

— Вы можете атаковать их замки, когда хотите, и взять для этого столько людей, сколько хотите,— Орконан предложил выход.

— Какие могут быть последствия?— спросил Иджил.— Я наслышан о вашей зиме.

Ник смотрел задумчиво. Он взглянул на Орконана, пожимающего плечами.

— Немалые, возможно,— добавил Ник.— Вход будет хорошо защищен, это продержит людей на поверхности долго, дольше, чем у Фермы 3. Затем бури стали сильнее, как говорит ухл, можно предполагать потерю отряда и транспортов в бурю. Да, потери будут большие.

— Тогда не стоит обращать внимание на этих троих,— предложил Иджил.— Чем они могут навредить до весны, я имею в виду Оттепель? Они будут сидеть дома, как все. Весной, если вы должны их наказать, все беды будут от сражения, а не от погоды. Командиры не посылают людей на смерть от холода.

— Законы Болдера,— подытожил Карн.

— Этот план нанесет удар чести нашего Дома такой, что никогда его не пережить,— добавила Ларга мягче.— Игнорировать восстание — это предательство. Мы узнаем цену нашей политической власти. Идея мира с рабами может показаться глупой в глазах Семей, демонстрацией слабости, но никто не скажет, что это предательство. Это требует большого мужества.

— Дома живут честью не меньше, чем военной доблестью, Иджил,— объяснил Ник.— Карн принял лучшее решение для Фермы 3 и Дома, но это не обычное решение. Вы, должно быть, заметили, как важны здесь традиции. Карн должен наказать этих вассалов сейчас, ухл или нет. Если он этого не сделает, его другие вассалы покинут Халарека и увидят лишь его слабость для поддер-

жания сильного Дома. Некоторые, наверное, уже договорились с Харланом о получении части Холдинга.

Карн уронил голову на руки.

— Должен быть еще какой-то выход, кроме атаки на поверхности. Он должен быть.— Он поднял глаза.

— Иджил, в Академии учили, что каждая проблема имеет не менее трех решений. Что еще?

Ларга перебирала складки юбки. Она не смотрела на мужчин. Она начала говорить нерешительно.

— Мы можем... мы можем договориться с ними. Дать землю вокруг их замков, или шахту, в случае Мелевана, за признание Карна Лхарром.

Ник покачал головой.

— Нет, Ларга, они уже имеют землю за преданность. Земля не может быть отделена от Холдинга законно и даже если, может быть, Халарек не может потерпеть неверности в своих границах.— Он обернулся к Карну.— Даже если вы отберете землю, вы по-прежнему будете носить имя «предатель», пока не отвоюете ее силой.

Карн вздохнул.

— Где-нибудь в этой вселенной существуют проблемы с разумными решениями.— Он посмотрел на свои вытянутые руки. Вдруг он их сложил.— Ангелы! Должно же быть решение с меньшей ценой!

Все долго молчали. Крылья вентилятора тихо кружились, и время от времени простуженный Орконан чихал. Задумчивость спала с Карна, и слова вырвались наружу.

— Мы перекроем им топливо и сырье. Тан, сможем мы приобрести у Палаты все топливо для этого сектора Холдинга для ухла и архаста?

— Если Палата примет краткосрочные закладные.

Ник подхватил идею восторженно.

— Ни света, ни вентиляции, ни энергии для шахты. Я сомневаюсь, что они выдержат хотя бы день, когда узнают, что значат перекрытые трубопроводы. Это будет самое короткое восстание в истории!

— Вам это не принесет пользы, Карн. Главы Домов всегда делают себе имя, репутацию в войнах. Никто не получил положение и власть дипломатией.

Иджил фыркнул от пренебрежения к таким правилам.

Карн повернулся к Ларге:

— Матушка?

Ларга начала:

— Это тебе решать, Карн. Только помни, расходы будут большие, а твой праздник присяги уже стоил немало.— Она встала.— Я иду к гостям. Если нужна подпись на какой-нибудь легальный документ, вы знаете, где меня найти.— Она грациозно вышла.

— Тан, как будут выглядеть наши счета, если я куплю топливо?

— Кроме закладных? Пока вы их не призовете к порядку, вы не получите ничего от шахты или от стекольных мастерских Роула. Закладные и эти потери плюс стоимость праздника может разорить Дом, Карн, если у ваших вассалов резерв топлива больше, чем обычный.

Карн тяжело вздохнул.

— Если я позволю вассалам бунтовать без наказания, этот Дом падет. Если я пошлю войска в ухл, то большинство не вернется. Если у них топлива на сезон, Халарек, разоренный, попадет в руки кого угодно, кто сможет заплатить долги. Тан, что же мне делать?

— Это не мое место.

— Многие годы ты был мне другом.

— В этом Доме всегда было строго с субординацией, милорд.

— Теперь в этом Доме менее строго. О топливе, Тан.

Орконан заглянул в бумаги на столе перед собой.

— Посоветуйтесь с вашими офицерами, Карн. Мое дело цифры, а не тактика.

— Я не верю им. Они все люди моего отца. Я начинаю понимать, почему Лхарр обычно отделывается или казнит офицеров предшественника.— Карн был удручен. Он обратился к Иджилу и Нику.— А вы что скажете?

Иджил задумчиво кивнул:

— Это может сработать.

Ник покачал головой:

— Я не знаю... Это идет вразрез со всеми традициями, Карн, и вы можете разорить себя.

— Ждать, пока Семьи и враги услышат, что я должен делать с Фермой 3,— бормотал Карн.

Ник продолжал, как ни в чем не бывало:

— С другой стороны, если вы потеряете массу людей в сражении наверху, вы не сможете сдержать Харлана. Вам решать.

Это была правда, и Карн знал это. В конце концов, все решения Дома были его. Призрак его отца стоял за спиной, смеясь над ним. Карн облизнул губы.

— Возвращайтесь на праздник, Иджил. Пришедшие из других миров не могут принимать участия в военной дискуссии. Спасибо за ваше предложение.

Карн приказал офицерам, включая Генералитет, придти к нему. Он держал лицо и эмоции под строгим контролем воли, пока объяснял план. Они отвергали его. Они представляли тактические возражения, традиционные правила, политические возражения. Они предлагали обычные и необычные пути проникновения на жилые уровни малого Холдинга. Они говорили, что неиспользование армии разрушит армейскую мораль. Они высмеяли идею с топливом как «проделку торговцев». Они отметали возражения

Карна против очень больших жертв в их решении. В конце концов, измученный и голодный, Карн закончил собрание приказом.

— Все в распоряжение клиники, чтобы за один день и одну ночь перевезти раненых с Фермы 3. Доктор Отнейл и сотники уже внизу, покажут вам, что надо делать. Вы, генерал Шенн, как командир сил Холдинга, делаете один круг в день.— Карн отвернулся от офицеров и, направляясь к двери, добавил на ходу:— Те, кто не на дежурстве, могут вернуться в Большой Зал к тому, что осталось от праздника.

Винтер и фон Шусс столкнулись с ним в холле.

— Вы, Винтер, совсем не можете поддержать мой план?

— За все годы моей службы никому не удавалось усмирить вассалов и пресечь бунт без крови. Ваш Дом держит армию, чтоб пользоваться ею, милорд.

— Поэтому я должен послать людей на смерть в ухле.— Они дошли до служебной двери под галереей Зала.

Винтер пришел обсудить вопрос серьезно. Он прочистил горло.

— Мужчина или лорд утверждает себя в бою, милорд. Тем не менее Лхарры Халарек всегда поступали так, как хотели. А сейчас извините меня, милорд. Я на дежурстве.

Карн смотрел вслед стройной, мощной фигуре Винтера. На этого офицера он мог положиться, но сейчас он был уверен, что ему надо избавляться от большинства других. Вопрос только, как найти ненадежных. Еще одна задача.

Он и Ник вошли в Зал вместе. Слуги накрыли огромный стол на помосте и множество столов в Зале. Ларга, Кит и Иджил сидели за столом Лхарров. Праздник был в разгаре. Карн поднялся по ступенькам, сделал знак Нику следовать за ним, и опустился в кресло с высоким и жестким сиденьем. Иджил, деливший длинную деревянную тарелку с Кит, смотрел поверх ножки, которую ел с аппетитом.

— Совещание с армией прошло плохо.

Карн кивнул.

— Не стоит здесь говорить об этом.— Он напомнил себе, что это его праздник, и нужно веселиться. Он с трудом придал себе живости и спросил игриво:— Нам с Ником хоть что-нибудь достанется после вас?

Череда слуг в ливреях появились с блюдами жареной свинины, супницами, мясными пирогами, овощами и желе и салатами в форме животных и птиц.

— Это как раз остатки,— улыбнулся Иджил.— Посмотрели бы, как мы начинали!

Карн посмотрел на блюдо, которое делил с матерью, и его желудок конвульсивно сжался в ожидании пищи. Карн погрузился в мясо. Но темное, роскошное, оно было для него безвкусным. Традиция или нет, он не пошлет людей умирать от ветра и холода ухла, не попробовав все другие варианты. Он знал, что Гхарр счел

бы делом чести послать солдат на поверхность сражаться во время осады, если твой противник позволит тебе послать их наверх. Он знал также, что никто не сражался зимой. Никто. Погодные условия становятся смертельными очень скоро. Это значит, его обещание Ферме 3 о новом менеджере и свободе рабам должно быть исполнено быстро, за несколько дней.

Служанка наполнила бокал Карна вином. Карн поднес напиток к губам и посмотрел на яркую толпу гостей. Вино начало расслаблять его натянутые нервы. Наверняка, думал Карн, опытный правитель не испытывает такую дрожь в коленях, такие спазмы в желудке, когда принимает важные решения. Все это пройдет, когда я буду более уверен в том, что делаю. Я надеюсь.

Где-то в начале Зала зазвенели часы. Зал затих, только звяканье вилок по тарелкам, звон бокалов и легкий шум разговоров висели над столами.

— Время для пирога, Карн,— шепнула Ларга.

Карн посмотрел недоуменно. Пирог означал конец обеда, а он только начал. Он рассмеялся над собой. Он Лхарр. Он может есть когда и где захочет и так долго, как захочет. Он сделал знак герольдам, трапезничающим под галереей. Четверо мальчиков вышли вперед с трубами. Четыре поваренка выкатили огромный пирог к столу Лхарров. Семейный повар шел следом. Он поклонился Лхаррам и Ларге, вручил Карну огромный нож. Карн встал, церемонно поклонился повару и направился к пирогу. Корочка пирога хрустнула. Он заколебался. Все внимание приковано к нему. Должен ли он сказать Семье сейчас, что он намерен делать с бунтарями? Нет, сейчас не время. Он не должен спрашивать разрешения или искать оправданий для своих поступков. Вполне возможно, здесь есть шпионы, которые откроют план непокорным или Харлану. Нет, он объявит решение, когда оно будет совершенным.

Карн осторожно резал пирог. Верхний слой взорвался, и облачко желтых птичек вылетело из него. Пять или десять собак кинулись из-под столов с лаем и визгом. Дети кричали от восторга, некоторые вскочили на свои столы, пытаясь поймать одну: пять гильдкредитов получит поймавший. Карн вспомнил восхищение, с которым он когда-то ловил птиц. Сейчас сцена в Зале казалась варварской и отталкивающей. Он взглянул на Иджила. Карн был с ним на свадьбе в Болдере. Там гости оставляют жен и детей дома. Они не играют, не дерутся и в конце не впадают в опьянение. Эта часть этого пиршества уже приближалась.

Иджил не выглядел возмущенным. Его большая светлая голова поворачивалась из стороны в сторону.

— Карн! Неужели все ваши праздники такие?

— Только большие Семейные события как совершеннолетие, свадьба, присяга.

— Еда! Цвета! Пирог! Как птицы остались живы?— В глазах

Иджила плясали искорки.— Я хотел бы здесь быть на твоем совершеннолетии.

— Если я до него доживу,— Карн встал и ударил по столу церемониальным мечом. Это было перед тем, как шум стих немного и Карна могли услышать.

— Друзья и Семья. Я уверен, что вы заметили, Нерут, Мелеван и Роул не возобновили клятву. Я обещаю, что не пройдет и двух недель, как они подтвердят свою присягу и уплатят компенсацию за отсрочку.

Зал наполнился шумом одобрения. Карн кивнул головой и сел. Ларга посмотрела встревоженно.

— Шестнадцать дней, Карн? Это неразумно. Как ты мог такое обещать?

Карн наклонился к ней и заговорил очень тихо.

— Без топлива нет вентиляции, матушка. Нечего и говорить об этом, пока топливо не будет моим. Никому ни слова.

Ларга кивнула, выпрямилась и позвонила маленьким колокольчиком. Паж поставил блюдо с сыром и фруктами перед Карном.

— Колокольчик — знак для артистов,— сказал Карн Иджилу.— Если ты любишь праздники, тебе это понравится.

Жонглер вошел в Зал с шариками над головой, акробаты прыгали, кувыркались, ходили на руках в центре Зала, где отодвинули столы. Толстый чернобородый мужчина вошел в круг, ведя на цепи большого черного медведя из Цинна. Толпа расступилась шире от огромного размера медведя и от такой близкой опасности. По команде медведь встал на задние лапы и стал кружиться. Акробаты, красные от гнева, не решались напасть на человека с медведем. Им пришлось ждать, пока этот дуэт закончит трюки и соберет брошенные деньги. Акробаты теперь на втором месте, и денег бросят меньше.

Карн смотрел на артистов. Он повернулся к Иджилу.

— Наши гости будут смотреть и пить, Иджил, а затем начнутся драки. Если бы не эта опасность, я должен был бы сидеть и смотреть, пока последний пьяный лорд не упадет под стол.— Карн поднялся и обернулся к Ларге.

— Матушка, я ухожу, чтоб поговорить с Первым Купцом.

Переговоры с Первым Купцом продолжались до раннего утра и закончились успешно. Дом Халарека получил все топливо бунтующего района, топливо будет у Гильдии, пока Халарек не потребует его. Карн ложился спать, довольный тем, что план его срабатывает, заснул поздно и проснулся будто опьяненный. Он опустил ноги с кровати и сел на краю, собираясь с мыслями. Слышались шаги синего патруля и легкое шуршание вентиляторов. Он оделся и спустился вниз.

На лестнице пахло горячим, свежим хлебом. Желудок Карна напомнил, что он уже давно пуст. Ему нужно было идти в зал три-д, но запах повернул его к Большому Залу. Кузен Халарек,

на пять лет старше и на двадцать килограмм тяжелее Карна, встретил его на четвертом уровне и загородил дорогу всем телом. Карн взглянул на него.

— Я слышал, ты пытаешься убедить наших бунтарей принять присягу, Карн.

Карн напрягся от враждебности в его голосе.

— Военные планы, думается, в секрете.— Его голос был ледяным.

Уголки губ кузена дрогнули.

— Вы не сможете удержать этот план в секрете,— он ухмыльнулся.— В нем нет ничего «военного». Боишься драться, Карн?

— Я не знаю вас. Я даже не знаю, почему вы живете в этом замке. Почему я должен сообщать вам что-то?

— Не давать им топлива, глупая затея!— Рот кузена скривился еще больше.— Сила — вот, что они понимают, и только. Силу солдат Халарека. Я...

— Не хотите ли полететь над малым Холдингом Нерута в ухле, кузен?— Карн предложил это низким мягким голосом.

— Я? У меня семья, которую я возьму в свой собственный замок, если не будет слишком поздно. Я стыжусь связи с таким предателем. Я даже есть не буду с ним. Моя семья будет есть у себя с этого момента.— Кузен отвернулся. Карн схватил его за руку и повернул его к себе.

— Вы будете есть в Большом Зале со всей Семьей или не будете есть совсем, и, если вы будете непочтительно говорить еще с кем-нибудь, я отошлю вашу семью домой, несмотря на погоду. Это вы трус, кузен. Вы пошлете других, у которых тоже семьи, в непогоду, которой сами страшитесь.— Карн отбросил его руку.— Мой отец не предупреждал меня о предателях в моем Доме.

Кузен смотрел на Карна, вспоминая, что он Лхарр. Затем он ринулся вперед. Карн отступил, и руки и ноги его промелькнули в движении. Кузен лежал на спине, с рукой в неестественном положении.

— Больше не делайте ошибок, кузен,— сказал Карн назидательно.— Может быть, я меньше вас, но меня трудно задеть, и в следующий раз я не буду таким великодушным. Вправьте руку, соберите вещи семьи и уезжайте. К завтрашнему дню. Вы!— Карн в коридоре остановил одного префета патруля, проходившего мимо.— Отведите его к себе и присмотрите за ним. Он должен собраться и быть готовым отправиться отсюда утром. Я передам дежурному офицеру приказание.

Карн спустился в комнату три-д, послал сообщение дежурному офицеру и, попросив завтрак из свежего хлеба и клэга, связался с Роулом, очистил комнату от всех, кроме операторов, и ждал появления Роула. Когда картинка прояснилась, это был не Роул, а леди Элизабет, его жена, такая настоящая и так близко, будто вошла в комнату. Все тело Карна сжалось, и он быстро взглянул на техников. Их лица сведены ужасом. Вассал даже боялся предстать

перед милордом, посылая женщину для разговора. Карн хотел бы обойтись без техников, но он не справился бы с аппаратурой.

— Мир дому твоему, леди Роул,— сказал он напряженно.

Леди Элизабет гордо вскинула голову и взглянула на Карна прямо, но он заметил покрасневшие глаза и дрожащие пальцы. Ее голос тоже срывался, когда она, подняв лист бумаги, стала читать. Она пренебрежительно не ответила на ритуальное приветствие. Карн был уверен, что это было спровоцировано ее мужем.

«Не может быть переговоров между мужчиной и женщиной, Карн из Халарека, поэтому я посылаю женщину вести дела с тобой».

Она говорила так мягко и тихо, что Карн едва ее слышал. Ее голос прерывался, и глаза часто моргали. Две слезы блеснули и скатились вниз.

— Милорд,— сказала она почти шепотом,— это не моя воля. Он неправ, ужасно неправ, обходясь с вами так, но он лорд этого Дома, и я должна повиноваться ему.— Она снова взглянула на лист: «Совет, в свое время, назовет его ошибки. Пока же Роул — свободный Дом, имеющий право искать сеньора. Я не клянусь в верности Халареку — Семье без Главы. Нет силы и чести в персоне, которая торгуется по мелочам с рабами».— На языке Гхарр бесполое «персона» было оскорблением само по себе. Карну не надо было напоминать это, это было в плоти и крови каждого Гхарра с момента, как он начинал говорить.

Роул провоцировал своего повелителя, насмехаясь над ним. Карн вздохнул и переключился на другой режим без предупреждения.

«Ты имел дело с оскорблениями и раньше,— напомнил он себе.— Это как раз доказывает, что никто из них не стремился попасть в тебя; это были боевые кличи предыдущих культур. Держись. Говори, что ты должен сказать, и делай».

Карн считал медленно обратно от двадцати. Ярость покидала его. Он прекратил чтение с выходящего листа.

— Вы сказали уже слишком много, миледи,— предупредил он тихо.— Нарушение клятвы, это очень серьезно. Ваш лорд дважды глуп, добавляя оскорбления и открытый мятеж к своему преступлению. Я не буду рисковать жизнью людей из-за глупца. Скажите своему лорду, что у него есть две недели для принятия присяги. После этого не будет необходимости в клятве Роула, потому что Роула не будет.— Леди Элизабет побледнела.— Нет, миледи,— сказал Карн мягко, она ведь была ни при чем,— я не буду тревожить ваш Холдинг. Роул сам обречет вас всех. Ни грамма топлива не получит Роул с сегодняшнего утра. Ни грамма до присяги.— Прежде, чем она ответила, он отключил связь.

Последовали вызовы Мелевана и Нерута. Оскорбления были менее острыми, но оба лорда рассчитывали получить независимость от «женщины» рода Халарек. Мелеван изрек, что никогда не присягнет «женщине», оставляя Карна решать, кого он имел

в виду, регента или самого Карна. Нерут сказал только, что они с Мелеваном соседи, и он будет вместе с Мелеваном. Карн оставил их с тем же кратким требованием — их клятва в обмен на топливо для Холдингов. Техники смотрели с новым почтением: они быстро разобрались, что случится с Холдингом без топлива. Карн хотел, чтоб его вассалы были такие же сообразительные.

Он медленно спустился в Большой Зал, забыв, что попросил завтрак в комнату три-д, выслушал нетерпеливо еще одного кузена с сетованиями на управление Фермой 3. Затем попросил завтрак и присоединился к Орконану в офисе. Он сел на скамью рядом со столом Орконана и облокотился о стену.

— Мне нужно место, где я могу спрятаться на время,— объяснил он Орконану.— Мой метод ведения дел с вассалами не может понравиться Семье, особенно после Фермы 3, на самом деле, один кузен впал в ярость от этого. А я думал, хоть военные планы в секрете.

Орконан посмотрел на него.

— Вы не выглядите побежденным яростным кузеном.

Уголок рта у Карна дернулся.

— Он, наверное, в клинике сейчас, с поврежденной рукой.

Орконан улыбнулся.

— Я подозревал что-то похожее.— Орконан встал перед Карном. Он положил Карну руку на плечо. Карн поднял глаза.— Думайте, Карн. Не о тупых умах в вашем Доме, а о жизнях, которые вы спасаете. Ваши вассалы должны или уступить, или умереть. Думаю, они не самоубийцы.

— Вы думаете?

— Все еще сомневаетесь? Ваша интуиция не подведет, Карн. Как долго продержится Мелеван?

Глаза Карна сузились. Орконан знал, что он вызывал вассалов. Может хоть какое-нибудь действие или слово быть тайным? Орконан кивнул, указывая на поднос с едой.

— Никаких шпионов, милорд, просто паж, который прибежал сюда быстрее вас.

Карн ухмыльнулся подозрительности, зная, что подозрительность ко всем означает выживание в этом мире. И это может разрушить дружбу с немногими Гхаррами.

— Как мне не сомневаться? Я ничего не знаю о правлении, кроме того, что я видел при отце, когда был ребенком, и того, что вычитал в книгах в Академии. Оба источника предлагали разные идеи и методы. Меня учили миру, Тан. Здесь я не смогу этого делать. Не за одну жизнь. Вместо этого от меня ждут войны, чтобы поставить вассалов на колени. И мои усилия спасти жизни встречаются с враждебностью. Ангелы!

— Эти лорды не будут ждать, пока погаснет свет и вентиляторы остановятся. Дом Нерут имеет только одну аварийную лестницу. Нерут не будет ждать, когда придется выводить сотни людей по одной лестнице, да еще в бурю ухла.

— Я молю, что нет.

— И Роул — Роул упрямец, Карн, но не глупец. Мелеван, что ж, посмотрим. — Орконан полистал бумаги на столе. — Не все Гхарры слепые. Дела с Гильдией и теми вассалами на бумаге, милорд?

— На ваше суждение.

— Тогда оба, чтобы быть в безопасности. — Орконан вытащил рекодер, положил на крышку стола и стал говорить.

Карн сидел в офисе Орконана, уставившись на стену, и слушал свои мысли, пока желудок не потребовал снова пищи. Он стиснул зубы и пошел предстать перед своей жестокой Семьей. Он только сел, когда Берта Лонгтресс, еще одна кузина, расположилась напротив.

— Скажи, что это неправда, Карн. Ты не позволишь Роулу, Неруту и Мелевану избежать этого.

— Нет. Я не опозорю Семью. Я думаю, они подчинятся через восемь-девять дней. — Карн начал отрезать кусочек мяса, хотя аппетит вдруг покинул его. Берта не отставала. Карн взглянул на нее, едва сдерживаясь. — Если хотите что-то сказать еще, кузина, говорите. Я не люблю, когда на меня смотрят во время еды.

— Джордж сказал мне, армия еще в казармах.

— Джордж боится говорить со мной сам, да? Бедный Джордж. — Берта вспыхнула от язвительности Карна. Карн укорил себя за эту детскую шалость. — Возвращайтесь к обязанностям своего мужа, Берта, — бросил он.

— Если нет солдат для этого, почему вассалы должны покориться? Против них нет никаких действий. Бездействие бросает тень на честь Семьи.

Карн спокойно опустил вилку на тарелку.

— Вам нужна война, Берта, или эти три присяги?

Берта нахмурилась:

— Не получите одного без другого.

— Правда? — Карн подцепил кусочек мяса и проглотил его.

— Джордж сказал, у тебя есть какой-то глупый план перекрыть топливо. Этого достаточно? Даже в худшие времена архаста и курта замки теплые без топлива. Ты это знаешь?

Карн жевал мясо тщательно, затем ответил.

— Вы и ваш муженек не продумали это, Берта, и я вам не доставлю удовольствия, объясняя, что к чему.

Берта вспыхнула и откинула голову так, что ее длинная, черная коса почти мела пол. Похоже на кошачий хвост. Голос звенел:

— Ты выбрал не мужской путь, Карн. Твой отец был прав на твой счет.

Только женщины используют слова вместо оружия. Берта поднялась. Головы в Зале повернулись к Карну. Оскорбление, особенно, когда Берта сделала это во всеуслышание в Зале. Но Карн прикусил язык. Ответ не поможет, он только обострит положение. У него не было сомнений в своей мужественности и муж-

ских достоинствах, но он знал, как велико было подобное оскорбление в глазах Гхарра. Трусоватый Джордж, пославший эту женщину, знал, что его жизнь будет в опасности после таких слов. Карн желал, чтобы Джордж сказал это сам. Он смотрел на Берту, идущую на свое место. Он почувствовал легкий солоноватый вкус крови во рту. Он медленно поднял правую руку к губе. Пальцы тут же окрасились.

«Офицер миротворчества не показывает своих чувств. Эмоциональные проявления влияют на решение»,— слова пронеслись в голове еще и еще раз, но ярость и ненависть и фрустрация навалились на контрольную стену Карна. Он сидел в кресле Лхарра достаточно долго, чтобы убить любое подозрение, что Берта разделалась с ним. Он встал и пошел к себе. Он не бежал, как любил делать обычно. Он не распахнул дверь за собой, как это делал, когда ему было хорошо. Он ее запер.

«Это слишком,— хотелось ему крикнуть.— Это слишком для одного человека.— Он оперся о стенку своего кожаного кресла.— Я контролирую свои чувства, пока не взорвусь. Кризис за кризисом, а у меня нет ни умений, ни опыта справиться с ними. Я спотыкаюсь там, где я должен идти уверенно. У меня есть умения, но не те, которые нужны сейчас моему Дому. Я планировал свою жизнь. Я хотел карьеру военного моряка. Я хотел быть на базе на Болдере. Я хотел летать как морской делегат. Может быть, со временем я бы им стал, но это в прошлом. Я здесь, в гуще междоусобной войны, и меня толкают начать новую войну, которые Альтаир учил меня предотвращать. Ангелы, помогите мне!»

Он вспоминал отца, дразнившего его до ярости и запрещавшего проявлять ее, и как он прибегал в эту комнату, к этому креслу и бил его в сердцах. Он не хотел, чтобы даже Иджил видел, как он мучается от бессилия. Истощенный, он скользнул через ручку кресла в него и откинулся на спинку.

Мягкие лапки разбудили его. Карн поймал Вики и посадил на плечо. Он знал, что придется долго поддерживать внешний контроль над собой.

Три бесконечных дня прошли. Карн сносил гнев и насмешки Семьи со всем терпением, на которое был способен. Он ходил в клинику каждые несколько часов, проверяя там людей и офицеров, курсирующих санитарными рейсами. Он приходил неожиданно среди ночи и в самые ранние часы утром. В первые два дня Карн освободил больше половины старших офицеров за пренебрежение к санитарному порядку и выслал их из замка Онтар в город. Генерал Шенн выполнял свои обязанности буквально, но не больше. Карн хотел избавиться от него тоже, но у него не было больше старших офицеров с таким большим опытом, а Карну требовался опытный руководитель для новой атаки на Харлана. Поэтому Карн поставил Винтера и пилота Дженкинса наблюдать за Шенном. Любой намек на предательство или непослушание —

и Карн откажется от услуг генерала. Отношение генерала к его новым обязанностям было очевидным. О других же Карн не мог ничего сказать. Он все время спрашивал себя, имеют ли эти обязанности другое назначение, кроме выявления потенциально опасных офицеров. Один раз он увидел, как старший офицер бросился в санитарную часть после смены повязок у молодого солдата, сильно отморозившего ноги. В другой раз он стал свидетелем того, как офицер упал в обморок, когда доктор Отнейл сообщил ему о смерти пациента, за которым тот ухаживал.

«Эти люди будут, по крайней мере, помнить о том, ценой скольких человеческих жизней было заплачено за решения Цикера или отсутствие этих решений»,— говорил себе Карн. Но все же его мучили сомнения. Научит ли дежурство в больнице сотников и других офицеров учитывать цену принятия ими тактических решений? Был ли он прав, заставив их ухаживать за своими людьми? Он правильно сделал, вступив в переговоры с рабами. Разве нет? А может, это заставило Роула и других взбунтоваться? Если отступить, они тоже пойдут на попятную...

«Рабы! — подумал он в смятении.— О господи, я забыл освободить этих рабов. В глазах Семьи это будет выглядеть совершеннейшей глупостью — *наградить* рабов за их мятеж. Но я обещал!»

В глубине души Карн ощутил страх от мыслей о том, как повлияет это обещание на его и без того нелегкую жизнь в замке. Но он уже обещал, и рабы, со своей стороны, выполняли заключенный с ними договор. Ферма 3 снова поставляла по конвейеру в замок свою долю овощей и фруктов.

Карн вышел из клиники и направился в сторону пункта связи. Он миновал кухни, занимавшие значительное место в центральной части клиники, затем — помещения для политических «гостей», где томился в заключении Анс-кузнец. Остановился, потом вернулся к двери, за которой был кузнец. Размышляя, он смотрел на гладкую черную круглую ручку двери. Карн взялся за ручку, но не открывал ее. «Я уже рискую будущим моего Дома,— говорил он себе,— много ли вреда принесет еще один небольшой риск. Анс-кузнец имеет такие возможности, которыми мне не следует пренебрегать».

Он набрал код в отверстиях, окружающих дверную ручку, и вошел в комнату кузнеца. Тот лежал на краю кровати, опираясь на локоть, и обгладывал телячью ножку. Он взглянул на вошедшего Карна, но не прекратил есть.

— Вставайте, Анс-кузнец. Вы возвращаетесь на Ферму 3. Как новый управляющий, я обещал.

— Мой повелитель,— на лице кузнеца отразился глубокий скептицизм.

— Я не разыгрываю вас. У меня совершенно серьезные намерения.

Кузнец сел на кровати со скоростью, удивительной для такого грузного человека, как он.

— Вы об этом не будете жалеть, мой повелитель.

Карн улыбнулся.

— Я тоже так думаю. Возьмите здесь все, что вы хотите, и отправляйтесь на стартовую площадку. Погода сейчас хорошая, и я хочу, чтобы вы добрались до фермы как можно быстрее. Я пойду на пункт связи и пошлю туда сообщение о том, что вы возвращаетесь и что все они теперь свободны.

Кузнец кивнул и начал одеваться. Карну понравилось, как этот человек воспринял новости, как нечто само собой разумеющееся, и не рассыпался в шумных благодарностях. Карн оставил его собирать свои немногочисленные пожитки и направился по коридору к пункту связи, набрал код на входном замке и толкнул дверь.

— Мой повелитель! — Удивленный техник быстро взял себя в руки и преклонил колено.

— Встаньте. Я хочу передать сообщения на узком луче на Ферму 3.— Узкий луч был предназначен для того, чтобы посторонние не могли уловить секретную информацию, поступающую и выходящую из Дома. Однако Карн в течение нескольких часов узнал, что луч не был достаточно узким. Барон фон Шусс позвонил по трехмерному видеофону. Мальчик-слуга сообщил об этом звонке Карну, как раз когда тот сидел в библиотеке и вместе с Орконаном и Ником осматривал оборонительные сооружения и запасы замка.

Когда Карн вошел в комнату с трехмерным видеофоном, пройдя из библиотеки по коридору, техник уже хорошо настроил изображение на трехмерном экране. Барон сидел в глубоком, мягком коричневом кресле. Позади него было видно пламя в камине. Каждая деталь этого изображения была как настоящая, так что казалось, будто барон сидел в этой же комнате Халарека. Даже ворсистая обивка кресла выглядела настолько реально, что ее хотелось потрогать. Карн взглянул на твердые поверхности и открытое техническое оборудование в своей комнате. Здесь не было подобного кресла, не было камина или ярких декоративных тканей, создающих уют. Человек, согласно мнению Трева Халарека, не нуждается в подобных «ненужных украшениях».

«Гм...»

Карн снова сконцентрировал свое внимание на бароне. Круглое лицо фон Шусса выражало обеспокоенность.

— Мир твоему Дому, Карн Халарек.

— Да будет мир и благодать в вашем Доме, барон.

— Ты действительно освободил рабов на одной из твоих ферм, Карн? Ричард Харлан сообщил об этом своим союзникам на самом широком луче, которым только мог управлять, планируя с ними, что делать, когда начнется вызванный тобою бунт рабов. Он говорит, что после освобождения ни один раб не станет работать на своего хозяина. Он говорит также, что ты уже начал

«пожинать плоды» своей глупости на Ферме 3, где взбунтовались Роул, Нерут и Мелеван. Половина населения Старкера IV, должно быть, уже услышала это сейчас, непосредственно от Харлана или подслушивая переговоры.

Карн тяжело вздохнул. Последствия его обещаний Ферме 3 оказались гораздо более серьезными, чем он предполагал. Он встретился глазами с бароном.

— Да, барон. Свобода была условием освобождения семьи на Ферме и возобновления на ней производства.

Карн начал объяснять жадность управляющего, к которой его вынуждал кто-то в замке, претендующий на то, чтобы говорить за Карна.

— Что же касается бунта рабов, то после этих событий Ферма 3 исправно посылает свою долю продукции и иногда даже больше. По-моему, это совсем не похоже на бунт.

Барон слушал, посасывая фарфоровую трубку. Он не хвалил, не порицал Карна, но выглядел уже не таким огорченным. Барон медленно кивнул, когда Карн закончил свои объяснения.

— Необходимо знать правду, Халарек. Ты должен понимать, что нельзя позволять ходить подобным слухам, если все это неправда. Не знаю, как Харлан собирался справиться с этим делом.

Губы Карна плотно сжались.

— Ему не придется долго справляться с этим делом. Он апеллирует к древним предрассудкам. А люди, которые верят, что рабы всегда должны оставаться рабами, найдут в их освобождении ужасные последствия. Они увидят то, что им нужно увидеть, чтобы продолжать верить так, как они верят, независимо от того, как будет работать Ферма 3.— Говоря это, Карн вдруг осознал ужасающую правду этих слов, и в нем с новой силой вскипела ярость к Ричарду Харлану и этим слепым лордам, которые поверят ему.

— Фон Шусс — твой союзник, Халарек! Всегда. Сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе справиться с ложью и клеветой Харлана,— барон откашлялся и потрогал большой медальон на своей широкой груди.— Ник рядом? Я хотел бы поговорить с мошенником, пока я «здесь», если можно так сказать.

Карн кивнул, благодарный барону за оказанную ему поддержку, позвал Ника, дружески побеседовал с фон Шуссом еще некоторое время, пока не пришел Ник, затем вышел из комнаты. Он направился к черной лестнице, чтобы попасть в Большой Зал, не проходя мимо гостевых комнат и покоев членов Семьи. Карн не хотел никого видеть, боясь снова столкнуться с презрительным к себе отношением. «Я должен продержаться только 12 дней»,— напоминал он себе. Только 12 дней. Они, конечно, не выдержат после 12 ухла, когда подача топлива будет полностью прекращена.

Мимо Карна прошел младший офицер, не глядя и не приветствуя его.

— Командир отряда!

Молодой офицер шел, не останавливаясь.

— Командир отряда! Остановитесь!

Офицер остановился, но не повернулся. Карн был рад, что ему хотя бы не придется унижаться и бежать за одним из своих собственных офицеров, чтобы наказать его. Карн быстро подошел к офицеру и развернул его кругом. Офицер был хотя и молод, однако старше Карна на два или три года. Он глядел на Карна с презрением.

— Я ваш командир, солдат. Вы не приветствовали меня!

— Командир командует, «мой повелитель». А не сидит и не ждет Оттепели.

Карн, взбешенный поведением офицера, уже поднял руку, чтобы сбить усмешку с его лица. Но вовремя остановил себя, опустил руку и вплотную подошел к командиру отряда. Его трясло, и он изо всех сил сдерживал себя. Глаза офицера расширились от удивления, и он быстро отступил назад.

— Я не буду вас бить,— очень тихо сказал Карн.— Вам повезло: если бы сейчас на моем месте был мой отец, он бы казнил вас.

Офицер побледнел, и его нижняя губа задрожала. Он низко опустил голову и остановился на дрожащих ногах. У него все же хватило здравого смысла, чтобы больше ничего не сказать.

— Смертная казнь — вот чего вы заслуживаете,— продолжал между тем Карн,— но я собираюсь только понизить вас в звании до субпрефета. В течение одного часа вы должны будете собрать свои вещи и перенести их из занимаемого вами помещения в бараки для префетов. Вы будете мыть посуду на кухне, пока не настанет Оттепель.— Он подошел к кнопкам внутренней телефонной связи и, не спуская глаз с бывшего командира отряда, приказал: «Капитан Рэд! Уровень 4, барачная сторона, немедленно!»

— У вас не хватает мужества даже на то, чтобы приказать казнить меня,— к бывшему офицеру начало возвращаться его самообладание.

Карн остановил на нем долгий холодный взгляд.

— Вы предпочли бы смерть мытью посуды и чистке овощей?

Человек не ответил.

— Не испытывайте мое терпение, субпрефет. Я не так люблю кровь, как мой отец, но в следующий раз, если вы провинитесь, я прикажу содрать с вас живьем кожу на глазах у ваших же людей, чтобы показать им, что к власти нужно относиться с почтением.

Бывший офицер побелел и не сказал больше ни слова, даже когда пришел капитан Рэд.

Карн поручил Рэду проследить, чтобы солдат выполнил его приказания, после чего Рэд и бывший командир отряда промаршировали по коридору и, повернув за угол, скрылись с глаз Карна. Он потер руками лоб и щеки, затем повернулся и окольными путями отправился в свои покои.

Дверь в его покои была приоткрыта. Иджил сидел, откинувшись на спинку, в большом кожаном кресле, а Гарет устроился в ногах кровати. Гарет открыл было рот, но тут же закрыл его. Он избегал взгляда Карна.

— Начинай. Рассказывай,— приказал Иджил.

Гарет откашлялся. Он теребил чулки у себя на коленях, все еще боясь поднять глаза.

— Я принес послание от Ричарда Харлана, мой повелитель. Он,— Гарет махнул рукой в сторону Иджила,— заставил меня принести его сюда и ждать вас. Он не сказал, что это срочно. Я имею в виду моего господина, Харлана. Я скопировал его — Тан в Онтаре — и собирался...

Конец фразы он пробормотал уже совсем невнятно.

— Я слышал там, в зале, часть этого послания,— добавил Иджил,— Харлан утверждает, что случайно услышал переданную тобой декларацию об освобождении рабов. Он хочет знать, действительно ли это говорил ты, или кто-то в этом Доме говорит от твоего имени.

— Он хочет знать! Держу пари, он прекрасно это знает. Он знает мой голос. Харлан говорил обо мне на широком луче, чтобы как можно больше людей услышали это. Разве не так?— Гарет печально кивнул.— Он говорил со своими союзниками на самом широком луче о бунте рабов, который, по его мнению, обязательно произойдет из-за моей глупости. Теперь все, кто был настроен на этот луч, знают, что он также называл и меня. Он спрашивает о ком-то, кто якобы говорит от моего имени, я думаю, только для того, чтобы увидеть мою реакцию, выяснить, знаю ли я, кто здесь, в моем доме, взбудоражил для него Ферму 3.

— Клянусь моим отцом! — Карн глубоко и прерывисто вздохнул.— Я послал эту декларацию на Ферму 3 на узком луче. Должно быть, у Харлана где-то есть подслушивающее устройство, контролирующее наши линии связи. Дайте мне расшифровку того, что он сказал.

Карн пробежал глазами поданную ему страницу, а затем обрушил на Харлана и весь его род целый поток своеобразных, придуманных с большой изобретательностью, ругательств и проклятий.

Когда Карн остановился, чтобы передохнуть, Иджил поднял одну бровь.

— Все это очень хорошо, но что ты собираешься делать?

— Что делать? Что делать?— Карн опустился на край кровати и безнадежно развел руками.— Я ничего не могу сделать, пока не получу какого-нибудь сообщения от моих взбунтовавшихся вассалов. А когда это произойдет и произойдет ли вообще — одному Богу известно!

Глава девятая

В полдень 8 ухла, во время обеда, взволнованный паж сообщил Карну:

— Вас вызывает Сирил Мелеван, мой повелитель. Он умоляет о беседе с вами. Умоляет, мой повелитель!

— Мелеван! — Глаза у Карна сверкнули. — Ну что же, возможно, это конец нашей игре.

Карн бросился из Зала вверх по лестнице, желая только одного — скорее добраться до комнаты с трехмерным видеофоном. Остановившись перед дверью, он привел в порядок свой мундир и вытер губы, чтобы на них не осталось крошек. Карн подумал о власти и могуществе Лхарра и принял подобающий его положению вид. Затем он быстро вошел в комнату и встал перед передающей изображение камерой. На Мелеване была одета парадная мантия. Лицо его блестело от пота. Он промокал лоб большим носовым платком. На заднем плане Карн увидел жену и детей Мелевана. Дети развлекались шарфами и тоненькими книжками.

— Мир вашему дому, Карн Халарек! — Мелеван говорил так, будто слова душили его.

— Мир и вашему дому, Сирил Мелеван. Вы хотели поговорить со мной?

Карн был доволен своим холодным тоном.

Мелеван покраснел и брызгал слюной. Карн видел, что его руки дрожали.

— Я, я, — Мелеван стал задыхаться и отвернулся, — я...

Леди Мелеван подошла к своему мужу и тронула его за руку.

— Скажи, Сирил. Может, мы должны умереть, чтобы спасти твою честь?

Мелеван засунул платок в свой ремень и прямо посмотрел в лицо Карну.

— Я... я прошу у вас прощения, мой повелитель. Я совершил... совершил глупую ошибку. Я буду верен вам и обещаю снова дать клятву, когда путешествие снова станет безопасным. Если вы не дадите нам топлива, мы задохнемся здесь, мой повелитель. Мы сократили потребление энергии, но... Сейчас нам нужно больше топлива, лорд Карн. Мы... я понял, что мы не можем здесь жить, когда вентиляторы работают в полмощности, а на шахте совсем прекращена работа. Я отдаю себя и свою семью на вашу милость, мой повелитель.

Карн услышал, как зашуршала юбка Ларги Алиши, но, не поворачиваясь, смотрел на Мелевана.

— Милость, — сказал он мягко, — вы ожидаете милости, после того как унизили меня и Дом Халарека в присутствии Семьи и гостей.

— А вы бы, Сирил Мелеван, проявили милость к слуге, предавшему вас?

По лицу Мелевана тек пот. Он взялся за платок, потом отложил его. Мелеван молчал.

Карн видел страх и унижение, отражавшиеся в его глазах, но внешне держался строго, неумолимо и холодно.

— Я буду милосердным, Мелеван. Но только на этот раз. Мои условия таковы: двух ваших старших сыновей и обеих дочерей я беру в качестве заложников, подтверждающих ваше слово, плюс три тысячи декакредитов. Когда сюда приедут заложники, я выдам вам достаточно топлива, чтобы управлять замком и шахтой в течение всей зимы. Но я не дам вам ни грамма топлива для флайеров. Вы, естественно, заплатите мне за топливо и оплатите издержки хранения, причем дополнительно по одной тысяче декакредитов за каждую мегатонну — в качестве наказания. Вы принимаете эти условия?

Мелеван бросил на свою жену взгляд, полный невыразимой боли.

— Мой повелитель, столько детей...

— Они должны быть здесь, прежде чем я выдам вам топливо,— повторил Карн неумолимо, а затем добавил:— Вы счастливый человек, потому что имеете двух дочерей, переживших Болезнь. Они будут ценны для вас, когда достигнут совершеннолетия,— Карн сделал паузу,— я воспитаю их как своих дочерей,— обещал он более мягким голосом.

— Лучше возьмите меня в заложники, мой повелитель.

Мелеван держался очень напряженно.

Карн видел, чего стоило этому человеку умолять его и как высоко он ценил своих детей. Он почувствовал легкий укол зависти, которую он немедленно подавил в себе.

— От вас требуется управлять шахтой. Я лучше смогу позаботиться о ваших детях.

Мелеван судорожно глотнул.

— Но, лорд Карн, уже начался ухл.

Карн был неумолим. Он не должен проявить слабость даже перед лицом отцовской любви.

— Время для милосердия прошло. Вы сами выбрали свою судьбу, начав этот мятеж. Праздник принятия присяги был в нарне — это время безопасных путешествий. Не пришлете заложников — не получите топлива, Мелеван. Мне не придется атаковать вас, если вы примете мои предложения. Менее чем через неделю подача топлива полностью прекратится. Возможно, к тому времени у вас не будет и воздуха. Выбор за вами, Мелеван.

— Дайте время подумать...

— У вас было время «подумать» до того, как вы дали мне клятву.

Мелеван на мгновение отвернулся от камеры, затем снова посмотрел на Карна.

— Вы выиграли, лорд Карн. Я прошу у вас дать мне два дня — подождать летной погоды.

Ларга Алиша слегка коснулась руки Карна и вопросительно посмотрела на него.

Карн согласно кивнул.

— У вас есть два дня, Мелеван. Я ожидаю заложников не позднее 11 ухла, до прекращения подачи топлива.

Ларга повернулась спиной к камере и одобрительно улыбнулась Карну, затем вышла из комнаты. Карн быстро кивнул Мелевану и последовал за ней. Он слышал громкие голоса и плач членов семьи Мелевана, не успевшего еще выключить видеофон. Выйдя за дверь, Карн прислонился к стене и почувствовал наконец глубокое облегчение. Один сдался, двое рано или поздно тоже сделают это.

— Слуга!

Подбежал маленький мальчик-слуга.

— Найди Фрема Вейсмана. Позови его сюда.

Мальчик повернулся и исчез за ближайшей дверью библиотеки. Через несколько мгновений появился Вейсман и быстро пошел навстречу Карну, мальчик следовал за ним по пятам.

Вейсман поклонился.

— Вы звали меня, мой повелитель?

Карн отошел от стены.

— Мелеван сдался и скоро пришлет заложников. Прикажите приготовить для них комнаты — будут две девочки и два мальчика. Возможно, мальчики захотят поселиться с пилотами. Позвоните сначала Неруту, затем Роулу. Скажите им о Мелеване, и если кто-нибудь из них пожелает сдаться, сообщите мне. Я собираюсь закончить обедать.

Карн медленно вернулся в Большой Зал. С его плеч упал один груз, и другой, он был уверен, упадет еще до наступления вечера. Он что-то напевал себе под нос, очень тихо, так как в Доме было не принято, чтобы открыто и громко звучала музыка.

Большой Зал был пуст. Карн перенес остатки своей еды в маленькую обеденную комнату, принадлежавшую семье Лхарров и редко используемую. Здесь он смог спокойно поесть, не встречаясь с родственниками, которые вот уже в течение двенадцати дней то и дело докучали ему, выражая свой гнев или презрение. Он слизал с пальцев остатки пирога с ягодами, затем откинулся на своем стуле и вытянул перед собой ноги. Карн коснулся пальцем почти бесшумного звонка, и тихий слуга убрал его посуду. Он стал разглядывать расписанные стены и потолок комнаты. Пастухи пасли летом волосатых улеков на низкогорном пастбище. Мальчики из Девяти Семей и их сокольничьи карабкались на отвесные скалы, чтобы добыть птенцов и посадить их в специальные клетки. «Лошади» планеты Старкер IV мчались по коричневой осенней равнине. Гладкая черная кошка Дюр лежала на голом песчаном выступе скалы, греясь на солнце и наблюдая за охотниками на равнине, далеко внизу, узкими желтыми глазами, три котенка резвились около нее. Этот бедный горный ландшафт наве-

вал Карну мысли о блестящем небе и свежем воздухе Болдера. Он снова слышал светлую журчащую песню жаворонка и шепот ветра в сочной высокой траве на Болдере. Шалим бежала к нему навстречу, оставляя за собой дорожку примятой травы...

Кто-то очень вежливо тряс его за плечо. Карн открыл глаза и увидел Вейсмана.

— Нерут хотел бы поговорить с вами сейчас, мой повелитель. Он долго не раздумывал, услышав о том, что Мелеван сдался. Остался Роул, он выключил передатчик, милорд.

— Значит, Роул будет наказан больше других.

Карн резко поднялся со стула и проследовал за Вейсманом в комнату с трехмерным видеофоном.

Нерут принял почти те же условия, что и Мелеван, но поскольку у него не было дочерей, то Карн потребовал, чтобы тот прислал всех трех его младших сыновей и единственную племянницу.

— Вам не будет выделено ни грамма топлива, пока заложники не прибудут в замок Онтар,— напомнил Карн Неруту.

Нерут пришел в ужас.

— Мой господин, сейчас ведь ухл!

— Вы, кажется, думаете, что я не понимаю, о чем говорю.

Глаза Карна сузились. Он холодно посмотрел на Нерута.

— Какой же хозяин позволит своим слугам унижать его? Нет, вы сами виноваты, что так долго ждали, а вот и последствия.

— Мои мальчики!

Карн сжал губы.

— У вас есть два дня, чтобы подождать хорошей погоды, не больше. Я слишком долго рисковал из-за вас честью моего Дома.

Карн холодно кивнул и выключил связь. Он посмотрел на Вейсмана.

— Остался только Роул, Фрем Вейсман. Он, вероятно, будет держаться до последнего, а это скорее всего означает, что он потеряет всех своих заложников. К черту его упрямство! Он увидит, что и я не уступлю.

Вейсман удивленно поднял брови, но ничего не сказал.

— Ждать, ждать и еще ждать,— добавил Карн шепотом,— ну что ж, ожидание почти закончилось.— С минуту он смотрел на пустой экран, потом сердито покачал головой и вышел из комнаты. Он поднялся на лифте на шестой уровень, подошел к баракам, где жили пилоты, одно мгновение поколебался, затем постучал. Пилот Дженкинс открыл дверь. Лицо его просияло. Он отдал Карну честь и широко открыл дверь.

— Добро пожаловать, мой повелитель.

Карн услышал, как все вдруг пришли в движение. Он широким шагом вошел в комнату. Все присутствующие здесь офицеры уже стояли или поднимались.

— Мой повелитель Карн,— говорили они.

Он быстро отдал честь в ответ и кивнул каждому из присутствующих по очереди, называя его имя.

— Пилот фон Шусс, Виллем, Дженкинс, Филлипсон. Другой Виллем? Хорошо. Иджил. Командир отряда Грегг. Нерут и Мелеван наконец сдались, джентльмены.

Молодые офицеры окружили Карна, чтобы пожать ему руку, похлопать по плечу. Карн покраснел от удовольствия. Слишком давно уже не был в такой компании. Иджил протиснулся между другими офицерами и так хлопнул Карна по плечу, что тот пошатнулся. Привычным движением другой руки Иджил тут же поддержал его.

— Извини, Карн.

Иджил несколько смущенно засмеялся.

— Я опять перестарался. Это очень хорошие новости! Академия научила тебя некоторым тактическим приемам, о которых Гхарры не знали. Ты еще произведешь большое впечатление на Старкер IV.

— Сейчас я собирался произвести на вас впечатление в состязаниях в мастерстве,—сухо сказал Карн, потирая ноющее плечо,—кто-нибудь хочет пойти со мной?

— Я—за, лорд Карн.

— И я пойду.

— И я тоже.

— И меня возьмите с собой.

Хор голосов обрушился на Карна, доставляя ему удовольствие. Вот уже много недель подряд он чувствовал себя таким одиноким! Уже давно он не играл. Иджил положил руку Карну на плечи, и тот сделал вид, что согнулся под ее тяжестью. Иджил усмехнулся.

— Что такое состязания в мастерстве?

Карн засмеялся.

— Увидишь. Пойдем с нами вниз на арену.

В комнате остался только Филлипсон, который скоро должен был заступать на дежурство. По внутренней телефонной связи Карн сообщил оружейнику о том, что им сейчас понадобится, поэтому когда они добрались до арены, там уже стоял манекен и лежали шпаги и специально подбитые защитные жакеты. Другие защитные жакеты и рапиры для фехтования лежали у стены арены, чуть поодаль от манекена. Шесть лучеметов и коробки, в которых находились легкие патроны, а также покрытые металлом жакеты-мишени, были аккуратно сложены в ряд на узком столе с противоположной стороны арены. Дженкинс и Дэннен Виллем сразу же подошли к лучеметам.

Иджил обошел манекен, оглядывая его со всех сторон.

— Зачем он нужен?

— Он сражается на шпагах.

Грегг надел подбитый чем-то мягким жакет, приладил одну из шпаг в специальный зажим манекена, подобрал другую для себя и приподнял ее.

— Кажется, можно потяжелее.

Он подошел к манекену сзади и повернул у него на спине циферблат, установив его на уровне «7 — усложненный».

— Все за круг, быстро! — скомандовал Грегг и отскочил назад.

Манекен завертелся, поднял шпагу и сделал выпад в сторону Грегга.

— Круг ограничен, — говорил Грегг, парируя удар, — я могу выскочить из него в любой момент. Весь фокус состоит в том, чтобы, находясь близко к манекену, нанести ему «смертельное» ранение.

Больше у Грегга не было времени разговаривать, так как манекен начал усиленно атаковать его. Грегг отражал удары манекена, сам делал выпады, ловко уклонялся от шпаги своего противника, отскакивал назад, ворчал, когда шпага манекена все-таки касалась его.

— Поединок заканчивается, — объяснял фон Шусс Иджилу, — когда фехтовальщик наносит манекену удар, который классифицируется специальным электрическим устройством как «смертельный» или «выводящий из строя», или манекен наносит такой удар фехтовальщику. Можно закончить поединок, просто выскочив из круга. Манекен никогда не устает. Я могу победить его, когда он установлен на уровне «6», максимум — «7». А вы, лорд Карн?

— Шесть лет назад я мог выиграть этот поединок на седьмом уровне в трех случаях из пяти. Один раз я даже побил его на цифре «8», — он многозначительно посмотрел на Ника, — но это было случайно. Я больше не тренировался с тех пор, как уехал отсюда. Альтаирские военные силы нигде больше не используют шпаги.

Манекен зашумел, его красные глаза вспыхнули, и он остановился. Грегг тяжело дышал, опираясь на шпагу.

— Он был близок к победе. Хорошо, что это не настоящий человек. — Он вытер со лба пот и сел на песок.

— Я слышал, Ричард может победить манекен на цифре «10», — сказал Дженкинс, сидя на полу и взвешивая на руке лучемет.

— Может быть. Однако всем известно, что Харланы часто преувеличивают свои возможности.

Дэннен Виллем в упор посмотрел на Карна.

— И все-таки никогда не надейтесь на то, что Харлан только хвастает. Никогда, милорд.

Карн изобразил на лице кривую гримасу.

— Благодарю вас. Я не буду на это надеяться, если только это мне поможет.

Он посмотрел на других офицеров.

— Чем мы теперь займемся? Лучеметы на пятидесяти шагах? Фехтование?

— Лучеметы! — одновременно закричали Дженкинс и Ян Виллем.

Карн вопросительно посмотрел на остальных. Те закивали и стали натягивать на себя покрытые металлом жакеты-мишени. Все, кроме фон Шусса, который никак не мог залезть в рукав.

— Я буду судить,— предложил Ник.

Все засмеялись, потому что защитные жакеты были одновременно и «судьями». Карн протянул жакет Иджилу.

— Смотри. Красные зоны соответствуют смертельному ранению, голубые — значит ты «выходишь из строя», желтые — легкие ранения. Три легких ранения приравниваются к одному «выводящему из строя», и ты выходишь из игры. Если легкий луч из патрона касается одной из этих областей, то на ней ярко загорается соответствующий цвет. Побеждает та команда, член которой последним остается на поле.

Иджил с сомнением посмотрел на жакет.

— Может, вместо этого устроить турнир по борьбе?

Карн засмеялся.

— Никто из нас ничем не рискует. Смотри.

Он открыл ящик с патронами.

— Они совсем не похожи на настоящие. Никто из нас не смог бы по ошибке зарядить боевой лучевой патрон. Дэннен Виллем, Олафсон и Халарек будут играть против Яна Виллема, Грегга и Дженкинса.

Оружейник нашел достаточно большой жакет, который Иджил наконец натянул на себя, хотя поглядывал еще на эту затею с сомнением. Однако скоро его уже захватил дух соревнования. Но так как он впервые участвовал в этой игре и не умел так ловко уворачиваться от лучей, как остальные, то он был первым участником, получившим «смертельное» ранение. Он пожал плечами и пошел попытать счастья в поединке с манекеном. К тому времени, когда он наконец получил «смертельный» удар, еще пять человек уже сидели или лежали ничком на земле вокруг фон Шусса. Иджил бросил свою шпагу и направился к ним.

— Кто выиграл?

Карн и Дэннен оба подняли руки.

— Халарек и Виллем.

Они засмеялись, и их руки снова безвольно упали на песок.

Грегг устало взглянул на Иджила.

— Раз вы стоите, Олафсон, прикажите прислать нам пива.

— Почему бы вам не сделать это самому, Грегг?— спросил Иджил, вытирая с лица пот.

— Вы стоите, а я лежу.

Иджил ткнул Грегга носком ботинка.

— Не забывайте: я здесь гость.

Грегг засмеялся.

— Да, инопланетянин. Мы, Гхарры, всегда заставляем себе прислуживать таких маленьких людей, как вы.

Иджил пихнул Грегга ногой в живот, подошел к кнопке в стене

и приказал принести вниз четырнадцать порций пива. Затем он удобно устроился на песке рядом с Карном и спросил с озадаченным и хмурым видом:

— Вы никогда не пьете здесь молока?

— Молока? А что такое молоко?— насмешливо спросил Ян.

— Вы странный человек,— огрызнулся Иджил,— все млекопитающие знают, что такое молоко.

— Ваш друг, лорд Карн, стал очень высокомерным.

Дженкинс сел и повернул голову так, чтобы видеть Иджила.

— Наши улеки — животные, дающие молоко,— находятся сейчас на поверхности. У нас не будет молока, пока не настанет Оттепель.— Он снова плюхнулся на песок, как бы измученный своим объяснением.

Они все еще ждали пива, когда на арену ворвалась Катрин.

— Карн! Карн! Только что из Бревена Совет передал сигнал тревоги. Астен Харлан мертв!

Все присутствующие офицеры вскочили на ноги и бросились бежать к лифту.

— Подождите меня!— завопила Катрин.

Никто не остановился. Она глянула в обе стороны, затем приподняла до колен юбку и бросилась бежать. Фон Шусс подождал, пока она поравнялась с ним и, взяв ее под локоть, стал догонять остальных. Они проскользнули в лифт как раз в тот момент, когда двери уже начали закрываться.

— Фу, Катрин, как не стыдно,— прошептал Карн ей на ухо.

— Ой, Карн,— Кит снова привела свою юбку в порядок,— не приставай. Мне бы пришлось ждать, пока вы подниметесь наверх, а потом спустится лифт. Тогда бы я пропустила сообщение.

— Зачем женщинам нужно слушать подобные новости? Они...

— Карн! Ты говоришь сейчас, как леди Агнес, глупая старая...

Карн усмехнулся и одной рукой обнял свою сестру.

— Ты знаешь, я не это имел в виду, Кит. Ты не хуже любого мальчишки.

Она свирепо посмотрела на него. Лифт резко остановился, и двери открылись.

— Я не скажу матери, как ты плохо себя вела. И никто не скажет, правда?

Карн обвел глазами остальных. Все шестеро торжественно закивали. Катрин взглянула на их смеющиеся глаза, надула губки и быстро выскочила из лифта. Она была уже на полпути к комнате с трехмерным видеофоном, когда ею овладело нетерпение. Катрин снова задрала юбку и бежала так почти до самой двери, затем остановилась и вошла в комнату степенным шагом, как и подобает леди. В коридоре эхом отдавался смех офицеров. Леди Катрин высунула голову за дверь и показала язык. Карн заметил, как Ник, задумавшись, разглядывал коридор.

— Ник! Что-нибудь случилось?

— Что? А, нет, ничего. Давайте слушать сообщение.

В комнате было уже полно народу, когда они настроились на нужную передачу. Как только Карн произнес: «Разрешите, пожалуйста, пройти»,— присутствующие немедленно посторонились, и Карн, а за ним пять офицеров и Иджил, прошли вперед. Карн встал за креслом Ларги. Остальные сели на пол вокруг него.

— Звание имеет некоторые преимущества,— громко зашептал Иджил на ухо Нику.— Вы ведь можете сестьв первом ряду.

Карн посмотрел на Иджила и усмехнулся. Кит, стоявшая за Ларгой, захихикала. Леди Алиша повернулась и смерила ее уничтожающим взглядом. Экран зажегся ярким белым светом, и толпа в комнате притихла. На нем появился священник из Бревена. Он стоял на фоне древних книг. Изображение казалось так реально, что его хотелось потрогать.

— Мир вам, Девять Семей и малые Дома! Один из вас оставил этот мир, чтобы перейти в другой...

— Более теплый,— прошептала Кит.

— Ш-ш-ш!— зашипела Ларга,— он услышит тебя.

Священник скрестил руки и посмотрел в камеру.

— У него что, вся стена уставлена мониторами?

— Замолчи, Катрин!

Священник не обращал внимания на шепот, доносившийся из многих Домов.

— Астен Харлан ушел из этой жизни после многодневного почти полного паралича. Уже пошли слухи о том, что он кончил жизнь самоубийством. Очевидно, что это было невозможно, так как он не мог пошевелить руками даже чтобы...

— Умер старик,— вмешался чей-то грубый голос,— мы должны закончить важное дело.

Священник вздрогнул. Он опустил руки и заговорил быстрее.

— Так как ясно, что транспортировка тела домой до наступления Оттепели невозможна, мы окажем лорду Астену последние почести здесь, в Бревене, завтра в полдень. Вы сможете увидеть это и услышать последние слова...

Опять вмешался тот же грубый голос:

— Я говорю последние слова, старик. Эти слова: «Халарек умер!»

Священник в изумлении повернулся и стал искать того, кто это говорил.

— Кто это сказал?

— Ричард Харлан, герцог Харлан.

— Лорд Ричард, пользуясь тем, что мою речь прервали, я, Дейвин Рид, хочу напомнить всем, что Дом Харлана находится под опекой Совета Оттепели до тех пор, пока этот Совет не решит прекратить опеку или пока решением Гильдии на борту Альдефары с Дома Харлана не будет снято наказание за незаконную осаду и убийства.

Священник вскинул руки и отстранил камеру.

— Я даю слово Фрему Риду.

— Что должны теперь делать Свободные граждане,— голос лорда Ричарда был так искажен гневом или горем, что его трудно было узнать.

— Закон уже принят, Харлан и мы, Свободные граждане, в целях нашей же безопасности будем следить, чтобы все его соблюдали. Кингсленд как опекун теперь будет говорить за Харлана.

Послышались шум и хлопание.

— Я говорю о моем Доме и нашем горе! Мой отец мертв по вине Халарека. Да покажите же мое лицо, черт возьми!

Рид отстранил камеру, и на экране появился замок Харлана. Харлан стоял подбоченясь, красивое лицо пылало гневом. Он свирепо смотрел в камеру. Видимо, вокруг него собралась большая часть его Семьи, так как комната была до отказа набита. Находившиеся в ней мужчины и несколько женщин были одеты в черное. В комнате раздавался тихий плач.

— Мой отец умер от удара, причиной которого были Карн Халарек и позор заточения. Я смою позор с его имени кровью Карна Халарека. Я клянусь перед Девятью Великими Домами и всеми малыми Домами, что я до основания разрушу Дом Халарека. Я превращу его в руины, а потом сотру в порошок! Клянусь Богом, я сделаю это!

У всех, слышавших эту клятву, перехватило дыхание, отовсюду послышались возгласы ужаса. Никто никогда не давал такой кровавой клятвы, да еще призывая в свидетели господа Бога.

Ларга с такой силой вцепилась в ручки кресла, что пальцы ее побелели.

— Он сделает это, я чувствую. Он убьет нас всех, Карн.

Глава десятая

Губы Карна плотно сжались. Он приказал находившимся с ним офицерам собрать старших офицеров армии Халареков и синих в Большом Зале. Сам Карн отправился на пункт связи на второй уровень, Иджил шел за ним по пятам. Карн остановился у двери.

— Иджил, это касается только Гхарров. По закону ты не имеешь права слушать. Встретимся наверху.

Иджил посмотрел на Карна сверху вниз. Он упрямо сказал:

— Если мне нельзя туда войти, я останусь здесь. Я не отойду от этой двери, Карн. Если у Лхарра Халарека никогда не было личного охранника, то сейчас самое время завести его.

Карн поднял голову и проговорил, вымещая на своем друге свой гнев, который он так долго носил в себе.

— У Лхарров Халареков никогда не было личной охраны! Никогда! И никакая «баба» среди сыновей моего отца не сможет изменить этого. Даже не надейся, что ты выглядишь мужчиной в глазах жителей других Домов.

Он протянул руку, указывая Иджилу направление, в котором тому надлежало уйти, и повернулся к двери.

Иджил до боли сильно стиснул плечи Карна, не давая ему двинуться с места, и свирепо уставился на него сверху вниз.

— Ты должен подавить в себе Гхарра и стать хладнокровным офицером! Ты получил сейчас достаточно серьезную угрозу от противника, который, ты это знаешь, не будет действовать согласно традициям и закону. Ты также знаешь, что кто-то в этом замке работал на Ричарда в случае с Фермой 3. Думай, Карн!

Внезапная резкая боль и ясная логика этих слов потушили гнев Карна. Он опустил глаза, устыдившись того, что потерял контроль над собой, тяжело вздохнул.

— Ты прав. В глубине души я знаю, что ты прав, но Гхарр во мне говорит совсем другое! Он скорее умрет, чем станет под чью-либо защиту, в которой нуждаются только женщины.

— Вот ты и умрешь, если не будешь защищать себя.

Иджил хорошенько встряхнул Карна, выпустил его и отступил назад.

— Иди и делай там, что тебе надо. Я буду стоять у двери и охранять тебя. Никто не зайдет и не выйдет из комнаты, пока ты сам не дашь на это разрешение.

По глазам Иджила было видно, что он не уступит.

— Ты знаешь, что не сможешь меня остановить, когда войдешь в комнату. Ты можешь притвориться, что ничего не знаешь об этом, что это только моя сумасшедшая идея и тому подобное. Я собираюсь всюду следовать за тобой как тень, Карн.

Карн кивнул и зашел в комнату.

Когда он вышел оттуда более чем через час, то выглядел крайне измученным.

— Все так, как я и подозревал. Существует секретная линия связи, заканчивающаяся где-то в предгорьях на северо-западе. Совсем недавно по ней кто-то послал зашифрованное сообщение. Так мы ее и обнаружили. Начальник связи сейчас перерезал эту линию и пытается найти в замке передающее устройство. К вечеру мы должны наконец узнать, где находится предатель.

Он отвернулся так, чтобы Иджил не видел, как эти плохие новости расстроили его.

— Я пойду в свои комнаты и немного отдохну. Ты и там собираешься охранять меня?

— Я собираюсь следовать за тобой по пятам до тех пор, пока ты сам не назначишь себе охранников.

Карн откашлялся.

— Спасибо, брат. Ты обрекаешь себя на тяжелый труд, поскольку я просто не могу иметь личную охрану.

Они молча подошли к жилищу Карна. Дверь была слегка приоткрыта. Чувствуя необходимость проявлять осторожность, Карн стал сбоку и толкнул ногою дверь. Комната была пуста.

Иджил придержал дверь рукой.

— Стой здесь. Я проверю следующую комнату.

Иджил осмотрел гостиную, спальню, проверил железный стул.

— Все в порядке,— сказал он резко и сел на край кровати.

Карн вошел в комнату и опустился в старое кожаное кресло. Он уставился в каменный пол. В голове его крутились события последних недель: угроза Ричарда, бунт своих вассалов, презрение Семьи и союзников. Он никак не мог привести свои мысли в порядок. Неожиданно его взгляд наткнулся на небольшую кучку розового пуха, лежащую как раз в том месте, где край покрывала кровати касался пола. Карн сначала принял ее за кусочек тряпки, оставленный убиравшим комнату слугой, но что-то заставило его снова посмотреть туда. Он неохотно поднялся с кресла и подошел к маленькому холмику. Пух был влажный и двигался легко, оставляя за собой красные полоски. Карн в шоке смотрел на изуродованное тельце ухл-ухл.

— Вики! — закричал он.

Карн положил крошечное животное на колени и осторожно перевернул его. Оно было страшно искалечено. Тельце было залито кровью, все косточки сломаны. И сделано это совсем недавно, потому что оно еще было теплым и мягким.

Карн гладил животное, его спутанный мех.

— Вики, старина, почему? — прошептал он.

Тут он увидел клочок желтой бумаги как раз за тем местом, где был брошен Вики. Карн поднял этот листок и медленно развернул. На нем было небрежно написано: «Такая же участь ждет всех Халареков». Карн уставился на жирные отчетливые буквы.

— Господи! Неужели здесь был сам Ричард? Сейчас же ухл!

Его голос был очень тихим и слегка дрожал.

Карн снова посмотрел на крошечное изуродованное тельце.

— Прости, старина! Я надеялся, что у тебя будет тихая, спокойная старость. А ты умер из-за меня в ужасных мучениях.

Карн покачал животное на руке.

— Что случилось, Карн? — обеспокоенно спросил Иджил.

Карн мрачно посмотрел на него.

— Это моя вина. Я никогда не думал, что кто-нибудь...

Карна душили слезы, и он отвернулся, чтобы Иджил не увидел их. Он не смог скрыть свои чувства, и голос его дрожал.

— Ты, очевидно, был прав, говоря об опасности. Но тебе придется охранять меня тайно. Я и так уже слишком долго давал повод обвинять меня в трусости.

Он снова посмотрел на Вики.

— Я должен позаботиться о нем. Скажи Тану, чтобы он сказал Винтеру, чтобы тот начинал офицерское собрание.

Карн чуть сам не запутался, давая такой сложный приказ. Поскольку Иджил прилетел с другой планеты, он не имел права сам разговаривать с Винтером о военных делах.

— Пусть Винтер начнет с проверки нашей готовности к осаде,

затем пусть выяснит, прибыли ли люди, обещанные Коннором и фон Шуссом. Если нет, то можем ли мы еще надеяться на их прибытие. Я спущусь вниз, когда он подойдет к этому вопросу.

Иджил быстро нашел Орконана по внутренней телефонной связи, силой задержав Карна и не выпуская его из комнаты, пока не было получено сообщение.

— Ты не выйдешь отсюда без меня! — сурово сказал Иджил, когда Карн попытался проскользнуть мимо него.— Я тебе сказал, что собираюсь ходить с тобой всюду, абсолютно всюду, даже спать в твоей комнате, если ты не дашь слово запирать все двери.

— Тогда я мог бы и сам позвать Тана,— огрызнулся Карн.

— Да, это ты мог бы,— парировал Иджил,— но я это уже сделал. Мы пойдем туда, куда ты собирался?

Карн склонил голову перед пушистым комочком и молча направился к ближайшему лифту. Он сам нес маленькое тельце в крематорий, так как не хотел, чтобы Вики распорядился кто-то другой. Иджил следовал за ним по пятам.

Двумя часами позже Карн вышел после конференции вместе с офицерами в полной уверенности, что Дом Халареков прекрасно подготовлен как к атаке, так и к осаде и что, скорее всего, они смогут сами защитить себя без помощи Дома Джастина и Дома Фризна. Фризн отказал Карну в помощи, потому что тот вел переговоры с рабами. Джастин же не хочет поддержать Карна из-за его «трусости» при обращении с восставшими вассалами.

— Я не могу согласиться с вашей тактикой, молодой человек,— говорил эллит Джастин в своем послании,— молодые мошенники, которые уже с вами, могут остаться, но больше вы никого не получите. Трусость — слишком заразная болезнь.

Карн медленно брел по коридору, даже плохо соображая, где он находится и сохраняя внешнее спокойствие, несмотря на горе и гнев, разрывавшие его на части. Ему хотелось закричать от горя, разорвать на куски тех людей, по вине которых его Дом теперь может быть разрушен, но он уже и так совершил слишком много ошибок. Он искал выхода своей отрицательной энергии, пока еще не потерял контроль над собой и не наделал непоправимых глупостей. Ему нужна была разрядка. Тогда он подумал о Брендене. Карн огляделся, чтобы понять, где он находится, и быстро повернул в ту сторону, где на втором уровне находились конюшни и стойло его любимой лохматой гнедой «лошади». Иджил и два телохранителя, которых Иджил попросил предоставить Карну для его защиты во время открытия конференции, неотлучно сопровождали Карна.

В тот момент, когда они выходили из лифта, Карну ударил в нос резкий запах аммиака, доносившийся из навозной кучи, и у Карна закружилась голова. Мягкие запахи сухой травы и промасленной кожи довольно быстро привели его в сознание. От тишины и спокойствия в конюшне Карну сразу же стало лучше. Он вошел в стойло Брендена и приблизился к лошади. Животное

наклонило свою длинную лохматую шею и обнюхало карманы Карна. Карну захотелось зарыться лицом в густой мех животного и заплакать. Это желание так и рвалось из него наружу, но в присутствии Иджила и двух его телохранителей он смог лишь погладить мягкий нос лошади и провести рукой по ее морде до твердого выступа между рогами.

— Ты знаешь, на Болдере я видел настоящих лошадей,— зашептал Карн животному,— ты же похож на лошадь только тем, что у тебя четыре ноги, длинная морда и грива.

Карн почесал животному за выступом между рогами, и оно запыхтело от удовольствия. Карн толкнул дверь стойла, чтобы она открылась, вскочил на спину лошади, схватившись за густой, курчавый мех, и, пришпорив ее пятками, выехал на арену. Иджил остался сторожить у дверей. Вскоре Карн забыл о существовании и Иджила, и двух телохранителей.

— Я знаю, тебе трудно здесь внизу, зимой, без свежего воздуха,— говорил он животному. Карн сильнее пришпорил Брендена. Животное пустилось бежать прямо к центру арены. Из-под его ног вылетали маленькие комья искусственного песка. Упражняясь верхом на лошади, Карн делал резкие повороты, плавные остановки и скачки в стороны, так необходимые в бою, чтобы уклоняться от лучей, испускаемых лучеметами. Он снова и снова пробовал каждый тактический прием, пока и лошадь, и всадник не взмокли от пота. Потом Карн несколько раз медленно объехал на лошади вокруг арены, чтобы животное остыло, спешился и немного постоял, держась за мех Брендена, пока ноги его не перестали дрожать.

— Слишком мало тренировок, парень. Я не в форме,— зашептал он, тяжело дыша, на ухо лошади.

Он потрепал животное по щеке, крепко взялся за его гриву и еще несколько раз прошел с ним вокруг арены, на минуту остановившись перед исколотым шпагами манекеном, чтобы бросить назад кусок материала, которым было набито тряпичное тело манекена.

— Пойдем, Бренден, пришло время тебя помыть.— Карн отказался от предложения телохранителя отвести лошадь, и сам взял щетку для чистки лошадей. Он довольно быстро справлялся с этой тяжелой работой. Обливая лошадь водой и расчесывая ей мех щеткой, Карн забыл и Вики, и Роула, и летящих сюда заложников, и людей, обещанных Джастином и Фризном. Ритм работы полностью захватил его. Он еще долго продолжал чистить и расчесывать мех лошади, хотя она была уже совсем чистая. Когда он наконец остановился, мех Брендена был пушистым и так блестел, как мог блестеть только зимний мех. Карн снова проверил еду и воду животного, хлопнул его по спине и вышел из стойла, заперев за собой дверь на засов. Он чувствовал себя лучше. Гнев и ощущение измены все еще сидели в нем, но уже не были так сильны и не имели уже, как раньше, такой разрушительной силы.

Стоя опять в лифте, Карн оглядел себя. Он был весь в коричневой шерсти, рукава его после мытья лошади были серыми, а ладони почти черными, мундир спереди был запачкан кровью. Кровью Вики.

Лифт остановился. Карн выглянул в коридор. У входа в покои Ларги, уставившись в пол, стояла Кит. На ее щеках блестели слезы. Карн послал ей сообщение о смерти Вики, но он знал, что не сможет утешить Кит в ее горе, сейчас не сможет. Он нажал на кнопку с цифрой «6», и двери лифта снова закрылись. Карн решил поехать наверх, в оранжерею. Это убежище он использовал как последнее средство. Он оставил Иджила охранять его снаружи и зашел туда один, закрыв за собой дверь. Мягкие запахи сырой земли, зеленых листьев и влажного воздуха окружили его. Карн посмотрел на стеклянный купол, через который в оранжерею попадал свет. Сейчас была ночь. Снег, плавно несомый ветром, огибал изогнутый купол и барабанил по его термическому стеклу. У Карна в голове пронеслась мысль о том, как уязвим этот купол с военной точки зрения, но он быстро отогнал ее. У него будет достаточно времени, чтобы подумать об этом позже. Он зашел в самую гущу растительности, выдвинул покрытую тростником скамью и сел. Сидя в ночной темноте, Карн наслаждался запахами растений, почти ощущая их теплое сырое дыхание и чувствуя вкус тяжелого аромата завезенных с другой планеты деревьев там-там, достигающих своими вершинами стеклянного купола. Карн смог побороть в себе гнев, но сильное, разрывающее душу горе осталось. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь шорохом падающего на стекло снега и его собственным дыханием. Тишина, спокойствие и наполненный ароматами зелени воздух медленно делали свое дело, успокаивая и залечивая его израненную душу.

Вечером 10 ухла флиттеры, посланные Нерутом и Мелеваном, доставили в замок обещанных заложников и декакредиты. Для трех прибывших девочек рядом с жилищем Катрин были приготовлены комнаты, а также выделены фрейлины и пожилые дамы более высокого происхождения для того, чтобы всюду их сопровождать. Молодых людей решили поселить вместе с холостыми офицерами и обращаться с ними также соответствующим образом.

Раул продержался до 15 ухла, когда на нижних этажах его замка от нехватки воздуха стали погибать рабы. 15 ухла паж разбудил Карна очень поздно и сообщил ему о том, что Роул решил сдаться. Карн набросил отороченный гладким мехом халат и, спотыкаясь, стал спускаться вниз по лестнице к видеофону, находившемуся на один уровень ниже. При слабом «ночном» освещении он плохо различал дорогу и шел, натыкаясь на углы и стены. Он остановился у дверей, энергично потер лицо, затем вошел в ярко освещенную комнату. Дородный Роул напряженно стоял возле

древнего деревянного письменного стола. На нем была самая легкая из его одежд. На лбу его резко обозначились морщины, но голова его была высоко поднята.

— Я сдаюсь, лорд Карн. Вы оказались гораздо умнее, чем я думал. Какими будут ваши условия?

Карн оценил мужество и гордость этого человека. Однако, каким бы храбрым он ни был, Карн не должен давать ему никаких поблажек. Он выпрямился и сказал гордо и непреклонно:

— Мои условия таковы: когда мы встретимся, вы дадите мне присягу на верность; вы и все ваши дети, кроме двух старших мальчиков, будете моими заложниками; вы заплатите мне за топливо, которое я вам выделю, а также в качестве наказания — по десять тысяч декакредитов за каждую мегатонну. Вы не получите ни грамма топлива, пока не прибудут заложники.

— Это очень жесткие условия, мой повелитель, — голос у Роула был резким и звенел от напряжения.

— Нарушение клятвы — это тоже серьезный проступок и обычно карается смертью. Вы дали клятву моему отцу на верность ему и его преемникам. Я — его преемник, и вы отказали мне в уважении.

— Сейчас ухл, уже начались бури.

— Да, бури сейчас жестокие, — спокойно согласился Карн. — Вы знали об этом. Вы знали об этом с детства. Действительно, лететь сейчас — это для вас большой риск. Однако вы сами выбрали время, чтобы взбунтоваться. Вы сами решили не сдаваться как можно дольше и продержались 19 дней. Даже сейчас я не смогу гарантировать вам из-за плохой погоды подачу топлива. Трубы могли замерзнуть от долгого неиспользования, Бенжамин Роул! Возможно, вам придется ждать слишком долго.

Роул побледнел.

— Сколько у меня еще есть времени?

— До первого улучшения погоды. Крайний срок — завтра утром.

На следующее утро леди Элизабет Роул с покрасневшим, опухшим от слез лицом сообщила по видеофону об отбытии заложников. Ждал Дом Халареков. Ждал сам Карн.

Транспортный флиттер с заложниками уже опаздывал на целый час. Когда прошло уже два часа с ожидаемого момента его прибытия, начальник связи послал на всех лучах возвращающиеся обратно сигналы. Ник фон Шусс поднял флиттер над стартовой площадкой и снова опустил его вниз. Он медленно прошел по площадке к тому месту, где, глядя в наблюдательное окно пункта связи, стоял Карн.

— Здесь нулевая видимость, — сообщил Ник, — и такой сильный ветер, что может сбросить в горы и военный флиттер. Роул, конечно, не ожидал такой сильной бури.

— Господи, помоги им, — прошептал один из техников-связистов, глядя на индикатор скорости ветра.

— Это единственная помощь, которую они смогут получить, пока не прекратится буря,— огрызнулся Ник.

Он резко повернулся и пристально посмотрел на свой флиттер.

— Дурак,— пробормотал он,— шестеро детей погибли, и все из-за его гордости!

Четыре часа спустя, перед рассветом, буря немного утихла, и Халарек запросил Гильдию сделать снимок со спутника любого, приземлившегося в его владениях, флайера. Вскоре он получил позитивный инфракрасный снимок. Это был высокий перевал между горами, находившийся в пятнадцати километрах от замка. Когда техник сунул Карну полученный прямо с компьютера снимок, тот даже не смог ничего сказать. Последствия бури казались невероятными.

— Они слишком далеко отсюда, чтобы добраться самостоятельно, если кто-нибудь из них выжил,— сказал Карн, глядя на потрясенное лицо Ника,— я убил их, Ник. Всех детей. Я убил их.

Ник смущенно положил руку на плечо Карну.

— Карн, не ты виноват в их смерти. Роул знал, чем рисковал. Он знал, как были наказаны остальные. Он надеялся продержаться до тех пор, пока не найдет другой источник топлива. Он проиграл. Что бы ни случилось, на нем будет лежать ответственность.

Карн провел рукой по его волосам и тяжело вздохнул.

— На ком бы ни лежала ответственность, ведь там шестеро детей. Префет!

Солдат, на которого посмотрел Карн, вышел вперед.

— Пусть летный инструктор Кранз спустится на стартовую площадку,— приказал Карн.— Постойте!

Солдат, уже выходивший из комнаты, остановился.

— Существует ли еще отряд спасателей, созданный моим отцом?

— Да, лорд.

— Кто их командир?

— Сотник Рот, лорд.

— Хорошо. Отправляйтесь за Кранзом.

Префет отдал честь и ушел. С ближайшего пульта внутренней телефонной связи Карн послал мальчика-слугу за сотником Ротом. Через несколько минут ему ответил хриплый голос:

— Рот слушает вас, лорд Карн.

— Через пятнадцать минут постройте ваших людей, сотник. Флиттер Роула разбился на высоком перевале.

— Грегг построит их, милорд,— Рот мучительно закашлялся,— я все еще лежу в клинике.

— А Грегг входит в отряд спасателей?

— Как правило да, лорд.

— Кто бы вы ни были, хватит разговаривать,— раздался раздраженный голос,— говорит доктор Отнейл. Я приказываю вам оставить этого человека в покое. Он все еще в тяжелом состоянии.

Карн еле сдерживал смех: доктор отчитал своего господина, сам не зная об этом.

— Да, сэр! Я закончил, сэр!

— Не грубите старшим по званию, солдат.

Доктор выключил свой громкоговоритель.

Улыбка медленно сползала с лица Карна.

— Господи! Уже много недель со мной не случалось ничего смешного.

Ник уныло скривился, выражая свое понимание.

Появился Грегг со своими людьми. Они остановились у входа на пункт связи. Вышел Карн. Кит и Ларга стояли позади группы солдат. Грегг отдал честь, и его люди, специально экипированные для работы в трудных условиях и имеющие наготове медикаменты, построились за ним в пять ровных рядов.

— Два десятка из второй сотни построены, сэр!

— Флайер Роула упал на высоком перевале,— Карн говорил бодрым голосом, так, чтобы никто не мог догадаться о его настоящих чувствах,— если кто-нибудь остался в живых, то я хочу, чтобы их немедленно доставили сюда. Мертвых можно оставить там до Оттепели.

Грегг наклонил голову в знак того, что ему понятен приказ.

— Как прикажете, лорд Карн. Я позволил себе отправить на поверхность лошадей из конюшни, предполагая, что они вам потребуются. Наши флайеры могут подвергнуться той же участи, что и флайер Роула. Вы согласны со мной, сэр?

Карн кивнул.

— Похоже, что вы правы. Сколько времени это займет у вас?

— Три дня, сэр, или четыре, если там много живых или если кто-нибудь сильно пострадал.

— Удачи вам!— Карн отдал честь и смотрел им вслед, пока они не скрылись из вида. Возможно, он послал два десятка людей на смерть...

Кит, которая во время этого разговора все ближе и ближе подбиралась к Карну, одной рукой обхватила его за талию, а пальцами другой руки прикоснулась к глубоким морщинам, прорезавшим лоб Карна между бровями.

— Это тот путь, Карн, по которому идет Старкер. Ты принял самое лучшее решение. Ты не должен чувствовать себя виноватым в этом. Подумай только, сколько людей бы погибло, если бы ты атаковал эти три замка.

Она стала на цыпочки и поцеловала его в ухо.

— Ты лучший правитель, лучше, чем был наш отец. Ты заботишься о людях.

— Катрин!

— Он же мой брат, мама! Он же не Иджил Олафсон или кто-нибудь еще.

Кит высвободила руку и пошла по коридору. Ник тут же нашел предлог, чтобы последовать за ней.

Ларга подошла к Карну и остановилась, глядя Кит вслед.

— Ей нужен человек, который бы ее успокоил. Я никогда не знаю, что она выкинет в следующий момент.

Карн в замешательстве посмотрел на свою мать.

— Мне кажется, она совсем не плохо ведет себя. Конечно, не настолько хорошо, чтобы быть скучной, как некоторые наши кузины.

— Тебя слишком долго не было дома, сын мой. Ты жил в тех местах, где женщины выставляют напоказ руки, ноги и даже другие части тела, свободно разговаривают с мужчинами и ходят всюду без сопровождения.

Ларга повернулась и, взметнув вокруг себя голубое облако мягкой материи, удалилась. Ее шаг был женственным, а движения грациозными.

— Не думаю, что Кит когда-нибудь станет на нее похожа,— сказал Карн мягко,— когда Кит сердится, она мечет гром и молнии.

Он снова вошел на пункт связи, пододвинул свободный стул к связному устройству и приготовился к долгому ожиданию.

Отряд спасателей постоянно поддерживал с ним связь. Они сообщили о сильном ветре и ненадежном ледовом покрытии, однако никто из них не пострадал. На второй день спутник Гильдии помог им обнаружить обломки. В живых осталось только двое: сам Роул и его двухлетняя дочь.

Роул, которого спасатели доставили в замок Онтар, не был уже тем лордом, который отказал в верности Халареку. Это был уже сломленный человек, постоянно бормотавший себе под нос: «Я убил моих мальчиков, мое упрямство убило моих мальчиков». Никто не мог утешить его — ни жена, ни старшие сыновья, ни маленькая дочь Микитт. Через две недели, в течение которых Роул стал похож на свою собственную тень, доктор Отнейл стал давать ему успокаивающие средства и перевел на принудительное кормление.

Карн печально качал головой, наблюдая, как два телохранителя не то вели, не то тащили спотыкающегося Роула к лифту. Карн отправился в гостиную Ларги. Пять женщин мирно сидели на низких стульчиках и ярких подушках, скромно склонив головы над шитьем. Карну захотелось немного посидеть с ними, побыть в тишине. Кит то и дело лукаво украдкой поглядывала на него через свои черные кудрявые волосы и подмигивала. Девочка приблизительно того же возраста, что и Кит, одна из заложниц, все время краем глаза наблюдала за Карном, и это выводило его из равновесия. Он только что звонил по видеофону леди Элизабет, чтобы сообщить о состоянии ее мужа. Он чувствовал себя не в своей тарелке. «Как бы я хотел,— думал Карн,— поговорить с леди Элизабет о Роуле без свидетелей! Скоро все население Старкера IV решит, что Карн пытал и мучил Роула до тех пор, пока тот не сошел с ума».

Карн поморщился. Пауль Друма уже сообщал ему о подобных слухах, а он живет чуть не на другом конце планеты. Подслушивание и ложь всегда были частью жизни этих Семей, но Карна это никогда не интересовало. Теперь он узнавал мстительный характер взаимоотношений между членами Девяти Семей. Измена, предательство, подслушивание... Карн отчаянно нуждался в отдыхе, чтобы привести свои чувства и мысли в порядок, однако события развивались таким образом, что у него не было на это времени. И если Ричард Харлан будет и дальше поступать по-своему, у Карна вообще не будет на это времени. Ну что же, в конце концов, у него были друзья, на которых он мог положиться.

Карн подошел к матери и слегка тронул ее за плечо:

— Пойду поищу Иджила, мама.

Он повернулся и вышел из комнаты.

Карн нашел Иджила, Ника, Грегга, Дженкинса и двух братьев Виллемов сидящими в Большом Зале. Они ужинали. Он сел рядом с ними на скамью. В последние недели все семеро много разговаривали, практиковались во владении оружием, по вечерам играли в разные игры, читали книги по военному искусству, флиртовали с горничными и, если не видела Ларга, дразнили Кит и двух девочек-заложниц примерно ее возраста. Карн очень сблизился с этими людьми, несмотря на то, что отец постоянно вдалбливал ему в голову не доверять никому. Он рассказал своим друзьям, что Харлан распространяет слухи о пытках Роула.

Дэннен Виллем пожал плечами.

— Эта история не сможет повредить вам, милорд. Многие будут думать о вас лучше, если поверят, что это правда.

Карн вздохнул.

— Похоже, что ты прав, Дэннен.

Он глубоко задумался, взявшись за подбородок.

После долгой паузы Грегг нарушил тишину, быстро тасуя старую колоду.

— Может, карты?

Иджил встал и выпрямился. Ян Виллем дружески двинул его в бок.

— Сядь, великан, ты бросаешь тень на мой пирог.

— Я хочу посмотреть, не осталось ли еще горячего хлеба,— сказал Иджил, громко сопя и направляясь к двери.

— И я, и я тоже пойду,— раздался хор голосов. Заскрипели скамьи. Толкаясь, они выскочили за дверь, и бросились вниз по лестнице на кухню.

— Я разведаю обстановку,— сказал Грегг и заглянул в боковую дверь кухни,— хлеб лежит с другой стороны, и там только один человек, моет посуду.

Компания подкралась с другой стороны кухни.

— Как будто Лхарр не может съесть то, что он хочет,— скривив губы, заметил Ник.

Хлеб был как раз нужной температуры. Они разорвали батон на куски и стали есть, опираясь на стойку.

— Хороший хлеб,— сказал Ян, набив полный рот мягкой хлебной коркой.

Остальные дружно закивали.

— Хорошая идея, Олафсон.

— Почему мы не додумались до этого раньше?

— Давайте немного поупражняемся с лучеметами, пока мы здесь внизу.

Иджил запихнул в рот последний кусок хлеба и отошел от стойки.

— Покажи мне, Карн, как твоя лошадь умеет уклоняться от лучей из лучеметов.

Дженкинс посмотрел на часы.

— Я не пойду с вами. Через несколько минут начнется мое дежурство. Потом расскажешь мне об этом бое, Олафсон.

Дженкинс быстро пересек кухню и неожиданно остановился, сурово посмотрев на человека, который мыл посуду.

— Скажите, вы не были дежурным офицером на пункте связи?

Человек ничего не ответил, а принялся с удвоенной скоростью и шумом расставлять по шкафчикам кастрюли и сковородки.

Дженкинс подозвал фон Шусса.

— Ник?

Ник подошел к человеку вплотную.

— Вы были офицером-связистом. Я помню ваше лицо.

— Да, был,— человек повернулся к ним, как будто его укололи,— был, пока лорд Карн, «добрый к своим врагам», не понизил меня в звании до субпрефета.

Он стрельнул взглядом в Карна и бросился вон из кухни.

Дженкинс пожал плечами и остался. Ник вопросительно посмотрел на Карна.

— Он невероятно нагло вел себя. Я никогда даже не знал его имени. Я поручил капитану Рэду проследить, чтобы мои приказания были выполнены. Я должен был бы уволить его из армии, но был уже ухл, и я не хотел рисковать хорошим офицером, которому пришлось бы вывозить плохого за пределы Владений. Вероятно, я должен был это сделать. Сделали же это Нерут и Мелеван,— Карн пожал плечами,— все время что-то не так.

Офицеры вытерли с губ хлебные крошки и вслед за Карном пошли на арену. Пока все шли прямо к месту боя, Карн и Иджил завернули в конюшню. Бренден был беспокоен и плохо управляем. Карн поговорил с ним немного, погладил мех на шее, но лошадь не успокоилась. Наконец оба они, обливаясь потом, вышли на арену. Что-то беспокоило лошадь, Карн был в этом уверен. Он проверил поводья и седло. Если кто-нибудь что-то и испортил, то он был умнее Карна. Карн вскочил на лошадь. Бренден рванулся назад и вскинул голову.

— Полегче, парень! — предупредил Карн.— Ты чуть не боднул меня. Что случилось?

Карн посмотрел на своих товарищей, одевавших жакеты и бравших лучеметы.

— Готовы?

Пять человек зарядили легкие патроны и заняли боевые позиции, имитируя атаку пехоты. Ник стрелял левой рукой. Карн глубоко вздохнул. В такие моменты он всегда чувствовал себя как перед настоящим боем. Сердце забилось быстрее, руки на поводьях стали скользкими. Он еще раз глубоко вздохнул.

— Стреляйте, когда будете готовы. Только, пожалуйста, не более двоих одновременно. У нас с Бренденом должны быть хоть какие-то возможности маневрировать.

Бренден судорожно дернул ушами.

— Начинайте!

Карн пришпорил лошадь, и она понеслась вскачь.

В течение следующих десяти минут они блестяще демонстрировали неожиданные остановки, резкие скачки в сторону, быструю смену скорости и направления. Карн взглянул на свой жакет. На нем горело две желтые области. Еще одна — и он «мертв». Бренден одновременно рванулся вперед и закружился вокруг себя. Легкий луч пролетел, не причинив никакого вреда. Ник и Грегг стреляли в пересекающихся направлениях. Бренден уклонился от обоих. Секундой позже Карну показалось, что он слышал три выстрела. Его спину как будто обожгло огнем. Он вскрикнул от боли.

— Проклятье! Настоящий выстрел! — закричал Иджил.

Глава одиннадцатая

Карн почувствовал удар и другого луча. Следующий выстрел был бы смертельным. Он перелетел через голову Брендена и упал на песок. Он лежал не шевелясь, больно вывернув одну руку. На арене их было только шестеро, а значит, кто-то из них и стрелял в него. Его предали. Это слово эхом отозвалось у него в голове — предали, предали, предали — боль пульсировала в такт этому слову. Карн лежал совершенно неподвижно, надеясь, что предатель решит, что он мертв.

После того как первый шок прошел, казалось, что боль обострила его чувства. Карн услышал приближающиеся шаги. Он затаил дыхание. Кто-то быстро и тяжело дышал рядом с ним. Шел, чтобы нанести последний удар? Карн не рискнул взглянуть.

— Поднимите его! — закричал Ник откуда-то с другого конца арены.

Отчаяние затопило Карна. Ник? Кто-то другой? Шаги быстро приближались. Карн приготовился к последнему выстрелу.

Большая рука скользнула под воротник его мундира и осторожно пощупала пульс на горле.

— Слава Богу, жив,— Иджил позвал остальных.— Не двигайся, Карн,— мягко добавил он,— из клиники сейчас придут люди с носилками. Братья Виллемсы стоят рядом с тобой. Мы думаем, что этот человек ушел, но мы не хотим дать ему шанс сделать еще один выстрел. Ник и Грегг преследуют его. Не двигайся, Карн.

Иджил поднял и отбросил сгоревшие края защитного жакета Карна и тихо выругался.

На арене стояла полнейшая тишина. Карн снова попытался высвободить руку, на которую он упал, но этим он потревожил мышцы на своей обожженной спине. Он услышал свой собственный стон и потерял сознание. Карн ненадолго пришел в себя, когда его клали на носилки.

— Мы перевезем носилки быстрее, чем они будут двигаться сами,— услышал он голос одного из санитаров.

— Везти в его покои?— спросил другой санитар.

— В клинику,— резко ответил Грегг,— ему потребуется срочная помощь.

Темнота снова сомкнулась над Карном. Когда он в следующий раз открыл глаза, он лежал в маленькой пустой комнате, освещенной у пола ночным светом. Пахло больницей, лекарствами. Он лежал лицом вниз, привязанный к кровати, имеющей форму человеческого тела. Он попытался, несмотря на стягивающие его ремни, поднять голову так, чтобы увидеть хоть что-нибудь, кроме пола. От этого движения Карн почувствовал, как будто кожа у него на спине сморщилась, причиняя невероятную боль. Он со стоном уронил голову. Место, где он находился, не было похоже на клинику. Карн хорошо знал клинику.

Его охватила паника. Где я? Как долго я здесь нахожусь? Он попытался повернуть голову, чтобы посмотреть по сторонам, но снова почувствовал сильную боль в спине. Он сжал губы, чтобы не закричать от боли. Им овладело отчаяние. Его Дом все еще подвергался смертельной опасности, а он был слабее ребенка. Карн услышал, как медленно открылась дверь, и увидел светлый прямоугольник, который становился все длиннее и длиннее, пока не достиг его кровати. Затем он услышал стук шагов. Карн повернул шею, чтобы увидеть, кто это, но опять почувствовал боль.

— Нет, лорд. Не двигайтесь,— рука с широким черным рукавом мягко коснулась его руки. Человек подошел ближе, но свет был настолько тусклым, что Карн смог различить лишь его темный халат. Человек пощупал у Карна пульс.

— Санитар! Зажгите свет.

В комнате зажегся свет, и человек в черном халате склонился над кроватью.

— Отнейл!— Карн не узнал мягкого, встревоженного голоса

этого грубого, злого на язык человека, которого, как ему казалось, он хорошо знал.

— Да. Кто же еще это может быть?— в его голосе снова начала появляться знакомая резкость. Отнейл внимательно посмотрел Карну в лицо.— Вас мучили кошмары, лорд. Вы так боролись с ними, что снова и снова раскрывали спину. Вам очень повезло. Покрытый металлом жакет отразил значительное количество тепла, так что вы получили только ожог средней степени. К тому же ваши друзья немедленно доставили вас сюда. У вас обожжена вся спина.

Доктор опустил голову и сказал тише и резче:

— Одно время мы даже боялись, что вы умрете, лорд.

— Где я?

— Видите ли, милорд,— сказал доктор, растягивая слова,— я знаю о том, что членов Семьи всегда лечат в их покоях, но я бы не смог поднять наверх оборудование, даже если бы у меня было на это время.

Отнейл сильно нажал на край кровати, и Карн оказался лежащим лицом вверх, опираясь на державшие его ремни и веревки. Отнейл похлопал Карна по руке.

— Здесь лучше, не правда ли? Легче для вас. Легче для меня. Когда человеку пятьдесят зим, то у него уже не такие здоровые ноги. Так о чем же я говорил? Ах, да, о том, где вы находитесь. Это обыкновенная кладовка. Ее вымыли и продезинфицировали, пока вам оказывали необходимую помощь.

Карн вздохнул с облегчением.

— А я уж было подумал, что меня взяли в плен.

— В плен, лорд Карн? В вашем собственном доме?

Карн отвернулся, устыдившись своей подозрительности.

— Я не узнал это место. В замке полно людей из других Домов, здесь живет, по крайней мере, один предатель, и я... я подозревал моих друзей.

— Это лишено оснований, однако не удивительно, если учесть то, как вас воспитывали. До того как вы родились, лорд, у вашего отца было два друга, пытавшихся уговорить его помириться с Харланами. Но он не согласился на это. Ваш прадед дружил с Харланами, пока Харлан не опозорил Дюка, овладев женщиной, на которой Дюк хотел жениться.

Доктор покачал головой, как будто все еще, несмотря на то, что прошло столько времени, не мог поверить, что можно так обойтись с другом.

— Это произошло прямо на Черном Корабле...

— А мог ли среди моих друзей оказаться предатель? Невозможно же по ошибке зарядить настоящий лучевой патрон вместо облегченного.

— Как я уже сказал, милорд, эти пятеро спасли вам жизнь. Гигант с другой планеты и братья Виллемсы заслонили вас, чтобы защитить от возможного очередного нападения, а пилот

фон Шусс сообщил мне по телефону о случившемся и вместе с Греггом стал преследовать убийцу. Этот человек был офицером-связистом до того, как вы понизили его в звании. Ваши друзья заставили его говорить. Он сообщил, что, узнав о том, что его разжаловали в рядовые, лорд Ричард предложил ему деньги и возможность вернуться к вам на службу. Он согласился. Грегг обнаружил у него в кармане столько декакредитов, сколько не смог бы отложить офицер-связист даже в течение нескольких лет. К сожалению, ему удалось убежать от пилота фон Шусса, не слишком искушенного в подобных делах, и он был застрелен из станнера при попытке улизнуть через купол оранжереи. Ваши друзья предполагают, что это именно он тайно провел линию связи и что он убил Вики,— Отнейл с сочувствием взял Карна за руку.— Мне очень жаль, лорд,— этот зверек появился здесь раньше меня. Я буду скучать по нему.

Карн снова подавил в себе боль утраты.

— Мне бы очень хотелось надеяться, что этот человек был единственным предателем у меня в доме. Этот бывший офицер мог вести переговоры с Фермой 3, с Харланом, он мог тайно провести в замок линию связи, но получить деньги...

Он отрицательно покачал головой и снова сморщился от сильной боли.

— Никто не проникал сюда снаружи после Совета. В Доме все еще есть люди Ричарда.

— Похоже, что это правда, лорд.

Разговор отнимал у него много сил. Карн некоторое время лежал молча, потом хрипло сказал:

— Я подозревал моих друзей. Они не заслуживали этого. Но, помня наставления своего отца, я все же подозревал их!

По щеке Карна поползла слеза. Он сильно закусил губу, но слезы продолжали течь. Карн отвернулся, чтобы доктор не видел их.

Доктор Отнейл достал большой носовой платок и вытер ему слезы.

— Не стесняйтесь, молодой человек,— сказал он грубовато,— иногда после перенесенной сильной боли, когда душа и тело еще слишком слабы, слезы вполне естественны и часто неизбежны. Я их видел на глазах более старших и не так тяжело раненных людей, как вы,— Отнейл направился к двери.— Под левой рукой у вас находится кнопка звонка. Если что-нибудь понадобится— позвоните. А теперь вам нужно поспать. Я приду к вам утром.

Он выключил свет.

— Доктор!

Отнейл остановился в дверях, Карн видел только его силуэт.

— Какое сегодня число?

— 5 архаста, вечер, милорд.

— Сколько времени уйдет на мое выздоровление?

— Это зависит от разных обстоятельств. Обычно это занимает три-четыре недели.

— О Господи! Так долго?

— У вас же обожжена вся спина. Да, так долго и даже дольше, если вы не будете осторожны, когда мы вас снимем с этой кровати.

— Уже будет 5 курта!

— Да, лорд. Спокойной ночи, милорд.

Отнейл вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Некоторое время Карн лежал без сна, глядя на слабую тень, отбрасываемую его кроватью на потолок, чувствуя, как слезы оставляют на лице и шее мокрые следы. Но борьба со стягивавшими его ремнями и разговор с доктором так утомили его, что он скоро заснул.

Следующие две недели Карн провел на той же кровати, повернутый «как лепешка», так он сам это называл. К нему приходило столько посетителей, что доктор Отнейл в конце концов ограничил часы посещения. Его часто навещали Кит и две девочки-заложницы чуть постарше Кит. Обычно их сопровождала леди Агнес, высокая суровая женщина неопределенного возраста, или Ларга. Молодые девушки играли с Карном во Взлеты и Падения или пересказывали ему древние Гхаррские легенды.

— Они же ухаживают за мной,— жаловался Карн Ларге, когда однажды днем они были в комнате одни.— Я привязан к кровати и беспомощен, а две молодые девушки приходят ухаживать за мной. Только племянница Нерута уже совершеннолетняя, но она такая скучная и бесцветная, что я даже не могу запомнить ее имени.

— Мэриа́нн.

— Меня совсем не интересует, как ее зовут. Мне неприятно, когда за мной ухаживает девушка, которая мне совсем не нравится,— вспомнив о Мэрианн, Карну захотелось повернуться и уйти, но ремни не позволяли сделать ему ни малейшего движения.— Кроме того,— пробормотал он,— обычно все-таки мужчина ухаживает за женщиной.

Ларга Алиша рассмеялась.

— Ты же знаешь, сколько ходит слухов, но все они, кроме рассказов о невестах с Черного Корабля, совершенно не соответствуют действительности. Посмотри, например, на Катрин, когда она рядом с фон Шуссом.

— Кит? Ник? Отлично! Надеюсь, Кит поймает его в свои сети.

— Я думала, тебе не нравится, когда девушки ухаживают за молодыми людьми.

— Кит — это исключение.

— А девочки с Болдера тоже были исключениями? Иджил рассказывал, что ты не возражал против их ухаживаний.

— Там совсем другое дело,— на мгновение он увидел Шалим, ее длинные руки и ноги и курчавые красные волосы, Надию, изящ-

ную и черноволосую, с раскосыми глазами и длинными ресницами,— аналогичное поведение воспринималось там просто как дружба. Нам нравилась их компания, и мы совсем не думали о женитьбе и выгодных семейных союзах. На Болдере люди женятся по любви.

— Это нелепо,— фыркнула Ларга,— и опасно. Только тщательно спланированные союзы могут удержать общество от распада. Любовь — для детей, таких как Катрин и молодой фон Шусс.

— Они оба совершеннолетние, мама.

— Они оба знают, что нам не нужна их свадьба, чтобы еще ближе связать наши Дома. Нет, они никогда не поженятся.

— А я? Есть ли среди Семей женщины соответствующего мне положения? Эта Мэриетт — единственная девушка подходящего возраста из всех, кого я встречал. Но она просто невыносима. Может быть, я должен жениться на какой-нибудь женщине из Свободного Города?

— Ее зовут Мэрианн, и не говори глупостей. Даже если Семья даст разрешение на такой брак, жители Свободного Города никогда не позволят этого. Они не будут рисковать своим драгоценным нейтралитетом, соединившись брачными узами с кем-нибудь из наших Домов,— Ларга сделала паузу и задумалась.— Через пять или шесть лет мы могли бы позволить себе невесту с Черного Корабля, если все будет хорошо. Может быть, ты и Ник и кто-нибудь из сыновей Джастина могли бы собраться вместе и...

— Братья Джастины — друзья Ника, а не мои. Не забывай, Эллит Джастин отказал нам в помощи, которую он обещал на Совете.

Ларга обиженно отодвинулась.

— Не нужно так со мной разговаривать. Разве не Джастины защищали тебя на Совете? Я только хочу сказать, что Дому Халареков отчаянно требуется наследник. Мальчики Керэла живут со своей матерью к югу от экватора, и они останутся там, по крайней мере, до тех пор, пока наш Дом цел и невредим. Ты должен как можно скорее подумать о женитьбе, и самым престижным был бы брак с женщиной с Черного Корабля.

— Пять или шесть лет — это скоро? Старшему сыну Керэла будет тогда восемь или девять лет, и он будет достаточно большой, чтобы управлять через регента.

— Гм,— Ларга презрительно вскинула голову,— если этих мальчиков воспитывает та женщина, на которой женился Керэл, вряд ли она сделает из них умных людей.

— Она из Дома Дюрлена, не так ли? — Карн не смог удержаться от ехидного намека.

Ларга резко выпрямилась.

— Я не говорила, что тебе подойдет какая-нибудь женщина из наших Домов. Нетта — очаровательное маленькое существо. Она не виновата, что у нее совсем нет мозгов, а Керэла это не интересовало.

Ларга грациозно встала и одернула юбку.

— Мы уже долго беседуем, а у меня полно дел в замке. Я буду очень рада, сын мой, когда ты полностью сможешь взять бразды правления в свои руки.

Она вышла за дверь. Карн улыбнулся, глядя на величественную походку этой миниатюрной женщины, но улыбка быстро сползла с его лица. У него чесался нос, но он сам не мог его почесать. Болела шея, и ему надо бы позвать кого-нибудь, чтобы его перевернули. Ему нужно было судно. И это было самое унизительное в его нынешнем положении. Он поморщился, вздохнул и нажал кнопку звонка.

Через двадцать пять дней доктор Отнейл позволил Карну встать.

— Никаких нагрузок,— строго приказывал доктор,— старайтесь не напрягать мышцы спины, не поднимайте тяжестей, даже лучемета, словом, ничего тяжелее вилки — по крайней мере, в течение следующей недели. Я буду каждый день приходить к вам в комнаты и менять повязки.

— Да, доктор,— Карн отдал честь и вздрогнул от боли.

Так как к тому моменту, как Карн стал на ноги, фон Шусс также не был в хорошей физической форме, то оба они стали усиленно тренироваться, стараясь снова привести себя в состояние боевой готовности. Несмотря на тренировки, несмотря на постепенно улучшающееся физическое состояние, Карн знал, что Ричард Харлан все равно был бы сильнее его в любом бою. Его одолевали сомнения, сможет ли он противостоять тем действиям, которые, возможно, предпримет Ричард, выступая против Халареков. Карн знал, что как только начнется Оттепель и Ричард Харлан сможет двинуть людей и вооружение, он немедленно начнет предпринимать все, чтобы выполнить свою ужасную клятву. А у Карна не было людей, которых он мог бы повести против Харлана. Ему не хотелось пользоваться услугами генерала Шенна, так как он чувствовал, что генерал Шенн не будет слушать никаких приказаний, отличных от тех, которые дал бы Трев Халарек в подобной ситуации. И все же у Карна не было настолько опытных старших офицеров, которые могли бы заменить генерала. В результате Карн провел остаток архаста и весь курт с чувством, что он обречен.

Он мучился над этой проблемой, наблюдая, как солдаты Коннора, Макниса и фон Шусса ежедневно вместе с его солдатами упражнялись в боевых искусствах. Люди из этих двух малых Домов не могли вернуться к себе домой после церемонии принятия присяги из-за плохой погоды, и им было позволено воевать на стороне Халарека. Карн то и дело напоминал себе, что такое разрешение было дано только потому, что ни один Дом не согласится кормить зимой лишних людей, если эти люди не будут сражаться за этот Дом. Без такого обещания Трев попросту выгнал бы две сотни людей, несмотря на сильный мороз и суровые бури, свиреп-

ствующие в ухле. Он думал над этой проблемой каждый день, когда после военных учений снова и снова просматривал списки людей и запасов, необходимых, чтобы выдержать осаду. Каждый раз, просматривая эти списки, Карн искал офицера, который мог бы заменить генерала Шенна. Однако ни у кого не было такого большого опыта, как у генерала. Ни у кого. Каждый раз, натыкаясь на этот вопрос, Карн приходил в замешательство, понимая, что именно он как Глава Дома будет вынужден возглавить сражение против Харлана, будучи совершенно неопытным и вооруженным лишь книжными знаниями. Мысль эта страшила его. Он уже сделал кое-что по-своему. Карн вспомнил Ферму 3 и взбунтовавшихся вассалов. Гхарры обвинили Карна в трусости. Он стал терять своих сторонников. Потеря Джастина явилась для него настоящим бедствием, исправить которое можно было лишь решительной победой над Харланом.

Кроме того, существовала большая вероятность того, что поскольку Астен Харлан умер, Совет Оттепели мог положить конец опеке Харланов. Причем учитывая, что большинство в Совете составляют союзники Харлана, скорее всего так и произойдет. Совет может также решить заменить регента у Халареков и поставить кого-нибудь другого вместо Ларги. Он может также отстранить Карна от управления замком и назначить кого-то другого просто потому, что Карн достигнет совершеннолетия только через месяц после того, как соберется Совет.

Карн жил с постоянным чувством надвигающейся беды. Для остальных членов семьи зима прошла как обычно: составление описей имущества, еженедельные походы в часовню на службы Первого Дня, разговоры по видеофону с друзьями и вассалами, чтение и игры. До середины курта Иджил все время нервничал из-за вынужденного безделья.

— Как вы только это выдерживаете,— уныло спрашивал он Карна, сидя с ним в библиотеке,— все вокруг только и делают, что играют, болтают и сплетничают.

Иджил задумчиво посмотрел на Ника и Кит.

— У Ника теперь появилось увлечение.

— Это всего лишь детская любовь. Они перерастут ее.

— Гм...— произнес Иджил. Он встал и выпрямился.— Я хочу что-то делать, Карн. Дома мы ходили на лыжах, катались по льду на парусных санях...

— Дома,— фыркнул Карн,— у вас не бывает таких сильных бурь и холодов. Здесь ты бы превратился в ледышку. Никто не выходит наружу, когда стоит месяц курт, даже при крайней необходимости. Нам очень повезло, что после крушения флиттера Роула вернулись все спасатели.

— Я хочу что-то делать своими руками, Карн. Я просто не нахожу себе места.

Карн задумчиво посмотрел на своего друга, прикусив губу.

— Ты когда-то написал для меня портрет Надии и нарисовал

усаженную деревьями аллею перед Академией. Эту картину я брал с собой на «Альдефару». Нарисуй мне что-нибудь на стене напротив моей кровати, чтобы я, глядя на эту картину, вспоминал о тебе, когда ты вернешься домой. В ремесленных мастерских в Онтаре ты найдешь все необходимые тебе материалы.

Иджил тут же бросился к дверям, на бегу коснувшись плеча Карна.

— Спасибо, брат. Теперь я, кажется, смогу найти себе место до наступления Оттепели.

— Ты найдешь дорогу? — крикнул Карн уже вслед ему.

— Ты же знаешь меня. Я могу найти дорогу даже в лабиринте с завязанными глазами.

Карн улыбнулся. Это была правда: Иджил прекрасно ориентировался, чувствуя направление.

Иджил немедленно взялся за осуществление своих новых планов.

— Хеймдал у ворот Аасгарда вечером, пейзаж с планеты Болдер,— говорил он всем, кто спрашивал и не спрашивал, что он делает, долго и подробно описывая будущую картину.

Восьмого немба Гильдия передала сообщение для всех членов Мирового Совета о том, что ею и чиновниками Патрульной службы завершено расследование по делу «Альдефары», что суд уже начался и должен завершиться к 1 вердейну, за десять дней до Совета Оттепели. Халареки, так же как и все население Старкера IV, собрались перед экраном, чтобы послушать сообщение.

— Почему это заняло у них так много времени, Карн? — спросила Кит, когда закончили передавать это объявление и контора Первого Купца исчезла с экрана.

— Ближайший к Старкеру Патрульный корабль находился на расстоянии трех недель пути. Когда он прибыл, понадобилось время, чтобы опросить экипаж и трех оставшихся в живых пассажиров, собрать вместе и проанализировать все свидетельские показания и улики. Затем Патрульной службе нужно было собрать равный по положению состав жюри и провести суд через мониторы. Тем временем кто-нибудь из Гильдии или Патрульной службы должен был успокаивать правительства, защищающие права пассажиров-свидетелей, объясняя им, почему их свободных граждан не отпускают по своим делам, а держат под арестом. Судебный процесс — очень дорогое мероприятие и, возможно, Гильдии пришлось занять деньги в другом секторе Гильдии. В Федерации такие длительные судебные разбирательства оплачивает общее правительство. Здесь же Гильдия должна платить деньги из своей прибыли, что совсем не радует ее директоров.

Карн в задумчивости смотрел на пустой экран. Он все больше и больше погружался в себя, размышляя о том, какие последствия будет иметь суд для Халареков и всего Старкера IV. Карн продолжал разговаривать с Кит, не отрывая глаз от экрана.

— Сегодня Первый Купец сказал мне, что с этого дня Гильдия

больше не будет заниматься перевозками пассажиров куда бы то ни было. Теперь мы не сможем выбраться из нашей системы. Никаких увеселительных путешествий больше не будет.— Карн прерывисто вздохнул и с горечью произнес:— Теперь все другие планеты узнают, что Черные Корабли занимаются похищением людей, терроризмом и иногда даже идут на убийство... Господи! Гильдия защищает свои доходы ценой Старкера IV! Если никто больше не сможет посетить другие планеты, объединенные в Федерацию, то Старкер прекратит свое развитие, погрязнет в своих традициях и варварстве!

Кит, стараясь утешить, протянула к нему руку, но Карн оттолкнул ее и бросился вон из комнаты. Много позже Кит снова нашла его сидящим на своей кровати, скрестив ноги. Карн разглядывал нарисованную уже картину: Хеймдал сидел на краю радуги, играя на своем рожке, а высоко над Джотунгеймскими горами сгрудились черные грозовые облака.

— До сих пор, Кит, я не осознавал, что именно так и смотрю на наш мир. Я ненавижу в нем жестокость и бессмысленные традиции, которые соблюдаются лишь потому, что так было всегда. Если Гильдия совсем отрежет нас от других миров, а Свободные граждане будут держаться особняком, то власть на Старкере IV захватят силы тьмы.

Карн посмотрел на свои руки и сложил их на коленях.

— Еще не все потеряно, Карн,— почти прошептала Кит.

Он пошевелил мышцами спины.

— А разве нет? Мне повезло, когда в меня стреляли из лучемета. В следующий раз...

Кит обняла Карна и крепко прижала к себе.

— О Карн, я не хочу тебя терять!

Карн погладил ее мягкие каштановые волосы.

— Это путь, по которому идет наша планета,— ты сама сказала мне так несколько месяцев назад. Сколько Лхарров прожили более тридцати зим?

— Четверо.

— А более сорока?

— Один.

— Нужно смотреть правде в лицо, Кит, а это трудно, ох, как трудно!

Карн обхватил Кит руками и зарылся лицом в ее теплые волосы, чувствуя, как ее слезы падают ему на шею.

— Я люблю жизнь и люблю мою семью. Я хочу иметь детей и внуков. Я хочу дожить до старости. О Кит, как я хотел остаться на Болдере!

После долгого молчания Карн поднял голову, отстранил от себя Кит и посмотрел ей в глаза.

— Я не хотел говорить это тебе, Кит. Я никому больше об этом не говорил.

Кит опять уткнулась лицом ему в шею и крепко прижалась

к нему. Они все еще продолжали так сидеть, когда за дверью послышался голос Гарета:

— Председатель Совета де Ври требует, чтобы вы подошли к экрану, милорд.

— Нельзя ли подождать?

— Нет, лорд. Он требует вас немедленно. Совет принял какое-то постановление.

Карн отодвинулся от Кит, вытер слезы у нее на щеках, поцеловал ее и встал. Он переодел влажный и помятый мундир. Затем сказал Кит:

— Ты можешь здесь остаться и привести себя в порядок.

В комнате с трехмерным видеофоном Карна уже ждали Ларга, Орконан, Вейсман и генерал Шенн.

Председатель де Ври поднял глаза от каких-то бумаг, которые он читал, и посмотрел с экрана на Карна.

— А, Халарек. Вы выглядите уже вполне здоровым.

— Да, милорд. Так что же Совет хочет от меня?

— Существует закон, по которому Дом, который собирается начать осаду другого Дома, дает сорок дней на то, чтобы все, кто не имеет отношения к этому спору, и мирное население, не участвующее в боевых действиях, могли покинуть осаждаемый район,— де Ври прокашлялся.— Граф Кингсленд как опекун Дома Харланов объявляет осаду замка и города Онтар, Владений Халареков, которая начнется через сорок дней или 8 керенстена нового года.

— Никто не сможет покинуть замок до 20 керенстена! Вы же знаете, какая обычно погода во время Оттепели, милорд!

— Извините, Халарек. В законе ничего не сказано об отсрочке, связанной с плохой погодой. Кингсленд и Харлан выполнили требование закона. Готовьтесь к осаде.

Де Ври резко прервал связь, и его изображение исчезло с экрана.

Глава двенадцатая

Карн ошеломленно смотрел на экран.

— Как мог Совет позволить это?— шептал он.— Все это соответствует закону. Они же уничтожат всю мою семью, если никто не сможет выйти отсюда. Техник, соедините меня с Кингслендом.

Карн стоял перед пустым креслом Ларги, напряженно ожидая, когда снова загорится экран. Через несколько минут на нем появилось изображение: комната была пуста. Еще через некоторое время в нее вошел худой человек с резкими чертами лица. Ему было немногим более двадцати зим. Он холодно посмотрел на Карна.

— Вы хотели меня видеть, Халарек?

— Я хотел видеть графа Кингсленда.

— С моим отцом произошел несчастный случай в конце курта. У вас дело к Кингслендам или к моему отцу?

Карна охватила паника. Но он смог овладеть собой и не показать вида. Это был совсем не тот человек, которого Карн надеялся уговорить отложить осаду до 20 керенстена. От такого человека нечего было ждать справедливости. У него было грубое, волевое, энергичное лицо. Карн вдруг понял, как Харлану удалось получить согласие на осаду у своего опекуна. В результате «несчастного случая» к власти пришел более уступчивый человек. Усилием воли Карн остановил дрожь в своих руках и отдал честь новому лорду Кингсленду.

— Мир вашему дому, милорд.

— Какое у вас ко мне дело? — новый лорд остановил на Карне свой тяжелый, недружелюбный взгляд.

Карн несколько приободрился.

— Я прошу дать мне время, чтобы мирное население успело покинуть замок.

— У вас есть время. У вас есть законные сорок дней, Халарек.

Негодование и гнев боролись в Карне с академической подготовкой. Наконец академическая подготовка взяла верх. Карн глубоко вздохнул и сказал ровным голосом:

— Вы же знаете не хуже меня, что опасно отправляться в полет до 20 керенстена.

— Не опасней, чем в середине ухла, когда ваши вассалы вынуждены были послать к вам своих заложников,— Кингсленд сделал паузу, чтобы значение его слов лучше дошло до Карна,— вы все еще недовольны выбранным временем, милорд?

Голос Кингсленда был ровным и очень-очень вежливым.

Лицо Карна осталось неподвижным, не выразив гнева и отчаяния, которые овладели им.

— Приношу свои соболезнования в связи с безвременной кончиной вашего отца,— сказал он тихо и отключил связь.

Карн сделал рукой знак техникам, стоявшим за дверью, и медленно опустился на кресло Ларги. Ингольд Кингсленд объединился с Харланом, возможно, ускорил смерть графа Неллиса, чтобы новый опекун дал согласие на осаду, чего никогда бы не сделал старый граф, особенно в начале керенстена. Итак, предыдущие проблемы еще не решены, а уже появилась новая. Осада означала, что Карн больше не мог откладывать решение, касающееся генерала Шенна. Разгар битвы или осада — не время для смены командования войсками. Не хватает еще, чтобы генерал и офицеры отказались выполнять приказы. Карн сжал губы. Он должен немедленно что-то решить.

Карн собрал генеральный штаб в Большом Зале. В ожидании прихода офицеров он шагал взад-вперед у Кафедры, ероша волосы и размышляя, как ему выявить неверных офицеров. Остальных же офицеров он должен заставить выполнять его приказы. За сотником Ротом и его Спасателями в Зал вошли сотник Винтер

и пять подчиненных ему командиров отрядов. Следом за ними шли и остальные. Карн увидел их напряженные, ожидающие лица и резко сказал:

— Харлан объявил об осаде, которая начнется восьмого керенстена,— Карн подождал, пока стихнут возгласы удивления и возмущения.— У нас есть сорок дней, чтобы проверить наши запасы еды, оружия и боеприпасов укрепить наши позиции на поверхности, если это возможно, а также как можно скорее подготовиться к эвакуации членов Семьи в их малые владения.

— Осада действительно назначена на восьмое керенстена?— спросил Карна стоявший впереди офицер.

— Да. Сейчас мы должны выработать план подготовки к осаде и эвакуации членов семьи, эвакуации, которую провести будет крайне сложно, если не невозможно. Вы слышали клятву Харлана. Теперь он собирается таким образом уничтожить наш Дом.

Встал генерал Шенн.

— Извините меня, молодой лорд, но я не думаю, что нам потребуется кого-то эвакуировать. Здесь мы абсолютно неуязвимы. Мы можем...

— Я не интересовался ничьим мнением об эвакуации Семьи, генерал,— резко прервал его Карн.— Я думаю о том, что нам предстоит, еще с нарна. Во время Оттепели наш Дом может быть разрушен в результате длительной осады. Наши запасы на исходе, а к началу керенстена, когда грузовые флайеры Гильдии смогут доставить новые грузы, их будет еще меньше. Однако к тому времени Харлан уже начнет осаду. Вы думаете, он не отключит наши грузовые лифты и не заблокирует лестницы, чтобы мы не могли получить эти грузы?

Генерал Шенн почувствовал себя оскорбленным в лучших чувствах.

— Молодой человек, я командовал сражениями на боевом поле, когда вы еще пешком под стол ходили!

В толпе офицеров послышался тихий ропот.

Карн так сурово посмотрел на генерала, что на лице у того выступил пот.

— Неповиновение — всегда серьезный проступок, генерал,— тихо сказал Карн,— но когда Дом подвергается нападению, это уже измена.

Генерал побледнел, но потом снова овладел собой. Всем своим видом он как будто говорил: «В конце концов, это всего лишь третий сын Трева». Он повернулся к другим офицерам.

— Итак, как мы будем действовать? Если мы оставим ворота стартовой площадки открытыми, даже если будет прекращена подача энергии, враг не сможет...

— Генерал Шенн,— прервал его Карн обманчиво спокойным голосом,— назовите мне ваших любимых офицеров в штабе.

После недолгого замешательства генерал перечислил дюжину

фамилий. Карн подозвал к себе сотников Рота, Винтера и Мартина.

— Отберите в этой комнате верных людей, найдите двенадцать перечисленных офицеров, заключите их под стражу и не освобождайте до конца осады. Генерал Шенн тоже будет заключен под стражу, и он будет содержаться в отдельной камере до тех пор, пока я не решу, что с ним делать.

Сотники немедленно стали оправдываться.

— Что я сделал, мой повелитель?

Генерал Шенн выглядел искренне изумленным.

— Вы обращаетесь со мной так, как будто я еще мальчишка, генерал, мальчишка, каким считал меня мой отец. Я — Лхарр, и я управляю своим Домом. После вашей попытки взять власть в свои руки вы лишаетесь звания офицера.

Карн сорвал с мундира Шенна генеральские знаки отличия.

— Мой отец в таком случае наверняка взял бы станнер и убил бы вас прямо здесь.

Карн резко кивнул Винтеру:

— Уведите его.

В комнате легким ветерком пронесся шепот удивления и быстро замер. Карн выпрямился, глядя как Винтер подошел к генералу и забрал у него оружие. Он оглядел комнату.

— Если среди вас есть офицеры, преданные только Треву Халареку или кому-нибудь из тринадцати разжалованных офицеров, скажите об этом сейчас. Вы получите денежное пособие в награду за честность, и вам будет предоставлена возможность пожить в Онтаре в свободных помещениях до тех пор, пока вы не сможете покинуть мои Владения. Нашему Дому сейчас нужны офицеры, которые ставят Дом превыше всего.

Позади всех встал очень молодой командир отряда.

— Генерал Шенн — мой дядя, лорд. Я иду с ним.

Голос его дрожал. Карн посмотрел на бледное как мел лицо молодого человека, его испуганные глаза.

— Не бойтесь, я не Трев Халарек,— произнес Карн,— ваше мужество достойно похвалы, и я сдержу в отношении вас свое слово. Есть кто-нибудь еще? — Еще семь командиров отрядов, один сотник, три капитана, два пилота и четыре командира отделения перешли на сторону арестованных офицеров. Карн подождал еще несколько минут, затем приказал увести арестованных и начал говорить о том, что необходимо предпринять.

— Уже приглашены в замок торговцы железными изделиями, которые должны заделать решеткой купол оранжереи — наше самое уязвимое место. Мы построим крепкие стены вокруг стартовой площадки для флиттеров и всех трех выходов на поверхность. Враг не должен захватить лестницу, мы должны этого не допустить любой ценой. Вам все ясно?

Офицеры согласно закивали. Карн мысленно поблагодарил Бога за то, что на Старкере IV не было известно о существовании

бомб и гранат. Семейный кодекс требовал рукопашного боя один на один.

— Мы оставим грузовые лифты, как они есть,— продолжал он,— но прекратим подавать энергию к ним и к лифту, идущему в сад замка. Капитан Рэд, прикажите двум вашим инженерам проверить эти три системы. Если к лифтам может поступать энергия каким-либо другим способом, мы должны перекрыть этот путь.

Рэд кивнул и записал указания в блокнот.

— Сотники Рот, Винтер и Мартин уже вернулись?

— Да, лорд.

— Сколько людей из вашей сотни, Мартин, все еще находится в клинике?

— Двенадцать, мой господин.

— А у вас, Винтер?

— Только один, милорд.

— Рот?

— Более двадцати, мой повелитель.

— Тогда ваша сотня будет в резерве.

Карн внимательно оглядел Рота: тот был еще очень бледен и худ.

— Вы еще не совсем оправились после болезни,— заметил Карн и затем добавил:— Один отряд ваших спасателей будет наверху с Винтером.

Карн сделал паузу и заглянул в свои записи, чтобы проверить, все ли он сказал.

— У нас будут следующие перестановки: капитан Рэд, возьмите на себя командование четвертой сотней, как только ваши инженеры начнут работать; командир отряда Грегг, возьмите на себя инженеров; командиры отрядов Карсен и Уолтт повышаются в звании и становятся капитанами. Дженкинс, Филлипсон, фон Шусс, Ян Виллем, Дэннен Виллем, займите места командиров отрядов.

— Но мы пилоты, лорд Карн,— сказали они в один голос.

— Пилоты нам сейчас не нужны, а командиры отрядов — нужны. Нам придется вести наземные бои при ветреной погоде. Два места пилотов будут оставаться незанятыми до конца осады. Кроме того, четыре отряда и четыре отделения остались без командиров. Сотники, вы знаете своих офицеров. Выберите лучших, которые могут занять эти места. Так, все ли я сказал?

— Как насчет Олафсона? Где он будет сражаться?— закричал молодой командир отряда, стоявший с краю толпы.

— Он с другой планеты. Вы знаете, что мы не имеем права использовать его.

Сзади встал капитан.

— Он говорит, что вы побратимы и как бы одной крови. Если это так, то он совсем не инопланетянин и может сражаться за нас.

Карн поднял правую руку, слегка опустил рукав, и все ясно увидели у него на запястье лиловато-синий шрам.

— Брат! Брат! — оглушительно закричали офицеры. — В мой отряд! Зачислите его в мой отряд!

Когда крики немного стихли, Карн поднял руку, призывая всех к тишине.

— А какая разница, где будет воевать Иджил?

Ян Виллем встал, чтобы ответить.

— Разве сторожевая собака, собирающаяся сражаться со стаей волков, отказалась бы от помощи дружелюбного медведя из пустыни Цинн? Иджил ростом с двух человек, а силы у него как у троих.

— Но если он мой брат и может сражаться за нас, то он пойдет со мной.

Когда смех стих, встал Уолтт.

— Я не хочу разделить участь генерала, мой господин, но почему мы собираемся вести наземные бои? Онтар ведь уже пережил раньше несколько зимних осад.

— Они были в самом начале зимы. Ухл просто разгонял атаковавших нас противников. А эта осада начнется во время Оттепели, до того, как мы получим груз с продовольствием. Мы можем просто умереть от голода. Поэтому нужно атаковать Харлана из предгорий. А для этого — построить спрятанные между соснами укрытия, хотя погода, к сожалению, совсем не способствует этому, и напасть на Харлана с тыла. Мы должны разбить армию Харлана, иначе мы окажемся у него в руках.

— Много ли у нас шансов на успех, милорд?

— Больше, чем если мы будем сидеть здесь и ждать. Насколько больше?.. — Карн пожал плечами. — В Академии меня учили стараться не начинать войны, но меня также обучали и военной тактике. Я остановил восстание рабов и вассалов в рекордно быстрые сроки, неважно, что говорят о том, как я это сделал. Я знаю цену удивлению. Лорд Ричард собирался удивить нас очень ранней осадой. Ну что ж, джентльмены, мы еще больше удивим его.

Среди офицеров послышались бурные одобрительные восклицания. Карн поднял руку, призывая к тишине, и гордо поднял голову.

— Я готов, если это необходимо, отдать жизнь за мой Дом, но я надеюсь, что такой необходимости не возникнет.

Первым начал кто-то, стоявший позади всех, и скоро Большой Зал был наполнен криками: «Да здравствует Халарек! Да здравствует Халарек!»

Началось томительное ожидание. Карн назначил Рота командовать в замке, фон Шусс был у него в подчинении. Винтер руководил наземной защитой замка, а наиболее опытный командир отряда по имени Кайл и сам Карн должны были провести из предгорий две атаки на войска Харлана. Так как солдаты с той и другой стороны будут одеты в белые маскировочные костюмы, Карн приказал сшить для своих людей двустороннюю форму, так, что-

бы в близком бою с противником можно было вывернуть ее синей стороной наружу и отличить своих от врагов. Дом фон Шусса обещал предоставить Карну Халареку еще несколько отрядов, если только их прибытию не помешает погода. Только несколько избранных солдат знали пока о тайном плане нападения с предгорий на тылы Харлана.

Первая небольшая оттепель керенстена, праздник Нового года пришли и ушли незамеченными. Этот праздник означал только, что инженеры могут начинать строить в горах укрытия. 5 керенстена Кайл, Карн и их отряды направились в укрытия. Кайл пошел на восток, в укрытие, построенное среди скал, недалеко от пустыни Цинн. Карн, Иджил и Ян Виллем вместе с отрядом Виллема двинулись в укрытие, расположенное к северу от замка около пика Дюр, у подножия высокого перевала. Каждый человек в отряде имел при себе рассчитанные на две недели запасы термотоплива и еды, а также спальный мешок. Кроме того, Виллем нес набор медикаментов.

Этот переход длился полдня, и к вечеру они уже достигли укрытия. Для его постройки инженеры использовали бревна голубой сосны, а затем замаскировали специально подрезанными ветками. Снег на крыше блестел и переливался под солнечными лучами, а с карниза уже тихо капала вода. Карн надеялся, что, пролетая над этим местом, пилоты Харлана не заметят пней недавно срубленных деревьев. Люди по одному прошли в укрытие и положили свои вещи на пол. Карн поставил наблюдателя на высоком валуне, находящемся сбоку от здания. Виллем назначил двух поваров, и они сразу же начали готовить ранний ужин.

Всю ночь на перевале была буря. Голубые сосны ревели как водопад, когда ветер раскачивал их вершины из стороны в сторону, будто это были легкие травинки. Морозный воздух просачивался в укрытие через щели между бревнами. Назначенный на ночь часовой поставил шесть дополнительных термобатарей, чтобы не дать температуре упасть ниже опасной отметки. Карн не спал, но не только холод был тому причиной. Здесь, вдали от замка, его собственный план казался ему слабым, уязвимым и не имеющим никаких шансов на успешное выполнение. Ему казалось, что их укрытие будет немедленно обнаружено, атаковано и захвачено преобладающими силами противника. Воображение услужливо рисовало ему картины гибели его людей, особенно Иджила и Виллема, в неравной безнадежной борьбе.

Как только шум ветра стих, Карн встал и вышел из укрытия навстречу первым солнечным лучам. В тихом морозном воздухе резко потрескивали деревья. Огромные снежинки плавно кружились, словно тонким покрывалом укутывая кроны деревьев и заметая следы людей. Карн почувствовал некоторое облегчение. Теперь их уже не смогут выследить. Большие снежинки говорили о том, что верхние слои воздуха гораздо теплее, и, значит, скоро

наступит новая оттепель. Из укрытия вышли и другие люди посмотреть, все ли в порядке. Некоторые из них дрожали от холода.

— Лорд Карн! Там, на западе, снижается флайер!

Карн остановился около валуна, с которого велось наблюдение, и посмотрел в указанном направлении. Солдат, который закричал это, уже почти взобрался на камень, где был его наблюдательный пункт. Он молча протянул Карну бинокль. Это был флайер, раскрашенный в черно-белые цвета — цвета Одоннела. Все, кроме наблюдателя, быстро нырнули в укрытие, чтобы их не могли заметить с флайера. Наблюдатель спрятался за камнем, так, чтобы его не было видно, а когда опасность миновала, снова вскарабкался на валун.

— Я думал, они прилетят еще раньше,— угрюмо заметил со своего места Виллем и вышел на воздух.

Следом за ним появился Карн. Глядя в бинокль, он сообщил:

— Транспортные флайеры и флиттеры Харлана и Одоннела приземлились на равнине к северу и югу от замка. Из них вышло уже порядка девяти сотен. Они, должно быть, сильно рисковали и летели во время бури, чтобы проскочить никем не замеченными в тех Владениях, которые они пересекали. Ричард хочет быть уверенным в том, что никто не сообщит в Совет об этом его втором преступлении. Похоже, что они уже нарушили нам связь. А, нет, смотрите!

Карн указал в ту сторону на равнине, где находился один из отражателей радиоволн Халареков. Человек, одетый в зеленую форму армии Харлана, нырнул под отражатель и быстро выбрался из-под него. Тогда остальные набросились на отражатель и стали лупить по нему палками и прикладами станнеров до тех пор, пока не разбили его вдребезги, приведя этим в полнейшую негодность.

— Они перерезали провода, а затем вывели из строя отражатель на тот случай, если мы пошлем кого-нибудь соединить порванные провода.

Карн даже не пытался скрыть свой гнев.

— Проклятье! Держу пари, у них в замке даже не было времени, чтобы послать протест. Возможно, они даже не знают, что осада уже началась.

Карн крепко выругался и повернулся к своим людям.

— Похоже, Харлан уверен, что никто в замке не выживет, а поэтому и не боится, что кто-нибудь сообщит о его действиях Совету. Что бы с нами ни случилось, хотя бы один из нас должен остаться в живых, чтобы рассказать потом о преступлениях Харлана. Иджил,— позвал он,— выйди, пожалуйста, на минуту, принеси нашему наблюдателю пару спальных мешков. На этом камне, должно быть, очень холодно.

Иджил вышел из укрытия, наклонив голову, чтобы не удариться о притолоку двери. Он отошел подальше, чтобы видеть

лежащего на камне человека, и бросил ему два спальных мешка. Солдат сразу же развернул один из них и лег на него.

Карн взобрался на валун и протянул солдату бинокль.

— Накройтесь вторым мешком. Так будет теплее.

Затем Карн поманил Иджила, и они уединились в гуще голубых сосен. Он обхватил рукой плечи Иджила так, будто они просто дружески беседовали, и очень тихо сказал:

— Харлан начал осаду на три дня раньше, у него около девяти сотен. Я думаю, Ричард хочет захватить замок до того, как в других Владениях станет известно, что случилось. Как ты считаешь?

Иджил опустил голову, посмотрел на свои ботинки и задумчиво произнес:

— Похоже, что так. Вряд ли их запасов хватит надолго, чтобы прокормить такое количество людей, а рассчитывать в керенстене на доставку продуктов по воздуху они, судя по всему, тоже не могут.

Карн понимал, что Иджил поддерживает его, но не дает никаких советов. Конечно, Лхарр сам должен принять решение, но он боялся сделать это. Отсутствие опыта делало его нерешительным.

Внизу на равнине осаждающие строили вокруг замка бараки с круглыми крышами.

— Может, они собираются грабежом добывать себе пропитание? — Иджил криво усмехнулся и задумчиво взялся за подбородок.

— Одному Хеймдалу известно, на что они надеются в такой жуткий холод,— он похлопал замерзшими руками.— Даже в ваших терморукавицах у меня мерзнут руки. И как твои люди смогут стрелять в них?

— У них есть другие рукавицы, которыми они пользуются, когда стреляют. Они, конечно, не такие теплые и носить их можно только несколько минут, однако все-таки пальцы в них отморозить нельзя. Я на это надеюсь. Господи! Почему я должен принимать такие решения!

— Потому что ты Лхарр,— просто ответил Иджил,— и уже слишком поздно что-либо изменить.

— Было поздно что-либо изменить даже в день моего рождения,— в голосе Карна слышались горечь и отчаяние.

Иджил положил руку Карну на плечо.

— Пойдем в укрытие, погреемся.

Карн медленно побрел в укрытие, в задумчивости опустив голову. В нескольких шагах от двери он остановился.

— Винтер еще не знает, что здесь произошло, а мы никак не можем ему сообщить. Это значит, что у нас есть еще один или два дня, чтобы наблюдать за противником и ничего не делать. А это может оказаться и нашим преимуществом, и нашей бедой. Вот если бы началась сильная буря...

Иджил крепко схватил Карна за плечо.

— Ты правильно рассуждаешь. Верь в свои силы.

Карн взглянул на него.

— Верить в свои силы? Никто не верит в меня,— произнес он раздраженно и резко.

— Все доводы в твою пользу, потому что ты прав, и, возможно, все жители Старкера IV узнают это.

Иджил засунул руки под мышки, чтобы согреться, и взглянул на равнину.

Карн уставился на широкую спину своего друга. В его словах была правда. Карн Халарек уже не может снова стать таким, какими всегда были Гхарры. Он хочет искать новые пути в их связанном дикими традициями мире. Карн все больше и больше укреплялся в своей решимости. Лучше умереть, чем мириться с этими жестокими, деспотичными правителями, которые всегда контролировали Девять Семей.

Ночь прошла спокойно, а на следующее утро наблюдатель сообщил, что враг предпринял ложную атаку у входов в замок. Возле некоторых бараков он заметил также несколько неподвижно лежащих тел.

— Наши спасатели захватили ночью несколько солдат, вышедших из своих бараков,— с удовлетворением сообщил Виллем.

— Итак, Винтер теперь все знает,— сказал Карн скорее сам себе, чем остальным.

Он повернулся к наблюдателю, который как раз выходил из укрытия и собирался занять свой пост.

— Немедленно сообщите мне, когда с главной лестницы замка начнется атака. Это будет нам сигналом спускаться на равнину,— Карн повернулся к остальным,— друзья Ричарда постараются отогнать нападающих обратно, и Винтер позволит им это сделать. Мы же должны этой ночью, сразу после наступления темноты, расположиться по периметру вокруг лагеря Харлана. Этой же ночью мы должны с помощью наших союзников загнать врагов обратно в их флайеры. Дай Бог, чтобы наши союзники смогли прийти нам на помощь. Винтер собирался подождать, пока прибудут войска фон Шусса, но никто не предполагал, что осада начнется раньше намеченного срока. Винтер может лучше нас судить о том, что происходит там, на равнине. Если его спасатели скажут: «Идите» — мы все немедленно начнем спускаться.

Молодой солдат тронул Карна за руку. Мальчик облизал пересохшие губы.

— Я... я еще никогда никого не убивал, лорд.

Карн криво улыбнулся.

— И я тоже, но Ричард Харлан дал обещание разрушить мой Дом до последнего камня и привел своих друзей, которые собираются помочь ему сделать это. Мы здесь для того, чтобы остановить их.

Карн положил руку на плечо молоденького солдата.

— Сколько тебе зим?

— Шест... Пятнадцать, мой господин,— и, испугавшись, что

сказал правду, начал быстро оправдываться,— нам нужны были деньги, милорд. Моя мать — ткачиха, и у нее нас пятеро...

Карн взглянул на мальчика. «Неужели я тоже когда-то был таким юным?— удивился он.— Я всего на два года старше его, а кажется, что мне уже двадцать».

— Назначаю вас охранять укрытие, когда мы спустимся к замку. Возможно, нам придется снова вернуться сюда, так что с запасами ничего не должно случиться. Ясно?

— Д... да, милорд.

Карн увидел, как по лицу молодого солдата разлилось облегчение, и позавидовал ему. «У меня нет выхода,— напомнил он себе,— я должен участвовать в этом сражении и быть впереди, а я тоже так не хочу умирать».

Карн подошел к большому камню возле двери в укрытие и сел на него. Он посмотрел в сторону замка. С гор дул холодный ветер. Карн услышал, как мальчик с гордостью просил Виллема дать ему двойную норму патронов для лучемета, чтобы он мог защищать укрытие.

«Знает ли он, как им пользоваться?— Карн судорожно повел плечами, вспоминая.— Не знаю, буду ли я когда-нибудь снова держать его в руках.— Карн опять возвратился мыслями к простирающейся под ним равнине.— Но где же, где же войска фон Шусса? Я надеялся, что они придут на день раньше, чтобы успеть укрепиться здесь».

Весь день небо оставалось ясным, а температура понижалась. Флайеры союзников так и не появились. Карн сел на камень, с которого они вели наблюдение, и стал смотреть вниз, на равнину.

— Почему же их нет?

Солдат, лежавший возле него на валуне, взял бинокль и посмотрел вверх, на небо.

— Обычно бури приходят с запада, лорд. Вероятно, одна из таких бурь разразилась над Владениями фон Шусса. Температура все еще снижается.

Карн сжал руки в кулаки, чтобы согреть замерзшие кончики пальцев.

— Никто не ожидал, что Харлан начнет осаду до назначенного срока. Хотя, зная его, мы должны были это предвидеть,— с горечью добавил он.

Карн соскользнул с валуна и вернулся в укрытие. Бойцы лежали на полу и сидели у стен. Кто-то вырезал из кусочков дерева, оставленных в укрытии, несколько пар игральных костей, и сейчас, собравшись в два кружка, его обитатели играли в кости. Иджил, сидевший около одного из кружков и наблюдавший за игрой, вопросительно взглянул на вошедшего Карна.

— Пока никто не появился,— ответил Карн,— остается только надеяться, что со спутников Гильдии уже сделаны фотографии этих мест.

— Сколько же еще нам ждать?

— Я уверен, что Эмиль задержал свой вылет только из-за плохой погоды. А Винтер не вступит в бой, пока не будет знать, что флайеры фон Шусса уже в воздухе. По крайней мере, таков был наш план. Но сейчас линии связи перерезаны, и кто знает, как он теперь будет действовать.

Вечером поднялся сильный ветер. Всю ночь он тяжело вздыхал, выл и свистел за стенами укрытия. А утром пошел снег. Тяжелые ледяные шарики щелкали по бревенчатым стенам и с грохотом падали на твердую ледяную корку, покрывающую землю. Когда через три дня буря наконец стихла, наблюдатель снова отправился к большому камню. Не прошло и часа, как он вернулся и, отдав Карну честь, доложил:

— Валун покрыт толстым слоем льда, и я не смог на него забраться, милорд. Я залез на гребень горы, находящейся за нашим укрытием, но ничего не смог разглядеть. Там, внизу — сплошной ледяной туман.

Губы Карна плотно сжались, превратившись в узкую полоску. После недолгого молчания Карн обратился к солдату:

— Вы можете остаться здесь. Мы никуда не пойдем, пока не появятся войска фон Шусса.

Четыре дня длилась непогода, и четыре дня длилось их томительное ожидание. Туман, дождь, град с дождем, сильные ветры и опять дождь, дождь, часто сопровождаемый полуденной оттепелью, так что ледяной покров то оттаивал, то вновь покрывал лежащий на земле снег. На пятый день Карн приказал всем наполовину сократить их паек. Когда кто-то начал ворчать, Виллем набросился на него:

— Вы что, собираетесь продираться сквозь сотни Одоннела, чтобы добыть еще еды?

— Мы должны растянуть наш недельный паек на две недели,— объяснял Карн,— возможно, нам придется пробыть здесь еще некоторое время, если погода не улучшится.

В глубине души Карн совсем не был уверен, что через две недели они смогут попасть в замок. Его собственный план неожиданного нападения казался теперь Карну наивным и непродуманным, а цель — загнать врагов обратно в их флайеры — совершенно неосуществимой. Он видел, как таяли запасы еды и топлива, и решил, что если помощь не подоспеет до 25 керенстена, то он попытается потихоньку провести своих людей через ряды войск Харлана и проникнуть в замок.

23 керенстена впервые за двенадцать дней появилось солнце. Утро было ясное и морозное. Бойцы высыпали из укрытия на сверкающий лед порадоваться первым солнечным лучам. Наблюдатель снова лежал на большом камне. Остроконечные вершины голубых сосен сгибались под тяжестью покрывшего их льда и снега, и Карн несколько раз слышал, как с треском падали в лесу сломавшиеся деревья. Он снова проверил запасы еды — их хватало на шесть-семь дней, если люди будут получать весь паек. За-

тем он заставил всех проверить свои неприкосновенные запасы, а также боеприпасы. На это занятие у них ушло полдня. Вообще проверки запасов и снаряжения проводились регулярно, каждые два дня, так что кое-кто в укрытии уже посмеивался, сравнивая себя с пожилой женщиной, которая все время волнуется, как бы чего не забыть.

Карн вышел из укрытия, чтобы посмотреть на Иджила, который демонстрировал элементарные приемы борьбы Дринн. Движения Иджила, которые смотрелись бы очень грациозно, если бы выполнялись на матах, здесь, на снегу, выполняемые в маскировочном костюме, выглядели неуклюжими. Остальные бойцы сидели прямо на снегу, ели или просто наслаждались солнечными лучами. Карн заметил, что снег больше не скрипел под ногами, а сжимался со слабым хлюпающим звуком. Снег уже начинал подтаивать, и с крыши тонким ручейком стекала вода.

— Там они идут,— крикнул наблюдатель.

Все встрепенулись.

— Тихо!— приказал Виллем.— Эхо! Извините, лорд Карн.— Наблюдатель не выглядел очень виноватым; он радовался, что ожидание окончилось.— Люди Винтера послали отряд в дозор. Теперь они отбиты, милорд, как вы и говорили.

Движение снаружи прекратилось при крике наблюдателя. Теперь оно началось снова. Люди бежали к бараку за ранцами. Кто-то подбирал обертки и другой мусор, говорящий о пребывании людей. Карн прокричал в открытую дверь:

— Подъем! В путь.

Люди бросились к своим ранцам и выстроились на снегу перед бараком. Виллем всех пересчитал, убеждаясь, что никто не остался в лесу. И вот двадцать пять человек, их командир, Карн и Иджил пошли от дерева к дереву вниз по крутому склону. Когда они достигли края равнины, солнце уже село. Пушистые снежные хлопья пудрили брови и волосы, покрывая все вокруг мягким ковром. Виллем приказал поставить термосы за стволами, чтобы блеск не был заметен. Отряд расположился вокруг них, дожидаясь полной темноты.

— Поверните ваши воротники синей стороной наружу, когда начнется бой,— приказал Карн.— Это поможет нашим друзьям не убить нас. У нас преимущество: никто на Старкере IV никогда этого не имел — отличные укрепления и опытный командир. Мы ворвемся в зону Винтера сегодня ночью. Ричард Харлан умен и дерзок, но у него нет моего опыта. Мы уберем Харлана. Мы должны сделать это.

Глава тринадцатая

Когда все огни, кроме постов, погасли в лагере Харлана, Карн со своими людьми двинулся по равнине, пригибаясь, медленно скользя, останавливаясь, присматриваясь, не заметили ли их. Остальные следовали за ними. Ни звука не исходило ни от дозора Харлана, ни со стороны лагеря. Темный силуэт проплыл, закрывая месяц. Карн взглянул вверх с надеждой.

— Транспорт фон Шусса,— шепнул Виллем, и новость быстро разнеслась среди скользящих воинов.

— Огни приземления освещают позиции Харлана на юге, примерно в миле отсюда,— добавил кто-то срывающимся от возбуждения голосом.

— Мы должны добраться до них. Теперь мы уже не одни! Идемте,— Карн встал и побежал к ближайшей казарме.

Они окружили казарму, поджигая и плавя ее и спящих обитателей. Они двигались стремительно, спалили вторую казарму и оказались у третьей до того, как караульные Харлана подняли тревогу. Третья казарма просыпалась, когда они ударили по ней, и отряд потерял первого человека.

С другой стороны лагеря еще одна казарма пылала там, где люди Карна вошли в лагерь Харлана.

— Да здравствует Халарек!— прокричал Дэннен. Отряд подхватил крик с воодушевлением: «Да здравствует Халарек!»

Зажглись прожектора и осветили пространство. Бойцы Харлана и Одоннела высыпали из казармы, все еще спешно застегиваясь. Кое-кто тащил лучеметы, а люди Карна скрывались в тени купола казармы.

— Глупцы! Они не могут отличить врагов,— выругался Иджил. Желтая трасса лучемета сверкнула над его головой.

— Они видят нас! Расплавляйте купол,— прокричал Карн.— Мы уйдем в тени его жара.

Шум, крики, пальба, гудение огня — были слишком сильны, чтобы четверо бойцов услышали крик Карна. Они все так же таились за куполом. Иджил упал на снег и пополз вдоль стены купола к ним.

— Мы сжигаем это,— сказал он.— Когда загорится, лорд Карн приказывает идти к лестнице. Люди фон Шусса должны появиться сейчас.

Они поднялись и побежали. Один из них остановился и упал. Его спутник согнулся, коснулся пульса на шее, вскочил и побежал за остальными.

— Станнер, милорд,— он задыхался, догоняя группу.— Петерс мертв.

— Держитесь вместе,— приказал Карн,— так мы все проживем дольше.

Удар лучемета молнией сверкнул рядом. Кто-то выругался.

— Здорово задело?— спросил Карн.

— Нет, милорд, щека.

— Если кто-то пользуется станнером, проверьте, что стоит на поражение,— приказал Карн остальным и проверил свой собственный.

Они зажгли купол и кинулись к главной лестнице. Но люди Харлана уже далеко превосходили числом два отряда Халарека. Воины Карна были оттеснены к краю круга казарм бойцами Одоннела под предводительством самого Харлана.

Шум боя приблизился к центру, но снова пошел снег. Темнота и снегопад скрыли от Карна происходящее.

— Это, должно быть, люди Винтера,— крикнул кто-то.

«Они должны будут сражаться по дороге сюда, только тогда смогут нам помочь»,— думал Карн, приканчивая кого-то из отряда Харлана. Он выдернул свой нож из противника и быстро вытер о его белые штаны.

— Осторожно! — крикнул Карн. Виллем упал в снег. Луч, жалящий насмерть, прошел над ним на уровне груди. Двое других солдат Халарека вовремя не отступили.

— Огонь! — голос Дэннена прогремел, перекрывая стоны умирающих.

Первая шеренга солдат Карна открыла огонь залпом. Большинство из двух рядов Одоннела упали, но все же враг наступал.

— Вот Халарек,— Тимкин Одоннел прокричал, показывая направление.— Он мне нужен живым.

Карн обернулся, подхватил свой станнер свободной рукой и ударил. Одоннел взглянул удивленно, затем исчез среди ног своих солдат. Они остановились, замкнулись, знаменосец наклонился, падая в снег у мертвого Лхарра.

Отряды Одоннела рассеялись по равнине, пока кто-то не крикнул: «Вперед!» — и они начали двигаться против Халарека снова. Сперва горсткой, затем собираясь в отряд и выстраиваясь по кругу против линии тени. Люди Карна отступили. Солдаты из последних сил начали атаку на людей Винтера, который лежал в снегу за Одоннелом и стрелял из станнера с дьявольской точностью. Человек в отряде Виллема застонал и упал.

— Отбросьте их назад! Отбросьте их назад на огонь Винтера! — кричал Карн. Он бросился вперед, в линию Одоннела, вонзил свой нож в первого, кто ему попался, и пользуясь человеческим телом как щитом, рассеивал врагов станнером. «Не думай о людях на земле,— приказал он себе.— Не думай об их семьях. Или их семья, или твоя».

Он углублялся дальше в ряды Одоннела бок о бок с Иджилом. Теперь две стороны сражались слишком близко и пользовались ножами и тонкими лучами.

Карн слышал крики боли и ужаса за спиной, но люди шли вперед рядом с ним.

«Они идут за мной! — воодушевился он.— Несмотря на этот

кошмар, они идут за мной»,— повторял себе он и вдруг громко вскрикнул. Он почувствовал, что его охватила слабость.

Люди почувствовали это тоже. Они заколебались, отодвинулись от него, и солдаты Винтера вклинились в пространство. Карн сражался теперь в кругу солдат Харлана. Иджил приближался к нему, ломая противника.

— Порез ножа,— сказал Иджил. Он погружался глубже в гущу людей Виллема, чтобы на мгновенье отдохнуть, и снова стремился в битву. Люди Халарека отбросили врага назад на ряды Винтера. Отряды дрогнули и рассеялись. Две силы Халарека соединились и отстреливались, двигаясь назад к куполам.

— Отряды Харлана подходят с дальнего края, милорд,— объяснял один из бойцов Виллема.— Видел их, когда мы шли через заграждение.

Не было времени раздумывать о потерях, и сквозь завесу падающего снега они ударили в правый фланг Харлана, рассеивая солдат во всех направлениях.

— Держаться вместе,— прокричал своим людям Карн. Но откликнулись только шестнадцать. Они отошли под защиту купола. Появились еще отряды Харлана, врезаясь между Карном и Виллемом. На какой-то миг все скрылось за снегом, затем ветер стих, и Карн увидел, что больше половины группы целы. Несколько мгновений — и ветер поднялся снова, обжигая, бросая снежные заряды и стирая очертания происходящего, людей Карна и Виллема. Они не могли двигаться без особого умения Иджила ориентироваться. Карн знал, что с ним они могут пробиться к фон Шуссу и Онтару, но не все выживут, или они смогут с помощью Иджила вернуться к подножию холмов и жить, чтобы сражаться вновь.

Он обернулся к исхлестанному снегом отряду, выискивая глазами друга.

— Иджил, я не смогу без тебя. Веди нас назад к деревьям,— Карн смотрел на людей, прищурившихся от острого, ледяного снега. Наверняка они не будут считать отступление трусостью сейчас. И все же?

— Нас только шестнадцать, и нет шанса против Харлана,— человек в конце группы говорил неуверенно и смотрел на остальных, не сочтут ли это малодушием.

Кое-кто кивнул, соглашаясь. Карн прикрыл на секунду глаза, затем знаком показал Иджилу, что надо идти.

Подножия были загромождены глыбами льда, видимые секунду или две сквозь кружащийся снег. За отрядом шарил луч дозорных прожекторов, но свет был бесполезен в таком снегопаде. Отряд потерял четверых солдат, пока добрались до безопасных холмов. Они сгибались от колючего ветра и ледяного снега, от усталости и ран. Все-таки они были живы.

— Какая видимость, Иджил?— спросил Карн.

Иджил покосился на снег. Он прикрыл глаза, стряхнул льдинки с ресниц и взглянул опять.

— Метров пять, наверное.

Карн кивнул в знак благодарности и обернулся к людям.

— Есть раненые?

Один префет поправил свет. Деревья задерживали снег, и ветер стихал в них, видимость была лучше, чем на открытом месте.

У Дэннена был сломан нос и палец. У четверых были достаточно серьезные раны, делавшие дальнейшее продвижение трудным, и один был так сильно обожжен, что его надо было нести. Карн оглядел уцелевших.

— Приготовьте носилки, Феллан.

— Вы тоже ранены, милорд,— сказал префет.

— Я?

— Порез на плече и рана на правой руке, милорд.

Карн глянул на руку. Весь правый рукав порыжел от замерзшей крови вокруг раны.

— Должно быть, у него очень острый нож, я ничего не почувствовал.— Он дотронулся и вздрогнул.— Спасибо холоду. Я не истек кровью.— Он стал притопывать ногами, чтобы согреть их немного.— Мы вернемся в укрытие, пока снег еще идет.

— Как... как мы отыщем его, милорд,— голос самого молодого солдата чуть дрожал.— С каждой минутой снег идет все сильнее.

— Иджил привел нас сюда. Иджил проведет нас туда.— Карн посмотрел на носилки, убеждаясь, что они готовы.— Веди, Иджил.

Они пробирались в темноте почти до рассвета. Утро пришло слабым серым светом, когда люди стали подниматься в укрытие. Склон был очень крутой, и солдатам приходилось преодолевать глубокий снег, который начал таять с наступлением дневного тепла и не выдерживал их веса, как это было ночью. Талая вода просачивалась сквозь мелкие дырочки и швы обуви. Нормальная скорость носилок, медленная для обычных условий, сейчас была слишком велика. В конце концов Карну пришлось установить регуляторы в положение «только парение», прикрепить шнур к поясу и носилкам и тащить их. Но даже такое сокращение скорости было недостаточным для раненых. Прежде чем они добрались до укрытия, двое тащили по одному очень тяжелораненому из четверых. К укрытию пришли на закате. Дважды приходилось спускаться. Группа оказалась у закрытой двери, усталая, голодная и промокшая насквозь.

Внутри происходило движение.

— Кто там? Кто вы такие?— Голос караульного был дрожащим, но решительным.

— Это Карн Халарек и все, кто остался от наших. Откройте.

— Докажите. Сколько мне лет?— Голос юноши стал сильнее и увереннее.

— Пятнадцать зим,— Карн был измотан и дрожал от холода. Слова срывались от нетерпения.

— Чем занимается моя мать?

«Парень только выполняет свою работу, так, как он считает нужным»,— сказал себе Карн.

— Она ткачиха,— ответил он более терпеливо.

Юноша распахнул дверь. Прямоугольник света упал на снег.

— С возвращением, милорд.

Люди гурьбой вошли в тепло и безветрие укрытия. Несколько вопросов определили, что наибольшими познаниями в медицине обладает Иджил. Карн вручил ему медпак и оставил ожоги и раны его попечению.

— Сначала твоя рука, Карн.

Карн раздраженно оттолкнул руку Иджила.

— Сперва позаботьтесь об обожженных. Моя рана еще не отогрелась.

Обогретые люди повалились в койки и заснули как убитые.

Карн проснулся поздно, судя по хронометру. Он сел, с трудом оглядываясь. Юноша спал, сидя напротив двери. Постель Карна зашуршала, когда он встал. Мальчик сел прямо как стрела, оба лучемета нацелив на Карна. Карн замерз, держался за стенку, качаясь. Напряженные мускулы пульсировали в ране. Горячая, тягучая кровь начала струиться из нее.

— О! Мой повелитель, простите!— Юноша нейтрализовал лучеметы и положил рядом с собой на пол.— Я... я... еще толком не проснулся, повелитель.

Карн поднялся с колен, помогая левой рукой. Он смотрел на кровоточащую руку, перевел взгляд на испуганного мальчика.

— Я... я...— мальчик бормотал, шепча в ужасе.

— В чем дело?— спросил Карн.— Ты не виноват.

— Я... я... заснул на посту, повелитель. Старый Лхарр, ваш отец, милорд, сжег моего отца, заснувшего на посту в замке. Отец умер. Я думал, что в сражении...— голос мальчика затих.

Карн вздохнул.

— Я не мой отец. И уж точно я не стреляю в мальчиков, особенно в мальчиков, сделавших такое важное дело, сохранив наши запасы.

Мальчик вскочил.

— О, спасибо, мой повелитель!— он поцеловал висящую руку Карна.

Карн вдруг почувствовал слабость. Он опустился на грязный пол.

— Разбуди Олафсона,— приказал он еле слышно.— Мне кажется, без него не обойтись,— Карн уронил голову и ощутил тошноту и головокружение.

— Карн?— Иджил легко коснулся его плеча.

— Я истекаю кровью, Иджил, я...— Карн рухнул набок, как старая тряпичная кукла.

— Слишком мало сна и слишком много потеряно крови,— Карн слышал Иджила, обращавшегося к кому-то. Затем все про-

исходящее вокруг него потонуло в тумане. Острый запах ударил в нос. Он открыл глаза. Иджил сидел рядом, разматывая бинт. Ян Виллем стоял сзади, глядя встревоженно. Трое невредимых солдат, сидя в разных позах на койках, наблюдали за всем этим.

— Дай мне таблетку возбуждающего,— Карн попытался сесть, обнаруживая раненную руку, крепко перевязанную у ребер. Ему удалось опереться на здоровый локоть.— Мы должны связаться с фон Шуссом...

Иджил уложил Карна на постель и вытащил тубус с жидкостью.

— Вы никуда не пойдете, пока не сможете двигаться без лекарств. Вот, выпейте-ка вот это. Это поможет вам подняться на ноги, во всяком случае, так говорят медицинские книги.

Карн посмотрел с сомнением на тубус, вздохнул.

— Эх! Что это?

— Соль и сода с водой. В шоковом состоянии это необходимо. Пейте.

— Это?

— Пейте все или я волью это в вас!

Карн поднес сосуд ко рту и выпил. Жидкость была солоноватой, с металлическим привкусом и теплой. Он сомкнул веки и погрузился в дрему. Когда он снова открыл глаза, только еще один раненый и Ян Виллем были внутри.

— Как там дела, Ян?

— Мы ничего не можем разглядеть на равнине. Мы знаем, что транспорт фон Шусса приземлился, но...

Карн с трудом сел, но ощутил такую слабость, что снова лег.

По лбу Виллема пролегли тревожные морщинки.

— Вы не ели со вчерашнего вечера. Не хотите ли пообедать, милорд?

— Что там?

— Рыбный суп и фруктовый пудинг. Полный рацион. Приказ доктора Олафсона, повелитель.

— Я попробую.

Карн почувствовал себя лучше после еды и прошелся немного. Иджил, Дэннен Виллем, трое бойцов и мальчик влетели в дверь, белые от снега.

Дэннен подошел прямо к Карну.

— Мы спустились до середины дороги, милорд, чтобы посмотреть, что можно. Харлан и Одоннел оставили мертвых. Большинство их людей и транспортов ушли, но, по крайней мере, остался боец или два, ожидая внизу. Надо чтоб небо очистилось, чтобы мы точно знали, сколько их.

Если похолодает, станет опаснее,— добавил Иджил.— Сейчас наступила оттепель. Если подморозит, никто не сможет двинуться оттуда. А небо над горами очищается, что предвещает наступление холода.

Карн стиснул губы. Никто в укрытии не был достаточно силен

и быстр, чтобы добраться до равнины до того, как снег покроется коркой льда. И даже если кто-то сильный найдется, ничего не удастся сделать против двух отрядов. Они в ловушке.

Остаток дня и вечер тянулись долго. Небо на закате очистилось. Ледяной туман Оттепели опустился на равнину, скрывая детали. Неведение создает напряжение. Карн, легший спать позднее всех, лежал с открытыми глазами, беспокойный и напряженный. Он многих потерял, и без видимой цели. Вина и тревога терзали его. Что же делать дальше? Что он должен делать дальше? Как быть с ранеными? Одни и те же вопросы кружились и вертелись в разной форме, мучительные, неразрешимые вопросы.

«Чего же ты ожидал,—спросил Карн самого себя презрительно,—что-нибудь совершенно другое? В конце-то концов, было не так холодно, чтоб снег заледенел. Надо быть благодарным за легкое ранение».

Он долго стоял на краю холма, глядя и не видя, размышляя, что он может еще сделать, что он должен еще сделать, чтобы Харлан и союзники ушли. Обвинения и сомнения вихрем кружились в голове Карна.

«Я должен дождаться транспорта фон Шусса. Я должен дождаться. Я послал слишком мало людей, а теперь нас еще меньше. С нами Кайл и Винтер на северо-востоке, синие с другой стороны. Два выхода должны быть защищены. Большая часть Харланитов ушла, но Ричард оставил разведчиков, и мы должны будем пройти через патрули внизу, если попытаемся забрать раненых в замок. Захочет ли Винтер что-нибудь сделать? А барон? Должен ли я послать гонцов к ним обоим о плотности патрулей Харлана? Смогу ли я обойти патрули и, если да, то что делать с ранеными? Капсула носилок долго не сможет поддерживать их без клиники».

Карн не заметил изменений на равнине, хотя смотрел туда. Вдруг яркая вспышка на востоке привлекла его взгляд. Это солнце играло на крыльях истребителя Харлана, вдруг появившегося над краем равнины. Тепловой луч ударил из одного крыла, и пурпурная трасса прочертила путь луча в снежный холм на востоке замковых земель. Истребитель петлял близко к краю подножия холмов и снова выстрелил.

Карн вытянулся, чтобы рассмотреть, что может служить мишенью. Он увидел цепочку людей Харлана в зеленом, идущих за истребителем по земле. Они кидались взад и вперед как гончие.

Они охотятся за кем-то. Люди Кайла. Они были легкой добычей. Вот и мои будут. Это была горькая мысль.

Коричневый истребитель резко кинулся на серебристый, испуская пурпурные трассы. Солнце блеснуло на секунду на золоте медальона фон Шусса, пронесшегося в погоне за самолетом Харлана. У Карна екнуло внутри в ожидании, но луч прошел мимо истребителя Харлана. Была помощь, но он не мог привлечь внимание пилота фон Шусса, не привлекая внимания пилота Харла-

на. И люди Харлана на земле уже рыскали, а люди фон Шусса шли поперек равнины, у дальней стороны замка. Появились еще солдаты Харлана в зеленом, прочесывавшие край равнины. Карн застыл, наблюдая осторожно крадущихся людей Харлана, кланы и феоды, и свою собственную уязвимость с восемью бойцами.

Он осторожно спустился в укрытие, так как снежный покров начинал покрываться льдом. Он продумал план спасения оставшихся людей. Он не заметил, что снег пошел опять. Он вошел и остановился у двери.

— Истребители Харлана в воздухе,— сказал он резко,— и солдаты внизу, чтобы расправиться. С нами и с Кайлом.

Все слушали очень внимательно.

— Я не вижу пути достичь замка, и из замка не добраться до другого Холдинга или Совета. Это часть того, почему здесь солдаты Харлана. Это укрытие будет обнаружено.— Карн глубоко, прерывисто вздохнул.— Предлагаю, чтобы Иджил со мной и еще тремя, кружась вокруг Харлана, довели бы до патруля Совета в Цинне и связались с Советом оттуда. Харлану нужен я. Не думаю, что он убьет раненых или двух людей Джастина.— Карн слегка кивнул в сторону Яна и Дэннена.

— Мы можем выключить термосы ночью, чтоб помешать термолокаторам. Мы сможем продержаться, пока фон Шусс не отбросит Харлана.— Юноша был воодушевлен.

— Только восемь способных сражаться против целого эскадрона?— Карн покачал головой.— Если нам повезет, это убежище не найдут три или четыре дня. Если нет...— Взгляд Карна скользнул в дальний конец.— Иджил, еще трое и я пересечем первый хребет холмов здесь и повернем на восток. Мы пойдем вверх по течению Иднова, доберемся до патруля и напрямую свяжемся с Советом через два или три дня. Харлан и Одоннел нарушили закон снова. Это должно обеспечить нам поддержку Совета. Мы оставляем мальчика и Виллема присмотреть за ранеными.

Ян Виллем закачал головой. Карн посмотрел пристально.

— Что-нибудь не нравится в этом плане?

Виллем опять качнул головой.

— Нет, милорд. Не это. Я просто не хочу оставаться, если предстоит драка.

Карн казался мрачным.

— Вам посчастливится встретить Харлана. Я пошлю кого-нибудь с посланием Совету, если Совет послушает кого-нибудь кроме меня.— Он взглянул на остальных остающихся и перешел на уверенный тон, уверенность, которой он не чувствовал.— Опять идет снег. Мы возьмем пустую упаковку и ненужную бумагу и уничтожим следы за нами. На полпути вниз по склону мы отметим привалы, растопим место для очага и намусорим по тропе вдали от лагеря. Если место бивака будет достаточно натуральным, разведчики не подумают искать еще где-нибудь.— Карн колебался минуту.— Мы можем оставить одну из тентовых упако-

вок, будто забыли второпях. Это предохранит вас здесь, пока мы не доберемся хотя бы до патруля.

Иджил задумался. Карн смотрел на него с хорошо скрываемым нетерпением. Иджил, несмотря на шутливые комментарии, был одним из лучших тактиков в Академии. Наконец Иджил медленно кивнул, одобрил.

— Я не вижу другого пути, Карн. Смелая попытка пробиться к замку закончится тем, что здесь все погибнут, и мертвый Лхарр не принесет пользы твоему дому.

Глава четырнадцатая

Пятеро мужчин, идущих к посту Совета, провели весь вечер и часть ночи в приготовлениях. Карн тщательно делил провиант и топливо.

«Здесь полный двухнедельный рацион для каждого. Мы возьмем недельный запас пищи и на двенадцать дней топлива».

Карн сел на корточки и посмотрел на кучи для похода и для остающихся.

— Здесь двадцатидвухдневный рацион пищи и на шестнадцать дней топлива, полно времени, плохая погода и больше атак Харлана и Одоннела.— Он посмотрел на Виллемов и на обожженного, Виллемы были удручены. У обожженного почти не было шансов, если помощь не придет через два или три дня. Карн прямо обратился к раненым:— Кто-нибудь придет к вам задолго до окончания провианта. Бог даст, это будет Халарек или фон Шусс.

Каждый, уходящий с Карном, укладывал свою пищу, топливо, тент. Иджил упаковал запасные тенты и ранцы для фальшлагеря. Затем все легли поспать хотя бы несколько часов. Карн лег как и все, но не мог заснуть. Он ушел расслаблять мышцы, но нигде не находил способа расслабить свой ум. Его мозг работал над вариантами. Рейд к краю Цинна был рискованным, но никто не выдержит пути до укрытий Онтара. В Оттепель могут быть Бегуны из пустыни, прежде чем патрули Совета отправят их обратно. Бегуны всегда опасны — сам Цинн всегда опасен. Поэтому Старкер посылает туда своих осужденных. Даже если Карн и его люди были единственными на земле ущелья, их увидят с флайеров и атакуют. Лучеметами. Карн содрогнулся, вспоминая.

Он встал на заре, отдохнув телом и на пределе духа. Каждый раз, когда он исполнял задуманное, это бывало лучшим решением для его Дома, решением, хотя бы немного оборачивающимся против него. В этот раз он должен выиграть. У него не будет больше шанса. Если Харлан схватит его, он погиб.

Он вышел из укрытия. Ледяной туман висел над равниной, и кристаллы держались на деревьях, кустах и скалах. В другое утро Карн любовался бы красотой переливающихся игл. Этим

утром туман означал, что днем все следы, оставленные случайно его людьми на снегу, будут похоронены под кристаллами, упавшими с веток. Он отбросил свое нежелание начинать марш и вернулся в укрытие.

— Подъем, ребята. Пора в путь,— скомандовал он.

На подготовку ушло несколько минут, все были у двери, глотая последние капли клэга. Ян Виллем прощался с уходящими.

— Олафсон, лорд Карн, Джиссен, Трис, Феллан. Господь с вами.

— И с вашим духом,— отвечали они.

— Молитесь за нас,— добавил Карн, выходя, повторяя про себя: «Мы идем не умирать, никто из нас не умрет.— Он повторял эти слова снова как молитву.— Мы пройдем гряду и свернем на восток к нижнему ущелью Цинна, мы не собираемся умирать, мы не умрем».

Карн вступил осторожно в леденящее утро.

— Держите шаг!— скомандовал он. Но, не пройдя десятка шагов, Джиссен поскользнулся и упал. Трис двинулся помочь ему, но должен был взмахнуть руками, чтоб устоять. Иджил схватился за дерево как раз вовремя, чтоб не упасть.

— Мы не сможем так идти!— выкрикнул Трис.

Иджил отпустил дерево и обернулся к Карну.

— У меня преимущество, брат. Мой народ выходит зимой наружу. Мы сможем спуститься за час, если будем скользить вниз.

— Скользить?— Трое ребят посмотрели на здоровяка непонимающе.

— Скользить,— Карн удовлетворенно повторил, вспоминая детей Болдера.

— Это значит сесть на доску или что-то плотное и ехать по льду, как в лодке по воде.— Иджил умолк.— Не нужно лодок. Я покажу вам это.— Иджил вернулся к укрытию и вошел в него. Вскоре он вернулся и дал каждому прямоугольную пластиковую пластину.— Смотрите,— сказал Иджил.

Он опустился на квадрат, подтянул ноги и двинулся вперед. Пластина заскользила. Иджил проскочил мимо Гхарра, вниз по холму, повернулся и упал на бок. Гхарр хохотнул.

Иджил поднялся, смеясь и отряхивая снег.

— Я не делал этого с детства. Прежде, чем попробуете, отрежьте ручки у передней кромки. Это самый длинный спуск из всех, которые я знал.— Иджил снова рассмеялся, расставил руки и высунул язык, ловя снежинки. Затем он взял пластину и поднялся. Взбираясь, он протыкал наст носком, поднимая мягкий снег, и шел с уверенностью.

— Несколько вещей надо знать об управлении,— начал он еще издалека.— Можно выбрать направление, поворачиваясь или поддергивая другую кромку, наклоняясь или падая, остановиться, что будет лучшим вариантом, если вы вот-вот врежетесь в ствол. Не будет повреждений, если вы будете осторожны.—

Иджил встал рядом с Карном, не отдышавшись от подъема.— Мы попадем на привал задолго до темноты таким образом. Лорд Карн, могу я дать приказ двигаться?

Карн кивнул.

Губы Иджила изогнулись.

— Первый человек пролагает след, у последнего наибольшая скорость. Я пойду первым, раз я тяжелее всех и справляюсь с этим лучше. Лорд Карн, вы за мной, это более безопасно для вас, с одной рукой.— Он взглянул на остальных.— Ребята, мы поворачиваем только влево, так как это единственное направление, которое может держать лорд Карн без повреждения. Вы сами установите очередность. Если кто-то управлял лошадью или флайером, то он идет последним.

Феллан встал за всеми.

Иджил кивнул.

— Держитесь одного следа, если сможете. Туман, опускаясь, возможно, скроет его днем, но, если нет, то один след заставит Харлана гадать. Он тоже не знает о таком скольжении.

Иджил сел на пластину.

— Садитесь, держите пятки, разрезая наст. Пошли!

Иджил оттолкнулся одной рукой, Карн и остальные последовали за ним. У Карна дух перехватило от скорости. Кристаллики снега слились в белый покров.

В животе екнуло. След Иджила обогнул груду валунов, и Карн проскочил за ним без помех, но сердце его стучало, и в горле застыл ком. Колея шла между рядами елей, и Карн ощутил первый приступ веселости.

— Ангелы! Чего Гхарры были лишены!

Радость охватила его. Он был так полон ею, что поворотил слишком поздно и бросился в сторону как раз вовремя, уклоняясь от массивного ствола. Он услышал треск за спиной, затем удар, глухие звуки падения. Усидеть на сломанном ледяном слое было трудно с одной рукой, когда Карну наконец удалось усесться снова, трое тоже уже сидели на пластинах, стряхивая снег с лиц, плеч и ног.

— Вы в порядке, милорд?— осведомился Феллан.

— Да,— Карн рассмеялся.— Прошу прощения, что был невнимателен.

Солдаты направились вниз по следу вспоротого наста.

У Иджила был хороший глазомер, и он выбирал почти прямой курс, разрезая склон. В одном месте ему пришлось свернуть влево, затем взять правее. Карн заметил место, где Иджил упал на бок, издалека и успел сделать то же самое. Почти у подножия холма Карн проскочил мимо пустой пластины Иджила. Он затормозил. Иджил остановился в открытом центре хоровода голубых елей и склонился над развернутым тентом, соединяя с газовым цилиндром. Карн присел на заснеженную скалу, опуская руку для отдыха.

Вся рука болела и дрожала от напряженного управления. Джиссен, затем Трис, за ним Феллан спустились до стоянки. Без лишних слов они достали термос и начали готовить еду. Тент натянулся. Иджил отступил и осмотрел его.

— Здесь четверо, но если мы утрамбуем снег немного, они никогда не узнают, сколько нас было.

Карн услышал щелчки за спиной и быстро обернулся. Трис освобождал клипсы ранца и стаскивал ранец.

— Не снимай, Трис,— приказал Карн,— освободи, если хочешь, но не снимай. Видимость по-прежнему достаточна для флайеров. Мы должны быть пестрыми и внезапно спрятаться.

Трис натянул лямки на плечи. Он добрался до термоса и стянул рукавицы, отогревая пальцы.

— Пальцы наверняка окоченеют от такого долгого напряжения,— сказал он, ни к кому не обращаясь.

Карн отвел плечи назад, затем вперед, пытаясь избавиться от растяжения мышц шеи. Он медленно встал и попытался отряхнуть снег. Его уставшая левая рука повиновалась с трудом. Все мышцы ныли и болели. Солдаты собрались у термоса и ели тушеное мясо и горячий клэг.

Джиссен потянул носом.

— Это мясо с чесноком.

— Это пища,— отметил Феллан. Он черпнул полную ложку, подул на нее, прихлебнул.

Порыв ветра налетел из-под веток и бросил снегом.

Котелок зашипел. Никто не проронил ни слова, пока все не съели и не выпили, не вытерли утварь снегом и не убрали.

Трис облизнулся.

— Отлично. Неплохо бы побольше.

— Позже, когда мы будем недосягаемы для Харлана,— напомнил Карн.

Карн откинулся на раму рюкзака и закрыл глаза. Он чувствовал себя слабее, чем мог бы признаться, и очень усталым. Марш до патруля займет два дня, и холмы впереди не сложные, но сейчас поход казался более тяжелым, и сил у него недостаточно. Снежинки таяли нежными, холодными точками на его лице, покрывая щеки. Он уже их сдувал. Он сел. Снег шел сильно, мокрый тяжелый снег оттепели. Видимость для флайеров около нуля. Карн оглядел лагерь. Иджил разложил бумагу так, как ее могли оставить, разбросал упаковку от продуктов вокруг тента, воткнул пластины под елью. Пора двигаться дальше, чтобы поставить настоящий лагерь на ночь, пока погода не испортилась совсем.

Карн посмотрел на спутников. Они тоже полулежали на ранцах. Для Иджила стандартная рама размера Гхарра была мала, и его голова лежала на верхушке ранца. Поза не мешала ему спать. Он тихонько посапывал. Карн начал подниматься. Он услышал шум мотора.

— Прячьтесь!— крикнул Карн.

Все проснулись и кинулись под низкие лапы елей. Флайер, невидимый в снегопаде, завис. Алая трасса вонзилась в центр поляны, разбивая термос. Разлетелись искры.

— Термоискатель! — крикнул Карн. — Разбегаемся! Встречаемся на вершине.

Он не смотрел, все ли послушались, а кинулся от елей и вскарабкался на холм, пользуясь левой рукой как третьей ногой. Он видел кого-то, поднимающегося рядом, но снежные хлопья скрывали все. Он знал, что остальные идут, потому что слышал скрип снега и сопенье, поминутное «ух», когда кто-то поскальзывался или падал. Он остановился на секунду на перевале хребта, оглядываясь. Снег скрывал огонь термоса, но не оранжевый блеск. Наблюдал не только он.

— Хеймдал! Целая роща горит! — прокричал Иджил справа от Карна.

— Огонь перекроет небольшое тепло наших тел. Мы спасены! — прокричал Трис торжествующе.

— Не будь идиотом! — откуда-то слева от Триса отозвался Феллан.

— Джиссен? — позвал Карн в снежной тишине.

— Здесь, милорд.

Слушая, окликая, отвечая; окликая, отвечая, слушая, они отыскали друг друга. Трис, который медленнее всех покидал еловую поляну, был одет в опаленный капюшон и жакет.

— Вот так так, — сказал он, стряхивая мокрый снег с бровей. — Флайер не найдет нас с этим жаром вокруг. Остановимся здесь?

Пятно над горящей рощей двигалось к хребту. Феллан уставился на пятно и на яркий белый свет снизу.

— Они не смогут найти нас прожектором.

— Правильно, Феллан, но здесь наверху хребта наше тепло для них как бекон. Им нужен свет, чтоб найти нас потом. — Карн возвысил голос, чтобы все его слышали. — Это мог быть флайер фон Шусса или один из наших, но я не надеюсь. Нашим людям не требуется охотиться за нами в темноте и в пургу. Отойдем друг от друга хотя бы на двести шагов. Это будет холодная, холодная ночь, но мы счастливо доживем до утра.

Все разбрелись. Карн дождался, когда затихли шаги в снегу. Затем пробрался немного по другому склону к нагромождению валунов. Он съежился и прислонился к ранцу. Несколько раз он слышал свист теплового луча, вслепую бьющего по гребню над ним, но сам флайер не пересекал вершину гребня. «Они знают, что мы здесь, — шептал он, когда веки становились все тяжелее и тяжелее. — Они знают, что мы здесь».

Тусклый утренний свет открыл Карну, что он в скалистой, глубокой и очень узкой щели между двумя гребнями холмов. Щель была забита снегом, наклонные стены защищали от ветра. Мужчины собрались, съели бисквиты, попили снеговой воды, сколь-

знули на дно щели и пошли в направлении, которое Иджил счел почти точно восточным. Снег покрывал защищенный каньон, слегка мерцая в слабом солнечном свете.

Время от времени они останавливались, чтоб подкрепиться. Солнце взошло, и воздух полон звенящих и капающих нот. Они разогрели калорийный завтрак на плоской скале. Пока ждали, когда закипит, шутили и болтали.

Иджил снял ботинки и протянул ноги к теплу.

— Мои пальцы онемели от долгого хождения по снегу. Думаю, лед тает при меньшей температуре здесь, чем на Болдере.— Его тон вызвал улыбку Гхарров.

— Это Оттепель,— напомнил Джиссен.

— Это ты говоришь,— парировал Иджил.

Первым предупреждением об опасности была трасса, разбившаяся о скопление валунов над ними.

— Хеймдал!

Иджил схватил ботинки и спрятался за грудой плоских валунов, где стоял термос.

— Разбегаемся! — крикнул Карн.— Уберите эти зеленые пакеты и лягте на них и не двигайтесь. Иджил, черт возьми, ты прячешься за самым жарким местом.

Иджил отбросил термос в сугроб и отпрянул в противоположную сторону. Иджил распростерся на своем ранце. Флайер спускался. Карн четко слышал шум приближающегося мотора, пока каньон не заполнился грохотом. Луч ударил в камень, где стоял термос. Карн хотел вскочить и убежать от смерти, принесенной флайером на крыльях.

Память вернула боль ожогов. Бежать! Бежать!

Флайер приближался. Если это флиттер, они спустятся в каньон и сожгут нас. Ноги Карна судорожно дергались в стремлении бежать. Луч флайера чиркнул по ближайшим скалам. Карн ощутил сухость во рту и дрожь в мышцах с диким желанием спастись от огня. Когда флайер повис над головой, Карн тяжело дышал, закрыл глаза, зная, что, если увидит флайер, ужас будет так велик, что он может с ним не справиться. Мотор работал, звук ушел и вернулся. Ближе, ближе. Карн собрал всю волю, взглянул наверх. Он знал, перед лицом какого ужаса стояли он и его люди. Он говорил себе: «Это истребитель. Он слишком большой, чтоб опуститься ниже». Все тело Карна дрожало от усилия воли, держащего его недвижным рядом со смертоносным лучом. Самолет пролетел. Карн слышал, как он сделал круг над каньоном, и шум моторов затих.

— Можно выбраться? — голос Джиссена был жалобным.— Я замерз.

«Он замерз».

— Заткнись, идиот,— гаркнул Феллан,— и спрячься. Мы еще не в безопасности.

Нагромождения в ущелье скрывали их от глаз Карна. В тиши-

не, последовавшей за приказом Феллана, ущелье казалось тише, чем перед атакой. Журчала вода в камнях, капая с деревьев, нависших над ложной стеной. В этой тишине возвращающийся гул истребителя показался еще более опасным. Карн дрожал. Флайер прошел над его убежищем, ударил несколькими лучами впереди и исчез глубоко в ущелье.

Карн слышал, как рухнул подтаявший снег, потревоженный вибрацией флайера или тепловым лучом. Карн лежал, не двигаясь, еще долго после того, как последний звук моторов флайера растаял вдали. Он надеялся, что люди расценят ожидание как предосторожность, он знал, что это страх, вызванный памятью о плавящихся костях.

— Попробуем,— выкрикнул он, стараясь придать голосу твердость.— Поднимайтесь, но будьте готовы спрятаться.

— Наверное, был истребитель,— сказал Джиссен.— Слишком широкий, чтобы опуститься.

Значит, кто-то еще боялся смотреть. Это улучшило самочувствие Карна.

— Это истребитель,— сказал он. Он посмотрел вниз ущелья, где он видел последний раз Иджила.— Иджил? Иджил?— Голос усилился.— Ты в порядке?

Иджил откликнулся издалека. Он был совсем рядом. Он снял одну рукавицу и подышал на пальцы, согревая.

— Пилоты не умеют целиться,— добавил Джиссен.

— Не говори того, чего не знаешь,— Феллан ответил, присоединяясь к остальным. Он нес обожженный ранец.— Трис, его больше нет, сказал, это не очень удобно для подстилки. Он отбросил его, когда ложился.

Джиссен смотрел, широко раскрыв глаза.

— Он убежал?

— Не будь большим дураком, чем ты есть, Джиссен,— бросил Феллан ранец на снег.— Все, что осталось от Триса. Ангелы, Джиссен! Луч истребителя с небес!

Джиссен шумно сглотнул и побледнел.

— Мы похороним его, лорд Карн?

— Нечего хоронить, как говорит Феллан,— ответил Карн, чувствуя тоску.— Мы заберем из ранца то, что может пригодиться, и выберемся из ущелья.— Карн обернулся к Иджилу.— Вы согрелись?

Иджил покачал головой.

Мысли Карна путались. Надо сделать что-то, чтобы Иджил не мерз.

— Понеси-ка термос,— немного грубовато сказал он, скрывая свое беспокойство,— он, должно быть, совсем остыл. Мы меняем маршрут, переходим этот гребень и следующий, чтобы не идти этой стороной горы. Здесь нас легко заметить. Харлан знает, что мы тут. Мы будем скрываться от лучей, пока хоть

один будет живым. Мы должны дойти до патруля через Паучьи Горы и пройдя краем Цинна.

— Идти в горы в Оттепель, милорд? И Цинн? А как же Сторожа и Бегуны?

Голос Феллана был спокоен, но Карн знал, что сомнения заставили его задать вопрос своему повелителю. Он был хорошим солдатом и заслуживал уважительного ответа. Карн отбросил то, что называли «правильным» поведением для повелителя при таких вопросах. И ответил честно.

— Я должен использовать любой шанс, чем оставаться живым три дня как мишень лучемета. Те, кто не хочет пытаться попасть в Цинн, могут остаться здесь и попробовать вернуться.

Джиссен сник.

— Но мы умрем там, милорд.

— Меня жгли, Джиссен. Я лучше умру от холода, голода или ножа Бегуна. Но мы не умрем. Я был в Паучьих Горах раньше, охотился с отцом.

— Что, если флайер вернется раньше, чем мы?

— Перестань причитать, Джиссен! И так дела хуже некуда.

Джиссен примолк недовольно. Карн натянул ранец с помощью Иджила и стал быстро спускаться, не оглядываясь. Он дошел до места, где ущелье упиралось в небольшой холм, место, по которому человек с одной рукой может подняться.

Приближаясь к перешейку ближе и ближе, Карн наклонялся ниже и ниже. Люди последовали его примеру. Когда он достиг вершины, он почти полз. Он остановился и оглянулся. Все шли за ним к Цинну. Карн разглядел за двумя грядами холмов цепочки людей, пробирающихся по холму туда, где был огонь. Пламя лучами брызгало из станнеров.

— Смотрите!

Все посмотрели в ту сторону. Губы сжались. Они все повернулись и заскользили по склону к подножию следующего холма, затем забрались на его вершину. Деревья тянули ветви навстречу мокрому снегу. За ними ели повалились под тяжестью льда. Карн остановился среди елей перевести дыхание, лоб был покрыт испариной.

— Тепло теперь, Иджил?

Иджил кивнул.

— Милорд, время поесть?

— Да, только бисквиты, кусок мяса и чернослив. Если хотите пить, берите снег. Нельзя заправить термос, пока не взойдем на гору, где не будем заметны.

— Когда, милорд? — Снова Феллан спрашивает. Снова голос Феллана был почтительным.

Карн раздумывал, не ошибся ли он с Фелланом. Не убавит ли желания выполнять приказы эта возможность задавать вопросы. В Силах Федерации это не помешало бы, но люди из миров Феде-

рации давно приучены к независимому размышлению. Не углядит ли Феллан слабость Карна в этом выслушивании? Но было слишком поздно возвращаться к традиционному подходу к вопросам. Карн встретился взглядом с Феллaном. В его глазах не было презрения.

— Если повезет, мы подойдем к Паучьим Горам сегодня вечером.

Феллан кивнул, успокоенный, снял ранец и стал вытаскивать питание по указу Карна.

Они ели стоя, затем спускались по крутому склону с другой стороны еловой вершины и выкатились на черный лед широкой реки. Карн остановился, балансируя на льду, и обернулся к другу.

— Паучьи Горы на север, северо-восток от этой реки, Иджил. Как пойдем?

Иджил показал, затем двинулся, и все пошли следом. Они продирались через старые поваленные ели к вершине следующего гребня, узкого, скалистого хребта, обдуваемого ветром. Свирепый ветер воронкой втягивался в горло старого русла реки.

Иджил остановился, задыхаясь.

— Мы слишком промокли для этого ветра, Карн. Моя одежда пропиталась водой от тающего снега и то же у других.— Ветер кружился около Иджила, он стучал зубами и замолчал.

Карн взял Иджила за руку и отвел от обдуваемых скал.

— Мой отец брал сыновей в Цинн для охоты на диких котов. Мы шли по этому руслу. Есть ровное место невдалеке. Мы поставим тент и высушимся там, Иджил. Не важно, как нам холодно, мы не можем зажечь огонь. Он станет сигналом на этой вершине.

— Это самоубийство,— пробормотал Джиссен.

Карн осторожно спускался по тропе, теряющейся среди камней, к руслу. Громады скользких скал и ужасающих утесов высились на пути.

— Осторожно, это сложный спуск,— предупредил Карн, держась за каменную стену тропы.

Тропа наконец-то пошла прямо между каменной стеной и заснеженным склоном горы. Узкий каменный перешеек, бывший когда-то водопадом, соединял гребень с горой. Карн взглянул на Иджила. Он держал обе руки внутри расстегнутого скафандра.

Карн остановился.

— Ставим термос, Феллан. Джиссен, готовим два тента.

Карн снял слинг и пытался освободиться от ранца.

— Карн, я помогу тебе.— Иджил вынул руки из скафандра.

— Вот тепло,— Карн указал на термос.— Согревай руки.

Карн наблюдал, тщательно скрывая тревогу, пока Иджил, сгорбившись, отогревал руки. Карн натянул слинг и пытался подсоединить газовый цилиндр к тенту одной рукой. Феллан забрал цилиндр без слов, справился с тентом и установил второй термос внутри.

— Забирайся-ка лучше сюда, Олафсон,— буркнул он.

— Он прав, Иджил,— добавил Карн.— Забирайся и снимай мокрую одежду. Мы все через несколько минут придем туда поесть.

Иджил колебался не больше мгновения.

Глава пятнадцатая

Следующий привал был на заре. Мороз побелил верхушки скал, которые они расчистили, но снег по-прежнему был мокрый, без ледяного слоя, делающего поход опасным. Карн указал на узкие тени в нескольких сотнях метров над руслом, мелькавшие вдоль склона горы.

— Вот туда мы и идем, тропа проведет.

— У меня нет таких крошечных следов,— сказал Джиссен, указывая на ботинки.

Все взглянули на Иджила, чья стопа была еще больше. Он казался бледным.

— Иджил?— голос Карна прозвучал громче, чем он хотел.

Иджил усмехнулся слабо.

— Я пройду, Карн.

Они вышли на узкую тропу через нагромождение скал и маленьких валунов. Сильный ветер по-прежнему продувал русло, долетая до них даже на этой высоте.

— Старайтесь идти,— приказал Карн, когда люди стали отставать.— Мы не укроемся от ветра, пока не дойдем до конца гребня.

Иджил прибавил шагу в сторону, указанную Карном. Карн секунду смотрел вслед ему, затем догнал.

— Я пойду первым, Иджил. Я ходил по этой тропе раньше.— Карн считал достаточным это объяснение. Он был не слишком высок, чтоб прикрыть Иджила от ветра, но надо было хоть чем-нибудь ему помочь.

Тропа петляла, медленно поднималась над бывшим водопадом. На этой высоте воздух был холоднее, снег суше и сильнее. Тропа пересекла подножие утеса, на котором талая вода минувшего дня застыла тонким, светящимся листом. Люди шли, держась за стену утеса. Еще шаг — и они завернули за утес, скрываясь от пронизывающего ветра. Иджил выглядел изнуренным и облокотился о большой валун. Карн осматривал дорогу вперед. На этой стороне горы солнце расплавило верхний слой льда, делая тропу еще более скользкой, Здесь, над Цинном, Оттепель была сильнее, чем на равнинах. Склоны вверх и вниз покрыты коричневыми скалами, тянувшимися заледенелым гравием там и тут, сухой травой, голым кустарником. Деревья когда-то росли на склоне, до давнего пожара, но сейчас желтый лес стоял, открытый непогоде. Гигантские стволы были отшлифованы ветром. Под деревьями, у подножия горы, лежала, как белая сталь, пустыня Цинн.

К северу, на одной из гор, окружающих Цинн, Карн заметил огонь на бледно-голубом фоне неба. Джиссен тоже заметил.

— Дозор? — Джиссен не смог скрыть дрожь в голосе. — Либо нас заметили, либо это люди Харлана. Никто не посылает осужденных в пустыню так рано.

Возбужденные голоса вырвали Иджила из молчаливого оцепенения.

— Дозорные? Что это такое?

Все посмотрели на Карна для объяснений.

— Трудно сказать, Иджил. — Карн задумался на секунду, стараясь припомнить, что он говорил Иджилу о Гхарр и Старкере IV, если говорил вообще что-нибудь. — Дозорные были здесь раньше первого Гхарра, миссионеров Пути, образовавших этот мир. Они в дозоре. Это все, что мы знаем о них. Бегуны — осужденные, сосланные Семьями, видят сигнальные огни и охотятся. Бегуны обирают пойманных, но не убивают, пока они голодают. Они оставляют жертвам достаточно воды и пищи, чтобы выбраться из пустыни. Часть добычи Бегуны забирают как плату за сигнальные огни. Но Дозорных никогда не видно, как рассказывают люди, пережившие приговор и вернувшиеся в Холдинги.

— Я не желаю знать, как они выглядят, — сказал Феллан, дрожа.

— Я тоже. Пойдемте! — Джиссен оглянулся, тщетно выискивая тропу.

Карн мрачно глянул на Джиссена. Этого надо было оставить в укрытии.

— Тропы нет, Джиссен, — сказал он резко. — Пост находится там, — указал Карн на длинный мелкий залив, где Цинн врезался в подножия холмов на юго-западе. — Совет держит патрули на этой стороне пустыни с Оттепели до Морозов для осужденных, — добавил он для Иджила. — Нам не обойтись без твоего умения ориентироваться здесь, Иджил, потому что не сможем определить дорогу в пустыне. Складывайте вещи, и в путь.

Иджил пристально смотрел туда, куда указал Карн. Люди спускались с горы, петляя между склонов гравия, поскальзываясь, иногда падая. Поели на полпути вниз. На закате они прошли четверть пути до начала пустыни. Они разбили лагерь под скалами у подножия холмов. Карн присматривался с тревогой к Иджилу, ни желая унижать друга перед бойцами, когда Карн ничем не мог облегчить страдания, которые холод доставлял Иджилу.

Следующим утром опять шел снег, и люди ушли в снежную заметь. Иджил, из-за его ориентировки, по-прежнему шел первым, жалуясь на возобновившийся холод. Это было так не похоже на него, что Карн на привале отвел его в сторону, пока остальные готовили пищу.

— Что случилось? С тобой тяжело, как с голодным медведем Цинна.

— Ничего страшного, Карн. Ничего такого, чтобы кто-нибудь

чем-нибудь мог помочь. Я буду в порядке, когда придем на пост. Мне неудобно в одежде Гхарра в мороз. Слишком теплокровный, я думаю.— Иджил стянул рукавицу, расстегнул костюм и засунул ладонь к груди.

— Иджил, покажи мне эту руку.— Карн знал, что голос выдает его нетерпение, но больше не мог с этим справляться. Иджилу, действительно, было худо от холода.

Иджил отрицательно качнул головой.

— Все будет хорошо, Карн. Это всего лишь холод.

Карн протянул руку.

— Дай мне посмотреть, Иджил.

Иджил нехотя вытащил руку из-за пазухи. Она была красной и холодной. Это было плохо, а им оставался еще день пути. Должно же быть что-то, чем Карн мог сохранить эти руки теплыми, потому что термос грел, пока работал.

— Что ты чувствуешь?— спросил он.

— Немного онемела.

— Здорово онемела, я полагаю?— Иджил кивнул по-овечьи. Голос Карна повысился.— А другая? Такая же?

Иджил снова кивнул.

— Так,— Карн держал руки Иджила в своих, пока они ни согрелись. Он не смел тереть кожу, боясь, что она повреждена.— Иди, сядь у термоса и держи их в тепле.

Карн смотрел в сторону пустыни встревоженно. Где-то там шла тропа к посту. Если Иджил доберется до поста без худших повреждений, связавшись с Советом, можно получить медицинскую помощь так быстро, как они смогут прилететь. Карн тяжело глотнул и посмотрел на друга, склонившегося над небольшим теплом термоса.

«Его руки,— прошептал Карн.— Ангелы! Я должен довести его до поста вовремя, чтобы спасти его руки!»— Карн смахнул тяжелую снежинку с носа. Довести Иджила без большей беды будет непросто. Если огни Дозорных утром были первыми, Бегуны на их пути. Если огни не были первыми... Карн не мог заставить себя подумать об этом. Другими словами, у них не будет времени останавливаться и греть термосом руки Иджила. Он вернулся к другу и посмотрел на его ладони над термосом. Они были такие же усталые, как он, одеревеневшие от снежной бури.

«Здесь хотя бы нет ветра»,— подумал Карн и склонился над термосом, пока он был теплым.

Все поужинали и ушли под тенты. Карн долго сидел на постели, размышляя. Было очень важно вернуться быстро в Онтар. Тем не менее Карн слышал, что изнуренные люди страдают от холода сильнее, чем отдохнувшие. Он взглянул на Иджила, растянувшегося на своей постели. Руки, наверное, ноющие, лежали у лица. Карн набрал код на термосе тента на два десятка и лег сверху спальника. Они всего в одном дне пути от поста. Был еще один не-

использованный термос в ранце Феллана. Они смогут истратить чуть больше топлива, чтобы спасти руки Иджила.

Странно, вдали в темном небе плыли тени. Карн вздрогнул, не владея собой. Бегуны вышли на охоту.

Руки Иджила выглядели нормальными на следующее утро, но Карн не был уверен, что они и дальше будут в порядке, а запасные рукавицы все были слишком малы для Иджила. Карн подгонял всех спешить, спешить, спешить в солнечное утро. Останавливаясь несколько раз, против его лучших расчетов, устанавливал дополнительный термос, пока он становился таким, что его можно было нести, и передавал его Иджилу. Скоро облака закрыли солнце, и чудесный, легкий снег, знак холода, стал опускаться на землю. Когда они дошли до скал на другом конце залива, снег превратился в туман. Появились Бегуны. У бойцов волосы зашевелились на голове.

— Они близко,— прошептал Джиссен.— Нас поймают!

— У них нет проводника, который найдет вслепую дорогу к посту,— сказал Карн.— У нас есть.

Снег превратился в белую стену, скрывая все на расстоянии вытянутой руки. Иджил пошатывался от усталости, Карн подозревал, что от окоченевших ступней. Карн приказал каждому держаться за ремень впереди идущего, чтоб никто не потерялся. Бегуны были рядом.

Они взбирались на холм. Иджил поскользнулся и упал. Карн помог ему подняться и прошептал:

— Уже недалеко. Это недалеко, Иджил. Держись, пока не придем.

— Что? Придем? Куда?— Голос Иджила испугал Карна.

— Бегуны на нашей тропе, помоги нам выбраться, Иджил,— он попросил, стыдясь лжи во имя поддержки изнуренного, замерзшего человека.

Иджил отозвался. Он выпрямился и пошел чуть быстрее, но дыхание его было отрывистым. Это был единственный звук в густой снежной тишине, болезненное дыхание Иджила.

— Где мы, Карн?— Снова голос Иджила звучал как у потерянного ребенка.

Нет, только не дать ему растеряться. Ангелы, спасите и сохраните его! Карн тихо молился. Громко сказал:

— Мы идем в теплый дом, Иджил. Ты знаешь, где это, вспомни!

Казалось, никогда не кончится этот путь по скользким камням, с держанием за ремни впереди и сзади. Это был ночной кошмар без звука, только мышцы говорили людям, что они движутся. Снег собрался на бровях Карна. Он таял, превращаясь в ледяные острия. Иджил уперся во что-то. Карн отпустил его ремень, пощупал, что это.

— Это стена! Это пост!— Карн поискал ремень Иджила. Он исчез.

— Иджил! Иджил!

Только шум снега, бьющего в стену, ответил ему. Он обернулся к людям.

— Феллан, Джиссен, идите вдоль стены, пока не найдете дверь. Нажмите на тубус под нижним краем, затем принесите огонь оттуда. Феллан, выходи тотчас с факелом и помоги найти его.

Карн слышал, как рукавицы двух мужчин скользили по каменной стене, затем Карн услышал щелчок. Свет упал из окна на снег позади него.

— Веревку, Феллан! — крикнул он, ища дорогу к двери, стена шла справа. Он подождал у двери, и только слабый звук падающего снега был его спутником. Необходимость разыскать Иджила беспокоила его.

— Иджил! — выкрикнул он в непроглядную вьюгу.

Что могло так долго задерживать Феллана?

— Феллан!

Карн старался не отрывать руки от здания, пока не получит веревку, чтобы вернуться.

— Иджил!

Время проходило в пугающей тишине. Затем появились четыре слепящих огня, освещающих пространство на сотни метров вокруг дома, но короче света нормального диапазона. Феллан выскочил из поднятой двери в снег, прикрыл дверь и обвязал веревкой Карна, не ожидая приказа.

— Я с трудом разыскал веревку, милорд. И я нашел фонари вместо факела,— сказал он, объясняясь, затем добавил: — Он был слишком слаб, чтоб уйти далеко.

Зная, что веревка одним концом закреплена, Карн и Феллан двигались и шарили медленно в двух метрах от веревки в круге до стены дома. Карн увидел слабую впадину в снегу, это мог быть след Иджила. Он показал. Феллан кивнул.

— Иджил!

Ответа не было. Двое мужчин снова двинулись вперед, разыскивая Иджила. Снег падал тихо, скрадывая очертания предметов и приглушая звуки.

— Иджил!

Отчаяние охватило Карна. Человек, значивший для него больше, чем кто-нибудь другой, исчез. Карн продвигался вперед, чувствуя сопротивление снега, как тяжесть на ногах. Затем слева он увидел очень острый холмик снега. Наверняка здесь ничто не может расти таким образом. Карн устремился вперед и стал копать здоровой рукой.

«Его ранец!»

Феллан шел вдоль веревки и оказался рядом через секунду, раскапывая истово сугроб. Сначала широкие плечи, затем лохматая белая голова, затем его лицо. Карн нащупал шею Иджила.

«Он жив».

Как будто всю жизнь проработав вместе, Карн и Феллан тянули тело Иджила из снега и несли его в пост. Через мгновение, как они внесли его в дверь, они раздели Иджила и завернули его в теплые одеяла. Руки и ноги они опустили в ванночки с тепловатой водой.

Феллан снова опустился на колени, когда работа была закончена, и разглядывал лицо Иджила.

— Он выживет, лорд Карн?

— Одному Богу известно,— Карн опустился на пол за своим другом, бледный от изнурения, зная, что он должен попытаться дойти до Совета и что сил почти не осталось.

Когда Карн проснулся, было серое снежное утро, и Иджил смотрел на него. Голубые глаза спрашивали: «Как я попал сюда?»

Карн повернулся к нему, все тело ныло после ночи на жестком полу.

— Ты привел нас сюда, потом побрел в сторону и повалился в снег. Ты мог умереть, Иджил!

Иджил попытался сесть, но не смог. Он повалился на одеяла, и в его голосе послышалась паника.

— Карн, я не чувствую рук!

Карн поднял одну из них над одеялом. Она была не такой белой, как предыдущей ночью, но по-прежнему глянцевитой, неестественно бледной и свинцово тяжелой. Карн посмотрел на эти руки и вспомнил о героях старины, изображенных на стене его спальни. Без рук — он посмотрел на друга и увидел те же мысли в глазах Иджила.

— Иджил...

Но ничего не нашлось, чтобы сказать в утешение.

Карн то и дело подбегал к аппарату связи. Наконец удалось соединиться.

— Совет, это пост 105, Лхарр Халарека говорит. Медицинская скорая помощь. Повторяю, пост 105 требует медицинскую помощь. Вы слышите меня?

Никто не отвечал. Карн пытался снова и снова каждый час. Никто не отвечал. Карн швырнул патрульную книгу в другой конец комнаты.

— Я знаю, что связь есть! Всегда соединяется!

Иджил отвернулся.

— Они все равно ничего не смогут сделать, Карн. Если я их не чувствую, то уже слишком поздно.

— Если бы я поставил тенты прошлой ночью...

— Ты не виноват, Карн! Я ушел сам. Может быть, я ушел бы дальше.

Карн почувствовал горечь, но не нашелся, что ответить. Наступило долгое, неловкое молчание, нарушаемое легким посапыванием. Карн шагал туда-сюда по комнате, останавливаясь у окна.

— Если не смогу связаться, Иджил, я пойду в Онтар за помощью. Это день-полтора или около того.

— Не будь дураком! — Иджил огрызнулся.— Если ты сделаешь это, вся дорога будет напрасной. Совет должен обслуживать этот пост. Если связь не работает, дождись, пока вернется патруль. Черт, Карн, твой Дом в закладе! — Иджил с трудом повернулся к нему, и одна рука упала на пол со звуком камешка.

Раздражение Иджила заставило Карна вспомнить о приоритетах. Иджил был очень нужен Карну, но несколько тысяч людей погибнут, если Ричард Харлан попробует выполнить угрозу разрушить Халарек до последнего камня и дальних кузенов. «Ангелы! Неудивительно, что лорды Гхарр не чувствуют ничего, кроме гнева, гордости и чего-то вроде слабой привязанности. Они не в состоянии узнать что-либо еще о своих чувствах, при тех правилах Гхарра, которые существуют. Они должны сойти с ума или оторваться от всех. Как я отделился».— Карн посмотрел вниз на застывшую спину Иджила и повернулся лицом к окну, пряча слезы от проснувшихся людей.

Снег пошел еще сильнее, чем прошлой ночью, Карн ничего не видел за окном. Ангелы, где вы? Мой друг, мой брат может умереть! Он отошел от окна и стал мерять шагами комнату. Часы буря кружилась и завывала снаружи, и Карн сновал из одного конца комнаты в другой внутри, пытаясь связаться с Советом каждый раз, когда доходил до аппарата связи, беспокоясь, что Харлан нарушил каким-то образом даже связь Совета. Дом Халарека был в смертельной опасности, Иджил был почти при смерти, и единственная связь патрульного поста с Советом не работала!

Карн спал эту ночь урывками и встал до зари. Иджил стонал от боли. Карн знал, как было тяжело мужчине из Болдера признаться в этом: боль высмеивалась, отгонялась от себя, как ничего не значащее. Он вытащил из одного медпакета обезболивающие и велел Джиссену ввести Иджилу дозу по предписанию. Скудный ночной сон помог Карну вновь обрести его строгий самоконтроль. Иджил принял собственное решение о своей жизни. Это было его право. Теперь Карн должен решать, как защитить свой Дом, если нет возможности добраться до штаба Совета. После часов борьбы и внутренних сомнений Карн не нашел лучшего выхода, чем вернуться с Фелланом в Холдинг Халарека и попытаться добраться до людей фон Шусса. Личная безопасность Карна не увеличится, но Джиссен и Иджил, если выживет он, будут живы, и Харлан никогда не будет свидетелем того, что случилось с Халареком. Это было слабым утешением, но это было лучше, чем ничего. Совет должен знать о нелегальной осаде. Возможно, хоть что-то от Дома удастся спасти.

Снег перестал идти поздним утром, но поднялся ветер. Иногда в окно видна была пустыня, иногда только вихри взметающегося снега. Карн и Феллан готовились к дороге в Онтар, упаковывая пищу и кое-какие необходимые вещи. Запасы патрульного поста

нужны Иджилу и Джиссену. Последний наблюдал, стоя у окна. Вдруг он воскликнул:

— Э, что это?

Карн и Феллан кинулись к окну. Две фигуры стояли у кромки деревьев в сотне метров от дома.

— Бегуны? — спросил Джиссен.

Феллан и Карн кивнули.

— Почему они здесь? — голос Джиссена дрожал.

— Потому, что мы знаем, как открыть барак, теплый, сухой и полный еды.

Карн опять взглянул на фигуры и задумался о том, сколько их еще скрывается за деревьями. «Осужденные, пережившие свое первое путешествие через пустыню, живут в пещерах глубоко в горах на другой стороне. Они согреваются и готовят на дровах, питаются тем, что сумеют поймать. Бегуны не бывают толстыми».

Бегуны смотрели на пост долго, потом исчезли. Карн закончил сборы. Феллан продолжал смотреть в окно. Он обернулся и посмотрел на Карна, закрывающего последнюю застежку.

— Этот дом укреплен, милорд? — В вопросе не было и десятой доли того страха, который испытывал Джиссен.

Карн поднял глаза. Здесь должны быть станнеры по периметру, средние, с автоматической наводкой и ведением огня. Возможно, лучеметы на крыше.

Феллан обернулся к окну.

— Там сейчас с десяток или больше Бегунов, лорд Карн.

Карн подошел к окну. Бегуны стояли вдоль кромки леса, тонкие, как тени, в сгущающихся сумерках, и ближе, чем раньше. То, что они так приблизились к обитаемому бараку патруля Цинна, обнаруживало их отчаяние. Карн сжал губы. Бегуны делают жизнь в бараке более опасной. Вдобавок Халареку нужна помощь. Иджилу нужна помощь. Карн сжимал и разжимал кулаки. Бегуны атакуют внезапно, им только надо собраться с духом. Карн, не зная повадок Бегунов, не имел понятия об оружии, которым они могли пользоваться.

Глубокий вздох прервал размышления Карна. Он повернулся. Иджил сидел, пользуясь одной из омертвевших рук как подпоркой. Он тяжело дышал от боли.

— Забирай этих двоих, Карн, и уходи. Я прикрою вас лучеметом.

— Я не променяю твою жизнь на свою.

— Каким еще другим способом ты собираешься с Фелланом пройти мимо Бегунов, красавец?

Слова Иджила обожгли. Карн не смог бы миновать Бегунов ни с помощью Феллана, ни с Фелланом и Джиссеном вместе.

— Я не променяю твою жизнь на свою, — повторил он упрямо. — Я мог заставить себя уйти только, если бы был уверен, что

ты будешь здесь, когда вернется патруль, расскажешь, что случилось с Халареком.

— Ты мой брат, Карн. Я люблю тебя. Я хочу, чтоб ты жил.— Двое других смущенно отвернулись. Иджил продолжал: — Ты выживешь. Я знаю. Тебе хватит ловкости и смекалки дойти до лагеря фон Шусса.— Иджил глубоко вздохнул и продолжил: — Все, в чем я мастер, требует рук, Карн, а мои руки пропали. Но, даже если бы руки были целы, я предложил бы то же самое. Разве ты не знаешь?

— Нет,— прошептал Карн.— Я не знал этого. Даже члены моего рода не предложили бы мне этого.

— Карн, весь Дом погибнет, если ты не сделаешь этого. Но ты дойдешь до фон Шусса. Ты сможешь изменить свой мир.— Иджил остановился, прокашливаясь.— Прими жизнь, как мой подарок, и скажи своим детям о друге, который спасал тебя, нажимая кнопки лучемета носом.— Голос Иджила звучал воодушевленно. Это был голос человека из Болдера, гордого такой смертью, достойной саги.

Карн заглянул в глаза Иджилу, затем кивнул.

— Джиссен остается с тобой.

Иджил помотал головой.

— Он остается, Иджил. Ты не сможешь накормить себя. Ты не доберешься до лучемета без помощи. Верь мне, кто-нибудь появится здесь за три дня. Это время вы удержите Бегунов.— Карн верил в это всем сердцем.

— Я не хочу оставаться, лорд Карн,— заскулил Джиссен.

— Джиссен, ты солдат. Это твой пост. Помощь придет. А сейчас доведи Иджила до лучемета.

Джиссен скривил рот, но кивнул в знак согласия с приказом.

Для Карна следующая ночь тянулась бесконечно. Он был на ногах с первым светом, влезая в костюм с помощью Феллана, ожидая у задней двери, пока Джиссен помогал Иджилу встать и войти в крошечный лифт, ведущий к лучемету.

— Я крикну, когда буду готов,— проговорил Иджил, уходя. Через мгновение после остановки лифта Иджил проревел вниз: — Готов!

Его голос был почти нормальным.

Карн и Феллан выскользнули за дверь, в мягкие сугробы и в синие ели, стоящие по краю тропы. Бегуны очередями прошили воздух, им ответили струи лучемета. Двое мужчин не говорили, не смотрели назад и не останавливались, пока не прошли перекресток тропы и спуска в долину, которая медленно расширялась в сторону равнины.

Карн услышал флайер и поднял руку. Феллан остановился за ним.

— Слышишь это?

Феллан кивнул.

— Давай скроемся, пока не увидим, чей это флайер.

Они отступили под ветви елей и ждали, пока флайер не появился.

Флайер был небольшим патрульным транспортом Цинна с красным цветом Совета. Карн колебался. Гормсби будет председателем на собрании Оттепелью, и Гормсби был из рода Харлана. Но Совет был единственной надеждой Халарека. Он должен использовать шанс убедить Совет поддержать его Дом. Карн вышел из укрытия более решительно, чем чувствовал себя, и стал подпрыгивать и размахивать руками, чтобы его заметили с транспорта. Он прошел мимо, затем вернулся над макушками деревьев.

— Выбирают хорошее место посадки,— бормотал Феллан.

Транспорт приземлился в долине, и группа патрульных выпрыгнула на снег. Половина была в одежде цвета электрик дома Друма, другие в светло-оранжевом дома де Ври. Командир был в красном цвете Совета. Они собрались и пошли в сторону Карна и Феллана с поднятыми станнерами. Карн заволновался. Он больше ничего не мог сделать. Он отдавал всех в руки Совета.

Командир остановился в шаге от Карна, со станнером, нацеленным в голову Карну.

— Карн Халарек, вы арестованы Советом.

Глава шестнадцатая

Тысячи чувств бурей пронеслись в душе Карна за секунды после фразы командира патруля: разочарование, безнадежность, гнев, печаль, беспомощность. Он в ловушке. С его Домом покончено. Союз с Гормсби был сейчас более важным, чем справедливость Совета. Он и Феллан проделали большой путь, и все напрасно. Однако, может быть, он сможет из этого несчастья извлечь пользу для Иджила. Он хотел, чтобы его голос не выдал его муки и печали.

— Нейтрал в этих войнах лежит на посту 105, остро нуждаясь в медицинской помощи. Во имя Старкера, пошлите ему врача.

— Мой повелитель,— отвечал почтительно командир патруля,— вы передали это. Председатель де Ври выслал команду, как только вы начали передавать, но что-то не ладилось у техников до раннего утра сегодня. Они опоздали?

Карн покачал головой.

— Совет слышал меня? Никто не отвечал. Почему?

Командир качнул головой озадаченно.

— На каждый вызов отвечали, милорд. Связисты не понимали, почему вы так расстроены и не отвечаете. Приемник не работает, наверное. Беда с приемниками последние две зимы.— Командир двинулся к транспорту.— Прошу вас, милорд, нам приказано доставить вас в Совет, пока не начнем патрулирование.

— Но мой друг...

Командир кивнул головой в сторону транспорта нетерпеливо:

— Мы свяжемся с медиками в воздухе. Мы должны доставить вас и вернуться на посты. Бегуны опасны в этом году. Нескольких видели за пустыней в Холдингах в этом году. Пожалуйста, идите в транспорт, милорд.

Карн вдруг остановился.

— Почему арестовали меня? Ведь закон нарушил Харлан.

Командир пожал плечами.

— Я не знаю, милорд. Я только выполняю приказы. Мой сотник не объясняет. Я слышал, осада Онтара будет снята, как только вы прибудете в Совет; другими словами, как только вы будете в транспорте и я свяжусь с председателем.

Командир развернул Карна как можно вежливее к рампе и почтительно снял его станнер и нож.

— Лучше поднимайтесь на борт, милорд. Речь о том, что пищи все меньше и медикаментов тоже в замке. Вы снимете осаду, мирно прибыв в Совет.

Карн опустил плечи. Он стал подниматься по трапу, чувствуя, что ноги будто налились свинцом. Он слышал, как командир проворчал другому солдату:

— Де Ври мог бы приказать сотнику и малому кораблю подобрать Халарека. Сотник лучше. Кроме того, если эти двое смогли пройти через перевал, смогут и Бегуны.

Карн знал, что хотя правильнее был бы сотник, обычно Совет посылал сеньора лорда из штаба Дома или высокородного вассала.

«Но, действительно, я не глава моего Дома,— подумал с горечью Карн,— и не буду еще сорок дней. И у меня нет никого».

Он исчез в двери транспорта. Солдаты де Ври и Друма, служившие пограничным патрулем в этом секторе в этом сезоне, расселись рядами на скамейки в транспорте. Командир почтительно указал Карну и Феллану на скамью впереди. Карн посмотрел на мягкий серый пластик потолка. «Выглядит, как мое будущее,— подумал он,— то, что осталось от него».

Командир сел рядом с пилотом, поговорил с ним тихо и быстро, повернулся к Карну:

— Мы должны получить ответ медкоманды сейчас, милорд.— Он замолчал, как будто решая что-то. Он встретил прямой взгляд Карна.— Есть доклад Гильдии. Совет собирается завтра рано, чтобы решить, что с ним делать.

Статический щелчок вырвался из аппарата, затем кодовая фраза цифр и букв. Пилот попросил повторить серию, затем обернулся к Карну.

— Медкоманда в воздухе, будут на посту 105 через несколько минут после вашего приземления в Совете, милорд.

Голос Карна не очень ему повиновался и надломился при словах «Спасибо вам».

Позже Карн не мог припомнить ничего из этого полета, кроме ровного, серого пластика и жестких скамеек. У здания Совета пилот проводил лорда и Феллана через вход, который Карну был неизвестен, вверх и вниз по пролетам лестниц, в холл со множеством дверей. Пилот открыл дверь в нескольких шагах от лестницы и впустил Карна внутрь.

— Располагайтесь поудобнее, милорд. Председатель Гормсби и другие члены Домов Совета на пути из Холдингов. Они поговорят с вами до того, как Совет соберется. Ваш человек будет с военными Совета. О нем позаботятся.— Человек взглянул на Карна, как ему показалось, с симпатией и вышел, захлопывая и запирая дверь.

Карн остался один. Он почувствовал неожиданно сильный и беспричинный страх. Рядом не было никого, и он был отдан на милость Председателя.

Комната была отделана со вкусом мягкими драпировками, коврами, шкурами; широкая кровать, мягкое кресло, светильники на стенах и большой встроенный шкаф для вещей обитателя. «Роскошно для тюрьмы,— пробормотал Карн. Обивка стен приглушила его голос. Он толкнул дверь, чтоб убедиться. Заперта.— Но это тюрьма».

Он бросился на кровать и погрузился в печаль. Он возвращался, снова и снова оценивал свои поступки с момента возвращения домой, и каждый по-прежнему казался лучшим при таких обстоятельствах. Но он был не в силах настроиться на образ мыслей и действий Гхарров, и в этом его погибель. Его мысли бежали по кругу, как белки в колесе, лишь сгущая горечь и боль. «Все, все против меня»,— беззвучно выкрикнул он.

Когда он выбрался из дурмана своих мыслей, два блюда с пищей стояли на полу рядом с широким отверстием внизу двери — ужин и закуска. Рядом с блюдом закуски на подносе лежала записка:

«Карн, ты не ответил, и стража нас не пропустит. Держись. Осада снята, и Ларга Алиша со мной здесь на Совете. *Эмиль*».

Карн скомкал записку и бросил в стену. Месяцы работы и строгого самоконтроля, осторожности — и он стал пленником, даже нельзя увидеться с семьей и родственниками. Карн кинулся к двери и ударил в нее требовательно.

— Я знаю, что здесь стража. Откройте дверь!

Никто не ответил, и это только подогрело беспомощный гнев Карна. Он присел на кровать и начал пересчитывать шерстинки на шкуре, чтоб унять ярость. Он не знал, как долго пробыл в этом состоянии, когда услышал, что дверь открывается. Он не обернулся.

— Карн?

Карн поднял глаза.

— Это вы, матушка,— ответил он апатично.

Ларга стояла в дверях, сотник Совета и стражник из солдат Совета за ней. Карн медленно встал. Он не мог ее приветствовать

радостно потому, что она была свободна хотя бы. Он даже чувствовать радость не мог. Его пренебрежение политикой и его недооценка их образа действия и завоевания положения в обществе, унизившего весь его Дом. Ларга пересекла комнату и сжала его руки удивительно сильными пальцами. Она взглянула на него, и глубокие морщины пролегли между ее бровей.

— Что случилось? Ты выглядишь истощенным, разбитым. У нас есть возможность выложить Совету, что случилось.

Карн посмотрел на нее с недоверием.

— Вы не знаете? Я здесь не по приглашению. Я арестован, матушка.

Ларга была в смятении, каждая черточка натянулась от оскорбления.

— Ты! — Она разгневанно ткнула пальцем в осанистого сотника. — Разве ты не объяснил его светлости, что это был арест для безопасности? Разве ты не сказал, что это обсуждалось с Председателем де Ври перед тем, как он ушел? Разве не сказал ты ему, что это было для его безопасности?

Сотник съежился от страха и отступил на шаг от разъяренной женщины.

— Я... я не видел его светлости до сих пор, миледи. Председатель Гормсби ничего мне не сказал о его светлости, миледи. Я получил только приказание арестовать его на ближайшем к Цинну посту. Я не знал, я не имел понятия...

— Какой-то командир! Вы позволили привезти Лхарра Халарека на обычном транспорте, полном солдат. Ни офицеров, ни представителей какой-либо Семьи, ни даже сотника! Вы пренебрегли всем, что дано ему кровью и рангом!

Сотник побледнел и отступил еще на шаг. Ларга повернулась к Карну. Она легко коснулась его руки:

— Никто не посетил тебя? Ни один из наших вассалов? Ни один?

Ей не нужен был ответ, все и так читалось на его лице. Она уронила руку и качнула головой.

— Я этого не пойму. Обычный этикет между вассалами и лордом... — Ее голос стих.

— Простите, миледи, — сотник явно заискивал, — Председатель Гормсби приказал никаких посетителей. Вас, миледи, пустили после вмешательства Джастина, фон Шусса и Дейвина Рида Лока, предводителя Свободных, миледи.

Ларга вспыхнула от гнева, но не проронила ни слова. Она посмотрела на хронометр. Он скользнул с легким звоном по золотой цепочке.

— Гормсби сводит счеты с Тревом этими мелкими жестокостями, — сказала она едва слышно. — Я знаю это. Я уверена! — Она взглянула на Карна, проверяя, слышал ли он ее. Затем на ее лице появилась обычная улыбка. — Мы узнаем это на Совете, не

так ли, сотник? Карн, заседание скоро начнется. Эти люди проводят тебя в палату в целости и сохранности.

Карн позволил вывести себя и спустился на два уровня в коридор, окружающий палату Совета. У него была слабая надежда на освобождение, спасение своего Дома. Слишком многие могущественные Дома против него теперь: Гормсби, Харлан, Одоннел, Кингсленд — почти все влиятельные Семьи, кроме Джастина. Дом Друма не имел опоры, и на его поддержку рассчитывать нельзя. Друма не будут против, но и не поддержат. Что касается остальных вассалов, это был вопрос его обращения с Нерутом, Мелеваном и Роулом. Карн отогнал эту мысль. Было поздно беспокоиться о том, что сделают вассалы.

Двое солдат Харлана отделились от стены при виде Карна, который застыл и потянулся к несуществующему станнеру. Люди Харлана резко повернулись и ушли, как только увидели солдат в униформе Совета сразу за спиной Карна. «Спасибо за конвой, матушка»,— подумал Карн, уверенный, что без него он лежал бы сейчас бездыханным.

Лишь несколько человек стояли перед палатой, и большинство принадлежало Дому Одоннела и Дому Кингсленда. Сразу за дверью палаты группа лордов младших Домов и Свободные загораживали вход. «Дорогу, дорогу, пожалуйста»,— приказывали солдаты Совета.

Группа раздвинулась, и конвой провел Карна, окружая его так плотно, что он еле переступал. Его довели до сектора, оставленного для его Дома. Но вместо того, чтобы посадить за стол по праву лорда, солдаты толкнули его к двери пластикового бокса с открытым верхом. Карн застыл на месте.

— Нет. Я был взаперти достаточно долго.

Сотник кашлянул в недоумении, посмотрел на Ларгу, ожидая помощи, которой она не оказала, следя за креслом Председателя, еще пустым, затем на Карна перевел взгляд. Он не мог встретиться глазами с Карном.

— Это для вашей безопасности. Свободные настаивают, милорд. Вы и лорд Ричард, пожалуй, убьете друг друга, но лучше не в палате Совета.

— Тогда посадите туда Ричарда,— огрызнулся Карн.

Сотник прокашлялся.

— О, лорд Ричард, ох, у него влиятельный друг — Председатель, милорд. Либо вы будете сидеть в этом боксе, либо вас отведут в вашу комнату наверху. Выбирайте.

Карн оглядел палату. Сектор Девяти казался полным и галерея выше тоже. Было полно свободных мест на скамьях Свободных и младших Домов, но многие из них принадлежали людям у двери. Карн, пылающий от гнева и возмущения, вышел в бокс и сел на стул. Сотник захлопнул дверь, направил станнер прямо на бокс, набрал код «уничтожить» и выстрелил в Карна. Стенка бокса загорелась бледно-розовым, но Карн ничего не почувство-

вал. Он улыбнулся кончиками губ сотнику, который ответил ему тоже улыбкой, помахал на прощанье и ушел, оставив двоих конвоиров. Они отгородили собой бокс от двери. Карн слышал звяканье их экипировки так же отчетливо, как если бы был снаружи рядом с ними.

Это было любезно с его стороны, отметил про себя Карн, неохотно выдающий авансы человеку, сию минуту отвечавшему за его арест и заключение. Затем он посмотрел на свой хронометр. Время заседания наступило, а Председателя еще не было, и несколько скамеек за столами Девяти пустовали без важных особ. Бормотанье в палате касалось именно этого, как будто каждый спрашивал соседа: «Что случилось? Совет всегда начинается вовремя». Карн погрузился в состояние, недостижимое для боли, чтобы унять внутреннюю дрожь. Успокоенный, он с безразличием разглядывал цвета и союзников в палате.

Прошло полчаса, и спокойствие Карна, наступившее после любезности сотника, стало покидать его. Он услышал возбужденное волнение за спиной и обернулся. Карн видел, как головы людей поворачивались, как трава на ветру, и удивленные члены Семьи смотрели на Ричарда Харлана, перешагивающего ряды вниз к столу Халарека. Карн вскочил и в момент оказался у двери. Двое конвойных сомкнулись перед дверью, лицом к Ричарду, закрывая выход из бокса.

Герцог Харлан остановился у кресла, где сидела Ларга, опустился на одно колено и поднял ее руку к своему лбу в ритуальном жесте глубокого почтения. Ларга выдернула свою руку. Ричард засмеялся и встал.

— Не гневайтесь, миледи. Когда сегодня собрание закончится и решения будут утверждены, наши Дома уже никогда не будут враждовать. Феод закончится. Я думаю, это понравится вам и леди Катрин. Пожалуйста, передайте ей мое восхищение и надежду на то, что скоро смогу сам говорить с ней.

Ларга побледнела от скрытого смысла его слов. Карн сжал кулаки и разъярился от невозможности выбраться из этой клетки и сомкнуть руки на холеной шее Ричарда. Он увидел Ника, пунцового и неподвижного. Рука Барона сдерживала его. Ричард смеялся устроенному представлению, поклонился с отточенной грацией миледи, бросил торжествующий взгляд на Карна, взглянул лукаво на Ника и прошел через центр палаты к столу Харлана. Ларга Алиша повернулась к Карну, руки ее вздрагивали, лицо оставалось бледным, губы она прикусила, сдерживая слезы.

— Никогда,— шепнула она,— никогда я не позволю ему получить Катрин.

— Не позволяйте ему любоваться произведенным эффектом, матушка,— сказал Карн очень спокойно.— Мы доставим этому ублюдку слишком большое удовольствие.

В этот момент со звуком труб вошел маркиз Гормсби с по-

четным караулом из солдат Совета. Это была краткая часть церемонии Введения. Солдаты прошли с ним к столу Председателя, вручили молоток и ушли к ряду Свободных, заняв пост у дверей. Новый Председатель был введен в должность. Он попросил внимания.

— Пожалуйста, будьте у своих Домов.

— Мир вашим Домам.

— Совет Старкера IV сейчас на сессии. Я прошу прощения за позднее начало, но было одно непредвиденное обстоятельство по докладу Гильдии. Гильдия настаивает на том, чтобы он был доставлен в Совет персонально официальными представителями Гильдии. Вещь невиданная, не входящая в установленный порядок.— Гормсби прокашлялся, глотнул воды из стакана и продолжал: — У нас есть еще несколько важных дел, которые необходимо закончить сегодня. Первое дело для рассмотрения — дело Харлана об опеке. По приказу последнего Совета опекунство длится до доклада Гильдии о случае Альдефара или до Совета в Оттепель, на ваше усмотрение, лорды и Свободные.

— Харим Гашен, свободный город Ниран. Мы, Свободные, верим, что доклад Гильдии важен для правильного решения. Поэтому мы, группой, голосуем за продолжение опеки Холдинга Харлана до тех пор, пока услышим Гильдию.

— Кто против среди Свободных? Тогда запишите каждого, проголосовавшего за опекунство Кингсленда. Кто-нибудь еще хочет взять слово по этому пункту?

Встал молодой лорд Дома Коорт.

— Арлен Коорт. Поскольку разница во времени не больше часа или двух, я голосую от своего Дома за ожидание.

Гул одобрения поддержал его речь. Карн почувствовал небольшое облегчение. В конце концов его Дом и Дом Шусса не были в одиночестве. Герцог Друма встал в ожидании тишины. «Мой собственный вассал из Девяти,— думал Карн,— и человек, которого я считал меньше всего способным принимать чью-либо сторону сегодня». Председатель кивнул.

— Пауль III Друма. Милорды, я не знаю, что может сделать Гильдия. Это дело суверенитета. Старкер принадлежит Федерации. Выводы Гильдии не могут касаться наших решений, так как Гильдия — интергалактическая торговая монополия, а не юридическая, и не политическая организация. И если мы судим одну из наших Семей по решениям этой торговой группы, мы уступаем часть нашей независимости, суверенитета, который мы тщательно защищаем от всех посягательств вот уже пятьдесят поколений. Мы отдаем его в руки торговцев и...

— Садитесь! Садитесь!— послышалось с последних рядов Джастина. Граф Джастин уставился на юношу, затем повернулся к центру палаты.

— Вы выступаете против ожидания, милорд?— Председатель вежливо ждал ответа. Герцог Друма был не в состоянии отвечать,

он полыхал от гнева. Он промокнул свое сероватое лицо огромным носовым платком, кивнул, покачал головой и сел.

— С такими речами лорда Друма враги не нужны,— взбешенно бросила Ларга.

— Ш-ш-ш,— зашипели соседи.

Ларга поднялась с большим достоинством.

— Алиша Халарек, регент в Халареке. Решение об опеке должно включать осаду, начатую три дня назад Харланом и его опекунами.

Ее фраза породила взрыв удивления среди тех, кто не знал о случившемся. Председатель стукнул по столу молотком.

— Женщинам не дано слова здесь, миледи. Ричард Харлан уже стоит.

— Ричард не может говорить от Харлана сейчас, а я регент моего Дома,— протестовала Алиша.

— Это несчастье для вашего Дома, миледи, так как это значит, что ваш Дом лишен права голоса здесь. Я признаю Харлана.

Карн вскочил со стула.

— Я Лхарр в Халареке. Если Ларга не может говорить, то я имею на это право.

Члены Совета переговаривались возмущенно. Гормсби не обращал на них внимания, и Ричард Харлан начал говорить, не дожидаясь, когда наступит тишина. Карн не мог его расслышать.

— Дома решают мое положение, существует несколько обстоятельств, которые они должны рассмотреть. Самое важное — это продолжающееся унижение быть подчиненным, как младший лорд.— Ричард помолчал достаточно долго, чтобы взглядом остановиться на Карне.— И это смущает мой Дом — наказание на такой долгий срок как одна зима за столь незначительный проступок.

— Незначительный проступок!— лорд Дома Макнис заорал, вскакивая.— Вы начали рано осаду. Вы осадили без объявления. Закон сорока дней единственно охраняет малые Дома как мой от посягательств среди Девяти!

— Слово брал я, Ван,— Ричард мягко перебил.— Ты будешь говорить в свою очередь.— Ричард обернулся к Председателю.— Как я сказал, такой приговор унижает мой Дом, и это снижает доверие вассалов ко мне. К этому позорному приговору Совет прибавил бесчестие подчинения моему опекуну и отвод моих войск с места законной осады.

— Законность осады сомнительна, лорд Ричард,— вставил Гормсби.

Ричард поклонился, показывая, что он слышал замечание Председателя.

— Я давал требуемые пояснения.— Он повернулся к центру полукруга для Семей.— Я также хочу, чтобы благородные Дома учли, принимая решение, что обвинения моему Дому на последнем Совете от Карна Халарека и его регента вызвали паралич,

умопомрачение и смерть герцога Астена Харлана, моего отца. Мой Дом достаточно страдал, милорды и Свободные, от рук инородцев и их некомпетентности. Дайте мне правление, позвольте вести мой Дом, как хотел того мой отец.— Снова он многозначительно взглянул на Карна, стиснувшего зубы и не ответившего.

— Я долго жил с сознанием, что отец не хотел моей власти, Ричард Харлан,— ответил беззвучно Карн молодому герцогу.— Вы просчитались, надеясь зацепить меня такими замечаниями.

Новый голос вступил в беседу.

— Господин Председатель. Эмиль фон Шусс. Пожалуйста, напомните молодому герцогу, что Девятка воздерживается от оскорблений других глав Семей, даже едва уловимых, на ковре этой палаты.

Эти слова обожгли Харлана. Лицо его побагровело, а губы сжались.

— Считайте, это сделано, барон,— Гормсби смотрел в бумаги на столе, а не на фон Шусса.

Барон остался стоять, но Председатель продолжал делать вид, что не замечает этого. Барон был оскорблен перед целым Советом явно преднамеренно. Обычно требование главы Дома учитывалось с почтением в Совете. Теперь Гормсби даже не удостоил его вниманием.

— Готовы голосовать?— Гормсби оглядел присутствующих.

— Господин Председатель, вы должны удовлетворить мое требование.— Барон фон Шусс сдерживался от ярости с трудом.

— Я сказал, можно считать дело сделанным, милорд. Если нет других возражений, мы начнем голосование по опеке Дома Харлана.

— Милорд Председатель!— выкрик шел из сектора Свободных.— Я против такой поспешности. Гильдия скоро принесет нам...

— Фрем Рид, вы не назвали себя, как полагается. Управляющие имениями, ваши бюллетени.

Гневный шепот, шелест бумаги, покашливания и сморканье последовали за словами Председателя. Он казался растерянным и смотрел на Гаррена, нового Лхарра в Доме Одоннел, тот пожал плечами. До того, как Гормсби смог объявить, что бюллетени распределены, палата загудела от тяжелых ударов в главную дверь. Люди с последних скамей фон Шусса и де Ври прокладывали себе дорогу через толпу, загородившую круговой ряд сзади, и без лишних церемоний распахнули дверь. Все, кто обернулся, увидели необычное зрелище. Солдаты в красной форме Совета выталкивали делегацию Первых Купцов из палаты.

— Милорд Гормсби, что это значит?— воскликнул граф Джастин.— Эй, объясните!

Возмущенные голоса потрясли галерею. Барон фон Шусс поднялся, обычно светлое его лицо полыхало от гнева. Другие главы

Домов встали, призывая к вниманию. Глаза Гормсби бегали. Он облизнул губы кончиком языка.

— Почему, милорды, почему, я не имею понятия, что происходит. Верните этих людей, лорд Эмиль.

Фон Шусс и де Ври проводили взъерошенных офицеров в центр палаты. Лорды отошли к своим столам. Первые Купцы одергивали свою униформу, приводя ее в порядок быстрыми, короткими движениями.

Наступила такая глубокая тишина, что был слышен тихий шорох рук по ткани. Светловолосый Терран в центре группы стал лицом к полукругу Девяти.

— Милорды Девяти Семей, я, Джон Гонт, из центра Гильдии, говорю вам, что нигде со мной не обращались так мерзко за всю мою карьеру. Я имел дело с варварами Джорена и каннибалами Сабо! Если бы дело у вас не было так важно, я бы увел делегацию в порт и рекомендовал бы, чтобы Старкер IV на неопределенное время был бы выведен за границы союза Гильдии.

Лорды и Свободные застыли от мысли о таком бедствии. Гонт продолжал голосом, дрожащим от гнева.

— Гильдия провела месяцы и истратила бессчетное число декакредитов для расследования убийств и попыток убийств на «Альдефаре». Мы захватили против их желания и с большими издержками для репутации Гильдии в их мирах три чувствующих существа, еще живущие, иначе, банду, участвующую в атаках. Нам необходимы их показания в расследовании и на суде. Суд завершен. Я приду к решению в тот момент, как закончу читать выводы расследования.

Гормсби явно связан с Харланом, он избегал и пренебрегал правилами этикета и правилами Совета, очевидна его открытая нелюбовь к Халареку. Карн вдруг не поверил, что Гормсби поможет Иджилу, потому что Иджил — друг Халарека. Может быть, Иджил уже где-нибудь в заложниках, ждет, когда его обменяют. Карн толчком открыл дверь бокса, отпихнул солдат Совета и нескольких кузенов Халарека, которые попытались остановить его, и оказался рядом с Гонтом. Он схватил Гонта за руку. Гильдия единственная могла спасти Иджила сейчас.

— Господин, я перебиваю вас во имя жизни человека. Ему нужна медицинская помощь, и срочно. Он...

Гонт взглянул на Карна, оглядел его холодно.

— А вы кто?

— Карн Халарек, господин. Пожалуйста, пошлите людей за Иджилом Олафсоном прежде, чем закончите доклад. Возможно, ваш корабельный врач спасет ему жизнь.

— Олафсон заявлял, что он брат Халарека,— усмехнулся Гаррен Одоннел, достаточно громко, чтобы Гонт расслышал.

Мысли роем пронеслись и отразились на лице Гонта.

— Если он ваш брат, то мы ничем помочь не можем. Семьям

было сказано, что Гильдия больше не берет пассажиров со Старкера IV.

Карн проявлял упорство.

— Мои враги причиняют мне боль, мучая друга, господин.— Он говорил спокойно и сдержанно, хотя внутри его трясло от слов Одоннела.— Вот почему я перебиваю вас. Иджил — гражданин Болдера. Его отец — Оудин Олафсон, который...

Лицо Гонта осветилось воспоминанием. Он обернулся быстро к одному из компаньонов и заговорил с ним на языке, которого Карн не понимал. Компаньон выбежал, и Гонт повернулся к Карну.

— Первый Купец Роноук подготовит нам челнок. Вашего друга возьмут на корабль в тот момент, когда ваш Совет вернет его нам.

Карн низко поклонился.

— Я всегда буду вам благодарен, господин. Иджил Олафсон мне ближе родственника.

— Как мы узнаем, что Председатель вернет нам именно его, молодой человек?

Карн ощутил радость впервые за долгие недели.

— Он — портрет своего отца, господин.

Гонт улыбнулся в ответ, затем обернулся к Председателю Гормсби.

— Мы доставим молодого человека к нам немедленно.— Гормсби стиснул губы и взглянул на Одоннела и Харлана. Гаррен Одоннел стучал стилосом по крышке стола. Харлан смотрел в потолок.— Мы, Гхарры, всегда были почтительны с Гильдией, господин.

Гонт посмотрел на маркиза с недоверием и демонстративно отвернулся. Гормсби покраснел и стиснул губы сильнее. Гонт говорил Совету, а не Председателю.

— Вы будете сожалеть об этом годы, если немедленно не выдадите этого человека, Совет Старкера IV. Он из большой торговой семьи и могущественной ветви Гильдии.

Гормсби прокашлялся и углубился в бумаги на столе, послал за врачом Совета, опять уткнулся в бумаги.

— Медкоманду послали за ним сегодня утром, но мы не... мы не нашли его, господин.

Карн застыл в неподвижности. Гонт медленно повернулся, глаза и лицо его не предвещали ничего хорошего.

— А кто же знает, где он?— спросил он угрожающе.

Гормсби копался в бумагах, словно ответ был в них.

— Спасательная команда, э-э, нашла патрульный барак разграбленным, пустым, господин. Там не было ни пищи, ни медикаментов, ни одежды и одеял, и не было Иджила Олафсона. Похоже, его забрали Бегуны, господин.

«Нет, Иджил!— Шок и невыносимая тоска овладели Карном.— Иджил! Все мои братья, а теперь и Иджил!» — Карн глу-

боко вздохнул, сдерживаясь. Он призвал все умение, данное Академией, сконцентрировался и отодвинул тоску с трудом. Если он пройдет через все это, он будет поступать не так, как поступал раньше. Он будет оплакивать Иджила позже. Никто не возвращался от Бегунов. Как будто издалека он слышал Гонта.

— Палата собрала данные за этот долгий период времени, и, с помощью лабораторий Патруля, Палата и Патруль пришли к следующим выводам:

Первое. Различные взрывы, стрельба, газовые атаки и случаи отравлений на «Альдефаре» и в порту Орбитали Болдера были на самом деле, попытки покушения на жизнь Карна Халарека, присутствующего здесь.

Второе. Эти разбойные действия осуществлялись по плану и целенаправленно, не случайно.

Третье. Единственная личная выгода от смерти названного Карна Халарека достается тому, кто претендует на Дом жертвы. Таким образом, никто из пассажиров или команды не имеет личных мотивов.

Четвертое. Никто из пассажиров не мог быть вовлечен в покушения по различным причинам, называть которые здесь я не буду.

Гонт подошел к столу Председателя, сделал глоток из стакана с водой. Некоторые из юных членов Совета хихикнули. Гонт вернулся на место и продолжал:

— Существуют еще выводы, милорды.

Пятое. Хотя никто из команды не имел личной выгоды, кто-либо мог иметь материальные мотивы для убийства или помощи в убийстве Халарека. Проверка финансовых записей помогла определить этого человека. Капитан Алонсо Телек.

Шестое. Палата имеет доказательство, что Телек действовал по поручению и за оплату Астена Харлана, сейчас умершего. Как результат расследования, Капитан Телек осужден на десять лет тяжелых работ в шахтах Архаша и исключен из межпланетной команды пожизненно.

Последнее. Я передал Фрему Гашену из Нирана фото чеков Палаты от Астена Харлана Алонсо Телеку за груз. Такой груз никогда не появлялся на кораблях Палаты и никогда не проходил через таможню указанных в чеках портов. С этим поступайте по своему усмотрению.— Гонт подошел к Фрему Гашену и положил какие-то бумаги на стол. Свои бумаги он свернул с хрустом. Он посмотрел на Свободных и младшие Дома.— Лорды и Свободные Гхарра, Палата действовала в рамках законов чести и права. Я также оставляю Фрему Гашену, как информацию, а не как вмешательство в политику Гхарра, снимки со спутника Гильдии самолетов Харлана, сделанные 20 и 21 числа.

Крик возмущения и гнева прокатился лавиной. Гонт и его делегация тихо вышли раньше, чем шум смолк. Карн шагнул

в центр открытого пространства перед столом Председателя. Он поднял руки, призывая к тишине. Гул продолжался.

— Лорды и Свободные! Лорды и Свободные!

Медленно, начиная с Дома Халарека и разливаясь по его приверженцам и младшим Домам, наступала тишина. Карн не повернулся к Председателю, как предписывает этикет, а говорил прямо младшим Домам и полукругу Семей.

— Милорды, Гильдия представила факты. Доказательства на «Альдефаре», если кто-то хочет проверить их, но Палата всегда была честной. Разве кто-нибудь сомневается в словах и честности Гильдии?

Никто не ответил. Никто не отважился. Гильдия была единственной коммерческой связью Старкера IV с остальной вселенной.

Карн ждал достаточно долго, затем продолжил:

— Я говорю, принимая доклад Гильдии и осуждение Патруля капитана Телека, как достаточное основание для продолжения опеки Харлана, однозначно. Если доклад Гильдии недостаточен, там,— он указал на стол Гашена,— фото, подтверждающие мое обвинение убийцам Харлана, напавшим на меня в Цинне.

Ричард Харлан стукнул по столу ладонью, так, что звук испугал всех. Он вскочил.

— Атака в Цинне была действием моего отца. Что мне с этим делать? Ничего! Совсем ничего! Я не хочу слушать врага моего рода, замышляющего его разрушение!

Карн дрожащим пальцем указал на Харлана.

— Вы начали осаду слишком рано.

Ричард холодно взглянул на Карна.

— Я давал объяснения, требуемые законом.

Карн рассмеялся леденящим смехом.

— Это вы сделали. Вся планета слышала. Только мой Дом услышал ваши опускающиеся транспорты на три дня раньше.

— Лжете! — Ричард Харлан опирался на стол, лицо его покраснело от напряжения.

— Я говорю правду! — Карн отвернулся от Харлана и пробежал глазами по лицам лордов Девяти.— Я имею снимки Гильдии, подтверждающие, что я говорю. Может быть, сейчас Совет поверит тому, что я говорил на собрании в Морозы: Харлан осадил мой Дом незаконно, затем атаковал меня и мой эскорт в Цинне; Ричард из Харлана сам был там. Дом Харлана считает себя выше законов. Теперь голосуйте!

Гормсби стукнул молотком.

— Я здесь отвечаю. Я скажу, когда нам голосовать!

— Голосуем! Голосуем! — множество голосов раздалось от младших Домов.

— Я давал объяснения по закону. Дайте мне мое законное наследие! — Ричард Харлан перекрикивал шум.

— Вы не дали честно время нейтралам покинуть место сражения! — крикнул кто-то из Дома де Ври.

— Вы нарушили закон. Вы начали осаду рано,— кричали люди из сектора Свободных.

— Свободные, не вмешивайтесь в дела Семей! — заорал Ричард Харлан.

Харим Гашен стоял перед переговорным устройством Свободных, размахивая снимками Палаты.

— Снятие осады, нарушение закона Совета в делах Свободных — это дело всего мира.

— Порядок! Порядок! — кричал Гормсби тщетно.

Карн вскочил на стол Халарека.

— Девять имеют свои права,— его голос перекрывал остальные.— Наши Законы жесткие, но мы всегда их соблюдали. Теперь один из Девяти хочет освобождения от них.

— Эй! — возглас прозвучал низким раскатом одобрения из разных частей палаты.

Карн чувствовал, что победа в руках. Совет склонился на его сторону наконец-то. Тут встал Гаррен Одоннел и взглянул на Карна.

— Лорды и Свободные, Карн Халарек не достиг возраста и не имеет права говорить в Совете. Господин Председатель, я прошу удалить его из помещения.

— Халарек остается голосовать! — сказал граф Джастин.— До майората ему осталось восемнадцать дней, и он отлично говорил.

Очередной рев толпы поднялся над скамьями. Гормсби опять призывал к порядку.

— Мы ставим на голосование право Карна Халарека.

Волна гнева и недоверия заглушила конец его фразы. Четверо из младших Домов встали. Свободные собрались в группы в своем секторе палаты, размахивая кулаками и бумагами.

Голос Ларги Алиши, высокий и чистый, прорвался сквозь шум.

— У нас есть право на слово, господин Председатель, право опекунства Харлана.— Необычность высокого женского голоса в Совете заставила всех замолчать.

Карн спрыгнул со стола и встал рядом со столом Председателя. Он говорил громко, и все его слышали.

— Я беру слово, милорд, и требую, чтоб меня выслушали. Дом Харлана нарушил закон феода, атаковав меня вне мира, пытаясь совершить убийство нелегальной осадой, начав ее раньше. Если Совет даст Харлану освобождение от наших законов, избавляя от опеки, никто не будет в безопасности.

— Освобождение! — огрызнулся Харлан.— Я «освобожу» тебя, Халарек!

Он выхватил нож. Карн смотрел, остолбенев, как нож покидает руку Харлана и летит в него. Он стоял онемевший, будто он, нож и зал были в ночном кошмаре. Смерть. В палате Совета. От незаконного оружия. Он хотел двинуться, но силы, казалось, оставили его. Кто-то толкнул его сзади, нож пролетел над плечом, он отклонился наконец-то и услышал, как нож воткнулся во что-то мягкое. Приглушенный вздох за ударом. Рука, толкнувшая его, соскользнула по спине, и правая рука схватилась за ремень, но упала. Карн обернулся и увидел, как Ларга оседала на пол с кинжалом в груди. Он наклонился быстро. Она не дышала. Солдаты Совета обступили его. Врач Совета сбежал вниз по рядам, пощупал пульс, осторожно вынул нож, массировал ей сердце. Он взглянул на Карна.

— Она мертва, милорд,— сказал он мягко, извиняясь.— Я ничем не могу помочь.

Карн видел палату в красном тумане. Он видел Ричарда, боровшегося с тремя людьми его Семьи, которые пытались вырвать незаконный станнер у него из рук.

Борьба казалась острее своей беззвучностью.

Ушел Иджил, Джерем, Лиам и Керэл, теперь и Ларга, все из-за Харлана. Карн встал, расстегнул ремень, растолкал солдат Совета, окружавших его, и схватил Ричарда Харлана за горло. Руки кружились над ним, пальцы хватали его за руки и за корпус, пытаясь его оторвать. Он чувствовал только свои руки, сжимающиеся туже и туже, дрожащие от напряжения. Он тряхнул Ричарда, посмотрел пристально на его лицо с выпятившимися глазами, открытым ртом. Наконец-то людям удалось оттащить его в сторону и держать за руки, но он вырывался. Даже когда его опустили на скамью, четверым приходилось его держать.

«Он убил ее! Он убил ее!» — Единственной мыслью Карна было наказание Ричарда за все смерти, за все разом.

Его ярость и боль отозвалась криками членов Совета: «Схватить убийцу! Эй, схватить Харлана!»

Маркиз Гормсби собрал солдат Одоннела у своего стола. Крики нарастали при виде явного нарушения солдатами Семей правил Совета. Гормсби заговорил, и крики стихли, чтобы слышать.

— Повторите, маркиз! Мы из Дома Джастина не слышали вас! — выкрикнул юноша у стола Дома.

Кто-то из Дома Коннора прокричал:

— Эй! Мы все хотим слышать, что вы приказываете частной армии!

— Повторите! — потребовал граф де Ври.

Гормсби говорил с преувеличенной осторожностью.

— Я сказал: «Уведите Халарека и держите его под арестом, пока сессия не закончится».— Его ответ был встречен колкостями и криками возмущения.— Я прошу вас исполнить!

— Не людям Одоннела, милорд. Люди Совета или никто.
— Одоннел ненавидит Халарека. Люди Совета!
— Люди Совета! Люди Совета!
— Уведите его! — заревел Гормсби.

Солдаты Одоннела двинулись к Халареку, но люди Джастина и Халарека бросились между ними и юным Лхарром.

— Халарек останется, — граф Джастин сказал твердо.

— Голосуем с Халареком или ни один не будет в безопасности, — выкрикивал кто-то с последней скамьи Друма.

Кто-то из членов Совета кричал в защиту этого, кто-то схватился за ножи и другое оружие. Гормсби стукнул молотком, призывая к спокойствию, позвал еще солдат, приказал защитникам Карна не сопротивляться. Три отряда солдат в красном шли по боковому ряду с Харимом Гашеном во главе. Один отряд окружил людей Одоннела рядом с Карном. Гашен выхватил молоток из рук Гормсби и бесцеремонно выпихнул Председателя из кресла. Палата замолкла в шоке. Гашен опустил молоток громко.

— Девять Семей никогда больше не будут вести этот Совет. Пока вы использовали закон и справедливость для нужд вашего клана, мы, Свободные и младшие Дома, голосовали и отклонили право Девяти на председательство.

— Измена! — крикнул кто-то из Дома Кингсленд.

— Нет, милорд! — Гашен нетерпеливо мотнул головой. — Справедливость для большинства не измена. Вы из Девяти видели, как совершалось убийство и пытались удалить жертву вместо преступника. Молодой Лхарр Халарек говорил правду сегодня, как и на прошлом Совете. Ни один из вас не помог ему защитить наш мир от этих волков. Кое-кто усмехался. Кое-кто пытался утихомирить его. — Гашен бросил длинные листы бюллетеней на пол перед столом Председателя. — Это бюллетени нашего единодушного голосования. Мы из свободных городов и младших Домов — две трети Совета, милорды, мы голосуем за юного лорда. Опека продолжается. — Гашен оглядел палату. — Но есть еще кое-что, милорды. Девять из Дома в Совете имеют власть только над Девятью Семьями и их делами, быстрыми изменами и убийствами. Мы, Свободные, получаем постоянное руководство здесь, Совете Мира. Смотрите, что вы совершили.

Среди Свободных началось оживление и шепот. Встал Рид.

— Дейвин Рид, свободный город Лок. Ричард Харлан обвиняется в убийстве. Мы видели все.

Гашен обернулся к Ричарду.

— Ричард, сын Дома Харлана, приговор за убийство — восемь лет. Поскольку вы глава Дома, вы будете отбывать наказание не в Цинне: вы будете девять лет в одиночном заключении в Одиноком Доме в Бревене. Контроль за делами Дома Харлана с этого времени до возвращения в руках вассалов. Этот приговор

вынесен тоже двумя третями голосов.— Гашен смотрел на столы.— Хотите проверить, милорды?

Барон фон Шусс заговорил в тишине.

— Я, Эмиль фон Шусс, говорю, что мы не будем проверять это. Кто согласен, говорите.

Было шесть «за». Гашен кивнул.

— Так и будет записано. Солдаты Совета, проводите Харлана в Бревен.

Когда солдаты Совета коснулись Ричарда, его лицо свело от ярости, и он стал отталкивать их и бить ногами. Карн отвернулся от такого проявления пренебрежения к обычаям Семей.

— Оставьте меня,— сказал он людям, до сих пор державшим его за руки и за плечи.— Я не наделаю глупостей.

Когда его отпустили, Карн поднялся лицом к Председателю.

— Фрем Гашен,— Карн остановился, сглотнул комок, сдавивший горло.— Фрем Гашен, я прошу назначить меня теперь главой Дома. Без регента и лорда множество бед может обрушиться на Дом Халарека между этим и следующим Советом. Дому нужен лорд, Свободный.— Карн выдержал взгляд нового Председателя.

Гашен кивнул.

— Хорошо сказано, юный сэр.— Гашен обвел взглядом палату.— Что скажет Совет?

— Он не достиг возраста,— спорил Кингсленд.

— Совсем скоро,— возразил лорд Коннор.

Многие пробормотали и прокричали согласие.

Гашен ударил молотком.

— Порядок!— приказал он.

Гаррен Одоннел посмотрел на Председателя и отвернулся лицом к Девяти. Он рассмеялся.

— Милорды Девяти, что может случиться до середины лета?

Гашен встал, глядя на Одоннела грозно, затем повернулся к Свободным.

— Ташек, свободный город Йорк. Девять не контролируют Совет, и Свободные не пренебрегают, как Девять, такими проявлениями мужества. Халарек должен быть назначен сейчас. Его регент мертв, а он показал себя сегодня. Его нападение на Харлана, почти необъяснимое, можно простить. Я посылаю Совету свое согласие с требованием Карна Халарека.

Было несколько более суровых реплик от консервативных Домов, но одобрили единодушно.

Карн склонился на миг в безмолвной благодарности Всевышнему, затем опустился к телу матушки. Где-то далеко в мозгу он слышал шум, с которым выводили из Совета Харлана. Но это было неважно рядом с ней, холодной и далекой. Он нежно закрыл ей глаза и сложил ее ладони на груди.

— Я буду править, матушка,— сказал он ей.— Наш Дом займет свое место и станет могущественным. У нас есть опора теперь, и у нас есть время.

Он встал, отступил на шаг, потрясенный вдруг теплой кровью, капающей с его правой руки. Он позвал двоих кузенов.

— Отнесите ее в ее флиттер. Судьба Дома решилась здесь, сейчас.

КНИГА ИДЖИЛА

На планете льда
они сражались
огнем против огня

Жизнь его брата по крови

Карн слишком поздно услышал крик Иджила, предупреждающий об опасности. С низкого утеса прямо на них спрыгнули два солдата. Карн был гораздо легче своего противника, кроме того, он ослабел от потери крови. К тому же он не владел, как Иджил, навыками рукопашного боя. Иджил быстро справился со своим противником и с облегчением увидел, как солдат, который напал на Иджила, рухнул на землю и в изумлении пытался засунуть обратно выпавшие внутренности.
Однако сам Карн прислонился к отвесной скале, раненный в живот. Темная кровь текла из ран на груди и плече. Иджил бросился к радиопередатчику, чтобы вызвать помощь. Его самый близкий друг умирал от потери крови.

Пролог

Круглая палата Мирового Совета планеты Старкер IV изобиловала всевозможными яркими цветами. Жители свободного города, одетые в блестящие рубашки и чулки; люди из благородных Домов, облаченные в наряды из богатой материи, украшенные сверкающими драгоценностями, охранники Совета в красной униформе. Все оживленно разговаривали, смеялись, вспоминали старых друзей и старых врагов после вынужденного зимнего заточения. Возбуждение от Оттепели и смутные опасения носились в воздухе. После Совета Заморозков все с нетерпением ждали результатов расследования покушений на жизнь Карна Халарека — в доме Халареков и на борту «Альдефары»,— проведенного Патрульной службой. Все знали также, что корабль только несколько дней назад покинул орбиту вокруг Старкера IV. Это означало, что судебное разбирательство уже закончено; всем гражданам Федерации, имеющим отношение к этому делу, выдали на руки принятое постановление; вынесены заключения, касающиеся жителей Старкера IV, и скоро представители Гильдии сообщат Совету о своих решениях.

Напряжение постепенно нарастало, достигнув сейчас своей высшей точки. Необходимость провести судебное разбирательство вынудила Гильдию оставить «Альдефару» на орбите Старкера IV с ухла по вердейн, что составляло более полугода по старкеровскому времени. Корабль бесцельно двигался по орбите, его экипаж получал жалованье за выполнение своих нелегких обязанностей (приземлиться и выйти из корабля можно было только в Порту Гильдии), пассажиров также не выпускали из корабля, и их очень угнетало длительное заключение. Все это было необходимо, чтобы привезти с другого конца галактики судей, равных капитану по положению, которые должны были войти в состав жюри. Гильдия несла большие траты, чем, естественно, была очень недовольна. Более того, кто-то нарушил священный нейтралитет Гильдии, принеся вражду на борт ее корабля. Никогда раньше никто не осмеливался сделать такое. Но сейчас это произошло, и при попытке убить Карна Халарека погибли три пассажира. Многие здесь присутствующие были уверены в том, что за этими

попытками стоял Дом Харланов. Если так оно и было, то Харланы поставили под угрозу связь Старкера IV с другими мирами.

Карн Халарек, заключенный под стражу старым Председателем Совета в целях своей же собственной безопасности, сидел за прозрачной перегородкой. Карн провел рукой по волосам и, прикусив нижнюю губу, посмотрел на приготовленные для членов Девяти Семей и поставленные полукругом столы. Взгляд его необыкновенных золотых глаз остановился на пустом кресле, кресле за столом Харланов, где скоро будет сидеть Ричард.

Рядом со столами Дома Харланов был узкий проход. По другую сторону этого прохода занимали свои места Свободные. А за широким проходом, слева от Халарека, ряды, принадлежавшие представителям малых Домов, были уже почти заполнены. Звуки горнов и лязганье ударявшихся друг о друга мечей и копий, участвовавших в этой церемонии солдат, возвестили о прибытии нового Председателя Совета. Главные двери палаты открылись, и маркиз Гормсби, важно промаршировав к председательскому столу, уселся в центре зала.

Глаза Карна Халарека сузились. Два года уже во главе Совета находился союзник Харлана. Карн обвел взглядом ряды ярко одетых Свободных граждан. «Они никогда не станут вмешиваться в то, что считают делами только Домов, а вражда, определенно, постоянное занятие наших Домов»,— думал Карн. Он внутренне собрался. Ему понадобится весь его опыт и умение, чтобы эта взрывоопасная ситуация не переросла снова в военные действия. Карна снова охватила волна ярости к своему отцу. Трев Халарек был настолько уверен, что хотя бы один из его сыновей, кроме Карна, останется в живых, что отправил Карна на Альтаир. Однако Трев и Джерем, и Керэл, и Лиам умерли год назад, и Дом Халареков полностью зависел теперь от способностей и умения Карна управлять им. Если он не уйдет с этого собрания главой Дома, то Дом Халареков останется без руководителя и выродится, оказавшись под контролем Ричарда Харлана, как это произошло с Советом. Он станет одним из малых владений для Девяти Семей и попадет в вассальную зависимость от этих Домов.

Ричард Харлан решительно прошел к своему месту в центре стола, не глядя на поднимавшихся с задних скамеек, стоявших в проходе и машущих руками людей, старавшихся привлечь его внимание. Ричард поставил кончики пальцев на полированную поверхность стола и оперся на них. Взгляд, который он послал Карну, вызвал гул возмущения среди сидевших на скамьях Халареков.

Ларга Алиша Халарек встала со своего места, чтобы начать говорить. Карн почувствовал восхищение перед ее мужеством: Ларга решилась говорить на Совете, хорошо зная, насколько сильны их враги и как мало шансов у женщины, даже являющейся регентом в своем доме, быть здесь услышанной. Карн подавил

в себе новый приступ ярости. Он должен встать за Ларгой, чтобы поддержать ее!

— Алиша Халарек, Ларга, регент Дома Халареков,— представилась она, как того требовали правила.— Так как новый Председатель,— она резко кивнула в его сторону,— решил, что вопрос об опеке Харланов важнее, чем отчет Гильдии, в котором, возможно, Дом Харланов уличен в измене, Совет должен знать следующее: Дом Харланов и его опекун начали осаду нашего замка на три дня раньше положенного по закону срока.

Со всех сторон послышались возгласы изумления, так как не всем еще было известно о случившемся.

— Их корабли...

Председатель постучал своим молотком по столу.

— Женщинам не принято здесь выступать, миледи. Кроме того, Ричард Харлан уже встал.

— Только потому, что он еще не сел, милорд,— огрызнулась Ларга.— Во всяком случае, Ричард сейчас не имеет права говорить за свой Дом. Кингсленд, опекун Харлана, говорит за него.

— К сожалению, миледи,— ровным голосом произнес Председатель,— от вашего Дома здесь нет мужчины-представителя, а значит, ваш Дом не имеет здесь официального голоса.

— Совет утвердил решение Трева о назначении меня регентом.

Гормсби кивнул и неприязненно улыбнулся.

— Это так, миледи. Я предоставляю слово Харлану.

Карн вскочил на ноги. Он готов был закричать от обиды и гнева, но вовремя взял себя в руки и сказал ровным голосом:

— Я фактически Лхарр в Доме Халареков, хотя еще не являюсь им по закону. Если Ларга не может здесь говорить, то у меня есть на это право.

— Вы еще не достигли совершеннолетия. Кроме того, я уже предоставил слово Харлану,— произнес Председатель и отвернулся от Халареков.

Члены Совета стали возмущенно перешептываться. Кто-то из малых Домов погрозил Председателю кулаком. Группа Свободных поднялась со своих мест, и, встав позади, в проходе, они начали тихо совещаться.

Ричард заговорил задолго до того, как в зале стихли негодующие возгласы, так что Карн не мог услышать всего, что он сказал.

— ...Самое главное — это унизительное правление через опекуна, как будто я все еще несовершеннолетний,— Ричард пристально посмотрел на Карна.— Это наказание наложено на нас на целую зиму за какой-то незначительный проступок...

— Незначительный проступок! — взревел лорд Макнис, вскочив на ноги.— Вы начали осаду без объявления. Закон о сорока днях — это единственная защита моего маленького Дома и подобных моему Домов от волков, которые есть среди Девяти Семей. Иначе они давно бы сожрали нас!

— Сейчас мне было предоставлено слово,— спокойно возразил Ричард.— Вы будете говорить, когда наступит ваша очередь.

Ричард снова повернулся к Председателю.

— Как я уже говорил, этот приговор — унижение для моего Дома, к тому же вассалы относятся ко мне с меньшим уважением. Кроме того, предыдущий Председатель заставил моего опекуна отвести мои войска от места незаконной осады.

— Незаконность той осады находится под вопросом, лорд Ричард,— вмешался лорд Гормсби, всем своим видом выражая сомнения, имел ли право Макнис прерывать речь Харлана.

Ричард опустил голову и сделал паузу, чтобы все поняли значение услышанных им слов.

— Я сделал требуемое публичное предупреждение.— Он повернулся лицом к стоявшим полукругом столам.— Благородные господа, учтите также, что наказание, наложенное на мой Дом на последнем Совете несовершеннолетним Карном Халареком и его регентом, стало причиной паралича, безумия и смерти благородного Астена Харлана, моего отца. Мой Дом достаточно уже пострадал, уважаемые лорды и Свободные, от руки этого взращенного и обученного инородцами, неправоспособного Карна Халарека. Отдайте мне все бразды правления, позвольте мне управлять своим Домом, так, как этого желал мой отец!

Делая ударение на этих словах, Ричард ударил ладонью по столу.

Все внутри Карна кипело от гнева, но он держал себя в руках.

Все прекрасно понимали, какой скрытый смысл был заложен в последних словах Харлана: ведь Трев Халарек никогда не хотел, чтобы этот его гибкий и стройный третий сын стал во главе Дома Халареков. В свои семнадцать зим Карн не смог привыкнуть к всеобщему презрению, и скорее всего, думал он, никогда не привыкнет.

«Ты недооцениваешь меня, Ричард, если надеешься задеть меня подобными замечаниями. Уж слишком давно и часто я слышу их».

Гормсби потребовал провести голосование, невзирая на протесты некоторых членов Девяти Семей и даже Свободных. Помощники Председателя начали раздавать бюллетени для голосования. Шум в зале усилился: сердитый шепот, шелест перекладываемых с места на место бумаг, покашливание и скрип стульев. Вдруг Палата огласилась яростным стуком в двери. Сидевшие на задних скамейках люди фон Шусса и де Ври ринулись к главному входу, расталкивая запрудившую проходы толпу, и распахнули двери. Все обернулись в их сторону. Солдаты Совета в красной униформе отталкивали делегацию Первых Купцов Гильдии от дверей. Это была ожидаемая всеми делегация от самой могущественной в галактике торговой компании, и солдаты Совета гнали ее прочь.

— Что это значит, лорд Гормсби,— дико закричал граф Джастин.

— Да, объясните нам! — пронесся по залу оглушительный рев сотен голосов.

Барон фон Шусс поднялся со своего места. Его обычно румяное лицо было пунцовым от гнева. Другие главы Домов тоже вскочили со своих мест, и многие из них стали громко кричать, стараясь привлечь к себе внимание. Гормсби взглянул на Ричарда Харлана, но тот отвернулся, затем — на Гаррена Одоннела, нового Лхарра в Доме Одоннелов, он пожал плечами. Гормсби облизал пересохшие губы.

— Но, господа, я... я не понимаю, в чем дело. Впустите этих людей.

В сопровождении фон Шусса и де Ври немало удивленные и обеспокоенные офицеры Гильдии прошли вперед и остановились у стола Председателя, после чего фон Шусс и де Ври снова заняли свои места. Первые Купцы быстрыми и резкими движениями привели свою помятую униформу в порядок. В Палате воцарилась такая тишина, что каждый слышал свое дыхание. Стоявший в центре группы седовласый Терран обернулся к сидящим полукругом членам Девяти Семей.

— Лорды Девяти Семей! Я, Джон Гонт, из Центра Гильдии, говорю вам, что со мной никогда еще так плохо не обращались, хоть я имел дело с варварами Джорена и каннибалами Сабо! Если бы дело, с которым мы пришли к вам, не было таким важным и срочным, я бы не задумываясь вернулся вместе со своей делегацией в Порт Гильдии и затем в Центр Гильдии, где бы порекомендовал на неопределенное время сделать планету Старкер IV закрытой зоной для кораблей Гильдии!

Среди лордов и Свободных послышались возгласы ужаса. А Гонт стал дрожащим от гнева голосом рассказывать, скольких расходов потребовало от Гильдии следствие и судебное разбирательство. Гормсби то и дело бросал взгляды на своих союзников в Совете.

«*Еще два года,*— думал Карн,— *сможет ли мой Дом продержаться еще два года, когда в Совете заправляют наши противники?*» Карн стал размышлять о том, кто станет Председателем через два года. Однако он плохо знал политическую деятельность на своей планете, чтобы суметь предсказать это. Карн снова почувствовал прилив ненависти к своему отцу, к этой его уверенности, что он всегда сможет перехитрить Астена Харлана, как он делал это в течение двадцати лет. Итак, он смог перехитрить Астена, но не Ричарда.

Сегодня существование Дома Халареков было поставлено на карту. Иджил, возможно, был еще жив, и Иджил — сын одного из крупных свободных купцов на Болдере. Несомненно, Гильдия помогла бы Иджилу не попасть в руки Совета. Это совсем не нарушило бы полный нейтралитет Гильдии, разве не так? Иджил

остался там, на краю Цинна, с отмороженными руками, удерживая Бегунов у бухты, чтобы Карн смог выбраться оттуда и рассказать Совету о незаконной осаде. Теперь Карн был арестован, Ричард оставался на свободе и, как заявил Совет, Иджил исчез. Возможно, Иджил еще жив, но Карн был абсолютно уверен, что Гормсби не поможет его найти. Итак, здесь находятся представители Гильдии, и они крайне рассержены, и Совет побоится разозлить их еще больше. А медикам Гильдии, возможно, удалось бы еще спасти руки Иджила.

«Я не знаю, удастся ли мне спасти мой Дом, — думал Карн, — *но я могу попытаться спасти Иджила».*

Эта мысль придала Карну сил. Он толкнул дверь, вырвался из-за своей пластиковой перегородки, растолкал солдат и двоюродных братьев, вскочивших, чтобы остановить его, и ринулся в сторону Джона Гонта. Гонт замолчал и окинул Карна холодным взглядом.

Но Карна не остановил этот устрашающий взгляд. Он приложил руку сначала к голове, потом к сердцу, поприветствовав Гонта уважительным жестом, принятым в Федерации.

— Господин, я прервал вашу речь только ради спасения жизни одного человека. Ему немедленно требуется помощь медиков Гильдии.

Представитель Гильдии оглядел Карна с головы до ног.

— А кто вы?

— Карн Халарек, господин. Прошу вас, прежде чем вы продолжите свою речь, пошлите за моим другом, Иджилом Олафсоном. Он остался на сто пятом пункте, защищая меня от Бегунов. Он сильно отморозил руки, господин. Может быть, вашим медикам удастся спасти их или хотя бы его жизнь.

— Олафсон заявил, что Халарек — его брат, — с усмешкой произнес Гаррен Одоннел.

Представитель Гильдии переменился в лице.

— Раз он ваш брат, то я ничего не смогу для него сделать. Мы уже сообщали в ухле Девяти Семьям, что из-за событий, произошедших на борту «Альдефары», корабли Гильдии не будут больше перевозить пассажиров — членов этих Семей.

Карн резко выпрямился.

— Мои враги постараются причинить мне как можно больше вреда через моего друга, господин, и я подозреваю, что Совет уже взял Иджила под стражу. Я думаю, они послали за ним медицинскую команду сразу... сразу же после моего ареста.

Карн говорил ровным, спокойным голосом, хотя все внутри у него кипело от гнева на Одоннела.

— Находясь здесь, вы сохраняете авторитет Гильдии, господин, а Иджил — гражданин Болдера, сын свободного купца Оудина Олафсона, который...

Лицо Гонта просветлело. Он повернулся и что-то быстро и ти-

хо сказал своему товарищу, который тут же выбежал из палаты. Гонт снова повернулся к Карну.

— Первый Купец Роноук пошел приготовить наш шаттл. Мы возьмем вашего друга на корабль, как только Совет передаст его нам.

Карн низко поклонился.

— Я всегда буду вам благодарен, господин Иджил для меня как брат.

— А как мы узнаем, молодой человек, что Председатель выдал нужного нам человека?

Впервые за последние несколько недель Карн ощутил радость. Он улыбнулся Гонту.

— Он копия своего отца, господин.

Гонт улыбнулся Карну в ответ и обернулся к Председателю Гормсби.

— Вы немедленно освободите этого молодого человека, иначе Гильдия наложит на вас эмбарго.

Гормсби облизал пересохшие губы и взглянул на Одоннела и Харлана. Одоннел машинально рисовал что-то, думая о своем, Харлан смотрел в потолок.

— Мы, Гхарры, всегда честно ведем дела с Гильдией, уважаемый Первый Купец!

Гонт с большим сомнением взглянул на Гормсби и подчеркнуто резко отвернулся от него. Гормсби покраснел и снова облизал губы. Гонт заговорил, обращаясь больше к Совету, чем к Председателю.

— Вы сильно пожалеете, что не освободили немедленно этого молодого человека, Совет Старкера IV! Он родом из семьи крупного купца и могущественного союзника Гильдии.

Гормсби откашлялся и стал вертеть в руках бумаги на своем столе, послал за офицером медицинской службы, посовещался с ним, затем снова стал перекладывать бумаги.

— Мы сразу же послали за ним медицинскую команду, но мы... мы не нашли его, Первый Купец!

Карн сурово посмотрел на Гормсби. Неужели он говорил неправду?

Гонт медленно повернулся.

— Тогда где же он?

Гормсби снова порылся в бумагах.

— Наш спасательный отряд никого не обнаружил на посту 105, Первый Купец! Они тщательно обыскали это место. Пост почти полностью разрушен. Там не осталось ничего: ни медикаментов, ни продовольственных запасов, ни одежды, ни одеял, ни оружия — ничего! Олафсона там тоже не было. Похоже, Первый Купец, Бегуны забрали его с собой.

На мгновение в глазах у Карна потемнело. Иджил погиб. Теперь он никогда больше не увидит Иджила. Никто еще из когда-либо захваченных Бегунами не возвращался. Сердце Карна раз-

рывалось от горя. *«Почему же все, кого я люблю, умирают!? Сначала — Джерем, который должен был стать Лхарром, потом Керэл и Лиам, а теперь Иджил!»*

Карн глубоко, прерывисто вздохнул и постарался взять себя в руки. Он должен заставить себя забыть сейчас о своем горе. Он подумает об Иджиле позже. Карну с огромным трудом удалось овладеть собой. Огромная опасность нависла в этот момент над Иджилом и над Домом Халареков. Харлан не мог не знать о том, как высоко ценил Карн этого огромного блондина с планеты Болдер, и если на самом деле Иджил был захвачен Харланом или его сторонниками в Совете, а не Бегунами...

Гонт тем временем продолжал прерванную речь. Он рассказал об убийствах, совершенных на борту «Альдефары», о приговоре, вынесенном судом, в котором капитан корабля был признан подстрекателем убийств и агентом Астена Харлана. Он был отстранен от командования кораблем и приговорен к десяти годам тяжелых работ на рудниках Архаша. Гонт бросил фотографии, являвшиеся доказательством его вины, на стол Гашена, гражданина свободного города Нирана, затем быстро сложил свои бумаги.

— Лорды и Свободные Гхарры! Гильдия действовала в рамках своих кодексов и уставов. Однако я оставил Фрему Гашену фотографию, сделанную со спутника Гильдии. На этом снимке запечатлены флиттеры Харлана над пустыней Цинн. Снимок сделан между двадцатым и двадцать первым нарна прошлого года. Гильдия оставит его у себя только как информацию для размышлений, а не для вмешательства в Гхаррскую политику.

Гонт и его делегация направились к дверям и покинули здание Совета, звуки их шагов заглушил рев гнева и негодования, затопивший палату.

«По-видимому, кто-то сомневался, что флиттеры Харлана обстреляли мой над пустыней Цинн, — сказал Карн сам себе. — Флиттеры без знаков различия. Групповое убийство. И то и другое — серьезные нарушения закона».

Тем временем в Совете творилось что-то невероятное. Знатные лорды кричали на своих врагов из других семей. Свободные показывали пальцами на лордов и обвиняли их во всех возможных грехах. Люди из малых Домов громко требовали от Председателя дать им слово, причем некоторые из них орали, стоя на своих скамьях. Члены Девяти Семей и малых Домов смешались со Свободными, и все слилось в водовороте красок и звуков.

Председатель Гормсби застучал своим молоточком по столу и закричал:

— Лорды, Свободные, малые Дома, внимание! Успокойтесь, пожалуйста! Прошу тишины, лорды и Свободные!

Никто не обращал на него внимания. Когда шум несколько стих, Карн широким шагом вышел в центр и стал перед креслом Председателя. Он поднял здоровую руку, призывая к тишине. По-

степенно крики смолкли и медленно, начиная с мест, отведенных для Дома Халарека, тишина перетекала к их союзникам и жителям малых Домов. Карн не стал поворачиваться к Председателю, как того требовал обычай, а заговорил, обращаясь к сидевшим полукругом членам Семей и к Свободным, чьи ряды были расположены слева от них.

— Господа, жюри объявило, что покушение на мою жизнь на борту «Альдефары» было делом рук Астена Харлана. Гильдия предоставила нам отчет, а ее ни разу еще мы не могли упрекнуть в нечестности. Я хочу знать, сомневается ли здесь кто-нибудь в словах Гильдии?

Никто не произнес ни слова. Все боялись. Гильдия и так уже была ими недовольна.

Карн подождал несколько мгновений, чтобы значение его слов лучше дошло до всех, а затем продолжил.

— Я предлагаю отчет Гильдии и приговор, вынесенный капитану «Альдефары», считать основанием для того, чтобы продлить на неопределенное время опеку Дома Харлана. Если этого недостаточно, то там,— он указал на стол Гашена,— есть снимки, подтверждающие мое заявление, которое я сделал на Совете во время Заморозков, что убийцы Харлана напали на мой флиттер и сопровождавшие меня флиттеры над пустыней Цинн.

Ричард Харлан стукнул ладонью по столу.

— Это приказал сделать мой отец. Я не могу отвечать за его поступки! Не могу! И я не хочу слушать врага моей Семьи.

Карн показал пальцем на Харлана и, весь дрожа от гнева, произнес:

— *Вы* были там, над пустыней Цинн. И это *вы* начали осаду раньше положенного срока.

— Я сделал предупреждение, как того и требовал закон.

— Да, сделали,— холодно усмехнулся Карн.— Вся планета слышала это. Однако спустя тридцать восемь дней только жители моего Дома слышали шум приземлившихся у замка флайеров Харлана.

— Ты лжешь! — Ричард Харлан облокотился о свой стол, его лицо стало красным от гнева.

— Я говорю правду! — Карн отвернулся от Харлана и по очереди пристально посмотрел на каждого из оставшихся лордов из Девяти Семей.— У меня есть фотографии Гильдии, которые являются доказательством всего, что я говорил, как относительно осады, так и нападения над пустыней Цинн. Дом Харланов ставит себя выше наших законов. Это очень опасно для всех нас, не только для Халареков. Мы должны проголосовать за продолжение опеки!

Гормсби ударил молотком по столу и закричал:

— Я здесь Председатель!

С задних скамей Домов фон Шусса и Джастина раздались свист и насмешливые возгласы:

— Вы, неужели?

— Я сам объявлю о голосовании,— упрямо продолжал Председатель.

— Голосовать! Голосовать немедленно!— послышались крики обитателей малых Домов.

— Я сделал требуемое предупреждение,— перекрывая шум множества голосов, закричал Ричард Харлан.— Верните мне мое законное право!

Неожиданно среди Свободных послышались бурные возгласы протеста.

— А вы не вмешивайтесь в наши дела!— заорал на них Ричард.

— Осада замка, нарушение закона Совета — это и наше дело. Это дело *всей планеты*.— Харим Гашен стоял, размахивая снимками Гильдии.

Карн вскочил на стол.

— Девять Семей должны жить по своим законам,— голос его перекрыл все остальные голоса.— Эти законы несовершенны, но мы должны их соблюдать. Сейчас один из нас требует сделать для себя исключение. Если Совет пойдет на это и откажется от опеки дома Харлана, то никто из нас не будет в безопасности.

— Исключение!— зарычал Харлан.— Я исключу тебя, Халарек.

Неожиданно в руках у Ричарда блеснул нож. Карн молча смотрел на него, не в силах шевельнуться, словно не веря, что в зал заседаний Совета кто-то мог пронести оружие. Через мгновение он понял, что нож летит в его сторону. «Умереть прямо здесь, в палате Совета, не достигнув ни одной из поставленных перед собой целей...»— пронеслось у него в голове. Карн хотел пошевелиться, но, казалось, силы оставили его.

Кто-то толкнул его сбоку, хотя раньше там никого не было. Нож пролетел над ухом Карна и воткнулся во что-то позади него. Раздался короткий вздох и что-то, коснувшись его спины и правой руки, медленно сползло вниз. Оно на мгновение зацепилось за его ремень, а затем упало у его ног. Карн посмотрел вниз.

Поперек стола лежало бездыханное тело Ларги. Из раны, в которой торчал нож, тонкой струйкой текла кровь.

Карн упал на колени и пощупал у нее пульс.

«Он убил ее! Господи! Мама!»

Пульса не было. Офицер медицинской службы нагнулся и, вежливо отстранив его, потрогал у Ларги пульс, вытащил нож, посмотрел на Карна.

— Мне очень жаль, милорд. Она умерла.— Он говорил очень мягко, словно извиняясь.— Я позову людей, чтобы они подготовили ее к отправке домой.

Офицер утешающе положил руку Карну на плечо, затем встал и вышел из зала.

Джерем, Керэл, Лиам, Иджил, теперь Ларга. Все они умерли.

Карн поднял голову. Красный туман стоял у него перед глазами, и только Ричарда он видел отчетливо. Три человека из дома Харлана боролись с ним, стараясь вырвать из его рук станнер. Харлан не раз уже нарушал закон: нападение на другой планете, групповое убийство, незаконная осада. Скорее всего, если Гормсби останется Председателем, он и дальше будет позволять Харлану нарушать закон. Даже после этого.

Карн вскочил на ноги, сорвал ремень и бросился к Харлану. Он растолкал находившихся на его пути солдат, схватил Ричарда за горло и изо всех сил стал душить его. Он тряс Ричарда и душил все сильнее и сильнее, глядя на его выпученные глаза и широко раскрытый рот. В конце концов люди из его семьи с помощью солдат растащили их. Но Карн изо всех сил сопротивлялся им с отчаянием человека, решившего навсегда покончить с непримиримым врагом своего Дома. Как могли двоюродные братья не понимать этого и тащить его обратно на свое место?

— Он убил ее! Он убил ее! — кричал Карн.

Четыре человека с трудом удерживали его на скамье. Члены Совета подхватили его крик.

— Он убил ее!

— Арестовать убийцу!

— Да, арестовать Харлана!

Однако Председатель приказал солдатам Одоннела вывести Карна из комнаты и арестовать его, хотя эти солдаты даже не имели права находиться в Палате Совета. При виде такого грубого нарушения протоколов Совета даже среди союзников Харлана послышались возгласы возмущения. А когда солдаты Одоннела направились к Карну, люди Джастинов и Халареков бросились им наперерез, чтобы остановить их. Гормсби приказал Халареку и Джастину прекратить сопротивление и вызвал еще солдат. Тогда большинство присутствовавших там людей кинулись за оружием, оставленным за пределами здания Совета.

В зале послышалось громкое лязганье оружия, после чего немедленно наступила тишина. Харим Гашен с тремя отделениями солдат стоял в конце палаты. Вид мечей и копий, которыми постукивали солдаты, быстро охладил собравшихся, и начавшееся было сражение немедленно прекратилось. По приказу Гашена солдаты двинулись по проходу. Одно отделение окружило людей Одоннела. Другое взяло под стражу Ричарда Харлана. В сопровождении третьего отделения Гашен подошел к столу Председателя. Гашен вырвал из его рук молоток и сбросил Гормсби со своего кресла. Затем он громко ударил молотком по столу.

— Слушайте, члены Девяти Семей! Отныне никогда никто из вас не будет Председателем на этом Совете. Некоторые из вас, видя, что здесь произошло убийство, все же продолжали защищать убийцу. Некоторые из вас покрывали преступника, чей Дом неоднократно нарушал законы, пользуясь поддержкой Совета. Политические и финансовые дела в значительной степени оказа-

лись в его руках. Молодой Лхарр, еще не вступивший в свою должность, говорил правду сегодня и на Совете во время Заморозков, однако никто из вас не помог ему защитить наш мир от стаи волков, которая могла бы загрызть нас.

Гашен бросил на пол перед собой кипу бюллетеней для голосования.

— Пока вы приспосабливали закон каждый в свою пользу и дрались здесь на полу друг с другом, мы, Свободные и жители малых Домов, проголосовали и решили, что никто из членов Девяти Домов не будет больше Председателем.

Он показал на лежащую перед ним груду бумаг.

— Мы единогласно проголосовали за продолжение опеки Дома Харлана. Мы, граждане свободных городов и малых Домов, составляем две трети на этом Совете, мои прекрасные лорды, и мы голосуем вместе с молодым Лхарром. Опека будет продолжаться.— Гашен оглядел палату.— С этого момента председательствовать на Мировом Совете будут только Свободные. Посмотрите же, что вы наделали.

Послышался какой-то шум, и поднялся высокий худощавый человек в ожерелье Ольдермена.

— Дейвин Рид, свободный город Лок. Ричард Харлан совершил убийство. Все мы это видели.

Гашен повернулся к Ричарду.

— Ричард из Дома Харланов, по закону вам полагается за убийство провести восемь лет в пустыне Цинн. Однако, поскольку вы герцог, вместо этого вы приговариваетесь к девяти годам заключения в одиночной камере в тюрьме города Бревена. Управлять всеми делами в Доме вплоть до вашего возвращения будут местные вассалы. Не менее двух третей членов Совета проголосовало за этот приговор,— Гашен оглядел зал.— Будете проверять это, *благородные* лорды?

Никто не ответил. Гашен приказал арестовать Харлана и отправить его в Бревен. Ричард был взят под стражу, хотя он яростно отбивался кулаками, брыкался, кричал о своих правах и обещал обязательно отомстить за себя. Карн отвернулся от этого зрелища, которое так не соответствовало принятым в Семьях нормам поведения.

— Отпустите меня,— обратился он к державшим его людям,— я больше ничего не натворю.

Карн встал, обернулся к новому Председателю.

— Фрем Гашен, я...— он изо всех сил старался не показать своего горя, но застрявший в горле комок не давал ему говорить,— я прошу у вас разрешения с этого момента именоваться главой Дома Халареков, потому что нельзя оставлять Дом без регента,— он споткнулся на этом слове, потом продолжил,— без регента или лорда до середины лета, когда состоится следующее заседание Совета. Нам нужен лорд, Свободные граждане!

Гашен кивнул.

— Хорошо сказано, молодой человек.— Он огляделся вокруг себя.— Какова будет воля Совета?

Ташек из свободного города Йорка предложил удовлетворить просьбу Карна Халарека. Решение было принято подавляющим большинством голосов. Карн почувствовал глубокое облегчение. Невероятная усталость охватила его. Рана на руке открылась, и из нее текла кровь. Карн встал на колени перед своей матерью, закрыл ей глаза и скрестил у нее на груди руки, как того требовал обычай.

— Я верну нашему Дому былую силу и могущество. Теперь Совет поддержит нас и, благодаря принесенной тобой жертве, у нас есть время.

Он сделал знак двум своим двоюродным братьям, и те вынесли тело Ларги из зала заседаний Совета.

Несколько часов спустя Карн, его сестра Катрин и первый помощник Карна Ник фон Шусс возвратились в замок Онтар. Они молча прошли по коридорам, поднялись по лестнице на два уровня вверх и очутились в библиотеке замка. В глубоком молчании они сбросили с себя верхнюю одежду. Катрин опустилась на скамью за длинным столом и тихо всхлипнула.

— Она умерла. Я не могу поверить, что ее больше нет. Она так нужна мне!

Катрин скрестила на столе руки, уронила на них голову и заплакала.

Карн сел рядом, положил руки ей на плечи и слегка потерся о нее головой.

— У меня даже в мыслях не было, что ей угрожает опасность,— сказал он очень мягко,— по крайней мере, убийство. Никто никогда еще не убивал так женщину.

Он еще больше прижался к своей сестре.

— Господи! Это просто невероятно!

Карн выпрямился и подошел к массивному камину. Он подбросил туда несколько поленьев, помахал рукой, и пламя вспыхнуло с новой силой, распространяя по комнате запах горящего дерева. Карн долго, задумчиво смотрел на огонь.

— Она умерла из-за меня,— прошептал он.

Горе и отчаяние переполняли его душу, но даже перед Катрин и Ником он боялся показать охватившие его чувства.

— Она хорошо знала Гхаррскую политику. Она знала союзников. Как я теперь справлюсь без нее с Харланом? Будь проклят мой отец! Если бы я не был столь несведущ во всех этих вопросах, ей бы не пришлось подвергать себя такой опасности!

Обычно сдержанный в проявлении своих чувств, Ник несколько минут смотрел на своего друга, а потом подошел к нему и положил руку ему на плечо. Через мгновение пальцы его сжались.

— Она отдала свою жизнь, чтобы спасти Семью Халареков. Ты — единственный наследник, пока у тебя нет детей. Ты — Лхарр

Дома Халареков. Без тебя Харлан и его союзники уничтожат всю вашу Семью.

— Они вполне могут сделать это, — с горечью пробормотал Карн. — Сколько уже родных мне людей погибло от их рук!

Катрин обошла вокруг стола и обняла Карна за талию.

— Ты уже и так сделал немало, даже больше, чем ожидали от тебя.

— Больше, чем ожидали, — с болью повторил Карн, — это не значит слишком много. Никто ничего не ожидал от «бабы» среди сыновей моего отца. И что значит «больше»? Мои вассалы отказали мне в уважении. На Ферме 3 взбунтовались рабы. Харлан атаковал замок Онтар...

— За что Харлан теперь начинает расплачиваться, — напомнил ему Ник.

Карн вырвался из объятий Кит.

— Он не расплачивается за это, Ник! Он слишком легко отделался! И ты знаешь не хуже меня, если бы он сейчас победил, то никто бы и не вспомнил, что он начал осаду раньше положенного срока. Даже смерть моей матери они бы списали на счет нашей вражды, если бы это произошло не в здании Совета.

— Нет! — Глаза Катрин расширились от ужаса.

Карн невидящим взглядом уставился на железную винтовую лестницу, ведущую на следующий уровень, по которой можно было добраться до верхних полок с книгами. Казалось, он еле сдерживался, чтобы не разбить что-нибудь. Он говорил хриплым, дрожащим от гнева голосом.

— Ричарда приговорили к заключению в Бревене только потому, что он совершил убийство *прямо в Палате Совета*, Кит.

Кит затрясла головой.

— Не будь таким циничным, Карн.

— А разве это не так? Разве у меня есть основания думать иначе?

— Ты будешь лучшим Лхарром, чем когда-либо был наш отец! — уверенно сказала Кит, словно пытаясь защитить брата от чьей-то несправедливости.

— Но только не в глазах этих людей.

Кит так сильно сжала руки Карна, что пальцы ее побелели, а он вздрогнул от боли. Она сильно встряхнула брата.

— Эти люди! Эти люди невероятно отсталые и невежественные! Ты знаешь это. Наша мать учила нас этому. В Академии тебя учили этому. Не все ли тебе равно, что думают Девять Семей?

— Моя жизнь и существование всего этого Дома зависит от того, что они думают.

— А если они рассорятся с Гильдией и прогонят ее, что будет тогда?

— Старкеру IV среди прочих вещей придется обходиться без металлов или тяжелого оборудования. Или экспорта, от которого, в частности, зависит наш Дом.

Карн встал, выпрямил плечи и глубоко вздохнул. На какое-то время он позволил своим чувствам вырваться наружу.

— Я не могу передать вам обоим, что значит для меня ваша поддержка.

Дрова в камине тихо потрескивали, и запах дыма медленно наполнял комнату. Они долго молчали.

Карн тяжело вздохнул и заставил себя говорить ровным спокойным голосом.

— Сейчас мы немедленно должны решить два очень важных вопроса. Кит, позови сюда Тана и Фрема Вейсмана. Я должен решить, как отомстить Харлану, и я должен найти Иджила. Если только Харлан не врет, что Иджил не у него...

Кит быстро направилась к связному устройству, вмонтированному в дальнюю стену библиотеки.

Карн посмотрел на огонь.

— Ник,— сказал он, не поднимая глаз,— не мог бы ты возглавить поиски Иджила? Господи, как бы я сам хотел найти его, но я не могу! Необходимо немедленно атаковать дом Харлана, чтобы сохранить хотя бы то, что у нас еще есть. Я должен заставить Харлана публично заплатить за смерть моей матери или мне придется перерезать горло себе и Кит и позволить Харлану и Одоннелу захватить мой замок.

Они опять долго молчали. Каждый из них понимал, что Карн говорит правду. Дом Халарека должен наказать Дом Харлана — быстро и жестоко — иначе он потеряет оставшуюся уже незначительную политическую силу и влияние.

В библиотеку вошли Тан Орконан, секретарь и управляющий замком, и его помощник Курт Вейсман. Карн натянул на себя маску Лхарра. Однако, вопреки обычаю, он не стал требовать, чтобы Кит вышла из комнаты, а начал обсуждать план захвата дальних владений Харлана в ее присутствии. Карн хорошо понимал, что скоро Кит может остаться единственным выжившим в этой борьбе представителем их семьи и поэтому, хоть она была и женщина, ей необходимо было знать, как обстоят дела.

Поиски Иджила продолжались четыре месяца, до тех пор, пока бури ухла не сделали их абсолютно невозможными.

Глава первая

Прозрачные капли воды медленно падали с крыши домика на сто пятом посту. Ветки голубых сосен, окружавших пост, низко сгибались под тяжестью лежащего на них снега. У вершины одной из сосен маленькая птица, питающаяся отбросами и падалью, качалась на ветке, которая была слишком тонкой, чтобы выдержать ее.

Сидя в орудийной башне, Иджил двигал лучемет из стороны в сторону, пользуясь не руками, а предплечьями, и поглядывал на ослепительно блестевший снег. Он не видел сейчас ни одного из тех быстрых, истощенных, похожих на тени людей, которые и были Бегунами. Но все же они находились где-то поблизости. Он знал, что они еще были здесь. Все же Иджил рискнул посмотреть, удалось ли Карну убежать. Он выглянул из-за лучемета и посмотрел на тропинку. Крошечная фигурка стояла на самом краю тропинки и смотрела на Иджила. Он почувствовал прилив гордости: с отмороженными руками ему все-таки удалось помочь Карну убежать и добраться до границы пустыни Цинн. Фигурка на краю тропинки подняла руку и на несколько секунд застыла в этом благодарном и прощальном жесте, потом повернулась, и ее ярко-синяя форма, которую всегда носили в бою люди Халарека, мелькнув, исчезла за вершиной холма.

Мой брат и друг. Мы больше никогда не увидимся.

— Прощай,— прошептал Иджил.— Может быть, Тор и Оудин помогут тебе, хотя, я знаю, ты не веришь в них. Расскажи своим детям, как твой друг Иджил спас тебе жизнь, удерживая одной рукой полчища Бегунов,— Иджил посмотрел на свои отмороженные, потерявшие чувствительность руки,— точнее, одним носом,— поправился он.

«Полчища» — наверное, это было преувеличение. Он допускал это. Он выстоял один против самых опасных преступников Старкера IV. И этот его подвиг был достоин того, чтобы быть описанным в какой-нибудь небольшой балладе или даже стать частью целого сказания. А здесь допускается некоторое приукрашивание событий. Беовульф. Сигурд Дракон — убийца. Артос. Они, конечно же, были приукрашены. Хеймдал, защищающий Бифрост. Иджил Олафсон в пустыне Цинн, отражающий нападения Бегунов,

спасая своего названного брата, чтобы тот мог сообщить Совету о новом злодеянии Харлана. Карн Халарек, защищающий свои владения от сильных и вероломных врагов, — эти события могли бы лечь в основу народного сказания, а поступок Иджила сравнялся бы в нем с подвигами Сольвейг, и Эйнара, и Гринга, и Хэдда.

Иджил покачал головой. Возможно, он взял слишком высоко, но что ему еще оставалось делать? У него не было таких изумительных способностей, как у Доннера и Кеннера, и его отметки в Академии красноречиво говорили об этом. Он не мог открыть для торговли новый мир, который в течение многих веков был изолирован от других, как это сделал Хэдд. Или изобрести межзвездный космический корабль, как Гринг. Он не мог даже добиться такого быстрого развития воздушной навигации, как Эйнар. А Сольвейг — Сольвейг была прорицательница, и славы, выпавшей на ее долю, хватило на двух или трех человек. Он был единственный среди детей Олафсона, кто не добился ни славы, ни богатства. Даже те, кто были младше Иджила, достигли большего. Иджилу хотелось бы знать, мечтал ли Харатио или Беовульф или Сигфрайд о славе так, как мечтал о ней он, и испытывали ли они когда-нибудь страх, сомнение и горькое чувство от крушения своих планов и надежд. Он не знал, испытывал ли все это Карн. Отец Карна открыто выражал презрение к своему третьему сыну. Он не любил Карна, наверное, не любил никогда. Трев Халарек считал, что только такие крупные, мускулистые люди, как он, были настоящими *мужчинами*. А Карн, третий из четырех сыновей Трева, на свое несчастье был строен, гибок и вынослив, как его мать. В довершение этого Карн рано проявил склонности к учебе, дипломатии и ведению переговоров, так же как и Ларга. По этим причинам Трев презирал своего третьего сына и даже собирался сделать четвертого сына Лиама третьим в ряду его наследников. Если бы Кит была мужчиной, Трев, возможно, тоже возненавидел бы ее. Однако она была женщиной, поэтому ее гибкость, стройность и любовь к учебе не вызывали в нем никаких отрицательных эмоций.

Оудин Олафсон был совсем не похож на Трева Халарека. Он одинаково любил всех своих детей и сильно привязался к Карну. Однако Иджил всегда считал себя самым никчемным и бесполезным в своей семье, и все заверения отца, что это его «последний промах», только больше утверждали Иджила в этом мнении.

Краем глаза Иджил увидел тень, крадущуюся к посту. Он прицелился и нажал носом на кнопку лучемета. Сверкающая полоска света разрезала простиравшееся перед Иджилом пространство, и тень тут же скрылась за деревьями. Далеко-далеко подскочили вверх ветки голубой сосны, на которых мгновенно растаял снег. Через какую-то долю секунды дерево само собой взорвалось.

Иджил с отвращением посмотрел на свои руки. Если бы они не были отморожены...

Его вдруг охватил гнев. У него была такая возможность достичь славы и всеобщего уважения, отомстив Харлану за все злодеяния, которые тот совершил против Карна. Теперь же, благодаря еще одному преступлению, незаконной осаде, у Иджила были отморожены руки, и он не мог больше мстить Харлану. Всю ночь, когда за ним охотились флайеры Харлана, он, сгибаясь над крошечными кострами, пытался согреть руки, которые совсем не хотели согреваться и не слушались его. А значит, он никогда больше не сможет играть на арфе или рисовать и поэтому никогда не добьется хотя бы самой незначительной славы, даже на этом поприще. «Будь ты проклят, Ричард Харлан!» — зарычал Иджил.

Какой-то Бегун бросился в сторону лачуги, где он сидел. Иджил подвинул лучемет, прицелился и выстрелил. Человек тут же рухнул в снег.

«Они придут вовремя, — говорил сам себе Иджил. — Джиссен не станет сопротивляться. Возможно, он даже впустит их».

На мгновение Иджил вспомнил о жалобно стонавшем солдате, которого Карн оставил с ним, чтобы тот кормил и всячески помогал ему.

Группа Бегунов быстро пересекла поляну перед домиком, и Иджил выстрелил из лучемета. Трое упали.

По крайней мере, хотя бы смерть принесет ему славу, и кто-нибудь сочинит о нем балладу или, например, маленькое сказание... Хотя Гхарры всегда считали занятия музыкой и поэзией пустой тратой времени, достойной только женщин... У них высоко ценились политическое маневрирование, засады и убийства, а не честность, дипломатия и искусство. Поэтому о его приключениях никто не создаст здесь, на этой планете, сказания или баллады. Может быть, дома, если только они когда-нибудь узнают о нем.

Прячась в тени деревьев, к домику крался высокий худой человек. Иджил выстрелил. Человек покачнулся, но устоял. Краем глаза Иджил заметил какое-то движение с другой стороны. Он направил туда свой лучемет. Толпа изможденных, худых людей выскочила из своего укрытия и бросилась к его хижине. Иджил стал быстро стрелять. Но тут же с другой стороны появилась еще большая толпа. Иджил все быстрее и быстрее стрелял то в том, то в другом направлении. Тут упал один Бегун, там — другой, потом еще и еще, но их было слишком много, и большинство из них уже подошли так близко, что в них невозможно было стрелять из лучемета. Сзади послышались сильные удары. Похоже было, что кто-то таранил дверь. Иджил вскочил и расправил плечи. На лестнице раздался ужасный визг и грохот. «Что же делает Джиссен, — пронеслось у него в голове, — бежит к нему на помощь?» Он снова с отчаянием посмотрел на свои отмороженные, бесполезные руки: кого они теперь смогут защитить?

Дверь позади него с треском рухнула. Иджил услышал громкие голоса и пронзительный крик ужаса. А затем жуткий вой Бегунов перерос в ликующий победный вопль.

— Это Джиссен,— пробормотал Иджил.

Он быстро окинул взглядом комнату. В ней не было ничего, что бы можно было использовать в качестве оружия. Мотор лифта загудел. Иджил резко рассмеялся. Если бы даже у него было оружие, он не смог бы удержать его. И навыки борьбы Дринн теперь были совсем бесполезными. Лифт остановился. Иджил расправил плечи. Он будет использовать свои руки как оружие. Не беда, если он покалечит их еще больше, ему осталось жить не более часа, но зато он погибнет в бою, как и подобает воину. И так боги слишком многое позволяли ему. Иджил решительно повернулся к дверям лифта.

Они открылись. Кучка худых, изможденных людей ворвалась в крошечную орудийную башню. Иджил стоял, раскачивая своими тяжелыми, словно свинец, руками. Вошедшие в изумлении отпрянули назад. Иджил изо всех сил ударил кого-то в лицо и услышал скрип зубов. Он начал драться ногами, чтобы удержать нападавших на расстоянии. Два Бегуна схватили его за руки. Иджил вывернулся и уклонился от удара. В это время другая группа Бегунов вышла из лифта.

Силы были слишком неравными.

Он раскачал свои руки и, словно дубинками, стал наносить ими удары направо и налево. Но даже сил, которые дали ему многолетние занятия борьбой Дринн, было недостаточно. Бегуны окружили его и повалили на пол. Иджилу было трудно дышать под тяжестью стольких навалившихся на него тел. Ничего не видя вокруг себя, он яростно отбивался. Последнее, что он почувствовал, был страшный удар по голове, и Иджил погрузился в небытие.

Яркий свет пронзил окутывавшую Иджила темноту. Он медленно приходил в себя. Было холодно, и стояла мертвая тишина. Неужели он попал в ад, даже несмотря на то, что погиб в бою? Иджил неохотно открыл глаза. Было довольно темно. Он лежал лицом вниз на красно-коричневых каменных плитах. Иджил ударил одной, словно деревянной, рукой по плитам.

— Я все еще жив! Эти тощие сыновья Локи отказали мне в смерти на поле боя!

Он прислушался. Ни одна живая душа не отозвалась на его сердитый крик. Он был один, совсем один, и практически ничего не знал о географии Старкера IV. Тут Иджил заметил, что тишина вокруг него была какой-то необыкновенной: не слышно было ни единого звука — нигде не капала вода, не падал снег, даже Бегуны не подавали никаких признаков жизни. Иджил осторожно перевернулся и, преодолевая боль, сел. Он сидел на огромном круглом помосте, в некоторых местах плиты были треснуты, кое-где — отбиты вовсе. На помосте не было снега. За ним же снег лежал по колено глубиной. Справа от Иджила, в центре помоста, находилась большая куча золы и было приготовлено много дров и срезанных веток. Прямо за кучкой золы на плитке был нарисо-

ван листок — символ, которым люди на Старкере IV всегда изображали наблюдателей.

Иджил покрылся холодным потом от ужаса. Это было Место, где оставляли жертв. Здесь Бегуны оставляли людей, которых решили принести в жертву своим Богам, Наблюдателям. Карн рассказывал ему об этих местах. Наблюдатели жгли костры, чтобы показать Бегунам, где находится их добыча. Иджил сам видел такие костры в горах, когда солдаты Харлана загнали их на самый край пустыни Цинн. Он снова посмотрел на горстку золы. Возможно, этот костер разожгли и не Наблюдатели. Может быть, костры в этом месте имели еще и другое предназначение. Может, они призывали Наблюдателей к своей жертве. Может, они сжигали жертву.

Иджил вскочил на ноги так быстро, как только позволили его безжизненные, бесполезные руки. Немедленно бежать. Он должен выбраться отсюда, до того как придут Наблюдатели, кто бы они ни были. Однако ноги его онемели от холода. Иджил проковылял к краю помоста и остановился, глядя на толстый слой снега, лежащий за ним. Наконец он понял. Раз снег был только за помостом, а не на нем, значит, его окружала какая-то стена, невидимая стена. Иджил подошел к самому краю и протянул руку. Он не почувствовал никакого физического барьера, однако явственно ощутил какое-то сопротивление. Он поднял руки выше, потом — ниже: сопротивление не исчезало. Он пошел по краю помоста сначала в одну сторону, потом в другую. Всюду было это невидимое сопротивление. Он нажал сильнее. Барьер не поддавался. Он толкнул его изо всех сил, и все равно ничего не произошло. Иджил посмотрел через плечо на горстку пепла и на дрова, приготовленные для другого костра. Нет, он не будет ждать, пока его принесут в жертву.

Иджил изо всех сил нажал плечом на стену. Он почувствовал страшный удар, от которого по всему его телу прошла дрожь, и снова потерял сознание.

Когда Иджил опять пришел в себя, он находился уже в другом месте. Он ощущал тепло и слышал приглушенный шум голосов. Он чуть-чуть приоткрыл глаза так, чтобы не было заметно, что он проснулся. Он ничего не увидел, кроме яркого света у себя над головой. Тогда он, все еще притворяясь спящим, перевернулся набок, или, точнее, попытался это сделать. Его руки были крепко привязаны к поверхности, на которой он лежал. Иджил открыл глаза и рванулся с яростным, отчаянным криком, пытаясь сбросить сковывавшие его узы.

Еще не смолкло эхо его голоса, как две пары рук крепко прижали его к гладкой поверхности, на которой он лежал. Иджил, с трудом поворачивая голову, посмотрел назад, по сторонам, стараясь понять, где он находится. Он увидел серую каменную стену, складки голубой материи, кожаный пояс и...

Вдруг Иджил понял, что его пальцы снова повиновались ему

и помогали подняться, сжимая матрац или покрывало, на котором он лежал. Он перестал вырываться и провел кончиками пальцев по ткани, находящейся под ним. Ткань была грубая, он почувствовал это! Чьи-то руки развязали связывавшие его веревки. Мгновение он лежал не двигаясь, потом медленно поднял руки и посмотрел на них. Он пошевелил пальцами, ударил одной рукой о другую. Они двигались! Они чувствовали!

— Мои руки,— прошептал он.

— Да, но вам надо быть с ними очень осторожным еще некоторое время. Они еще не совсем здоровы.

Голос этот принадлежал женщине, и это был язык, на котором говорили на Болдере.

Иджил поднял глаза. Рядом с его кроватью он увидел высокую, элегантную женщину. Ее светлые волосы отливали серебром. У высокого мужчины, стоявшего у его изголовья, Иджилу бросилась в глаза шапка густых рыжих волос и такого же цвета жесткая борода. У них обоих была бледная кожа и голубые глаза жителей Болдера. Оказаться дома после стольких месяцев жизни среди маленьких смуглых Гхарров, под землей, в их невероятно холодном мире, это было уже слишком для Иджила. Он закричал от радости.

Этот нечленораздельный крик снова и снова возвращался к нему, отражаясь от каменных стен огромной комнаты. Иджил огляделся по сторонам. Серые стены плавно закруглялись у него над головой, как в пещере, образуя потолок. Сама комната была огромных размеров и напоминала пещеру. Несколько дверей вели из нее в какие-то туннели.

Неожиданное сомнение закралось в ликующую душу Иджила. Это не мог быть Болдер. Ведь там никогда никто не жил под землей. Это было просто не нужно. Там, на Болдере, во всех домах были окна, большие окна, а за ними — свежий, прозрачный, наполненный солнечным светом воздух. Существовала еще и другая причина, по которой это не мог быть Болдер. Кто-то вылечил его отмороженные руки. Врачи на Болдере не смогли бы сделать этого: у них просто не было достаточно опыта. Однако эти люди по своему внешнему виду были, так же как и он, жителями Болдера... Ничего не понимая, Иджил затряс головой, как будто это помогло бы ему разрешить загадку. Должно быть, лицо его выражало крайнее смущение и замешательство, потому что женщина сказала ему очень мягко:

— Вам кажется это удивительным, не так ли, встретить здесь людей викинговского типа, людей с планеты Болдер? Гхарры не могли рассказывать вам об этом. Гхарры ничего о нас не знают.

— Гхарры живут в полнейшем неведении,— усмехнулся рыжеволосый мужчина,— кроме нас на этой планете полно людей, о существовании которых могущественные Гхаррские лорды даже не подозревают. Однако я прекрасно понимаю ваше замешательство.

— Мы находимся на Старкере IV? — все еще ничего не понимая, спросил Иджил.

Мужчина снова рассмеялся.

— Ну конечно. Неужели все это похоже на Болдер? — Он обвел рукой каменные своды похожей на пещеру комнаты. — О, простите меня: вы уже так долго находитесь у нас, Иджил, что я совсем забыл о том, что вы не знаете, кто мы. Наши предки были колонистами с Болдера. Они сбились с пути и высадились здесь, на этой планете. Я — Магнус Рыжий, сын Торбджорна, сына Гаилла.

— А я — Фригдис, дочь Финбоггиса, сына Халли.

— Это не Болдер, — тупо повторил Иджил, все еще плохо соображая. — Вы, так же как и я, люди викинговского типа, однако мы не на Болдере.

И мужчина и женщина, оба покачали головами. Фригдис с сочувствием заглянула в лицо Иджилу.

— Мы уже говорили вам. Мы тоже с планеты Болдер.

Она жестом предложила Иджилу встать и пойти вместе с ней.

— Идемте. Сейчас время обеда. Я все вам объясню по дороге.

Фригдис повернулась, быстро пересекла комнату и подошла к темному дверному проему.

Иджил сел и сразу же почувствовал, как его мягкая борода слегка коснулась горла и груди. Он пощупал свое лицо. Борода, которой он так гордился и которую сбрил, живя с бреющими бороды Гхаррами, выросла снова и была даже на два пальца длиннее прежней. Как же долго он спал! Иджил встал со своей кровати и последовал за Фригдис. Магнус пошел рядом с ним. Хозяева Иджила задержались в дверях, и туннель, в начале которого они стояли, медленно осветился.

— Теперь смотрите, — сказала Фригдис, — в нашей общине тщательно продумано расположение всех комнат и туннелей в пещерах, и вам нужно хорошенько запомнить, где что находится, чтобы не заблудиться здесь.

Иджил внимательно огляделся вокруг. В стенах и на полу были проделаны каналы, по которым вода струйками стекала в гладкий черный бассейн в центре комнаты. По его краям стояли скамейки, закруглявшиеся по форме бассейна, а с двух сторон каждой скамейки были установлены горшки с маленькими деревьями. В комнате были вмонтированы какие-то специальные осветительные приборы, от которых в ней было светло как днем. Его взгляд упал на платформу-кровать, на которой он только что лежал. Другие платформы были расположены вдоль стен этой почти круглой комнаты, причем две или три из них были заняты. Это была самая настоящая пещера, стены и пол которой были выровнены. Стены были украшены мозаикой, картинами, изображающими сцены из народных сказаний или из жизни богов. То здесь, то там стояли многочисленные скульптуры. Пол казался выложенным из каменных плит, был идеально отполирован

и блестел как стекло. Художник снова проснулся в душе Иджила. Он встал на колени и потрогал трещину между двумя «плитками», где выступил наружу небольшой кусочек застывшего раствора: «плитка» на самом деле была частью скального основания. Его пальцы снова *чувствовали* разницу! Они снова могли чувствовать!

Иджил медленно встал на ноги. Он был жив. Он опять был среди своего народа, однако все еще на Старкере IV. Но самым удивительным было то, что руки повиновались ему! Пальцы опять были теплыми. Они двигались. Они чувствовали. Иджил потрогал кончики пальцев, а затем усилием воли сбросил с себя охватившее его оцепенение. У него будет еще много времени, чтобы обдумать все, что с ним произошло, и рассказать об этом Карну, Кит и Нику, когда он вернется в Онтар. Как же они будут рады увидеть его!

Фригдис слегка тронула Иджила за руку.

— Ну, насмотрелись?

Иджил кивнул, она зашла в туннель и быстро зашагала вперед.

Магнус откашлялся.

«Он снова хочет возобновить нашу беседу,— подумал Иджил.— Умение понимать подобное поведение — одна из нескольких полезных вещей, которым я научился в Академии. Карн сделал бы гораздо лучше. Он бы...»

— Несомненно, на Болдере должны существовать легенды о потерянных кораблях. Правда, Иджил?

Иджил вежливо кивнул. Он знал несколько таких легенд. Каждая колониальная планета когда-нибудь теряла свои корабли. А такие планеты, как Болдер, основанные отколовшимися группами, стремящимися утвердить всюду новый стиль жизни, возможно, насчитывают еще больше потерянных кораблей, чем другие. Однако Иджилу совсем не хотелось сейчас говорить об этом.

А Магнус продолжал, не замечая состояния Иджила.

— Корабли наших предков потерпели здесь крушение около двух тысяч лет назад. Длительные полеты были тогда еще совсем внове, и не было никакой возможности спасти пропавший или потерпевший аварию корабль. И волей-неволей им пришлось остаться здесь...

Иджил вежливо, но решительно тронул Магнуса за рукав.

— Господин, как я попал сюда? Последнее, что я помню — это Место Жертвоприношений.

Рыжеволосый человек понимающе кивнул.

— Большинство наших гостей попадает сюда тем же путем, что и вы. Существует... метод транспортировки с этих самых мест. И Бегуны часто оставляют там предназначенные для нас дары. За это мы всегда сообщаем им, если кто-то появился в пустыне. Эти сигналы помогают попавшим сюда выжить. Только

очень немногим нашим гостям удается выбраться по одному из наших туннелей в Верхний Мир.

Иджил остановился как вкопанный. Это были Наблюдатели! Эти потомки заблудившихся колонистов с Болдера были Наблюдателями, существами, которых Гхарры считали богами Бегунов! Наблюдатели были такими же людьми, как сам Иджил!

Эта новость настолько поразила Иджила, что ему хотелось хотя бы несколько минут побыть в тишине, чтобы осмыслить то, что он только что узнал. Однако у него не было на это времени.

— Так вы Наблюдатели? — наконец решился спросить он.

Магнус быстро кивнул.

Иджил схватил Магнуса за руку.

— Я должен вернуться. Если вы умеете переносить людей и вещи из Мест Жертвоприношений, если вы смогли перенести меня сюда, вы сможете перенести меня обратно. Я нужен Карну Халареку. Перенесите меня обратно немедленно!

Магнус и Фригдис в ужасе посмотрели друг на друга.

Иджил почувствовал беспокойство.

— Я должен вернуться. Я поклялся сражаться за него, пока не кончится война или пока один из нас не умрет.

Он повернулся, собираясь идти назад, в комнату.

— Где мои вещи?

Ни Магнус, ни Фригдис ничего не ответили.

— Я благодарен вам за заботу обо мне, — быстро добавил Иджил. — Я ничем не могу отплатить вам за то, что вы спасли мои руки, но Карн — мой названный брат. Вы, конечно, понимаете, что это значит.

Магнус быстро взглянул на Фригдис.

— Это какая-то мальчишеская романтическая фантазия. Сколько вам лет, друг мой? Впрочем, не говорите. Этой весной Халарек стал совершеннолетним. Я видел церемонию. Вам обоим всего лишь по восемнадцать лет.

Кровь ударила ему в голову, но он благодарил богов за то, что хотя бы не покраснел.

— Всего лишь восемнадцать! От Карна сейчас зависит жизнь нескольких тысяч человек! Сигурду и Артосу было...

— Древние герои совершали свои подвиги, когда им было шестнадцать, и восемнадцать, и девятнадцать, и двадцать лет и обычно *погибали*, когда им было двадцать пять или тридцать. Тогда были другие времена. Терпеть не могу романтиков. Слишком много вреда принесли они людям.

Магнус бросился бежать и скрылся за поворотом туннеля.

— Халарек и его беда — не повод, чтобы отправить вас назад, Иджил, — мягко сказала Фригдис, провожая Магнуса взглядом. — Магнус становится очень раздражительным, когда речь идет о подобных мечтаниях. Его дед и отец погибли при таких обстоятельствах, которые он называет «глупыми романтическими при-

ключениями». Расскажите о своей клятве нашему Годи. Он выслушивает просьбы каждый раз после принятия пищи.

Иджил кивнул. Это было разумно. Годи в общине — это и священник, и мэр, и полководец в одном лице. Он знает, что такое клятва и честь. Иджилом владела лишь одна мысль: скорее вернуться на помощь к Карну.

— Но с каждым днем Карну становится все труднее и труднее.

— Вы спали с девятого вердейна по Гхаррскому времени, Иджил,— неожиданно сурово сказала Фригдис.— Сейчас начало архаста. Вашему другу исполнилось восемнадцать лет в адене, и с тех пор он сам справляется со своими проблемами.

Двести дней. Пять месяцев. Он «спал» пять месяцев! На его выздоровление ушло более полугода! Это не вмещалось в его сознание. Фригдис продолжала что-то говорить ему, но он только слышал ее голос и не понимал ни слова. Пять месяцев. За пять месяцев Карн мог потерять все.

Дернув Иджила за рукав, Фригдис остановила его в дверях большой комнаты, похожей на ту, в которой Иджил проснулся. Бо́льшую часть свободного пространства в ней занимали длинные столы. В комнате было полно народу. Все сидели на скамейках по обе стороны каждого из столов, на которых было приготовлено обильное угощение. Большинство обедавших были крупные светловолосые люди, однако среди них оказалось много и Бегунов, несколько слуг или рабов, хотя трудно было сказать, кто из них был меньше Гхарров, а кто больше. Иджил мог поклясться, что одна смуглая женщина была с Ригеля. За длинным столом, стоявшим у самой стены пещеры, в центре, на возвышении сидел смуглый седобородый и седовласый человек. Иджилу бросился в глаза его высокий стул с резной спинкой, которую поддерживали еще более высокие резные столбики, на конце каждого из которых сидел стилизованный ворон. За его стулом стоял Магнус. Годи внимательно посмотрел на Иджила пронзительным взглядом своих голубых глаз.

— Итак, наш новый гость проснулся,— низким голосом вежливо произнес человек.

— Он хочет узнать, как идут дела у его названного брата Лхарра Халарека,— сказал Магнус.

Иджил уже было открыл рот, чтобы сказать, что он просил совсем не об этом, но потом подумал, что так будет лучше.

— Он хочет этого, не так ли?— Человек снова внимательно посмотрел на Иджила, потом медленно кивнул.— Всему свое время, молодой человек, всему свое время. Присаживайтесь.— Он указал Иджилу место в конце своего стола.— Присоединяйтесь к нашей трапезе. Мы здесь хорошо обращаемся с гостями. Идите, сядьте, вкусите вместе с нами свою первую здесь нормальную пищу.

Фригдис тронула Иджила за локоть.

— *После* еды.

Иджил сбросил ее руку и исподлобья посмотрел на Годи.

— Не хочу показаться вам невежливым, господин, но у меня слишком мало времени. Карн со всех сторон окружен очень сильными врагами, которые могут в любой момент захватить его Дом и убить его. Я поклялся сражаться вместе с ним. Я должен немедленно вернуться туда, теперь, когда я совсем здоров. Месть всегда была нашим священным правом и обязанностью. Разве вы не понимаете этого?

— Мы помним.— Годи сурово посмотрел на Иджила, затем на Магнуса.— Вы говорили ему, что лечение еще не закончено?

— Да, я говорил ему.

— Что-нибудь еще?

— Нет, больше ничего.

Годи задумчиво кивнул, затем снова пронзительно взглянул на Иджила.

— Мне очень жаль, что вам еще ничего не объяснили.— Он сделал рукой жест в сторону стола, где сидели Бегуны и женщина с Ригеля.— Все они наши гости. Вы тоже наш гость. Мы предоставим вам все, что вы пожелаете и что у нас есть, но вы не сможете уйти отсюда. Никогда. Люди Верхнего Мира, которых вы называете Гхаррами, ничего не знают о нас. И они никогда не должны узнать о нашем существовании. Вы не сможете отсюда уйти.

Глава вторая

Иджил напрягся.

— Вы собираетесь задерживать меня против моей воли?

— Никто не уйдет,— глаза Годи сузились.— Никто никогда не уходил. Никто никогда не убегал. Те, кто приходил к нам по тунелям (в основном Бегуны и крепостные, как вы могли заметить), прятались в них от отчаянья и шли вниз.— Он качнул головой в сторону столов, где сидели «гости».— Выживают только десять процентов. Слишком многое требуется, чтобы предполагать, что кто-нибудь из них переживет обратную дорогу. Никому не удалось.— Он вернулся к своей трапезе.

Первым желанием Иджила было схватить Годи за бороду и закинуть ему голову, чтобы привлечь внимание. Он только сжал кулаки. Это совсем не поможет бороться с начальником этого местечка. Он медленно отвернулся. Он видел, как напряжение сходило с лица Фригдис. Она легко коснулась его руки и показала жестом на несколько свободных мест в конце стола.

Они сели. Еда была передана, представление состоялось, пища была съедена, но Иджил едва отдавал себе отчет в том, что случилось. Слова Годи привели Иджила в оцепенение. Он не притронулся ни к питью, ни к еде.

Здесь я в западне. Карн должен бороться один, умереть один, а я умру здесь.

Неудачник! Хоть Иджил и знал, что отец и братья называли его так только, чтобы подразнить, это всегда было обидно, и напомнило Иджилу о враждебности людей Дома по отношению к Карну, которого знали только по рассказам отца. Трев Халарек называл Карна «слабым» и «женоподобным». И то и другое было ужасным унижением в глазах Гхарров. Иджил покачал головой. Упрямый парень, приехавший в Академию шесть лет назад, не был ни слабым, ни женоподобным, только ошеломленным и смущенным различиями в жизни Старкера IV и в мире Федерации. Он быстро завоевал уважение своим упорством, честностью и быстрым умом. И девушки, ох, девушки...

Иджил опустил глаза на горку мяса и дымящихся овощей на тарелке перед ним. Спазм свел его железный желудок. Он прибыл сюда с мечтой завоевать славу и известность в борьбе. Иджил вспомнил схватку перед отъездом, единственную серьезную ссору между ним и отцом за все время.

— Ты бросаешь морскую службу ради войны, которая тебя не касается? — спросил отец.— Войны, которая длилась поколениями и будет длиться еще не одно поколение? Иджил, еще один человек в армии Карна, даже такой большой, как ты, по сравнению с ними, не имеет особого значения. Черт побери! Я знаю, как сильно ты привязан к Карну. Я тоже его очень люблю, но ему требуется войско, Иджил!

— Ему требуется друг, отец. На Старкере IV ни один лорд не осмелится доверять своим «друзьям». Я могу ручаться, что Карну не нужно всматриваться, какой у меня семейный интерес или что я получу с этого.

— Но ты получишь с этого или надеешься получить, правда? Ты сейчас не можешь завоевать имя для себя, и тебе не нужно это. Ты найдешь свою собственную выгоду в нужное время. Нет необходимости делать это.

— В этом есть необходимость для меня.

— Тогда подумай об этом. Мир Дела ставит вне закона войну за справедливость. Внутренние Миры отказались от войн за справедливость.

— Скот погиб, глава дома погиб, даже вы сами...

— Перестань повторять мои слова, молокосос! Что толку в славе, если ты мертв?

— Лучше умереть, чем терпеть насмешки!

— Твои братья делают то-то, то-то и то-то. А тебе что сделается?

— Люди говорят мне подобные вещи годами, отец.

Страсти бушевали часами, но в конце концов Иджил получил свой билет на Старкер IV. Теперь зря. Единственной причиной его появления в этом ледяном и варварском мире была его клятва, данная другу. А теперь он никогда не сможет сдержать ее. Если

быть честным до конца, его клятва была не единственной причиной. По правде говоря, может быть, даже не самой важной причиной.

Иджил стукнул кулаком по столу рядом с тарелкой. Острая боль пронзила руку и открыла путь ярости, которую он ощущал от своего бессилия. Иджил прикрыл глаза и зажал отбитый кулак другой рукой, надеясь, что не закричит от боли. Когда боль стала терпимой, Иджил встал из-за стола с единственной мыслью выбраться отсюда, найти дорогу к владениям Халарека и сдержать клятву. Он должен объявиться в Халареке под фальшивым предлогом, но он должен смириться с этой нечестностью, так или иначе.

Он сделал только два или три шага, как Магнус оказался рядом с ним, хватая его за руку настолько крепко, что Иджил замер.

— Мы не хотим, чтоб ты погиб, юноша. Мы не лжем, когда говорим, что отсюда уйти нельзя.

— Вы тоже телепат? — Иджил ощутил горечь на языке. Даже мысли были не только его.

Магнус криво усмехнулся.

— Нет. Нам не нужно читать мысли, чтобы знать, о чем вы думаете. Многие пришельцы думали, что мы обманываем, что должен быть изъян в нашей защите, что они достаточно умны, чтобы вырваться.

Магнус отпустил Иджила и посмотрел на Годи. Тот кивнул и вернулся к своему пиву и беседе с соседом.

— Идея. — Слово прозвучало приказом, а не приглашением. — Мы рассеем твои сомненья прямо сейчас. — Магнус стремительно подошел ко входу в туннель. — Два дня назад гость Бегун решил, что должен вернуться в пустыню.

Иджил колебался не более секунды. Возможно, он действительно не найдет дороги отсюда. Возможно, ему потребуется время, чтобы узнать Наблюдателей и их туннели. С этого момента ему придется какое-то время повиноваться. Но должен быть выход. В конечном счете, Наблюдатели помогали Бегунам в Верхнем Мире. Они сами говорили об этом. Значит, выход есть.

Магнус вел по туннелю, светлеющему, когда приближались к перекрестку, и темнеющему, когда удалялись. Сначала Иджил попытался запоминать очередность поворотов и пересечений, в конце концов он бросил это занятие. Он должен был бы рисовать карту или отмечать как-то безопасные места. Он продолжал упорно считать шаги, тем не менее.

Вдруг Магнус остановился.

— Отсюда ты должен точно следовать за мной, — сказал он. — Точно. — Он вгляделся в лицо Иджила. — Я знаю, как трудно сыну Викинга следовать чьим-то приказам. Саги полны примеров. Но, если ты не будешь в точности делать то, что делаю я, ты не доживешь до десерта.

Это было достаточно убедительно. Иджил посмотрел в туннель впереди. Он был таким же, как и за спиной. Он взглянул на Магнуса. Этому человеку незачем было лгать ему. И он прошел этот путь не затем, чтобы сыграть шутку с новым «гостем». Иджил кивнул.

«Держись точно за мной»,— приказал Магнус. Он прошел вперед около двух метров, сделал два шага налево, еще два вперед, и один широкий шаг вправо и остановился.

Когда Иджил оказался рядом с ним, Магнус лег на каменный пол, взялся за металлическое кольцо у основания стены, затем стукнул свободным кулаком в то место, которое обошел. Пол провалился с глухим стуком, и что-то, возможно, кусочек штукатурки, треснуло и после долгой тишины упало в воду где-то очень глубоко. Плеск был очень слабым, едва слышимым.

— Возможно, Бегун выбрал другой туннель. Возможно, он был очень тонкий и бежал очень быстро. Иногда легкий, быстрый Бегун, прижимаясь к самой стене, может миновать такую ловушку. Но есть и другие.— Магнус двинулся дальше. Через двести шагов он остановился и пробежал рукой вверх и вниз по стене.

— Пощупай здесь. Тут две трещины на расстоянии руки одна от другой. Нашел?

Иджил кивнул.

— Я не буду показывать это, потому что долго возвращать на место. Это целая система трещин длиной два метра. Это части стены, за долю секунды перекрывающие проходы между ними. Воздух, которым можно дышать, быстро... — Он взглянул на Иджила.

— Я понял идею,— сухо ответил Иджил.

Магнус усмехнулся. Он вытащил маленький круглый предмет из кармана, нажал кнопку и держал ее, пока они не прошли ловушку. Магнус указал резким кивком на ловушку, оставшуюся позади.

— То, что мы не нашли Бегуна здесь, подтверждает мою догадку, что он пришел к месту гибели другим путем. Я покажу еще одну ловушку, а затем я покажу тебе Бегуна. Или то, что осталось от него.

Через пятьсот тридцать шагов Магнус остановился, коснулся носком ботинка тяжелой деревянной доски поперек секции пола и перешел на другую сторону.

— Иногда нам надо выходить,— объяснил он, указывая жестом на доску.

Когда Иджил присоединился к нему, Магнус обернулся, поднял доску и сильно ударил концом в то место пола, которое пересек только что. Пол бесшумно провалился. Магнус направил карманный фонарь в колодец. Он был глубиной около трех метров. Металлические острия, расставленные на ширину ладони друг от друга, покрывали его дно.

— Эта ловушка открывается при вибрации с этой стороны.

Вот почему она бесшумна. Пришелец делает еще один шаг и... — Его рука упала вниз.— Но, если пришелец с освещением, это не поможет, так как ловушка принимает вибрацию за один или два шага до кромки. К этому времени свет падает дальше. Даже если она будет обнаружена перед самыми ногами пришельца, будет слишком поздно, ему придется остановиться так быстро, что он потеряет равновесие и свалится в нее все равно.

Иджил вздрогнул. Думать, что пол тверд и безопасен, и вдруг свалиться в это... Конечно, эта смерть будет быстрее, чем падение в глубокий колодец. Он отогнал эти мысли и последовал за Магнусом, пристально следя за тем, что он делает.

Через восемьсот двадцать семь шагов и двух поворотов направо (один крутой, другой пологий) тяжелый блок кладки закрывал туннель. Даже без ручного освещения Иджил мог разглядеть изувеченные окровавленные ноги, торчащие из-под нижнего камня. Одна из них была отломана ниже колена.

Иджил отвернулся, взглянул наверх, Магнус заметил.

— Циннский медведь,— сказал он.— Иногда они заходят на запах свежего мяса. Похоже, они чуют ловушки и проходят над ними, так что только такие глыбы могут сразить их. Нам, конечно, не хочется, чтобы они приходили.— Он направил свет к перекрытию туннеля.— Камень надо поднимать на место сложной системой креплений и блоков. Вот почему он все еще в туннеле, а не на потолке, где ему место. Это одна из внешних ловушке в этом туннеле.

Иджил не мог понять, как Магнус мог так спокойно рассуждать об устройствах, убивающих людей такими жуткими способами. Магнус взглянул на раздробленные ноги.

— Я не могу понять, как кто-то может предпочесть жизнь Бегуна жизни здесь, особенно, если прошло только четыре месяца из семилетнего приговора.— Он обернулся к Иджилу.— Тебе известно, что только редкие осужденные выживают в первую зиму в Цинне?

Иджил покачал головой.

— Вот почему приговоры такие короткие. Те, кто смог прожить год в пустыне, уже не бывают прежними. Гхарры позволяют им вернуться к обычной жизни, не беспокоясь, что они когда-нибудь совершат преступление.— Магнус ткнул носком ботинок Бегуна.— Этому бедняге выпал нелегкий путь. Семь лет — самый большой срок, кроме убийства.— Он поднял глаза.— Возможно, он считал это лучшим выбором, чем другие. Возможно, он никогда не намеревался попасть в Верхний Мир.— Магнус вглядывался в лицо Иджила.— Полагаешь, что сможешь выйти на поверхность. Там архаст. Даже если бы была середина лета, ты не знаешь местных звезд, у тебя нет оружия и ты из мира с теплым климатом. Даже середина лета здесь намного холоднее, чем то, к чему ты привык.

Иджил вспомнил лютый холод Цинна в вердейне. Найдет ли

он Холдинг Халарека без примет, помогающих ему? Если он сможет, сколько это займет времени? Недели? Месяцы? В архасте, курте и нембе Гхарры не выходят совсем, потому что ничто не может выдержать жуткую стужу и жестокие ветры. Но Бегун попытался. Иджил понял, почему человек выбрал смерть, а не бесконечное заключение, хотя казалось, что Магнус не понимал этого. Века в подземельях вытравили из Наблюдателей любовь Викингов к чистому воздуху, открытому простору и немногим законам. Настоящий Викинг скорее умрет, чем согласится жить в неволе. Он сам выбрал смерть в борьбе, а не жизнь с бесполезными руками или малейшее подчинение Бегунам.

Иджил глянул на свои руки, сдвинул и раздвинул пальцы. Он снова обрел свои руки. Он снова может рисовать и быть пилотом. Он может бороться. Он может научить людей Карна приемам Дринна, приемам, которые убивают быстрее, чем оружие. Он может взять руки Ричарда Харлана за увечье своих. Это Закон Вира, дозволенная компенсация за ущерб. Но он не сможет сделать ничего, если останется здесь, в заключении.

— Ты идешь, или пойдешь позже один и станешь лепешкой, как этот Бегун? — Голос Магнуса пробился сквозь мысли Иджила.— Я хочу закончить свой обед.

Иджил гадал, сколько времени он разглядывал скалу. Магнус основательно поколебал его веру в возможность побега. Магнус шел немного впереди. Он оглянулся, всем своим видом показывая нетерпение. Иджил последовал за ним, сосредоточив внимание на том, чтоб остаться в живых. Туннель казался другим. Он и был другим. Они вернулись в Большой Зал через другую дверь и гораздо быстрее. Это означало, что они шли другой дорогой, и это свело к нулю все подсчеты Иджила. По лукавому взгляду Магнуса Иджил понял, что это было сделано именно с этой целью. Магнус подвел Иджила к Годи.

— Милорд, он видел то, что следовало видеть.

Годи кивнул Магнусу и обратился к Иджилу.

— Ты видел. Никто не смог бежать отсюда за все две тысячи лет существования этих ловушек. Никто не будет останавливать тебя, если ты попытаешься уйти, но мы предупреждаем, чтоб ты этого не делал.— Годи кивнул, отпуская, и вернулся к своему десерту.

Женщина, сидящая рядом с Годи, вручила Иджилу лист бумаги.

— Указания до твоего жилья, Иджил, сын Оудина.—Это все, что она сказала, и повернулась к соседке слева.

Иджил взглянул на лист. Эта была элементарная карта. Он посмотрел на мясо и овощи в своей тарелке, уже остывшие. Он уже не хотел так есть, как прежде. Но кусочек пудинга лежал теперь у тарелки. Пудинг был пышный, теплый, с блестящей корочкой. Такой, как делала его мать. Он сел и отломил ложкой кусочек. Гладкий холмик казался необычно тяжелым. Он был необы-

кновенно хорош. Иджил быстро расправился с ним и потянулся за высокой кружкой пива, чтобы запить.

Его рука нетвердо сжала ручку, и кружка стукнулась о стол. Осколки и брызги полетели в Иджила и его соседей. Иджил сидел, ошеломленный, пока один из слуг вытирал со стола. Иджил вспомнил слова Фригдис, предупреждавшей о том, что руки его еще «не закончены». Но тогда он не понимал, о чем идет речь. Испуг содрогнул его тело. Он почувствовал себя больным и немощным. Если ушло целых пять месяцев, чтобы довести их хотя бы до такого состояния, сколько же еще потребуется времени, чтобы они обрели прежнюю силу? И обретут ли они снова прежнюю силу?

Новая волна страха накатилась на Иджила, и ему пришлось спрятать под столом свои обессилевшие руки. У него было столько надежд, когда он чувствовал под шевелящимися пальцами покрывало, сжатое руками, которые он потерял. Сможет ли он держать кисть столько времени, чтобы закончить картину? Сможет ли он снова делать такие простые вещи, как поднять ребенка, бросить человека приемом Дринна, или поднять кружку со своим пивом? Он был удивлен, что за такое коротое время сумел до такой степени восстановить руки. Но он смог это, и мысль, что он, возможно, не станет прежним, была непереносима.

Вопреки словам Годи и убедительной прогулке по туннелю, Иджил решил искать выход. Должен был существовать безопасный путь, если Наблюдатели выходят Наверх. Подтверждая веру Иджила, Наблюдатели не спускали глаз с него, нарочито пристально. Когда он несколько дней изучал жилое пространство колонии, никто его не останавливал, но кто-то следовал за ним на небольшом расстоянии. Кто-то другой провожал его до комнаты. Ночью следили за его дверью. Сначала Иджилу казалось это забавным. Но вскоре он понял, зачем они это делали. Они помнили, что лучше умереть, чем нарушить клятву, данную другу. Они помнили, что лучше умереть, чем жить с неотомщенными увечьями.

Но сейчас он еще не был готов умереть. Конечно, не будет простых запоров в этом месте, но должен быть выход.

Иджил быстро приучил себя к распорядку. Он надеялся, что это заставит Наблюдателей поверить, что он решил остаться. Иджил занялся физическими упражнениями, чтением и, по мере того, как рука становилась сильнее, живописью, между двумя приемами пищи и семичасовой темнотой в каждом «дне». Наблюдатели любезно предоставили Иджилу все необходимое для художника и позволили посещать библиотеку и бассейны для плавания.

Две из длинных недель Гхарров прошли. Поскольку рисование не очень удавалось, Иджил помногу читал. Вскоре он был знаком почти со всей историей колонии и многое узнал о флоре и фауне Старкера IV. Он уже мог изобразить «лошадей», синие ели и огненные деревья, горные цветы и длинношерстных белок. Он хотел

написать портрет, но без модели рисунок никак не хотел становиться похожим на нее.

Иджил подправлял портрет целыми днями. Девушка смотрела с картины теплыми янтарными глазами. Ее темные волосы, перевязанные голубой лентой, непослушно выбивались из узла каскадом волн и мягких завитков. Длинный локон полукольцом покоился на ее коричневой щеке.

«Она — прелесть, она — очарованье, — бормотал Иджил. — Сколько дней я работаю над этим, но это все еще не Кит! У нее нет блеска Кит!» Он взмахнул рукой, чтобы отбросить с отвращением кисть, но замер, представляя, какое пятно надо будет тщательно соскабливать. Он опустил руку и стал вытирать кисть. Кит Халарек была вне его досягаемости по многим причинам.

Приведя в порядок инструменты, Иджил отправился в экспедицию по туннелю. Туннели рядом с жилыми помещениями были без ловушек и были помечены полосками краски, которые были кодами. Иджил из этого выяснил, что были туннели под Холдингами всех Девяти Домов и под малыми Холдингами. Большинство из них существовало в руинах строений и поселений на поверхности, давних попыток Наблюдателей и Гхарров обосноваться на просторе планеты. В довершение Приюты, оставшиеся от жизни Наблюдателей на поверхности, также все имели тайные проходы на их нижние уровни, соединяющиеся с туннелями Наблюдателей. Это было сделано на случай очень суровой зимы, так объяснил Магнус.

На следующий день Иджил старательно рисовал карты жилых зон и туннелей. Ригеллианка часто видела его меряющим шагами расстояния и рисующим. Он узнал, что зовут ее Аниала Иронник. Она была из Гильдии и стала «гостьей» из-за своего хобби, археологии. Она занималась исследованиями глубоко под развалинами, оставленными от предков, когда одна из ловушек разверзлась перед ней. С хорошо известной ловкостью ее расы она изогнулась так, что схватилась за край ямы и повисла. Много часов спустя ремонтные рабочие, пришедшие поправить западню, спасли ее.

Женщина следила за тем, как он чертит карты, больше недели, прежде чем рискнула подойти к нему как-то вечером в Большом Зале. Иджил поднял полную кружку пива, не роняя ее, затем две. Он прекрасно себя чувствовал, радовался пиву и своим рукам. Аниала подошла к нему тихонько сзади и заговорила ему в ухо.

— Я хочу выбраться. Ты хочешь выбраться. У меня опыт. У тебя опыт. Не отойдем ли поговорить об этом?

Иджил в мгновение все оценил. Она может знать то, что ему пригодится. Если нет, что значат несколько минут в здешней жизни? Он встал из-за стола и пошел за ней в туннель.

Она заговорила, как только они ушли достаточно далеко, чтоб их не слышали обедающие.

— Все остальные, — она пренебрежительно махнула рукой

в сторону сидящих,— верят тому, что им сказали. Кроме того, для многих жизнь здесь намного лучше, чем там, откуда они явились, даже если они никогда не увидят солнца. У меня есть работа, ради которой надо выбраться. В конце концов я надеюсь, что у меня есть такая работа. Посмотреть людей и страны. Я здесь уже целый год, как я могла догадаться. У них ведь десятидневные недели, да? Я была на грани избавления от этого застойного мира прошедшей весной.

Иджил посмотрел на нее сверху вниз с любопытством. Если она так торопилась, почему она не действовала раньше?

— Что же вам от меня нужно?

— Ты делаешь карты. Ты можешь читать на их языке. Я знаю подпольные ловушки. Я изучала их целый год. Мы можем помочь друг другу.

Иджил в задумчивости сжал губы. Он не сомневался, что ей нужен был перевод. Что за беда? Они не были соперниками. Он кивнул.

— У меня, конечно, нет с собой карт. Я буду ждать вас в библиотеке завтра после обеда. Идет?

Она кивнула.

Иджил разложил карты на чистом столе к приходу Аниалы. Он провел рукой по ним, разглаживая, и указал на карте место библиотеки. Туннельные входы были отмечены с двух сторон, но больше ничего не было указано.

Иджил указал на пробелы.

— Как вы видите, я еще очень далек от готовности уйти. Среди моего народа считается лучшим смерть в борьбе или попытке побега, чем жизнь в тюрьме, без отмщения или до старости. Настоящая проблема в том, что я не могу умереть. Я дал клятву своему брату-избраннику, вы знаете, кто такой брат-избранник?

Женщина кивнула:

— Ритуал. Братство по крови.

Иджил продолжал:

— Я дал клятву защищать его до самой смерти, его или моей. Всю жизнь я должен держать клятву, или я буду обесчещен в глазах моей семьи и всех, кто знает меня. Моя семья очень достойная и известная. Позор быть связанным с клятвопреступником будет слишком велик. Я не смогу сдержать клятву здесь. Это ясно. Я уверен, что друг считает меня погибшим, и в его глазах я не уронил своей чести, но моя мать и сестра — сивиллы. На Болдере есть и другие ясновидящие, так что там не секрет, что я делаю здесь. Они знают, что я не защищаю своего друга. Я знаю это. Я должен попытаться сдержать клятву или умереть.

Иджил остановился взглядом на картах и пальцем провел по одному длинному туннелю до огромного красного креста X.

— Я теперь верю тому, что говорят Годи и Магнус. Действительно, нет пути отсюда без сигнализации ловушек или какого-то

ключа, который предотвращает действие ловушек. Я все еще пытаюсь найти дорогу, но это скорее дорога убить время, пока я решу пробежать туннели и умереть.

Он колебался. Он не думал раньше о необходимом конце этого положения в таком духе. Он отвернулся от женщины и очень спокойно произнес:

— Кто умирает опозоренным, тот никогда не увидит Валгалла.

Аниала грубовато шлепнула Иджила по плечу.

— Не унывай! Говори не о смерти и Валгалле. Я тоже сделала карты и отметила ловушки.— Она развернула несколько тщательно нарисованных карт.— Смотри, я начертила каждый из помеченных туннелей до первой ловушки. *Я* знаю ловушки. *Ты* можешь прочитать, куда ведут туннели.— Она глянула на Иджила, прищурившись.— Сможешь? Именно это написано, не правда ли?

Иджил улыбнулся и кивнул.

— Хорошо. Если мы работаем вместе, мы узнаем все быстрее, да?

— Возможно. Этот плут Магнус, он ведь провел тебя по туннелям. Он показал тебе ловушки, не так ли?

— Не все.

— Хорошо, хорошо. Ты расскажешь мне о них, я отмечу их, и тогда мы пройдем.

— Я только начал отмечать те, что видел.

— Никаких беспокойств. Я уже сказала, что я отметила ловушки в полах. Не займет много времени узнать и другие, я знаю, на что они похожи. В этом я мастер. Это часть моего хобби. Это не единственная цивилизация, защищающая свои богатства ловушками.

Иджил рассказал ей, что он видел, а она позволила снять копии с ее деталей, но от встречи у него осталось сложное чувство. Если они сбегут вместе, кто пойдет первым? Как они узнают, как далеко они ушли? Что им необходимо взять с собой? Иджил знал, климат Старкера IV коварнее людей, живших на нем. Но самое важное — действительно ли Аниала знает ловушки так хорошо, как она говорит?

Через полторы недели они обменялись сведениями. Затем, через день после того, как он перевел для нее надписи, куда ведет каждый большой туннель, Наблюдатели принесли ее тело в большой зал. Она не смогла заметить ловушку, чтоб схватиться за край. Иджил смотрел на окровавленное тело, которое Наблюдатели готовили к погребальному костру, и бранил Аниалу за ее нетерпение и нечестность. Он бранил себя за наивную мечту о том, что он может разгадать ловушки, которые надежно защищали Наблюдателей почти две тысячи лет.

Глава третья

В день, который по лучшим подсчетам Иджила был тридцать четвертого курта, Фригдис потащила его от стола с ужином в узкий туннель. Ее лицо выглядело необычным, и движения были нервными. Она открыто посмотрела на него и глубоко вздохнула.

— Иджил,— она смотрела в пол,— вместо нашего... нам нужно... — Она подняла глаза на него.— Ты владеешь Ви́дением. Ты говорил иногда во время твоего долгого лечения, мы знаем, что у тебя мать и сестра ясновидящие, сивиллы, как вы их называете.

Иджил кивнул. Его мозг лихорадочно работал, пытаясь понять, что может с ним сделать Видение в чужом мире.

— Мы исследуем Верхний Мир регулярно,— продолжала Фригдис.— Для нашей собственной защиты мы должны знать, что делают Гхарры. В общем... — Она вздохнула и тряхнула головой.— Мы надеялись не втягивать тебя, чужестранца пришельца, в это, но мы не можем дальше откладывать, и события вовлекут тебя из-за твоего друга Халарека и врага его рода герцога Харлана. Мы приглашаем тебя пойти и разделить с нами Видение.

Фригдис бережно дотронулась до рукава Иджила, подбадривая и приглашая последовать за ней в туннель. Иджил с любопытством охотно последовал за ней. Фригдис продолжала:

— Годи и его советники (я одна из них) предвидели, что Дом Харлана и его сторонники по Старой Партии уберут Гильдию, и это приведет к такому насилию и отчаянному положению, когда закончится правопорядок в Верхнем Мире. Это будет концом наших общин тоже.

Иджил отдернул свою руку от нее. Гнев поднимался в нем все затопляющим приливом. Когда он заговорил, голос его звучал низко и глухо.

— Как мой друг может быть втянут в то, что звучит как конец цивилизованной жизни здесь? Он человек не такого сорта!

Голос Фригдис тоже стал низким и звучал растерянно.

— Я... я думала, это может помочь тебе увидеть своего друга. Нет,— она подняла руку, останавливая вспышку Иджила.— Не пытайся отказываться. Ты был натянут как тетива все эти недели. Ты действительно увидишь его, если пойдешь.— Она посмотрела в пол снова.— Я... я действительно полагаю, что это облегчит твой мозг, это Ви́дение.

— Облегчить меня? Увидеть, как протекает его жизнь, когда я не могу быть рядом? Как может облегчить меня сознание того, что я обманул его ожидания?

— Не по твоей воле ты остался в живых, и от мертвого, тебя не будет ему пользы. Не по твоей воле вернулись к тебе руки; без них от тебя не было бы ему пользы тоже.

— Я знаю это. Вы знаете, что нет прощения для нарушения клятвы, кроме безумия или смерти. Я не сумасшедший и не мертвый. Я не хочу видеть его. Я и без этого достаточно страдаю.

— Вас не волнует, что происходит с ним и с народом Гхарр?

— Меня волнует все, что касается Карна. А что до остальных... Гхарры не особенно... любезны... с чужестранцами.— Он отвернулся.

Фригдис опустила ладонь на его руку.

— Нет. Не уходи.— Ее спокойный, просящий голос остановил его.— Мы одной крови, и мы верим одним богам. Мы понимаем твое чувство чести и боль, которую сейчас оно тебе приносит. Возможно, есть путь искупления, но только если ты придешь на Видение.

Иджил колебался. Почему он должен помогать этим людям? Они разрушили его надежды и оставили доживать век в бесчестье и бесполезности. Это были люди, которые устроили и сохраняли ловушки, убивающие невинных путешественников. Это были люди, которые принесли изувеченное тело Аниалы в назидание другим гостям. Вдобавок, даже сопротивляясь нажиму Фригдис, он напомнил себе, что все, сделанное Наблюдателями, делается ими для защиты их от вероломных лордов Старкера IV. Все дети Викингов понимают выживание. И они спасли его руки. Он сможет отплатить благодарностью, даже ценою боли увидеть Карна, сражающегося в одиночестве с врагами по законам, которых он уже не помнит.

— Иджил?— Фригдис смотрела встревоженно.— Пожалуйста, пойдем.

Иджил взглянул на нее сверху вниз. Он не видел, что может облегчить его невыносимое положение, не видел он и того, как Карн мог быть втянут в какую-нибудь планетарную катастрофу. С другой стороны, визит с Фригдис не ухудшит положения.

— Я иду,— ответил он.

Он последовал за ней в небольшую комнату в узком туннеле. Перекрытия были низкими, стены грубо отесанными, и свет не такой яркий, как в главных туннелях и залах. При ближайшем рассмотрении в комнате не было видно никакого видеооборудования, ни три-д, ни экранов. Как они смогут показать ему что-нибудь без аппаратуры? Видение было даром женщин.

Годи и двое Наблюдателей, которых он не знал, стояли около маленького стола с кристаллическим хрустальным верхом с тонкими золотыми проводочками. Пальцы Годи бегали по хрустальной поверхности. Он поднял глаза на Иджила, подошедшего и вставшего напротив него.

— Мы решили,— сказал он,— мои советники и я, показать тебе,— он указал на стол,— то, о чем другие гости не знают.— Он кивком головы указал на других мужчин:

— Мои *телохранители* Арн и Флоки.

Арн был тощий и костлявый, с квадратной челюстью и грубой светлой шевелюрой. Флоки был ниже, полнее и темноволосый. Красные жилки его выдающегося носа обнаруживали любителя пива или эля.

— Они лучшие из наших Видящих,— продолжал Годи,— поэтому они здесь. Ты здесь потому, что ты дал понять более чем ясно, что для тебя честь и нерушимость клятвы.

Иджил перебирал в мозгу причины, почему это может быть важным сейчас, если все просьбы удовлетворить требования его чести пропускались мимо ушей еще вчера.

Годи продолжал:

— Мы знаем, что в твоем народе только у женщин дар Видения. Здесь этим владеют все. В жестокие первые годы, когда наши предки пытались жить на поверхности, суровые зимы породили нечто вроде зимней спячки в самое холодное время. Наши прародители углублялись в размышления и, управляемые сивиллами, медленно учились Видеть настоящее, прошлое, а иногда будущее.— Годи посмотрел на пальцы, прокладывающие замысловатый след на столешнице.— Ты знаешь, что видеть будущее всегда было даром детей Викингов в той или иной степени. Но дар этот переменчив, он приходит и уходит по воле провидения.— Годи поднял глаза и встретил взгляд Карна.— Мы управляем Даром здесь, а не он нами. Возможно, это отчасти мутация, вызванная машинами, помогавшими в зимней полуспячке. Возможно, нет.

«Он слишком долго подходит к сути,— подумал Иджил.— Но это отличительная черта политиков во всем мире, я полагаю».

Годи продолжал:

— Твой друг, Фригдис, должно быть, сказала тебе, стал ключом к катастрофе, которая скоро обрушится на Старкер IV, если кто-нибудь не предотвратит ее. Сейчас он в безопасности, как мы говорили тебе.— Годи мрачно рассмеялся.— Сейчас, конечно, он заперт в замке из-за зимы, но он начал первым люто мстить Харлану. Он истратил кучу денег, разыскивая тебя.

Иджил вздернул голову и расправил плечи.

— Услышать, что случилось, даже Увидеть это, для вашей или своей пользы все равно не удовлетворят моей клятвы.

Годи скривился.

— Я знаю это. Возможно, мы сможем хотя бы немного помочь сдержать клятву, но требуется соблюдение формальностей. Ты должен поклясться, что никому никогда не сообщишь о нашем существовании и о том, что здесь Видел, прежде, чем мы тебе покажем что-нибудь.

Иджил пытался угадать, что повлечет за собой эта клятва. Годи достаточно ясно дал понять, и «турне» с Магнусом это подтвердило, что отсюда пути нет, не было и не будет никогда. Иджил пожал плечами.

— Зачем нужна клятва?

— Это формальность. Видение — секрет, пока все не будет тщательно проанализировано, символы отделены от реальности, например. Тогда община узнает, что мы Видели. Мы никогда за всю историю не показывали Видения без клятвы.— Годи пожал плечами.— Если в клятве нет пользы, то и урона тоже нет.

Это прозвучало довольно разумно. Иджил понимал традиции и обычаи других людей. Он понимал также, что должен быть очень осторожен, потому что клятвы Викингов часто имеют подвохи, которых позже может избежать только очень сообразительный человек. С другой стороны, сивиллы Болдера держат в секрете свои особенно важные Видения по тем же соображениям особого толкования.

Он взглянул на сверкающую поверхность хрустального стола. Она была огранена и отполирована мастерски. Ему вдруг показалось, что он заметил движение на поверхности, хотя он мог увидеть только красно-коричневый пол. Он тряхнул головой. Иллюзия, вызванная слишком напряженным размышлением о сивиллах и Видении.

Годи простер свою правую руку, повернув ее так, что широкий золотой браслет, символ его власти и могущества, оказался перед Иджилом. Он положил руку на кольцо для клятвы.

Иджил раздумывал, было ли кольцо освящено в храме. Он решил, что в подобной ситуации для него это не имеет значения. Ему было нечего терять, зато можно хотя бы мельком увидеть Карна. Ему будет нетрудно сохранить в секрете эту встречу от других гостей, и у него едва ли будет шанс увидеть кого-нибудь из Верхнего Мира, так что он никогда не раскроет существование Наблюдателей. Он опустил руку на кольцо.

— Я клянусь кольцом и Хеймдалом, своим покровителем, что я никогда не раскрою ни существования народа, именуемого Наблюдатели, ни того, что я увижу здесь, ни одному живому существу.— Он отступил.— Этого достаточно?

Годи кивнул в знак согласия.

— Ты должен коснуться стола руками. Это позволит нам открыть тебе Видение. Это также увеличит силу в каждом из нас.

Все встали вокруг стола, Арн был с одной стороны Иджила, Фригдис с другой. Иджил заметил золотые ямки по размеру большого пальца вдоль бортика стола.

— Поставь пальцы на золотые точки,— приказал Годи,— и сосредоточься, Иджил, сын Оудина, на лице своего друга. Остальные дадут тебе его портрет. Начнем с того, что происходило, когда ты лечился. Теперь концентрируем внимание.

Иджил напомнил себе сказать Годи, что на Болдере уже не называют детей по имени отца на старинный манер, затем закрыл глаза и представил бронзовое лицо Карна, его темные каштановые волосы и медовые глаза.

— Нет,— шепнула Фригдис,— ты не должен закрывать глаза. Что ты увидишь с закрытыми глазами? Смотри на стол.

Иджил послушался. Сначала он видел только смутное движение, которое заметил раньше. Затем оно переросло в знакомые черты Карна и, наконец, в стоящего в боксе Карна, в огромной круглой комнате, напоминающей театр. Люди в одежде с цветом Домов и в куртках и штанах Свободных заполняли ее.

Иджил отдернул руки от стола.

— Вы не смели говорить, что он в безопасности, потому что он в тюрьме.

Картина на столе потускнела и стала дрожать.

— Ты допускаешь, что у нас меньше чести, чем у тебя.—Голос Годи был леденящим.— Мы показываем тебе прошлое. Мы говорили тебе об этом. Позже настоящее. Это случилось, когда ты еще был у Жертвенника.

— У нас нет причины скрывать правду,— добавил Арн.— Он твой друг, и мы делаем это для тебя. Карн Халарек — не тот человек, который интересует нас сейчас.

— Вы знали, что он интересует меня,— вскипел Иджил.— Вы использовали...

— Замолчи и слушай,— шикнула на него Фригдис. Она подтолкнула Иджила к бортику стола и легонько пристукнула его по рукам.— Требуется огромная концентрация, чтобы явился звук и изображение к неясновидящему, а ты мешаешь нам.

— Прошу прощения,— Иджил заставил себя расслабиться.

Цвета и движения на столе снова сложились в людей и обстановку. Ряды над рядами скамей, разделенные на сектора проходами, заполнены мужчинами. Девять длинных столов стояли в центре в полукруге. За несколькими столами сидели люди в цвете Домов, в таких же одеждах сидели люди за ними, и прозрачный бокс был за одним из них, но пустой. Слабый сначала, затем громче, возник шум большого собрания.

Сцена началась за несколько минут до настоящего времени, подумал Иджил, или позже. Либо они действительно умеют видеть на расстоянии, либо этот стол — очень эффектный экран проектора. Он наклонился ближе. Если стол имеет механический проектор, ему хватит мгновения, чтобы увидеть механизм. Возможно, такие золотые проводочки для чего-то предназначены.

Солдаты Совета вели Карна Халарека сквозь группу людей в одежде Домов Одоннела и Кингсленда. Они вели его вниз к столу Халарека, где подтолкнули к боксу.

Иджил застыл в гневе. Лхарр Халарек, задержанный как преступник, перед всеми лордами Девятки! Иджил недолго был на Старкере IV, но очень скоро он понял, как важны для Семей были репутация и общественное мнение. Такое обращение было высшим проявлением неуважения.

Один из солдат направил станнер на Карна и выстрелил.

Иджил громко ахнул и закрыл глаза.

— Смотри, ты, сын Оудина.

Иджил открыл глаза. Стенки кабины зажглись слабым розовым светом. Карн едва улыбнулся солдату, который в ответ расплылся в улыбке, поклонился и вышел из зала. Два солдата Совета остались охранять дверь бокса. Картина в кристалле потускнела на секунду.

— Получасовая пауза,— объяснил Флоки.— Мы редактируем.

Глава четвертая

В палате Совета Ричард Харлан спустился по рядам к сектору Халарека и встал на колено перед Ларгой. Карн бросился к двери кабины. Стражники сдвинулись, преграждая путь Ричарду и закрывая Карна. Ричард поднял руку Ларги к своему лбу в знак глубочайшего уважения Гхарров. Ларга отдернула руку. Ричард рассмеялся и встал. Его голос долетел до Иджила глухим и невнятным.

— Не сердитесь, миледи. Когда закончится сегодня собрание и решения будут объявлены, наши Дома больше не будут воевать друг с другом. Феод закончится. Я надеюсь, это обрадует вас и леди Катрин. Пожалуйста, передайте ей мое восхищение и скажите ей, что я надеюсь скоро лично побеседовать с ней.

Ларга побледнела. Около стола фон Шусса Ник, фон Шусс вскочил на ноги. Только рука барона задержала его.

Иджил стиснул зубы.

— Нет! — выдохнул он с силой. Ричард рассмеялся, поклонился Ларге с необыкновенной грацией, торжествующе взглянул на Карна, с издевкой на Ника и отошел через открытый край полукруга Девяти к столу Харлана. Ларга обернулась к Карну, попрежнему бледная.

— Никогда, — прошептала она. — Я никогда не отдам ему Катрин.

— Не позволяйте ему увидеть, что он достиг цели, матушка, — сказал Карн очень спокойно. — Мы доставим этому выродку слишком большое удовольствие.

И в этот момент под звуки труб маркиз Гормсби вошел с отрядом солдат Совета.

Фригдис, с раскрытыми ладонями на столе, вращала головой от плеча к плечу, вперед, назад и снова по кругу.

— Я никогда так долго не напрягалась, — сказала она. — Видение — это верование, как говорили древние, но теперь ты видел Халарека живым, и я предпочла бы перейти к концу собрания, к приговору Совета. Это устроит тебя, — она взглянула на Иджила, — или остаток от тебя?

— Приговор Совета кому? — Иджил слышал едкость своего вопроса.

Фригдис повращала головой еще немного, несколько движений сделала плечами, затем обернулась к Иджилу с улыбкой.

— Ты говоришь так, будто сомневаешься в благородстве лордов Девяти Семей. — Она иронически всхлипнула. — Какое у них благородство? Годи, мы продолжим?

Годи улыбнулся.

— Ты рассказчица.

Иджил отметил, что они не ответили на его вопрос.

Фригдис повернулась и оперлась осторожно о край стола. Остальные Наблюдатели сидели в расслаблении на полу.

— Были парламентские дебаты по ведению дел, опекунству Харлана, очень важный доклад Гильдии.— Фригдис взглянула на Иджила.— Доклад Гильдии, если ты припомнишь, должен был решить, причастен или нет Дом Харлана в лице последнего герцога к многочисленным покушениям на жизнь Карна Халарека, когда он был на кораблях Гильдии.

Иджил кивнул. Он помнил. Письмо Карна, перечисляющего его трудности на борту корабля Гильдии, было введением в жестокость политики и клановых феодов Старкера IV.

Фригдис глубоко вздохнула и отвернулась к дальней стене, будто видела историю там.

— Председатель объявил голосование по опекунству, так как доклада Гильдии все еще не было.— Ее голос стал ниже и напряженней.— А доклада Гильдии еще не было потому, что Председатель приказал солдатам Совета не впускать делегацию Гильдии. Гильдия! Члены Гильдии угрожали Старкеру IV эмбарго на неопределенный срок.

Иджил глубоко вздохнул. Фригдис взглянула на него пристально.

— Я вижу, ты понимаешь, что означало бы эмбарго. Для Гхарров хотя бы.— Она поменяла положение.— Гильдия представила неопровержимые доказательства того, что Харлан много раз пытался убить юного Халарека, вручила свидетельства и фотоснимки и отбыла. Вскоре после этого Харлан попытался заколоть лорда Карна. Ларга отодвинула своего сына с дороги и приняла удар кинжала.

— Нет,— прошептал Иджил. Он подумал о тонкой золотой женщине с ее очарованьем, красотой, острым умом, честолюбием, и больше всего о ее железной воле, воле, которая сдерживала Девять Семей, пока Карн не добрался до Старкера IV. Она была мертва. Теперь нет лучшего советника Карна по выживанию в политике Гхарров. Иджил покачал головой.— Что будет теперь с Карном без нее? Он чужак среди этих мясников.

— Он быстро учится,— сказал сухо Годи.— Он забрал семь владений вассалов Харлана, прежде чем разразилась гроза.

Флоки тихо рассмеялся.

— Чтобы насолить «мясникам» Девяти, Свободные лишили Семьи председательства, приговорили Ричарда Харлана к девяти годам одиночества в Бревене и передали вассалам Харлана опекунство.

Иджил присвистнул.

— Так много для Дома Харлана. Будет тридцать крошечных поместий, прежде чем Ричард освободится.— Он взглянул на Годи.— А что Карн?

— Совет, именно Свободные и малые Дома, назвали его главой Дома.

Иджил кивнул головой, будто это помогало соединить все, что он сейчас видел и слышал, в единое целое. Ларга мертва, убита. Ричард надолго в заключении. Свободные возглавляют Совет. Карн — глава Дома и мстит. Лесть, в конце концов, это то, что Иджил понимал очень хорошо, хотя на Болдере в последние века подобные дела решались либо Верховным Судьей, либо смертным поединком вместо феода.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Затем Годи выпрямился.

— Это изнуряющая работа, особенно звук. Но ты увидел, что Халарек сейчас в безопасности.

Иджил оглядел хозяев.

— Сейчас? Почему только сейчас? Ричард в заключении. К тому времени, когда он будет свободен, у него не останется верных вассалов. А Фригдис говорила о грозящей катастрофе, но Ларги уже нет. Что вы знаете, но не говорите?

Наблюдатели переглянулись, и Годи кивнул. Фригдис облизнула губы и долгим взглядом осматривала стол, прежде чем заговорить.

— Ричард Харлан сбежит из Бревена когда-то весной.— Фригдис замолчала и оглядела присутствующих, будто спрашивая совета.— Халарек не может противостоять ему сейчас, молодой Лхарр очень неопытен и слишком далек от жизни Гхарров. Харлан и его союзники вернут Старкер IV к варварству, и Гильдия откажется, это погубит нас и Верхний Мир тоже.

Иджил сглотнул и на мгновение замер.

— Гильдия,— наконец-то он смог выговорить,— Гильдия снабжает вас?

У Годи вырвался смешок.

— Сынок, как много, ты думаешь, подземелья в бедной минералами породе могут дать? Конечно, Гильдия помогает нам — части реакторов и топливо, химия для гидропоники, фабрики, семена, электроника — этого мы не можем получить из здешних материалов.

— Минутку,— Иджил быстро оглядел комнату.— Гильдия знает о вас, а Гхарры — нет?

Арн и Флоки кивнули.

— Но как это могло случиться?— Тон Иджила был безрадостным.

Флоки пожал плечами.

— Традиция с обеих сторон.— Он грациозно опустился на пол, продолжая говорить.— Гильдия придерживается абсолютной нейтральности. Полное невмешательство в чужие дела. Если ты помнишь, после тех покушений Гильдия объявила, что больше не будет брать никуда членов Девяти, так как один из Девяти законы феода принес на борт корабля Гильдии. Этот феод может разрушить репутацию Гильдии, навредив пассажирам и их товарам. Что до Гхарров, аристократия придерживается не очень

строгих нравов. Они уверены, что знают все о своем мире и своем обществе, что им надо знать. Это было всегда, когда могущественные высшие классы управляли обществом и его армией.— Голос Флоки почти звенел.

— Мы все это имели и больше не желаем возврата,— Арн хихикнул, потом притих.— К слову, в этом мире есть многое, о чем Гхарры не подозревают.

— Например?

— Мы.

— Значит, вы шпионите за Верхним Миром, чтобы удержать здесь Гильдию?— Иджил посмотрел на каждого Наблюдателя.

— Без Гильдии мы не выжили бы,— сказал Годи.

Арн стучал пальцами, уставившись взглядом на кончики.

— Ты даже представить себе не можешь, как ужасна была жизнь в первые годы после катастрофы. То, что было в этом мире полезного и питательного, только эта малость и была, чтобы выжить. Больше половины оставшихся в живых после аварии погибли в первую зиму от холода. Половина оставшихся — в следующие пять лет.

— Ко второму поколению, между тем,— добавил Флоки,— наши предки снова имели галактическую связь. Они связались с Гильдией, и она пришла. Мы торговали вещими камнями — за товары несколько веков.

Арн кивнул:

— До сих пор стоящий товар...

Флоки одарил его хмурым взглядом, и Арн прикрыл рот. Флоки продолжал:

— Гильдия предлагала вызвать корабль с Болдера, но мы вложили очень много сил, чувств и жизней в этот мир.— Он взглянул на Иджила.— Гильдия возвращалась каждые год или два, пока не появились корабли поселенцев Гхарр. Общины просили Гильдию пропустить два лета, чтобы не обнаруживать уже существующую торговлю, ведь никто не знал, какого сорта новые соседи.— Флоки нахмурился и уставился взглядом в темно-красный пол.— Мы оказались правы, не доверяя соседям. Они были и сейчас есть кровавые бандиты.

Годи встрепенулся и оглядел присутствующих.

— Мы ушли далеко от сути, друзья.

Арн взглянул на Годи, на Иджила, пожал плечами.

— Теперь тебе должно быть ясно, почему Гильдия должна остаться, Иджил.

Иджил кивнул. Арн продолжал:

— Дом Харлана и Дом Халарека среди всех определяют будущее этого мира. Не своим богатством и политической мощью они определяют это, когда боги знают, что Халарек обладает слишком малым и в том, и в другом сейчас, но потому, что феод заставляет Гильдию оставаться здесь. Поэтому-то мы наблюдали за ними с тех пор, как начался феод.

Иджил кивнул. Флоки стал объяснять.

— Мы видели Ричарда, бежавшего из Бревена и ведущего свой Дом к управлению Советом и всем Старкером IV. Его Семья создаст мир, в котором грабеж, предательство, бесконечные междоусобные войны, голод и рабство будут обычным явлением. Может быть, ты думаешь, Гхарры живут так сейчас, но сейчас, по крайней мере, есть подобие Закона и контроль Совета...

Годи прервал Флоки, коснувшись его руки, затем посмотрел оценивающе на Иджила. Он глубоко вздохнул.

— Ричард Харлан — лидер с огромной волей и искрой божьей. Совет разбил его попытку прийти к власти в этот раз потому, что в своей надменной самонадеянности он совершил незаконный захват владений Халарека. Дом Халарека сейчас недостаточно силен, недостаточно мудр юный Лхарр, чтобы в этом мире долго противостоять Харлану. Но юный Лхарр — это единственная оппозиция герцогу. Если герцог сбежит и разобьет Халарека, Гильдия вскоре уйдет. Она никогда не рискует своим имуществом в мире, управляемом грабителями и диктаторами. Гильдии это никогда не требовалось. Она всегда поддерживала безукоризненный нейтралитет, даже здесь, в далеких мирах, ведь не всем нужна Гильдия. Она не нужна им.— Затем он добавил в раздумье: — Действительно, многие из дальних миров принимают цивилизованные формы правления в основном, чтобы пришла Гильдия.

Годи распрямился, вытер ладони о свои брюки, встретился с Иджилом глазами.

— Мы хотим, чтобы ты поймал Ричарда Харлана и вернул его, невредимого, в Бревен до того, как он сможет навредить.

Сердце Иджила замерло. Ричард Харлан! Шанс отомстить Ричарду Харлану! Годи давал ему шанс с Харланом!

— Конечно, я сделаю это. Разве вы сомневались в этом?— Напряжение сказалось в хрипотце его высокого голоса.

— Я думал нечто подобное,— сухо ответил Годи,— когда известны условия.

Только тогда Иджил оценил фразу «вернешь невредимым в Бревен». Идиот! Дурак! Тупица! Ты бросился на приманку слишком быстро! Им удалось захлопнуть за тобой клетку!

На секунду гнев Иджила обернулся против Годи, но Годи только играл по правилам, хорошо известным Иджилу. Он просто был сообразительнее.

Годи наблюдал за ним, и Иджил знал, что он понимает лихорадочные мысли Иджила. Он ждал, пока Иджил справится с гневом прежде, чем он сможет договорить.

— Мне никогда не приходило в голову, что ты согласишься схватить Харлана, даже не спросив об условиях. На Болдере все такие неосторожные? Ладно, не имеет значения. Обещание не клятва, но тем не менее. Ты не можешь теперь отказаться от формальностей обещания.— И прежде, чем Иджил сообразил, Годи прошмыгнул мимо него и вышел.

Иджил вернулся к себе. Через несколько часов он все еще сидел на краю кровати, браня себя за глупость. Он должен был предполагать, что Наблюдатели имеют причину показывать ему Карна. Нет лучшего пути разжечь гончего пса, чем показать ему то, что вызовет его ярую ненависть. Убийца Ларги сделал это. Потом они его сбили с толку и соблазнили так, что он дал опрометчивое обещание.

Размышляя об этом злополучном вечере, Иджил все больше убеждался в том, что рассказы о кораблях и выживании были изворотливым представлением, увеличивающим его любопытство и усыпляющим его природную подозрительность.

Он попался, как простак. Он пообещал схватить Ричарда, не думая о том, что его противник, Годи, потребует взамен. И обещание было только шагом от клятвы. Потом он вспомнил, что клялся никому ни слова не говорить о существовании Наблюдателей. Но эта клятва, казалось, не имела значения, когда единственное, что его ожидало, было жизнью в подземелье.

Слишком поздно он вспомнил слова Верховного Судьи, повторявшего много раз: «Всегда рассматривай каждый возможный аспект клятвы». *А я этого не сделал. Не сделал! Он опутал меня как паук муху! Вот где я попался на мечтах о славе!*

В глубине своего сердца Иджил признавал, что, когда Годи предложил ему шанс поймать Ричарда, он видел себя мстителем за красивую мужественную женщину, бесчестно убитую среди издевающихся врагов; возможно, он получил бы ее прелестную дочь в жены. О таких историях слагают баллады тысячи лет.

Сейчас в его спальне была ночь, и мальчишеские грезы казались смешными. Такие истории делают дураком. Иджил опустил голову на руки. «Мой дед и отец создали и расширили огромную торговую империю. Хэдд открыл Канопию для торговли после многочисленных неудач других людей за сотни лет. Гринг изобретал усовершенствования для систем ориентировки звездолетов, когда ему еще не было двадцати. Эйнар стал вице-адмиралом в тридцать. Сольвейг — именитая сивилла, как мать. Даже Доннер и Кеннер лучше меня, они блестящие ученики. И вот я. Я собирался стать менестрелем, скальдом, но для этого у меня нет голоса. Потом я хотел стать знаменитым художником, но для этого недостаточно моего невеликого таланта. Я прибыл сюда, чтобы стать военным героем.— Иджил горько рассмеялся.— Родные умирают, и сам умрешь, но слава, которую завоевал, не умирает никогда».

Слава, уважение. Иджил склонился еще ниже, его лоб почти коснулся колен. «Что мне делать теперь? Неужели я всегда буду тем самым уродом, без которого не обойтись в семье?»

Долгие часы стыда, фрустрации и безнадежности опустились на него. Ему стало еще тяжелее, когда он вспомнил о хрустальном столе и Видении. Возможно, ему удастся уменьшить ущерб от

данного им обещания. Вернуть Харлана живым? Что же это за месть такая?

Иджил напряженно размышлял. На Болдере было законно и принято увильнуть от клятвы, используя любую словесную или логическую промашку в клятве. Если бы Иджилу повезло и если бы у него была хотя бы крупица материнского таланта, возможно, он мог бы видеть будущее тоже, и этим получил бы небольшое преимущество в роковом соглашении с Годи. Если Годи нужен был Харлан, значит, это было провидение господа, и Иджилу нет нужды нарушать клятву, данную Карну. Господь не желает, чтоб Иджил умер клятвопреступником. Возможно, он тоже поможет Иджилу видеть. Хронометр на стене спальни известил о раннем часе, Иджил выскользнул из комнаты. Он продолжал говорить себе, что если у него есть хоть капля дара Олафсонов и если удача не оставит его, у него есть шанс на Видение тоже.

Комнату с хрустальным столом он отыскал легче, чем ожидал, и у дверей не оказалось стражи. Длань господня. Иджил заглянул в приоткрытую дверь. Внутри тоже никого. Иджил шагнул в комнату. Никакого тревожного сигнала. Он подошел к хрустальному столу. Стол мерцал в сумеречном свете комнаты. Он не видел ни малейшего движения на нем, даже такого, какое замечал раньше. Он опустил свои ладони на край стола и стал пристально вглядываться в сверкающую поверхность. Только женщины были сивиллами. На Болдере только женщины всегда были ясновидящими. Было ли это только обычаем или некоей биологической особенностью? Иджил призвал господа на помощь и затем сосредоточился на центре стола.

Он думал о Карне. Он думал о нем, вспоминая детали. Но магический кристалл насмехался над ним. По краю поверхности шел ободок, отполированный тысячами пальцев за сотни лет. Но все было непроницаемо перед той ничтожной силой дара, которой мог обладать Иджил. Иджил напрягал воображение, желая, чтобы хоть что-нибудь или кто-нибудь явилось на поверхности. Но перед ним был только золотистый сверкающий кристалл. Пот заливал его глаза. Его большой палец ныл от давления на стол. Он терял надежду.

Вдруг, едва различимо, на стекле появилась толпа в праздничных одеждах. Медленно, по мере прояснения изображения, Иджил узнавал Большой Зал в замке Онтар. Торжество пронизало Иджила, и картина исчезла. Иджил раздраженно погасил вспышку радости и сосредоточился изо всех сил. Снова на кристалле возник Зал, наполненный дымом и копотью факелов и далекий, будто он наблюдал с потолка. В Зале было полно народу в пестрой одежде. Факелы горели вдоль стен. Знамена с зелеными и синими цветами Дома Халарека развевались на верхней галерее.

«На знаменах нет черных полос,— буркнул Иджил.— Значит, это не поминки по Карну».

Ему было трудно определить, что же случилось. Он ничего не

слышал, и изображение колебалось как дым, как только его внимание ослабевало. Большая группа людей двинулась в начало зала. Карн вышел вперед и поднялся на возвышение. Его сжатый кулак взметнулся над головой. Толпа размахивала платками и шарфами. Хотя Иджил ничего не слышал, он знал по предыдущим церемониям, что все кричали: «Да здравствует Халарек!»

Ликование захлестнуло Иджила. «Я могу это делать! Я могу!—Он устало согнулся над столом, потный и дрожащий.—Господи, благодарение тебе!—сказал он. Потом:—Я так устал!—Он вспомнил слабость Фригдис после видения Совета. Ликование вернулось.—У меня есть этот Дар!»

Ноги его от напряжения ослабли. Иджил опустился на пол. Он поставил локти на колени и опустил свою голову на руки. Иджил понял, что задремал, только когда услышал шаги рядом с собой. Иджил отклонился виновато и поднял глаза. Перед ним был Годи.

«Я не только в этой комнате без позволения, но и кричал так, что все об этом могли узнать. Глупец!»

— Тебе удалось?—спросил Годи, опускаясь на корточки, чтобы глазами быть на уровне глаз Иджила.

— Удалось?—Иджил уставился на него, скрывая смущение. Годи не был рассержен, как Иджил предполагал.

Годи рассмеялся.

— Есть только одна цель для того, чтобы прийти сюда, сынок, это Видение. Кроме того, кто-то услышал твой крик: «Я Вижу!» Мы не были уверены, есть ли у тебя этот дар, что ж, мы наблюдали.

Опять перехитрили! Иджил был удивлен горечи, которую почувствовал. Приманка свободы по-прежнему маячила перед ним, как морковка перед осликом. Он не должен рисковать, теряя шанс на этой приманке, и показывать Годи свой гнев и огорчение от этой проделки. Получит ли он свободу, преследуя Харлана, или это очередная ловушка? Сын Викингов был знатоком таких трюков. Он иногда и сам проделывал подобное.

Иджил надеялся, что его голос звучал спокойно.

— Что это вам даст?

Годи изучал Иджила.

— Если ты дал нам клятву, но не обладаешь Даром, нам пришлось бы научить тебя с помощью препаратов и снов. Успешно бороться с Ричардом Харланом, который отлично знаком с этим миром и окружен вооруженными людьми, можно только обладая Видением. Это было бы твоим единственным преимуществом.

— Почему вы просто не читаете мои мысли?

— Мы говорили тебе, когда ты только появился, и повторяю тебе сейчас, мы не касаемся мозга, не вмешиваемся в мысли. Это опасно и сложно. Это было запрещено в самом начале. Это значит, что искусство пользоваться им никогда не развилось бы и не будет развиваться. Ты можешь представить такую тесную, густонаселенную общину, как наша, без права на собственные мы-

сли.— Годи встал.— Хватит. Время торопит. Оно идет быстрее, чем без Видения. Не так ли?

— Да, но это смутно, расплывчато и бледно.— Иджил поднялся. Он чувствовал себя разбитым.

— Покажи мне,— сказал Годи.

— Показать тебе?

— Да. Идем.— Годи сделал нетерпеливый жест в сторону стола.

Карн стоял на возвышении. Изображение было четче, теперь и Иджил мог узнать рубашку с длинными рукавами и синюю куртку Халарека, капюшон и отделанные мехом брюки Карна, надеваемые традиционно на церемонии. Карн оделся по случаю церемонии принятия присяги. Карн поднял сжатый кулак над головой.

Его совершеннолетие! Боги, это совершеннолетие Карна, и я видел его!

Картинка потускнела, но Иджил отогнал свой восторг.

— Это было совершеннолетие Халарека?— спросил он наконец.

Годи кивнул.

— Мы говорили тебе, лорд Карн стал совершеннолетним несколько месяцев назад. Сейчас глубокая зима в Верхнем Мире.— Он отодвинулся от стола.— У тебя Видение достаточной силы для новичка. Твоя дружба и кровное братство сделают Халарека более доступным для твоего Видения. Мы сможем научить тебя нескольким вещам, и ты узнаешь, как толковать прошлое из настоящего, из настоящего будущее. Но мы не сможем открыть тебе это, пока не получим обещания насчет Харлана.

— Вы все же нажимаете на меня, не так ли? Я смогу увидеть моего лучшего друга, если сделаю то, что вы просите?

Лицо Годи помрачнело.

— Мы делаем то, что должны делать, чтобы выжить. Ваша дружба и кровное братство не оказывают на тебя давление? А твоя честь разве не оказывает давления?— Голос Годи дрожал от напряжения.— Мы *обязаны* остановить Харлана, ни один из *нас* не выживет Наверху. Мы не знаем климата и погоды уже две тысячи лет. Ты наша единственная надежда. Еще мы знаем, что такое зов кровной мести. И мы знаем, конечно, что Харлан не сможет бороться и составить партию в браке, необходимую ему, в следующие пять лет без его рук.

Смех Иджила был горьким. Он поднял свои руки.

— Я потерял их Наверху. Что заставляет вас думать, что я выживу?

— Мы научили тебя жить с телепатической связью с Бегунами.

Иджил удивился.

— Вы говорили, что вторжение в мозг других запрещено.

Годи кивнул.

— Да, именно это я говорил. Мы не вторгаемся в мозг Бегунов. Он предлагает информацию своей памяти для... размышления... и информация придет к тебе через машину библиотеки, кое-что мы используем со времен катастрофы, для памяти и истории. Ты переработаешь память Бегуна. Это безболезненно и нетрудно, я уверяю тебя, и это займет гораздо меньше времени и гораздо эффективнее, чем передача информации голосом или письмом.

— А если я дам обещание, я получу свободу и врага Карна?

— Ты получишь свободу и врага Карна. Привести в Совет или в Бревен, живого и невредимого.

Это было слишком.

— Невредимого? — Иджил гаркнул. — Это не месть!

Щека Годи дернулась, но он даже не повысил голоса.

— Это должно быть так, но я не могу тебе сказать, почему, так как это изменит будущее еще больше, чем наше вмешательство здесь. Это условие: ты получаешь свободу, Ричард Харлан остается невредимым. Если будет иначе, мы вернем тебя сюда, сотрем все о выживании в твоем мозгу и оставим здесь до конца дней.

Годи повернулся, чтобы выйти, но остановился и посмотрел через плечо.

— Обычно мы пользуемся процессом стирания только с Бегунами, потому что они опасны для нас, пока их память изменяется. Среди нас стирание затрагивает Дар. Подумай хорошенько, прежде чем дать обет, Иджил, сын Оудина. У тебя есть три дня.— Годи вышел.

Три дня.

Иджил снова сел. Казалось, что почва уходила у него из-под ног. Он уронил голову на руки. «Три дня. Если я не соглашусь, я останусь здесь навсегда или погибну в туннелях, а самоубийство позорно. Если дам клятву, я не смогу отомстить Харлану. Если нарушено данное обещание Наблюдателям, я не только буду опозорен, меня схватят, вернут сюда и сотрут память.— Он слепо смотрел в Верхний Мир и небо над ним.— Бог мой! Именно сегодня утром я думал, что ты протягиваешь мне руку! Почему ты не предлагаешь легких выборов?»

Глава пятая

Иджил часами ходил и думал. Он плыл по длинной реке, которую Наблюдатели называли бассейн, и думал. Он сидел в темноте своей комнаты и думал, потом он пошел к краю первых ловушек и заглянул в длинный каменный коридор, где свет переходил в сумерки и таял вдали. Он клялся мстить. Теперь он понимал, что рук недостаточно. Ничто, кроме смерти Харлана, его не удовлетворит. Харлан убил Ларгу, он погубил руки Иджила, его подлости по отношению к Карну бесчисленны. С другой стороны, Иджил знал, что если не выберется из туннелей Наблюдателей, он не

убьет Харлана. Если они выпустят его, то только, чтобы он не убил Харлана. Куда ни кинь, везде бесчестье. Если он побежит в туннель и погибнет, то его бесчестье, по крайней мере, будет неизвестно. Но самоубийство тоже было бесчестьем. А боги все видят и закроют для него Валгалл и не пустят его никогда ни к друзьям по оружию, ни к друзьям по пирушкам.

Иджил отвернулся от туннеля. Не сегодня. Он не побежит по туннелю сегодня. Он не побежит по туннелю, пока не будет до конца уверен, что никакого другого решения нет. Ботинки Иджила оставляли узкий след на тонком слое пыли вдоль стены. У пыли был едва уловимый, сухой запах. Ричард Харлан был опасен для Карна Халарека и его Дома. Иджил пошевелил пальцами, которые все еще не обрели прежней подвижности. Слабость его рук сделает смерть Харлана более долгой, но не менее определенной. Харлан, должно быть, отменный дуэлист, но Иджил был мастером в борьбе Дринн.

Но, если он убьет Харлана, его вернут сюда навечно.

Иджил остановился, слепо глядя на серый каменный пол. Карн не мог узнать, что Харлан сбежит, и, когда он это узнает, Харлан наверняка будет в безопасности дома или с союзниками. Только он мог добраться до Харлана, и, если он убьет Харлана, даже случайно, он обречен на подземелье и чужаков. Иджил медленно возвращался к себе. Он должен сдержать слово защитить Карна. Тем не менее, у него нет другого выхода, кроме обещания Годи, со всеми условиями, и надежды, что господь пошлет ему удачу.

Когда Иджил принял решение, он едва мог дождаться вечерней трапезы, но Годи занимался делами общины только после еды. Иджил, ожидая, готовился, как к церемонии в храме. Он искупался. Он причесался и привел в порядок свою бороду. Он оделся в лучшее из того, что Наблюдатели дали ему. Он добавил браслеты, кольца на руки и пальцы. Слишком возбужденный, чтобы есть, Иджил подождал, когда будут выпиты положенные после еды напитки, и подошел к возвышению Годи.

— Я даю вам клятву. Я схвачу Ричарда Харлана для вас,— сказал он спокойно. Он протянул ладонь к широкому кольцу на руке Годи. Годи кивнул в знак согласия, но не наклонился вперед, чтобы Иджил дотянулся до кольца.

— Хорошо. Тем не менее клятву дают в храме. Завтра утром мы это сделаем перед всей общиной.

Фригдис, стоя за Иджилом, сделала протестующий жест.

— Это слишком скоро,— произнесла она.

Годи заговорил низким голосом, так, как Иджилу не доводилось слышать раньше.

— Дорогая, нет времени. Ты знаешь, что нет времени.

После долгого молчания Фригдис пробормотала:

— Нет, конечно, нет. Это было глупостью с моей стороны.

Могу я сообщить другим общинам, что мы нашли того, кто выполнит задание?

Годи улыбнулся.

— Конечно, дорогая. Когда захочешь.

На секунду Иджил задумался, где это были «другие общины», затем удивился, что никогда не видел связи между Годи и Фригдис раньше. Но это было маловажно. Будущая клятва изменит его жизнь, и к худшему.

— Господа, в чем заключается церемония? Что вы собираетесь делать со мной?

— Клятва поймать Харлана, не убивая его — не больше, не меньше.— Годи замолчал.— Церемония в храме позволяет многим людям услышать клятву потому, что результат твоей охоты жизненно важен для всех нас. Церемония дает силу богов для выполнения обещания.— Годи взглянул на туннель, где скрылась Фригдис.— Мы понимаем месть, хотя ты можешь этому не верить. Мы думаем, тебе будет легче, если будет много присутствующих.

Иджил легко поклонился и ушел к себе. Фрустрация и безнадежность охватили его.

«Годи точно знает, что он делает. Сейчас, когда я убью Ричарда и Наблюдатели вернут меня, все в этой общине будут смотреть на меня с отвращением за вероломство. Не имеет значения, какую клятву я держу, я обречен доживать век в позоре и стыде. Никакой славы. Никакого почета за справедливое убийство такого дьявола. Даже малейшей признательности не будет. Не важно, что я делаю сейчас, я не прибавлю славы нашему семейству. Я не смогу быть частью ее. Я буду ее позором».

Иджил упал на кровать и закрыл глаза руками. Позор. Стыд. Когда у него были подобные грезы!

Ночь была долгой и черной. Рано утром подросток разбудил его. Ему надо было искупаться и предстать перед богами чистым, одеться, как накануне. Ему казалось, что он был окутан медом, который замедлял все его движения. Ему захотелось вплести ленты в бороду, чтобы наряд был ритуальным и законченным. Когда Иджил был готов, мальчик повел его в храм.

Храм был просторный, шире других помещений, виденных Иджилом у Наблюдателей. Напротив дверей в глубине зала стояли три огромных трона. На тронах восседали три бога, гигантские человеческие фигуры, покрытые каким-то веществом, напоминающим цвет кожи. Тор сидел в центре. Его красные волосы и борода блестели как живые. У него были железные перчатки, и его тяжелый топор лежал на коленях. Оудин сидел справа от него, со своими во́ронами на плечах и сверкающим взглядом. Фрей, бог любви и супружества, сидел, скрестив ноги в кресле, красивый, обнаженный. Между богами и священниками находился огромный алтарь, достаточно широкий для жертвенного коня или даже улека. Высоко над ним, под потолком, висели ряды и ряды крюков.

Иджил долго их разглядывал. Восемью девять, возможно, девятью девять крюков. Иджил не мог припомнить храма, где еще были крюки. Но это было древнее место, и Наблюдатели были древним народом, отрезанным от изменений в остальной галактике. Возможно, они до сих пор приносят жертвы. Здесь были хвосты с древних времен Большой Фиесты, проводимой каждые девять лет, когда девять жертв разных живых существ приносились богам. Даже люди. Он вздрогнул. Уверен, что нет.

Мальчик коснулся рукава Иджила. Иджил коснулся коленом пола — положение ритуальное, когда кто-то приносит не то мольбу богам, не то дары. Затем поднялся и последовал за мальчиком вперед. Остальные шли впереди с приношениями мяса и товаров. Все это положили на алтарь, затем распростерлись на полу, бормоча просьбы и молитвы. Когда Иджил подошел, все отступили назад.

От входа донеслись звуки горнов, из-за Оудина вышел Годи, с храмовым кольцом на руке и золотой цепочкой. Мужчины и женщины с зажженными факелами шли по обеим сторонам и образовывали круг у алтаря. Они расступились, открывая путь Годи в центре огней, затем они замкнули круг у ног богов. Все золото и драгоценности на скульптурах полыхали. Сокровища прибыли с кораблем, ведь на Старкере IV нет золота.

— Иджил, сын Оудина! — Голос Годи гремел.

Иджил отошел от мальчика. Годи взял кубок у одного из помощников и плеснул вином к ногам каждого божества, произнося молитвы. Иджил начал надеяться. Если Годи даст обещание Иджилу Оудиссону, то Иджил Олафсон может схватить Ричарда и сделать с ним все, что угодно, без позора, так как клятва не принадлежит юридически Иджилу Олафсону. Свобода и месть. Иджил был рад, что не сказал Годи о том, что на Болдере уже не берут имя отца как фамилию сына. Это будет маленькой платой за штучки Годи, сыгранные с ним. Радость охватила Иджила, и он пытался скрыть ее. Если это вырвется наружу, Годи может заподозрить что-нибудь. Годи был очень проницательным. Он обнаружит причину радости Иджила, как ищейка.

— Иджил, сын Оудина, иди ко мне! — Годи приказал, и Иджилу показалось, что надежда гаснет. Годи взял кольцо и повернулся медленно с высоко поднятым кольцом, чтобы все его увидели, затем жестом подозвал Иджила присоединиться к нему у алтаря со стороны божеств. Годи протянул кольцо Иджилу и заговорил в ритме древних молитв:

Здесь клятв кольцо, нам данное богами,
Чтоб ложью уст своих никто не запятнал.

Годи чуть повернулся к Иджилу, но не достаточно, чтобы остальные услышали его отчетливо:

— Клянись перед всеми, ничего не утаивая.

Годи жестом приказал Иджилу положить руку на кольцо. Он смотрел выжидающе на Иджила. Все еще оставался шанс, что

слова Годи дадут Иджилу возможность увернуться. Иджил покорно наклонил голову и проговорил:

— Церемония мне неизвестна, господин. Скажите вы нужные слова, а я их повторю.

Годи помолчал секунду, заглянув Иджилу в глаза. Иджил, не уверенный в том, что Наблюдатели не читают мыслей, осторожно избегал мыслей об именах и мести Ричарду Харлану.

Годи поднял кольцо выше.

— Говори: «Я, Иджил, сын Оудина, обещаю, что схвачу Ричарда Харлана живым и не убью его, не причиню ему смертного вреда. Я клянусь, что верну Ричарда Харлана в Бревен или в Мировой Совет, чтобы никто не мог убить его или смертельно ранить».

Иджил повторял слова осторожно, точно, внятно. Годи не оставил лазейки, подумал он с трепещущим сердцем. Нет никакой случайной возможности убить Харлана, выдать его врагам, которые расправятся с ним. Я должен был ожидать этого от человека, в совершенстве знающего легальные возможности избежать искусно построенную клятву.

Годи опустил кольцо и закончил церемонию. Все двинулись к дверям. Годи остановил Иджила, твердо взяв его за руку.

— Еще немного, Иджил, сын Оудина. Мы понимаем месть, я уже говорил тебе это. Девять лет в Бревене для Харлана гораздо большее наказание, чем любая смерть или мука. Поверь этому сейчас или узнаешь позже, что все одно и то же.— Он сильно хлопнул Иджила по плечу.— В зале большой праздник в твою честь сейчас. Присоединимся.

Иджил последовал за Годи из храма. Всегда устраивались застолья после церемонии в храме, от жертвоприношений на алтаре остается свежее мясо для стола. Иджил поморщился, вспоминая отвращение кадетов с других планет, которые были потрясены, что жертвы на Болдере съедались молящимися или раздавались беднякам.

«Свежее мясо не приносит пользы резным божествам,— говорил им Иджил.— Вы или я или бедняки, у которых нет оружия для охоты и денег, больше нуждаемся в нем сейчас...» Они обычно отказывались понимать такой практицизм, во всяком случае, сначала.

Стол был богатым, возлияния, последовавшие за ним, обильными, а головная боль на следующее утро была нестерпимой. Через день началось изучение пустыни Цинн и других диких мест. Сначала несколько портных сняли мерки с Иджила для необходимой одежды. Затем начались уроки. Они тянулись неделями. С подъема до обеда Иджил лежал в маленькой камере, соединенный проводками с аппаратами библиотеки, поглощая знания о ядовитых и полезных растениях, о животных, о возможных укрытиях, обычаях Бегунов, которые защитят его, если он их встретит, о повадках дюрской кошки и циннского медведя, о кобрах и ящери-

цах. Он узнавал, как лучше переправляться через реки, определять прочность льда, деревья и ветви для ночлега. Когда наступало время обеда, Иджилу казалось, что мозг его лопнет.

Каждый раз после обеда Иджил шел в ателье в дальнем конце поселения для примерок снаряжения и одежды. Ранец специально подгонялся по спине Иджила. Он должен быть экипирован на все случаи полной опасными неожиданностями жизни Наверху. Костюм, который на нем был в Онтаре, явно не подходил для этого. Необходимы были настоящие водо- и снегонепроницаемые гетры, ботинки для долгого путешествия, накидка от дождя, летняя одежда и меховые парка и штаны как у древних переселенцев с Арктики. Количество и разнообразие говорило о том, что Наблюдатели предполагали нелегкую долгую экспедицию.

Если по утрам у Иджила голова раскалывалась от объема новых знаний, то днем его тело ломило от неподвижного стояния у портного, с которым совершенно невозможно было говорить, так как рот его был набит булавками. Примеркам, казалось, не будет конца.

После примерок и ужина в течение нескольких часов шли тренировки Дара. Он учился сосредотачиваться на поверхности хрустального стола, вызывать изображение, сначала с помощью Фригдис, а затем и без нее. Его образы были сначала тусклыми и беззвучными, но вскоре он понял, что тот-кто-видит «знает», что было в прошлом, в настоящем и в будущем. Через несколько недель Иджил мог вызывать образы, когда хотел. В этих опытах Иджил видел Карна, занимающего небольшие поместья Юра, Линн, Скабиш и Брассик. Бури ухла мешали успешной осаде Рица. Иджил видел Карна в Рице, ведущего отряды к транспортам, возвращающимся в Онтар. Карн хорошо усвоил урок Фермы 3, где генералы оставили людей на снегу и холоде, и многие замерзли навсегда.

Иджил стойко переносил примерки у портного в мертвой тишине более недели, пока стояние столбом, потение и вынужденное молчание не разбили вдребезги его терпение. К тому моменту, когда терпение его лопнуло, он уже часами стоял под тяжестью медвежьей шкуры и меха улека, скроенных с учетом всего, что будет надето под этой одеждой. Тепло мехов и тепло комнаты изнуряли его.

— Зачем столько теплой одежды? Вы думаете, я буду гоняться за этой крысой всю зиму? — спрашивал он.— Я здесь уже целую зиму. И весну, почти убившую меня.— Он, сложив руки, благодарил господа, дающего ему силы.

Портной накалывал детали на одежду Иджила, прихватывая кожу и бормоча что-то сквозь длинные булавки во рту.

Иджил вздохнул с отвращением и уставился на стену перед собой. Она была ровнее всех других, возможно, портной вешал на нее незаконченные вещи. В углу стояло зеркало в полный рост человека. Иджил видел себя спереди и остальную комнату со столами, заваленными тканями, мехом и огромными катушками ни-

ток. Поскольку делать было нечего, Иджил сосредоточился на сверкающей поверхности зеркала, пытаясь сконцентрировать внимание на стекле, как на столе у Годи.

Иджил будто поплыл. Он увидел зелень Болдера, фамильный дом и безоблачное синее небо над ним. Медленно он впитывал тепло и уют этого далекого мира. Он ощутил солнце, услышал глубокий голос отца, легкий звонкий голос матери, заливистый смех братьев и сестры. Эти голоса были его собственными воспоминаниями. Он вспомнил медленное обучение Сольвейг отделять память от Видения. Он опять взглянул в зеркало, закрывая путь воспоминаниям. Возможно, ему поможет мысль о цели, ради которой он стоит здесь.

Глава шестая

Иджил нашел Магнуса и Фригдис в той комнате, где он в первый раз проснулся. Теперь он принял ее за больницу. Они читали, сидя на скамейке возле бассейна с темной водой. Иджил не мог удержаться, чтобы не сообщить хорошую новость, и выкрикнул, не доходя до них, через всю комнату:

— Вижу! Я вижу!

Магнус опустил книгу. Фригдис подняла взгляд от своего вязания и воскликнула:

— Ах!

— Покажи нам,— сказал Магнус, вставая с места.

Все трое пошли в комнату проведения Сеансов, где Иджил объяснил, что он видел в зеркале, потом нажал пальцами углубления в панели. Он передумал и вместо этого сложил руки за спиной.

«Мне не надо дотрагиваться до зеркала»,— объяснил он.

Он сосредоточил взгляд на золотой проволоке и подумал о Карне. Тот появился почти тотчас же, сидящим в зале или библиотеке вместе со своим секретарем Таном Орконаном, худым стариком с заостренным лицом, и с Кит. Иджил узнал в старике бывшего секретаря Карна, покинувшего Онтар как раз перед прибытием Иджила.

Все они, казалось, обсуждали что-то очень серьезное. Даже обычно очень живая Кит спокойно сидела, грациозно сложив руки на коленях. Потом Иджил заметил высокую, худощавую фигуру в тени позади Кит.

— Доблестная леди Агнес,— пробормотал он.— Страж приличий и девичьей добродетели.— Наверное, дело серьезное, раз она смогла заставить Кит сидеть как даму.

Он попытался вспомнить, кем леди Агнес приходилась Карну, но оставил эту мысль. Его мысли почти полностью сосредоточились на мести Ричарду на протяжении всего его пребывания в Он-

таре. Образы заколыхались и постепенно исчезли, потому что Иджил перестал мысленно сосредотачиваться.

Магнус звучно похлопал его по плечу:

— Хорошо! Замечательно! Даже без рук.

Фригдис дотронулась до его сжатых рук и спросила:

— Это то, что ты увидел в зеркале? То совещание насчет невесты, жениха и приведения наследника в Дом Халареков?

«Так вот оно что! Значит, Кит должна выйти замуж. Ну что ж, ей шестнадцать лет, и она уже достаточно взрослая».— Иджил покачал головой.

— Нет, я видел Ричарда в Бревене.

Глаза Фригдис засияли:

— О, замечательно! Прекрасно. Теперь ты не будешь связан кровными узами.— На ее лице сверкнула улыбка.— Некоторые связи остались, ты знаешь, но мы могли бы что-нибудь тут придумать, хотя это было намного труднее. Верни свое Видение.

Иджил вспомнил крошечную комнатку с узкой кроватью и постарался извлечь из памяти этот образ, но вместо этого перед ним возник садик. Начинались сумерки. Какая-то тень двигалась вдоль стены, потом этот образ стерся.

— Что-то не то, да?— вопрос Магнуса прозвучал скорее как утверждение.

— Да, и не могу понять, почему. Мысленно я представляю эту комнату, как будто я был там.

— Это тоже часть подготовки. Мы и не думали достичь всего так быстро.— Фригдис казалась ничуть не разочарованной из-за предстоящего изменения урока.

— Ты скоро научишься видеть то, что нужно, и именно тогда, когда нужно. Теперь ты готов к своему испытанию,— сказал Магнус.

Фригдис взглянула на Магнуса и неодобрительно покачала головой. Тот не обратил на нее внимания.

— Годи хочет, чтобы ты применил свои умения Наверху, прежде чем они тебе действительно понадобятся. Ты еще не достиг полной силы, на это понадобится как минимум два-три месяца. В Верхнем Мире только начинается весна, и до Новогодней Оттепели далеко, так что мы успеем выяснить, хорошо ли ты перенесешь холод и насколько надежно тебя защитит одежда и снаряжение, не подвергая тебя при этом большой опасности. Как уже было сказано, охота может оказаться долгой. Ты должен помнить, что мы не часто бываем Наверху, потому в наших планах могут быть упущения, что-то могло забыться новыми поколениями, ведь прошли века.

У Иджила похолодела в жилах кровь. Он и не думал, что Наблюдатели даже не имеют точного представления о погодных условиях Верхнего Мира. Он взглянул на свои руки. Неужели придется опять расплачиваться руками и за эту охоту?! Он помнил боль и полное онемение рук. Он заставил себя отогнать эти мысли.

— ...к тому времени до Места Жертвоприношения останется пятьдесят километров,— говорил Магнус,— так что при необходимости тебя можно будет спасти. Испытание начнется через два дня.— Магнус повернулся, чтобы уйти.

— Магнус!— предостерегающе произнесла Фригдис.

Магнус с раздражением обернулся.

— Что еще? Хочешь, чтобы я рассказал об испытании все?

Фригдис чуть заметно покачала головой.

— Значит, о кошках Дюр?— Когда она кивнула, Магнус скорчил гримасу.— Думаешь, Годи не рассердится, что я присвоил себе его полномочия?

— Может, старый Годи и рассердился бы, но только не мой брат.

Магнус взглянул на Иджила:

— Ты, наверное, уже слышал о кошках Дюр?

Иджил кивнул.

— Кошки Дюр— это настоящее испытание. Надо будет подобрать подходящее снаряжение, прежде чем идти за ними. Кошки Дюр, пожалуй, самые умные и самые злые из всех известных в природе животных. На протяжении столетий Старкер IV экспортировал их как животных-гладиаторов, пока не перенасытились рынки в других мирах из-за их широкого разведения там и не наступившего исчезновения здесь. Ростом они нам по колено, черные, с когтями длиной шесть сантиметров ярко-желтого цвета.

В других мирах их знают исключительно как «убивающую ярость», которая не стихает, пока жива сама кошка или любое живое существо в пределах ее досягаемости. Этим они похожи на наших берсеркеров, только с шерстью.

Иджилу раз довелось видеть неистовство берсеркера на ринге для борьбы Дринн, десятерым мужчинам пришлось тогда держать одного из них, пока не утихла его ярость. Ему стало не по себе, когда он представил подобное неистовство огромной кошки с длинными когтями.

Магнус изучал свои пальцы.

— Из-за своего неистовства они вряд ли могут выжить в неволе, поэтому они так редки. Наши берсеркеры выстаивали в сражениях в основном потому, что противники чувствовали, что им покровительствует бог. Из-за своей борьбы до последнего конца кошки Дюр и считались таким ни с чем не сравнимым «развлечением» в гладиаторских состязаниях, где так тщательно подбирается «справедливое» оружие. Когти и яростное сопротивление...— Магнус взглянул на Иджила.— Твое задание заключается в том, чтобы поймать и приручить одну из этих кошек, хотя бы, чтобы она давалась в руки.

В общем, приручение вполне возможно. Это доказывает тот факт, что кошек долго использовали как телохранителей, а иногда просто держали в качестве домашних животных. Можешь счи-

тать, что это тренировочный бой с сильным и коварным противником, Ричардом Харланом, только, так сказать, четвероногим.— Магнус прибавил, повысив голос: — Отнесись к этому серьезно, ведь от твоего успеха или поражения в этом задании будет зависеть, разрешат ли тебе выйти на поединок с Харланом.

Иджил показал ему свои руки.

— Да,— рассуждал Магнус,— сейчас они у тебя не в полной силе, но у нас мало времени, ведь мы ожидали, что исцеление будет идти быстрее. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы подготовить тебя к этой охоте. Годи завтра расскажет все, что тебе еще необходимо знать.

— Тебе будет трудно,— добавила Фригдис тихим голосом.— Эта попытка может оказаться смертельной.— Когда она взглянула на Иджила, в ее глазах было столько печали, что у того защемило сердце.— В этом испытании мы еще сможем при необходимости помочь тебе. В охоте за Харланом ты будешь вне пределов досягаемости.

— Сам Бревен находится вне пределов нашей досягаемости, но не Владения,— прибавил Магнус,— о том, чтобы избежать опасности, нечего и думать. Теперь ты хорошо представляешь, что значит жить так, как живут там Бегуны.

Бегуны жили на грани голода, за ними охотились дикие животные и другие Бегуны. У большинства из них не было никаких шансов выжить.

Сразу же после разговора с Магнусом и Фригдис Иджил тщательно осмотрел все снаряжение, по крайней мере то, что было сложено в его комнате и ждало момента, когда сможет быть пущено в дело. Он сравнивал каждую вещь с описанием, полученным от Бегунов, и с тем, что ему с таким трудом удалось узнать самостоятельно. Все соответствовало его представлениям.

Инструкции, которые он получил на другой день от Годи, были краткими и не сопровождались никакими особыми церемониями в духе Гхарров. Было лишь сказано: у Иджила есть столько времени, сколько необходимо, чтобы приручить кошку Дюр, до того момента, пока герцог не успел ускользнуть из Бревена. Если же к этому времени ему не удастся приручить кошку, Иджилу больше не будет позволено выходить на поверхность, ибо Наблюдатели считают, что успешное приручение кошки Дюр может служить единственным подтверждением того, что Иджил научился владеть собой настолько, чтобы удержаться от убийства Харлана.

Когда Годи закончил с инструкциями, Иджил не сдержал гнева, который нарастал в нем с той минуты, когда Магнус рассказал о предстоящем испытании, гнева на то, что его подвергают лишней опасности.

— Ведь такого условия не стояло, когда я давал свое согласие!

— Верно. Можешь думать все, что угодно, но поверь, опыт с кошкой Дюр даст тебе дополнительный шанс выстоять против Харлана.

— Почему я не могу пойти Наверх без этого?

— Мы должны быть уверены, что ты готов. Это вовсе не означает нарушения соглашения, просто одно из условий, которое надо выполнить. Такое же, как и проверить, чему научили Бегуны. Ведь ты не возражал против него.— Годи посмотрел на свою сестру.— Фригдис говорит, что тебе больше не нужна панель для того, чтобы Видеть. Значит, при необходимости ты сможешь выходить с нами на связь во время наших обычных Сеансов. Тебе надо будет просто Увидеть нас и затем сказать то, что ты хочешь. Завтра мы «забросим» тебя на Место Жертвоприношения, поближе к Южной стороне Пика Дюр. Все должно быть сделано быстро, поскольку, как я уже сказал, время не ждет, к тому же это намного безопаснее, чем вести тебя через подземные ходы.

Иджил знал, что Годи вежливо дает понять, что для Наблюдателей было бы безопаснее, если бы он не знал о подземных ходах, поклянись он даже под присягой, что никому о них не расскажет.

На другой день Иджил стоял в маленьком светлом помещении на Верхнем уровне поселения Наблюдателей, ожидая «заброски». На противоположной от него стене висела картина с изображением Места Жертвоприношения, очень похожим на то, куда его принесли Бегуны, но на этой картине на заднем плане возвышались застывшие серые склоны Пика Дюр, места обитания кошек Дюр. В изготовленном на заказ ранце у Иджила лежал набор ловушек, которыми привыкли пользоваться Бегуны, на поясе он носил станнер производства мастерской Риджеллиана, возможно, сделанный самим Анилой. Наблюдатели велели ему мысленно представить себе Место Жертвоприношения, почувствовать дыхание ранней весны, вдохнуть холодного влажного ветра, дующего с Пика Дюр, потом они оставили его одного. Бегуны сказали ему, что кошка-мать занимала пещеру на западном склоне горы, прямо по границе небольшой рощицы. Было известно, что раз в четыре года она бывала в пустыне.

Иджил еще раз взглянул на картину. Гора представляла собой серую глыбу с острыми краями и крутыми склонами. Вершина ее была покрыта снегами, а на склонах сверкал лед. Время Оттепели еще не настало, но оно уже приближалось. Деревья, что росли на горе, были низкорослыми и искривившимися от ветра и снега. Куда-то в те места и предстояло ему взобраться и найти там дикую, норовистую кошку. А потом еще предстояло поймать и приручить ее или же потерять все шансы вновь обрести свободу и честь.

Иджил оглядел свое снаряжение. Поможет ли оно ему? Хватит ли ему имеющихся знаний? На мгновение он сжал руки. Ричард Харлан. Это он чуть не отнял их у него. Заклятый враг Карна. Он должен найти его во что бы то ни стало. Иджил сосредоточился на картине, мысленно ясно представил ее себе, но что-то дрогнуло у него внутри.

Так легко потерпеть неудачу! Может, это страшное задание означает, что бог отверг его? Или это начало новой удачи, кото-

рая не улыбалась ему с тех пор, как он вновь почувствовал свои руки?

В следующее мгновение его чуть не сдуло сильной струей холодного воздуха. Он стоял на черепицах Места Жертвоприношения, а его щит лежал внизу. Южный склон Пика Дюр вздымался прямо перед ним — застывший, серый и холодный. Вблизи он казался еще более неприступным, чем его изображение на картине.

Иджил, поудобнее поправив ранец, проверил станнер, потом вложил его обратно в кобуру и двинулся через черепицу. Бегуны сказали — на границе роцицы. Пространство было огромным, но сведения, полученные от Бегунов, все же давали некоторое представление о местности тому, кто оказывался здесь впервые. Если бы он мог обследовать всю гору, особенно сейчас, когда у кошки-матери появились маленькие котята, да еще и сделать это незаметно...

Он перелез через низкую стену, окружавшую Место Жертвоприношений, и стал взбираться по заснеженному склону первого предгорья. В приятном тепле залов Наблюдателей план казался весьма привлекательным — пойти прямо к границе деревьев. Пока Иджил с трудом пробирался по снежным сугробам, скрывавшим под собой бугры и ямы, и чувствовал порывы ледяного ветра на щеках, привыкших к тепличным температурам мира Наблюдателей, его начали одолевать сомнения — так ли хорош был этот план? Снег оказался глубже, а ветер дул пронзительней, чем можно было предположить.

Первое предгорье вело ко второму, более крутому, а то — к подножию горы. Иджил остановился передохнуть; чтобы остыть, он распахнул парку и посмотрел на подъем. Гора вздымалась громадными пластами остроконечных глыб. Местами склон был похож на гигантскую лестницу, местами на непроходимый утес, окруженный другими, столь же непреодолимыми утесами. Он посмотрел на солнце. Похоже, что он шел уже часа три или четыре.

«Не удивительно, что кошки здесь так долго и успешно сопротивляются,— пробормотал Иджил.— Только Джотун мог бы сюда взобраться».— Он присел у основания одной из каменных глыб, достал флягу с водой и огляделся.

Пик Дюр поднимался из полукруглой долины среди северных гор, протянувшихся на неведомые расстояния к северу, востоку и югу до необитаемой и невозможной для обитания Зоны Мерзлоты.

«Вот уж загадка, так загадка,— подумал Иджил.— Прожив здесь тысячу лет, Гхарры знают об этой земле не больше моего».— Он покачал головой.

На протяжении тысячелетий его предки снискали себе славу исследованиями и созданием поселений на новых землях и в новых мирах. Иджил считал подобную любознательность и склонность к рискованным предприятиям нормальным явлением, до

того, как попал на Старкер IV. Эти люди даже не исследовали свой собственный мир, за пределами территории, казавшейся несомненно пригодной для обитания.

Иджил сделал еще один большой глоток воды, вынул из внутреннего кармана парки немного сушеных фруктов и подумал, каким образом Гхаррам удалось выжить — в 30—40 метрах под землей, питаясь водянистыми фруктами и овощами и теми скудными урожаями зерна и мяса, что удавалось получить за короткий летний период.

«Пригодный для жизни — это, конечно, спорный вопрос»,— признал он.

Он откусил кусок фрукта и огляделся. К западу, за третьей грядой гор, лежали Владения Халарека. Оттуда был виден Пик Дюр, возносившийся выше своих соседей. Он надеялся, что у Карна все в порядке. К югу, всего лишь через одну горную гряду, лежала пустыня Цинн и жили ее Бегуны. На востоке, за горами и за пустыней Цинн, лежит Гильдпорт и вольные города, а далеко-далеко за ними, почти на северной границе Зоны Мерзлоты, лежат нейтральные земли, принадлежащие Мировому Совету.

«Насколько мне известна география Старкера IV, все это находится на другой стороне планеты. Ричард, Бревен и Владения Харлана — все это лежит к западу от Центрального Меридиана».— Иджил встал, стряхнул с себя снег и медленно пошел в направлении на запад, ища путь наверх.

Среди огромного пространства, заваленного гигантскими валунами, по склону горы тянулась каменистая осыпь, вокруг груды каменных глыб, высоко над головой, и затем мимо места, где он стоял, спускалась вниз, уходя в долину. Тысячи плоских каменных обломков покрывали площадь шириной метров пятьдесят и неизвестно какой длины,— край ее исчезал за утесом. Клонимые ветром голубые сосны обрамляли эту реку камней, как песчаные полосы берега́ реки. За ними, на расстоянии, которое трудно было бы перепрыгнуть, лежали валуны в два человеческих роста высотой. Примерная карта Бегунов показывала, что западный склон Пика Дюр представляет собой отвесную крутую скалу, тянущуюся почти до начала рощицы, и, действительно, Бегуны были правы: Каменная река была единственным доступным путем наверх.

Черная птица, питающаяся падалью, кружила в воздухе над бесплодной землей. В камнях пищали и посвистывали мелкие грызуны. Иджил ступил на каменистую осыпь. Мелкие камешки выскользнули у него из-под ноги. Он сделал шаг, другой. Ему казалось, что они выскальзывали до того, как он успевал на них ступить. Иджил продвигался очень медленно, и примерно через час пути у него заболели ноги. Он посмотрел вверх. Ему предстоял еще очень длинный путь. Он посмотрел вокруг. С этого места переход казался ничуть не легче, чем от подножия горы. Иджил оглянулся на пройденный участок пути. То место, где он останав-

ливался перекусить, пересекая прыгун. Отсюда, если посмотреть вниз, животное размером с собаку казалось не больше мыши. Иджил повернулся, чтобы продолжать путь вверх.

Уклон делался все круче. Черная птица пронзительно кричала, то взлетая выше, то опускаясь ниже, медленно кружась. Камень выскользнул у Иджила из-под сапога. Через мгновение целый обломок породы сорвался вниз, бросив Иджила на одно колено и заставив его схватиться руками, чтобы не свалиться вниз. Острая боль обожгла ему руки. Иджил резко сел, задыхаясь, прижав руки к груди, корчась от боли. Он молил бога, чтобы не потерять сознание и не скатиться вниз. И бог услышал его.

Когда ослепляющая боль прошла, Иджил осмотрел руки. Никаких сильно заметных повреждений не было, разве что несколько небольших царапин, но неожиданная резкая боль не вселяла оптимизма по поводу успешной охоты. Иджил подождал, пока он стал в состоянии безболезненно сжимать и разжимать руки, и стал взбираться дальше.

На этом участке склона ему приходилось, несмотря на боль, помогать себе руками. Снег обжигал ему пальцы, в то время как от напряжения по телу стекал пот. Камни осыпались у него под ногами. Иногда Иджилу казалось, что он не продвинулся ни на шаг.

Наконец после, как ему казалось, многих часов пути он достиг груды глыб и обогнул ее. Река щебня тянулась еще на триста или четыреста метров, заканчиваясь узким выступом у подножия низкого утеса.

Иджил сел, чтобы передохнуть и проверить руки. Они были покрыты царапинами, ранами и грязью. Он сжал их. Руки пока работали. Он спрятал их в рукава и держал там, пока не отогрелись пальцы, потом вынул пробку из фляги, сделал долгий глоток, закрыл флягу и улегся немного отдохнуть. К его удивлению, каменистая осыпь оказалась удобной временной кроватью.

Какое-то время он обмахивался расстегнутой паркой и наблюдал за проплывавшими в небе облаками. Небольшие облачка уже не были белыми слоистыми и отделенными друг от друга, а стали плоскими, серыми и начали сгущаться. Приближалась буря. Ему надо было найти убежище. Он еще понаблюдал за облаками, вспоминая, что говорили ему Бегуны, затем нехотя встал на ноги и побрел вверх по склону.

Снег у подножья скалы, растопленный стекавшей по камню водой, превратился в лед. Небольшие ледяные ленты спускались по склону скалы, делая путь опасным. Ветер, не успокаивавшийся с того момента, как он оказался на Месте Жертвоприношения, теперь перешел в легкие дуновения пахнущего влагой воздуха.

Иджил взглянул на скалу. Голые коричневатые ветви какого-то ползучего растения нависали над хребтом, и Иджил видел несколько тонких кончиков веток голубой сосны. Поверхность скалы была изрезанная и почти вертикальная, нельзя было найти ни-

каких щелей, ничего, за что можно было бы зацепиться или на что наступить. Ветер усиливался, и маленькие твердые снежные дробинки впивались ему в щеки. Иджил огляделся. Убежище можно было найти либо среди огромных каменных глыб, где можно было укрыться разве что от ветра, либо среди голубых сосен по краям реки щебня, но сосны были такими хилыми, истощенными ветром, что и от них вряд ли стоило ждать защиты. Он еще раз взглянул на небо. До начала бури оставался час, может быть, и меньше того. Он посмотрел на скалу. Здесь на нее невозможно взобраться, во всяком случае, с его слабыми и только что пораненными руками.

Иджил осторожно выбирал дорогу, идя в западном направлении, вдоль основания скалы. Он достиг ее края, который упирался в непроходимую каменную стену. Он снова глянул на небо. Серые тучи нависли ниже и казались потрепанными внизу. Вот-вот должен начаться снег. Может быть, ему стоило укрыться в углу, образованном из двух каменных стен, поставить свою маленькую палатку на щебне или расстелить специальную подстилку, натянуть на колья, а самому завернуться в спальный мешок. Потом он подумал об огромных сугробах, что увидел у подножия скалы — снежная лавина сорвалась с края во время бури или ее снесло вниз одним из порывов ветра, ударившего в каменную стену. Там он мог и задохнуться.

Он вспомнил о последнем весеннем снеге и то, как он бежал через него, скитание в этой белизне и падение, и... Иджил с содроганием отогнал эти мысли. Должен же быть какой-то способ, чтобы не замерзнуть.

Он медленно шел назад вдоль скалы. На полпути он нашел расселину, тянущуюся к вершине скалы. Должно быть, ее не было видно с другой стороны из-за того, что она была скрыта тенью выступающей восточной оконечности. Внизу расселина была вполне проходимой, но в угасающем свете дня нельзя было с уверенностью сказать, как высоко она тянется и какова ее поверхность там. Расселина казалась не очень широкой.

В худшем случае он просто потеряет время, взбираясь по ней и спускаясь обратно. Иджил сбросил с себя рюкзак, достал длинную тонкую веревку и привязал один ее конец к ранцу. Другой конец он обмотал вокруг пояса. Иджил скользнул в расселину, уперся спиной в одну стенку, а ногами в другую и полез вверх.

Иджил достиг верха, истощенный и покрытый нанесенными ветром льдинками, но целый и невредимый. Почти совсем стемнело, и ледяные дробинки пощелкивали, ударяясь о каменные стены расселины, и шуршали в сосновых ветвях. Он потянулся через усыпанный сосновыми иголками край расселины, нагнулся над ним и, медленно, осторожно работая руками, чтобы не повредить их, втянул ранец наверх. Он быстро проверил, не поврежден ли ранец и нет ли в нем дырок, затем вскинул его на одно плечо и направился к укрытию сосновой рощицы, что виднелась в несколь-

ких метрах от расселины. На краю рощи Иджил стряхнул с себя по возможности весь снег и лед, прополз под склонившимися к самой земле ветками с заледеневшим свежим снегом и снова стряхнулся. Он осмотрелся, выбрал толстый ствол, чуть припорошенный снегом, переполз к нему и сел.

Иджил был доволен, что он может просто дышать и ему не нужно двигаться. Его окружал холодный, но спокойный воздух. Рядом с ним потрескивали на ветру ветки. Иногда с веток падали комья снега, глухо ударяясь о землю. Иджил молился, чтобы снег не ссыпался с веток и ему не пришлось оказаться на открытом ветре. В конце концов Иджил открыл клапан ранца и вынул банку тушеного мяса, жесткое сухое печенье и вторую флягу. Он открыл банку и, пока ждал, чтобы она разогрелась, глотнул из фляги. Он чуть не задохнулся от огненной жидкости, потом отхлебнул еще глоток.

О, мед! После того, как он целый год пил только тонкое вино и слабое Гхаррское пиво, он снова попробовал мед. Небольшая компенсация за отбывание заключения у Наблюдателей. Ужасно, что для этого ему приходится тащиться по холоду и снегу за злой кошкой.

С другой стороны, приготовить здесь мед очень сложно, принимая во внимание условия здешней жизни и получения пищи. Наверное, у Наблюдателей это *был* более редкий и дорогой напиток, чем у него дома. Возможно, это *была* особая награда. Может быть, он должен быть более благодарным.

Иджил сделал еще один глоток, вытер рот тыльной стороной руки, край фляги ладонью и закупорил флягу с напитком.

Он *был* благодарен.

Он съел теплое тушеное мясо и холодное печенье, отвязал спальник из-под ранца, влез в мешок и стянул края так, чтобы снаружи осталось только лицо, потом он заснул.

Утренний свет проникал сквозь ветки и снег рассеянным блеском. Иджил потянулся, это оказалось не просто сделать в затянутом мешке, зевнул, поворочался. Мысли текли спокойно, теплые мысли, уносившие его обратно в сон, когда от жуткого воя у него пробежали мурашки по спине. Он внимательно прислушался. Вокруг стояла тишина, какая может стоять в мире, где только что выпал свежий снег. Он глубже влез в спальник и закрыл глаза.

«Наверное, Бегун,— пробормотал он, все глубже погружаясь в сон.— Говорят, Бегуны издают странные, сверхъестественные вопли».

И снова раздался вой. И снова по спине Иджила пробежали мурашки. Он рывком расстегнул спальник, сел, вытащил шапку и перчатки из ранца и пополз к краю рощицы, чтобы осторожно посмотреть, что происходит. У Бегунов были ритуальные приветствия, которые ему надо было точно помнить, если он ожидал получить помощь или информацию. Бегуны не убивали других лю-

дей, если те не угрожали им первыми, или, так они сказали ему, неподобающе выполненный приветственный ритуал мог считаться угрозой. Он никого не увидел на белой горе

Иджил внимательно осмотрел гору. Она была в этой части несколько более пологой, чем внизу скалы, и была усеяна соснами и растениями, о которых Иджил знал, что они были вечнозелеными кустарниками с колючими иглами и шипами. Всюду лежал снег по колено глубиной, сверкая на утреннем солнце, кругом не было никакого признака присутствия человека. Иджил внимательно изучал склон снова и снова. Внизу, откуда, как ему казалось, доносился вой, огромная черная кошка волокла обмякшее, дергающееся тело прыгуна из-под сосен на открытое заснеженное пространство. Кошка встала, резко выделяясь своей чернотой на белом фоне, до нее было метров сто, поблескивая шерстью на солнце, и издала вой в третий раз.

Иджил тихонько выполз вперед из деревьев, не обращая внимания на обдающий холодом ветер и снег, сыпавшийся с веток прямо ему за воротник. Казалось, кошка его не замечает.

«Мне надо встать с подветренной стороны! — была его первая мысль. А вторая: — Надо благодарить за это Тора и Хеймдала, если правда хотя бы половина из того, что говорят Гхарры о кошках Дюр».

Из колючего кустарника вышли две очень маленьких черных кошки и набросились на прыгуна. Мать отошла и улеглась, наблюдая за ними.

Так близко! Как же ее поймать?

Мать вытянула лапу и принялась вылизывать длинные-предлинные когти, засверкавшие на солнце. Каждое ее движение, даже умывание, говорило о силе, не соответствующей ее размерам. Иджил думал об убивающей ярости и представлял, как он будет выглядеть, если кошка придет в ярость.

«Клочья, — сказал он сам себе. — Маленькие кусочки. Вот на что я буду похож. Эти кошки только убивают. Даже свою пищу: держу пари, они даже не играют со своей добычей, прежде чем съесть ее, как другие кошки».

Котята не решались убить жертву и улеглись вместе рядышком. Кошка поднялась и подкралась, чтобы покончить с тем, что оставили котята. Упругие мышцы мягко изгибались под черной лоснящейся шерстью. Она, припав к добыче, ела, иногда поглядывая на спящих котят. Чем дольше Иджил наблюдал за кошкой, тем увереннее становился, что если поймать мать живой как-нибудь и можно — хотя он был убежден в обратном — но уж приручить ее не удастся однозначно; и, если ему был необходим Харлан, если он хотел когда-нибудь вновь обрести свободу, ему обязательно надо было приручить кошку. Ему надо было взять котенка, но видя, как бдительна была кошка-мать, это было сложно сделать.

Иджил лежал, распластавшись, уткнувшись подбородком

в скрещенные руки и ждал. В конце концов, она прикончит добычу и уйдет. Может быть, он последует за ней и сможет хотя бы выяснить путь к логову. Возможно, через какое-то время он сообразит, что-нибудь подскажет ему, как схватить детеныша.

Кошка-мать, доев добычу, разбудила котят и гордой походкой стала взбираться на гору. Котята кувыркались, скакали и боролись позади нее, иногда забывая, что они должны следовать за ней, тогда матери приходилось возвращаться за ними и напоминать легкими шлепками лапой по спине или по шее.

«А за добычей для себя она, видимо, пойдет позже, если только это за нее не делает кот»,—сказал Иджил сам себе. Это была пугающая мысль: две взрослые кошки Дюр в одном логове. Иджил с трудом сглотнул. Конечно нет. Кошки редко помогают друг другу таким образом. Скорее, кот рассматривал бы котят, как легкую добычу.

Четыре дня Иджил шел по кошачьему следу, теряя его среди голых камней равнин, где ветер заметал следы, или там, где кошки могли ходить по вершинам, покрытым снежной коркой, а Иджилу приходилось прорываться и там. Он каждый раз обнаруживал кошку по вою, которым она звала котят на ужин. В сумерках он каждый день работал над изготовлением мешка из сосновой коры, наподобие спального, в котором он надеялся пронести несколько часов неистового и напуганного котенка Дюр. Он укреплял лоскуты сосновой коры грубой нитью, сделанной из корней сосны. Он также мастерил по вечерам клетку, которая могла понадобиться даже для котенка. Он делал ее из зеленых сосновых веток, вырезая их ножом и укрепляя места соединений шнурами из корней сосны. Ему нужна была смола, чтобы склеить места стыков сосновой клетки, но чтобы приготовить хорошую смолу, требовалось много времени и особые рецепты, которые знали только опытные корабельные плотники (кораблестроители).

На пятый день, когда кошка-мать звала котят к ужину, она стояла всего в нескольких метрах от логова. Иджил, осторожно спустившись, наблюдал, как котята раздирали довольно крупное существо, которое мать принесла им на ужин и от которого к этому моменту остались лишь неузнаваемые мелкие клочья.

«Кота здесь нет,—сказал он сам себе.—Она бы этого не сделала, если бы был опасный кот. И я не видел никакого другого кошачьего следа, не принадлежащего кому-либо из этих троих».

Иджил припал к земле, лежа за колючим кустом и наблюдая, как они ели. Он видел, как мать загнала котят в пещеру. Он проследил, как она пошла за добычей для своего ужина. Она содрала все мясо с длинной, ровной кости, потом подкатила череп поближе к себе и стала старательно вылизывать его содержимое. Даже привыкшего за год пребывания на Старкере IV к жестокостям войны Иджила чуть не стошнило от сознания того, что́ делала ко-

шка-мать. Он уткнулся в снег лицом, надеясь, что холод успокоит порыв его ярости или, по крайней мере, заглушит звук.

А я-то думал, это будет легко! Все, что от меня требовалось — дождаться, пока она уйдет добывать себе пищу и будет достаточно далеко, чтобы не услышать никакого крика. Так легко! Так глупо! Эта кошка убила Бегуна на ужин своим детям!

Глава седьмая

Когда наконец Иджил поднял голову, кошка-мать уже ушла, а котята заснули. Иджил осторожно встал и навел станнер, стараясь двигаться как можно тише. Он надеялся, что глазомер не подведет его, и он прицелился не слишком высоко для маленьких животных. Он выстрелил. Оба котенка повалились так безвольно, что казалось, будто они умерли.

«О нет, Хеймдал! Время, усилия, труд восхождения... И все напрасно!.. Навсегда потерянная свобода...»

Иджил побежал к котятам, схватив рукой мешок и станнер. Искусственное дыхание? Встряска? Что может помочь? Он очищал пальцами аптечку на поясе. Возбуждающее средство...

«Хеймдал, пусть они не умирают!»

Где-то совсем рядом раздался вой матери, Иджил повернулся на этот звук. Кошка-мать ударила его в левое плечо так, что он покачнулся, выронил поимочный мешок и упал. Иджил похолодел от страха. Кошка на половину длины вонзила когти ему в руку. Иджил сжал ей горло правой рукой, пытаясь не подпустить ближе. Зубы ее, смыкаясь, щелкнули прямо около его шеи. Иджил напрягся, пытаясь направить станнер в ее сторону, но ему было очень трудно повернуть руку, которую придавила кошка. Когтями своих задних лап она раздирала ему ноги. Боль прожгла ногу от лодыжки до колена. Иджил выстрелил. Кошка лишь чуть вздрогнула.

Иджил почувствовал момент абсолютного ужаса, ее зубы, проникнув через толстый слой его парки, шарф и свитер с высоким горлом, царапнули ему кожу. Иджил оттолкнулся рукой и еще раз выстрелил из станнера. Это никак не подействовало на кошку. От страха к горлу подкатила горячая, жгучая желчь. Он пропал. Ему предстояло бесславно умереть разодранным на кусочки, разрезанным в клочья бешеным животным на дикой запруженной планете, и никто не узнал бы об этом никогда. Даже в этом последнем деле он не смог проявить себя, как следовало бы Олафсону!

Кошачьи зубы сомкнулись выше на его плече. Боль острыми иглами разлилась по плечу. В отчаянии Иджил поднял станнер, чтобы ударить им кошку. Блеснул мощный зеленый свет. Зеленый, этого недостаточно даже, чтобы убить котят. Кошка вонзила передние когти, потом ее задние когти воткнулись выше. Ид-

жил почувствовал, что порвалась мышца и поток крови хлынул вниз по ноге. Зубы сжались с лязгом, Иджил большим пальцем поставил на максимум ручку регулятора станнера и выстрелил.

Кошка обмякла и отпустила его. Иджил ощутил ее шею рукой, в которой держал станнер. Пульса не было. Иджил вздохнул. Ему казалось, что он боролся с кошкой несколько часов. Все тело его дрожало. Ярость кошек Дюр, очевидно, поражала скорее наблюдателей, чем жертв. Он глянул на свои руки. Они кровоточили от ран, полученных из-за ледяной корки на земле, но все же были целы. Он сжал и разжал их. Они работали. Бог вернул ему удачу.

Иджил попробовал подняться. На мгновение все вокруг потемнело. Когда кружащаяся темнота прошла, Иджил осмотрел себя. Он сидел на окровавленном снегу, превратившемся в месиво, образующее ямы и бугры в результате битвы. Кошка разодрала ему ногу, порезав кожу на длинные тонкие полосы, от бедра до колена. Правая нога была повреждена не так сильно, но и она была залита кровью. Плечо кровоточило множеством точечных проколов. Проколы кровоточили не очень сильно, но быстро воспалялись а следы кошачьих укусов, это было известно, были очень грязными. Он был в тяжелом положении.

Иджил оглянулся на котят. Они зашевелились. Когда они совсем проснутся, это будет опасно. Он поднял станнер. Заряд почти совсем иссяк. От силы один-два выстрела на полной мощности — на большее его не хватит. Пока он еще в силах, надо что-то сделать с котятами. Он уже чувствовал слабость от потери крови, а у него не было ничего, кроме снега да маленьких тампонов в аптечке, чтобы закрыть раны и остановить кровь. Ран было слишком много. Мысли его кружились в темных сумерках между обмороком и сознанием. Если он упадет в обморок, котята проснутся и убегут, если не попытаются сперва поживиться им самим. Если они убегут, ему придется начинать все сначала. А если попытаются съесть его...

Иджил покачнулся и едва удержался, чтобы не упасть. Холод обжигал незащищенную кожу. Здесь была весна, но она не чувствовалась. Харлан скроется весной. Ему придется спасаться весной. Весной даже на Старкере IV светило солнце и цвели цветы. Караванные пути становились сухими, а на полетных высотах стояло безветрие. Харлан мог вернуться к власти к летнему сезону борьбы. Лето означало полеты транспортных кораблей и войск и сухую почву. И Гхарры всегда покидали свои совершенно безопасные подземные владения, чтобы воевать друг с другом наверху.

Иджил покачал головой. Невозможно понять. Газ был бы здесь подходящим оружием. Но его использовали лишь однажды. Лорд Дома Кериннена заткнул коробками с газом вентиляционную систему своих врагов во время Войны. Газ вызвал мутации, которые привели к Болезни. Даже теперь, 140 лет спустя, Болезнь убивала большую часть женщин Семей. Семьи полностью унич-

тожили Дом Кериннена. Не осталось ни камня, ни тропинки, ни капли крови Кериннена. Иджил посмотрел на себя. Может статься, что не останется и капли крови Иджила Олафсона. Он наблюдал, как капли его крови падают на снег. Он истекал кровью.

Слабое мяуканье котят пробудило Иджила настолько, чтобы о них подумать. Ему нужно взять котенка, иначе он не сможет помочь Карну; не сможет отомстить Харлану. Харлан. Он должен убить Харлана. Но сначала он должен заполучить кошку Дюр. Кошек здесь не было, только котята.

Иджил сосредоточил взгляд на маленьких черных тельцах у пещеры. «Поймать котенка. Котенка необходимо засунуть в мешок прежде, чем он окончательно проснется. Но его раны? Можно же с ними что-то сделать».

«Сначала одно,— сказал он себе,— потом другое, не все сразу. Сначала — котенок».

Иджил пополз к мешку для поимки, который лежал на том месте, где на него напала кошка, потом пополз к котятам. От каждого движения жгучая боль в ногах усиливалась. Каждый метр казался в десять раз длиннее. У Иджила было ощущение, будто он смотрит в туннель, а котята — это темное пятнышко в маленьком круге света в конце туннеля. Он часто останавливался, опуская голову, и ждал, пока пройдет черная предобморочная волна.

Его пальцы гладили теплый, гладкий мех. Иджил заставил себя смотреть. Котята. Они ворочались и постанывали, почти совсем проснувшись. Иджил держал в одной руке открытый мешок, а другой обхватил котенка. Вес казался слишком большим. Рука отказывалась подняться, слабея против его воли. Он напряг руку как только мог и засунул извивающегося котенка в мешок.

Он зажал его рукой, положив на землю, и подождал, опустив голову, пока силы не вернутся к нему. Он с усилием подтянул поближе второго котенка и тоже засунул его в мешок, затянул потуже веревку сверху и упал на снег животом вниз. Он положил голову на руки. Ему предстояло долгое путешествие вниз, а он знал, что не в состоянии его предпринять. Он не мог преодолеть никакого, даже самого малейшего расстояния. Наверное, он даже не сможет снова дотащиться вместе с добычей до своего укрытия в соснах.

Позже Иджил понял, что он, должно быть, потерял сознание, потому что, когда он снова посмотрел вверх, солнце уже клонилось к закату. Холод проникал через толстую одежду. Слабость подкатывалась волной от самого легкого движения. Мешок с добычей дергался и рычал. Иджил перевернул его и обнаружил прогрызаемую дыру.

«Шустрые зверята»,— пробормотал он.

Он перевернулся, чтобы зажать отверстие здоровым плечом. Котята рычали и фыркали. Иджил знал, что у него нет больше времени. Надо было звать на помощь. Если удача еще не окончательно покинула его, можно попасть на вечерний сеанс связи.

Он представил склон горы и кошку Дюр, лежащую в крови

распластавшись. Он напряженно думал о Фригдис и удерживал образ распластавшейся в крови кошки, пока его глаза и память позволяли сосредоточиться. Он не попал на связь. Он окончательно обессилел.

Иджил издал глубокий, дрожащий вздох. Не так умирает Викинг — один, на холодной горе, смертельно истекая кровью из-за того, что ему не хватило ума сообразить, как неистово будет кошка-мать защищать свое потомство. Он мог бы умереть, защищая пост охраны в битве, или с доброй репутацией завершить свой путь на дипломатическом, торговом или научном поприще. Он должен был ради своей семьи совершить что-то в своей жизни. А так его семья и не узнает, что с ним сталось, если только Мать или Сольвейг не вызовут Видение. Но об этом будут знать боги. Даже в этом холодном, богом покинутом мире, боги узнают. Возможно, они введут его в Валгалл, все равно. Может быть, и нет. Почему боги, осудившие самих себя, должны проявлять милость к какому-то юнцу, приговоренному всегда ходить в стороне от путей славы.

«У меня даже нет сил для предсмертной песни»,— прошептал он в открытое небо.

Черная птица в поисках падали кружила наверху. Котята в мешке царапались и рычали. Иджил чувствовал, как жизненные силы покидали его, сочась на снег. Все вокруг потемнело...

Иджил пробуждался. Он слышал крики, голоса, поскрипывание лыж, но не мог заставить себя сосредоточиться и открыть глаза. Его приподняли и снова опустили. Шуршание лыж по снегу было почти совсем рядом с его ухом. Что мог поделать со смертью великий бог Ньорд?

Время от времени Иджилу слышались голоса, и другие звуки доносились до него, иногда ему чудились какие-то резкие движения, один раз он почувствовал, что как бы висит в пространстве. Ничто уже не имело значения. Враги Карна сокрушат его, но Иджил уже не сможет этого предотвратить.

— Прости меня, Карн,— прошептал он.

— Иджил? Иджил, ну возвращайся же!

Это был голос Фригдис, и пронзительная тревога, звучавшая в нем, требовала, чтобы Иджил обратил внимание. Ему не хотелось обращать внимание. Темное место, где он лежал, было таким тихим и спокойным.

— Иджил! Не засыпай больше. Посмотри на меня!

Иджил нехотя открыл глаза. Фригдис, со строгим светлым лицом, стояла возле скамьи, на которой он спал. Он снова был в лазарете, как он заметил, напряжение исчезло, а Фригдис улыбнулась.

— Эй! Я уж думала, ты никогда не вернешься оттуда, где ты странствовал.

Сердитое рычание послышалось откуда-то с пола, у ее ног. Фригдис посмотрела вниз, а потом на Иджила.

— Выживший котенок хочет есть. Ты будешь его сегодня кормить. По-другому тебе не завоевать ее сердце.— Она опять посмотрела вниз.— Может быть, его не завоевать никак. Мы не знаем почему, но она убила свою сестру.— Она опять взглянула на Иджила.— Некоторые из наших сомневаются, что ты сможешь поймать Харлана, не убив его. И сможешь ли ты вообще его поймать, памятуя о том, что произошло с животными.

Иджил приподнялся, опершись на локоть, и посмотрел на свои перевязанные ноги. Поврежденное плечо заныло от этого движения. Глупо, конечно, было идти за котятами, не убив сперва их мать или не убедившись, что она достаточно далеко, чтобы что-то слышать. Ну что ж, он должен был расплачиваться за свою глупость. Может быть, расплачиваться до конца своих дней, если большинство считало так, как сказала Фригдис. О Хеймдал! Не может быть, чтобы так считало большинство! Иджил со стоном упал на скамью.

Фригдис похлопала его по незабинтованному плечу.

— Отдохни спокойно. Мы убедили остальных, по крайней мере, пока, что они недооценили инстинкты кошки Дюр. На Харлана инстинкт так не действует, и это даст тебе преимущество. Может быть.— Она снова улыбнулась.— Но тот раз ты просто потерял несколько дней. Вот здесь, на полу, твоя кошка, твои следы она чует рядом.— Она засмеялась.— Для такого маленького зверька нужна была ужасно прочная клетка. Начинай приручать ее, как только сможешь немножко двигаться.

Фригдис опять похлопала его по здоровому плечу и вышла. Иджил долго смотрел через дверной проем, в который вышла Фригдис, и после того, как она исчезла из виду. Ему повезло, что у него есть такой друг среди Наблюдателей. И он *выжил* в борьбе с кошкой Дюр. И он привел кошку Дюр. Три большие удачи. Возможно, бог не покинет его теперь.

Удача не изменила Иджилу. Он быстро поправлялся, хотя ноги было трудно передвигать еще в течение месяца. Котенок потихоньку приручался, хотя дело шло не так быстро, как хотелось бы Иджилу. Важнее было то, что Ричард Харлан все еще оставался в тюрьме. Все было бы напрасно, если бы Харлан сбежал прежде, чем Иджил приручит кошку.

Приручать кошку Иджил начал кормлением с руки. Если она не принимала еду от него, она оставалась голодной. Она ничего не ела все то время, что он оставался без сознания. Она не ела и потом, пока не ослабела до того, что едва могла стоять. Иджил испытывал и гнев и восхищение этим маленьким созданием одновременно. Она не хотела, также как и он, жить в неволе и делала все, что могла, чтобы стать свободной. Когда зверек ослабел до того, что не мог больше сопротивляться, Иджил достал его из

клетки, положил себе на колени и обрезал ему когти. Котенок сверкнул на него злыми изумрудными глазами.

«Не хочешь повиноваться до самого конца, малыш? — Он отважился успокаивающе похлопать его по спине.— Ты уж прости, но я не дам тебе умереть от голода».

Он с трудом разжал челюсти котенка, вынул у себя изо рта кусок сырого мяса, который перед этим разжевал, и положил ему на язык. Тот лишь зло посмотрел на Иджила. Он снова разжал ему челюсти, продвинул кусок ближе к горлу, запрокинул его голову назад и поглаживал его, пока котенку не пришлось проглотить мясо. Он отказался самостоятельно проглотить второй кусок, и третий, и четвертый.

В течение двух дней Иджил кормил котенка насильно. Всю следующую неделю он разжевывал еду для него. Только на третью неделю он взял еду с руки Иджила. Сперва маленькая кошка взяла еду, а потом попыталась царапнуть руку. Потом она взяла пищу, не обратив на Иджила никакого внимания. Потом она съела еду охотно и замурлыкала. На этом этапе Иджил позволил ей выйти из клетки и прогуляться по своему тесному жилищу. Он стал знакомить ее с Наблюдателями, каждый раз с одним человеком, сажая в клетку каждый раз, когда она рычала или пыталась ударить кого-либо из них.

Иджил сделал ей красный кожаный ошейник с заклепками, наподобие такого, что носили когда-то кошки на гладиаторской арене, чтобы защитить горло. Он знал, что ошейник не предохранит ее горло от человеческого оружия, но он давал понять, что она кому-то принадлежит, а, кроме того, красный цвет ярко контрастировал с ее шерстью. С помощью прослушивания пленок из библиотеки по древнему искусству приручения львов он приступил к дрессировке кошки, которую назвал Скади, чтобы сделать из нее помощника в битвах: учил отзываться на кличку, нападать по команде, останавливать нападение. Последнее было самым трудным, хотя Иджил много тренировался с ней в Верхнем Мире, она никак не могла этому научиться. Он отложил эту часть дрессировки, надеясь, что она научится этому, когда подрастет. Принятие такого решения означало, что он не возьмет ее с собой на охоту за Харланом. Она могла быть слишком опасна. Иджил хотел бы, конечно, взять ее с собой. Он надеялся, что она сможет добывать мясо для них обоих, тогда можно было бы не ставить силков для добывания свежей пищи, но она была еще слишком неподготовлена, чтобы с уверенностью рассчитывать на успех. Он хотел, чтобы кошка была рядом с ним. Она становилась его другом, а здесь, среди Наблюдателей, у него не было других друзей, кроме Фригдис.

Иджил только что закончил очередной день тренировки со Скади наверху и раздевался, чтобы принять ванну, когда какой-то юноша внезапно появился на пороге его комнаты. Уставшая кошка зарычала и бросилась на него, оставив несколько мелких ро-

зовых царапин на ноге. Иджил ударил ее рукой и в наказание привязал к кольцу, вделанному в стену рядом с клеткой, так как клетку она уже переросла. Юноша посмотрел на царапины, потом передал то, с чем пришел:

— Вы должны немедленно идти! Ричард Харлан сбежал!

Иджил накинул на себя длинную повседневную рубаху и поспешил за юношей в большой зал, где ждал Годи, сидя в своем высоком кресле. Фригдис, Магнус, Арн, Флоки и другие члены его свиты расположились по другую сторону стола, напротив. Иджил остановился перед Годи, механически поклонился и сел на одно из свободных мест на скамье.

— Флоки, расскажи, что тебе удалось увидеть,— приказал Годи.

Флоки встал.

— Я мысленно перемещался, обозревая Верхний Мир. Как обычно делал это в последнее время, я сосредоточил внимание на Бревене, Харлане и Халареке.

— В Бревене было необычайно шумно,— вмешался Арн.— Тогда Флоки вернулся во времени и попал как раз в точку волнений. Ричард Харлан, одевшись в серую рясу священника и накинув капюшон, никем не замеченный, выскользнул через дверь в сад. Он убил охранника, попытавшегося ему помешать. Переполох возник, когда нашли тело убитого стража.

Флоки взглянул на Иджила.

— Ни один священник не может покинуть территорию поселения без вызова аббата или семьи. Отсутствие Харлана обнаружилось лишь спустя несколько часов, во время вечерней трапезы,— продолжал он. Он замолчал и потер шею.— Прошу прощения. Сеанс был очень долгим. К тому времени, когда побег был обнаружен, Харлан был уже в предгорьях к северу от Бревена.

— Он не доверяет даже своим людям,— добавил Арн.— Его кузены, должно быть, борются между собой и с вассалами, чтобы захватить власть над Домом, объединенные общим заблуждением, что Харлан не вернется. По крайней мере, живым.

Иджил почувствовал сильную досаду. Много же у него намечается компаньонов на охоте. Кажется, чересчур много. Он тяжело перекинул ногу через скамью, собираясь уйти, и произнес, стараясь скрыть разочарование в голосе:

— В таком случае, вам вряд ли понадобятся мои услуги.

Годи поднял руки и жестом велел ему вернуться за стол.

— Наоборот. Мы же уже говорили тебе: Харлан нам нужен живым. А кузенам — вряд ли.— Годи изучал Иджила так, будто мог прочитать его мысли.— Можешь выходить, как только соберешь снаряжение. Помни, ты должен не просто поймать Харлана, но и оставить его в живых. Кузены просто немного усложнят тебе работу.

Иджил слышал о клановых убийцах. «Немного усложнят» — наверное, это самое «большое преуменьшение» десятилетия.

Годи покатил через стол маленький круглый предмет Иджилу.

— Это обнаруживатель ловушек. По всему северу Старкера IV лежат руины, и охота предстоит долгая. Он может тебе пригодиться. Харлан идет не в свои Владения, а к Кингсленду, к своему старому опекуну, и через Зону Мерзлоты, поскольку Гхарры там никогда не появляются. На этот раз мы не сможем тебе помочь, ты будешь вне пределов нашей досягаемости, ты будешь вне каких-либо мест жертвоприношений. Ты будешь один на один с Харланом. Готов ли ты к этому?

— Готов, господин.

Глава восьмая

Пока Иджил собирал свое снаряжение и звал Скади, отвлекая ее от мечтаний, чтобы она зашла к нему в комнату, Годи организовал прощальную встречу. В качестве исключения он включил в число приглашенных Бегуна, который взял Иджила в свою группу. Группа видела Харлана, удалявшегося на север к дымящемуся горизонту.

— Это облегчит твои поиски, инопланетянин,— сказал Бегун.— Здесь есть только две области, похожие на Зону Мерзлоты. Одна лежит на самом севере Лоха и полна вулканов. В другой много гейзеров с горячей водой и булькающей грязью. Она лежит между владениями Конноров и землями Совета.

Иджил тряхнул головой.

— Поблизости владений Харлана ее нет. Он выбрал неправильное направление!

Фригдис фыркнула:

— Отряды Совета и малого Дома дислоцированы вокруг Харлана и Одоннела на протяжении многих часов пути Харлана. Он не сможет вернуться домой.

Годи заглянул Иджилу в глаза.

— Он не сможет обойти Бревен, если только ему кто-нибудь не поможет. Кто-то оставил пакет со снаряжением и одеждой на холодную погоду не более, чем в километре от поселка. Мы не знаем, считал этот помощник Харлана больным или здоровым. Да это и неважно. Главное — мы знаем, что он выжил.

— Но будущее изменчиво,— Иджил думал о переменах, которые он намеревался внести в будущее Харлана.

Годи пожал плечами:

— Будущее изменчиво. Мы постараемся сделать все, что в наших силах.

Некоторое время спустя Иджил стоял на площади, с которой им предстояло тронуться в путь, на ледяном ветру, глядя на горы, которые ему предстояло пересечь. Площадь находилась в чашеобразной котловине, как раз в Зоне Мерзлоты! На север, восток и запад от Иджила лежали остроконечные серые горы. На юге за

огромной кручей лежала бледная зелень открытых степей, освобожденная от снега, и несколько дальше блестела гладь озера Святого Павла. На северо-западном конце озера виднелось темное пятно. Это был свободный Лок. Дом Бревена находился на другом конце озера, спрятанный в сосновом лесу и окруженный им.

«Как легко, должно быть, было Харлану бежать»,— подумал Иджил. Снега не было уже пару недель. На земле остался только лед. На нем не остается следов.

«Как еще помогали Харлану, если не считать этого пакета с вещами, и как еще будут помогать?» — размышлял Иджил. Почему он бежал на север, где нет ничего живого? И почему пешком? Иджил вышел из общества Наблюдателей, и до этого момента не слишком задумывался над поведением Харлана. Флайеры были быстрым видом транспорта у Кингслендов, но они также были слишком заметны в воздухе и на земле, представляя собой идеальный объект для атаки. Они выделялись бы на фоне Орбитального транспорта Гильдии, даже если приземлились бы в Зоне Мерзлоты. Особенно, если приземлились бы в зоне Мерзлоты. Гильдия наверняка сообщает о таких неординарных событиях, как это, не считая, что вмешивается во внутренние дела. Так, в прошлом ухле она использовала Орбитальный пикс для обнаружения потерпевшего аварию флиттера с детьми, что было результатом упорного нежелания вассалов Карна платить ему дань. Когда наконец вассалы были вынуждены сдаться, был слишком поздний ухл, чтобы лететь безопасно.

«Это был предпоследний ухл,— сказал Иджил сам себе,— но спал я до последнего ухла».

Теперь, пробудившийся, он жил. Стояла весна, его любимое время года. Воздух позднего утра мягко касался его щек, нес запах осиновых почек, текущей воды, влажной земли и листьев. Иджил наслаждался пребыванием в Верхнем Мире. Он был свободен! Здесь был воздух, настоящий воздух после долгих месяцев вдыхания вещества из циркуляции. Иджил не удержался от того, чтобы сделать несколько глубоких вдохов и насладиться запахами, теплом и влажностью весны. Он потянулся и издал крик радости. Он был наконец свободен! Эхо вернулось к нему, отразившись от серых стен скалы. Иджил тихо стоял и слушал, пока последний звук эхо не замер в тишине. Теперь он слышал везде вокруг себя тихо журчащую воду, которая пробивалась из-под снега и бежала по щелям и проходам в черепице. «Пинь-пинь» неслось с верхней ветки дерева, что значило: «Кто там? Кто там?»

Иджил еще раз вдохнул и принялся проверять свое снаряжение. Спальный мешок, секира, станнер, лопата, два котелка, термос, медицинская сумка, сумка на обратный путь со всем содержимым — все было на месте. Итак, он был полностью готов и запаковал сумку. Она показалась ему тяжелее, чем обычно. Он продел руки в лямки, проверил снаряжение, висящее снаружи, чтобы

быть уверенным, что оно в порядке, затем вышел на старую дорогу караванов, которая бежала от болот Лондора до границ владений Друма. Переход через Зону Мерзлоты был бы долгим и холодным, хотя на границе с ней уже наступало лето. Иджил не видел необходимости идти через холодные подножия гор, когда он мог путешествовать по теплой весенней дороге. Только когда он увидел межевые знаки, он повернул к горам.

Идти по плотной утрамбованной земле было легко и сравнительно безопасно. Вдоль дороги не было деревьев, за которыми мог бы спрятаться нападающий. Только серебристая трава до колен была слегка прикрыта остатками зимнего снега. Если кто-то и остался сзади, чтобы вести преследование, он не мог бы спрятаться здесь. Если Харлан выбрал эту дорогу и затем оставил бы ее, серебристая трава показала бы это. Иджил шел по этой дороге около трех часов, пока она не пересекла узкую речную долину со старым каменным мостом. Песчаный берег на другой стороне был истоптан несколькими парами ног. Все следы уходили на север. Иджил склонился над несколькими хорошими отпечатками, которые он обнаружил. Люди в военных ботинках, марширующие на север. Эскорт Харлана? Или убийцы его кузена? Или, может, кузены сами охотятся за ним? Иджил с отвращением подумал об этом. Он знал политиков Гхарра! Любой родственник, оставленный позади, предъявляет свои права на власть, порой убивая всех остальных наследников. Иджил сел на краю моста и принялся обозревать окрестности. Вскоре он увидел Ричарда, сидящего в одиночестве в узкой расщелине около термоса и моющего свои синие от холода руки. За ним были видны над горами темные столбы дыма, которые относило на восток. Ждал ли Харлан свой эскорт или собирался встретить его на дороге, обдумывая свое возвращение к власти, или строил планы против Совета, или же просто пытался согреться, этого Иджил знать не мог. Но он знал, что видит будущее Харлана. Он знал, что Харлан пытается согреться, но надеялся, что у него ничего не получится.

Иджил повернулся и пошел по истоптанному песку к подножиям гор. Ледяной ветер обрушился на узкую долину, заставив Иджила поднять свой воротник. Деревья: осина, голубая ель, огненное дерево — качались и гнулись под порывами ветра. На землю ложились длинные тени, превращая безлиственные ветви в длинные тонкие нити, тянущиеся над травой. Появились хлопья снега, но их было так мало, что они не могли оставить след.

Иджил взглянул на исчезающее солнце. Оставалось все меньше света. Нужно было найти место для ночлега, а утром продолжить охоту. Иджил собирался спать в тепле, для чего необходимо отыскать укрытие, спасающее от возможных наблюдателей, где он мог развести костер и поставить палатку без боязни неожиданной атаки. Хотел бы он знать, в этой ли долине он видел Харлана. К сожалению, Предвидение не указывало мест. Встреча с Харла-

ном могла оказаться роковой. Харлан не рисковал оставлять в живых никого, кто знал о его местонахождении.

Двумя днями спустя Иджил получил первое предостережение, что Харлан уже близко. Он чувствовал запах паленого мяса. Иджил остановился, втягивая воздух, слушая, осматриваясь, и только затем двинулся дальше. Через несколько сотен метров он обнаружил тело очень молодого человека, одетого в зимний камуфляж. Одна сторона его тела была полностью сожжена лучеметом. Возможно, это был один из убийц.

Иджил со вздохом посмотрел на тело. «Ты забыл, что повелитель Харлана — дуэлянт и меткий стрелок, не так ли? Ты больше не сделаешь такой ошибки. Тебе вообще не придется больше делать ошибок».

Иджил склонился над юношей и тщательно обследовал его карманы. Либо он не носил удостоверения личности с собой, либо все, что у него было, забрал Харлан. Убийцы не носили с собой удостоверений личности. В лучемете убитого оставалось еще один-два заряда, что для Харлана было явно недостаточно. Иджил еще раз убедился в собственной безопасности, затем прикрепил лучемет к поясу. Лучеметы были опасным оружием, но в некоторых случаях они применялись.

После этого Иджил передвигался с гораздо большей осторожностью.

Через полчаса пути он оказался у маленького озера. На берегу его был разбит небольшой лагерь. Харлан поставил на северном берегу двухместную палатку у самого подножия горы. Гора работала как гигантская солнечная батарея, поддерживая постоянное тепло на озере и в долине. «Это обычное явление на Старкере IV поздней весной»,— сказал сам себе Иджил. Тем не менее Харлан развел костер и грел над ним руки, дрожа от холода. Похоже, он был один. Рука Иджила легла на станнер. На таком расстоянии попасть можно было только по чистой случайности, но больше такой хорошей возможности могло не представиться. Иджил поднял станнер и прицелился. Он представил себе, как Харлан падает сраженным на песок, чтобы никогда больше не подняться. Никогда больше не убивать. Карн защищен. Вендетта свершилась.

Но выстрел из укрытия не удовлетворяет требованиям вендетты. Я встану и окликну его.

Мускулы Иджила напряглись, он собрался подняться, но выучка Академии остановила его. Не позволяй своей воспитанности останавливать трезвый ход мысли. Это вдалбливалось во всех воспитанников снова и снова. Несмотря на это, Иджилу были ближе естественные порывы. Но если бы он стал действовать по ним, он бы погиб. Ричард Харлан сразил бы его из лучемета, когда он бы вставал.

По телу его прошла горячая волна страха, и ноги его на мгновение стали ватными. Не будет ни обвинений, ни вендетты, ни чести. Только смерть. Смерть из-за гордости

Кроме того, Иджил внезапно подумал о том, что Харлан получал тайную помощь непонятно от кого. И это было так же плохо. Эта тайная помощь была так же опасна Карну, как и сам Харлан, потому что она открывала широкие возможности для вероломства. Был ли это Кингсленд? Наблюдатели сообщали, что Харлан бежал по направлению к Кингсленду, но тот мог быть лишь прикрытием для кого-либо еще. Или нет. В любом случае, Карн не знал о происходящем и поэтому рисковал.

Иджил стал смотреть в сторону, чтобы не поддаться соблазну. Вендетта была бы сладка. Некоторое время это было бы хорошо, но Годи сказал, что девять лет в Бревене были для Харлана намного хуже, чем все то, что Иджил мог сделать с ним. Годи также сказал, что дальнейшее существование Харлана необходимо этому миру, а Годи бывают обычно правы.

Иджил старался припомнить более подробно все то, что он знал. Харлан получил помощь в Бревене, но бежал в дикие места один. Это говорило о том, что он не верил людям своего собственного дома и не желал, чтобы те охраняли его. Факт, что он сидел около озера, мог тоже о чем-то говорить. Возможно, остальные отпечатки на песке принадлежали людям, которые вышли вперед, чтобы удостовериться, что глава Харлана будет в безопасности. С другой стороны, они могли принадлежать и убийцам.

Харлан встал и начал складывать палатку. Когда она была сложена, Иджил увидел коптящиеся на небольшом огне куски мяса и понял, почему Харлан задержался здесь. Он охотился. А раз так, то он решил, что не может позволить обнаружить себя по пище, которая сбрасывалась бы ему с воздуха. Или, возможно, его союзник не хотел быть увиденным, или и то, и другое. Иджил размышлял, станет ли Совет казнить Харлана, если захватит его в плен. И думал ли об этом Харлан? Он так упорно выбирал дорогу, на которой не было никакого шанса встретить других людей.

Внезапно Иджил понял, какие сложности создаст Карну его настоящее намерение убить Харлана. Все, что случается в Доме Харланов, может быть очень важным для Дома Халареков. У Харлана есть план. Он имеет, по крайней мере, одного союзника, который хочет помочь ему уйти от Совета. У Карна были только мечты против здоровья и политической власти Харлана. Он бежал через зону из соображений выгоды. Скрыть цель своего путешествия? Защитить себя от своих родственников? Наверняка спрятаться от патрулей и флайеров Совета. Возможно, Харлан что-то знал о Зоне Мерзлоты, чего не знали другие Гхарры.

Личная месть не казалась больше Иджилу такой хорошей идеей ни после того, что сказал Годи, ни после того, о чем подумал сам Иджил. Убийство Харлана положит конец возможности изучения как его намерений, так и намерений его союзника. Иджил почувствовал разочарование. Его планы о мести, его жажда мести обернулись бы против Карна. Он не знал, как ему избежать

клейма клятвопреступника. Хотя в этом мире это было неважно. Многие повелители из Девяти не имели представления о чести. Но дома...

Харлан упаковал сумку, пристроил станнер к поясу и выбрался из долины. Иджил заметил второе оружие. Он начал двигаться с быстротой, которую позволяла безопасность. Харлан карабкался по широкому склону, который вел к проходу между горами. Когда Иджил тоже добрался до него, он увидел высокие столбы дыма, поднимающиеся к небесам. Точно такие же он видел в Видении. Харлан шел по узкой длинной долине с замерзшей рекой посередине.

На другой день и в последующие дни Харлан двигался на север по направлению к столбам дыма. Каждую ночь Харлан сидел около костра и грел руки точь-в-точь так, как было в Видении.

«Его костюм не так хорош, как мой,— думал Иджил в первую ночь.— По крайней мере, я нахожусь в тепле».

Снег падал почти каждую ночь, и земля замерзала. Изредка теплый ветер налетал в долину, но это не был весенний ветер. Он пах серой и дымом. Всюду, куда не долетал этот ветер, воздух оставался холодным. Даже в самое теплое время суток ручейки и лужи были покрыты льдом. Иджилу приходилось напоминать себе, что там, далеко на юге, царствовала поздняя весна. Зарево над горизонтом становилось все ярче и ярче, и Иджил начинал все больше беспокоиться и думать о конечной цели пути Харлана.

Харлан вскарабкался на холм, покрытый редкими деревьями и кустами. Он подошел к краю горы и смотрел на то, что было за ним. Иджил передвигался, прячась за тонкими деревьями, так что он тоже мог видеть. Холм обрывался, как утес, на его дальней стороне. Края основания утеса закрывались облаками или дымом. Всюду чувствовался запах серы.

У основания холма поднимался пар из нор и расщелин, и в этом было что-то зловещее. Часть долины озарялась красным заревом, затем некоторые области розовели, а потом приобретали совсем черный цвет, здесь и там торчали вершины вулканов, которые выглядели черными памятниками. Некоторые из них дымились, другие выглядели холодными и мертвыми. Иджила охватило мрачное предчувствие. Он вовсе не хотел путешествовать здесь. Как мог он следить за Харланом, когда в этой области даже не за чем было спрятаться. Ему пришлось бы найти свою собственную тропинку, но все знания Бегунов, которые он получил, не помогли бы ему здесь. У Харлана, по крайней мере, была карта. Он слишком спешил рисковать своей шкурой, не имея достаточных шансов на благополучное завершение путешествия. Знание еще не есть гарантия безопасности. Иджил подумал о своем собственном родственнике, который прекрасно знал термические области Болдера, и тем не менее погиб, когда предполагавшаяся безопасная почва оказалась тонкой корочкой над кипящей водой. Нет, он не хочет спускаться туда.

Силуэт Харлана выделялся над горящим ландшафтом. Ствол лучемета показался из группки растений с толстыми листьями к востоку от вершины утеса. Послышался звук выстрела. Было уже слишком поздно для Харлана, который вскрикнул и упал на землю. Был ли он мертв? Иджил почувствовал приступ ярости. Он решил мстить, нарушив клятву, а какой-то ничтожный убийца расправился с Харланом.

«Не спеши с выводами»,— сказал ему внутренний голос. Харлан очень умный человек. Он мог сделать только то, что на его месте сделал бы каждый: стать не такой заметной мишенью.

Воздух наполнился запахом электричества и паленого. Иджил смотрел, но не увидел никого в чаще. Убийца, если он умен, был уже где-то в другом месте. Иджил снова взглянул на Харлана. Тот полз, прижимаясь к земле, к ближайшему убежищу— большой скале. Одна рука его зажимала другую, а сам он изрыгал проклятия.

«Ему везет,— подумал Иджил.— Или неловкий убийца». Это было более вероятно. Профессиональные убийцы не могут допускать ошибок. С другой стороны, отец Харлана, герцог Астен Харлан, был настолько не способен к убийствам, что это стало постоянным поводом для шуток, по крайней мере, в Халареке.

Раздался еще один выстрел лучемета. Харлан выругался.

Он был слишком близко, чтобы Иджил мог быть спокоен, особенно если убийца действительно так неловок, как это доказывали первые два выстрела.

Иджил был почти уверен, что второй раз в Харлана не попали. Это было слишком сложно.

«Боги!— подумал Иджил.— Это мог быть просто родственник. Никакой уважающий себя профессиональный убийца, упустив такую важную мишень единожды, не оставил бы ее во второй раз. Это не Бегун. У них нет лучеметов». Иджил сглотнул ком, стоявший в горле. Лучеметы были страшными, жестокими, эффективными оружиями. Он видел Карна, в которого стрелял из лучемета неумелый (потому что Карн остался жить) убийца. Он помнил недели и недели боли, мучавшей Карна. С тех пор Карн не пользовался лучеметом.

Иджил стал смотреть на группу растений с толстыми листьями. Сколько будет еще попыток? В этот момент он увидел вспышку, как будто стрелял лучемет. Харлан видел ее тоже. Он выстрелил туда из своего собственного лучемета. Растения загорелись. Иджил отрешенно ждал результата. Харлан был дуэлянт; убийца не смог убить его даже с двух попыток, убийца был мертв, как один из лесов за озером.

Харлан ждал. Ждал и Иджил. Выстрелов больше не было. Харлан выжидал достаточно долгое время. Наконец он поднялся. Когда за этим не последовало выстрела, он постоял еще некоторое время, прислушиваясь, затем пошел к этой рощице, сжимая в руке лучемет. Он обошел ее, ворошa листву.

«Натан, ты дурак!» — сказал Харлан с сожалением. Он повернулся спиной к тому, что было убийцей, и вновь двинулся в путь.

«У меня будет серьезная борьба за шкуру Харлана,— сказал угрюмо Иджил сам себе.— Если здесь было двое убийц, возможно, их будет еще больше. Я не могу убить его. Боги проклянут меня.— Иджил снова взглянул на Харлана.— Хотя убийцы сделают преследование более интересным».

Харлан шел на восток по вершине хребта уверенно и целеустремленно. Иджил следовал за ним с быстротой, которую позволяла безопасность. Неожиданно в зимнем безмолвии послышался звук двигателя флайера. Иджил пожалел о том, что не уделял слишком много времени тренировкам, иначе бы он сейчас, по крайней мере, мог определить вид флайера или его размеры.

Аппарат появился из-за последнего ряда гор. Это был большой флиттер, примерно на десять пассажиров, помеченный цветами Дома. Харлан, увидев его, метнулся в сторону, затем спрятался за колючие кусты, чтобы защитить себя от струи воздуха при приземлении. Флиттер кружился над большой открытой площадкой на вершине горы. Если Харлан сядет на него, Иджилу не останется никаких шансов узнать его союзника. Если же Иджил остановит Харлана, он не будет больше тайным преследователем, и Харлан наверняка убьет его из засады или в открытую.

Харлан бежал к флиттеру.

«Это было бы для тебя слишком легко»,— проворчал Иджил.

Он вытащил лучемет, прицелился и выстрелил в двигатели, затем бросился под укрытие скал, которые были достаточно далеко. Харлан заметил трассирующий снаряд. Его голова повернулась в сторону убежища Иджила, затем он бросил вещи на землю и закрыл голову руками. Флиттер неожиданно взлетел, объятый пламенем. Иджил закрыл глаза, чтобы не ослепнуть. Вспышка проникала через веки, затем внезапно исчезла. Иджил подождал еще одну-две минуты. Его мозг подсказывал ему, что в живых не остался никто... Ждать дальше с закрытыми глазами тоже было нельзя, Иджил тоже мог погибнуть. Это зависело от того, восстановится ли у Харлана зрение раньше, чем у него.

Когда Иджил открыл глаза, он увидел груду металла и островки пламени на обломках. Ричард Харлан исчез.

Глава девятая

Иджил огляделся по сторонам, чтобы быть уверенным, что Харлан не ушел в другое место, поджидая, когда убийца обнаружит себя. Следы, оставленные бегущим человеком, вели по песку на восток к вершине горы. Харлан знал теперь, что кто-то снова преследует его. Иджилу следовало бы быть гораздо более осторожным.

Иджил оставил свой мешок и лучемет достаточно далеко — на

скале. В последнем не было больше реальной необходимости, а кроме того, он ненавидел этот вид оружия сам по себе. Затем он вышел на след Харлана. Он обдумывал, как ему не сделать ошибок, не дать Харлану возможности обнаружить, кто преследует его. Иджил снял крышку с фляги, сделал глоток и задумался, затем посмотрел на банку консервов, лежавшую у его ног на пробивающейся из-под земли травке. Его желудок недовольно забурчал, требуя пищи. Иджил вновь взглянул на траву. По песчаному следу очень легко идти, но передвижение по нему очень замедлено. На сухой траве будет сложно искать след Харлана, невероятно сложно. Иджил сидел и ждал, пока консервы охладятся до такой степени, что их можно будет есть. Его желудок заворчал снова, во рту появилась сухость. Иджил тряхнул головой. Позже. Он поест позже. Харлан не мог уйти далеко, но у него была карта, и нужно было не дать ему возможности устроить засаду для своего преследователя.

Иджил забросил за плечи мешок, запрятав туда банку консервов и вдоволь напившись из фляги, затем на ходу настроил одну из запасных раций.

«Сотни тысяч лет человеческой истории,— думал он,— и никто не придумал рации, воспринимающей след».

После нескольких часов преследования Иджил подошел к берегу реки, покрытому деревьями. Оглянувшись назад на равнину, покрытую испарениями и дымом, Иджил понял, что это было не что иное, как метка на местности для Харлана, что-то, что мог найти даже идиот пилот. Иджил изучил ландшафт на предмет возможных укрытий для засады. Ничего не было заметно, но деревья обеспечивали все варианты прикрытия, и не было способа преследовать Харлана, избегая их. Иджил трусцой бежал по ясно видимой тропке. Через несколько метров он почувствовал внутренний толчок. Тренировка заставила его броситься на землю и откатиться в сторону. Огромное дерево обрушилось на то место, где он только что стоял.

Иджил медленно сел и долго смотрел на дерево. Старая голубая ель ударилась о землю с такой силой, что ее вершина сломалась. Без тренировки Дринна он не смог бы так быстро откатиться в сторону и неминуемо бы погиб. Его выстрел во флиттер поменял расстановку сил в игре. Теперь начнутся ловушки. Ему определенно придется быть более осторожным. Но это значит, более медлительным, а скорость Харлана при этом увеличится.

Иджил осмотрелся, ища каких-нибудь следов Харлана, но в сумраке леса ничего не было видно. Не было и каких-либо следов флиттера, который мог бы забрать Харлана. Ловушка задержала Иджила слишком надолго. Харлан ушел.

Иджил повернулся назад и посмотрел вниз. Горы простирались повсюду. На юго-востоке между горами лежала широкая долина, похожая на гигантское седло, а горы на другой стороне казались ниже, чем остальные. Ему придется свериться с Предвиде-

нием, но оно не принесло бы много пользы, Иджил не так хорошо знал местность, а без солнца сориентироваться было трудно. Перед тем, как окончательно стемнело, Иджил разбил лагерь и поискал место поудобнее для Видения. Он спорил сам с собой, выбрать скалу, обращенную к северу, но на теплом ветре, либо у основания скалы, смотрящей на юг, чей склон был обособлен от солнца. Затем он передернул плечами. В конце концов, Видение не продлится долго, и комфорт не так важен.

Он выбрал скалу, смотрящую на юг, и сфокусировал свой внутренний глаз на Ричарде Харлане. Первый взгляд был из прошлого. Он показал Харлана в его костюме дьякона в своей комнате в Бревене. Иджил отогнал его и сделал следующую попытку. Следующий образ показал Харлана, сидящего в долине и греющего свои руки над источником. Снова прошлое. Иджил подумал, что если бы Видение было более научным, он мог бы получать правильный ответ сразу. В действительности же даже Наблюдатели не могли получать требуемый ответ.

Иджил подумал о своем желудке, взял флягу и консервы с фруктами из мешка, положил на консервы разогревающие таблетки и вернулся к скале. «По крайней мере, они успеют остыть, чтобы их можно было есть»,— подумал он.

Он попытался возобновить Видение, концентрируя свои мысли на солнце и горах перед ним. В этот момент он увидел берег реки, текущей на юг между горами, расположенными далеко друг от друга. Харлан передвигался в очень высоких горах. Иджил узнал Пик Дар, возвышающийся далеко за рекой. Мог ли это быть действительно Пик Дар? Эта гора была значительно выше, чем ее соседи, но Иджил не знал, как она выглядит с севера. Большая река. Пик Дар. Он посмотрел в своем Видении на запад. Здесь должна была быть другая, серая гора с пологими склонами. Гора Паук. Она там и была. Тогда это была река Эднов, и это значило, что Харлан находится непосредственно к северу от владений Халарека. Иджил вспомнил, как он переходил Эднов по льду после неудачной атаки союзников Харлана. Как далеко на севере находится Харлан? Что он делает так близко к Халареку? Нападают ли сейчас на Карна? Наверняка нет.

Теперь он нашел Харлана и мог следить за ним. Иджил делал так, как его учили когда-то. Он шел за Харланом назад по времени. Это был очень медленный процесс, отнимающий у него час за часом. Он шел назад по реке и через горы. Это было похоже на обратный ход пленки, когда много фрагментов пропускается. Кадр остановился на склоне горы, который был виден с места, где сидел Иджил. В мыслях он видел там Харлана, который отдыхал и ел. Иджил пристально всматривался в рельеф. Харлан был недалеко. Иджил мог наверстать один день, если бы путь к склону было легко найти. Иджил хотел было посмотреть на конец охоты, чтобы знать, чем все это кончится, но Провидцы говорили, что увидеть чью-нибудь будущую смерть — это значит разрушить всю

свою последующую жизнь. Никто не мог жить спокойно с таким знанием, и для многих такое Видение заставляло ждать своей смерти или, еще хуже, бросаться навстречу ей.

Близость Харлана к Халареку беспокоила Иджила. Ричарду нужно было только пересечь узкую полоску земли, которая была владениями Друма, и он был бы в Халареке. «Сколько вреда может принести один человек?» — спросил Иджил сам себя. Но Харлан был необычный человек.

Иджил вспомнил про свою остывающую пищу и начал медленно есть, думая о Карне и его врагах. Поев, он вернулся к скале и устроился около нее так, чтобы увидеть владения Халарека и малый Онтар.

Карн стоял в комнате пилотов, изучая карту, тщательно прикрепленную к стене. Грегг, предводитель спецотряда, и близкие друзья Карна среди пилотов собрались вокруг него. Карн показал на место в Зоне Мерзлоты, затем посмотрел на Яна Виллема:

— Ты говоришь, Гильдия передавала о подозрительном взрыве в этом районе?

— Да.

— В Зоне Мерзлоты?

— Да.

— Какие будут предположения или идеи, что это или кто это?

— Гильдия говорила что-то о вулканах, но наши специалисты отвергли этот вариант.

— Никто не летает через Зону Мерзлоты,— задумчиво произнес Грегг.

— Это делает проблему еще более интересной,— сказал Ян.

Карн повернулся, чтобы посмотреть на него.

— Вы что-то не договариваете, Ян.

— Ну, я знаю не совсем точно, но сводный брат жены моего родственника является кузеном лорду Ричарду. Поэтому он знает о событиях, происходящих там. Он говорил, что Натан Харлан исчез примерно неделю назад, и с тех пор никто ничего не слышал о нем. Тогда Олану было разрешено взять для поиска флиттер, но он также не вернулся.

— Ты думаешь, Ричард убивает своих братьев?

— Натана, может быть. Он всегда был слишком амбициозен. Олана? Я сомневаюсь. Ричарду он нравился, кроме того, он не составлял ему конкуренции в борьбе за власть.

Карн в растерянности провел рукой по волосам:

— Я думал, что Олан мягкотел, совершенно некомпетентен, но не знал, что он в фаворе у Ричарда.

Ян пожал плечами:

— Иногда Олан ведет себя абсолютно нормально, как и все. А в некоторые дни он сидит на полу, уставившись на стены, и часами смотрит на них. Бывает, что он выкидывает такое, что приходится его запирать. Я слышал, что небольшая фракция при дворе хочет видеть Олана у власти. Я полагаю, это проделки Натана.

— Без сомнения, Олан был бы марионеткой для этой змеи,— голос Виллема был мрачен.

В дверь комнаты тихо постучали.

— Кто там?— резко и нетерпеливо спросил Карн.

Ответа не последовало. Дэннен Виллем открыл дверь. Худенькая бледная женщина стояла снаружи.

— Ну?— тон Карна стал еще более нетерпеливым.

— Б... барон. Срочное сообщение, мой повелитель.

Карн развернулся к ней:

— Ради бога, Лизанна! Я не кусаюсь.

Лизанна вздрогнула и сделала шаг назад. Карн что-то процедил сквозь зубы, затем подошел к ней, мягко обнял за плечи и вернул в комнату.

— Извини, что я повысил голос на тебя. Мы так разговариваем друг с другом, но я не хотел делать тебе больно. Верь мне, пожалуйста, эти дни для тебя кончились. Пойдем посмотрим, чего хочет барон.

Они оставили комнату. Пилоты молча проводили их. Наконец Грегг со вздохом отвернулся от двери:

— Во имя моей матери! Я ежедневно благодарю бога за то, что я не принадлежу к этим Семьям и мне не придется так получать наследника.

— Ее слишком часто били,— угрюмо произнес Дэннен Виллем.— Пройдет время, и все будет в порядке. Какой здравомыслящий человек отдаст свою дочь мужчине с репутацией, которую ему оставил отец лорда Карна? Или лорду с Харланом в качестве врага?

— Очевидно, лорд Френсис Арнетт.

Смех, который последовал за именем лорда Френсиса, был не самым дружелюбным.

Иджил постепенно приходил в себя. Угроза только что увиденного висела над ним, как туман. Он тосковал по солнечному свету, чистому воздуху и ясной политике Болдера.

Иджил провел почти бессонную ночь. Он проснулся перед рассветом, чувствуя себя совершенно разбитым. Харлан выберет кратчайший путь, а Иджил уже отстал от него, по крайней мере, на полдня, если считать, что ловушек больше не будет. Иджил сказал себе, что если случится самое худшее и он не сможет найти ни Эднов, ни гребень той горы, он сможет дойти до владений Друма и посмотреть, помогут ли связи его отца заставить Гильдию показать ему план Зоны Мерзлоты.

Внезапно другая мысль пришла ему в голову, и руки его сжались в кулаки: «Не будь дураком! Любой контакт с Гхаррами ведет к невозможности отвечать на вопросы». Он закусил губу и стал смотреть вдаль. Ему не нравилась такая ситуация. Один раз он смог снова присоединиться к Карну... Он прогнал эту мысль прочь. Можно было подождать с ответами на подобные вопросы, пока не будут сделаны более важные дела.

Иджил забросил за плечи мешок, окинул прощальным взглядом владения Халарека и двинулся дальше вниз по тропе.

Через четыре дня Иджил стоял на склоне горы к северо-востоку от Друма. Несколько раньше у него дважды было мимолетное Видение. Похоже, это был Харлан. Оба раза он видел темную фигуру, которая должна была быть медведем, но ходила совсем не так, как ходят эти звери, а кроме того, находилась слишком далеко от их ареала. Поиски продолжались. Хребет горы, появившийся в Видении, не носил на себе никаких следов Харлана. Между ним и Эдновом должны были быть дни пути. Если это, конечно, был Эднов.

Что, если он изменил направление? Что, если я неправильно понял, где он находится? О Боги! Что, если я не найду его снова?

Мысли о возвращении к Провидцам лишали Иджила энергии. Что стоила жизнь вдалеке от всех и всего, что он знал и любил. Иджил сел на зеленую полянку, покрытую горными дикими цветами, и стал смотреть на земли Друма, расположенные у подножий гор. Была поздняя весна или раннее лето. Он никогда не видел вердейна на Старкере IV. Но ему больше и не хотелось этого. Путешествие продолжалось уже долго, а Харлан постоянно был в недосягаемости.

Но он уже не мог сдаться. Он нашел Харлана с помощью Видения. Он сделает это еще раз. Как он может чувствовать себя таким подавленным, когда Старкер IV раскинулся перед ним, весь в зелени, а воздух пах травой и цветами, водой и весной? Стайка небольших птиц опустилась на землю недалеко от него и принялась что-то искать в зеленой траве. Далеко внизу, у подножий гор, гуляли улеки. Иджил даже различал цвета их одежды.

Смотри, ты не единственный, оставшийся в живых. Другие там, внизу.

Но он чувствовал себя очень одиноко. Иджил бросил последний взгляд на границы цивилизации и двинулся по склону вверх на другую сторону горы. Он не верил, что Харлан сам войдет во владения Друма, покинув Зону Мерзлоты. Но он близко подошел к ним. Возможно, Харлан приходил за припасами, как в Бревене, или снова хотел взглянуть на владения. Он ведь тоже проводил недели в одиночестве.

Иджил посмотрел назад на Друма. Герцог Друма был вассалом Одоннела и, таким образом, в некотором роде союзником Дома Харланов, но он также был вассалом Халарека. Сложно оставаться между двумя воюющими Домами, даже если эта война из-за каких-то древних обещаний, данных в самых различных условиях. Судя по тому, что Иджил видел в Совете, герцог был консервативен, но старый человек не станет охотно помогать преступнику, даже если этот преступник — настоящий лорд. У герцога Друма не было такой твердости характера.

Харлан наверняка обойдет Владения, выбрав затем наимягчайший путь, который можно будет найти. Иджил пытался поста-

вить себя на место молодого лорда и не мог. Харлан обладал большим запасом знаний и прятался от убийц так же успешно, как от Совета. Знания Иджила были знаниями Бегуна и отличались от таковых правящих классов.

Иджил взбирался вверх по холмам, пересекая долины, переправлялся через ручьи и маленькие речушки. Звуки и запахи весны постоянно развлекали его и не давали скучать. Иногда Иджил думал, что он, должно быть, пропустил след, отпечаток ноги, потому что он засмотрелся на ярко-окрашенную птицу или слушал жужжание насекомых в горных цветах, или вдыхал запах травы и листьев. Затем он увидел длинный след — траву, примятую одним-двумя людьми, и понял, что он не был слишком невнимательным. Но Иджил не стал обольщать себя надеждой, на границе с Владениями весной такой след не обязательно принадлежал Ричарду Харлану. Его мог оставить пастух или охотник, или ловец диких лошадей. Необязательно это был Харлан. Но мог быть и он. Иджил внимательно изучал след, жалея, что не обладает опытом Бегунов и не может определить, как давно оставлен след, сколь тяжел был человек и какая на нем обувь.

Вскоре он подошел к утесу. На камне были оставлены следы. Иджил постарался как можно лучше разглядеть их с земли. Харлан поднимался по этой стене. Либо хотел, чтобы Иджил подумал это. Ведь, пойдя по этому пути, он мог сорваться со скалы и разбиться насмерть.

Иджил решительно двинулся вперед. Он использовал оставшиеся в камне уступы и поднимался все выше и выше. И только когда он достиг вершины, он осознал свою ошибку. На пике скалы человек беззащитен. Тяжелая рука обвила его шею, а к горлу приставили нож, прежде чем Иджил понял, что он уже не один.

— Веди себя тихо, молодой иностранец, пока мой человек не разоружит тебя.— Глубокий низкий голос дал понять, что выбора не остается.

Иджил услышал шуршание одежды нескольких человек и тихое, но неровное дыхание, как будто люди бежали. Низкий голос вожака был подозрительно знакомым, но Иджил не знал никого ни из владений Друма, ни из Дома Халарека.

— Почему ты здесь, так далеко от Халарека?— Голос снова потревожил память Иджила.

— Что это значит? Я никому не причиняю вреда. Я даже не охочусь, а просто иду мимо.

— Здесь никто не проходит мимо, молодой иностранец. Это Зона Мерзлоты. Хорошо известно, что жизнь здесь невозможна.

— Но...— рука стала сжиматься, останавливая поток воздуха, и речь стала невозможной.

В памяти его сохранился этот голос, и память не сказала: «опасность». Поэтому Иджил не сопротивлялся и позволил повести себя по следу, по которому он шел. Он слышал топот ног, но

их было больше, чем он мог сосчитать. Иджилу не давали взглянуть ни на предводителя, ни на его спутников.

Скоро след обогнул гору и спустился в распадок, покрытый небольшими холмиками. От некоторых из них поднимался пар. Сначала Иджил решил, что это неизвестные термоисточники, но затем отказался от этой мысли. Улеки и другие животные, похожие на коз, бродили вокруг. Значит, если это и были термоисточники, то совсем неопасные, ибо Иджил не знал еще животных, которые стали бы рисковать жизнью и гулять там, где они в любую минуту могли провалиться в кипящую воду или грязь. Нет, это было что-то другое. В тот момент, когда Иджил пришел к этому выводу, он почувствовал запах дыма, гари и готовящейся пищи. Захвативший Иджила в плен громко крикнул: «Хэй!»

Это было похоже на сирену. Люди появились из отверстий в земле, из-за скал и из дверей в холмиках. Тридцать или сорок человек образовали плотный круг вокруг Иджила и его захватчиков. Выглядели они очень странно и были слишком маленькими и худыми даже для Гхарров. У каждого было в руках какое-либо оружие — крюк, вилка, кухонный нож и тому подобное, и, похоже, все они были напуганы до смерти.

— Спокойно, друзья,— произнес знакомый голос за Иджилом.— Это не завоеватель, которого мы искали. Этот человек путешествовал на юг вдоль границы Друма. Вы можете сложить оружие.

Большинство в кругу послушалось совета, но некоторые оставили его у себя, что выдавало их недоверие и испуг.

— Друзья,— сказал захвативший Иджила,— здесь никто не наказывает за неповиновение. Вы не обязаны верить мне.

— Они еще не верят в свободу,— тихо сказал голос над ухом Иджила.

«Свобода,— подумал Иджил,— свобода. Нет наказания за неповиновение. Это редкость даже в правящих Домах. Да, особенно там».

Рука перестала сжимать горло Иджила.

— Еще немного времени,— сказал голос над ухом Иджила,— и я представлю тебя. Вера долго не приходит к рабам и слугам, молодой иноземец.

«Ферма 3,— подсказала память Иджила.— Этот голос и фразу, молодой иноземец, ты слышал там. Грузовой лифт и запах дезинфектора и...»

Захвативший Иджила шагнул вперед. Иджил узнал Ансакузнеца, ставшего здесь предводителем рабов.

— Это житель Болдера, другой планеты, подобной Старкеру IV. Она находится очень далеко отсюда. Он пришел из того мира, чтобы помочь моему хозяину, Лхарру Халареку.

«Халарек!» — шепот пробежал по толпе, как будто это было волшебное слово.

Кузнец улыбнулся:

— Да.— Он повернулся к Иджилу.— Я должен был привести тебя сюда. Это закон. Никто не должен проходить через территорию общины без ее ведома. Я вожак здесь и не могу нарушать правила, мной же установленные. Я должен был показать тебя им, чтобы они могли сами определить, опасен ты для них или нет.

Иджил кивнул, показывая, что понимает. В действительности же он улавливал с трудом, так как диалект кузнеца был далек от классического Рома, который учил Иджил в Доме Халарека. Скрытый смысл слов кузнеца придет к нему позднее.

— Ты — друг моего повелителя, и ты в безопасности,— произнес Анс, убирая нож в ножны и слегка ткнув его кулаком.— Если ты согласишься посоревноваться в борьбе, как мы договаривались с тобой на Ферме 3, ты не только останешься здесь в безопасности, но и будешь обеспечен провиантом и проводниками.

Иджил расслабился и улыбнулся. Он понял, что кузнец хочет взять реванш за их схватку на Ферме 3.

— Великолепно! — сказал Иджил. Чем больше он думал об этом, тем больше ему нравилась эта идея. Он часто размышлял о том, чем закончилась бы эта схватка. Теперь ему предоставилась прекрасная возможность выяснить это, а заодно получить себе провизию на дальнейший путь. С проводником, знавшим местность, было бы гораздо легче найти Харлана. Иджил снова улыбнулся кузнецу.— Видит бог, я давно ждал этого часа.— Вдруг неожиданная мысль пришла ему в голову. Кузнец говорил о нем, как о друге повелителя, но он давным-давно уже не был во владениях Халарека.

— Лхарр Халарек сдержал слово, данное тебе на Ферме 3, и не только освободил тебя, но сделал тебя управляющим. Тогда ты сдержал обещание, но теперь...

— Я знаю, что ты подумал, молодой иноземец. Но теперь я свободный человек, и из каждых десяти месяцев я имею месяц для себя. Здесь моя семья: мой сыновья,— кузнец свистнул, и три мальчика от четырех до пятнадцати лет вышли из толпы,— моя жена, которая сидит дома с маленькой дочкой. Я свободен! Моему хозяину неважно, куда я иду. Он верит мне.— Кузнец взглянул на Иджила в упор.— Даже мой хозяин не знает этого места. Я не говорю ему, потому что он искренне верит, что его долг — рассказывать другим Девяти, что их «пропавшие» рабы не погибли, а прячутся в Зоне Мерзлоты.

Кузнец не требовал обещания хранить тайну. Он вкратце рассказал о людях здесь. Иджил почувствовал, что Анс верит ему. Теперь маленькая община зависела от него. Он постарался представить себе, как кузнец будет видеться с семьей только раз в год, и не смог.

Как много, должно быть, значила для них свобода, если они жили в таких условиях, только чтобы иметь ее.

Иджил посмотрел вниз на молодую зеленую траву, парящие источники, стада коз, корочку льда на пруду, которая не таяла, несмотря на то, что на юге было лето. Он не мог представить себе, как можно жить здесь круглый год, если даже они умудрились построить себе жилища глубоко под землей, что было сомнительно. Ведь у беглецов не может быть подобного снаряжения. Иджил подумал о реках подо льдом, горах вокруг, солнце низко над горизонтом. У Девяти тоже была суровая жизнь, и они существовали в обстановке, сравнимой с этой.

Возможно, кузнец уловил ход его мыслей. Он откашлялся и посмотрел на свои ноги.

— Если ты помнишь, молодой иноземец, я сказал молодому Лхарру на ферме, что потерял четыре пальца благодаря палачу Одоннела, пытаясь бежать. Но я не сказал, что вел свою жену и детей сюда, когда меня поймали. Им удалось убежать, наши разведчики нашли их в горах и привели сюда. Наши разведчики обнаруживали не один раз тех, кто лучше готов погибнуть здесь от холода, чем быть рабом. Все рабы знают о нашей общине. Но, слава богу, правящей верхушке это неизвестно.— Кузнец усмехнулся.— Одоннел взял у меня пальцы, но не думай, что это поможет тебе в нашем состязании. Много лет я учился обходиться без них.— Анс обнял Иджила за плечи.— Скажите, что он может идти своей дорогой, о люди, но перед этим остаться на ужин.

Окружавшие их приветствовали это предложение дружелюбными восклицаниями и вернулись к своим делам. Кузнец же повел Иджила к одному из холмиков и пропустил его в открытую там дверь.

Этот холмик оказался настоящим общежитием. Он походил на барак, а изнутри был тщательно выложен бревнами примерно в метр длиной, которые к тому же были вымазаны глиной. Каждая семья имела свою собственную квартиру, отделенную от других непрозрачной перегородкой, которая, однако, пропускала воздух. Хотя воздух поступал снаружи, внутри было тепло и уютно.

Кузнец взмахом руки показал на другой конец здания:

— Животные сейчас на выпасе, как ты мог видеть, но зиму они проводят здесь, и никому не нужно выходить на холод. Моя жена говорит, здесь тепло, как в рубашке.

Иджилу показалось, что Анс сказал это с некоторой тоской. Конечно, он не мог бросить ферму на всю зиму, а с приходом ухла он не мог оставить ее вообще.

Иджил снова попытался представить, как можно жить вдалеке от семьи целый год и не иметь возможности поговорить с кем-нибудь о своих домашних, так как все считали, что они погибли. Иджил вздрогнул. Его разлука с семьей была добровольной, по крайней мере, в то время, когда он был с Провидцами.

Глава десятая

Анс-кузнец проводил Иджила в покои своей семьи, где его жена ждала их с обедом. Иджила усадили на почетное место во главе узкого стола на единственный стул. Жена кузнеца поставила перед ним дымящуюся гору какого-то мяса. Иджилу показалось, что это козел. Старший сын наполнил бокал чем-то с острым запахом алкоголя. Младший сын принес ему блюдо и корзинку, наполненные овощами. Семья расселась на скамьях вокруг стола и смотрела, как он ест. В ту минуту, когда он закончил порцию мяса, хозяйка предложила еще. Старший сын вновь наполнил бокал напитком, оказавшимся мягким пивом. Иджил чувствовал себя не в своей тарелке от такого отличия, и последнее решение быть доверенным лицом Карна не помогало. Он ел чуть-чуть, отмечая, что лишней пищи не было. Он не видел ни одного полного человека с момента прибытия. Как бы подтверждая его догадку, семья кузнеца не ела, пока он не закончил.

Наконец-то, завершив трапезу, Иджил предполагал, что будет приглашен на поединок, но вместо этого кузнец повел его по поселению. Иджил начал понимать, какая сила и изобретательность требуются, чтобы жить там, где земля всегда промерзает на фут от поверхности, где нет деревьев, где вся пища выращивается в закрытых помещениях, и где зерно, если попадалось, украдкой уносилось с участка земли. Только электричество использовалось для выращивания «гидропоники», а топливо для этого хитроумно похищалось из линий между Друмой и малым Холдингом Дома Коннор. Домашнее освещение сальными свечами говорило о том, что люди рано ложились и спали долго, особенно зимой.

Кузнец взял свечу и повел Иджила вниз по маленькой лестнице к изолированной двери. Кузнец толкнул дверь и выжидающе посмотрел на Иджила. Дверь вела в туннель в вечной мерзлоте. Туннель был выше роста человека и покрыт кристаллами льда, возникшими от дыхания проходивших здесь людей. Не было ни опор, ни укреплений и ничего не требовалось. Земля была каменной от мороза. Иджил ответил только возгласом удивления и восхищения, но этого было достаточно. Кузнец улыбнулся и повел его по туннелю. Иджил пошел следом, проводя пальцем по льдинам на стенах, в благоговении и страхе думая, каким бы мог быть Старкер IV, если бы Наблюдатели обнаружили такие идеи в первые годы в этом мире.

— Это туннель одной из теплиц,— сказал кузнец.— Будут и другие для всех сооружений, как лабиринт, но все будут знать их в свое время.— Анс пошел по левому туннелю и открыл дверь в конце с гордостью. В теплице были ряды за рядами стеллажи, наполненные питательными жидкостями различных цветов и овощами. Глубокие окна на юг ловили каждый лучик солнца, и глубокие ставни защищали от ветра и снега. Сами окна были покрыты полупрозрачным пластиком, похищенным из какого-

то замка. Любой лорд позавидовал бы чистоте и порядку в теплице.

Конечно, «гидропоника» держалась кузнецом на Ферме 3 для Карна. Кузнец указал на двери в другие туннели и сооружения.

— Мы не выходим больше наружу зимой, как лорды. Это неплохая жизнь, юный чужестранец.

Снова Иджил почувствовал не высказанную кузнецом просьбу хранить эту тайну. Он подумал, не будет ли просьба требованием, когда ему позволят уйти. Он надеялся, что нет. Он и так дал достаточно клятв и теперь имеет достаточно проблем.

Они покинули теплицу через другую дверь.

— Они погружаются в мерзлоту, знаете ли,— сказал кузнец, поднимаясь по ступеням.— Я имею в виду здания. Еще лет десять — и мы будем подниматься наверх, чтобы попасть в туннели.

Они очутились в полумраке и в звуках животных, загоняемых в стойла на дойку и ночевку. Они шли медленно, жуя жвачку и глазея тупо по сторонам. Козы в густых, косматых шкурах шли бодаясь, подпрыгивая, блея, некоторые искали козлят и звали их, некоторые останавливались, где им хотелось. Животные, толпясь, входили в стойла, и их закрыли на ночь.

— Свиньи все время в стойлах,— сказал он.— Нет шерсти.

Мужчины медленно возвращались в дом кузнеца. В поселении было тихо. Легкая дымка поднималась над соснами. Тонкий аромат мягко смешивался с дымом. Анс остановился у дверей дома. Он изучал сереющее небо.

— Я говорил однажды, что хотел сражаться с тобой, юный чужестранец. Я и сейчас хочу. Но не для крови. Проверка на мастерство. Но я не хочу откладывать. Потому что твоя цель — это моя цель. Я знаю, что ты здесь не потому, что потерялся на охоте и не потому, что тебя выгнали из Холдинга на смерть. Я подозреваю, что ты охотился, но не на зверя. Мы видели будущего лорда Харлана, идущего по краю Друма пять дней назад. Это важная добыча, но не для нас. Я не хочу, чтобы вы потеряли его из-за меня.

Иджил смотрел в том же направлении и поморщился.

— Я уже его потерял.

Кузнец медленно кивнул, все еще глядя на горизонт.

— Я думаю, что так. Ты далеко от его маршрута. И ты не пошел бы за ним, если бы не был другом моего лорда. Правда?

— Да.

Ну и проницательный парень!

Кузнец повернулся к Иджилу.

— Тогда я хочу заключить другую сделку с тобой, не ту, о которой говорил вначале. Мой поединок с тобой без крови. Завтра, чтобы не задерживать тебя. Взамен мы снарядим тебя лучшим, что у нас есть, и дадим проводника и несколько бойцов, чтобы ты дошел до Харлана. Идет?

— Что вы имеете в виду под «снарядим», и как далеко эти люди пойдут со мной?

— Я имею в виду вяленое мясо, немного пива, заряд или два для станнера, если найдутся два, и шесть-семь человек из женщин, которые знают места до Эднова.

Иджил протянул руку, но вспомнил, что только Семьи пожимают руки в этом мире и то только на церемониях. Он засунул руку в карман и заговорил с воодушевлением и одобрением.

— Согласен. Сделка в мою пользу, я думаю.

Кузнец посмотрел на него и снова на горизонт.

— Это зависит, юный чужеземец, от того, что значит для тебя победа.

Иджил пожал плечами и засмеялся, повернулся к дому, вдруг обнаружив, что стоит в холодной ночи даже без свитера.

— Победа? Я ценю победу. Но не много есть такого, что могло бы быть дороже, чем скорая встреча с Харланом. И я не одел парку, выходя.— Он нырнул в дверь. Кузнец последовал за ним.

— Холодно, теплолюбивый человек?

— Меня зовут Иджил, Иджил Олафсон. Холодно.

Кузнец похлопал его по плечу и повел его в покои своей семьи, где жена и дети готовились ко сну. Когда малышей уложили, взрослые и старший сын сели вокруг стола, потягивая пиво и беседуя. Они назначили поединок на раннее утро, чтобы Иджил продолжил путь в самое теплое время дня.

Они долго говорили, и утро пришло быстро. Иджил проснулся от звуков большого дома. Люди разговаривали за перегородками. Голоса были тихими, но их было так много, что гул разговора был достаточно громким, чтобы растревожить человека, много ночей проведшего в тишине пещер. Кроме того, был обычный шум просыпающегося дома, помноженный на десятки семей. Анс был уже на ногах и пил свой клэг.

— Ты готов, чужеземец?— кузнец смотрел на Иджила поверх своей кружки.— Ринг готов.

Иджил кивнул.

— Я готов.

— Сначала позавтракаешь?

Стол на ночь был отодвинут к перегородке. Сейчас на нем лежала краюха хлеба, кусок темного козьего сыра и кружки с клэгом. Иджил посмотрел на еду, затем на кузнеца. Это, наверное, обычай гостеприимства здесь или уловка кузнеца, чтобы получить преимущество в поединке. Никто на полный желудок не сражается мастерски. Иджил покачал головой.

— Тогда идем.

Иджил понял по тому, как кузнец отвел глаза, что это была проверка, и то, что он прошел ее. Он вышел за кузнецом в леденящий предрассветный воздух. Площадка была ограждена канатами. Ринг был домом кузнеца. Иджил догадался, что ринг— постоянная штука, во-первых, потому что стойки забивались в вечную мерзлоту, и во-вторых, потому что ринг находился в стороне от основной дороги.

Кузнец поднял канат и пригласил Иджила войти. Селяне собирались вокруг. Кузнец подошел к женщине, нырнувшей под канат и вошедшей на ринг. Кузнец взглянул на Иджила и положил свою руку на плечо женщине.

— Это Марта. Она будет судьей или рефери, как вы называете.

Марта оценила Иджила долгим взглядом, кивнула и повела рукой в сторону канатов.

— Все движение должно быть внутри канатов. Если вы выйдете всего лишь на один шаг, вы проиграли.— Как смертный поединок, подумал Иджил, только без крови.— Никто не должен пользоваться смертельными приемами, никаких травм и повреждений глаз, ушей. Нельзя атаковать упавшего или положенного на лопатки. Победа засчитывается, если две точки тела противника прижаты к земле до счета «тридцать». Это понятно?— Оба кивнули.— Тогда извольте начать.— Марта вышла за канаты. Кузнец скинул куртку. Иджил сглотнул и тоже разделся.

Его кожа натянулась от холода, как на барабане, так, что даже не дрожала. Кузнец набросился на него. Иджил отклонился в последний момент. Он повернулся, подался вперед, обхватил кузнеца и начал сгибать его вперед. Кузнец упал. Иджил повалился за ним, теряя равновесие, и кузнец за секунду прижал его плечо. Иджил приподнялся с усилием, считая время. Кузнец с легкостью держал его и начал прижимать другое плечо к земле.

На какой-то момент Иджил побледнел от изумления. Состязание не может закончиться так быстро. Он был чемпион района по борьбе Дринн. Кузнец нажал сильнее. Иджил позволил себе чуть расслабиться на секунду. Вес кузнеца сместился больше, чем он ожидал, и за этим смещением последовал Иджил, поворачиваясь на плечо, которое придавливал кузнец. Кузнец перекатился. Иджил оказался сверху и пытался придавить кузнеца. Но последний изогнулся и попытался выпрямиться. Иджил напрягся и схватил руку кузнеца, охватившего его шею. Но отвести ее не смог, а лишь ослабил захват.

Двое мужчин катались по рингу, один пытался применить необычные захваты, другой сопротивлялся изо всех сил. Тела их покрылись потом. Холод жалил тело Иджила, когда они катались по траве. Рука кузнеца напрягалась больше и больше. Оба задыхались и взмокли от пота. Иджилу удалось прижать спину противника к земле, но удерживал он только до счета «пятнадцать». Кузнецу удалось придавить Иджила к ледяной земле. Иджил смог освободиться, но кузнец изловчился и схватил Иджила медвежьей хваткой. Иджил попытался упереться в его локти, откинуться назад и скользнуть по телу, используя пот как смазку. Он вырвался из захвата и глотнул воздух. Кузнец бросился к Иджилу. Они оба повалились сплетенными телами в невероятных захватах. Иджил услышал шаги судьи в ринге, и где-то в глубине его мозга мелькнула мысль, что она следит за неверными движениями, но кузнец

сражался ожесточенно, и Иджилу едва удавалось удержаться от касаний ринга.

«Отличный парень. Очень, очень хороший»,— думал Иджил. В этот момент рассеянного внимания кузнец тушировал противника. Иджил боролся, ногами пытаясь скинуть кузнеца на свою сторону и сдвинуть его плечо хотя бы на миллиметр к земле.

Бой продолжался, пока оба не смогли шевелиться от усталости. Кузнец уселся на пояс Иджила, но не мог прижать оба плеча к земле. У Иджила не было сил его сбросить. Все же кузнец свалился на спину рядом с ним.

— Чужеземец, такого поединка у меня не было двадцать лет. И тот, последний, я выиграл.

Несколько минут слышны были только тяжелое дыхание двух борцов и приглушенный шепот зрителей. Подошла Марта и встала над ними.

— Вы закончили? Или будете продолжать?

Двое мужчин повернули головы друг к другу, обменялись взглядами и засмеялись.

— Хотите оценки по технике?— Оба отрицательно покачали головами.

— Тогда я считаю это ничьей. Никто не должен считать себя побежденным.— Марта перешагнула через ноги кузнеца и покинула ринг.

После полудня того же дня проводник Иджила, молодая женщина с ребенком за плечами, движением показала ему следовать за ней к пещере на склоне горы, по которой они поднимались последние два часа. Внизу среди скал бежала река. Когда-то ледник спустился вниз, и теперь здесь текла река.

Гора, на которой стоял Иджил, отлого спускалась к потоку. Река, широкая и спокойная в этом месте, заполняла всю долину водой и болотами. Журавли стояли в камышах у дальнего берега реки. Какое-то животное показалось на секунду и стремглав бросилось прочь.

— Самка,— объяснила женщина Иджилу. В ее голосе явно слышалось презрение. Она указала на северо-восток вверх по реке.— Южнее мы бы не осмелились пойти из-за Владений. Харлан не может быть на юге от нас. Даже если он прошел скалы, о которых вы говорили.

Она поправила ребенка на спине, пробормотала ему что-то нежное и стала спускаться вниз, не оглядываясь на остальную группу. Река уже не была широкой, медленной и топкой в верхнем течении. Иджил и его спутнили провели две ночи на краю болота. На третий день они подошли к месту, где река сужалась и текла стремительнее. Надежды Иджила росли. Быстрое течение реки напоминало то, что он уже видел, но берега были еще незнакомы. Они были чуть выше воды и покрыты гравием.

Проводник, которую звали Рец, приказала бойцам дежурить ночью по четыре часа. Иджил выбрал первое дежурство. Позже,

когда он уже должен был спать, он слышал, как несколько раз проходили дозорные. Эти звуки породили в нем тревогу. Утром Рец сообщила, что предрассветная смена исчезла. Лучшие следопыты группы пол-утра искали их, но обнаружили только незнакомые следы, ведущие на запад обратно в горы. Они исчезали на очень гладких камнях.

— Наверное, охотник,— сказала Рец,— пересек нашу тропу южнее и шел за нами, ожидая удобного момента. Наверное, из Дома Коннора. Вот почему он был один. Он бежал оттуда сюда и знал эту часть реки.— Она оглядела лица мужчин.— Проверьте оружие,— сказала она,— и зарядите или убедитесь, что лезвия острые. Возможно, потом на это не будет времени.

Иджил сомневался в версии о рабе-охотнике, но группе не сказал ничего. Позже он спросил Рец, что бы мог делать раб в Зоне Мерзлоты, где никто не ходит. Она покачала головой, ей не хотелось думать об этом. Между тем она приказала группе держаться вместе. Они шли на север. Никто не отставал. Никто не пытался охотиться. Разговоры стихли.

Иджилу хотелось подумать одному, но Рец наверняка не разрешила бы, поэтому он даже не просил об этом. Она была права. Риск остаться одному без защиты, когда рядом противник, был слишком велик. Предосторожности Рец заставили Иджила оценить всю важность мелочей и деталей, анализируя которые он получал важную дополнительную информацию. Теперь Иджил должен был разгадать ситуацию без этой помощи. «Если сюда приходят рабы-охотники, никто из поселян не может быть в безопасности,— думал Иджил.— Эти люди уже дорого заплатили за свою свободу.— Иджил покачал головой.— Обычно это не слишком образованные люди. Они знакомы с географией Старкера еще меньше, чем я. Они знают только своих соседей».

В группе пропавших каждый хорошо знал эту местность. Каждый член отряда выбирался именно поэтому. Они знали, какое несчастье для раба-охотника, которым мог стать Свободный или младший сын самого малого Дома, оказаться на территории, где нет никого и ничего живого, как было известно каждому Гхарру и Свободному. Пришелец, причастен он или нет к пропаже дозора, не может быть охотником. Иджил опять мечтал о тихом месте и достаточном времени для размышления. В полдень они подошли к скалам, которые Иджил узнал. Но здесь не было никаких признаков присутствия человека. Иджил хотел пройти их сразу, но трое в группе просили вернуться. Они сказали, что ушли слишком далеко от дома. Рец сказала им, что они не получат проводника на обратный путь.

— Мы обещали,— продолжала она,— Ансу проводить чужеземца до знакомых ему мест.

Рец проверила безопасность ребенка, давая понять, что это ее последний, и шагнула на скалу. Никто не отставал. Должно быть, услышав шум, Рец бросилась на камни. Огненная трасса прошила

пространство там, где только что была она. Остальные бросились врассыпную. «Теперь мы знаем, куда делся дозор»,— сердито проворчал Иджил, ныряя за ближайшую огромную скалу. Рец лежала очень тихо, но ребенок, испуганный внезапным падением, пронзительно кричал. Иджил лихорадочно думал, чем можно им помочь. Рец стала великолепной мишенью, а ведь пошла с ним, чтобы ему помочь. Это была не ее битва, а Карна и Иджила.

Разъяренный тем, что даже среди этих несчастных беженцев нашелся шпион, Иджил вскочил и начал поливать из станнера скалы на другом берегу.

— Беги, Рец!

Вряд ли он убил снайпера, но этот огонь давал Рец возможность добежать до скалы и укрыться за ней вместе с ребенком.

Женщина поднялась, перекинула ребенка вперед на грудь и побежала зигзагами к большой скале, где стоял Иджил. Желтый огонь лучемета и яркие голубые вспышки станнера сопровождали ее. Значит, это был не Харлан на том берегу. Иджил искал источник луча. Один из поселян вскочил и выстрелил из старинного оружия по скалам, откуда бил чей-то станнер. Скала брызнула осколками. Еще один станнер ответил на его выстрел. Поселянин свалился на землю. Кто-то подполз к погибшему и оттащил его вместе с оружием за камни. Иджил взглянул на Рец. Она судорожно осматривала затихшего мальчика.

У Иджила мелькнула мысль, как ей удалось успокоить дитя, если на Болдере дети плакали, пока не останавливались сами, что бы ни делали взрослые.

Иджил услышал крик другого поселянина, когда кусок скалы стал оседать. Он рухнул на берег. Иджил оглянулся. Солдат в черно-белой клетчатой форме Дома Одоннела пытался пробежать по обломкам камней. Иджил выстрелил в него. Человек упал, и его лучемет скатился в реку.

«Мы окружены,— подумал Иджил,— и их много».

Он обернулся на глухой возглас Рец. Она боролась с солдатом Одоннела, огромным детиной, который пытался наступить на ребенка.

«Очевидно, для него ребенок не стоит удара лучемета»,— подумал Иджил.

Иджил подкрадывался, выбирая место, откуда можно ударить, не повредив Рец. Если бы не ребенок, он использовал бы станнер для обоих, а потом прикончил бы вояку, но он припомнил, как близко он был, стреляя в Скади и ее сестру зарядом, который даже не потревожил их мать. Нет, ребенок не выдержит заряда, нужного для взрослого.

Солдат Одоннела забыл о ребенке, пытаясь держать Рец между собой и станнером Иджила. Но сам он старался освободить от Рец свою руку с лучеметом. Женщина жестоко боролась и мешала ему выстрелить. Вдруг едва заметным движением она наклонилась к нему, выхватила его кинжал из ножен и вонзила ему

в бок. Он взглянул изумленно, отпустил ее плечи и схватился за рану. Он посмотрел на свои окровавленные пальцы, а затем на Рец. В его взгляде читался ужас и ненависть. Рец вырвала лучемет из его руки, повернулась и направила его на человека, бегущего по скалам на другом берегу.

Иджил, вздрогнув, пришел в себя. Он уставился как новичок, тогда как Рец повернулась спиной к раненному врагу, ведь она была совсем неопытным бойцом. Иджил выстрелил в солдата Одоннела из станнера, убедился, что он мертв, и кинулся к ребенку. Он быстро схватил ребенка с одежками, укутал его и уложил за камнями, вдали от глаз и пальбы. Он выстрелил в клетчатую униформу, обладатель которой связывал руки Рец на спине. У солдата не может быть уважительной причины, чтобы угрожать жизни женщины.

Иджил всмотрелся в скалы на противоположном берегу, откуда по-прежнему били лучи. Сколько их там? Как они узнали, что Иджил со спутниками шли сюда? Как они узнали, где ждать? Лучемет ударил по вершине камня, опалив мех на парке Иджила. Он спрятался и стал оглядывать край скалы. Везде можно укрыться. Где-нибудь еще, где люди до сих пор ведут войны, бой перешел бы в оборону с обеих сторон с незначительными потерями, пока у одной стороны не закончится провиант и вода. Но Гхарры скорее покинут безопасное убежище, свой подземный замок или казарму и будут сражаться, как это делают солдаты Одоннела. Огонь с обеих сторон ослабевал. Сверкнул луч, кто-то вскрикнул, и стрельба прекратилась. Иджил втащил Рец за скалу и знаком приказал не шевелиться. Он увидел, что лицо ее было искажено ужасом и по щекам катились слезы. Она подняла малыша на руки и, прижав его к груди, положила на него свою голову.

Иджил замер на несколько секунд. Тишина. Он осматривал каждое дерево и скалу. Никакого движения, никаких звуков, кроме шума реки. Он оглядел подножия скал. Четверо солдат Одоннела и двое поселян лежали на камнях. Без движения. Среди них была женщина. Иджил подождал немного. Он полз на животе, впервые в жизни сожалея о своем огромном росте. Он осмотрел все тела. Пятеро мертвы. Женщина стонала. Иджил подтащил ее к скале, где ждала Рец. Женщина чуть приподнялась на ноги и побежала. Никто не стрелял в нее.

Иджил рискнул подняться. Никакой реакции со стороны врага. Он стоял на полусогнутых. По-прежнему тихо. Это садизм со стороны оставшихся людей Одоннела. Если есть оставшиеся. Иджил оглядел поле боя. Поселяне дорого продали свои жизни. Вдруг он ощутил острую боль в животе. Эта схватка не за ними. Они пришли на помощь потому, что им приказал это их командир, а их командир делает это потому, что его лорд, по меркам Старкера IV, невероятно добр с ним. Возможно, в глубине души кузнец мечтал о том, что однажды он сможет рассказать лорду о своей семье и привести ее в его дом. Возможно.

Иджил нашел еще троих мертвых поселян и насчитал пятнадцать тел в клетчатом. Если бы солдат было больше, они или ушли, или лежали очень низко. Он вернулся к скалам, где были женщины. Он привлек внимание Рец, коснувшись ее плеча.

— Собери всю провизию, что есть в ранцах, Рец, и отправляйтесь в деревню. Берег реки был конечным условием вашего соглашения, и вы подтвердили этот договор кровью. Я думаю, эти люди рассчитывали встретить меня одного и убить, чтобы их лорд смог свободно добраться до своих покровителей. Я жив потому, что твои соседи погибли, защищая меня. Иди домой. Вы сделали больше, чем я мог бы попросить.— Он смотрел на Рец.— Вы были мужественней, чем я мог ожидать от женщины.

Женщина встретилась с ним взглядом и наклонила признательно голову, затем стала внимательно оглядывать ребенка снова и снова, убеждаясь, что он невредим.

Глава одиннадцатая

Иджил провожал взглядом женщин, пока они не скрылись из виду, затем он повернулся и осторожно пересек гряду камней, нависших мостом над потоком, и стал карабкаться по берегу. В укрытии из нависших скал он обнаружил спальники, запасные парки, ящики с зарядами. Он взял станнер и две упаковки зарядов к нему и бросил это через плечо в ранец. У них не было тентов. Означало ли это, что они были недалеко от реки? Может быть, они не лежали в кустах. Может быть, его появление удивило их, и они атаковали, защищая честь Харлана.

Иджил шел тропой среди гравия и небольших камней к роще вдали от реки. Где-то невдалеке они разжигали огонь и готовили пищу. Это Иджил определил по густому запаху потушенных костров. Он установил рукоятку станнера почти до отказа и пошел на этот запах. Он добрался до небольшой поляны и увидел источник этого дыма. Это был огонь. Группа поселенцев, которая пропала, лежала рядом вниз лицом. Они были мертвы. Каждый из них в правой руке сжимал клетчатую куртку, левые руки у них были сожжены до костей. Их пытали.

«Дьявол,— подумал Иджил.— Теперь ясно, как Харлан узнал, где буду я».

Несчастные могли выдать, где находится деревня, но только в том случае, если у Харлана был повод думать, что эти люди не были собственностью Халарека. Иджил отметил про себя невероятную самоуверенность аристократов Гхарров. Харлан не допускал даже возможности, что такой «явный» вывод о крепостном был просто предположением; в его глазах это было фактом. Какая еще причина могла бы заставить крепостного оказаться в Зоне Мерзлоты, если не защита своего хозяина? Все это было

для того, чтобы уверить его в том, что его преследователи были не из Совета.

Иджил перевернул мертвеца ногой. Под ним, смятая и влажная, лежала карта. Она была нарисована от руки, тщательно. Темная линия была рукой проведена от Зоны на севере Бревена вдоль вулканической территории через горы к владениям Друма. Несколько линий были добавлены красно-коричневыми чернилами, а не черными. Новые линии отмечали бассейн на востоке Эднова, который покрывал владения Халарека и фон Шусса вместе. Оно было подписано «гейзеры». Волнистая линия, будто проводила ее очень слабая рука, пересекала этот бассейн под углом с юго-востока Эднова к землям Совета и Йорка.

Интересно, что за поддержку найдет Харлан в этом соседстве? Уже, наверное, сотню раз с тех пор, как он бродил по горам за Обитаемой землей, Иджил сожалел, что не знает многого в географии Старкера, его политике и, особенно, взаимоотношениях.

Иджил присмотрелся к мертвецу. Короткая палочка торчала из парки, палочка с красно-коричневым кончиком. Иджил стал разглядывать труп еще внимательней. Темная линия пересекала жилки его левой руки. «Хеймдал! После того, что с ним сотворили, он сделал такой выбор!»

Харлан, должно быть, давно оставил лагерь, если поселянин успел нарисовать новые линии на карте, вынутой из парки. Он провел новую линию и спрятал карту под собой. Иджил покачал головой, удивляясь такому мужеству или преданности повелителю. В первом Веке Викингов такое поняли бы. Но не теперь. Человек покончил с собой, когда был уже в агонии и на грани глубокого шока...

Иджил аккуратно свернул карту и положил ее во внешний карман ранца. Он решил, что если сумеет выжить и попасть снова в цивилизацию, такое мужество человека должно стать известным.

«Я похороню этого малого,— пробормотал Иджил.— Он это заслужил». Иджил сложил его тело, осторожно касаясь изуродованной руки, и соорудил над ним каменный холм. Он говорил в ритме молитвы, но не ритуальные слова, ведь это был человек другой веры.

«Я сделал тебе не усыпальницу, неизвестный друг,— говорил он,— а укрытие, защиту от волков. Будь спокоен до Рагнарока, и, может быть, встретимся». Он постоял немного, как иногда делали последователи Пути, чтобы убедиться, что душа человека получит успокоение, какое боги обоих миров могут даровать ему, затем он быстро отвернулся и стал искать след. Когда он нашел его, то увидел, что он уходит на восток — юго-восток, в направлении красно-коричневой линии на карте. Харлан оставил людей Одоннела и ушел.

Через три дня Иджил смотрел вниз на долину гейзеров. Грязь

булькала, и туман клубился над ними. Поверхность, где она была видна, имела ярко-желтую окраску, переливаясь белым, оранжевым и кремовым. Она казалась гранулами там, где была сухой, вязкой там, где было сыро, и занимала узкий овал между долиной Эднова и горами на юге, горами, ведущими к Дому Коннора и Гильдпорту, и к свободному городу Нирану. Снова Иджил задумался о том, что ищет Харлан в этом враждебном соседстве. Почти точно на юг от того места, где стоял Иджил, и, пересекая дальний западный конец долины гейзеров, шел узкий проход в горах; цель Харлана, конечно. И как будто подтверждая догадку Иджила, фигура человека быстро двигалась на юг через центр долины гейзеров.

«Харлан»,— выдохнул Иджил. Он кинулся вниз, к гейзерам, вслушиваясь и всматриваясь перед каждым шагом, прячась за камнями и кустами там, где они были. Конечно, Харлан был уверен, что солдат будет достаточно. Их было достаточно против одного.

Почти на полпути к долине Иджил услышал слабое шипение. Осматриваясь, он увидел тоненькую струйку пара, вырывающуюся из отверстия, едва ли в метре от его ног. Он отпрянул в мгновение. Пар гейзера вырвался, разлетаясь горизонтально на несколько сотен метров. Иджил увидел кусочек рельефа. Должно быть, близко! Он спускался на дно бассейна еще более осторожно, избегая участков, где виднелась жидкость или грануляция. Лучше осторожность, говорил он себе.

Иджил остановился и оценил свое положение. Два гейзера взорвались за ним с небольшим интервалом во времени. Земля вокруг них казалась тонкой и предательски ненадежной. Продолжительный всплеск гейзера к северу сопровождался гулом, будто пар вырвался из трубы. Кое-где горячая вода выступала на поверхность глубокими темно-синими лужами. В других местах вода булькала в узких отверстиях на поверхности, взрываясь тонкими пузырями, или прорывалась горячей грязью, пузырящейся и растекающейся густыми слоями. Иногда жар вырывался только гулом или громким шипением. В долине было шумно. Это было преимуществом.

Иджил вынул карту и рассмотрел неровную линию, взглянул на долину и снова обратился к карте. Он шел вдоль края бассейна, пока не пересек тропу Харлана. Там он после коротких раздумий сделал свой первый, осторожный шаг на поверхность бассейна. Это будет нелегко, потому что вокруг только туман и горячий пар.

Несмотря на то, что он не мог видеть Харлана сейчас и мог идти только по следам, уверенность Иджила быстро росла. Он был удачлив раньше, в горах, когда солнце проникло сквозь туман и осветило фигуру внизу. Похоже, Харлан не увидел его. И в довершенье к этому, Харлан шел безопасной тропой. Иджил не видел ни одной ошибки, ни одного случайного шага в горячей грязи,

ни одного следа в хрустящей корке поверхности. Иджил побежал трусцой по следу Харлана, затем прибавил темп. Пар почти все время оставался сзади. Когда же впереди пар рассеивался, Иджил приостанавливался и искал Харлана глазами. Если он видел хотя бы его тень, он ждал, пока Харлана снова скроет туман, прежде чем шагнуть вперед. Они прошли три четверти пути по бассейну, и Иджил был так близко, что слышал шаги Харлана.

Иджил знал, что в тумане звук громче, чем в чистом воздухе, и приготовил свой станнер. Когда он увидит Харлана, уже, может быть, поздно будет хвататься за оружие. Он посмотрел на заряд станнера. Этого могло быть недостаточно, а новый блок был в ранце. Шорох и звяканье при доставании тут же раскроют Харлану его позицию. Он только хотел оглушить Харлана ненадолго, чтобы успеть связать его. Но Харлан этого не знает. Харлан увидит брата по крови Карна Халарека.

Вдруг Иджил понял, что он не слышит больше шагов Харлана. Он замер и прислушался. В центре бассейна заворчал гейзер, затем вырвался с гулом взрыва. Рядом зашумело. Вода, наверное, кипящая, сбегала по камням. Иджил мягко ступал вперед, избегая всего на поверхности, что могло издавать звук. Он ничего не слышал. Иджил стал ждать. Он слышал только звуки долины. Он опустился на землю. Если он должен ждать, пока Харлан сделает движение, он должен дать отдохнуть ногам и спине.

Снова его удача с ним. Что-то издало слабый звук там, где только что была его голова. Хеймдал! Это станнер! Он в диапазоне! Иджил думал было лежать, но отбросил эту идею, так как лежа он был беспомощен, если Харлан был действительно близко. Он пошел гусиным шагом к краю земли, кажущейся твердой, останавливаясь и ожидая. Еще один выстрел пролетел в тумане выше.

Преувеличенное представление о моем росте. Иджил старался вспомнить, видел ли его когда-нибудь Харлан. Может быть, у него есть и другие преувеличенные представления.

Иджил услышал легкое похрустывание, звук шагов по кристаллам, рассыпанным по поверхности бассейна. Он затаил дыхание. За спиной раздалось шипение. Иджил еще внимательнее прислушался. Возможно, хруст еще продолжался, но он уже не был уверен. Гейзер бурлил с ритмичным уханьем и свистом; набор звуков, в котором Иджил узнал еще с Болдера известный гейзер с высоким центром и множеством мелких выбросов. Этот шум скрывал любые звуки движений Харлана. Из предосторожности Иджил отодвинулся по следу метра на два назад от того места, где он был.

Несколько мгновений не было слышно ни звука, затем послышался торопливый хруст удаляющихся шагов. Харлан удалялся быстро, как только мог. Иджил постоял выжидающе, и пошел по следам Харлана к кромке бассейна со станнером наготове.

Иджил увидел два ряда следов и слишком поздно понял, что его одурачили. Горячий выхлоп пара с запахом серы предупредил

его о том, что он слишком близко от озерца. И вдруг Иджил заметил ярко-синюю воду. Ее поверхность забурлила и стала втягиваться. Иджил повернулся и побежал. Ледяная крошка под его ногами хрустела, ломалась и начала опускаться. Иджил поискал глазами след, по которому он шел, и прыгнул на тропу. Харлан вышел из тумана со станнером в руке. Горячая грязь проступала из трещин у ног Иджила. Иджил выстрелил. Харлан выругался, выронив станнер. Он погрузился в горячую массу. Нога Иджила ощутила жар даже через толстый ботинок. Он отскочил на более безопасное место. Харлан потянулся к Иджилу и ухватился за станнер. Иджилу не хватило сил удержать его. Станнер упал в синюю воду со всплеском. Харлан наклонился за ним. Иджил отбросил его ударом ноги. И это оружие погрузилось в ярко-синюю воду и потонуло в грязи. Оба смотрели с напряжением.

Харлан пришел в себя первым. Он выругался и, развернувшись, пнул Иджила, успевшего отклониться. Удар пришелся в бедро. Иджил схватил Харлана за стопу. Харлан пытался устоять. Синяя лужа забурлила зловеще. Харлан наклонился вперед и оттолкнул Иджила. Иджил не удержал его, Харлан вырвался и побежал. Иджил за ним. Озерцо расползалось. Иджил побежал быстрее. Озерцо снова всплеснуло, и фонтан гейзера вырвался с характерным ревом. Кипящая вода обрушилась вниз. Харлан, едва увернувшись, выругался.

Все шипело, гудело и клубилось. Горячие капли жгли Иджилу щеки и руки. Впереди уже были видны светло-зеленые листья и трава и склон южных гор, усыпанный гравием. Харлан карабкался по склону на всех четырех, чертыхаясь. Он был почти недосягаем. Не замечая ожогов, Иджил карабкался за ним. Небольшой рост и вес противника был преимуществом для Иджила. Харлан соскальзывал. Иджил ругал себя за то, что не использовал последние заряды станнера перед сменой блока.

Харлан добрался до начала прохода и, отыскав что-то вроде тропы, выпрямился и побежал. И почти за четверть часа он скрылся из виду. Когда Иджил поднялся к перевалу, он увидел горы, простирающиеся, куда хватало глаз, и покрытые синими елями. Харлана нигде не было видно.

«Харлан мог спрятать здесь целую армию, и никто их не заметит. Мне этого не выдержать»,— подумал Иджил. Он глянул на звериную тропу, идущую вниз по южной стороне. Должно быть, по ней ушел Харлан. Он выбрал самый легкий путь. Но продолжать преследование сейчас было слишком. Он шел долго и тяжело боролся. Он с дрожью подумал о погружении глубже и глубже в кипящую грязь, где мускулы сварились бы с костями.

«Страх отбирает много сил у человека. Таким усталым, как я сейчас, преследовать Харлана в этих лесах, где его поджидает армия... Я не смогу быть достаточно бдительным, чтобы выжить».

Теплый влажный ветер пронесся над перевалом. Иджил вы-

брал место, где не было ветра, чтобы тент не трепало постоянно, и укрылся от глаз за елями и кустарником. Он натянул тент, влез в спальник и мгновенно заснул.

Глава двенадцатая

На следующее утро Иджил легко обнаружил след Харлана в высокой траве, растущей далеко внизу. Его враг по-прежнему был один. Но среди деревьев у Харлана могли быть многочисленные укрытия, и теперь он точно знает, что его преследуют и кто. Иджил вытащил станнер Одоннела из ранца и пошел по следу. Он чувствовал себя почти в безопасности на склоне потому, что Харлану придется выйти из-под защиты деревьев, чтобы воспользоваться оружием. Вдруг, забеспокоившись, Иджил остановился почти у кромки деревьев. Первые стволы были скрученными и редкими карликами, какими бывают деревья на больших высотах и в очень холодном климате. Было непохоже, чтобы Харлан мог найти укрытие среди них. Все же Харлану этот мир был родным, и он отлично изучил эти места перед побегом. У него было преимущество уроженца этих мест. И что-то происходило настораживающее. Тропа была слишком узкой. Рука Иджила застыла на станнере, и он стал изучать смятую траву очень тщательно.

«Если Харлан хотел избавиться от преследования,— спросил себя Иджил,— стал бы он идти по скалам, сколько хватит сил? Стал бы он искать хрупкие растения, чтобы оставить хоть малейший след? Не нравится мне, когда преимущество от преследователя вдруг переходит к преследуемому. Если бы со мной был Горм. Горм нашел бы его по запаху». Но Горм был на Болдере и, наверное, спит где-нибудь на старом коврике в доме.

Иджил проверил заряды станнера и, сняв с предохранителя, взял его в правую руку. Он настороженно вступил в ближайшую рощицу. Стволы деревьев были толще Иджила, изогнутые и извивающиеся ели, цепляющиеся за скалы сильными корнями. Ветер шумел в тонких иголочках. Звук был несильным и тоскливым. Иджилу его собственные шаги казались невероятно громким треском на сухих растениях и гравии. И даже высокий тревожный свист какого-то альпийского животного казался ему значительным. Он говорил себе, что животное тревожится лишь от присутствия пришельца, но он не был уверен, что именно он тот пришелец, которого видит животное. Иджил чувствовал себя огромной мишенью.

«Харлан может отчетливо слышать меня внизу,— подумал он с раздражением.— Конечно, нет смысла красться за ним. Он знает, что я здесь. Он может выбрать тайное убежище и стрелять точно. Он может атаковать из кустов. Он может располагать телохранителями».

Иджил досадовал на себя за гордость, которая помешала ему

схватить Харлана в первый день. Если бы он мог заглянуть вперед на эту ночь, он бы увидел, что этот один шанс — его единственный шанс. Но у Харлана был не менее хороший шанс убить Иджила, как и у Иджила шанс поймать Харлана. Какой прок Карну от мертвого друга? И он вернулся к старым доводам.

Иджил шел с особой осторожностью, понимая, что предосторожность задерживает его, понимая, что без нее он бы постоянно задерживался. Или нет. Харлан, должно быть, только бежал, не оставляя следов.

Чем дальше вниз спускался Иджил, тем выше и гуще становился лес. Он часто останавливался, оглядываясь и прислушиваясь. Ему казалось, что за ним наблюдают. Этого не было на открытых склонах, где он мог видеть своего противника. К позднему утру солнце нагрело иголочки, и они наполнили воздух зеленым, острым ароматом. Слева от Иджила журчал ручей. В деревьях играли белки, и птицы щебетали и покрикивали. Возможно, рука господа все еще была над ним и посылала ему удачу. Возможно, у Харлана такая цель, что погоня для него не имеет значения.

Стайка птиц взлетела над деревьями справа с тревожными криками. Через секунду выстрел из станнера пронесся перед Иджилом, и он упал на землю. Харлан! У него есть запасное оружие. Иджилу хватило сил собраться,так как удар ничего не сломал ему, и он повернулся на спину, чтобы вздохнуть.

Иджил мгновенно оценил свое положение. Он был жив. Он был в сознании. Он даже мог не быстро двигаться. Почему Харлан не убил его? Думал ли он выпытать из него сведения? Не похоже. Иджил не знал ничего важного для лорда Гхарров. Эта неопределенность беспокоила Иджила. Почему он до сих пор жив?

Шаги послышались совсем близко. Иджил взглянул вверх. «Господи, защити меня»,— прошептал он.

Наследник Харлана стоял над ним со станнером наготове. Харлан хрюкнул. «Не мертв. Отлично. Было трудно угадать, какой заряд нужен для персоны такого размера.— Он поднял станнер.— Я не ссорился с тобой, пришелец, поэтому я не убил тебя, но я не хочу, чтобы ты сидел у меня на хвосте. Уходи, откуда пришел. Дай новому Лхарру Халареку самому получить урок у Харлана, который получили его отец и дед».

Харлан наклонился и обыскал Иджила. Он забрал станнер, запасные заряды, немного еды и карту. Он развернул ее. Глаза пробежали по ней, и он кивнул. «Это был упрямый парень, крепостной солдат Халарека. Я должен был догадаться, что он сделает нечто такое.— Харлан засунул карту во внутренний карман своей парки.— Иди домой. Я убью тебя, если увижу за собой. Я убью Халарека наверняка. Позже. Сейчас у меня свои проблемы». Харлан проверил уровень энергии на станнере и, направив его на Иджила, выстрелил. Иджил больше ничего не помнил.

Он очнулся в темноте горной ночи. Звезды сверкали ярко и чисто, как ледяные искры, над ним. Время от времени сморщен-

ное лицо Хеймдала появлялось среди тихо колышащихся макушек деревьев. Иджил пытался поднять руку, но она его не слушалась. Он лежал не шевелясь, ругаясь тихо, потом во весь голос. Несмотря на всю его осторожность, Харлан перехитрил его. Сейчас он уходил, и еще пройдет немало часов, прежде чем Иджил сможет последовать за ним. Думая о предстоящих часах, бессонных и бездеятельных, Иджил застонал.

Он не должен терять время, пока не может двигаться. Он должен сосредоточиться на Харлане, потом на Карне. В погоне он по необходимости сосредоточился на Харлане. Сейчас у него есть время, много времени, хотя он предпочел бы его вовсе не иметь. Иджил с трудом отогнал мысли о погоне и Харлане и погрузился в необходимое рецептивное состояние для Видения. Его время для Харлана было очень коротким. Харлан продолжал двигаться в степи перед Холдингом Коннора. Затем Иджил визуализировал Карна и солнце в полдень, время, когда Карн и офицеры его Дома вели дела Замка.

Тан Орконан сидел в библиотеке за рабочим столом, склонившись над корреспонденцией. Вейсман копался в кабинете в конце комнаты, чихая от поднятой пыли. Карн стоял у камина, глядя на языки пламени, с письмом в руке. Он говорил Тану:

— Тонкая, костлявая и больная, Лизанна единственная, кого я мог найти в Домах как жену! Болезнь, уродство, глупость — вот все, что мне предлагалось. Только отчаянный мог выбрать это. Тонкая, костлявая и больная. Неужели она тоже глупая? — Рука Карна задрожала так, что письмо в ней зашелестело. — А ее отец желает целый Холдинг за невесту, хотя она может оказаться бесплодной, как сестра. — Карн опустил кулак на доску камина. Это был скорее жест отчаянья, чем гнева. — Черт бы их всех побрал! Дому Халарека нужны наследники! Неужели всем все еще видится конец этого Дома в руках Харлана, даже когда Ричард Харлан в тюрьме?

Орконан оторвал глаза от бумаг. Его взгляд был тяжелым.

— Ваш отец лишил вас своей милости, Карн. Могут уйти годы, чтобы доказать, как он ошибался на ваш счет.

— А между тем?

— Между тем, вы делаете лучшее из того, на что способны. Вы спрашиваете моего совета об этом письме из Дома Арнетта?

— Да, я думаю. Кого еще могу я просить? Бринд ушел. Вейсман всегда был только клерком. Эмиль фон Шусс — возможно, я поговорил бы с Эмилем, но это должен быть личный визит.

— Проблемы с теми, кто лезет в три-д сигнал?

Карн кивнул.

— Я научусь когда-нибудь жить так? Когда-то я умел. Я должен был, но сейчас я так скучаю по Болдеру!

Орконан смотрел на Карна очень серьезно. Его лицо меняло выражение, как будто ему было очень трудно сказать то, что он хотел.

— Вы исполняете свой долг перед Домом и Семьей, милорд. Я всегда буду восхищаться вами за это.

Карн зарделся.

— Спасибо, Тан. Это многое значит для меня.— Его голос дрожал.

Орконан обратился к бумагам на столе и минуту их листал с шумом.

— Насчет Лизанны Арнетт...

— Что вы думаете?

— Я думаю, она последняя из больной линии. Хуже, линия дает очень редко девочек. Очень редко. Это выход здесь, Карн?— Карн глянул на него.— Хорошо, хорошо. Девушки. Браки. Престиж. Видимый знак того, того... Я не могу найти нужного слова. Знак того, что ангелы держат вас в своих ладонях. Дом Харлана создал огромное число союзов, выдавая замуж девушек.— Тан посмотрел задумчиво.— Можете вы найти жену из source Харлана?

Губы Карна искривились в усмешке.

— Где этот Дом найдет средства для одного корабля Совета, если связи Харлана в Совете не предотвратили аренду одного из них?

— Вы можете попытаться, Карн. Закладные Фермы 3 выплачены. Возможно, вам стоит попытаться, милорд.

Рот Карна искривился еще сильнее.

— Какое унижение будет хуже для моего Дома: быть низложенным в Совете или взять в жены такую, как Лизанна Арнетт?

Иджил заснул, как иногда бывает в Ви́дении. Когда он проснулся, лес переливался зеленью и золотом в предзакатном солнечном свете. Он сел медленно. Он сжимал и разжимал руки, чтобы убедиться, что может двигаться. Он осмотрелся. Здесь, почти на уровне земли, Иджил разглядел цветы, распустившиеся под редким теплом лета в Зоне Мерзлоты. Какой-то маленький зверек возился рядом под иголками с легким шуршаньем. «Землеройка или полевка, или эквивалент»,— сказал себе Иджил. Он заглянул в ранец. Харлан, оказывается, забрал только то, что видел Иджил.

Иджил поднялся, стряхнул с себя сухие иголки и пошел вниз по склону. Харлан упорно шел к степям перед Домом Коннора.

Иджил решил действовать так, как подсказывало ему Ви́дение. Иджил отметил про себя с горечью, что действительность несколько не похожа на Видение, особенно то, что касается Харлана, идущего впереди на целый день. За секундную неосторожность он потерял Харлана и собственную свободу. Даже если он снова поймает его, что он, безоружный, сможет сделать? У него остался топор, которым можно только убить! Это лишь дело времени, и Наблюдатели увидят, что случилось, и возвратят его.

Спускаясь ниже и ниже, Иджил дальше и дальше вспоминал минуты до того, как Харлан выстрелил в него. Он не видел, что

бы еще он мог сделать. Если бы он сначала оглядел эту рощицу, он увидел бы, что на склоне не было следов. А может быть, Харлан оставил один... Или, может быть... Он шел уже несколько часов и все это время вспоминал последние сутки. Он не знал, что еще он мог бы сделать.

Сразу после восхода следующим утром Иджил сел, укрывшись, у подножия скалы на южной стороне перевала. Он слышал ночью пролетающие флайеры. Один из них пролетел так низко над его ночлегом, что мог бы заметить пятно термоса, если бы искал именно его. Но, определенно, он что-то искал. Он кружил над лесом, и хотя вскоре его кружение стало неслышным, не стоило испытывать судьбу. Он опасался, что это флайер Харлана. Кто еще мог бы рыскать в Зоне Мерзлоты? Кто еще мог бы знать, что здесь кто-то есть?

Утренний воздух был влажным и холодным, трава и камни были мокрыми от росы. Невдалеке когда-то упавшая скала усеяла землю глыбами и обломками разных размеров. Поток гравия и мелких камней заполнил промежутки между крупными обломками и щебнем и спустился, образуя дельту шириной в четверть километра. Дальше шел пологий склон этой горы и невысокая гора, затем предгория, а там уже степи Коннора, Нирана и Йорка, желто-зеленые и охристо-коричневые вдали.

Иджил поднялся и вышел из тени, падавшей от скалы, чтобы рассмотреть склоны внизу и дальше подножия холмов. На широких лугах у подножия холмов паслись стада, черными и коричневыми пятнами выделяясь на желто-зеленом фоне. Как думает Харлан пробраться незамеченным через открытое пространство? Как пастух? Иджил не представлял себе, что Наследник Харлана опустится до переодевания в крепостного, даже, чтобы спасти свою жизнь.

Иджил вздохнул. Он может попробовать еще раз погрузиться в Видение, но пока он не узнает ландшафт, Видение Харлана в этот момент не поможет найти его. Последний раз, когда он пользовался Видением для ориентировки, господь послал ему Ансакузнеца. И вот после удача покинула Иджила. Бог больше не помогает ему, и не разгадать, что же случилось. Иджил остановился, оглядел дикие скалы и лес и почувствовал жуткое отчаяние. Как он в этом снова отыщет Харлана? Неужели он навсегда останется в подземелье из-за одной глупой ошибки? Неужели его мечты о своем месте в семье разбиты навсегда?

Тихий внутренний голос бранил его: «У тебя прочное место в семье. Тебя так же любят и ты нужен, как и все остальные. Известен ты или нет, знаменит или нет, для них не имеет значения».

«Но это имеет значение для меня»,— прошептал Иджил. Он снова вздохнул и пошел, пересекая склон. Быть с Наблюдателями вечно. Потерять все шансы на известность, состоятельность, славу...

Иджил услышал мотор флайера. Он приближался. Иджил

спрятался под большим камнем. Гравий выскакивал из-под его ботинок и летел вниз, когда он бежал. Он укрылся под скалой как раз вовремя, когда флайер пролетел над ним. Шум мотора отражался от скалы. Огромная тень проплыла, и показался сам маленький красный четырехместный флайер. Он снова исчез, кружась над скалой, но не улетел. Моторы грохотали в густой тишине.

Флайер определенно что-то искал. Или кого-то. Он кружился снова. Ниже. Ближе.

«В конце концов, они не скрывали свою принадлежность, раскрасившись красным, как этот флайер,— подумал Иджил.— Так что это не похоже на друзей Харлана. С одной стороны. С другой стороны, уж я-то знаю, какой смелый Ричард Харлан. Он вполне мог воспользоваться красным флайером».

Глава тринадцатая

Иджил сбросил свой рюкзак и тесно прижался к скале. Флайер пролетел по кругу, накренился и устремился вниз к тому месту, где находился Иджил. Сердце Иджила замерло. Какой ужас! Он понял, что заметен, как пограничный столб. Иджил достал из чехла свой топор. В этом мире топор не мог быть оружием, но все же это лучше, чем ничего.

Красный флайер приземлился где-то неподалеку, затем Иджил услышал шуршание по гравию нескольких пар ног. Во рту у него пересохло. Он собрался и стал ждать, куда будут двигаться незнакомцы.

— Эй, ты! — Голос был настороженный.

Иджил распрямил плечи и поднял топор.

— Мы — люди Совета,— прокричал голос.— Не стреляй.

Стрелять? Рот Иджила искривился. *Очевидно, они не знают, что во время моей последней схватки с Харланом я потерял свой станнер. Значит, они не союзники Харлана или, по крайней мере, давно его не видели.*

Иджил пошевелил мозгами. Люди Совета. Люди Совета носили красное. Совет держался нейтралитета в родовой вражде Карна. Иджил позволил себе расслабиться.

По крайней мере, они его не убьют. Прежний голос произнес несколько слов на языке пиджин, на котором обычно разговаривали Бегуны. Это навело Иджила на мысль, что они не узнали его.

Иджил на минуту задумался, соображая, что ему может угрожать, затем вышел на открытое пространство и стал ждать, держа руки в стороны. В таком положении топором пользоваться было неудобно, и эти люди должны были понять это.

Трое обогнули край скалы. Они выключили двигатель и осторожно направились к Иджилу, держась за оружие. Когда они подошли достаточно близко, чтобы рассмотреть его лицо, то резко остановились и уставились на него. Иджил вдруг занервничал

и сжал руки. *Что с ними случилось? Неужели они раньше не видели никого из другого мира?*

Старший шагнул вперед. Правой рукой он сжимал станнер, а его пальцы были на спусковом устройстве.

— Кто ты? — Голос дрожал, и, казалось, человек побледнел. Хотя трудно представить Гхарра бледным.

Иджил приобрел твердость.

— Почему вы спрашиваете? Я не держу оружие наизготовку. Я никого не беспокою, а путешествовать не запрещено, не правда ли?

Говорящий закашлял.

— Мы... кх... мы не хотели обидеть. Кх... А что является признаком вежливости в вашем мире?

— Общаться без оружия.

— Я не это имел в виду. Вы не лорд, а поэтому мы не можем называть вас «мой господин» и...

— Меня зовут Иджил Олафсон, джентльхом.

— «Джентльхом», я понимаю, что это господин.— Человек снова прокашлялся и убрал палец со спускового крючка.— Мы не хотели обидеть, но никто раньше здесь не путешествовал. Никогда,— он с возражением поднял руку.— Это не запрещено, но здесь же невозможно жить долго. Мы здесь из-за того, что съемка Гильдии с орбиты определила следы в снегу. Здесь их не должно быть. А однажды в долине гейзера обнаружили очертания, которые не были берегом Цинна. А наша обязанность проверить это. Недавно осужденный убийца сбежал из Бревена и...— На минуту он опустил глаза вниз.— Мы увидели следы в тундре, а затем и здесь, и подумали, что, может быть, он здесь.— Он встретился глазами с Иджилом.— Мы не могли представить себе, что это вы. Вы же умерли — не могли не умереть — около года назад.

Иджил глубоко вздохнул и опустил руки. Он подумал с надеждой, что Харлан где-то рядом. Он не должен спуститься в степь, а будет держаться ближе к тундре выше линии деревьев, где следы слабее и хорошая видимость, а энергия расходуется быстрее, чем на низких высотах. Скоро он должен подойти к Зоне Мерзлоты. То, что он взял с собой еду, подтверждало это.

«Возможно, у меня есть наконец возможность поймать его,— подумал Иджил.— Но сначала я должен освободиться от людей Совета».

Иджил подумал о своей клятве никому не рассказывать о том, где он был и что с ним случилось за последнее время. Теперь, когда ему начали задавать вопросы, он почувствовал, как трудно держать слово.

Он мог бы нафантазировать что угодно обо всем, кроме излечения своих рук, даже о том, как он выжил в Зоне Мерзлоты. Но руки — такое отморожение не вылечить. В свое время они были обречены, теперь они действовали. Полусознательно он спрятал руки за спину. Люди Совета зашевелились, вероятно, ожидая

объяснений. Ну, хорошо, здесь не было никого, ради кого он бы нарушил клятву.

Он осмотрелся. Почти полдень. Харлан впереди почти на день пути. Но он не проходил здесь согласно данным Совета. Значит, он хочет выйти из Зоны другим путем. Может быть, эти люди знают, где. У них было время установить ловушку для Харлана. Это был бы последний шанс для Иджила поймать Харлана прежде, чем он доберется до своих защитников.

Только сейчас Харлан на свободе, а Иджил обнаружен. Если бы Халарек, Совет, даже его семья знали бы, что он жив и идет по следу Харлана, Совет бы вышел на поимку. Он нарушил законы Совета.

Нет, Совет не получит его. Иджил потер рука об руку. Я был бы рад выбраться отсюда, но бог отказал в помощи. Есть ли он еще?

Главный из солдат Совета обратился к Иджилу.

— Господин, лорд Карн обещал большое вознаграждение за ваше безопасное возвращение и даже лишь за известия о том, что случилось с вами.— Человек замолчал в ожидании ответа.

Иджил быстро обдумывал спасительное объяснение. Он взглянул в глаза главного, пытаясь создать впечатление искренности и важности его слов, что было одной из Академических хитростей.

— Передайте лорду Карну, что я жив и здоров, и что его задание продвигается в нужном направлении. Я буду у Халарека недели через две.— Он использовал все дипломатические уловки, какие были у Карна. Карн хорошо представлял себе значение поведения в различных ситуациях.— Я еще не настиг его, еще не выполнил задания.

— Задание? В Зоне Мерзлоты? — В голосе человека слышалось сомнение.

Иджил испугался. Его свободе постоянно угрожают.

— Да, задание.— Его голос был ледяной и слегка дрожал. Он закинул свой рюкзак за спину.

— Стой.— Главный резко шагнул вперед, но остановился, взглянув на топор.— Вам нельзя уйти. Лхарр Халарек искал вас более четырех месяцев, до тех пор, пока уль не остановил его, увидев, что это бесполезно.

Иджил держался прямо, стараясь избавиться от дрожи в голосе.

— Позвольте вас покинуть для того, чтобы закончить свою работу.

— Какая работа? — Голос человека стал вдруг очень подозрительным.

Иджил понял, что ему не уйти. Он сделал шаг и увидел краем глаза напряженные лица солдат и пальцы, сжимающие станнеры.

Они смотрели на привидение или на то, что должно быть привидением, в том районе их Мира, где никто не заходит так далеко.

Они были испуганы. Он был жив, да. То, что он на секретном задании,— возможно. Но то, что это задание там, где ничего нет,— не может быть. Если он хочет закончить свою охоту, зачем ему убегать?

— Я названный брат Лхарров. Это означает, что я делаю то, что они попросят, даже если это солдаты.— Естественно, это была неправда, но такую философию они не могли понять. Они все еще смотрели подозрительно, и их руки все еще не выпускали оружие.— Все господа Гхарров имеют секретные задания, даже Лхарр Халарек. Каждую минуту я трачу впустую на перебранку с вами, что делает мое задание невыполнимым. Если вы задержите меня еще дольше, я потеряю всякую возможность выполнять его. Я буду наказан.— Это-то они должны были понять.

Главный сомневался.

— Да, у нас *нет* приказа *схватить* вас.

Однако другой солдат что-то зашипел ему в ухо. И через мгновение Иджил лежал лицом в снег, не двигаясь. Он кипел в ярости. Харлан на свободе. Карна нет. И все из-за каких-то бюрократов.

Люди Совета быстро связали ему руки, перевернули на спину, чтобы он мог дышать.

— Приносим извинения, но на вознаграждение Лхарра мы втроем сможем прожить до конца дней своих, а мы уверены, что получим его, даже невзирая на происки уля. Мы вас долго не задержим, три-четыре часа. Надеюсь, три-четыре часа не так много, чтобы позволить отвлечься от работы, по сравнению с тем временем, которое прошло с тех пор, как вы исчезли.

Иджил оказался совершенно беспомощен. Бесполезно даже было ругать этих людей, которые отбирали у него свободу и лишали репутации.

Двое солдат повели Иджила к флайеру. Они прикрепили его ремнями к заднему сиденью и сели сами. Главный сообщил Совету об их взлете. Он просил, чтобы Совет попросил Лхарра Халарека встретить флайер в пункте, название которого Иджил не знал.

— Мы в районе Голубого объекта,— добавил старший.

Голос на другом конце что-то пробормотал.

— Голубой объект,— повторил главный.

Голос на другом конце что-то проскрежетал и замолк.

Старший проверил свой летательный аппарат, повернул ключи и нажал кнопки, и флайер взлетел над горами, затем повернул на юго-запад. Ветер поднимал столбы снега вековой давности.

Иджил наклонился. Его позвоночник изнемогал от крепких ремней и привязанных сзади рук, его левая нога онемела от тяжести рюкзака, лежащего на ней.

Мысленно он посылал этих людей к черту, дьяволу и волку в пасть. Он корчился, чтобы найти удобное положение, но смог только снять рюкзак с ног.

Через минуту он смог произнести онемевшим ртом:

— Вы... разрушили... результаты... всей... работы.

Старший обернулся к нему.

— Вы зря так нервничаете, господин. Задержка на три-четыре часа ничего не испортит. Ваше задание,— добавил глава,— вряд ли важнее того, что мы нашли вас или поймали бы лорда Ричарда. А вы, вероятно, не знаете, так как вас не было так долго, что лорд Ричард сбежал.

Иджил чувствовал, что он сейчас взорвется! Он не мог ничего ответить и старался изобразить полное недоумение и непонимание. Он использовал всю свою выдумку и изобретательность, но бог не помог ему. Всю дорогу Иджила поедало разочарование.

Шум, который всегда сопровождал приготовление к обеду в семье Халареков, превратился в приглушенный фон голосов, как только семья и тщательно подобранные гости — это всегда были нужные люди — расселись за серьезным занятием поедания роскошного обеда.

Сервировка в первый день была проще, чем обычно, поэтому обед был ранний. Карн выглядел веселым, так как был очень голоден.

— Господин? — Маленький паж потянул Карна за рукав.— Мой господин, Председатель Гашен желает с вами поговорить.

Карн неодобрительно посмотрел на мальчика; ему бы лучше заниматься уроками, чем приставать к господину.

Карн глядел то на Лизанну, то на Катрин, затем на мальчика и резко встал из-за стола. Лизанна не могла воспитать дисциплинированность у мальчика. Она не могла вообще воспитывать слуг. Она только знала, что в большинстве Домов слугам достаются удары и пинки. Нет, Катрин должна бы взять на себя заботу о воспитании мальчика, хотя бы научить его правильно обращаться к своему господину.

Для нервозности были свои причины. Когда Председатель Совета вызывал к себе, то на то были серьезные причины. Из опыта Карн знал, что вызов из комнаты три-д Председателем означает плохие вести.

Карн сдерживал себя, чтобы не броситься бегом в трехмерную комнату и быстрее узнать все недобрые вести. Такая торопливость не помогла бы ничем, а только дала бы повод кузинам и слугам судить о том, что Лхарр побежал по требованию Свободного. Это было признаком дурного тона в их компании.

«*Формальности, соблюдение приличий, ритуалы*,— бурчал про себя Карн.— *Боже, как я бы хотел прожить без них немного!*»

Техник, дежуривший у двери трехмерной комнаты, открыл дверь и впустил Карна. Фрем Гашен ходил взад и вперед в дальнем конце комнаты. Как только он вступил на ковер, то богатое убранство кабинета Председателя засверкало во всем его великолепии. Вся эта роскошь была сильным контрастом по сравнению с абсолютно пустой трехмерной комнатой. Трев Халарек считал,

что это признак неизбалованности. Ни ковров, ни мягких стульев, ни даже картин на стенах.

Карн обернулся к Председателю.

— Фрем Гашен.

Гашен перестал прохаживаться по кабинету и взглянул на Карна.

— Мой лорд. Ваша три-д комната в безопасности? Вот секретное сообщение.— Председатель опустил руки на свое величественное чрево, ожидая, пока Карн освободит комнату от слушателей. Карн выпроводил техников. Когда за последним из них закрылась дверь, Карн обернулся к Председателю.

— Теперь мы одни, господин.

Пальцы правой руки Председателя слегка барабанили по упругому животу.

— Мы... получили несколько специальных сообщений со съемки Гильдии. Мы патрулировали в течение нескольких дней над северной частью Зоны Мерзлоты. Съемка определила фигуру, которая явно была не фигурой медведя из Цинна в долине гейзера, и следы, которые явно не были следами какого-либо известного нам животного. Тогда Совет пришел к мысли, что это могло быть место, где скрывается Харлан.— С открытым ртом Гашен уставился опять на свой живот.— Мой господин, несколько минут тому назад патрульный флиттер принял на свой борт кой-кого в северной части Зоны Мерзлоты — вы уверены, что мы одни?

— Безопасность гарантирована, Фрем Гашен.

Председатель закивал.

— Наши люди нашли Иджила Олафсона, мой господин.

Для Карна время на мгновение остановилось. Иджил. Нашелся. Через столько времени в Зоне Мерзлоты! Иджил — художник. Иджил — борец. Большой смеющийся блондин.

Жив после всего.

Затем всплыли в памяти уроки жизни среди Гхарров.

— Кто еще об этом знает?— спросил Карн более резко, чем того хотел.

— Я уверен, никто, кроме тех, кто принимал сообщение и разрушал сегодняшний код.

— Где он?

— С места, где его подобрали, четыре часа лета сюда. Мы бы доставили его прямо в Онтар, но он настаивал на том, что он в Зоне Мерзлоты на задании и что люди Совета помешали ему его выполнить.

Лицо Председателя выглядело унылым.

— Видите ли, мой господин, люди уверены, что они достойны вознаграждения, которое вы обещали в прошлом году за возвращение Фрема Олафсона.

Мозг Карна усиленно работал. *В Зоне Мерзлоты. Никто не жил в Зоне Мерзлоты! Иджил, вероятно, говоря о том, что он выполняет мое задание, думал, что это спасет его от Совета, во*

что теперь трудно поверить после того, что я выглядел удивленным. Я выдал себя. Боже! Через год! Даже академическая закалка не может помочь мне оставаться нейтральным после того, что я считал целый год его умершим. Он старался скрыть свое возбуждение и радость как только мог.

— Конечно, я награжу их, Председатель Гашен.— «Хотя день ги эти совершенно не правые»,— добавил он про себя.— Где он?

— Корабль Совета приведет его сюда.

Новая тревога поселилась в душе Карна. Он тряхнул головой.

— Я не хотел бы обидеть, Фрем Гашен, но после того, что случилось с моей мамой, я думаю, вы понимаете, что я не доверяю никаким флайерам, кроме своего.

— Я пытался сохранить секрет, как только мог. Что касается вас, то пусть вы обещали вознаграждение за его возвращение, хотя он был на задании Дома. Очень удобное объяснение, мой лорд.

Карн поклонился в благодарности. Он, естественно, понимал, что Председатель не верит рассказу Иджила, особенно после реакции Карна, но, по крайней мере, принял эту версию. Карн прокашлялся, чтобы избавиться от видимости доброты.

— Вы очень внимательны, Фрем Гашен, и я признателен вам. Мог бы я направиться к месту встречи и подобрать надежного пилота Совета? Я искренне не решаюсь пользоваться оборудованием, которое не проверено моими людьми.

— Не очень понятно, мой лорд. Зачем? Четыре часа от земель Совета? Там вас ожидает надежный пилот.

И Гашен удалился, не ожидая благодарности и дальнейших вопросов.

Карн повернулся и стремительно бросился к двери. Затем опомнился и притормозил. Это должна быть секретная поездка, по крайней мере, до тех пор, пока он не узнает, что произошло. Он не должен показывать своего возбуждения. Он вышел в дверь и вернулся в Большой Зал, сохраняя спокойствие, насколько это было возможно. Прошел год, а Иджил оказался живым! Не просто жив, а здоров и невредим, странствующий по Зоне Мерзлоты.

Несколько часов спустя пилот Совета посадил флиттер Карна у поста Совета на северном конце Цинна. Пост, по-видимому, редко посещался кем-либо, и сейчас там был только один флиттер, красный, на четверых человек. На снегу были следы, которые вели к двери поста. Следов в обратную сторону не было. Карн дождался, пока пилот выключит двигатели и выйдет на улицу, спускаясь по крылу к земле.

Еле сдерживая себя, Карн бормотал что-то про себя, чтобы занять себя. Как только скрипнула дверь поста за вошедшим пилотом, Карн бросился к двери.

— Иджил? Иджил?

Знакомая статная фигура грохоча спускалась по ступенькам. Иджил закричал: «Карн!»— и они бросились в объятья друг

друга, смеясь и толкаясь, перекликаясь вопросами, смеясь еще больше, борясь с попыткой закричать еще громче от переполнявших их эмоций. Наконец они остановились, тяжело дыша и по-дурацки улыбаясь.

— Женился, да?

— Твои руки! Твои измученные руки!

— Иди первым,— сказал Иджил, надеясь выиграть несколько минут, чтобы обдумать правдоподобное объяснение.

— Нет, ты. А откуда ты знаешь, что я женился?

Люди Совета одели свои парки, пилот Карна попрощался, и они вышли из здания поста. Людям было дано разрешение на отдых, что было так редко в жизни Гхарров. И они попросили Карна позаботиться о вознаграждении. Спустя несколько минут красный флиттер Совета улетел.

Иджил потер руки и на мгновение посмотрел на них.

— Я был обманут местными жителями, так сказать.— Он надеялся, что Карн поймет, что он имеет в виду Бегунов и не будет больше задавать вопросов. Обидно лгать своему лучшему другу. А если Карн начнет расспрашивать подробности, Иджилу придется соврать.— Мои руки... Я не смогу объяснить, как они выздоровели. Это было чудо, насколько я понимаю.— Он мог бы поклясться перед всеми богами, что эта часть была правдой. Заживление выглядело чудом.— Очень, очень медленное чудо, Карн. Они еще не вошли в полную силу.

— Покажи,— приказал Карн, мужественно чувствуя боль за друга, как свою собственную, и только глубоко вздохнул. Друг! Его *друг* вернулся! Вернулся с того света! Он протянул ему правую руку.

Иджил схватил ее и пожал так, что согнулись колени Карна. Карн засмеялся.

— Не в полную силу? Благодарю бога, что ты не сжал во всю свою силу.— Он сморщился от боли и попытался вытащить свою руку.— Теперь освободи меня.

Иджил похлопал одной рукой Карна по плечу, а другой схватил ускользающего от ответа друга.

— А ты женился, хотя тебе еще нет двадцати?

Карн освободился от руки Иджила и обернулся к нему. Низким и приглушенным голосом он произнес:

— Дом Халареков должен иметь наследников. Остались только я и Кит. Мог ли я ждать до тех пор, пока мне исполнится двадцать пять или тридцать лет?— Он обернулся и взглянул на Иджила.— Откуда ты знаешь, что у меня есть жена?

— А, это кусочек сплетен людей Совета, которые меня сюда везли.— Это Иджил придумал из-за обиды на людей Совета.— Карн, я шел по следу Харлана, когда эти бюрократы схватили меня и привезли сюда. Он был буквально в дне пути от меня, хотя из-за моей же глупости, но я еще могу догнать его, если ты мо-

жешь предположить, к кому он бежал. Он двигался через Холдинг Коннора, но...

— Ричард идет через владения Коннора?

— Да. Я преследовал его с вердейна по огромным пространствам Зоны Мерзлоты. Время от времени мы соревновались. Убийцы или кузены — убийцы в уме. Солдаты Совета держали после побега дома. Но я полагаю, ты знаешь это.

Карн кивнул, но Иджил отметил, что для друга многое неясно, но он сейчас не собирался задавать лишних вопросов. Но, в конце концов, он их задаст. Правда, сейчас внимание Карна было обращено на опасность, которую представляет Ричард Харлан для его Дома, пока он на свободе.

Карн нахмурил брови и взъерошил волосы; смуглые пальцы переплелись с темными волосами. Он отключился на несколько минут в раздумье.

Карн медленно посмотрел на Иджила.

— Он направляется в Кингсленд. Я уверен в этом. У лорда Неллиса была неудача в курте, только что перед осадой, и Ингольд теперь граф в Кингсленде. Неллис медлил, но он неглуп и справедлив. Ингольд — соперник Ричарда, они очень похожи.

Иджил кивал в знак согласия. Это совпадало с тем, что говорили о Харлане Наблюдатели.

Вдруг глаза Карна засверкали.

— Я готов держать пари, что флиттер с Кингсленда сядет скоро на окраине Зоны Мерзлоты. Может быть, около Йорка, может быть, даже на границе земли Совета.— В его голосе чувствовалась горечь.— Это было бы веселенькой затеей для Харлана быть подхваченным беглецом от Совета на границе земель Совета, возможно, на земле Совета.

Иджил в раздражении опустил руки.

— Смотри, Карн, если ты полагаешь, что ты знаешь, где он, каждую минуту, которую я провожу здесь в болтовне, Харлан использует для приближения к спасению. Особенно, если ты прав и он собирается встретиться с флайером здесь неподалеку.

— Почему ты не сообщил Совету, где он, когда мог это сделать?

Иджил пристально смотрел на друга. Он думал, что Карну все понятно.

— *Я* хочу *сам* поймать Ричарда. Я *сам* хочу разорвать его на куски.— Наступила тяжелая пауза.— Я очень хочу этого, но собираюсь вернуть его в тюрьму. Держу пари, что для Харлана это гораздо хуже, чем любая пытка.

Карн побелел.

— Ты хочешь, чтобы он остался жить? После того, что он сделал с моим Домом? С матерью? С твоими руками? Ты собираешься сохранить ему жизнь? Я думал, что король Викингов верит в *вендетту*!

Иджил с испугом взглянул на Карна.

Не так давно он думал так же. И даже сейчас, и, конечно, ему трудно было объяснить, зачем необходимо сохранить Харлана для будущего Старкера IV без отправки к Наблюдателям.

Он не мог. Он закашлял.

— Карн, я хотел сам убить Ричарда. Но я узнал, как его кузены начали бороться за власть после приговора Харлану. Если Совет вернет Ричарда в Бревен, он останется там до окончания срока приговора и будет наблюдать, как рушится от раздоров и фамильной склоки Дом Харлана. От Дома Харлана не останется ни кусочка, и это худшее, чем смерть или любое другое наказание для Ричарда Харлана.

Карн сомневался. Иджил знал, что где-то внутри Карна идет борьба чувства и здравого смысла. Интуиция и здравый смысл подсказывали ему, что нет лучшего реванша, чем возвращение Харлана в Бревен для наблюдения, как его Дом доходит до уничтожения от жадности и вероломства его обитателей.

— Ричард Харлан пожелал бы лучше испытывать любые муки, чем он будет наказан наблюдением за борьбой своих кузенов за титул герцога.

Карн не хотел верить словам Иджила. Он чувствовал *обман* и от человека, которому доверял больше всех. Он признавал здравый смысл в словах Иджила, но это не могло усмирить его гнев. Харлан *посмел* убить Лхарра. Он *посмел домогаться* Кит.

Карн затряс головой, стараясь избавиться от всех мыслей. В истории Гхарров женщину ожидала участь стать собственностью человека, который убил ее отца, брата, мужа или другого защитника. Такое вынужденное «сватовство» было принято и сейчас, в чем Ричард преуспел бы, уничтожив Халареков. Гнев нахлынул на Карна.

«*Только не моя сестра! Я убью ее сам, прежде чем он дотронется до ее руки. Я убью его первым*».

В Карне взяла верх кровь Гхарров. Карн услышал призыв к неминуемой смерти для так называемого герцога и был не в состоянии изменить процесс.

Основная обязанность Лхарров состояла в охране и защите своего Дома, спорил возникший в Карне Гхарр, и поэтому, уничтожив Ричарда, он обезопасит свой Дом. Перед Карном предстали его новые вассалы, восстановленные после последней осады Онтар и Холдинг, его невеста, необходимая Дому.

— Я собираюсь идти.

Он чувствовал правоту своих слов. Академический дипломат, мирный негоциант был ужасен.

Иджил открыл рот.

— Нет. Ты не готов. Ты не взял снаряжение. Твой Дом...

Карн уже открывал двери кабинета. На постах Цинна всегда имелся запас пищи, оружия, постельных принадлежностей, медицинского оборудования. Иджил мог переубедить Карна, пока тот собирал все необходимое.

— Вот запасы. Я буду готов через пять минут. Ник будет управлять домом во время моего отсутствия. Он может продолжать все, как было.

Мысленно Карн добавил: «*И леди Агнес будет охранять его и Кит, как если бы он был дома во владении Шусс*. О боги! Я бы хотел, чтобы наш Дом дождался женитьбы, хотя мы уже помолвлены, а Кит еще должна выйти замуж».

— Я никуда не пойду, Карн, пока не буду уверен, что ты не убьешь Харлана.

Спокойный голос Иджила прервал размышления Карна. Карн изумленно взглянул на друга.

— После всего, что Ричард сделал?

— Да. Я настаиваю на том, чтобы возвратить его в Бревен. Я дал клятву, Карн, клятву в их храме.

Карн молча изучал Иджила. Он знал, как много для него значит верность клятве. Он чувствовал, что Иджил что-то недоговаривает. Ричард заслужил смерть, и Дому Халарека будет от этого спокойнее. Но без поддержки Иджила не поймать Ричарда. Иджил знает, где он приблизительно находится. Даже если необходимо вернуть его в руки Совета, он бы должен обещать Иджилу не убивать Ричарда.

Карн тяжело вздохнул. Это решение может стоить ему Дома, но это не так много, как позволить Ричарду встретить его близких.

— Иджил, я клянусь кровью моей матери, что я не убью Ричарда.

Глава четырнадцатая

За время, которое Иджилу показалось мгновением, Карн убрал шасси, а двое из них взбирались на крыло стоящего флиттера и в его кабину. Карн пилотировал в соответствии с негласным соглашением: он знал территорию Зоны, по крайней мере, ее границы. Карн резко бросил флиттер вверх, чтобы выйти из области слежения охранного поста, и пролетел его восточнее по направлению к земле Коннора и Совета.

— Не хватает немного изощренности,— прокомментировал Иджил мягко.

— Это то, что обычно говорит Ник.— Карн нажал на несколько кнопок, установил переключатель в новое положение и откинулся в кресле назад.— Все, больше никакой работы в течение получаса или более, пока мы не достигнем Поместья Коннора. Семья Тана,— добавил он для Иджила,— мои вассалы. Я не думаю, чтобы они оказали помощь Ричарду. Хотелось бы, чтобы я смог сказать то же самое обо всех остальных. Скажи мне, что они собирались делать?

Иджил обобщил все, что произошло, не упоминая только лишь о крепостных крестьянах и Наблюдателях. Он мог понять из выражения лица Карна, что его друг догадывается о том, что тот многого не договаривает. Иджил решил отвлечь его внимание.

— Подозреваешь ли ты, что *твои* вассалы могут помогать Харлану?

Лицо Карна сделалось зловещим.

— Возможно. Роул не испытывает большой любви ко мне. И Нерут. И Мелеван. И некоторые или все поместья, которые я отвоевал у Харлана. Роул, Нерут и Мелеван обижены тем, что я победил их не в единоличной схватке один на один. Они собирались бороться со мной в ухле. Или, возможно, они думали, что я собираюсь ждать до тех пор, пока не начнется время схваток весной.— Карн рассмеялся.— Я могу быть наивным в политике в этом мире, Иджил, но никак не глупым.

Иджил смотрел в окно, чтобы Карн не мог читать его мыслей на лице. *Вот что причиняет такую боль, не правда ли? Что такой выдающийся представитель Академии вынужден здесь торчать, потому что у него нет ловкости с ними бороться.*

Они потратили много времени, но не увидели ни следов Харлана на земле, ни флайеров Одоннела и Харлана в небе. Однако они увидели три самолета Совета в это время. Иджил предположил, что они искали пропавших без вести. Карн, возможно, пришел к той же мысли. Его движения стали более резкими, фразы укороченными, тон речи возбужденным. Нетерпение сквозило в каждом его движении. Иджил понимал, что если бы он был пилотом, он бы реагировал на крушение всех надежд тем же самым. Страшно было подумать, что твой враг рядом, а ты не можешь обнаружить его или сообщить домой о помощи. Любой сигнал выдал бы их местоположение обоим, Харлану и Совету. И Иджил, и Карн сильно хотели, чтобы Харлан вышел из-под покровительства Совета.

Только передвигаясь на флиттере, они могли обнаружить Харлана первыми. Следование по следам Харлана на земле отняло бы много времени, даже если бы они их и обнаружили, в чем Иджил глубоко сомневался. Люди, скорей всего, уничтожили свои следы. Иджил чувствовал себя так же неуверенно, как и Карн, по мере того, как шло время. Помощь Харлану уже должна быть где-то рядом.

Иджил бросил взгляд на Карна. Карн был занят пилотированием и с расстроенными чувствами вел поиск. Может, попытаться найти его с помощью Экстрасенсорного Видения, пока Карн был занят другими мыслями? Экстрасенсорное Видение может обнаружить Харлана раньше. Иджил откинулся назад в своем кресле, медленно вздохнул и представил лицо Харлана. Сейчас. Он хотел *Увидеть* Харлана сейчас.

На некоторое время изображение кабины флиттера расплы-

лось в глазах Иджила. Затем он оказался на склоне горы, смотря вниз на широкую, неглубокую реку, текущую через болота, шириной в несколько километров. Было раннее утро, и даже летом ранним утром в Зоне Мерзлоты вода в реке покрывалась кружевами льдинок вдоль отмелей.

Иджил взглянул украдкой на солнце. Река текла на юг и увлекалась ветром между гор. Блестящая полоска реки тянулась через глубокое ущелье в горах, и за ущельем водяной туман поднимался до самого горизонта. Ричард Харлан стоял на большой плоской горе в середине реки, пугая мускулами.

Иджил от неожиданности присел.

— Карн!

Карн напрягся, продолжая держать руки на спусковых крючках.

— Эй, Карн, я извиняюсь. Я должен был узнать, прежде чем кричать о чем-либо.

Карн поднял руки с кнопок огневого контроля.

— По крайней мере, *этот* инстинкт действует так, как надо.— Его голос был грустным и самоосуждающим. Он выключил автопилот, посмотрел на Иджила и стал ждать.

— Если бы я мог описать место, где Харлан был этим утром, мог бы ты найти его?

Карн бросил на Иджила удивленный взгляд, но кивнул.

Иджил описал реку, которую он Видел. Карн включил карту на навигационном экране флиттера. Слова на экране не были понятны Иджилу — он мог говорить на языке Ромов, но никогда не учился читать,— но пейзаж был похожим.

— Здесь,— сказал он, показывая на реку, вытекающую из гейзера, которую гнал среди гор ветер.

Карн переключил на увеличенную карту. Экран показал на бледно-зеленое место на реке. Цвет соответствовал влажной, заболоченной земле. Иджил показал на нее.

— Можем ли мы попытаться приземлиться здесь?

Карн удивленно посмотрел на него, но взлетел над землей в автоматическом режиме, изменил контрольные кнопки, сбросил автоматический режим и откинулся назад в своем кресле. Он скрестил руки на груди и уставился на Иджила.

— Ну и... ?

Иджил оскорбился.

— Если даже его не будет там, то что мы теряем?

— Ничего. Мне только любопытно, как ты узнал об этом болоте в той части *моего* мира, который даже *мои* люди не посещают. Может быть, ты изучал фотографии Гильдии, пока ты скрывался? Это то, чем мы не обладаем до сих пор. Где ты был это все время и что делал? И почему ты не дал знать своим друзьям, что ты еще жив!

Иджил вздохнул.

— Я не мог и не могу. Еще нельзя. Клянусь тебе, нельзя, Карн.

Я не смогу объяснить.— Как могли бы Бегуны объединиться с Халареком, даже если бы они и захотели?— Я был *пленником*, Карн!

Подозрение Карна терзало.

— Пленником. И они даже разрешили тебе уйти. Очень похоже на это. После того, как они вылечили тебе руки.

Иджил чувствовал, как ужесточается голос Карна. Он мог понять его скептицизм, даже подозрение, но понимание не делало от этого меньшим страдание.

— Карн! Плюнь на это! Это я, Иджил, я говорю с тобой. Не Харлан. Не Одоннел. Даже не один из твоих вонючих вассалов. Это я! Мы же были друзьями столько лет!

Голос у Карна стал более глухим и опасно спокойным. Его правая рука сжимала станнер. Иджил никогда не видел его таким раздраженным.

— Я думал тоже, что мы друзья. Но руки, которые были заморожены в ледяные блоки, не работают снова как новые. Никогда. Я пытался понять, кто ты и кто платит тебе и почему, но не мог. Убийца? Похититель людей? Шпион? Ричард хотел иметь шпиона. Что еще надо? Ты работаешь на Ричарда? Может быть, ты андроид? Кто ты на самом деле и откуда ты так много знаешь об Иджиле Олафсоне?

Иджил проглотил слюну. Он уставился взглядом на черную дырку ствола станнера. Если он правильно понял, Карн установил мощность станнера на величину «убийство». Карн был серьезен. Иджил быстро обдумывал ситуацию. Очевидно, что он не учел, чем может показаться его долгое отсутствие человеку, чья жизнь проходит в постоянном подозрении и смертельной опасности. Он знал, что будет большой проблемой объяснить прошедший год, учитывая, что он не имеет права обо всем говорить, но он никогда не мог представить, что Карн, Карн, боже мой, будет думать, что он обманщик и даже убийца. Когда он жил с Наблюдателями год, Карн постоянно встречался с предательством и вероломством Гхарров, и это его изменило. Сильно изменило. Старый Карн подозревал бы заговор против него или его Семьи — это было бы обычным делом в этом мире — но он никогда бы не подозревал Иджила.

«*В действительности, он не подозревает меня*,— Иджил сказал самому себе.— *Из-за того, что мои руки в порядке, он подозревает, что я искусственный, андроид, и он должен реагировать так быстро, чтобы защитить себя, что ему не приходило в голову, что только кто-то знакомый с жизнью пришельцев способен думать о такой вещи, как искусственный человек. Семьи считают, что отбытие с планеты является признаком нелояльности и, возможно, предательством. К моему счастью, однако, Харлан окажется одним из пришельцев*».

Мысли Иджила вернулись к наставленному на него стволу станнера и к неумолимому лицу друга. Взглянув за ветровое стекло, он понял, что прошло несколько секунд. Умереть от рук Кар-

на... Иджил взвесил шансы того, чтобы успешно выбить станнер из рук Карна прежде, чем он сможет выстрелить, и понял, что шансов мало.

— Я жду объяснений,— голос Карна был убийственным.

Иджил знал, что он должен начинать с очень убедительного объяснения, которого у него не было. Он знал, что должен бы бояться этого, но он чувствовал только лишь горькое разочарование из-за того, что долгие годы отношений с ним как с братом были забыты этим человеком из-за укоренившейся подозрительности, которая помогает лордам Гхарров выжить.

«Карн всегда был способным учеником»,— горько думал Иджил. Он хотел ударить кулаком по чему-нибудь, но понимал, что любое его резкое движение будет последним. Он позволил себе взорваться только речью.

— Послушай, Карн! Я не могу сказать, кто я. Я только лишь один из многих себе подобных. Я не могу быть лжецом. Ни один из Гхарров не похож на меня. То, что я не был здесь долго, достаточно для кого-то, чтобы считать меня синтетическим. Кто кроме тебя и меня на Старкере IV знает о существовании синтетических людей? Продолжай! Не думай, что *я* отступлю от клятвы, потому что *твой* мир держится только на лжи и измене!

Это причиняло боль. Иджил мог видеть это по лицу Карна, но его голос все еще оставался страшно холодным и бесстрастным.

— Поклялся кому, Иджил? Чья клятва может быть важнее нашей, скрепленной кровью? *Чья*?

Иджил глубоко вздохнул.

— Людей, которые держат в своих руках мою жизнь и свободу и твою.— Он поднял ладонь, чтобы парировать все вопросы.— Они не с этой планеты, если уж говорить правду, и они не угрожают твоему Дому.

Сразу после этих слов пришел запрос по радио от Дома Конноров. Карн ответил быстро, не спуская глаз с Иджила и продолжая твердо сжимать в руках станнер. Он быстро взглянул, где они находятся, и продолжил свои вопросы.

— Мой брат Иджил не знал географии Старкера. Как ты мог описать место, где Иджил никогда не был? И почему ты рассказываешь, в каком месте находится Ричард, и не ловушка ли это? Как я уже говорил тебе раньше, я не идиот.

Иджил вздохнул и покрутил головой. Он поднял свое правое запястье с белым рубцом поперек него, подтверждающим их былое братство, скрепленное кровью.

— Кроме этого, у меня нет никаких доказательств, кто я есть, для того, кто знал меня, с тех пор, как нам было по одиннадцать лет. Я поклялся тем, кто меня вылечил, клятвой, которой я не могу изменить даже для тебя, Карн Халарек, даже если ты убьешь меня.— Иджил набрал воздуха в легкие и успокоился на некоторое время.— Что касается, где скоро будет Ричард Харлан...— Иджил снова вздохнул и посмотрел в окно.— Я Вижу, где Харлан,

Карн, так же, как Видит Мама. Ты знаешь, Мама и Сольвейг были ясновидцами. Недавно я тоже стал им. Против моей воли, в основном. Это не дар людей.— Иджил посмотрел назад, на своего друга.— Но дар это людей или нет, но я Вижу правду, и если ты можешь найти это место, ты найдешь Харлана. Ты можешь проверить, что я говорю правду, слетав туда. Или ты веришь Иджилу Олафсону, или нет.— Иджил посмотрел в окно снова.— Проклятый мир, где люди не верят друг другу.— Иджил отвернулся спиной к Карну.

Наступила полная тишина сзади. Затем Карн начал двигаться. Иджил услышал шуршание одежды и стук от положенного на полку станнера. Рука Карна крепко сжала плечо Иджила до боли. Горы Зоны Мерзлоты появились слева, а внизу и справа степи Гильдии и Нирана. Карн снова сел. Когда Иджил повернулся, Карн сидел, сгорбившись, обхватив голову руками.

— Это Оуз, Иджил,— наконец сказал Карн почти шепотом.— Река, которую ты Видел — это Оуз. Она протекает через свободный город Йорк.

Он глубоко вздохнул.

— Я действительно помню твою мать и ее Дар, Иджил. Я помню, она сказала мне, что все они погибнут, мои братья и отец, и я не верил ей.— Голос Карна затих, и снова в кабине наступила тишина.

Неожиданно Карн резко ударил кулаком по подлокотнику кресла.

— В кого я превратился, если я угрожаю единственному из людей, кому я полностью доверяю?— Он уставился в ветровое стекло, ничего не замечая.

— В человека, чей мир слишком подлый, чтобы иметь друзей,— спокойно сказал Иджил.

Немногим более чем через час на горизонте появился Йорк. Спутниковые столовые и аварийные люки ангаров еще работали. Ближе, в сторону востока, скользила овальная тень по земле. Иджил наклонился вперед, чтобы увидеть лучше. Флайер. Это должен был быть флайер.

— Карн, эта штука вооружена?

Голова Карна резко повернулась.

— Смотря что. Где?

Иджил показал. Флайер выскользнул из-под тучи. Он был пурпурного цвета.

— Кингсленд,— Карн выдохнул.— Я был прав.— Он нагнулся вперед, установил контроль и поднял флиттер над пушистыми облаками.— Может быть, мы сможем спрятаться, немного, до того, как мы подойдем поближе.

У Иджила были сомнения, но он ничего не сказал. Возможно, Карн имел в виду, что он сможет скрыть цвета его Дома, поднявшись вверх, так, чтобы пурпурный флайер мог видеть только грязную нижнюю обшивку, которая была у всех флайеров одинаковая.

Через некоторое время они приблизились к флайеру Кингсленда, тот заметил их и ускорился. После этого Карн сделал все возможное, чтобы удержать более мощный кингслендский флайер в поле зрения. Флайер резко развернулся и на мгновение блеснул пурпурной точкой на фоне серого хребта гор, а затем исчез над долиной в стороне Зоны.

— Скрылся? — спросил Иджил.

— Не думай так. Не воображай, что пилот думал о том, как бы скрыться от нас. Посмотри, как он ушел от нас в туман. Я не думаю, что он мог видеть мои цвета, но он мог определенно решить, что этот флиттер не красного цвета, принадлежащего Совету. Нет, он ищет Ричарда. Держись.

Карн сделал на флиттере крутой вираж и последовал за кингслендским флиттером над долиной.

— Будем держаться ниже, чтобы не фиксироваться на датчиках Совета.

Карну удавалось с трудом держать корабль в поле зрения, который был вынужден замедляться из-за изгибов и возвышенностей в долине. Пурпурный флайер взлетел над горным хребтом и полетел на восток. Карн включил наземную диаграмму на контрольном экране и изучил расположение гор.

— Выглядит как бассейн или широкая долина около Оуза немного к западу отсюда, — пробормотал он. — Держу пари, что он здесь. Мы настигнем его и схватим. Спасибо ангелам за спутниковые снимки Гильдии.

— Таким же способом Совет нашел меня. Спутниковые снимки.

Иджил надеялся, что его замечание разъяснит некоторые вопросы, но Карн ничего не слышал и продолжал разговаривать сам с собой.

— Удивляюсь, как пилот знает, где его искать. Никаких сигналов. Совет услышал бы их. Предварительная договоренность должна быть. И это значит, что, по крайней мере, один человек помог ему в Бревене. Я знаю это, как бы то ни было. В противном случае, он не смог бы выжить здесь. Кто-то оставляет продовольствие в заранее условленном месте. Кто? В Доме много дьяконов, и никто не знает, который из них. Он почти в безопасности. Если этот флиттер улетит отсюда, он будет дома, потому что наш флиттер не сможет захватить его. Если бы быть на десять лет моложе и посильнее вооруженным. Если бы быть на месте Ричарда.

Разговор с самим собой действовал Иджилу на нервы. Ему не нравилось размышление про себя, как это было у Карна. Иджил прервал поток его мыслей.

— Когда Харлан поймал меня, он взял мой станнер и немного пищи. Он не убил меня. Очевидно.

Карн резко вышел из состояния размышления.

— Ты был у Ричарда, и он не убил тебя?

Иджил кивнул.

— Он сказал, что он не имеет обиды на меня, сказал мне, чтобы я шел домой и не связывался с тобой. Затем он навел на меня мой станнер, так что он вполне мог убить меня.

Флиттер пронесся над горным хребтом. За другим, более низким, показался сверкающий изгиб реки.

— Оуз,— сказал Карн.

Карн снизил скорость, но они пронеслись над следующим хребтом все еще на большой скорости. Иджил внимательно посмотрел в окно. Карн должен был бы хорошо пилотировать, учитывая порывистый ветер и более высокие хребты на восточном берегу реки. Они быстро пересекли хребет, и снова показалась река. Кингслендский флайер приземлялся на песчаной отмели внизу.

— Пурпурный флиттер, военный, приземляется. От шести до восьми человек ждут, один в зеленой одежде Харлана,— сказал Иджил.

Карн кивнул, держа взгляд на приборной доске. Флиттер пронесся над рекой и горным хребтом.

Иджил напрягся и посмотрел на Карна.

— Это был Харлан,— выпалил он.— Это был *Харлан*, и ты пролетел прямо над ним!

Иджил увидел, что его клятва нарушена. Он изо всех сил попытался успокоить рвущегося из кресла Карна и взять управление самому.

Голос и фигура Карна были напряжены.

— Нас двое, их больше. Военный флайер против четырехместного флиттера Халарека. Нечего и вступать в бой.— Карн нагнулся вперед, чтобы прочитать на приборной доске, и затем повернул флиттер на юг.

— Нет! Умоляю тебя, не улетай, Карн! Я должен сквитаться с Харланом.— Иджил, шатаясь, встал из кресла и дошел до рукоятки.

Карн усадил Иджила обратно в кресло. Иджил сел, оглушенный. Когда Карн шел вперед, он, должно быть, подобрал что-то тяжелое. Иджил потер щеку и подбородок.

«*Черт возьми, как жжет*!— Он посмотрел на Карна с удивлением.— *Он в два раза тяжелее меня. Боже, каким он должен быть злым! Он просто трясется от злобы*».

— Кто теперь не обращает внимания на то, что он знает?— Карн рычал.— Я вынужден терпеть оскорбления по поводу моей храбрости каждый день от врагов и Семьи, даже хотя работаю лучше их, но клянусь ангелами, я не собираюсь терпеть оскорбления от тебя! Ты *знаешь* лучше!

Карн сидел, смотря на приборы и тяжело дыша. Иджил уставился на него и на ландшафт, пролетающий мимо.

Он сделал бы в основном то же самое, что и Карн. То, что

испытал Карн за эти годы, заставило Иджила думать, что он был неправ.

— Карн, я сожалею...

Карн направил флиттер вверх, пересекая горный хребет. Иджил сказал себе, что тяжесть в животе не была результатом пилотирования Карна, а следствием того, что он освободил свои эмоции. Впервые за долгие годы он так близко узнал своего друга. Предыдущий опыт подсказывал Иджилу, что расслабление приводит к определенной бесшабашности, которая часто наносит вред близким людям.

Неожиданно к востоку из-за облака мелькнула вспышка красного цвета, затем другая. Иджил показал.

— Они идут.

Карн уже увидел. Он сделал неожиданный разворот и нырнул в глубокую долину. Через некоторое время флиттер уже был в долине среди ущелий, без какого-либо шанса быть замеченным или обнаруженным радарами Совета. Он резко сворачивал, нырял вниз, взлетал, повторяя изгибы ландшафта.

— Если Ричард еще жив, Совет получит его только из моих рук,— сказал Карн жестко.— Ничего другого не может быть.

Тень флиттера скользнула за ними, создавая ощущение, что они очень близки к земле, и они на самом деле были очень близки. Ближе, чем Иджил, самый рискованный пилот, когда-либо летал раньше. Серая стена выросла прямо перед ними. Карн направил флиттер вверх. Иджилу показалось, что он слышит скрип гранита по нижней части фюзеляжа. Маленький флайер скользил над валунами наверху горы и затем нырнул в глубину узкой долины. Концы крыльев флайера прошли мимо стен ущелья в нескольких сантиметрах. Карн накренил корабль, облетая острый угол, и направил в большую долину. Иджил увидел воду в реке на расстоянии вытянутой руки, которая пенилась, где река билась о скалу, рыбу в чистом пруду. Карн опустил флиттер почти до самых гребней волн, затем они пролетели между стенками узкого ущелья. Брызги воды сверкали на носу флиттера.

Выступ в стене сделал ущелье еще уже. Карн резко развернул флиттер, чтобы обойти его, так что были видны песчинки на берегу. Темный выступ вырос из тени прямо впереди. Флиттер развернулся вправо, почти касаясь стены. Неожиданный новый изгиб в стене, и Карн поворачивает флиттер уже в другую сторону. Вода закипала от ветра, когда они пролетали. Река впадала в другую, бóльшую по размерам. Вспышка солнечного света. Крутой склон. Веточки...

Они оказались над Харланом прежде, чем Иджил осознал, что случилось. Левая рука Карна устремилась под приборы. Под флиттером раздался выстрел, и затем красная линия прочертила направление полета снаряда прямо до кингслендского флиттера. Секундой позже раздался небольшой взрыв, и облако дыма появилось над одним крылом флиттера.

— Немного расквитались,— лицо Карна было угрюмым.— Ему удавалось всегда уходить раньше, прежде чем мы уничтожали его охрану. Теперь у нас есть шанс поймать его!

Карн облетел поворот реки и резко посадил флиттер на сырой песок так, что желудки чуть не вылезли через горло. Он сидел неподвижно как камень долгое время. Иджил позволил себе расслабиться и закрыть глаза.

«Боже мой! И я считал себя пилотом!» — Он глотнул с трудом; его рот был сухим, как хлебная корка, и таким же шершавым. Он глотнул еще раз и открыл глаза.

Карн вращался на своем кресле, в нетерпении расстегивая ремни безопасности. Он повернулся назад, чтобы снять с рамы пояс с оружием сзади его кресла.

— Оуз прямо впереди. Бери снаряжение, какое хочешь. Мы пойдем отсюда. На этот раз мы убедим Совет, чтобы аббат не был таким снисходительным к Харлану Хейру. Он останется в одиночестве, если я...

— Ты не собираешься убивать его? — Иджил не мог поверить тому, что он слышал.— Теперь, когда у тебя есть шанс, которого не было у тебя столько лет, ты не собираешься его убивать?

— Ты клялся оставить его в безопасности. Я обещаю тебе, что я не буду убивать его. Он останется живым. На этот раз.

Непримиримость в голосе Карна привела в уныние Иджила. Это не был старый Карн.

— Я тоже хочу, чтобы Харлан умер, Карн, но это значительно лучший реванш. Каждый день в течение девяти лет в Бревене он будет узнавать, как его кузены и вассалы растаскивают его Дом на части. Задолго до того, как он выйдет, от его Дома останутся только крохи. Я хочу, чтобы он узнал, чем это все кончится. Хочу, чтобы он был бессилен остановить это.

Карн уставился на Иджила непонимающими глазами. Но постепенно под взглядом Иджила напряжение покидало Карна. Он улыбнулся сурово.

— Ричард будет молить о смерти в Бревене, но я знаю, что охрана там настолько мощная, что никогда не допустит никакого самоубийства.

Иджил знал, что спокойный тон речи был принят в Академии для экспертов, что Карн выучил слишком хорошо: «Военно-морской офицер не проявляет никогда своих чувств; он сознательно контролирует их для выполнения необходимых действий». Только у Карна это превращалось в нечто большее, чем рекомендация. Это превращалось в маску, закрывающую все чувства, что не приветствуется в обществе. К сожалению, на Старкере IV почти любое место, где лорд Гхарров мог находиться, было общественным. Так что очень часто чувства, переполнявшие Карна, были подобны кипящему пару в котле без предохранительного клапана. Возможно, это было потому, что лорды Гхарров были жестоки без всякой причины: они могли сорвать на ком-либо свою злобу.

Маска на лице у Карна в данный момент скрывала и страх и ярость. Страх от того, что он был готов убить своего друга. И ярость от того, что его друг сомневался в его храбрости. Иджил не знал, что Карн сдерживал себя, как только мог. При таких же обстоятельствах Иджил был бы на грани бешенства. Разница была в том, что Иджил не скрывал бы этого. Спокойствие в голосе Карна исчезло, и жесткость на лице и в голосе делали его значительно старше восемнадцати лет.

— Теперь нам надо поймать Ричарда и отправить его в Бревен досиживать свой срок. Если нам повезет, нам не понадобится сопровождение. Если мне повезет, то твоя идея засадить его в тюрьму будет лучшим реваншем.— Карн выскользнул из двери на крыло флиттера.

Иджил глубоко вздохнул, отстегнул ремень безопасности и медленно встал. Его ноги были как ватные. «Это, должно быть, самое лучшее место для укрытия,— пробормотал он.— Скорее ад замерзнет, чем я позволю ему снова летать с таким безрассудством». Иджил поднял руку. Она тряслась. Он чертыхался про себя.

Карн сунул голову назад в кабину.

— Ты идешь?— крикнул он.

— Подожди. Черт побери, ты мог нас уже двадцать раз угробить.

— Никто не знает час своей смерти, так что зачем дрожать в безопасном месте?— Карн повернулся и прыгнул с крыла на песок.

Иджил рассвирепел. Это было одно из его любимых выражений, которое было против него.

Иджил бросил рацию, палатку, нож, веревку и щит против станнера в рюкзак поверх другого оборудования, вынул лучемет из кобуры на ремне и присоединился к Карну, сидящему на песке.

Глава пятнадцатая

Карн бросился к изгибу реки, который скрыл из виду Харлана и его корабль, держась крутого склона во время бега. Иджил последовал за ним, быстро соображая. Как он будет действовать, когда Карн находится в таком безрассудном, отчаянном настроении? Он всегда был хладнокровен в битве, но теперь...

Карн припал к земле за валуном на берегу реки, и Иджил притиснулся прямо за ним. Они осмотрелись вокруг валунов. Харлан и его пилот пытались починить флайер Кингсленда. Очевидно, выстрел Карна повредил мотор и крыло. Три других человека убирали последние остатки лагерного оборудования и мусор. Еще немного — и не будет заметно никаких следов лагеря Харлана как со спутника, так и с флайера. Иджил взглянул на небо и прислушался. Он слышал едва различимые голоса Харлана и его пилота,

но не слышал слабые шумы моторов флайеров Совета. Дым рассеялся. Возможно, флайеры Совета не увидели его.

Карн проскользил часть пути вокруг валуна. Он был едва на расстоянии выстрела станнера от людей Харлана. Карн распрямился, прижался к валуну и начал осторожно перемещаться к ближайшему валуну. Предостережение мелькнуло в глубине мозга Иджила. Темно-голубая униформа Халарека должна была замаскировать Карна среди темных гор, но что-то было не то с ним. Что-то упускалось из виду. Несколько человек Кингсленда исчезли. Металл слегка задел скалу близко над их головами. Боже!

— Карн, взгляни!

Предостережение Карн понял слишком поздно. Солдат Кингсленда прыгнул вниз с низкой точки обрыва и резко ударил в то время, как Карн увернулся в сторону и обернулся, чтобы защитить себя. Перед тем как второй атакующий достиг Иджила, он увидел темную кровь, текущую из плеча и груди Карна. Враг Иджила сделал выпад в его сторону, обнажив нож.

«Если он думает убить меня легко, то ему нужна более лучшая техника, чем у него есть», — подумал Иджил.

Он выбил нож из рук далеко от него. Враг немедленно вытащил лазер. Иджилу потребовались две руки, чтобы остановить его. Он бросил свое оружие и сжал запястье воина. Двое из них крутились, сгибались, наклонялись взад и вперед. На секунду Иджил увидел мельком Карна, борющегося, чтобы уберечься от направленного на него ножа. Это отключение внимания на короткое время было то, что необходимо сопернику Иджила. Он, изогнувшись, освободил лазер и направил его на Карна. *Он собирался убить Халарека первым.* Иджил ударил по лазеру вверх и выбил его из рук. Потеряв оружие, воин Кингсленда потянулся к шее Иджила. Иджил быстро парировал рывок. Он слышал глухой шум борьбы за собой с острой ясностью, но он не мог даже бросить взгляда в их сторону. Карн был значительно легче своего соперника, ослаблен потерей крови и никогда не имел мастерства рукопашного боя, какой имел Иджил. Иджил услышал тихое сопение сзади, и холод пробежал по его спине. Он быстро нагнулся перед соперником, стоящим в оборонительной стойке, рванулся вперед и вбок и затем проломил спину воину давно забытым приемом Дринна.

Иджил обернулся. Соперник Карна опускался на землю с удивленным взглядом на лице, пытаясь заправить свои кишки обратно в живот. Карн без сил распластался на крутом склоне, весь белый — насколько мог быть белым Гхарр. Он тоже был ранен в живот. Иджил наклонился, схватил свой станнер с земли, настроил его на самую большую мощность и расстрелял флиттер Кингсленда и людей вокруг него. Он смотрел только лишь до тех пор, пока не увидел, как Харлан упал вместе с остальными, затем отрезал один из своих рукавов кингслендским ножом и сделал из него мягкую прокладку, чтобы привязать ее к ране Карна на жи-

воте. Затем понес Карна в свой флиттер. Он положил Карна на пол, сложил одежду эскимосов и подсунул ее под голову, поднял его колени и крепко привязал прокладку бандажным жгутом из походной аптечки. Кажется, поток крови сильно уменьшился, но Карну еще требовалась срочная медицинская помощь.

Харлан мог скоро выйти из-под действия эффектов станнера.

Карну требовалась помощь прямо сейчас. Если Иджил позовет Совет, то Харлан исчезнет, и Гхарр потеряет свою свободу. Иджил потеряет свою свободу. Карн потеряет свою жизнь.

Карн может истечь кровью прямо сейчас.

Харлан исчезнет...

Иджил настроился на частоту Совета, затем установил сигнал поломки флиттера. Будет передаваться сигнал общей тревоги и сигнал положения самолета. Радиосигнал должен заставить Совет поторопиться. Он взглянул на Карна. Он должен будет продержаться, пока не прибудет Совет. Если Харлан исчезнет, они оба будут затеряны.

Иджил зацепил канат на корабле вокруг полки с оборудованием и соскользнул на крыло, а потом на землю. Он бросился назад к флайеру Кингсленда. Люди приходили в себя. Он обстрелял их снова из станнера, затем связал всех воинов в одну группу, а Харлана в переносной тюк. Он закинул его к себе на плечо и пошел пешком к флиттеру. Карн выглядел хуже, и не было никаких признаков Совета. Иджил вспомнил с грустью, как Карн звал и звал Совет на помощь, и никто не пришел, когда он лежал на охранном посту на краю Цинна, отморозив себе руки. Иджил опрокинул Харлана на сиденье и стянул его ремнями, вспоминая свои неприятные ощущения в таких условиях и полагая, что это лишь небольшой реванш. Если Совет не появится здесь через несколько секунд, то он возьмет Карна домой в надежде, что он не умрет по дороге. Он, очевидно, не выживет, если они останутся здесь.

Иджил скользнул на сиденье пилота и осмотрел небо. Два красных флайера Совета мелькнули над ближайшим горным хребтом, сделали круг и приземлились вертикально. Иджил посмотрел назад на Карна.

— Помощь пришла,— сказал он нежно.— Совет услышал нас тогда.

— Они услышали нас на посту сто пять.— Голос Карна был еле слышен.— Мы не могли слышать их ответ, вот и все. Когда медицинская группа прибыла, вас уже вывезли.— Карн закрыл глаза, его грудь поднималась и опускалась быстро и неглубоко.

Спустя короткое время, после того как флайер Совета приземлился, воин с белым медицинским кругом на плече был уже во флиттере. Он нахмурил свой лоб, его руки быстро замелькали, пока он перевязывал рану, затем он ввел какое-то лекарство Карну. Он попросил Иджила помочь двум медикам принести носилки из-за двери пассажирской кабины. Другой флайер Совета призе-

млился, пока Иджил наблюдал за медиками. На крыльях и фюзеляже этого флайера были нарисованы белые круги.

— Лхарр нуждается в немедленной помощи,— сказал врач Иджилу.— Мы возьмем его в ближайшую клинику в Гильдпорте. Следуйте за нами.

Врачи положили Карна на носилки и перенесли его в свой флайер за такое короткое время, какое и не мог представить Иджил. Только в момент, когда он наблюдал, как флайер взлетал, он понял, что не задал ни одного вопроса, не потребовал никаких документов, удостоверяющих личность, не предпринял никаких аналогичных мер предосторожности, так необходимых в этом мире. Однако было слишком поздно что-то предпринимать теперь. Он мог только лишь последовать за врачами, как они ему сказали.

Иджил быстро взлетел вслед за медицинским кораблем. Он услышал, как голова Харлана ударилась о борт, но не обернулся. Он связался с Советом, как только он поднялся к себе во флиттер, сообщил о пленении Харлана и потребовал охраны под контролем Гильда, чтобы вернуть Харлана назад в Бревен.

Харлан начал ругаться. Иджил быстро взглянул через плечо на долю секунды. Лицо Харлана было красным и как будто опухшим. Иджил снова посмотрел вперед. Если бы он мог читать по-романски, он мог бы установить автопилот. Поэтому ему пришлось идти за флайером Совета на ручном управлении. Харлан ругался непрерывно. Ругательство за ругательством, ругательство по поводу Иджила и Карна, всех их предков и потомков, ругательства, смешивающие их всех с дерьмом. Он делал все, что мог, чтобы как можно сильнее задеть честь Иджила, что могло убить его. То, что было ругательством для Гхарра, часто не было ругательством для Болдермена, хотя и достаточно жалило их. Совершенно достаточно для них. Иджил продолжал повторять про себя, что для Харлана провести девять лет в Бревене было бы значительно хуже смерти. Хуже смерти, хуже смерти, продолжал он думать, но повторение не помогало. Наконец он повернулся и улыбнулся Харлану, чтобы быть уверенным, что плечо не спрячет его улыбку.

— Мой повелитель — это кулак,— сказал он мягким, вежливым тоном.— Я думал отрезать обе твои руки взамен моих отмороженных. Но я согласен с Лхарром. Более сладким реваншем было бы видеть, как ты отсидишь остаток своего срока. Я соглашусь провести еще несколько месяцев в этом богом забытом мире, лишь бы увидеть, как Дом Харлана обтрепывается по краям и распадается на части.

Харлану было бы обидно верить в идею Карна о возвращении в тюрьму, потому что вражда между кланами была старой, и Харлан одерживал верх в течение нескольких лет.

Харлан изрыгнул серию ругательств по-романски, однако они были за пределами разумения Карна, хотя он был абсолютно уве-

рен, что они были самым наихудшим, о чем мог думать Харлан в этот момент.

— Я уже достаточно наслушался тебя за этот полет, милорд.

Спокойствие, которое он почувствовал после того, как понял, что это является наилучшим реваншем, удивило его. Он вытащил какую-то повязку из грузового отсека, повернулся на сидении, взялся рукой за подбородок, откинул голову назад настолько, чтобы рот оставался закрытым, и обмотал его повязкой. Черные глаза Харлана вспыхнули. Иджил увидел страшную ярость в них и зловеще улыбнулся. Хранители часов были правы. Смерть для него была бы слишком легким наказанием.

Корабль принял приветствие от Холдинга Коннора. «Кто идет сюда?» — было главным в приветствии, и на него обычно отвечали автоматически. Иджил обернулся назад к приборам и затребовал координаты Гильдпорта в тот самый момент, когда он потерял из виду более быстрый корабль Совета. Он быстро записал их на своем собственном мировом языке и немедленно почувствовал расслабление. Ни один пилот не любит летать над страной без опознавательных знаков или указателей. Харлан извивался, пытаясь вырваться из веревки. Иджил не обращал на него внимания.

Через короткое время узкий камень, прикрывающий вход в убежище Гильдии, был под ним. Двери флайера Совета были открыты, и врачи из Гильдии выносили Карна из флиттера и быстро вносили его в убежище. Иджил связался с офицерами воздушного порта, потребовал немедленного разрешения на посадку и минуту спустя посадил флиттер мягко на посадочную площадку. Сенсорные датчики подняли входные двери в момент, когда Иджил приблизился к входу в убежище, и через секунду он был на глубине сорока метров под землей. Подъемные двери открывались в огромное приемное помещение с нарисованными на противоположной стене красной ракете и кругом Гильдии. Человек в униформе Первого Купца вышел вперед. Иджил почувствовал себя слишком уставшим, чтобы отсалютовать Первому Купцу. Купец, казалось, не заметил этого.

— Вы друг мирового сообщества Лхарра Халарека, Олафсон. И сын Оудина Олафсона. Я понимаю вашего отца, который назвал новый корабль в честь вашего спасения.

Иджил не мог ничего делать, кроме как улыбаться, хотя это и была слабая улыбка. Из-за своего размера и цвета он мог быть только лишь пришельцем. Из-за шумной суеты Гильдии на Мировом Совете почти каждый на Старкере IV и, безусловно, каждый член Гильдии знали о его родственном отношении к купцу Оудину Олафсону. Однако ему было приятно за поступок отца. Иджил глубоко вздохнул и облокотился о ближайшую стену. Все жизненные силы, казалось, покинули его.

— Я Данилович,— сказал Первый Купец.— Лхарр оперируется срочным хирургом. Мы дадим знать, как он себя чувствует, как только узнаем. Тем временем Гристен объяснит вам, в каких пло-

хих условиях мы живем.— Данилович вывел вперед клерка Гильдии.

Короткая меховая одежда серебряного цвета и взгляд исподлобья показались странными Иджилу после того, как он наблюдал до этого только лишь Гхарра и Наблюдателей.

— Доктора говорят, что лечение займет некоторое время, сэр.— Голос ХТ-устройства был таким же мягким, как и его меховая одежда.— Возможно, вы хотите посидеть в гостинице? Или вы можете сесть в парке. Доктора позволят вам увидеть молодого господина, как только это станет возможным.

— В Парке. Мне потребуется некоторое время, чтобы снова привыкнуть к «цивилизации».— Сенсорные датчики, компьютеры, ХТ-устройства — все удовольствия жизни в мире Федерации выглядели здесь, как остров спокойствия в бурном море феодальной и клановой войны на Старкере IV.

Парк был очень маленький, но он был так красиво создан, что казался больше, чем есть на самом деле. В центре его находился фонтан. Иджил подошел к краю фонтана, ступая только по камням тропинки, чтобы не касаться нежной травы. Запах цветов за фонтаном казался ему настоящим наслаждением. Мягкое, еле слышное, плескание фонтана заставляло его мускулы расслабляться и освежало голову. Харлан мог оставаться там, где он был, до тех пор, пока Карн находился под присмотром врачей. Иджил должен был бы находиться под присмотром, потому что он выполнил свою клятву. Наблюдатели должны были бы выполнить свою.

Иджил лег осторожно на траву и закрыл глаза. Это был очень длинный день. Так было приятно лежать, распластавшись на земле, и ни о чем не думать. Звук падающей воды был таким успокаивающим...

Кто-то тронул его за плечо.

— Сэр? Сэр?— Это был мягкий голос ХТ-стюарда гостиницы.— Дом Халарека прибыл и хотел бы поговорить с вами. Возможно, вы хотели бы увидеть молодого Лхарра первым? Переспросить леди Катрин?

Иджил кивнул головой, его мозг еще был слишком расслаблен, чтобы позволить себе более интеллектуальную речь. Робот проехал немного и остановился. Он тряс головой, чтобы избавиться от налипшей старой паутины.

— У Лхарра все идет хорошо?

— Врачи считают, что хорошо. Его только что вывезли из операционной, так что он еще не проснулся, но вы можете взглянуть на него. Врачи говорят, что могло быть значительно хуже.

Они стояли теперь на одной из узких улиц, которая огораживала парк. ХТ посмотрел на Иджила.

— Полиция сообщает, что в вашем флиттере связанный человек. В нем опознали Харлана, сэр.

Иджилу потребовалась секунда, чтобы вспомнить.

— О да. Он сбежал из тюрьмы Совета. Лхарр был ранен во время его пленения.

ХТ кивнул.

— Тогда я расскажу полиции все, как было.— Он начал спускаться вниз по яркой улице по направлению к госпиталю.

Иджил смотрел на его спину в течение секунды, а затем пошел за ним. *«Либо он/оно не знает, как важен наш пленник, либо он/оно только делает вид.*— За этой мыслью мелькнула другая.— *Что бы делала Гильдия, если бы узнала, что он держит Харлана на своем флиттере как мешок картошки».*

Иджил скоро пришел. Первый Купец Гильдии встретил его перед дверью палаты Карна и ждал его там до тех пор, пока он не удостоверился, что его друг еще живой и дышит, хотя и находится без сознания. Когда Иджил вышел из палаты, Первый Купец взял его вежливо под локоть и провел его в ближайший офис, который был со вкусом украшен мягкими красками и небольшим количеством мебели.

— Кабинет психолога, сэр,— объяснил Первый Купец.— Я только что узнал, что вы держите в плену человека по имени Харлан, и мне нужно узнать ваши намерения по отношению к нему.

Иджил осмотрел Купца с ног до головы внимательно, пытаясь понять, о чем он думает.

— Харлана везут обратно в тюрьму Бревен, из которой он сбежал несколько недель назад, я уверен, что вы слышали об этом.

— Бревен находится на полпути, если пересекать планету, сэр.

— Я знаю об этом, джентльхом. Мы собираемся взять его в Онтар, чтобы дождаться, когда Совет заберет его.

Губы Купца скривились.

— Как вы наверняка знаете, молодой человек, Гильдия сохраняет нейтралитет. Центральная Гильдия и я не решаемся разрешить увезти человека по имени Харлан с нашей территории в руки врагов его клана. Что будет, если что-то случится с ним до того, как Совет заберет его?

— Ваш вопрос задан по просьбе Халарека?

По лицу Первого Купца все было ясно.

— Дом Халарека ничем не отличается от других в Девятке, сэр.

Иджил начал понимать точку зрения Купца, она ему не понравилась. Гильдия *была бы* замешана, если бы «что-то» случилось с Хейром в Харлане. Он чувствовал, что он должен был поддержать своего друга любым образом. Карн Халарек не похож на своих предков.

— Пусть останется так, как есть. Молодой Лхарр не будет управлять Домом в течение следующих месяцев. Когда Совет мог бы прибыть за этим человеком? Медицинский корабль Совета привез меня сюда, и я связывался с Советом по пути сюда. Когда соответствующий экскорт прибудет за Харланом, он

будет в Совете. Хотя я и не верю Совету Гормсби,— прибавил Иджил.

Первый Купец колебался некоторое время, затем сказал:

— Мы засекли этот разговор по радио. Региональный офицер от Совета в этой области является бывшим Председателем Гормсби. Сигнал тревоги с флиттера автоматически идентифицировал его как Халарека. Офицер не пошлет ни одного флайера помочь Халареку доставить Харлана назад в тюрьму. От посылки медицинской помощи он не мог отказаться, чтобы не потерять работу.

Иджил поклялся — кратко, яростно, на языке саг — не оскорблять Первого Купца. Затем он посмотрел внимательно на Гильдмена.

— Хотела бы Гильдия взять на себя бремя перевозки Харлана, возможно, чтобы доставить его лично Председателю Гашену?

Лоб Гильдмена наморщился.

— Какая была бы от этого выгода Гильдии в этом случае?

Иджил почти улыбнулся. Действительно, как купец.

— Постоянная назапятнанная репутация нейтралитета, даже среди феодальных кланов, джентльхом. Подумайте о страшных последствиях, если он выскользнет из ваших рук и с ним что-то случится.

На мгновение показалось, что это было бы недостаточно, чтобы убедить Купца. Иджил подумал, что это был самый хороший план. Это позволило бы ему избавиться от Харлана Хейра. Он не хотел быть ответственным за этого человека. Уже появились наемные убийцы, ищущие его везде. Уже была опасность находиться с ним вместе в Онтаре, однако усадьба там хорошо охранялась. Тайна об их прибытии уже стала известной некоторым. Любимец Карна ухл-ухл был жестоко избит и затем убит. Карна также чуть не убил офицер, которого он разоружил. Нет, граф и несчастья, связанные с ним, пусть лучше остаются у Гильдии и Совета. Любой сторонник Совета колебался бы долгое время, прежде чем рассердить Гильдию убийством человека, находящегося под ее покровительством. И Гильдия нашла бы способ отомстить, сохраняя при этом репутации нейтральной стороны с честными намерениями.

В конце концов Гильдмен согласился взять Харлана и доставить его в Совет.

Иджил готов был закричать от радости, но вместо этого он поклонился пристойно и сдерживал свой крик до тех пор, пока не остался с Карном в закрытой палате. Карн закрыл своими слабыми руками свои уши, однако слишком медленно, чтобы защитить их. Иджил сжал плечи своего друга сильными пальцами.

— Ты будешь выздоравливать. Я уже вылечился и освободился от Бегунов. Харлана уже везут назад в тюрьму. О чем еще можно мечтать?

Карн посмотрел на большого, шумящего друга с еле различимой улыбкой на лице.

— Немного мира и спокойствия,— сказал он.

ЗИМНИЙ МИР

Глава первая

Офицер в темной форме синих отдернул занавеси у постели Лхарра Халарека.

— Мой господин...

Янтарные глаза крепкосложенного мужчины расширились. Не успел вошедший и глазом моргнуть, как на него был направлен станнер. На несколько секунд оба замерли, затем Карн Халарек опустил станнер и положил его рядом с собой.

— Извини, Дженкинс, я еще не совсем проснулся.

Офицер успокоился.

— По крайней мере, вы достаточно бодры, чтобы удержать свой пыл, мой господин.

Лхарр усмехнулся и приподнялся.

— Да уж. Что бы я делал без своих офицеров, которым полностью доверяю? Что случилось? — Он затряс головой, словно освобождаясь от паутины, затем запустил свою смуглую руку в темные волосы.

Дженкинс почесал затылок, прокашлялся.

— Я принес очень плохие новости, милорд.

Карн Халарек сжал кулаки и задрожал от мрачного предчувствия.

Он подумал: это Кит. Я знаю, это Кит. И тогда, когда в его Доме все более-менее устроилось.

Дженкинс снова прокашлялся, отвернулся, затем опять обернулся, но не мог посмотреть в глаза своего господина.

— Свадьба, мой лорд. На свадебное шествие было совершено нападение на юго-западе Великого Болота. Леди Катрин схвачена. Арл де Ври и все остальные убиты.

Итак, Кит и ее жених даже не добрались до владения де Ври и своей брачной ночи.

— Как мы допустили это? Чей Дом, Харлана или Одоннела, торжествует и ликует?

Дженкинс покачал головой.

— Не знаю, мой господин. Охранник убежал, как только началось нападение. — Офицер заметил, как Карн нахмурил брови, и предупредительно поднял руку. — Милорд, он не трус. Он был тяжело ранен. Нападающие преследовали его до нашей границы,

и только благодаря нашей ближайшей охране он успел рассказать, что увидел. Они отбили преследователей, которые гнались за ним очень долго, милорд.

Карн уставился на серый каменный пол, а мысленно он представлял холмы, Великое Болото и открытое плато между ними и поместьем Онтар.

— Они не хотели оставлять свидетелей.

Дженкинс энергично закивал.

— Вот поэтому этот человек не мог защищать их, милорд. Он был уверен, что если он не побежит, никто никогда не узнает, что случилось.

Карн глубоко вздохнул и посмотрел на Дженкинса.

— По-видимому, он был прав.— И добавил, вздохнув:— Благодарение Богу за породистого скакуна.

Карн встал, набросил одежду, направился к двери комнаты Ларги и несколько раз нажал на маленький прямоугольник у двери. *Если этот звонок не разбудит Орконана, я разбужу его сам.* Он взглянул на Дженкинса.

— Может ли этот человек поговорить со мной?

— В данную минуту, нет. Он на операции. Доктор Отнейл обещал, что примерно через восемь часов он будет в состоянии разговаривать. Может быть.

Карн вздохнул.

— Спасибо, Дженкинс. Иди поешь, но оставайся в поместье. Позже, я думаю, появятся еще вопросы.

Пилот отсалютовал и вышел. Карн на минуту заглянул в комнату Ларги.

Все еще спят. Пока все хорошо. С Лизанной случится истерика, когда она обо всем узнает.

Он закрыл дверь в комнату Ларги и осмотрел свою строгую комнату. Его взгляд остановился на картине, на которой его друг и сокурсник по Академии Иджил написал Хеймдала на мосту Рейнбоу. Комната Лхарра была неприветлива, но оборудована по его усмотрению. Трев Халарек презирал все, что намекало на мягкость и женственность. В поместье тоже ощущался холод, но Карн был слишком занят борьбой с врагами в течение всех четырех лет с тех пор, как вернулся на Старкер IV, чтобы что-либо изменить здесь. Только Кит создавала тепло в поместье после смерти матери. Теперь и Кит схватили. Лизанна... Карн отогнал мысли о своей застенчивой, слабой жене, открыл дверь в библиотеку и быстро спустился по винтовой железной лестнице в библиотеку. Осмотрев комнату, он отметил, что управляющий Дома еще не пришел. Он старался держаться спокойно, но ему мешали различные опасения. Он начал прохаживаться вдоль стен комнаты, чтобы несколько усмирить свои эмоции. Он *должен* успокоиться. Лорд Лхарр никогда не распускался перед своими подчиненными. Лорд Лхарр никогда не терял самообладания. Но как можно быть спокойным после всего, что случилось? Уже не первый раз он проклинал свое-

го отца, который презирал его и отправил из-за этого Карна в школу другого Мира. После этого Трев занимался тремя другими сыновьями. Карн никогда не испытывал необходимости властвовать.

«Вот теперь я управляю, отец,— бормотал Карн,— и из-за вас я научился тому, что здесь мне совершенно не нужно. Я продолжаю учиться, но каждая частичка знания дается мне с большим трудом. Из-за моего невежества погибают люди!»

Он остановился перед массивным каменным камином. Вместо того, чтобы страдать от страха и незнания того, что случилось с Кит, Карн пришел в ярость. По-видимому, хождение взад-вперед не помогало в данный момент. Карн поднес руку к огню. В камине прыгал огонь, по всей комнате ощущался запах горящего дерева. Карн сел в плетеное кресло позади очага и уставился на огонь.

Все рухнуло. Кит пропала, а ее жених убит. Может быть, она тоже погибла. Нет, никто не убивает женщин. Их слишком мало. Правда, Ричард Харлан убил мать, но он был в тот момент без ума от ярости. Это было ненормально даже для него. Обычно он гораздо умнее. Но с ним случалось и не такое. Главу Дома никогда прежде не заключали в тюрьму за убийство, хотя «тюрьмой» был Дом Уединения в Бревене, а за убийство он был наказан только из-за того, что он совершил преступление перед всем Советом Мира.

На мгновение Карн ушел в горькие воспоминания. Ларга была его учителем и советчиком в политике и обычаях Гхарров, в политике и обычаях, которые он так усердно старался забыть во время изгнания в Академию в Болдере. В политике и обычаях, которые он вдруг опять должен знать после того, как Ричард убил отца Карна и всех его братьев. В политике и обычаях, из-за которых он может погибнуть и может быть уничтожен его Дом.

Надо сосредоточиться! Боги, помогите собраться с мыслями! Важно, что Кит жива, и здесь что-то кроется, кроме вражды кланов. Ни Харлан, ни Одоннел не занимались похищением с требованием выкупа. Здесь кроется что-то еще более важное, иначе захватчики не рискнули бы нарушить нейтралитет Дома де Ври убийством его наследника.

Отсутствующим взглядом Карн обвел книжные полки в комнате. *Бог не позволит Харлану домогаться ее! Боже! Неужели ужасный настоятель Бревена Одоннел позволит Ричарду привести женщину в Дом Уединения? Я надеюсь, что Совет строго следит за Ричардом после его побега?*

Карн стукнул кулаком по спинке кресла и стал ходить кругами по комнате. *Это дело рук Дома Харлана. А я не просто потерял Кит, я потерял ценную возможность породниться с Домом де Ври. Боже, ты знаешь, что я любил Кит больше всего на свете, гораздо больше, чем этот Дом. Но как у Лхарра, у меня есть кровный долг...*

Приглушенно стукнула тяжелая входная дверь в библиотеку.

Карн оглянулся. Вошел Тан Орконан, управляющий Дома Халарека, вместе с кузеном Гаретом и генералом Винтером. Гарет был приставлен к Орконану на учебу на четыре года и сейчас должен был вести протокол собрания.

Все трое почтительно приветствовали Карна, подошли к столу и остановились там, зажмурившись от яркого освещения в комнате. Карн с удовлетворением отметил, что они быстро проснулись, и, конечно, им трудно привыкнуть к «дневному свету» в библиотеке после «ночной темноты» холлов.

— Мой господин,— Орконан двинулся к креслу у стола,— нам лучше обсудить все вместе.

Карн слегка ухмыльнулся про себя. Да, вероятно, трудно обсуждать жизненно важную проблему, когда кто-то бегает по комнате. Его веселье длилось всего секунду. Наконец надо что-то предпринять ради Кит и для того, чтобы поддержать имидж строгого господина, который он старательно создавал в течение четырех последних лет. Он сел, остальные последовали его примеру. Он быстро изложил все то, что сообщил ему Дженкинс, затем обратился к Винтеру.

— Я думаю послать синих по окрестностям, Винтер. Может быть, они обнаружат какие-то приметы тех, кто похитил Кит, и куда они могли уйти. Что еще, по твоему мнению, нам следует предпринять?

Винтер почесал затылок, на минуту закрыл глаза.

— Я думаю, надо позвонить Бринду. Я знаю, что он уже в отставке, но он служил вашему Дому гораздо дольше, чем я или Орконан. Это дело рук Харлана, но я не уверен, что вы сможете это доказать.

— Пошлите к нему курьера, Карн,— добавил Тан.— Сейчас нельзя доверять даже секретной три-д связи.

Карн кивнул.

— А что же сможет сделать Бринд лучше, чем мы трое?

Худощавый военный наклонился вперед.

— Он знает внешнюю и внутреннюю политику лучше каждого из нас. Он знает, какие преимущества можно использовать в настоящее время, исходя из финансового и политического положения Дома Халарека, и какие шаги были бы безрассудными.— Вздохнув, он добавил:— Было бы хорошо, если бы Олафсон еще не вернулся домой.

Карн тоже хотел бы этого. Иджил был великолепным тактиком, одним из лучших в Академии. Он вернулся домой, чтобы закончить свое образование, так как он еще не получил свидетельство об окончании Академии. Карн в Академии получил образование офицера-пацифиста. Он преуспел в учебе, но все его навыки оказались совершенно непригодны на Старкере IV, где миролюбие считалось малодушием и трусостью. Если появлялась молва о малодушии лорда, то его Дому грозил крах. Карн оказался в плену у предрассудков его предков. За четыре года сражений и учебы

у Винтера Карн приобрел опыт в военном искусстве, но проигрывал по сравнению с другими лордами, которые обучались этому искусству с детства.

— С нами нет ни Иджила, ни Бринда. Неужели мы не найдем ее след,— Карн хлопнул по столу рукой и резко встал.— Хватит болтовни. Мы должны найти Кит. Халарекам нужны наследники.— Он остановился. Только Кит могла подарить Дому наследников. Это была тема не для широкого обсуждения, но Карн знал, что все его слуги между собой болтали по этому поводу. За два года у Лизанны было три беременности, которые были неудачны и не принесли наследника.

Не сейчас. Не время думать об этом! Вот когда Кит будет спасена...

Каждый день, не имея наследников, все Халареки были в опасности. Если вдруг Карна убьют и не найдут Кит, то Совет назначит нового главу Дома, и, вероятно, новым главой будет, несмотря даже на то, что Ричард в тюрьме, кто-то из близких или друзей Харлана. Дом Харлана имел влияние среди Девяти фамилий и младших Домов, а Свободные считали назначение глав Домов делом фамилии.

— Винтер, отправьте что-нибудь Бринду, а затем пошлите синих по округе. Должны же остаться какие-то следы и очевидцы нападения, во время которого было убито сорок три человека.

Тан, отправьте сообщение в Дом Дюрлена. Нетта и сыновья Керэла должны быть защищены, пока не найдена Кит. Если это нападение одно из задуманных, что, по-видимому, так и есть, то нужно сделать так, чтобы до мальчиков не добрались.

Гарет, оформите ваши записи и обратитесь к Председателю Совета Гашену. Расскажите ему о том, что случилось с леди Катрин, и пошлите ему копию заявления военных.

— Он ответит, что это дело фамилии, мой господин.

Карн строго взглянул на молодого человека, который вдруг побелел. Не было принято, чтобы младшие служащие комментировали приказы, особенно лордов.

— Простите меня за дерзость, мой господин,— пробормотал Гарет.

— Прощаю. Но не повторяйте этого впредь.

Молодой человек склонил голову и торопливо выбежал из комнаты. Карн наблюдал за ним до тех пор, пока за ним не закрылась дверь. Гарет должен был знать, что во многих других Домах такая выходка стоила бы ему языка и он не смог бы снова допустить ту же ошибку. Карн обнаружил, что, в противовес общепринятым правилам на Старкере IV, прощение слуг при таких обстоятельствах приводит к большей лояльности и покорности.

«Я не мог бы никогда отдать приказ отрезать язык,— про себя подумал Карн,— но слугам не обязательно это знать».

Винтер вышел. Орконан направился в три-д комнату. Гарет тоже ушел. Теперь надо собраться на поиски. Карн знал, что Вин-

тер и Орконан будут настаивать на том, что он не должен рисковать собой, так как он был главой Дома и последним из Халареков, но он не мог оставаться в поместье, в тепле и безопасности, тогда, когда только Богу было известно, что случилось с Кит. Место брата было только во главе поисков. Он взбежал по железным ступенькам в свою комнату.

Глава вторая

Карн направил свой флиттер на край Великого Болота. Он покачал крыльями, чтобы показать другим флайерам, что пора садиться. Два сопровождающих флайера приземлились, Карн с Филлипсоном и Обреном, двумя доверенными пилотами, полетели дальше, чтобы отыскать нападавших с воздуха.

Карн сделал круг. Мокрый торф был истоптан множеством ног. Вдоль дороги были разбросаны трупы нескольких человек в форме синих и в светло-оранжевой форме де Ври. Флажки и ленты, которые украшали свадебную процессию, были втоптаны в грязь или запутались среди трупов.

«Как много мертвых, и все из-за обычаев»,— подумал Карн с горечью. Можно было проигнорировать другой обычай Старкера IV: свадебную процессию из поместья невесты к жениху.

Карн не мог ничего сказать о процессии, так как влияние на Кит теперь было не в руках Карна и его Дома, а в руках Дома де Ври сразу после того, как был подписан брачный договор в присутствии пастора.

Карн спорил с герцогом. Он постарался его убедить, что независимо от того, хорошая погода выпадет или нет, слишком опасно следовать древнему обычаю. Ему следовало бы поберечь свою жизнь. Герцог был учтив, но тверд в намерении следовать обычаю. Он считал, что риск небольшой. Ричард был в тюрьме, а Одоннел никогда не выступал без Харлана. Де Ври во всем обвинил Карна. Герцог был очень зол, когда Карн сообщил Дому де Ври о том, что случилось. Есть ли у Халарека скрытая вражда с другими Домами? Хотел бы герцог это знать. У де Ври не было серьезных врагов.

Карн молчаливо проглотил обиду. Герцог потом пожалеет об этом и будет извиняться. А остаток жизни он проведет в сожалении о своем решении настоять на свадебной процессии, герцог еще следовал другому древнему обычаю Гхарров: Глава Дома и Наследник никогда не путешествуют вместе.

Мысли Карна вернулись к похищению. Будь Ричард Харлан на свободе, Карн немедленно бы предъявил обвинения прямо у его двери, но Ричард был в одиночном заключении в Доме Уединения в Бревене. Тогда кто-то из кузенов или вассалов Харлана устроил это. Или, возможно, Дом Одоннела. Этот Дом мог бы попытаться повысить свой престиж, пока Ричард в заключении, или

постараться заигрывать с Ричардом. Только Боги — и, возможно, Ричард Харлан — знали, о чем думает Гаррен Одоннел. Маловероятно, что это смог сделать Дом Кингсленда, даже безжалостный Ингольд Кингсленд не стал бы перечить Харлану. После того, как Ингольд устроил его отцу «несчастный случай», он не мог стать главой Дома и связать Кингсленд с Домом Харлана.

Но, правда, теперь не так важно, *кто* схватил Кит, а важно знать, *где* ее схватили. А *кто*, над этим можно ломать голову позже. Молю Бога, чтобы она нашлась до того, как бури уля закроют планету на зиму. То, что Кит всю зиму будет в руках союзников Харлана — это невыносимо.

Карн прижал свой флиттер ближе к земле и направился на северо-запад по следам нападавших. Флиттеры Филлипсона и Обрена следовали за ним.

Другие флиттеры и военный транспорт благополучно приземлились около остатков процессии.

Карн заметил, что этот транспортный корабль повезет мрачный груз.

Следы, оставленные скачущими лошадьми, вели по мокрой топи, рыхлой земле, по сухому грунту, а затем по широкой из помятой пожухлой травы дороге, ведущей в горы. По-видимому, людей было очень много. По крайней мере, сотня, а может быть, и больше.

Вдруг послышался громкий голос Филлипсона:

— Лорд Карн, смотрите справа от вас.

Карн обернулся к окну. Выжженный круг у дороги рядом с первым из холмов. Затем еще и еще, и два очень больших, оставшихся не меньше, чем от военного транспортного корабля.

— Благодарю,— сказал он и посадил свой флиттер на сухую траву около одной такой отметины.

Не было никакой необходимости выходить и рассматривать все. Он понял это еще до того, как открыл дверь флиттера и спустился на крыло. Но нужно что-то делать. Положение было безвыходным. Это не были следы флайеров. На Старкере IV не было систем центрального воздушного управления, как в большинстве цивилизаций Старой Империи и Федерации. О нет, это было бы слишком сильное посягательство на свободу Домов, которые летали где и когда им вздумается, беспечно и безотчетно.

То, что большинство профессиональных убийц подлетали близко к своим жертвам, чтобы сэкономить время, не помогало сломать нежелание Девяти фамилий рассмотреть вопрос о централизованной системе управления полетами.

Нет, конечно, нет!

Карн дождался, пока приземлились Филлипсон и Обрен, чтобы не обжечься их выхлопным потоком, затем спрыгнул на свежеподмороженную траву. Он злобно пнул ногой случайный камень. Другие два пилота спрыгнули вниз и начали обследовать окрест-

ность. Они что-то выковыривали из земли, показывали друг другу, иногда собирали что-то, что-то выбрасывали опять в траву.

Карн прошелся поперек опалины. Это, определенно, военный транспорт и большой. Он, по-видимому, был настолько большим, что смог увезти всех лошадей. Это был не наспех сделанный транспорт необычно большой банды разбойников.

Карн никогда серьезно не относился к этой идее, но некоторые офицеры верили в такую возможность. Разбойники, однако, скорее всего убили бы всех, даже женщину, и забрали бы все награбленное. Или они оставили бы женщину в живых с пожеланием, чтобы она исчезла. Нет, все было сработано всадниками на лошадях с большой точностью. Им нужна была Кит, а нападение на лошадях обычно не сопровождается серьезными ошибками, которые случаются в воздушном бою, как убийство Наследника главного Дома. Если только убийство Арла было ошибкой.

Карн припал к земле в дальнем конце выжженной отметины и осмотрелся. Он видел только вершины холмов. Такое большое сборище людей и животных процессия могла заметить с дороги не слишком поздно. Хотя люди герцога были беспечны. Непростительно беспечны. Верховые должны были обнаружить эти машины задолго до того, как основная процессия приближалась к этому месту.

Конечно, верховые могли обнаружить флайеры, но сначала вступили в схватку и ничего не могли сообщить. Они были сломлены превосходящими их силами. Отсутствие каких-либо следов верховых могло также означать, что вся процессия была схвачена и увезена куда-то еще, если только этот отряд не сбежал. Захватчики, определенно, имели достаточно транспорта, чтобы увезти всех, что было продумано заранее.

Таким образом, Кит исчезла бесследно. *Кто* похитил ее? Халарек и де Ври узнали бы это только тогда, когда похититель назвал бы выкуп — *если* он назначит выкуп. Теперь Карн знал только, как она исчезла.

Он осмотрел выжженные места. Их было восемь, включая два от транспортных кораблей. Это достаточно дорого: разместить столько людей и оборудования. Сам Карн никогда не брал одновременно два транспортных корабля. Может быть, это де Ври захотел обмануть Халарека? Карн затряс головой. Нет.

Подозрительно, что он остался живым, в таком случае, можно допустить, что он бежал. Хотя у де Ври никогда не было повода быть за Харлана. Кроме того, герцог держался чьей-то стороны только из принципиальных соображений. Он был неподкупен, недоверчив. Вряд ли кто-то скажет герцогу, что его сын мертв.

Герцог, как и Оудин Олафсон, отец Иджила, любил своих детей.

Карн остановился. Он вопросительно взглянул на Филлипсона, затем на Обрена. Филлипсон пожал плечами и развел руки в стороны. Обрен помотал медленно головой. Карн с усталым видом еще

раз прошел через выжженный круг, его ботинки с каждым шагом поднимали клубы серого, с запахом выжженной травы, дыма. Ему хотелось бы услышать хоть слово от похитителя.

Когда Карн добрался до своих спутников, Обрен держал перед собой уздечку и кусочек хомута. Не было ничего необычного. Из этого нельзя было определить следы нападавших. Филлипсон помотал головой и постарался выразить свое сочувствие, насколько способен был мужчина-Гхарр.

— Она — заложник, Карн. Мы найдем ее. Или, по крайней мере, вы услышите, что она жива и здорова.

Карн кивнул и направился к флиттеру. Обрен, стоявший позади Карна, подошел к нему, на мгновение положил свою большую, веснушчатую руку на плечо Карна.

— У меня тоже есть младшая сестра, господин,— вот все, что он сказал.

Как только Карн вернулся в Онтар, он пошел в библиотеку, привычное место для работы. От похитителя не пришло ни слова. Карн и не ожиал ничего особенного, но не терял надежду. Хотя пришло сообщение от Бринда. Гарет в трепете передал Карну кассету с записью письма.

— Фрем Бринд не мог прийти сам, господин. Он прислал письмо с посыльным.

Карн взглянул на молодого человека. Гарет переминался с ноги на ногу. Карн отвернулся. *Он так полон страстного желания исполнить все поручения, что мне придется простить его критику, невзирая на обычай. Бог мой, был ли я когда-либо так молод и горяч?* Он снова взглянул на молодого человека. *Нет, когда мне было семнадцать, я защищал этот Дом, стараясь убедить Совет взять Харлана на поруки, за то, что он устроил засаду не вовремя и без надлежащих указаний.*

На минуту Карн вспомнил о ряде попыток Харлана убить его в пустыне Цинн сразу по возвращении его из Болдера. Только он и Ник фон Шусс, наследник фон Шусса, остались в живых после того нападения, и то только благодаря искусству Ника-пилота. Неужели это было только четыре года тому назад? Усталой рукой Карн провел по волосам. А ему казалось, что прошло десять лет.

Он вспомнил, что Гарет все еще стоит позади стула, ожидая приказаний.

— Можешь идти, Гарет. Я вызову тебя, когда ты мне понадобишься.

— Слушаюсь, господин.— Гарет поклонился и вышел из библиотеки.

Карн включил запись и закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Голос Бринда, хриплый от возраста, зазвучал в комнате.

— Приветствую вас, мой господин Карн. Мы так давно не общались. Но встретимся мы не скоро, так как я прикован к постели. Прошу прощения, но я не могу приехать к вам. Вы знаете, что сердце мое всегда с Халареками.

Вот то немногое, что я могу посоветовать, если вы сами не можете найти леди Катрин. Вы представляете себе, конечно, что наследник врага будет наполовину Халарек, поэтому никто, даже Харлан, не убьет ее, но в результате для вас и вашего дома — положение решительно затруднительное.

Карн фыркнул. Щекотливое положение — это, вероятно, самая мягкая оценка данной ситуации. Ребенок наполовину Харлан, наполовину Халарек, или наполовину Одоннел, наполовину Халарек, особенно, если мальчик...

У Кит в запасе был год, когда ее никто не тронет — леди Агнес убеждала Арла, что только через год Кит вполне созреет, чтобы родить наследников для де Ври,— но соответствовало ли это действительности, в данный момент сказать было трудно.

Бринд продолжал:

— ...молодой фон Шусс. Я знаю, почему вы решили отправить его назад в его Дом, и это было благоразумно, так как, пока он был в Онтаре, леди Катрин никогда бы не подписала контракт с де Ври. Халарекам не нужен брак, чтобы породниться с фон Шуссом. Но они любят друг друга. В других обстоятельствах, конечно же, было бы неуместно обращаться к Николасу, но любовь дает ему более сильный повод отправиться на ее поиски, чем всем тем, кому это приказано или за это заплачено, что, естественно, исключает энтузиазм с их стороны.

Кроме того, у него нет жены, которая бы ревновала его в данной ситуации. Попросите фон Шусса прийти на помощь. Будут долгие поиски, господин. Наберитесь мужества.

Я, все мои дети и внуки, ежедневно будем молиться за здоровье вас, вашего Дома и всех его обитателей, мой господин. После сорока лет службы у Лхарров Халареки мне как родные.

С глубочайшим уважением и любовью.

Я желаю вам удачи.

Карн все еще сидел в кресле до тех пор, пока не умолк голос Бринда. Старик был мудрым и сильным администратором. Счастье, что он все еще может помочь своими советами. Бринд сказал, что нужно позвать Ника на поиски. Было тяжело отправлять Ника домой, так как после смертельной схватки в Цинне он стал лучшим другом Карна. Он и Кит любили друг друга почти четыре года, и понятно, что соблазн встречи для него будет очень сильным. Несмотря на их лучшие намерения и годы строгого воспитания, которые требовались им, чтобы быть достойными выгодной женитьбы для их Домов, они бы вскоре уступили.

Было бы слишком опасно для них жениться по любви, размышлял Карн, даже если бы брак между ними был возможен. Если мужчина любит свою жену, то у него появляется слабое место: похищение ее или угроза пыток для нее заставили бы его гораздо быстрее сдаться, чем при иных обстоятельствах.

Карн подумал о своей жене, которая теперь осталась в постели, чтобы уберечься от выкидыша, который может случиться, по

словам Лизанны, от ее беспокойства о его сборах на сражение. Она не была удачной партией, но лучше он ничего не мог получить тогда, а Халареки отчаянно нуждались в наследнике. И сейчас тоже.

И если бы Кит умерла, что очень даже может быть, Лизанна остается единственной надеждой семьи Карна. Ричард Харлан убил всех, за исключением Ларги Алиша, по законам кровной вражды. Карн вспомнил о колыбельной песне, которую няни пели детям в семье Халареков. Затем несчастья следовали одно за другим, и вот он остался один.

«А потом никого»,— прошептал Карн в пустой комнате.

Глава третья

Они спустились на нас из-за гор, наездники Одоннёла, с шумом, криком, грохотом. Наездники де Ври не звали на помощь (возможно, они все погибли), а мой господин де Ври, который считал, что нет никакой необходимости сопровождать свадебную процессию большим вооруженным отрядом, *улетел* домой.

Арл камнем упал с лошади. По его неподвижному телу я поняла, что он мертв. Только я *осознала* его смерть, кто-то напал на меня сзади и набросил какую-то тряпку поверх головы. Я сражалась. Он двинул кулаком мне в челюсть, и в глазах у меня потемнело.

Я медленно приходила в сознание. Я услышала шум воздуха за окнами летательного аппарата, в котором я оказалась. Вокруг меня зашевелились люди, затем толчок и ощущение, что мы приземлились. Я приоткрыла глаза. Было позднее утро. Флиттер приземлился на грунтовой посадочной площадке. Кто-то отстегнул ремни безопасности на мне. Руки, которые освободили меня, не внушали доброго расположения. Я открыла глаза и свирепо посмотрела на багрового солдата Одоннела.

— Я оборву вам руки за это,— произнесла я ледяным голосом.

Я не знала, почему со мной так грубо обращаются и что я могла предпринять в этой ситуации. Солдат, по-видимому, тоже ничего не знал. Кто-то очень сильный организовал это похищение. Я могла бы оказаться в более затруднительном положении, если бы попыталась сопротивляться.

Солдат торопливо обернулся, горячо извиняясь, он глубоко поклонился, а волосы его при поклоне почти подметали пол флиттера. Итак, мой похититель — мужик, у которого руки не тем концом вставлены. Так говорил Карн своим слугам, намекая на то, как обращаются со слугами в других Домах. Принесенные извинения тоже подсказали мне, что хотя с пленными обычно обращаются грубо, но это был не тот случай. Меня бы даже не обидели, если бы я не попыталась постоять за себя.

Пилот сам помог мне сойти на крыло. Такая вежливость тоже указывала на то, что со мной необходимо хорошо обращаться и что это не простая случайность, а именно из-за меня было организовано нападение.

Я взглянула вниз. Масса солдат Одоннела и Харлана стояли на траве около флиттера, окружив маленького человека с восхитительным на высокой переносице носом Харлана. Дом Харлана. Конечно. Солдаты Одоннела были только прикрытием. Это было так неожиданно, что я даже не испугалась. Прошло четыре года с тех пор, как Харлан нападал на наш Дом. Сколько воды с тех пор утекло.

Я осмотрелась вокруг. Смогу ли я определить, где я? Должна же я знать это, прежде чем соберусь сбежать, а я пока не видела выхода.

Посадочная площадка находилась у основания каменной крепости, вероятно, построенной еще в Старые времена и недавно подновленной. С одной стороны крепости стояли прочные стойла для лошадей, с другой стороны заметен был блеск воды в озере.

На десятки километров от крепости простирались горы Зоны Мерзлоты. Я предположила, что это северная часть Зоны Мерзлоты, так как я не могла быть так долго без сознания, чтобы долететь до южной части. И к тому же я не так сильно проголодалась.

Человек Харлана с сопровождающим подошли поближе.

— Добро пожаловать от имени герцога Ричарда,— сказал он, протягивая руку.

Я отвергла протянутую руку и была удивлена тем, что если он назвал имя герцога Ричарда, то это должно означать, что я удостоена чести быть приглашенной в Дом Харлана и даже встретиться с герцогом Ричардом, хотя *по моим предположениям* он должен быть заключен в Бревене. Я было хотела потребовать отправить меня сейчас же домой, но поняла, что буду только глупо выглядеть: Дому Харлана пришлось убить несколько сотен людей, чтобы доставить меня сюда.

— Меня зовут Брандер Харлан,— продолжил он, не обращая внимания на мою грубость,— нас ожидает обед.— Он направился к массивной красной двери в основании крепости.

Один из солдат поспешил вперед, чтобы открыть для нас дверь. Уже внутри меня охватил страх. Я боялась древней крепости, ее связи с Древними, с их туннелями и капканами. Еще больше я боялась человека Харлана. Брандер взял меня за локоть и повел в столовую, в которой длинный, узкий стол был накрыт на троих. Домашний запах теплого хлеба и горячей еды возбудил мой аппетит и несколько успокоил меня.

Коренастый и полный человек лет тридцати поднялся с кресла возле камина и подошел ко мне. Он склонился к моей руке, как положено приветствовать леди.

— Меня зовут Эннис, леди Катрин,— произнес мужчина.— Я очень рад видеть вас.— Его голос был мягкий и вкрадчивый, но не

простодушный, а в основном предназначался для Брандера Харлана.

Брандер метнул на него свирепый взгляд.

— Эннис Харлан,— сказал он отрывисто и сел за стол.

Эннис отпустил мою руку и встал, смотря мне в глаза. Я тоже смотрела на него. У него тоже был нос, как у всех Харланов. У него были золотисто-карие глаза, окруженные морщинами, что могло означать, что ему присуще чувство юмора, хотя в данный момент его лицо было чрезвычайно серьезно. Он был чуть выше меня ростом.

На его руке были мозоли, что выдавало в нем господина, который не все заставляет своих слуг делать за себя.

Он выдвинул стул для меня, что было необычайно вежливо, даже у Халареков. Как только он прикоснулся к стулу, чтобы подвинуть его, он прошептал мне:

— Нам есть о чем поговорить, так просил Ричард, но не сейчас и не в присутствии Брандера.

Имя Ричарда опять повергло меня в ужас. Еда, которая возбуждала раньше аппетит и у меня текли слюнки, теперь казалась несъедобной. Я положила руку на стол, чтобы прийти в себя.

Никогда не показывай врагу своего испуга, слышала она голос Матери. *Испуг часто дает повод к нападению.*

Я собралась, на мгновение прикрыла глаза, помолилась для храбрости. Мое воображение подсказало мне, что люди могут почувствовать мой испуг. Помогла теплая рука, на долю секунды коснувшаяся меня, в то время как она протянулась за хлебом. Краткость этого касания означала, что было бы не очень хорошо, если бы Брандер *заметил* это. Еще мгновение я не открывала глаза, давая понять Эннису, что я заметила его внимание и все понимаю.

По окончании обеда Брандер вновь расположился в своем кресле, потягивая из бокала, и махнул рукой Эннису.

— Займись ею,— сказал он.

Эннис резко встал.

— Не здесь. Не с вами.

Глаза Брандера сузились.

— Сегодня. Ричард приказал сегодня.

— Я позабочусь о ней сам, в свое время, а это *значит*, без вашего оскорбительного присутствия.— Голос Энниса был тверд и непроницаем.

— По закону требуются свидетели.

— По закону требуются свидетели *из Совета. Свободные.* Если из них кто-то здесь присутствует, то я позвал бы их, как бы неприятна ни была эта идея.

Брандер ухмыльнулся.

— Вы шутите, кузен. Совет? Свободные? Здесь? В этих обстоятельствах?

Я почувствовала ярость Энниса, хотя он сдерживал себя.

— Вы организовали эти «обстоятельства». Я не принимал в них участия. Если бы Ричард знал...

Брандер снова зло усмехнулся.

— Вы слишком высоко цените кузена Ричарда, Эннис. Это был его план от начала до конца.

Эннис побелел, затем покраснел.

— Боже! — только и мог он выдавить из себя.

Он схватил меня за руку и потянул за собой, собираясь выйти из комнаты. Брандер поставил свой бокал на стол и поднялся, чтобы пойти следом.

— Нет,— огрызнулся Эннис.

— Как свидетель,— ответил Брандер.

— Ты хочешь сказать, воярист. Раз нет членов Совета, значит, нет законных свидетелей. УБИРАЙСЯ ПРОЧЬ.

— Ричард...— Казалось, что Эннис вырос от возросшего в нем гнева.— Я здесь старший, а ты будешь делать все, что я скажу, или я должен буду отправить тебя в поместье!

Брандер снова плюхнулся в свое кресло и, грациозно салютуя, помахал своим бокалом.

— Придется потрудиться. Желаю удачи,— сказал он и вернулся к своему бокалу.

Эннис потащил меня в холл и крепко закрыл дверь. Он остановился здесь, глубоко вдыхая и медленно выдыхая, не обращая внимания на двух любопытных солдат, стоявших в карауле у двери. Когда дыхание успокоилось, Эннис взял меня за локоть и повел меня по ступенькам, а затем в уютную по-мужски спальню. Он мельком взглянул на постель, затем подтащил мягкое кресло ближе к камину и усадил меня в него. Я была в растерянности.

— Вы лучше сядьте и выслушайте меня,— сказал он.— Долго придется вам все объяснять, и вряд ли вам это понравится.

— В чем дело?— резко вскинулась я.

Он мрачно посмотрел на меня.

— Я пытаюсь хоть чуточку облегчить вашу участь. Вы уже достаточно настрадались. Или вы из тех женщин, которые ничего не ждут от жизни, кроме мучений и страданий?— Теперь его голос был резким.

Я глубоко вздохнула и задержала дыхание. Иногда это помогало мне перед лицом опасности. Все из де Ври, кого я знала, умерли, кроме герцога. И Арл погиб. Я стала вдовой, не побывав женой. Правда, сейчас стрельба, пожары, кровь, воспоминания о падающем с лошади замертво Арле казались дурным сном, который утром развеется. Но я знала, что это не сон. Утром я окончательно пойму, что все это реальность, и я *почувствую* боль и ужас. Утром я буду не в состоянии слушать этого мужчину, который пытается помочь мне, хотя мы с ним враги. Я выдохнула и снова посмотрела на Энниса. Он подбрасывал дрова в огонь.

Здание было старое, и в нем был настоящий камин. Я вдруг до-

гадалась, что он собирался сказать. Был только один ритуал фамилии, когда требовались свидетели Совета и Свободных. От ярости я не могла говорить. Я зашипела:

— Нет, я не люблю страдания. Я собираюсь жить счастливо,— тогда, к своему ужасу, я разрыдалась. Эннис сначала не знал, что делать, затем встал на колени у моего кресла, держа меня за руки и нежно бормоча. Его сильные плечи были так близко, чтобы в них уткнуться. Я старалась быть равнодушней. Он был Харлан, несмотря на его участие ко мне, Дом Харлана задумал что-то недоброе против меня, и Эннис Харлан должен был это исполнить. Он утешал меня, но кошмар этого дня еще не прошел, я была очень испугана. Его сочувствие растрогало меня, и сквозь слезы я, забыв про его род, проговорила то, что могла сказать разве лишь Карну.

— Мы были бы счастливы вместе, Арл и я. Мы *любили* друг друга. И он не обращал внимания на мои выходки. А теперь он мертв! Из-за меня!

— Ну-ну,— пробормотал Эннис. Своей рукой он убрал мои волосы с лица. Его золотисто-карие глаза были серьезными.— Вы тут ни при чем. Это задумал Ричард. Вы слышали, что сказал Брандер. Успокойтесь. Слезы тут не помогут. Вы же знаете законы родовой вражды.

От возмущения слезы сразу высохли.

— Законы кровной вражды! Де Ври никогда не враждовали. *Все* они погибли безвинно. Это вражда Халареков и Харланов. Арл и его фамилия были *невинны*!

Он помрачнел.

— Де Ври оказались втянутыми во вражду, как только был подписан брачный договор с Халареками. Вы могли бы предотвратить это, только если бы отказались от этого союза. Прошлое не воротишь. Ну а сейчас нам надо решать новые проблемы, или Брандер со своим войском их решит. Сейчас я старший здесь, но только пока все идет по плану Ричарда.

Эннис встал и повернулся к камину. Какое-то время он подбрасывал в молчании дрова. Даже после того, как он раздул потухший было огонь, он стоял, не разгибаясь, с безвольно опущенными руками. Наконец он выпрямился и обернулся ко мне.

— Мне трудно говорить,— сказал он. Он стоял вполоборота к огню, затем повернулся, набираясь решимости сказать мне о неприятных для меня вещах. Он глубоко вздохнул и быстро заговорил.— Лорд Ричард хочет, чтобы родился ребенок, чтобы покончить с враждой Харланов и Халареков. В доме моего отца, Доме Харлана, родилось и выросло много здоровых девочек, гораздо больше, чем в других Домах. По линии моей матери тоже не было Болезни. Халареки славятся своей энергией, упорством и мужеством, чего не хватает нашему роду. Мы с вами, леди Катрин, как породистые лошади. Вы будете моей невестой, моей супругой. Сегодня. Добровольно или нет. Я надеюсь, что бог поможет мне до-

биться вашего добровольного согласия, ведь это мой долг перед Домом жениться по приказу, так же, как и вы должны были соединиться с де Ври.

Я закрыла глаза. В первый раз я представила, для чего была «церемония» Простыни и Сломанной Печати: для законного насилия. Вот почему Совет настаивал на свидетелях: для защиты имени и репутации женщины. Но этот обычай уже несколько поколений не соблюдался. Ни для одной из женщин Гхарры. Он соблюдался только для невест Черного Корабля. Нет! Только не насилие!

— Нет, Нет, НЕТ, НЕТ!

Я не ожидала, что я так громко закричу. Но это отрезвило меня. Я набросилась на Энниса с такой яростью, которую никогда раньше не позволяла себе. Я колотила его руками и ногами.

— Неужели можно считать человечной такую церемонию?

Эннис замычал от ударов и вздрогнул от моего удара кулаком ему почти в глаз. Он схватил меня за руки, с силой опустил их и отвел назад. Затем он толкнул меня вперед так, что я зашаталась. Я изгибалась и вырывалась, злясь от беспомощности, кипя от негодования. Я никак не могла освободиться.

Наконец я осознала, что он не причиняет мне боль. Когда я успокоилась, прекратились и мои мучения. Эннис только защищался от меня. Неужели это правда, что он не собирается обидеть меня? Что ему приказано жениться на мне, как в свое время Арлу? Я забыла о том, что *многие* женились по приказу своего Дома, так случилось с Джерем, так было у Карна. Карн по принуждению женился на Лизанне.

Я перестала бороться и, взглянув на Энниса, поймала улыбку на его лице.

— Вы, миледи, по-видимому, много боролись со своими братьями и преуспели в этом искусстве.— Мгновение он изучал мое лицо, затем добавил: — Хорошо, что вы вовремя остановились, иначе мы стали бы мужем и женой гораздо раньше, чем вам бы хотелось, и гораздо более грубо, чем я предполагал.

Мгновенно я осознала всю тяжесть своего положения. Эннис чуть ослабил свою хватку, и я почувствовала, как кровь побежала по моим онемевшим пальцам.

— Вот так-то лучше,— мягко произнес Эннис.— Я не обижу вас, леди Катрин, если вы успокоитесь, а что касается брачного обряда, то, как того требовал лорд Ричард, я не позволю вам причинить мне боль, я исполню свой долг перед фамилией. Уясните это для себя.

Выхода не было. Его доброжелательность не беспредельна. Тяжело было осознать все это. Я бы предпочла обойтись без ритуала. Я надеялась на это до тех пор, пока не услышала от Энниса, что он обязан подчиниться приказу главы Дома. Я надеялась даже несмотря на то, что сама должна была подчиниться своему Дому, когда подписывала брачный договор с де Ври. Но Арл ни-

когда бы не обидел меня. Этот человек тоже обещал не обижать меня, если я добровольно отдамся ему. У меня снова полились слезы, я не могла перестать плакать.

— Только что сегодня утром я была замужем, а теперь Арл умер, а вы снова хотите заставить меня выйти замуж, не позволяя даже выплакать свое горе по нему.

Эннис, удивляясь, вытер мои слезы.

— Вы плачете о нем? Хотя это был выбор вашего брата?

Я кивнула. Это все, что я могла сделать. Его слова изумили меня. Арл только что умер, и я даже не успела привыкнуть к этой мысли.

— Арл был добр ко мне и терпелив,— заключила я.— Он не наказал бы меня, если бы я не согласилась с ним или ослушалась бы его. Большинство других моих поклонников побили бы меня за это. Поэтому я... я... печалюсь о нем. Мы были бы хорошей парой.

Я не говорила уж о браке с Ником.

— Тогда я прошу прощения, что встрял в это дело.

Эннис задумался, затем он опустил мои руки и тепло обнял за плечи, я полагаю, в знак сочувствия.

— Мне двадцать семь лет, у меня нет жены, так как я не нашел здесь достойную женщину и не в состоянии добраться до Черного Корабля. Я уж думал, что я умру, не имея детей, до тех пор, пока Ричард найдет мне богатую и знатную невесту. Я хотел иметь жену. Я очень хотел иметь детей. Я молил Бога помочь мне. Хоть какой-нибудь шанс! И я был готов напасть на свадебную процессию!

На его лице появилась усталость. Его плечи дрожали. Казалось, он испытывал угрызения совести. Я поверила ему, хотя он был из рода Харлана. Если он разыгрывал спектакль, то слишком убедительно.

Наконец он обернулся ко мне и подошел ближе.

— К утру мы станем мужей и женой.— Теперь его голос был более печален.— Я должен подчиниться главе моего Дома и выполнить приказание к полудню, так же, как вы подчинялись главе своего Дома сегодня утром. Вы не можете мне помешать. Вы только должны позаботиться о себе. Я не прошу от вас невозможного. Наши Дома — враги, но, пожалуйста, пожалуйста, постарайтесь сделать так, чтобы предстоящее было для вас менее болезненным.

Я не знала, что сказать. Если я лягу с ним без сопротивления, то я предам Халареков. Если я начну сопротивляться, то он возьмет меня силой, и окажется, что я все равно предам Халареков. Альтернативой только могла быть смерть. Я прошептала:

— Пожалуйста, я ничего не соображаю. Столько всего навалилось...

— Я знаю.

Правда ли, что он сочувствует мне?

— Можно мне немного подумать?

Он улыбнулся.

— Несколько часов, не больше. Мой нетерпеливый кузен, вероятно, потребует доказательств рано утром. Вы девственница?

В данной ситуации этот вопрос был понятен. Де Ври тоже требовал доказательств моей невинности.

— Конечно,— согласилась я.— Как еще может муж узнать, что первый ребенок, действительно, его?

— Вот это характер! — Эннис улыбнулся, хотя за его теплотой было заметно скрытое напряжение.— Я думаю, лучше бы перестать плакать. Пойдемте со мной, я провожу вас в удобное для отдыха место.— Он направился к двери.— Макнис выбрал отличное место для охотничьего домика.

Я остановилась.

— Макнис? Ван Макнис?

Я почувствовала, что он заметил мой испуг.

— Нет, он не знает, что его дом сдан в аренду кому-то из Дома Харлана. Лишь его управляющий знает. Отдыхайте, моя леди. Мог ли представить Лхарр Халарек, что Харлан подобрал для укрытия леди Катрин домик Макниса?

Чертовски удачное место для укрытия. Я могла бы остаться здесь до весеннего охотничьего сезона, и никто бы не догадался заглянуть сюда. Все знали, насколько сильно был настроен Макнис против Харлана. Хорошо, что Эннис сказал, где я нахожусь. Дом был выстроен окнами на юг и восток, посреди большой равнины. То ли Эннис случайно выдал мне название этого места, то ли домик так тщательно охранялся, что он мог не беспокоиться о том, что я сбегу. Позже я постараюсь разобраться, эта мысль не покидает меня.

Эннис повел меня наверх крепости, в комнату, где со всех сторон были окна. Кроме разбросанных шерстяных или плетеных из травы ковриков не было никакой обстановки.

За окнами виднелись, кроме равнины, озеро и горы. Если напрячь воображение, то можно представить, что далеко за золотистыми равнинами находятся жилища в долине Онтара. Я подошла к ближайшему окну. Внизу в озере отражались солнечные лучи.

— Можете отдыхать час, два, три,— сказал Эннис. Он уединился на потрепанном коврике у двери и, прижавшись спиной к стене, закрыл глаза, казалось, что он задремал.

— Я бы хотела остаться одна,— сказала я. Эннис приоткрыл глаза, давая понять своим взглядом, что ему нечего сказать, так как он не собирается позволить мне убежать.

Я посмотрела в другое окно на заснеженные горы, и мне показалось, что я снова вижу Онтар или Карна. Я глубоко высунулась из окна, чтобы попытаться выбраться из комнаты.

Эннис вскочил с пола, обхватил меня руками и оттолкнул от окна быстрее, чем я успела понять, в чем дело.

— Нет уж! — сказал он строго.— Вы не убежите. Особенно через окно.

От удивления я замолчала на мгновение, затем рассмеялась. Делать было нечего: слишком много гнева и ярости за один день. Эннис выглядел захваченным врасплох. Он медленно отпустил меня и отступил.

— Халарекам не свойственно самоубийство,— заключила я.— Я просто хотела получше рассмотреть окрестности.

Эннис сомневался.

— По-моему, тоже.

Я лукаво улыбалась ему.

— Неужели вы думаете, что мысль о том, чтобы лежать рядом с вами, мне так ненавистна, что я *готова на самоубийство?*

Я заметила, что он почти свихнулся. Обиделся ли он? Наконец он уныло усмехнулся.

— Нет, если я упущу вас, я могу лишиться своего инструмента, необходимого для получения удовольствия от моего искусного обращения с женщинами. Я только и думал об этом моем умении.

Было яснее ясного, как Ричард сурово управлял своими людьми, даже из тюрьмы. Эннис тоже Харлан. И что мне до того, что он будет изуродован из-за моего побега? Хотя, почему не важно? Я была беспомощна, одна в стане врагов, где-то далеко от дома. Он совсем не обязан быть вежливым или добрым ко мне. Так не обращался бы со мной ни Ричард, ни Брандер, никто, держу пари.

— Я бы не прыгнула. Самоубийство гораздо хуже, чем брак с Харланом. Я только хотела освежить комнату, чтобы легче было думать.

Он заколебался, затем опять вернулся на свое место у двери. Я бы хотела, чтобы он вышел из комнаты, но достаточно было и того, что он оставил меня одну у открытого окна. Я забралась на подоконник и распахнула створки. Это было, как ни странно, нормальное открывающееся окно. В поместье Онтар во многих малых Домах были ненастоящие окна: они никогда не открывались, а если и открывались, то за ними была каменная стена, окружающая дом.

Снаружи вырвался резкий поток воздуха. Дрэк, нарн и уль с их бурями не позволяют путешествовать до весны. Останусь ли я здесь до весны, на всю зиму в компании с Брандером? Беременность, по-видимому, наступит к началу тау? Никогда в своих дурных снах я не могла представить, что буду украденной невестой. Женщины Черного Корабля почти все были украденными невестами, их похищали из других миров. На Старкере IV в защиту женщин Семья вступала в кровную вражду с похитителями, но в большинстве ближних миров и во всех мирах Старой Империи война была запрещена. После последней войны уже родилось пять поколений, но все еще помнили о ней. На Старкере IV, где все города расположены внутри планеты и достаточно защищены,

как говорил Карн, жители не были научены горьким опытом войны.

Война принесла нам Болезнь. Никакое оружие не могло достичь наших городов и поместий. Только биологическое просочилось через вентиляцию. Дом Кериннена хотел разбогатеть на постройке вентиляционных шахт. Это оружие погубило так много детей, оно было названо Болезнью. Из-за нее Дом Кериннена был разрушен до последнего камня. Болезнь наводила страх на родителей и отравляла жизнь всем оставшимся в живых. В следующем поколении Болезнь подбиралась только к девочкам, причем неоднократно. Мальчики тоже заболевали, но оставались в живых и приобретали иммунитет к Болезни. В конце концов женщин благородных кровей оказалось очень мало. Это были женщины высокого социального положения из знатных фамилий. Больше всего их было у Свободных.

Я залюбовалась золотистой равниной. Эннис не мог найти родовитую женщину и мог умереть бездетным. Я была из знатной фамилии. Я несла гены, которые нужны Дому Харлана, а у Энниса были гены, которые Ричард хотел сохранить у потомства своего Дома.

Я достигла брачного возраста. Я замужняя взрослая женщина. Я больше не буду плакать. Хватит рыданий!

Однако легче сказать, чем исполнить. Я должна поднять голову и задрать нос, чтобы не капали слезы. Арл был добрый и любящий человек, а сейчас его нет. Смерть из-за родовой вражды, в которой его Дом никогда не участвовал.

В окно влетел ледяной порыв ветра. Я посмотрела вдаль на озеро у подножия гор. Холод, твердыня, прочность.

Умерла последняя надежда. Это была земля Макниса, земля союзника. Меня здесь никогда не найдут. Впервые я поняла, какая жизнь была у невест Черного Корабля. Мать никогда не рассказывала о ее жизни здесь. Сейчас я могу представить обиды и унижения, которые она испытала, когда ее превратили из человека в машину для производства детей. Я много пережила, но меня никто не обижал, а Эннис обещал, что он не обидит меня, если я не буду сопротивляться. Другие мужчины не такие.

Обиды и насилие обеспечены были на долгие годы, так как брак заключался на всю жизнь, за исключением измен жены или если жена была бесплодна. Я теперь могу вырваться из Дома Харлана только после смерти Энниса, а поэтому добровольно я отдамся ему или нет, не имеет никакого значения.

С другой стороны, я могу отказаться от близости с ним, он — нет. Эннис был добр ко мне, но непреклонен. Поэтому, находясь здесь, он *не мог* отказаться от меня; это было хуже, чем согласиться стать женой Харлана. Я была бы опозорена навсегда.

Принял бы Карн обычай Сломанной Печати? На мгновение я засомневалась. Карн сильно изменился после возвращения из

Болдера. Он следует обычаям Гхарров. Означает ли это, что он принял бы брак по принуждению без борьбы?

Я слезла с подоконника и стала расхаживать по комнате, мягко ступая ботинками, которые были свадебным подарком леди Агнес, по каменному полу. Карн, наверное, представляет, какая опасность грозит, если ребенок, которого я рожу, будет наполовину Харлан. Если это будет мальчик, то он будет наследником Халарека, если умрут мальчики Нетты, а для Ричарда смерть двух детей — дело привычное.

Я долго прохаживалась и размышляла. Я никогда раньше не оказывалась в столь затруднительном положении. Когда я остановилась у окна и снова выглянула наружу, то заметила, что небо окрасилось в пурпурный цвет, а горные вершины отбрасывали длинные черные тени перед крепостью. То были темные, слепые тени, предвестники ночи. Слепые, как я. Я никогда раньше не наблюдала зло в Черных Кораблях, кроме огромных расходов. Мать, казалось, уговорила себя, что новая жизнь для нее лучше прежней, поэтому я всегда представляла Черные Корабли как относительно безопасное место для потомков и сохранения чистоты крови Домов.

Как бы я хотела сейчас, чтобы Мама рассказала о себе, как все произошло у нее. Возможно, Отец нанял специальных людей, чтобы выбрать себе жену. Возможно, Мать была уже готова к этой жизни. Опять от горя полились слезы. Я бы все отдала, чтобы освободиться от всего случившегося. Я бы выбрала Ника. Я бы отказала де Ври. Между нашими Домами была бы долгая борьба, но мы бы победили.

Не обманывай себя, Катрин Магдалина Алиша Халарек, шептал дух моей матери. Ни один *Дом не может позволить себе соединиться с другим Домом, уже тесно спутанным с кем-то.*

Я пыталась подавить обиду, но это было безнадежно. Согласиться на близость с врагом, чтобы подарить ему ребенка, даже если этот ребенок будет наследником Дома Халарека.

«Ох, Ник,— бормотала я,— как мы были глупы, когда отказались от любви и удовольствия ради такой глупости, как фамильная честь и власть».

Я съежилась в маленький комочек и рыдала, рыдала, рыдала. Было уже совсем темно, когда я вытерла слезы, разгладила платье и набросила свадебную накидку на голову, чтобы скрыть свое заплаканное лицо. Брандеру доставили бы удовольствие мои слезы. Эннису, я думаю, нет.

«Поведение выдает чувства»,— всегда говорила моя мать. Теперь я могла проверить это.

— Теперь я готова,— произнесла я.

Эннис стоял, протянув мне руку. Я взяла его за руку, и он повел меня в свою комнату.

Глава четвертая

Чтобы я отказалась от сопротивления, Эннис дал мне больше времени, чем нужно, чтобы прошла боль. Он был нежным, добрым и очень искусным.

Когда был объявлен ужин, простыня на его кровати уже была окрашена кровью, что требовал увидеть Брандер. После этого я узнала, что акт любви может быть очень приятным.

Выглядели ли мы удовлетворенными, когда шли на обед? Я подозреваю, что да, потому что Брандер только посмотрел на нас оценивающим взглядом и провел нас к столу. Эннис и я уставились на большую тарелку на двоих, из которой было принято есть мужу и жене. Слуги расставили еду, и мы начали есть в полной тишине, изредка только лишь прерывая ее просьбами принести овощи или подать вино или бренди. Я нашла, что есть из одной и той же тарелки с Эннисом слишком странно.

После обеда Эннис показал мне библиотеку и игровой кабинет в конце комнаты. На Старкере IV мы знаем очень много игр, потому что нам каждую зиму приходится сидеть взаперти. Мы поиграли немного в шахматы в эту ночь и затем пошли спать, оставив доигрывать партию на завтра.

Вечера проходили обычно так же — ночной ужин, затем игры или чтение, затем сон. Когда Эннис или Брандер были не одни, с кем-либо из Дома Харланов или Одоннела или из младших Домов, которые были их вассалами, я ложилась спать одна. Я в конце концов заметила, что не было дня, чтобы не присутствовал кто-либо из членов Семьи помимо Брандера, и что все эти люди были одного и того же ранга с Эннисом. Возможно, Ричард или кто-либо из Одоннелов или Харланов не доверяли Эннису полностью?

Дни часто были скучными. Часто в охотничьем доме нечего было делать, если никто не охотился. Иногда Эннис брал меня покататься на лошади. Хорошо было выбраться на свежий воздух, хотя нас тщательно охраняли все время. Чаще всего мы совершали длинные прогулки, во время которых много разговаривали. Это было лучше, чем катание на лошадях, потому что охраны было меньше и она находилась на большем удалении.

По мере того, как шло время и мы лучше узнавали друг друга, Эннис отважился более настойчиво окружать меня вниманием, а больше всего он домогался моей близости. Он предлагал мне заняться любовью, говоря, что пришло время попрактиковаться; девственнице, какой я была, нужна была большая практика, чтобы привыкнуть к нему, говорил он с серьезностью в голосе и в лице и с блеском в глазах.

В постели нам не было скучно. Я иногда думала о средствах предохранения, которые были со мной.

Мне вернули одежду, некоторые личные вещи, такие как парфюмерия и крем для лица, но средства предохранения — нет. Я не думаю, что я бы воспользовалась ими. Быстро забеременеть было очень важно. Я поняла, что Эннису это было необходимо, чтобы удержать свои позиции в Доме Харланов. Если бы Эннису это не удалось, его бы заменил другой мужчина из Харланов, возможно, не такой нежный и добрый. Кроме того, я не хотела воспитывать ребенка у Харланов. Я думаю, Эннис начал понимать это. Его детство было более тяжелым, чем у Карна, но он тоже многому научился у своей мудрой и любящей матери.

Прошел нарн. Ежедневная рутина продолжалась. Эннис учил меня фехтованию либо проводил время в компании по утрам. Библиотека была большой и разнообразной, что было необычно для охотничьего домика, и достаточной для заполнения моего дневного времяпрепровождения. Затем наступало время ночного ужина и гостей. Еда всегда была вкусной и щедрой, думала я с горечью в ожидании, что мне скоро надо будет есть за двоих. Я не выносила, чтобы на меня смотрели как на самку, что было совершенно в порядке вещей в Доме Харлана.

После ужина Эннис и Брандер часто удалялись, чтобы делать то, что мужчины делают, когда выходят из себя. Я шла в библиотеку, выбирала книгу и возвращалась на кожаное кресло в нашей комнате. В обычное время приготовления ко сну слуги всегда приносили мне успокоительные таблетки, независимо от того, пришел Эннис или нет. Успокоительные таблетки были всегда сладкими и помогали заснуть. Кроме успокоительных Эннис обычно присылал мне что-нибудь особенное, когда он задерживался с гостями — шоколад, цветы, специальную книгу (несмотря на то, что гости были постоянно, он не всегда оставался с ними). Его знаки внимания стали значить для меня больше, чем просто удовольствие. Это не значило, что я полюбила его. Это значило, что я поверила ему и начала беспокоиться о нем и тревожиться, что с ним случится, когда я исчезну навсегда или буду спасена. Я еще верила, что буду спасена, хотя мои мысли стали реалистичнее из-за понимания, какое общественное осуждение возникнет, когда я забеременею или рожу ребенка, и каких трудов будет стоить Карну установить мое местопребывание.

Однажды утром я проснулась от тошноты и головокружения. Я добежала до туалета, прежде чем меня вырвало. Меня рвало долго, а затем я обессиленная упала на холодные плитки пола. Я провела здесь уже месяц и связывала это со стрессом и ужасом от той кровавой резни. Временные ухудшения состояния здоровья вполне естественны при таких обстоятельствах. Но не смогла объяснить второй приступ, не сопровождаемый обычным болезненным состоянием. Я носила в себе ребенка Энниса.

Когда я поняла это, то стала думать о самоубийстве, несмотря на все, что я обещала Эннису. Смерть была бы значительно лучшим выходом, чем рождение ребенка, что неизбежно поставило

бы Дом Халарека под власть Харланов. Но крепость, с которой легко было бы прыгнуть на острые скалы, была крепко закрыта вот уже две недели, а входные лестницы наружу всегда охранялись. Кроме того, самоубийство никогда не было в чести у Халареков. Они борются до конца.

После того как прошли первые минуты отчаяния, мое положение стало казаться мне чуть в лучшем свете. Возможно, Харлан ослабит охрану, как только у меня станет увеличиваться живот. Возможно, меня перевезут рожать куда-нибудь в более цивилизованное место, если ребенок так важен для Харлана, как считает Эннис. Ну и наконец должно быть объявлено о рождении ребенка. Ричард Харлан не упустит шанс порадоваться такой возможности.

Эннис знал, что я беременна, хотя я ничего не говорила об этом, и его доброта и внимание ко мне усилились. Мы стали больше доверять друг другу, и я узнала от Энниса много подробностей о том, почему я оказалась здесь. Эннис оберегал меня. Трудно переоценить его заботу. Он был для меня больше чем друг, чего большинство женщин даже в дружелюбных Домах не могли ожидать от замужества.

Оказывается, Ричард хотел выкрасть меня и увезти в Бревен, жить со мной, пока я беременна, а затем отправить меня домой.

Когда Эннис мне это рассказывал, он даже не смог говорить дальше, а я, казалось, ничего не слышала, настолько это было ужасно даже представить. Для меня это означало бы страдание (потому что Ричард не оберегал бы меня, как Эннис), унижение и, наконец, изгнание из общества Гхарров. Для моего Дома это означало бы упадок, унижение, изоляцию, презрение (из-за того, что все бы узнали, что Карн не смог защитить свою сестру от самого ужасного оскорбления женщины) и, наконец, политический крах. Самому Карну тоже грозили бы неприятности, но не смертельные, так как во многих Домах женщин похищали соперники и враги в течение многих поколений.

Но вассалы Дома Харлана не позволили бы Ричарду осуществить свой замысел. *Они* не желали смерти Халареку. И Ричард не мог ничего поделать, так как его содержали в заключении в Бревене. Но он настаивал на похищении, чтобы доказать Карну, что он все равно силен, даже находясь в Бревене.

Тогда генетический совет Дома Харлана выбрал меня в качестве подходящей самки, а Ричард одобрил этот выбор. Я, конечно, как и многие за пределами Дома Харлана, ничего раньше не слышала о генетическом совете. Эннис объяснил, что сила их Дома в большой степени зависела от тщательного отбора родителей для выведения потомства. В конце концов родилось много девочек, что позволяло заключать много важных браков и иметь выбор среди женщин.

— Женщины ценятся в Доме Харлана,— сказал Эннис.

Возможно, это объяснение чуть успокоило меня. Но Брандер,

по-видимому, не придерживался этого мнения. Казалось, что он чувствует, как моя беременность увеличивает мою надежду на спасение, и постоянно отпускал колкости по поводу того, что ребенок Халареков будет воспитан в духе Дома Харлана. В деталях он расписывал мне, какие засады и капканы расставлены для Карна, если только он попытается вызволить меня. Все это нервировало меня, приводя в ярость и негодование. Я хотела как-то предупредить Карна, что его ожидает. Часами я прогуливалась по коридорам охотничьего домика, обдумывая, что можно предпринять. Но Эннису я не могла рассказать о своем страхе за Карна. Они были врагами, и нельзя было доверять Харлану своих мыслей о том, как предупредить Халарека.

Брандер приставал ко мне и досаждал мне своими насмешками. Так как я не знала, что в его словах простая болтовня, а что представляет реальную угрозу Карну, то мое желание предупредить Карна и фамилию все усиливалось. Мне ничего не приходило в голову, а был уже поздний уль. Путешествовать было невозможно, даже если бы я могла подкупить слуг. Весной... я старалась не думать о весне. Ребенок должен появиться весной, примерно за две недели до собрания Совета в тау. С другой стороны, пока невозможно где-либо разъезжать, Карн, Лизанна и мальчики Нетты будут в безопасности.

Только во время Совета в тау уже будет поздно что-либо предпринимать. Ричард захочет, чтобы ребенок был единственным живым наследником во время собрания. Он даже не хочет думать о том, что ребенок может умереть при родах (что случалось довольно часто) или что родится девочка. Будут ли его тайные агенты убивать наследников в Доме Дюрлена? Во всех Домах были тайные агенты — и свои, и из лагеря противников...

Но обычно тайные агенты не были убийцами.

Вдруг появился еще повод для тревоги. Эннис с волнением сообщил мне, что мы должны пожениться по всем правилам с брачной церемонией по дороге в Дом Одоннела пятнадцатого керенстена, и это будет объявлено по всему нашему миру. Я, должно быть, выглядела очень испуганной и не могла скрыть этого, что Эннис отступил.

— Я освобожу тебя от всех забот об этом,— начал он.— Наймем швею, чтобы пошить великолепное платье...

— Пятнадцатый керенстен! — закричала я.— Пятнадцатый керенстен! Кто это придумал, ты или твой хозяин?

— В... в чем дело? Это Первый тау в этом году, Новый Год, большой праздник.

— Это мой день рождения! Я должна буду выйти замуж за Харлана в Дом Одоннела в день моего рождения! Что может быть лучше, чтобы подчеркнуть слабость моего брата?

— Ох, черт! — Эннис схватился за голову.— Опять Ричард.— Он подошел ко мне, крепко сжал мои руки, чтобы утешить

меня.— Я уже ничего не могу изменить, даже если выступлю против Ричарда. Об этом уже объявлено.

Мы были в библиотеке и решили поиграть в шахматы. Я села за доску и уставилась на ее клетки. Я была заложницей, так же, как и Эннис. Он опустил мои руки, что обычно означало, что он хочет сказать что-то неприятное для меня.

— Ты можешь выбрать фасон платья по своему желанию, Катрин, но платье должно быть из ткани синего цвета — цвета твоего Дома и зеленого — цвета моего Дома.

Я кипела от возмущения. Это платье уже было для меня отвратительно, не из-за его покроя, а из-за того, что мне придется предстать в нем перед всем родом Харланов, и неизвестно, сколько еще людей увидит меня на экранах три-д. Я не высказала своего негодования Эннису. Зачем? Никто не мог ослушаться Ричарда, а я знала достаточно о политике Домов, чтобы догадаться, что грозило Эннису за отступление от желания Ричарда, даже если здесь речь шла о его собственном ребенке. Унижение перед всем миром, когда я была на последнем месяце беременности, в мой день рождения — вот неопровержимое доказательство того, что Лхарр Карн Халарек не может защитить своих женщин.

Тревога от подготовки к свадьбе и обида от всего услышанного вдруг придали мне силы и энергии, у меня еще было в запасе несколько недель. Начну прямо сегодня. Я каким-то образом должна, несмотря на зиму, отправить сообщение своим. Лизанна, ее ребенок и мальчики должны быть надежно защищены.

Я знала, что три-д комната всегда охраняется.

Иначе я давно уже воспользовалась бы этой связью. Еще в детстве я научилась обращаться с ней, благодаря дружелюбному отношению ко мне техников, техников связи и даже пилотов.

Я бродила по домику. Во время своих утренних прогулок я изучила всех его обитателей. На кухне были только повар и два или три помощника.

Оранжереи или теплицы не было. Конюшня была очень маленькая, только для временного пристанища лошадей, а постоянно они содержались в поместьях своих хозяев. Площадка для выездки предназначалась только для одной лошади, что было очень неудобно: мы с Эннисом тренировались по очереди. Комнаты слуг были на четвертом уровне, там же были столовая, три-д комната, площадка для флиттера. Это было предусмотрено на тот случай, если невозможно будет выйти из города обычным путем.

Я никогда не замечала много прислуги — повар с помощниками, два или три уборщика и личная прислуга Энниса. Возможно, была охрана, иногда пробегали техники в три-д комнату и центр связи и, конечно, портной. У меня не было своей прислуги, Эннис хотел устранить это неудобство, но Ричард не реагировал на это. По крайней мере, это освобождало меня от слежки.

В начале архаста, когда из Гильдии прислали последние запасы на зиму, я нашла способ отправить сообщение домой. Посыл-

ка от Гильдии должна прийти с корабля Гильдии. Крейты на упругих подушках бросают с корабля на большую площадку на поверхности. От сильных ударов платформа быстро опускается.

Я подошла, когда платформа только что была установлена для разгрузки. Эннис еще спал, и мне не нужно было придумывать предлог, чтобы остаться одной. Я накинула плащ, так как в лифте было прохладно.

Я наблюдала, как кок и его помощники оттаскивали ящики с продуктами. Солдаты распаковали остатки, затем установили пустые крейты на платформу. Весной платформа снова будет поднята на поверхность, а Гильдия пришлет флайер, чтобы забрать крейты, если их скопится много, или наймет караван, если их будет немного. Я не заметила, как закрылись двери на поверхность.

Крейты представляли собой крепкие пластиковые ящики. Их можно было использовать многократно. Кто-то в Гильдии проверял их исправность. Это я знала, так как иногда имела дело с Гильдией как хозяйка поместья Онтар. Этот проверяющий и мог обнаружить мою записку.

Я ходила медленно вокруг платформы, как будто изучая ее работу. Солдаты, устанавливающие крейты, подозрительно поглядывали на меня, но продолжали заниматься своей работой. Я подошла к ряду крейтов и стала тыкать в них.

— Эй! — Солдат поставил свой крейт и подбежал ко мне.— Уйди отсюда.

Я обернулась к нему и жестко посмотрела на него.

— Я дочь одной из Девяти фамилий. Будьте уважительны со мной.

Солдат испугался.

— Леди, я вас не узнал. Вы очень странно одеты...

Я чуточку успокоилась. Солдат не мог догадаться о моих намерениях. Было не так важно для меня, что я была одета не соответственно своему положению.

— Я выбираю маленькую коробку. Если бы у меня была прислуга, я бы прислала ее.

Солдат откликнулся на мою просьбу.

— Моя госпожа, позвольте помочь вам.— Он направился к горе крейтов. Я внимательно осматривала близлежащие крейты, пока он выбирал мне подходящую коробку. Я отыскивала поврежденные крейты. Наконец незаметно я пометила один из них, который должен быть явно отправлен на ремонт и молила бога, чтобы во время ремонта в Гильдии ее кто-нибудь бы нашел.

— Нашел! — Солдат подобрал мне что-то, хотя мне было все равно что, так как я все успела сделать.

Он принес плотную коробку с крышкой, открыл ее. Внутри она была тщательно размечена.

Возможно, в ней прислали что-то небольшое или очень ценное.

Я улыбнулась.

— О, это то, что мне нужно. Благодарю вас.

Солдат покраснел от удовольствия, поклонился и вернулся к своей работе.

Я взяла коробку и поторопилась в свою комнату. Энниса, слава богу, не было. Я должна быстро написать записку, пока Эннис не вернулся, а я не хотела показываться ему, и пока солдаты не заперли комнату с крейтами.

Когда я вернулась, комната уже была заперта, записка для Гильдии была засунута за манжеты. Более получаса я убеждала солдата-охранника, что мне нужно войти в комнату, так как коробка, которую для меня подобрали, оказалась слишком маленькой, а мне нужна коробка для очень ценной книги, доставшейся мне от моей любимой бабушки...

Я молола всякий вздор до тех пор, пока солдат не посчитал мои доводы убедительными, поверив в мою историю, и не открыл дверь.

Огромное количество крейтов было установлено в огромной клети, подготовленной для подъема на поверхность. Я обходила штабеля крейтов с краю, ища поврежденный крейт. Я чувствовала сзади напряженное дыхание охранника, который хотел убедиться в правдивости моей истории. Я должна найти кроме поврежденного крейта еще и другую, маленькую коробку. Я ее быстро подобрала, чуть меньших размеров; но еще около получаса, до тех пор, пока не нашла помеченный мною крейт, что было нелегко, и не бросила незаметно в щель крейта записку, когда солдат был далеко, я делала вид, что занимаюсь поиском нужной мне коробки.

— Я нашла! — крикнула я охраннику, размахивая коробкой над головой, не скрывая необычайную радость.

Любопытство солдата было удовлетворено. Он бросил на меня снисходительный взгляд, как на легкомысленную женщину, выпустил меня, слегка поклонившись.

Вечером, когда я сидела, потягивая успокоительное, я думала, что записка может опоздать. Архаст, курт, немб, керенстен, затем вердейн, затем Совет в тау и наконец рождение ребенка. Я обдумывала поводы, для которых могли прислать флайер. В это время года Гильдия не может забрать свой груз с поверхности, и, конечно, ни один флайер не вылетит отсюда.

Никто не прилетит в это время года. Даже Ник, бесстрашный и искусный пилот, никогда бы не полетел в архасте. Довольно опасны ветры с Фермы 3 в конце уля. Моя записка пролежит, по крайней мере, до керенстена.

Я согласна и на это, чтобы хотя бы спасти других наследников нашего Дома. Сначала я была в отчаянии, а потом под действием успокоительного я уснула с возобновившимся желанием найти возможность предупредить Халареков. Я должна уровень за уровнем освоить тщательно весь домик.

Я сказала Эннису, что мне нужно больше гулять и что я могу

это делать и одна. Он отпустил меня без возражений. Я начала с верхнего уровня. На первом уровне не было ничего для меня полезного. Запасные ступеньки вели на поверхность, но сейчас был архаст, и люди на поверхности в архасте погибали в течение нескольких минут пребывания снаружи. Не было запасных реактивных снарядов, хотя они должны были быть, но даже если бы они и нашлись и я смогла бы запустить хоть один, не было в воздухе ни одного флайера, который мог бы заметить снаряд. Может быть, весной я воспользуюсь запасной лестницей или запущу ракету.

«Во всех приличных домах у выхода есть ракеты»,— бормотала я, спускаясь на следующий уровень.

К полудню я уже исследовала четвертый уровень. Вдруг я услышала работу насоса. Впервые за несколько месяцев я обрадовалась. Здесь где-то есть вода. Я открывала дверь за дверью, пока наконец не вступила на ступеньки, ведущие в комнату, где работал насос. Живой поток подземной речки, которая обеспечивала водой домик, втекал с одной стороны комнаты и вытекал с другой стороны.

«Слава Богу!» — прошептала я.

На минуту я прислонила голову к косяку двери, чтобы избавиться от головокружения. Внизу был выход, по крайней мере, для записки. Это была надежда на спасение. Я внимательно осмотрела все кругом. Не было ни служащих, ни техников у насоса, ни уборщиков, ни контролеров воды в комнате. Я шагнула по ступенькам и остановилась, прислушиваясь, не появится ли кто-нибудь на звук моих шагов, чтобы узнать, что происходит. Никого.

Как можно тише я спускалась по железной лестнице. Я внимательно изучала все пространство в комнате. Я обнаружила, где вода поступает в домик, где была турбина, которая впускала воду, где из турбины вытекала вода, в каком месте вытекала из домика. Карн приказал закрыть все открытые водоемы в Онтаре для безопасности рабочих и детей, которым непременно захотелось бы поплавать. Такая предосторожность была введена недавно, и многие считали ее необязательной. Благодарение Богу и всем Святым, что река в домике Макниса была еще открыта. Я быстро вернулась в нашу комнату.

Ручку мне вернули. Бумаги нет, только ручка. Нигде не было во всей комнате ни кусочка бумаги, кроме чужих книг. Без бумаги и чернил у меня, по-видимому, ничего не получится. В конце концов вместо бумаги я взяла салфетку, жир, оставшийся от полдника Эннис, стал чернилами, а ручкой был мой палец. Я окунала мой палец в жир, натянула ткань, держа с одной стороны ее свободной рукой, а с другой придавив стопкой книг, и писала. Подходило время ужина, а я еще не закончила. Я писала быстро, насколько могли позволить мои орудия труда, и молила Бога, чтобы не застали меня за моим занятием. Когда я закончила, я перечитала записку и спрятала под кроватью.

Через несколько дней, когда жир подсох, я материю оставила на ночь в комнате гигиены (где Эннис вряд ли обратит на нее внимание), с целью покрасить в бурый цвет, чтобы легче было читать буквы. Рано утром, когда салфетка высохла, я ее сложила несколько раз, засунула ее в маленькую шкатулочку, вспорола большую шкатулку и вставила в нее меньшую, обвязала коробочку поясом от платья и отправилась в свое ежедневное путешествие по комнатам домика. Я накинула светлый плащ, так как рано утром было еще холодно. Кроме того, плащ скрывал мою секретную ношу.

Казалось абсурдным отключать на ночь отопление, домик остывал, как будто он находился на поверхности. В моем Доме были разные обычаи, отражающие прежнюю жизнь на поверхности других миров. Например, в Онтаре, и в городе, и в поместье было «дневное» и «ночное» освещение.

В городе даже был «лунный свет», а многие Халареки даже ходили в верхней одежде внутри, но, по крайней мере, они не морозили людей по утрам, как было заведено у предков или в других мирах.

С другой стороны, разговаривала я сама с собой, нет ничего необычного в том, что я накинула утром плащ. Мне не хотелось думать о том, что может случиться со мной, если меня схватят за отправлением сообщения «врагу». Я знала, что если моя тайна будет раскрыта, Эннису будет трудно помочь мне.

Ничто не останавливало меня. Казалось, что никто не замечает меня. Я без проблем добралась до комнаты с насосом и бросила коробку в мощный поток воды, выбегающий из охладительной установки под стеной домика. Я следила за коробкой, пока она не исчезла, я молила Бога, чтобы она попала в руки друзей.

Глава пятая

Карн прошел через несколько залов к взлетной площадке для флиттеров. Должен был прибыть Ник, возможно, в уле. Он не любил встречать его в окружении охранников из подразделения синих, но они были необходимы. Насильный захват Кит сделал их присутствие необходимым. Понимание этого не могло предотвратить взрыва ярости в душе у Карна. Лхарр Халарек *никогда* не использовал персональных охранников. Карн не знал ни одного лорда, даже в меньших Домах, у которых были бы персональные телохранители. Жены — да. Дети... Напоминание о слухах, намеках и даже прямых оскорблениях, которые сделали его жизнь и управление Домом невыносимыми, причинили ему боль. Они могли бы появиться вновь, если бы его враги узнали, что он нанял телохранителей. Он мог бы умереть и оставить Халарек без наследников, если бы у него *не* было телохранителей.

Двое из гвардейцев открыли дверь на стартовую площадку

для флиттера и быстро проверили пространство, нет ли там захватчиков. Прибывший флиттер выпустил струю воздуха красного цвета и затих. Сидевший в нем ждал, пока гвардейцы не закончили свою проверку, прежде чем ступить на крыло флиттера. Карн пошел поздороваться с ним, с трудом удерживая себя от того, чтобы не броситься к нему, что могло бы показать его невероятную радость.

Человек прыгнул с крыла на поверхность площадки.

— Ник!

— Карн!

Два человека пожали друг другу руки, хлопнули друг друга по плечу, затем повернулись и пошли по направлению к ждущим их гвардейцам.

— Только ты так поздно прилетаешь в уле, Ник.— В голосе Карна чувствовались и беспокойство и восхищение.

Ник фон Шусс пожал плечами и посмотрел на людей в темно-голубой униформе, стоящими настороже по краям комнаты.

— Охранники, да? Значит, дела действительно плохи.

— Кит, возможно, жива, и, возможно, она им нужна для рождения детей, так что риск появления здесь убийц очень большой.

— Убийцы были в твоем поместье зимой? — Ник старался выглядеть невозмутимым.

— Это случилось до этого,— резко ответил Карн.— Они убили моего прадеда.

Ник сжал рукой плечо Карна, и затем они вышли с охранниками за дверь. Группа поднялась на ближайшем лифте на четвертый уровень. Карн провел их на свою персональную кухню за библиотекой и послал одного из охранников в столовую принести обед, специально оставленный для них.

Пока они ждали еду, Карн кратко рассказал Нику, что ему было известно о похищениях, затем добавил:

— У графа де Ври есть команды людей, которые искали участки с обожженной землей в труднодоступных местах по всему полушарию вплоть до начала этого месяца, но они ничего не нашли.— Карн покачал головой.— Потеря Арла — это сильнейший удар по его Дому.

Ник кивнул спокойно.

— У графа есть другие сыновья. У Халарека только ты и Кит.

Два охранника принесли еду на подносах. Они поставили безмолвно еду, чашки и другую кухонную посуду на стол и затем ушли. Аромат пищи вскоре заполнил всю комнату. Карн и Ник сели и начали есть.

— Они мальчики Керэла,— сказал Карн. Очевидно, Ник не забыл двух детей в Доме Дюрлена.

Губы Ника скривились.

— Не в обиду твоему брату будет сказано, но они уже немолодые и не такие смышленые.

Карн вздохнул. Керэл не был уж слишком умным, это точно.

— Я не обижаюсь. Нетта была богатой и красивой, и Керэл женился на ней только лишь из меркантильных соображений.

Нетта была и еще остается удивительно красивой, но она еще и удивительно глупа. Карн почувствовал приступ раздражения и ревности. Ему самому предложили совершить брачную сделку, и он не смог отказаться, потому что был жив его отец.

— Кроме того, Керэл не был Хейром,— добавил он.— Джерем был им. Наследственная глупость не была так заметна в детях Керэла. Или так казалось моему отцу.

— И у Джерема были только лишь одни девочки?

Карн кивнул.

— И они все умерли от Болезни.

Карн сильно ударил кулаком по столу.

— И *моя* жена не может родить здоровых детей.

Как будто этот горький возглас был приглашением, в этот момент в слегка приоткрытую дверь тихонько постучала Лизанна Арнетт.

Карн виновато подумал про себя, могла ли она слышать этот возглас. Она и так настрадалась, прежде чем приехала жить в Халарек. Он не хотел приносить ей еще больше страданий. Это была не ее вина, что она не могла доносить ребенка до конца во время беременности. Карн разжал свой кулак и кивнул ей.

— Чем я тебе могу помочь, Лизанна?

Лизанна пересекла с трудом всю комнату и остановилась рядом с Карном, прежде чем она смогла говорить.

— Мой... мой отец хотел бы поговорить с вами, милорд.

Ее голос дрожал, как будто бы лорд Френсис наказал ее. Карн посмотрел на нее. Брак с нею был, конечно, неудачной сделкой для Лхарра Халарека, хотя у нее и было огромное приданое. Это приданое было, возможно, признаком того, что лорд Френсис очень хотел избавиться от нежеланной дочери, но, с другой стороны, приданое позволило заплатить большие долги за войну с Харланом.

Карн неуклюже погладил ее руку.

— Ты можешь вернуться в свою комнату и отдохнуть. Я пошлю Тана сказать лорду Френсису, что я не смогу поговорить с ним прямо сейчас.— Он посмотрел на нее, как ему показалось, одобрительным взглядом.— Если твой отец захочет снова поговорить с тобой, то пусть твоя служанка скажет ему, что я запрещаю ему пользоваться комнатой три-д.

Она с облегчением вздохнула, что придало мягкое выражение ее мертвенно-бледному лицу.

— Спасибо вам, милорд.

Ее благодарность за его небольшое усилие облегчить ее страдания смутила Карна.

— Доктор Отнейл говорит, что до рождения ребенка осталось не больше двух месяцев, поэтому больше не бойся и не расстраивайся.

— Мой господин,— прошептала она. Она схватила его руку со стола и поцеловала ее.— Я так счастлива иметь господина, который заботится обо мне.— Она слегка нагнулась, такая вежливость была совершенно не нужна в отношениях между мужчиной и женщиной, и затем вышла из комнаты.

Карн подождал, пока она не уйдет далеко, приказал охраннику в коридоре закрыть дверь и затем поклялся себе:

— Я буду заботиться о ней! О боже! Я буду защищать ее, как будто бы я был злой цепной собакой, а она...

Карн отвернулся от друга, сжал кулаки и глубоко вздохнул, прежде чем взял под контроль свои чувства.

Ник прокашлялся.

— И ты говоришь, что не заботишься о ней?

— Это не то, что она думает. Она думает, что я забочусь о ней так же, как о Кит, о моей матери, об Эмиле или о тебе. Но я не могу позволить себе проявлять к ней такие чувства. Ни один из лордов Дома не может.— Он повернулся снова к другу.— Только в одном Лизанна подходит для меня. Нет никаких шансов, что я полюблю ее.

— Это то, что ты говорил, когда просил дядю Эмиля вызвать меня домой. «Любовь в браке возможна только у Свободных, но не у лордов в великих Домах. Любовь дает врагу слишком большое преимущество».

Карн смотрел неотрывно в глаза другу.

— И действительно ли она дает большое преимущество?

Фон Шусс с большим трудом мог сдержать свои эмоции:

— Да!

Губы Карна жалобно скривились.

— Ну, я не собираюсь говорить тебе: «Я так сказал». Это было так давно.— Он прервался и посмотрел на тарелку перед собой. Когда он заговорил, его голос был приглушенным.— Я тоже использую твои чувства как средство достижения цели.— Он помолчал некоторое время. Затем взглянул.— Ты единственный человек, который так же заинтересован найти Кит, как и я. Если ты найдешь ее, она твоя.

Лицо фон Шусса побледнело, и он схватился руками за голову.

— О Ангелы!— прошептал он.— Я думал, что я никогда не услышу это от тебя.

Уль с его ураганными штормами прошел. Наступил архаст. В компании с другими было значительно легче переносить долгое ожидание конца зимы. Карн и Ник бесконечно размышляли, кто мог быть похитителем Кит, где она сейчас и как ее найти. Чем дольше молчал похититель, тем больше Карн начинал бояться, что Кит уже мертва, хотя это противоречило всем феодальным обычаям Домов по отношению к женщине. Вспыльчивый и безрассудный, взвинченный страхом за Кит и переживаниями о беременности Лизанны, яростный из-за долгого ожидания конца зимы, Карн сдерживался только в присутствии Лизанны. Ник был ничем

не лучше. Много дней они проводили на борцовской арене или на лошадиных скачках, соревнуясь друг с другом, чтобы выплеснуть рвавшуюся из них энергию. Карн стал большим знатоком боя на шпагах, то, что не поощрялось во время учебы в Академии на Болдере, благодаря неустанной тренировке с манекеном, а затем оттачиванию своего мастерства с таким талантливым оппонентом, как Ник. По мере того как время рождения ребенка приближалось, Лизанна проводила все больше времени либо в чтении в своей комнате, либо в плаче. Любого резкого слова было достаточно, чтобы довести ее до слез.

Эта кутерьма была результатом отчаяния за наследника, продолжал убеждать себя Карн. Он пытался убедить себя, что Лизанна родит ребенка на этот раз, но это было трудно.

На тринадцатое число курта Лизанна родила красивую девочку с такими же янтарными глазами, как у ее отца. Ее назвали Алишей в честь ее бабушки, у которой были такие же глаза. Она прожила только пять недель и затем умерла от Болезни. Лизанна положила ее в кровать и отказалась что-либо делать. Доктор Отнейл дал ей успокаивающие таблетки, но ее отчаяние не уменьшалось. Карн постепенно уменьшил число посещений ее до минимального. Уменьшение шансов на появление наследников, хотя бы девочки, было очень сильным после этого случая. Карн проклинал себя за малодушие, но видеть помимо своего еще и отчаяние Лизанны было выше его сил.

Двадцатого немба, как раз в конце Первого Дня Службы, взволнованный техник три-д комнаты постучал по плечу Карна, когда он выходил из молитвенной комнаты.

— Милорд Карн, срочное послание от аббатиссы Альбы. Секретный канал, милорд.

Карн поспешил в три-д комнату. Что могла сказать тетушка Альба, что требовало секретного канала, спрашивал он себя постоянно.

Тетя Альба с суровым лицом и худощавой фигурой, что еще резче подчеркивалось серым костюмом, ждала его нетерпеливо. Она сидела за большим столом в своем офисе в Уединенном Доме, стуча кончиком ручки по его краю. Она отметила приход Карна коротким кивком.

— Мир твоему Дому.

— Мир вашему Дому, тетушка.— Если бы они поменялись ролями, то Карн избежал бы ритуального приветствия.

Аббатисса подняла со своего стола то, что оказалось грязным куском одежды.

— Из-за этого я воспользовалась секретным каналом.— Она встряхнула одежду в его направлении и затем подержала ее вертикально, так что он мог прочитать толстые буквы на ней.— Это зажало во всасывающем насосе прошлой ночью.— Аббатисса, нагнувшись, на некоторое время скрылась за столом, а затем появилась, держа в руках фрагменты деревянных досок.— Это находи-

лось в нем. Оказалось, что это корабельный ящик Гильдии. Два ящика в действительности, судя по различным сортам дерева, хотя об этом трудно судить после того, как они попали в турбину. Это послание от Катрин, Карн.

Карн чуть было не задохнулся, прохрипел «фон Шусс» одному из техников и показал ему на дверь.

Глаза аббатиссы превратились в узкие щелочки.

— Она его жена теперь, Карн. Ты знаешь это. Даже если женитьба нигде не зарегистрирована.— Ее тон стал еще более суровым, чем обычно.— Это легальная церемония, Карн.

Ее покровительственный тон вызвал раздражение у Карна. Но он сдерживал себя. Она была не только тетушкой, но и официальным представителем Пути.

— Где послание, тетя? Я думал, вы позвали меня, чтобы вручить послание.

Альба посмотрела слегка разочарованно. Она наверняка ожидала взрыва ярости, что позволило бы ей сделать замечание о необходимости держать себя в руках. Все их разговоры проходили таким образом до его отъезда в Академию, а после этого он с ней никогда не разговаривал.

— Это довольно трудно расшифровать,— наконец сказала она,— но это то, что мы думаем.— С листа бумаги, лежащей на ее столе, аббатисса прочитала: «Мое имя Катрин Халарек, и если мой брат попытается спасти меня, он умрет. Я узнала, что он собирается это сделать.

Теперь девятое число архаста, насколько я знаю. Я была выдана замуж за Арла де Ври двадцать седьмого дрэка. Все в венчальной процессии были убиты, кроме меня, и я теперь нахожусь в охотничьем домике Ван Макниса на границе гор Цимара. Законная невеста Энниса Харлана. Я ношу его ребенка».

Карн услышал стон сзади себя. Альба тоже услышала и подняла голову.

— Молодой фон Шусс,— сказала она и вернулась к чтению.

«Дом Халарека не может быть унаследован человеком, который лишь наполовину Харлан. Тот, кто найдет это письмо, пусть расскажет моему брату, где я нахожусь. Ребенок не должен попасть в руки Харлана».

— Клянусь Четырьмя Ангелами!— Карн посмотрел на тетушку.— Я знал, что Ричард как-то причастен к ее исчезновению.

Тетушка строго взглянула на него.

— Это не был Ричард, Карн. Не позволяй предубеждениям владеть тобой.

— Предубеждения! Клянусь Божьей Матерью!..— Карн остановился, понимая бесполезность спора с аббатиссой. Он был доволен, что она догадалась использовать секретный канал. Хотя, если «мы» расшифровывали послание, о его содержании могут очень быстро узнать во всех остальных Домах. Слишком много знатных женщин скучали этой зимой в своих Домах.— Господь

будет с вами,— сказал Карн автоматически, официально заканчивая сеанс связи.

— И с вашим Духом.— Аббатисса подняла руку и исчезла.

— Она вышла замуж! О Ангелы! — В голосе Ника чувствовалась страшная боль.

— Это для нее лучше.— Карн подумал об оскорблениях и публичных обвинениях, которым подвергались изнасилованные женщины, имевшие несчастье зачать. Или просто изнасилованные женщины. В мирах Федерации и Старой Империи к этому относились по-разному. Карн сказал себе, что он мог бы похитить Кит с планеты и отвезти ее в один из миров, где она могла бы жить незамужней. Но он знал, что не сможет этого сделать: Кит принадлежала Халареку, чтобы родить ему наследника.

— Я сделаю ее своей женой, чего бы этого мне ни стоило! — Голос Ника был беспощадным.

Итак, Ник думал так же, как и он, защитить Кит, только не как брат, а как любовник, поэтому именно его рассуждения были нереальными.

— И разрушишь свой Дом,— тихо сказал Карн. Карн уставился на Ника, пока он смотрел отрешенно вдаль.

— О'кей,— пробормотал Ник.— Как Наследник я не имею права жениться на ней, если она родила ребенка вне брака.

Карн мог заметить отчаяние от этого признания по опущенным плечам Ника и по тому, как безжизненно повисли его руки. Все надежды иметь Кит рухнули сразу после того, как ему было обещано об этом. Карн покачал головой. Несмотря на то, что он любил и Кит и Ника, и несмотря на его обещание Нику, что он может жениться на ней, если он найдет ее, Карн понимал, что их женитьба была бы несчастьем для них обоих. Женщина рожала детей, которые связывали различные Дома узами родства, и к тому же являлась политическим и экономическим «залоговым обязательством» в отношениях между Домами. И ничем другим больше этого они не могли быть. Любовь... любовь к этому не имела никакого отношения. Карн снова поклялся оставаться холодным в отношениях с женщинами.

Немного позднее, в библиотеке, с Ником, Орконаном, Вейсманом и библиотекарем Карн размышлял более ясно. Женитьба не была для него сюрпризом; сюрпризом было то, что это была женитьба на представителе дома Харланов в то время, когда было предпринято нападение воинов Одоннела. Он попросил Вейсмана разыскать еще какую-нибудь информацию об Эннисе Харлане. Это не было знакомым для него именем.

Месяцем позже, когда боль из-за потери Алиши стала совершенно невыносимой, Дом Одоннелов объявил по три-д комнате, что через четыре часа они сделают сообщение для всего мира. Ради такого сообщения даже Свободные включили свои три-д комнаты. Объявление сообщения заранее дало много времени обсудить его. Карн, Ник и все кузины Халарека, которые остались

в Онтаре на зиму, собрались в три-д комнате в установленное время.

На экране три-д появился широкий зал, очень похожий на Большой зал в Онтаре, но без окон в потолке. Флаги Одоннела свешивались с креста над кафедрой впереди зала, а также по краям балконов вдоль стен. Зеленый флаг Харлана ярко выделялся на фоне белого пушистого ковра в центре кафедры. Сотни людей в ярких вечерних одеждах стояли в зале, тихо переговариваясь.

После того как заиграли фанфары и двое человек в полосатой одежде Одоннелов вскинули руки над кафедрой, Гаррен Одоннел вышел в центр ковра. Его темно-коричневые волосы переливались в красном свете. Он посмотрел поверх толпы в лицо всех тех, кто должен был смотреть его в своих три-д комнатах по всему Старкеру IV. Он прокашлялся и поправил прядь волос над глазами резким поворотом головы.

— Дамы и господа, свободные жители, слуги Дома! Я, Лхарр Гаррен Одоннел, объявляю вам о свадьбе моего кузена, Энниса Харлана, с прекрасной Катрин Магдалина Алиша Халарек.

Крик удивления раздался в три-д комнате Халарека, а затем рев, в котором было много злобных насмешек, прокатился в Доме Одоннелов. Одоннел сделал знак, и коренастый мужчина около тридцати лет ступил на платформу. Мужчина обернулся и помог женщине, которая шла за ним, подняться на кафедру. Она была на последнем месяце беременности. Она еле держалась на ногах и, казалось, вот-вот упадет. Коренастый мужчина заботливо обнял ее рукой, и затем пара повернулась лицом к Лхарру Одоннелу и к камерам три-д. Ник сильно и с чувством выругался.

Одоннел поцеловал Энниса Харлана в обе щеки, как этого требовал ритуал. Затем Эннис поцеловал Кит, которая закрыла глаза в этот момент и склонила голову на его плечо. Эннис, как показалось, нежно провел рукой по ее волосам на затылке, что-то прошептал на ушко, поцеловал в рот и помог сойти с кафедры.

Тан Орконан в заднем углу три-д комнаты сказал слово, которое заставило покраснеть пастора Джарвиса.

Одоннел разгладил воображаемую складку на своей тунике.

— Молодые люди женятся на Новый Год, пятнадцатого керенстена. Все члены девяти Семей и главы младших Домов приглашаются принять участие в церемонии. После нее состоится новогодний праздник, подобного которому никогда раньше не было. Господь с вами.

Картинка на экране исчезла. Карн стоял в полном безмолвии некоторое время.

— День рождения Кит,— наконец сказал он.— Ее муж или ее хозяин установил день свадьбы на день ее рождения!

— Было бы лучше для нее показать, как мало значит для нее эта церемония,— сказал Ник с горечью в голосе.

— Это похоже на то, что хотел Ричард сделать со мной,— вставил Орконан.— Атаковать процессию людей Одоннела, когда

она должна была бы выйти замуж за Харлана — это тот же самый путь.

— Свадьба — это единственный шанс вернуть Кит назад,— сказал Карн,— или, по крайней мере, организовать этот шанс.— Он повернулся, чтобы выйти из комнаты.— Найди свадебные костюмы, Ник. Мы должны получить пропуска в Совете и ехать на свадьбу к Одоннелам.

Глава шестая

Карн привел Ника в комнаты Лхарра, откинул крышку сундука, стоявшего у его кровати, и принялся вытаскивать лежавшие там костюмы.

— Какой ты возьмешь, Ник? Голубой? Белый? С золотом? Прости, у меня нет коричневого костюма для фон Шусса...

Ник схватил Карна за руку и оттащил его от сундука:

— Карн, проснись! Ты же не дурак и понимаешь, что нелепо тебе самому идти в Одоннел.

Карн высвободил свою руку и посмотрел на Ника:

— В чем дело? Это же реальный шанс вернуть ее.

Ник взял Карна за плечи и несколько раз встряхнул его, причем один раз очень сильно.

— Одумайся, Карн! Она уже его жена, во всяком случае, формально. Официальное бракосочетание сделает ее его женой в глазах церкви. Одоннелы не дадут Халарекам ни малейшей возможности получить ее обратно. Она постоянно находится под наблюдением.— Пальцы Ника сжимались до тех пор, пока Карн не вздрогнул от боли.— Весь этот процесс — помолвка, торжественная церемония, банкет — может быть всего лишь ловушкой, устроенной специально для тебя.

Сильное возбуждение, охватившее Карна, прошло. Он начал разговаривать с Ником о безрассудстве чувств, вовлеченных в управление делами Дома. Здесь он сам действовал глупо. Карн взъерошил свои волосы:

— О боги! Что на меня нашло?

— Ты любишь ее,— Ник отвернулся и тихо стоял рядом.

Карн постарался представить, что Ник чувствовал в эту минуту. Как наследник фон Шуссов, он тоже был приглашен на свадьбу. Приглашен, чтобы посмотреть, как женщина, которую он любил, выходит замуж за мужчину, который похитил ее. Ник, должно быть, страдал не меньше, хотя внешне он выглядел более спокойным, чем Карн.

Карн повернулся и медленно положил одежды обратно в сундук. Он подумал, что ему пора отвыкать от грубости, так распространенной на Старкере IV, но он не мог пропустить эту свадьбу. Приглашение действовало на Халареков, как пытка. Если Ник был прав, подразумевалось, что Халареки должны погибнуть.

Харлан и Одоннел не догадывались о связи Ника с Кит. Затем Карн вспомнил затравленный взгляд Лизанны, когда она выбежала из комнаты. Маленькая Алиша умерла только неделю назад. Правила приличия требовали соблюдения шести месяцев траура.

Он присел на край кровати и обхватил голову руками.

— О чем я мог думать? Дом Халарека должен послать отказ с сожалением. Мы в официальном трауре до дрэка.

Последовало долгое молчание.

— Но это такая хорошая возможность проникнуть туда,— сказал он наконец.— Мне необходимо увидеть Кит. Она права. Ребенок, в жилах которого течет кровь Халареков, не должен родиться в Харлане.— Карн поднял голову, но не смотрел на своего друга.— Мы можем пойти как свободные люди. Жители Йорка, или Лондора, или...

Ник помотал головой:

— Не глупи. Как можно тебя не узнать, когда только ты и Кит во всем этом мире имеют золотые глаза Ларги Алиши? — От волнения Ник повысил голос.— Тебя распознают в один момент.

Скептицизм Ника успокоил Карна. «Возможно, он считает, что я вообще не должен участвовать в этом,— подумал Карн.— А ведь я славился в Академии своей способностью оставаться спокойным и принимать рациональные решения в любых ситуациях».

Теперь Карн сам отказался от своей идеи.

— Я не самоубийца,— сказал он решительно.

Он снова открыл крышку сундука и достал оттуда маленькую коробочку. В ней лежали две крохотные бутылочки с жидкостью, в которой плавала прозрачная коричневая полусфера.

— Помнишь первый Совет? Чтобы попасть на него, нам пришлось угнать флайер Харлана.

Ник кивнул.

— Там я и получил линзы, с помощью которых можно менять цвет глаз. Тогда я, конечно, не стал делать этого. Я даже не задумывался над этим и вспомнил только тогда, когда медик Гильдии прописал мне пару линз.— Он посмотрел на жидкость.— Иногда я думал, что может оказаться полезным избавиться от глаз женщины Халарека,— пробормотал он.

Он посмотрел на друга. Волнение на лице Ника уступило место надежде.

— Пойти туда переодетыми может оказаться еще более опасным, если нас обнаружат, Карн.

— Что может быть более опасным, чем пребывание Халарека в Одоннеле?

— Пребывание Халарека в Харлане?

Ник слабо улыбнулся Карну, затем они вдвоем сели на пол около сундука и принялись обсуждать, как можно использовать церемониал и что дадут им все эти обряды. Но замечание Ника заставило Карна задуматься. Кит Халарек оказалась в Харлане

в самый опасный момент — момент рождения ребенка. Все это могло быть подстроено Ричардом. Бревен не остановил его.

Кит нужна была хоть какая-нибудь защита. Даже личным телохранителям не дадут находиться около нее. Она оказалась одна в ужасных условиях. Мысли Карна смешались — свадьба, похищение, день рождения, охрана, поддержка, и внезапно в его мозгу возник образ леди Агнес. «Няня» детей Халарека, леди-дракон, известная повсюду своей строгой нравственностью и этикой, леди Агнес должна показаться Девяти превосходной, безопасной сопровождающей для молодой женщины знатного рода. У леди Агнес также были некоторые навыки горничной. Она часто посещала дам из Девяти, которые не хотели брать служанку или даже свободных женщин, помогая при рождении их детей. Если захватчики Кит и разрешат кому-нибудь быть около нее, так это леди Агнес. Она обладала острым умом и безупречными манерами. Леди Агнес никогда не согласится вынести послание из Одоннела или помочь Кит уйти от ее мужа. Так думали Одоннел и все остальные. Ее лояльность по отношению к Халарекам не была известна за пределами этого дома.

Карн очнулся от своих раздумий, отвлеченный вопросом Ника.

— Карн, в чем дело?

— Кит. Ей нужна защита. Я стараюсь придумать что-нибудь. Я расскажу тебе.— Он вернулся к куче одежды, вынутой из сундука, и принялся размышлять, где они могут пригодиться.

В конце концов они с Ником решили, что лучшей маской будет костюм Ольдерменов. Карн послал Тана Орконана в Онтар, чтобы приобрести все необходимое. Когда тот вернулся, оказалось, что он, пользуясь своими связями, приобрел костюмы цветов, которые носили Ольдермены Йорка и Льюиса, за что Карн был ему очень благодарен. Йорк находился около Кингсленда, но это была самая удаленная от Одоннела восточная область. Было маловероятно, что Одоннелы узнают свободных людей из района, расположенного столь далеко от них.

Карн решил предложить Кит и Эннису услуги леди Агнес в качестве свадебного подарка. Он знал, что эта уловка значительно затруднит отказ. Подарки от Домов на свадьбу были традицией, и о каждом из них официально объявлялось после праздничного ужина служителем дома, делающего подарок.

Он пошлет Вейсмана сообщить об этом в Одоннеле.

План был составлен. Карн ждал его осуществления так же нетерпеливо, как ребенок ждет Нового Года. У Ника же были свои собственные планы. Он отращивал волосы и не брил усы, потому что свободные люди предпочитали обросший вид. Скоро он вообще перестал походить сам на себя. Карн не стал рисковать и менять свою внешность, опасаясь шпионов в малом Доме. Линз и цветов свободного города будет достаточно, но линзы он наденет, только когда флайер будет приземляться.

В назначенный день Тан принес их тщательно завернутые костюмы к флайеру. Карн не доверял слугам. Им придется арендовать другие флайеры в аэропорту Гильдии. Ведь не могут же они прибыть в Одоннел на флайерах Халарека и заявить, что они — Ольдермены из свободного города.

Карн следил за датчиками. Ник переоделся в костюм Ольдермена Льюиса после того, как аппарат поднялся в воздух, затем всю дорогу он напряженно молчал, пока они не достигли аэропорта Гильдии. На каждом шагу от переодевания до полета домой из Одоннела их могли поджидать вероломство и измена даже со стороны Гильдии, чьи правила о нейтралитете иногда выходили за всякие рамки. Сообщит ли Гильдия кому-нибудь о том, что Лхарр Халарек приходил в аэропорт с человеком из города? Что улетели они поврозь в арендованных флайерах?

Все страхи Карна оказались напрасными. Они без труда взяли два флайера, на которых направились в Одоннел. Карн быстро переоделся, но линзы оставил под конец. Он не мог носить их больше, чем восемь часов за один раз. Полет проходил в полном молчании. Никто из них раньше не бывал в Одоннеле, так что планировать было бесполезно. Плохо было то, что нельзя было ничего обсуждать в прослушивающихся флайерах Гильдии.

Они приблизились к границам Одоннела с разных сторон. Но что им делать, если они встретят других Ольдерменов из Йорка или Льюиса. Этого Карн не мог себе даже представить. Зато он с легкостью мог представить, что Одоннел сделает с ним, если выяснит, кто он такой.

Автоматический сигнал из владений фон Шусса отвлек Карна от его мыслей. Его флайер автоматически послал информацию о своей принадлежности к Гильдии. Карн выбрал курс таким образом, чтобы флайер прошел над всеми остальными владениями, двигаясь с северо-востока, затем он мог вернуться к беспокоившим его мыслям. Кит невозможно было спасти сейчас. Одоннел наверняка учтет возможность этой попытки, даже после того, как Дом Халарека послал отказ с извинениями. Следовательно, Одоннел будет готов ко всему. Он знал, что после того, как Кит будет обвенчана в церкви, все члены Совета признают брак законным и нерушимым. Карн может похитить ее, но весь Совет, включая свободных людей, поддержит попытки законного мужа вернуть ее. Свободные люди признавали законы церкви, и ее ребенок был наполовину Харланом, неважно, где он был рожден.

Карн заставил себя думать о более веселом. Он и Ник могли узнать нечто важное на банкетах после церемонии. Если они будут осторожны и им повезет, кто-нибудь из них сможет поговорить с Кит. Беседа с ней — это самое большее, что они пока могут себе позволить. Карн посмотрел вниз на унылый ландшафт. Серый пористый снег лежал повсюду. Возможно, он или Ник смогут придумать, как позже можно будет спасти Кит, если ребенок ум-

рет. Так делали многие. Внезапно Карн вздрогнул, подумав об этом. Последние дни маленькой Алиши были наполнены болью.

Запрос от Юра сменил Эммена, Харлана и Ката. Карн немедленно посылал ответ о своей принадлежности к Гильдии. Это было самой обычной процедурой, но Карну почудилась скрытая угроза в запросе Харлана.

«Ты сойдешь с ума от своих подозрений»,— одернул себя Карн. Гильдия поддерживает нейтралитет и не участвует в политике Гхарров. Не было смысла говорить с Харланом и отвечать на его вопросы. Следующим был Одоннел.

Пришел запрос от Одоннела. Карн посмотрел вниз. Границ владений уже не было видно. Минуту спустя под флайером появился Малый Одоннел. Карн включил рацию, представился Ольдерменом Каршем из Йорка и спросил об инструкциях на приземление.

Дом Одоннела был полон. Из нескольких человек, которых узнал Карн, большинство были союзниками или вассалами Харлана или Одоннела. Свободных людей было очень мало, и среди них Карн не увидел никого в серо-оранжевых одеждах Йорка. Кроме того, в доме находились отряды солдат. Они охраняли холлы, двери и лестницы. У некоторых проверяли удостоверение. Карн протиснулся в центр толпы, где его было сложно достать, и внимательно смотрел за всем происходящим. Солдаты не проверяли свободных людей, возможно потому, что они носили отличительные цвета своего города. Кроме того, Одоннел не хотел с ними конфликтов.

Карн встряхнул головой. Свободные люди и малые Дома составляли три четверти Совета, и держались они вместе. После часового наблюдения оказалось, что свободные люди действительно были освобождены от проверок. Карн вышел из толпы, чтобы официально представиться секретарю малого Дома. Это тоже было рискованно.

Очередь к секретарю была долгой, и когда пришел черед Карна, секретарь уже устал. Он даже не поднял головы от своих листов и связок ключей. Официальное представление Карна заключалось в выдаче ему ключа и движение в сторону слуг, которые показывали гостям их комнаты. Карн машинально пошел за слугой. Он устал и злился на систему, которая заставляла людей так долго стоять. Девять никогда не стояли в очередях.

Одна его половина стояла в стороне и прислушивалась к чувству ярости, бушевавшему во второй половине. «Ты становишься похожим на них,— сказала она.— Подумай лучше о себе! В твоем собственном доме слуги, даже свободные люди, постоянно стоят в очередях, например, за едой».

Слуги принесли горячий ужин, который был съеден в полной тишине. Трое слуг не выказывали подозрений по поводу одежды Карна, который решил, что все в порядке. Так же все должно идти и дальше, иначе Халарек погиб.

Спал он плохо. Его сознание заставляло его приспособиться к тому высокомерию, с которым держались оставшиеся из Девяти. Гораздо более важным было то, что утром его сестра выходила замуж за одного из его врагов. Она будет венчаться перед толпой врагов, а ему останется только смотреть.

Я показал им, что могу вести армию к победе. Я доказал, что могу держать под контролем и увеличивать силу моего Дома, но они продолжают смотреть на меня глазами моего отца, принимая за труса и дурака. Я представляю, что он чувствует теперь, когда стало ясно, что Карн Халарек не приедет.

Мысли беспорядочно роились в его голове. Что случится с Кит после церемонии? Будут они с Эннисом жить здесь или в Харлане? Как он может освободить ее? Мысль о племяннике, который был наполовину Харланом, была достаточно неприятной. Хуже то, что когда ребенок родится и родится вполне жизнеспособным, Кит может стать ненужной и будет убита, пусть и вопреки всем правилам.

Приглашение всем гостям собраться в Большом зале было получено рано утром. Карн не спеша готовился к церемонии.

Сломлена ли Кит настолько, что будет стоять безучастно перед гостями и давать обещания? Заставят ли ее Эннис или его отец сделать это? Может, все уже произошло? Здесь было слишком мало женщин, чтобы позволять какой-либо из них отказываться от брака из-за собственной прихоти.

Карн медленно шел к залу. Ноги его были словно ватные и не слушались. Большинство гостей уже собрались. Ник поджидал его, прогуливаясь около лестницы в коридоре. Низкорослый толстый человек, одетый в костюм светло-коричневого и желтого цвета и знаком Ольдермена Льюиса стоял рядом с ним.

Карн думал, его сердце остановится. Ник обнаружил себя. Карн сделал глубокий вдох и сглотнул. Они выглядели довольно странными и потерянными. Карну пришлось целую минуту показывать, что он узнал его, прежде чем Ник его понял.

Карн осторожно огляделся вокруг. Никто не смотрел на них, во всяком случае, явно. Ник встретился с ним глазами, но не подал никакого знака об опасности. Карн проклял подозрительность, которая помогала лорду из Девяти остаться в живых, и приблизился к паре.

Коротышка вежливо склонил голову:

— Да будет мир с тобой, Карш из Йорка,— сказал он.

Карн воззрился на Ника, который кивнул головой.

— И с тобой, Ольдермен... ?

— Дюваль. Кларенс Дюваль.

— Также из Льюиса, вероятно,— добавил Карн.

Человек кивнул.

Ник увлек их двоих в Большой зал.

— Давайте будем представляться друг другу после церемонии.

Когда Карн проходил мимо него, Ник прошептал ему на ухо:

— Все в порядке, во всяком случае, пока. Потом объясню.

Большой зал был украшен знаменами и гербами. Воздух был тяжелым от большого количества человеческих тел. Толпа шевелилась, бормотала, но все смотрели в одну сторону. Эннис Харлан уже стоял на белом ковре под деревянной балкой, стараясь внешне казаться спокойным. Руки же за его спиной постоянно сжимались и разжимались, что было хорошо видно с той стороны, где стояли свободные люди.

Глашатаи возвестили о прибытии невесты. Все повернули головы. Кит вошла в зал через главную дверь под руку с Гарреном Одоннелом. Она была одета в зеленое платье с длинной тяжелой накидкой на плечах. Зеленый цвет был цветом Харлана. Это был плохой знак. Карн тряхнул головой. Кит шла медленно и неуверенно. Сначала Карн решил, что это от накидки или высокой конусообразной шляпы, венчавшей пышную копну волос на ее голове. Когда пара проходила мимо, Карн увидел ее глаза, которые были расширены и как будто остекленели.

Она одурманена наркотиками! Идея эта поразила его. Кит одурманили наркотиками, чтобы она прошла церемонию.

Сразу после этого Одоннел и Кит прошли в часть зала, которая была зарезервирована для Девяти. Одоннел поднял глаза и медленно оглядел зал.

Смотрит, пришел ли Халарек, не так ли. Гаррен? Карн почувствовал легкое удовлетворение. Одоннел действительно предполагал, что он приедет! Гаррен, или Ричард, или Эннис велели напоить ее наркотиками, потому что действительно предполагали, что он приедет, и не хотели, чтобы Кит каким-либо образом помогала в своем собственном спасении. Это объяснение было более удачным, чем первое. Известно, как наркотики действуют на младенцев в утробе. А все клятвы и обещания могли быть силой вырваны у нее.

Когда пара достигла конца зала, к ним подошел пастор Одоннела. Карн часто размышлял о том, как глава церкви может участвовать в таком представлении. Однако это случалось так часто, что Карн хорошо представлял себе человека, обученного Гхарром, который даже не замечал создавшегося несоответствия.

«Это потому, что я жил вдали отсюда»,— подумал он. Путь Старых Богов Болдера отличается от этого, но эти боги, по крайней мере, честны. Их слова совпадают с действиями.

Одоннел не мог позволить Кит самой подняться по ступенькам в таком состоянии. Эннису пришлось помочь поднять ее на покрытый белым ковром помост. Она ступила на ковер, почти падая на руки Харлану. Карну показалось, что он увидел удивление на лице Энниса, но решил, что это невозможно. Харлан держал Кит против ее воли. Затем Эннис бросил Одоннелу долгий испепеляющий взгляд. Это смутило Карна. Был ли Эннис удивлен,

что Кит одурманена? Похоже было на это. Пастор бормотал положенные слова и задавал вопросы. Эннис отвечал на них. В той части зала, где стоял Карн, уже ничего не было слышно, да это было и неважно. Эннис и Кит уже обручились некоторое время назад. Необходимо было узаконить это в глазах церкви. Карн начал пробираться к концу помоста. Между церемонией и последующим банкетом Кит должны были отвести в комнату, где служанки снимут с нее шляпу. Карну необходимо убедиться, что она, по крайней мере, физически, здорова. Ник последовал за ним, делая вид, что они незнакомы.

Пастор повернулся к Кит. Карн остановился. Казалось, что Кит очень сложно говорить или вспоминать необходимые слова, так как пастор снова и снова останавливался, ждал, затем говорил что-то, ждал, продолжал. Лицо Энниса было усталым и злым.

— Он умрет! — Голос Ника прозвучал внезапно над ухом Карна. Карн тряхнул головой и повернулся так, что Ник мог видеть палец, приложенный к его губам. Такие замечания могли погубить их. Кроме того, после взгляда, который Эннис послал Одоннелу, он не мог быть уверен, что его ярость была направлена на Кит.

Но слова Ника дали ему понять, что должно произойти. Эннис должен умереть после того, как ребенок родится и будет в безопасности. Кит, даже если она будет спасена, не может оставаться в Халареке, если ее муж будет жив. Муж имеет безграничную власть над женой, и Совет заставит Халарека экономическими санкциями или эмбарго, если это необходимо, вернуть ее. Никто: ни брат, ни отец не может вмешиваться в личную жизнь женщины, если она замужем. Эннис Харлан, какова бы ни была его роль в плане Ричарда, должен умереть.

Карн уставился на помост. Пастор помахал кадилом над соединенными руками пары, благословил их, помазал голову каждого маслом, и церемония была закончена. Служанки увели Кит, но в противоположную сторону. Карн не сможет пробраться к ней прежде, чем слуги Одоннела попросят всех гостей выйти из зала, чтобы установить столы. Почти все свободные люди вокруг них двинулись к выходу. Рисковать было нельзя, и Карн повернулся, чтобы тоже выйти. Ника за ним уже не было. Карн быстро оглядел комнату. Желто-коричневое одеяние Ника было хорошо заметно в толпе свободных людей у ближайшего выхода.

— Может, это к лучшему, что мы уйдем и не встретимся с Ольдерменом Иртом.

Карн оглянулся вопреки своему желанию на голос позади него. Темные глаза члена Совета Дюваля наблюдали за всем происходящим. Карн не произнес ни слова, но последовал за ним из зала. Через пятьдесят метров вниз по коридору он открыл дверь в маленькую комнату, которая выглядела как кабинет или биб-

лиотека. Усевшись в глубокое кожаное кресло, он посмотрел на Карна.

— Садись. Твой друг встретится с нами, когда выполнит то, что подсказывает ему чувство долга.

Карн сел. Нервы его были напряжены до предела. Ник, кажется, собирался, по крайней мере, взглянуть на Кит с близкого расстояния. Это было достаточно опасно. Что, если он предпримет попытку поговорить с ней? Какой предмет для разговора со знатной леди может найти свободный человек? Особенно в день ее свадьбы? Узнает ли Кит его? Сможет ли поговорить с ним, находясь в состоянии опьянения? Карну хотелось остановить Ника, но у него не было возможности пробиться сквозь толпу. Он старался не думать о том, что могло случиться. Ник будет осторожным. Карн надеялся на то, что Ник, даже влюбленный, будет осторожен.

Карн снова взглянул на человека, сидящего в кресле. Сколько он знает и как собирается употребить эти знания? Одно слово Гаррену Одоннелу и он, Карн, умрет. Как мог он беседовать с Дювалем, не зная, насколько опасен для него этот человек из Льюиса?

— Расслабьтесь, молодой человек,— успокаивающе сказал Дюваль.— Моя дочь одного возраста с вашей сестрой.

Карн похолодел от страха. Ник сказал Дювалю, кто он такой. Ник рассказал все!

— Ей будут очень интересны детали,— Дюваль резко остановился и посмотрел на Карна. Его глаза сузились, он мотнул головой в сторону книжных шкафов и губами произнес «жучки».— Я слишком много позволил себе, Карш. То, что Ольдермен Ирт — друг, не дает мне оснований считать, что мы равны, хотя он много рассказывал мне о тебе и твоей семье. Прости за мой вольный тон, но он просил развлечь тебя, пока он преподнесет небольшой подарок из Льюиса леди Катрин. Возможно, Магдалина — я правильно произношу ее имя?— сможет пока обсудить свое свадебное платье с Адриан?

Карн собрался с мыслями. Они разговаривают уже достаточно долго, чтобы придумать имя для Ольдермена Ирта. Дюваль понимал, что упоминание о «сестре» может служить прикрытием, если кто-нибудь, подслушав их, сделает правильные выводы. Использовав одно из домашних имен Кит, он дал понять Карну, что знает, кто он такой.

— Я узнаю, что Маг думает об этой идее. Конечно, я не могу обещать, но встреча в другом городе...

— Я не думал детально об этом деле, молодой человек.— Ольдермен вытащил из-под своего расшитого плаща блокнот и ручку. Он начал писать, продолжая говорить.— Как вы помните, мы были представлены друг другу, хотя и вскользь. Хаакон часто говорил о вас, и сейчас у меня такое ощущение, что я давно знаком с вами.— Взгляд, последовавший за этим, предназначался для Лхарра Халарека, а не для торговца Йорка.— У меня две до-

чери и сын. Я торгую тканями и мебелью.— Он дал Карну блокнот.

Карн быстро схватил его. Слишком долгая пауза могла дать подслушивающим повод для подозрений.

— Моя Адриан как раз возраста леди Катрин. Я не предам тебя. Молодой фон Шусс тоже.

Карн посмотрел на Дюваля и отдал ему блокнот. На лице его отразилось облегчение.

— Сам я занимаюсь лошадьми.— По крайней мере, об этом можно говорить, как будто это мой бизнес.— Хаакон знает человека, знакомого с кем-то из дома Одоннела. Так мы и получили приглашение. Я в жизни не видал такой роскоши. Возможно, я смогу провернуть несколько дел уже завтра, после торжеств.

— Возможно.— Дюваль вручил ему блокнот.— Вы очень молоды, и это ваше первое посещение свадьбы одного из Девяти. Я расскажу вам о тонкостях бизнеса такого рода.

Блокнот сообщал: «Есть несколько вещей, которые вы должны знать, но здесь нет места для их обсуждения. „Хаакон" и я договорились встретиться в бассейне завтра после ужина. Приходите».

Дверь открылась. Карн напрягся. Его рука потянулась к месту, где висел станнер. Но его там не было, поскольку свободные люди не носили их. Это был Ник. Карн заставил себя расслабиться.

— Столы накрыты. Пора ужинать.— Голос Ника был бодрым, но глаза смотрели невесело. Он открыл было рот, чтобы сказать еще что-то, оглядел комнату и снова закрыл его.

«Он тоже подозревает о присутствии жучков — подумал Карн.— Кроме того, он узнал о чем-то важном, что беспокоит его».

Трое мужчин вернулись в Большой зал и сели за стол для свободных людей. Каждый представился, затем поднесли пиво и эль. За ними последовала пища. Двадцать перемен блюд за четыре часа. Еда была доставлена из экзотических стран, имела непривычный вкус и не соответствовала сезону.

После трапезы началось преподнесение подарков, во время которого Карн обратил внимание только на выступление Вейсмана и бормотание Одоннела о порядках внутри дома и предоставлении служанок для Кит. После подарков началась развлекательная программа — шуты, танцоры, акробаты, фокусники, певцы, и снова танцоры, и снова акробаты. Время шло. Толпа шумела все больше. Когда то тут, то там начались драки, Карн, Ник и Дюваль покинули зал. Они обсудили детали поведения на завтрашних торжествах и разошлись по своим комнатам.

Глава седьмая

Один из моих слуг подвинул мне стул, но я даже не могла сесть на него без посторонней помощи. Моя голова болела. Шея чувствовала тяжесть шляпы. Вся эта процедура в Большом зале была как бы немного не в фокусе. Мой мозг работал невероятно медленно. Кто-то прошептал мне на ухо дальнейшую программу, но запомнить я ничего не смогла. Это были не мои глаза, которые не могли ясно видеть. Мой мозг потерял способность ясно мыслить. События как бы проходили мимо. Толпа, шум, пышные одежды. Что я делаю здесь?

Свадьба. Ричард настаивал на том, чтобы пригласить гостей. Или это был Брандер. Я не знаю точно. Пышная свадьба, чтобы сделать обладание мной общеизвестным. Свадьба, которая должна была быть ловушкой для Карна. И наркотики. Он боролся с Брандером. Харлан не верил мне. Или не верил Эннису. Или... Я сопротивлялась изо всех сил. Старалась сохранить ясность мысли. Карн. Они говорили что-то важное о нем. Я тряхнула головой, но согнать туман не могла. Он остался. К нему присоединилась боль. Наркотики. Из-за них я не могла трезво мыслить. Энниса увели, так что Бранд мог накачать меня наркотиками. Одна мысль пришла ко мне всего на полминуты, но я не показала виду. Ярость прошла по всему моему телу, но она была такой слабой, что я даже не сразу распознала ее. Ребенок. Не повредят ли ему наркотики? Я положила руку на живот. Не чувствовалось никакого движения. Вчера он был еще жив. Внезапно что-то шевельнулось под моей ладонью. Маленький пловец продолжал жить. Я должна защитить его. Но ребенок был важен и для Энниса. Он сказал, что любит и хочет детей. Я видела его фотографии с племянниками и племянницами. Все они выглядели как счастливые дети. Эннису я могла верить. Пожалуй, ему одному во всем Харлане.

Движение за спинами моих соглядатаев привлекло мой взгляд. Человек, одетый в костюм цветов Льюиса, внимательно смотрел на меня. Была ли я знакома с кем-нибудь из Льюиса? Знал ли кто-нибудь из Льюиса меня? В этом человеке было что-то знакомое. Он хотел, чтобы я смотрела на него. Я чувствовала это. Только...

Я открыла рот, чтобы попросить слугу подвести его поближе, но он мотнул головой, что значило: «Не надо». Это движение было тоже знакомо мне. Ник? Не может быть. Это был Ольдермен из Льюиса. Мне показалось, что это Ник. Наркотики действовали на меня. Я так хотела, чтобы это был его ребенок! Губы его беззвучно произнесли: «Я люблю тебя». Затем он отвернулся и исчез в толпе.

Я стала бороться с дурманом. Это был Ник! Длинные волосы, борода, одежда свободного человека и, тем не менее, это был он! Я с трудом удержалась, чтобы не пойти за ним. Как будто я могла ходить без поддержки. Ричард Харлан! Я почти предала Ника и, возможно, Карна.

Я закрыла глаза, чтобы мои фрейлины не увидели в них каких-нибудь изменений. Ник был здесь. Карн, возможно, тоже, как и планировал Брандер. Но они были переодеты. Подумай, Катрин. Я никак не могла избавиться от дурмана. Попытка мыслить только утомляла.

Вскоре после того, как Ник исчез, мои слуги помогли мне подняться со стула и взойти на помост. Остаток вечера я провела рядом с Эннисом. Все, что я могла делать, это наклоняться за пищей. Я слишком устала от бесконечной борьбы с наркотиками и слишком волновалась, чтобы есть. Я изучала все столы в зале один за другим. Это заняло так много времени и требовало такой концентрации сил, что я не смогла найти этот стол для свободных людей, стоявший немного в стороне, пока акробаты не закончили свое выступление и не подошли к нему за чаевыми. Я увидела, трое мужчин встали и покинули зал. Один из них был из Йорка и два из Льюиса. Если один из Льюиса был Ник, то другой — Карн? Нет, это было бы слишком очевидно. И кто тогда был Ольдермен из Йорка? Фигурой он так походил на Карна...

Я откинула голову на подушки кресла. Все это не имело уже никакого значения. Ника я больше не увижу. Для чего бы они ни появились здесь, спасти меня они не могли. Меня слишком хорошо охраняли. Под охраной был и весь дворец. Кроме того, теперь я была замужем в глазах людей и Господа.

Когда я проснулась утром, то, как ни странно, все могла видеть четко и ясно. Чувствовала я, однако, себя очень неловко. Я ушла с праздника до его окончания, что было серьезным нарушением этикета. Эннис еще спал, обхватив меня одной рукой за талию. Прошлой ночью он лег в постель вместе со мной. Это был обычай, хотя на самом деле моя «брачная ночь» была уже несколько месяцев назад. Наркотики были уже не нужны. Я была привязана к Харланам законом и религией.

Я медленно села и спустила свои ноги с кровати. Было очень непривычно одеться самой. Всю мою жизнь горничная поджидала меня у кровати с нагретыми тапочками, чистила платье, натирала до блеска туфли, расчесывала и укладывала волосы. Холод, исходивший от пола, заставил поджаться мои пальцы. Я решила, что если малый Дом когда-нибудь будет моим, я никогда не разрешу прекращать подачу тепла на ночь.

Ночью кто-то входил в комнату и принес вечернее платье. Было довольно неприятно одеваться и приводить себя в порядок самой. Начался долгий процесс приготовлений к празднествам. Когда пришло время застегивать платье, мне пришлось разбудить Энниса. Я никоим образом не смогла бы добраться до всех кнопок. Он сделал это и отправился обратно спать. Я позавидовала тому, что ему требуется так мало времени на одевание. Его слуга появится не раньше, чем через час.

Времени для раздумий у меня было достаточно. Мысли о горничной заставили меня подумать о леди Агнес, которая всегда следила за моими горничными. Раньше я только и думала, как из-

бежать ее строгой дисциплины и жестких правил поведения, и вот теперь ее нет рядом со мной. Она была компаньонкой моей матери и моей наставницей. Она была частью моего дома. Конечно, если я попрошу Энниса привезти ее ко мне в качестве подруги и горничной, он сделает это. Или еще лучше попросить об этом Гаррена Одоннела, как о свадебном подарке. Это ничего не будет ему стоить.

Идея внушала надежду. Весь Старкер IV знал строгие правила и этику леди Агнес. И все были убеждены в том, что она не будет переносить какие-либо сообщения, поскольку ее этика не позволит ей подвести ее хозяина или моего мужа.

Эти мысли занимали меня даже после того, как Эннис встал и отвел меня в Большой зал. Перед дверью мы должны были разойтись в разные стороны. На этом празднике мы были хозяином и хозяйкой, а гостей было слишком много, чтобы приветствовать их, находясь вместе. Комната была заполнена народом. Я сделала глубокий вдох и вошла в нее, вежливо кивая в ответ на приветствия, останавливаясь, чтобы поговорить с членами Домов, которые хотели большего, нежели обычного приветствия. Я вела себя, как гостеприимная хозяйка Семьи, как учила меня моя мать. Я знала очень немногих в этой толпе, и все они были врагами моего Дома. Это очень усложняло мое общение с ними. Я коротко кивнула маркизу Гормсби, ему, кто был отчасти повинен в смерти моей матери, и отвернулась, когда он было открыл рот, чтобы начать беседу. Благодаря ему Ричард смог проникнуть незамеченным в палату Совета. Как я могла беседовать с сообщником убийцы моей матери?

В своей ярости и ненависти к маркизу я не видела, куда иду, и наткнулась на одного из свободных людей, одетого в желтое и бледно-голубое.

— Извините, сэр...

Человек отступил и подал мне руку, чтобы поддержать меня. Его темные глаза глядели испытывающе. Это был низкорослый плотный мужчина из Льюиса, которого я уже видела на банкете.

— Маркиз признался вам в своих дружеских чувствах к Одоннелу? — спросил он и добавил: — Я — Кларенс Дюваль из Льюиса, как вы можете видеть. У нас есть общие друзья. — Он махнул рукой в сторону двух мужчин, стоявших около одной из колонн.

Двое мужчин слегка поклонились, затем один из них шагнул по направлению к Дювалю, но тот остановил его движением руки.

— Он молод и нетерпелив, — объяснил Дюваль, одновременно кивая ему. — Он слишком редко думает об опасности, и привлекательный молодой человек хочет приблизиться к знатной леди, которая была выдана замуж насильно.

За его словами крылось еще что-то, но я не могла понять, что. Он пытался вложить двойной смысл в свои слова, пустые внешне, важные в своем подтексте.

— Другого джентльмена беспокоят глаза, — продолжал Дю-

валь.— Он не может оставаться здесь долго. Здесь слишком яркий свет.— Он сделал движение головой в сторону тех двоих, и свободный человек из Йорка пробежал одной рукой по своим волосам, затем снова поклонился.

Я застыла, узнав это движение. Карн! Да хранят его боги!

Дюваль кивнул. Теперь я поняла смысл его слов. «Беспокоят глаза» означало, что цветные линзы Карн мог носить только несколько часов. Без линз его бы узнали немедленно. А другой торговец из Льюиса был Ник? Похоже было на то.

Дюваль дотронулся до моей руки: «Мы не предполагали, что сможем встретиться с вами, но если вы пройдете на минутку со мной, мы вручим вам маленькие подарки от наших городов». Его пальцы сжали мое запястье.

Я кивнула. Мне придется очень следить за своими реакциями, чтобы двое мужчин у колонны благополучно покинули Одоннел. Пока я шла, я сделала несколько глубоких вдохов, которые должны были успокоить меня. Карн и Ник! Видеть их сейчас, проведя все эти месяцы среди врагов.

Человек, одетый в костюм Йорка, взял мою руку и поцеловал ее, затем посмотрел мне в глаза. Это был Карн! Все, что я могла сделать, это затаить свою радость и страх. Как они рисковали!

Карн достал маленький сверток.

— С наилучшими пожеланиями счастья,— сказал он.

Дрожащими пальцами я развернула сверток. Это был пакетик с тончайшей бумагой и изящной ручкой. Пакет был настолько мал, что спрятать его можно было где угодно. Бумага была настолько тонка, что даже не шуршала. Бумага для секретных записок. Смогу ли я воспользоваться ею?

— Очень благодарна вам, сэр.— Я вежливо кашлянула, прижав руку к губам. Пакет исчез у меня за корсажем.— Я надеюсь, что мой муж позволит леди Агнес посещать меня теперь, когда мое время вот-вот подойдет. Теперь у меня есть бумага, чтобы писать.— Карн поцеловал мою руку и отступил назад.

Теперь вперед выступил Ник, склонился к моей руке и поцеловал ее.

— Я сожалею, что подарок, который я принес, выглядит сейчас не совсем уместно, но это все, что у меня есть,— сказал он.

Ник поднял свою левую руку, правая рука держала мою после поцелуя, и вложил маленький холодный металлический предмет в мою ладонь.

— Будет лучше, если вы посмотрите на него, когда вернетесь в свою комнату, леди,— прошептал он. Мои пальцы сжимали подарок. Ник был так близок и так недосягаем в одно и то же время. Плакать я не могла. Это привлекло бы внимание. Я почувствовала, как мое лицо напряглось, силясь сдержать подступающие слезы.

— Я убью его!— шепот Ника пуган, несмотря на то, что был почти не слышен.

Я почувствовала слабость. Только не Эннис. Он не мог иметь в виду Энниса с его добрым сердцем и грубыми руками. Энниса, который спас меня от Ричарда.

— Нет! — прошептала я в ответ. — Он мой муж и отец моего ребенка. Я согласилась выйти за него. Я не люблю тебя больше.

Взгляд его глаз не изменился.

— Нет! — сказала я громко, вложив в это все чувства, какие только могла.

Он повернулся и быстро ушел. Секунду спустя я почувствовала прикосновение. Это был Дюваль. Он огляделся, чтобы убедиться, что никто не смотрит за нами, затем склонился ко мне и тихо заговорил.

— Леди, я стоял слишком близко, чтобы не слышать. — Он снова быстро огляделся. — Ему нужно время, чтобы понять. Он поймет и согласится с вашими желаниями, но со временем. — Он немного отодвинулся от меня и заговорил громко: — Я представляю, как вам одиноко здесь одной среди мужчин. Однако, — некоторое время он изучал пол, — однако леди вашего возраста... Если лорд разрешит, вы сможете нанять горничную, которая будет держать в порядке вашу одежду и волосы.

Это взволновало меня, так как это было правдой. Я сама думала об этом. Должно быть, мое волнение было заметно, потому что Дюваль взял меня за руку.

— Я не хотел сказать ничего дурного, но я знаю, как вам одиноко здесь. У меня есть дочь вашего возраста. Если вы упомянете ее имя, возможно, вам разрешат воспользоваться ее услугами. Она может оказаться очень полезной, моя леди.

Я взглянула на Карна, ища совета. Что он знает об этом человеке? Он не мог довериться первому встречному.

Карн улыбнулся уголками губ:

— Адриан Дюваль — опытная рассказчица, моя леди. Она скрасит ваши вечерние часы, особенно после того, как родится ребенок.

Подтверждение от Карна было получено. Конечно, было бы хорошо иметь рядом женщину, с которой можно поговорить. Леди Агнес не подходит для такого общения. Ее суждения слишком важны для нее. Я позволила себе немного расслабиться.

— Если вы напишете ее имя и адрес, Фрем Дюваль, я спрошу у своего мужа, могу ли я нанять ее.

Дюваль ободряюще улыбнулся.

— Очень хорошо, моя леди. — Он нацарапал имя и почтовый адрес на клочке бумаги, вручил его мне и склонился в поклоне, прощаясь. — Утром мы едем домой. Мы не можем праздновать всю неделю. Дела идут лучше, когда хозяин дома. Будьте здоровы, леди, и пусть ваш малыш родится здоровым и сильным.

— Спасибо, сэр.

— Не переставайте надеяться, — добавил он, уходя, — никогда не переставайте надеяться.

Карн повернулся и ушел с ним, не произнеся ни слова. Это огорчило меня, хотя я знала, что он не мог уделить мне больше внимания, чем любой другой незнакомый человек. Хотя последние слова Дюваля дали мне надежду. Я не была покорена.

Глава восьмая

Карн появился у бассейна первым. Он вглядывался в зеркало воды. Ему казалось, это поможет увидеть Кит. Но нет. От этого стало еще горше. Ему никогда не вытащить ее из Дома Одоннела. День поисков показал, что все лестницы и лифты для выхода из замка хорошо охраняются.

Если бы ее держали в менее защищенном месте... Если бы ее увели в другое владение, у него был бы шанс вызволить ее, пока она была бы наверху. Бесполезно беспокоиться здесь, когда нет никакого способа спасти ее без смертельного риска для обоих.

Он оглядел края бассейна. Растения и деревца, привезенные из теплых краев, стояли с двух сторон, создавая впечатление джунглей в серых каменных стенах. Бассейн когда-то был аквариумом одного из Лхарров Одоннелов, любовавшихся самыми невообразимыми рыбами всех мыслимых и немыслимых видов, размеров и расцветок, привезенных из других миров. Всем было известно об этом аквариуме, потому что Лхарр любил показывать его. В те дни дети Одоннелов плавали и играли с рыбами. Сам Лхарр много лет часами любовался ребятишками и рыбами сквозь стеклянные стены бассейна. Этот Лхарр давным-давно умер, но бассейн сохраняли из-за его увлажняющего эффекта для детей и случайных гостей Гильдии и Свободных, любящих поплавать.

Ник и Дюваль вошли, смеясь. Дюваль вежливо поклонился Карну, погрузился сразу в воду и шумно поплыл. Ник присел на край, опустив ноги в воду и жестом приглашая Карна последовать его примеру.

— Дюваль говорит, что если здесь есть паразиты, а он подозревает, что есть, он наделает достаточно шуму, чтобы они не прицепились.

Карн кивнул в сторону плотного тела, плывущего к дальнему концу бассейна.

— Какой ему интерес в этом? И почему ты сказал незнакомцу, кто ты есть на самом деле? — Карну не удалось скрыть резкость голоса.

Ник состроил гримасу.

— Во-первых, последнее. Меня не готовили к власти, как тебя. Если ты помнишь, передо мной шли два кузена и старший брат. И я не получил Академического воспитания, как ты. Дюваль знал, что я не из лордов, и сыграл на этом. Свободные города всегда опасались Девяти. Разве ты этого не знал? — Он не стал ждать ответа. — Как я уже сказал, у меня нет твоего воспитания и я не мог

подняться достаточно быстро, чтобы быть убедительным с фальшивым именем.

— Ты с другим именем?

Ник опустил голову.

— Ох-ох. Но я все напутал, так что, действительно, попал в переделку.

— Ты убил бы его?

— Сейчас кого не считают быстрым? — Голос Ника был злым. — Мы ведь говорим о Свободном. *Свободный!* Не человек из враждебного Дома. Кроме того, это было бы напрасным — он знает важные вещи — и это вызвало бы еще большие неприятности, чем те, в которых мы сейчас, ведь Свободные расследуют такие смерти.

Карн покачал головой.

— Я забыл об этом. Никто не расследует смертей среди Домов. Слишком много слепой приверженности.

— Какое дело до этого Дювалю?

— У него дочери. Он слышал, что случилось с Кит. Он подумал о дочерях и о том, каково бы ему пришлось, случись подобное с одной из них, хотя он знает, что они в безопасности, потому что Свободные. Он сказал, что поможет нам, как сумеет.

— Он уже сделал это, — Карн подумал о том, что Дюваль предлагал в служанки и посыльные свою дочь.

Ник кивнул.

— Это больше, чем мягкосердечие. Он начал задаваться вопросом, как долго Свободные будут оставаться в безопасности, если по-прежнему будет ощущаться недостаток в благородных дамах. Он подумал, что начнутся насильственные браки между Домами и свободными женщинами уже в следующем десятилетии.

Подозрение шевельнулось в Карне. Свободные не касались внутренних проблем Домов сотни лет.

— Ты веришь этому? Опасность так невелика...

— Не делай поспешных выводов, Карн. Когда-то обычным делом были смешанные браки. И я уверен, что он хочет защитить своих дочерей. Свободные любят своих детей: и мальчиков, и девочек. Вы сами мне рассказывали, как сильно Оудин Олафсон любил Иджила, его братьев и сестру. И мой отец любил своих детей. Кроме того, Дюваль хитрец, и у него есть идеи, как нам освободить Кит.

— В его планах есть его дочь?

— Похоже на то. Пока она ничего не приносит и не выносит, она может быть спокойна. Возможно, он хочет показать ей, на что похожа жизнь леди в одном из Домов. Из того, что мне известно о Свободных и их нравах, молодые женщины не находят эту жизнь привлекательной.

Ник носком ноги поддал воду. Брызги разлетелись, и побе-

жали мелкие кружочки по глади воды. Он несколько минут следил за Дювалем, рассекающим воду, затем заговорил снова.

— Он беспокоится о большем, чем его дочери. Он тревожится о Старой Партии и их силе в Совете. Они допустили убийство в палате Совета. Свободные еще с неохотой вмешиваются в то, что они считают делами Домов. Дюваль опасается, что они будут сомневаться, пока Старая Партия так сильна, что Свободные могут таковыми не быть.

Ник опять взглянул на Дюваля, и резкие складочки легли между бровей. Он вздохнул и обратился к Карну снова.

— Беспорядок в Совете, где Ричард убил вашу матушку, глубоко взволновал Дюваля. Но ничего другого, кроме голосования против председательствования Девяти, он не мог сделать и не знал, что бы еще можно было сделать. С тех пор он смотрит во все глаза, чтобы найти любую возможность для Свободных защитить себя понадежнее от Старой Партии. Он думал, что, поместив Ричарда в Бревен, можно остановить или, на худой конец, помешать людям из Старой Партии. Но, увы. В конце концов, он начал подозревать, что Ричард не так уж изолирован, как того требовал приговор.

Ник еще немного последил за Дювалем.

— Это был последний раунд перед его отдыхом. В этом году Дюваль пойдет в Дом Уединения в Бревен.

Карн глубоко вздохнул.

— Да. Не точно и не наверняка по религиозным соображениям.

Ник внимательно посмотрел на Карна.

— Ричард живет там в роскоши, Карн. К нему приходят все, кого он хочет видеть. Даже женщины.

— Женщины? В Бревене? — Карн пытался представить хотя бы одну женщину в этом месте, исключительно мужском. — Существуют шесть Домов Уединения для женщин. О чем думает аббат?!

Ник скривил губы.

— Деньги? Дорогие подарки? Может быть, снискать расположение у временно свергнутого лидера самого могущественного рода на Старкере IV? Эти женщины приходили к Ричарду не разговаривать. Это обычные проститутки, обычно из Лока.

Карн напрягся и сжал кулаки. Ник сжал запястье Карна с силой, и он поморщился от боли.

— Слушай меня, Карн. Молодой священник, который должен был охранять дверь Ричарда, сказал Дювалю, что важная дама ожидалась в гости к лорду Ричарду на некоторое время. Комнаты для нее готовились в секретном месте. Ее ожидали в конце дрэка или в первой половине нарна. Но затем лорд Ричард сказал священнику, что планы поменялись. И ничего больше.

— В первой половине нарна, — прошептал Карн. — Важная дама. Дрэк. Первая половина нарна. Кит. — Карн вырвался из

хватки Ника в такой ярости, что не знал, что и делать.— Кит! Он предпринял необычную попытку захватить ее, именно так, как предсказывала Матушка, но только чтобы унизить ее и весь Дом, а не жениться на ней.— Карн не дал своему гневу долго властвовать в своей душе.— Ни один не возьмет ее в жены после Ричарда, и у Халареков не будет от нее наследников. А унижение — ангелы! Мы никогда не избавимся от позора! — Карн остановился и посмотрел на друга.— И как ты можешь говорить об этом спокойно? Я подумал...

— Это сейчас я спокоен. Я бился на арене Одоннела почти всю прошлую ночь, чтобы Дюваль рассказал мне, что продумывалось почти до «рассвета».

Карн поморщился, представив обожженные тела.

— Этого достаточно, наверное, чтобы успокоить тебя ненадолго. Того, что ты сказал, достаточно, чтобы я был в большом долгу перед Дювалем.

— Что-нибудь еще, Ник?

— Только то, что представители Кингсленда и Гормсби посетили лорда Ричарда, пока Дюваль был в Бревене. И, конечно, вассалы Дома Харлана сейчас посещают его ежедневно, один или другой.

— К черту их всех, к дьяволу!

Ник фыркнул.

— Тогда поздно останавливать Ричарда. Вы сто раз можете быть убитым, прежде чем Ричард отправится к черту. Это как раз то, чего он ждет: вы опередите его на дороге в ад.

Карн ерошил волосы на голове. Он уставился на Ника.

— Как Эннис удалось схватить Кит? Что он такое задумал, что Ричард отказался от плана, который он вынашивал годами?

Ник поднялся.

— Только господу известно. Что бы это ни было, он идет по лезвию бритвы. Он совершает одну ошибку, и он обречен.

— Пока она не носит дитя Халареков.— Голос Карна был тяжелым. Вдруг зелень и тропическая жара бассейна показались ему нестерпимыми.

— Позовем Дюваля и пойдем отсюда. Я могу и сам с пользой посостязаться с ним.

— Вы можете пользоваться только шпагой,— ответил Ник.— Мечи никогда не были спортом у Свободных.

Невозможно было отделаться от мыслей об унижении и сопутствующих ему политических потерях, если Ричард последует своему собственному плану. Мысли далее текли в будущее: потеря престижа Дома Халарека повлечет потерю вассалов и рынков, а это утрата силы и, как результат, конец Дома Халарека. Ослабленный и униженный Дом долго не протянет. Шесть тысяч людей попадут в вассалы, когда Халарек рухнет, или в рабство, если Халарек попадет в руки Дома Старой Партии.

Вся семья Карна будет казнена потому, что не должно оста-

ться ни одного наследника в живых от древнего рода, ни одной женщины, способной произвести на свет наследника. Наконец, поражение в поединке с Ричардом означает смерть для Карна и всех, кого он любит. Обычная цель феода, боль и потери в рядах противника изменились с тех пор, как к власти пришел Ричард. Дом Харлана теперь намерен разорить Дом Халарека, и Карн не был уверен, что даже законный брак Кит с Харланом здорово изменит эту перспективу. Ее ребенок будет воспитан в Харлане, познавая нравы и политику Харлана.

Ник и Карн покинули Одоннел перед обедом. Сведения от Дюваля заставляли Карна напряженно размышлять. Всю обратную дорогу в Гильдпорт Карн тщетно пытался найти способ предотвратить эти потери. Он искал способ освободить Кит. Он не приходил ни к какому решению. Охраняемая в Доме Одоннела, Кит была на грани возможного спасения. Почти перед возможностью спасения. Карн сам не видел пути проникновения в замок, но, может быть, леди Агнес или дочь Дюваля найдут крошечную лазейку в охране. Если Эннис Харлан позволит Кит иметь фрейлин. Если.

Он встряхнул головой. Дамы смогут передавать сведения, но не помогут сбежать. Ничто не поможет, кроме осады, но недавние битвы с Харланом легли тяжким бременем на бюджет Карна. Если только Эннис отправит Кит наверх, в Совет, например, или в его фамильное поместье, то появится слабая надежда вернуть Кит. Но настолько слабая, что скорее Кит будет убита, чем вызволена из унизительного плена.

Все знают о риске путешествий над землей. Эннис отправит ее воздухом, если они сдвинутся, а сбить флайер в воздухе грозит смертельной опасностью пассажирам и, значит, Кит.

Карн позволил Нику управлять от Гильдпорта до Онтара. На посадочной площадке Онтара ждали все офицеры управления. Все носили черный цвет, как и положено сразу после смерти ребенка. Но Карн заметил некое несоответствие. Его появление не требовало их присутствия, но все офицеры были в сборе.

Карн ступил на крыло флиттера. Он совершенно не желал знать еще более печальных новостей. Но иметь дело с плохими известиями было обязанностью Лхарра. Он спрыгнул на площадку. Иногда казалось, что это было только его обязанностью. Тан Орконан тут же оказался рядом.

— Милорд, у меня для вас худшая из новостей. Мы не могли сообщить вам это раньше, не вызвав вашей смерти и гибели фон Шусса.

Карн взглянул в знакомое с детства лицо и увидел боль и скорбь. Тан выдал глубину трагедии, обратившись к Карну не по имени, а по титулу.

Тан сглотнул.

— Невозможно смягчить известие, милорд. Ларга убила себя на следующий день после вашего отъезда.

Карн схватил Тана за руку, чтобы сдержать себя. Стены посадочной площадки, казалось, сомкнулись над ним.

— Почему?— прошептал он.— Почему?— Он почувствовал, что крепкая рука Ника обхватила его за плечи.

— Она говорила своим дамам много раз, что ей известно, что она никогда не принесет Халарекам живого ребенка. Она говорила, что не сможет вынести презрения своей семьи и вашего, милорд.— Тан опустил глаза.— Она еще оставила записку. Она знала, что вы нарушили траур, чтобы отправиться на свадьбу сестры. Она писала еще и еще об этом, будто вы могли ее взять с собой или остаться. Она считала это неясным. Это было очень длинное письмо, милорд, и очень горькое.

Карн закрыл глаза и сжал кулаки. Он стал глубоко, но с дрожью, дышать. Но это не помогло унять хаос в его душе. Он пренебрег своей женой, когда ей так нужна была его поддержка. Он поставил на первое место интересы Кит, и Лизанна знала это. Он был недосягаем в Одоннеле, совершенно недосягаем, сразу после смерти ребенка. Теперь и Лизанна мертва.

Как из тумана, до него донесся голос Тана:

— Это не ваша вина, милорд. И Ларга Лизанна чувствовала себя очень, очень плохо, Карн. Доктор Отнейл говорит, это часто случается с женщинами после родов, даже если ребенок рождается здоровым.

Карн часто слышал эти слова всю следующую неделю. Лизанна была не в себе; он сделал выбор, необходимый для спасения династии Халареков; это не его вина; это не его вина. Конечно, он верил доктору Отнейлу, убеждавшему его в том, что часто женщины в таком состоянии убивают себя в приступе отчаянья, не сознавая отчетливо, что происходит с ними и вокруг них. Но чувство вины не оставляло Карна. Он почти не замечал ее после смерти младенца. Он оставил ее один на один с бедой. Он предпочел интересы сестры интересам жены. Он будет жить всю оставшуюся жизнь с сознанием этого.

Одоннел принял предложенное по три-д предложение о помощи леди Агнес, как гостьи Энниса Харлана. Карн послал сообщение леди Агнес о ее новом назначении. Карн был почти уверен, ему не придется пользоваться своим положением главы Дома, чтобы приказать ей отправляться туда. Он знал, что она была не способна сопротивляться ни новому младенцу, ни возможностям, предоставляемым ребенком. Он был прав. Она охотно согласилась, и ее племянник согласился сам доставить ее из своего небольшого поместья южнее экватора в Дом Одоннела. Для нее это безопаснее, чем появиться во флиттере Халарека.

Решено, Карн по три-д просил позволения у Энниса, чтобы Адриан Дюваль могла явиться и следить за гардеробом и причесыванием Кит. Он сожалел, что не знал о Кит, что она защищала ее мужа до того, как он просил разрешение у Гаррена Одоннела для службы леди Агнес. Необходимость общаться с Лхарром Одон-

нелом росла, ведь это обязывало Карна Халарека оказать подобную услугу в будущем.

Эннис Харлан сразу же согласился на службу Адрианы Дюваль. Карн говорил себе, что Эннис согласился так легко потому, что требования Кит позволяли Эннису чувствовать себя могущественнее Халарека, вынужденного просить *его* о таком ничтожном деле, как слуга для леди Катрин.

На следующий день Дом Халарека получил формальное уведомление из Одоннела, что леди Агнес прибыла в замок. Такое же послание пришло о прибытии Адрианы Дюваль первого вердейна. Только через пять дней пришло срочное сообщение от Льюиса, доставленное в Халарек посыльным в ливрее Дюваля. Карн распечатал письмо тут же, не стесняясь любопытных глаз кузенов за соседними столами. В нем говорилось, что леди Катрин произвела на свет девочку тридцать седьмого керестена. Ребенок родился здоровым, но только время может подтвердить это. Карн с тоской подумал о своей дочурке, которая при рождении тоже была здоровой.

Он перечитал письмо несколько раз. Он посмотрел на оборот листа в поисках еще каких-нибудь слов Дюваля. Ничего. Он заключил, что, если бы что-нибудь случилось с Кит, Дюваль смог бы дать ему это понять в письме. Он смял бумагу в руке. Девочка. Наследник, но не тот, кто мог бы править. Женщина не может выступать в Совете, даже если кузены согласятся на главу Дома — женщину. Карн комкал и мял клочок бумаги в кулаке. На этом этапе Ричард выиграл. У него под контролем ребенок Халареков, и отец ребенка, не ее дядя...

Эта мысль напомнила Карну его собственную женитьбу. Лизанна мертва, а он даже не соблюдает требуемый обычаем траур. Все должны видеть традиционный период траура, так же, как запрещенные передвижения против Ричарда, и только затем он может жениться снова. Он должен поручить Орконану подобрать другую подходящую женщину. Траур продлится до дрэка. Значит, он не сможет быть на Совете весной. Даже если бы он не был в трауре, он не смог бы встретить ни сочувствие друзей и вассалов из-за потери жены и ребенка, ни насмешливой радости враждебных Домов по поводу похищения Кит и ребенка, доставленных Харлану. Даже долгие годы Академических тренировок владения эмоциями не помогают ему в этой ситуации. С тех пор, как Ричард не у дел, хотя бы официально, Совет вряд ли решит много важных вопросов.

Если не Совет, что он может сделать? Карн заперся в библиотеке для размышлений. Никаких официальных объявлений о родившемся ребенке Энниса и Кит не было. Возможно, это означало, что придуман еще какой-то план, чтобы использовать Кит против ее собственного Дома. Девочка была не таким сильным козырем, как был бы мальчик. Если Кит хотят использовать в какой-то еще

игре, возможно, ее перевезут из Одоннела. Если она двинется в путь, появится шанс ее вернуть.

Карн взялся за перо. Он написал письмо Дювалю, делясь своими опасениями. Адриан полезна. Возможно, что и она сможет предупредить о новом плане. Карн не имел никаких сведений от Дюваля, кроме новости о ребенке. Он был уверен в том, что Свободный, обнаружив доказательства нарушения приговора Ричардом, достаточные для Совета, сообщит Карну, так как сам он не сможет предъявить улики Совету, во всяком случае, эти. Дюваль не сможет действовать в Совете без подтверждения своего города. Для этого просто не будет времени. Если бы он мог полностью убедить управление города. Но Свободные всегда осторожно относились к вмешательству в дела Домов.

Карн связался с командиром спецслужбы Халарека и приказал подготовить планы атаки флайеров, планы, которые заставят флайеры спуститься с наименьшим ущербом для пассажиров. Карн знал, как мала была надежда на успех, но разработка плана создавала ощущение того, что он делает что-то для спасения Кит. Однако, если она в этой борьбе погибнет...

Невыносимо об этом думать. Карн занялся другими делами, которые не могли помешать представить вынутое из флайера тело Кит, изуродованное его же людьми. Его обязанностью, как главы Дома, было дать роду наследника для поддержания могущества династии после своей смерти. Он приказал Фрему Вейсману и Орконану начать поиски возможных кандидатур для его следующего брака. Крепкое здоровье будет самым важным критерием. Он проявил себя сильным военным лидером со времени провозглашения его Лхарром на Совете. Он отвоевал владения у Харлана. Он, конечно, еще не имеет того веса в Совете, который был у его отца. Но теперь семьи с более благородной кровью, чем Дом Арнетт, захотят предложить своих дочерей. Мысль о новом браке скоро утомила его, но Халарек должен иметь другого наследника, мальчика. И ребенок Кит не берется в расчет, пока она в руках Харлана. Покончив со срочными делами, Карн вспомнил в первый раз за весь день о еде. Он удивился тому, что это был уже обед. Он работал лучше, чем предполагал. Он хотел расслабиться за едой и отложить все проблемы в сторону, но Ричарда в сторону отложить было нельзя. Пока никто в Совете не знает о том, что приговор Ричарду не соблюдается, ничто его не остановит. Карн подумал с горечью, кто действительно хочет остановить самого влиятельного и сильного лорда на Старкере IV, кроме Домов Халарека, фон Шусса и нескольких Свободных. Кто еще будет искать доказательства преступной слепоты аббата? Кто сможет хотя бы предположить, что Дом Уединения так просто уступит силе Харлана? Кто-то должен представить Совету свидетельства нарушений, но так, чтобы Ричарда не предупредили. Это сделает не Свободный, хотя в Доме Уединения больше Свободных, чем дворян.

Карн удивился, что ни он, ни Ник, ни Орконан не подумали раньше о том, кто отправится в Бревен. Члены Совета из Льюиса и Йорка снова появятся там. Если будут улики, они их найдут, а Халарек и фон Шусс представят их Совету. Карн приказал пажу доставить лорда Николаса фон Шусса к нему в библиотеку.

Глава девятая

Карн и Ник готовились к «уединению» тщательно. Карн послал личного посыльного в Дом Арнетт с известием о смерти Лизанны. Он не сделал этого раньше, боясь, что лорд Френсис попробует обернуть это себе на пользу в Харлане. Теперь ребенок Кит появился на свет, и известие о смерти Лизанны не имело прежней силы. Карн приказал посыльному задержаться в дороге так, чтобы прибыть после сообщения Карна по три-д, объясняющего его отсутствие в Совете.

Следующая проблема, если Ричард руководил из Бревена, это прикрытие с воздуха. Без этого Карну, конечно, будет угрожать опасность со стороны людей Ричарда. Ник и Карн решили, что Ольдерменом будет Карн, а Ник будет сам по себе. Иногда классовые различия бывают полезными. Как говорил Ник, Свободные не доверяют Девятке, и среди Девяти никто не водит дружбы и даже общественных связей со Свободными.

Еще одним поводом появиться Нику самостоятельно было то, что Бревен был самым близким мужским Домом Уединения к владениям фон Шусса, и было логичным, что Ник выбрал для себя именно его. Он не был самым близким его душе, Ольдермену Ирту из Льюиса. Если Карш и Ирт решат отправиться в приют вместе, Дом Уединения к востоку от Нирана был самым центральным местом для встречи. Если они явятся в Бревен вместе, это привлечет внимание.

Дела с Наследником в фон Шуссе, тем не менее, были превосходным поводом для Ольдермена Карша найти приют для отдыха так далеко от дома. Всем известно, каковы Свободные в делах. Совершенно естественно, что Ольдермен проделывает огромный путь, чтобы установить личный контакт с Домом, который будет прекрасным рынком йоркской шерсти и шкур. Ткачи фон Шусса славятся своими тончайшими шерстяными тканями и драпировками. И все глубоко верили, что барон фон Шусс устелил бы и увесил бы весь замок коврами, если бы нашел такое количество ковров.

Утром девятого вердейна, они чувствовали себя прекрасно в этой придуманной легенде. Последним шагом в подготовке отъезда было официальное три-д сообщение Председателю Совета Гашену. Карн решил связаться с Советом на открытом канале. Одетый в глубокий траур, он сделал сообщение максимально коротким, ведь боль и скорбь были еще слишком сильны, чтоб скры-

вать их долго, а лорд Гхарр никогда не должен обнаруживать свои чувства.

Ему было немного неловко, что на свободном канале все могут увидеть скудную отделку три-д комнаты в Онтаре, но у него не было ни времени, ни средств сделать ее более шикарной, как в других замках, больших и малых. Карн собрался, приосанился и дал сигнал техникам начинать передачу.

— С большим прискорбием сообщаю о смерти своей жены, Лизанны Арнетт,— сказал он.— Мой Дом будет в трауре по дочери и жене до дрэка. Я уверен, все понимают, что означают для Дома такие утраты. Я ухожу в Дом Уединения на две недели. Я понимаю, что мое присутствие в Совете обнаружило бы мое неуважение к памяти моих жены и дочери.

Карн поклонился изображению Председателя, сидящего за столом. Председатель кивнул и исчез. Несколько секунд были слышны голоса, возбужденно обсуждающие смерти в Халареке, затем Карн жестом приказал техникам отключить связь.

Карн обернулся к Нику.

— Посмотрим, какая будет на это реакция. Интересно, что предпримет Дом Харлана, получив официальное известие о смерти Лизанны.— Лицо Ника было печальным.— У нас будет возможность увидеть, что делает один Харлан. Ричард Харлан.

Карн договорился с Орконаном, что еду будут присылать в его покои (где Орконан, Вейсман или Гарет будут принимать ее у слуги в дверях) и что один из троих будет периодически заходить в его покои, создавая впечатление, что Карн там в глубоком трауре. Никто не заподозрит в этом ничего необычного. Никто не заподозрит, что он покинул замок.

Они появились в Бревене на флиттере Гильдии, знак того, что Свободный отплатил Наследнику фон Шуссу полетом за сомнительное удовольствие выслушать его рассказ о его торговле. Предоставление транспорта было обычным делом, особенно по отношению к лордам малых Домов, которые как могли экономили на топливе. Карн решил, что, если бы хоть один Свободный знаток шерсти оказался в Бревене, он будет утверждать, что не смешивает религию и бизнес. Это объяснение, почему он и Наследник фон Шусс прибыли в одном флайере: Карш не желал говорить о делах после их прибытия.

Карн вставил коричневые линзы как раз перед тем, как слуга вошел парковать их флиттер. Священник встретил их, обыскал на предмет оружия и забрал станнер у Ника, затем проводил через двор в широкие двойные двери и по широкому лестничному пролету в офис аббата. Секретарь аббата, высохший священник, сказал, что придется ждать в приемной.

Секретарь пробормотал:

— Поскольку вы не предупредили нас о своем прибытии...— Затем он поклонился Нику:— Если бы знали о вашем приезде,

милорд, мы бы подготовили надлежащую встречу.— Священник поклонился и вышел.

Аббат, казалось, не торопился закончить свои дела. Карн стоял у одного из узких окон. Оно выходило на каменистый берег и синюю воду озера Святого Павла. Солнечные блики играли на воде. На другом берегу озера и дальше, куда хватало глаз, лежал свободный город Лок, окруженный лесами синих елей. Лок был родиной члена Совета Дэйвина Рида, который выступал против Харлана в Совете по нескольким важным вопросам. Рид, как Дюваль, не был уверен, что Свободные будут полностью свободны от разграбления Семьями.

Дверь кабинета скрипнула, открываясь. Аббат в сутане темно-серого цвета вышел, продолжая беседовать с двумя дворянами. Карн остолбенел. Он узнал лорда Марка. Он был ближайшим другом Гаррена Одоннела и вассалом Ричарда Харлана. Его «дело» с аббатом, должно быть, действительно очень важное, чтобы скрывать его от Совета. Второго мужчину Карн узнал не сразу. Это был не кто иной, как Даннел Юра, один из его собственных вассалов, захваченных у Харлана в прошлом году. Карн повернул голову так, чтобы Даннел его не узнал. Он дал клятву феода Карну. Он вложил свои руки в руки Карна и запечатлел поцелуй мира. Он нарушил эту клятву только потому, что был в компании Марка.

— ... и вы можете сообщить его Семье, что милорд Харлан нашел здесь самое изысканное обращение,— говорил аббат.— Если существует еще что-либо, что я могу сделать для более приятного пребывания его здесь, конечно, при условии, что Семья предоставит средства, я с удовольствием сделаю это.— Юра поклонился и вышел.

«Мой собственный вассал,— подумал Карн.— Формально. Ясно, что я должен что-то предпринять насчет него и, возможно, других тоже, когда вернусь».

Лорд Марк пробормотал что-то низким голосом. Аббат, как заметил краем глаза Карн, вздрогнул. Лорд Марк гневно глянул, но коротко поклонился и покинул комнату, явно недовольный чем-то. Карн повернулся только тогда, когда дверь хлопнула. Аббат приветствовал Ника. Он не поклонился Нику, хотя они были равными по титулу.

Аббат повернулся к Карну.

— Свободный...

— Карш.

— Из Йорка, конечно. Я быстро ознакомлю вас с нашими правилами. Их немного. Это заведение предназначено для молитв и медитаций. Все прибывшие сюда обязаны носить платье священника, чтобы никто не отвлекался от мыслей о Боге знаками различий в рангах или финансовом положении. Все платья с капюшонами. Те, кто хочет провести здесь время в молчании, носят капюшоны накинутыми на голову. Наказание за обращение к та-

кому человеку — изгнание из Бревена.— Аббат окинул Карна тяжелым взглядом, будто он имеет большой опыт по части торговцев, заговаривающих с капюшонами. Карн ответил ему холодным взглядом.

Аббат покраснел.

— Посетители могут приходить раз в неделю и могут оставаться в помещении для гостей на уровне ниже нас. Это все правила. Еда подается в столовой через пять минут после одного удара колокола. Богослужения проходят четыре раза в день в часовне после трех ударов колокола. В случае очень важной три-д передачи все члены общины, а вы ими являетесь, пока остаетесь здесь, собираются посыльным. Есть вопросы?

Молодые люди отрицательно покачали головами. Аббат хлопнул в ладоши дважды, и в комнату тут же вошел молодой священник.

— Брат Бенжамин, проводите этих людей в их покои и дайте им одежду.— Юноша поклонился и вышел. Что-то обеспокоило Карна в этом молодом человеке.

Комнаты Карна и Ника были на разных этажах. Молодой священник дал Карну ключ от комнаты на третьем уровне и повернулся к Нику, бормоча что-то о невозможности поселить двух молодых людей рядом. Но когда Ник попытался настоять на том, чтобы Карн пошел с ними взглянуть на его комнату, священник пытался настоять на том, чтобы Карн оставался в своей комнате, пока он не отведет Ника в его келью. Ник отклонил свой протест, и Карн открыл дверь в свою комнату и вошел. Это была небольшая серая комната с кроватью, столом и единственным стулом.

Карн долго ждал, пока Ник вернется, но его не было. Карн вышел в холл. Все, кто входил и выходил из соседних комнат, были либо Свободными, либо из малых Домов. Почти полчаса он прождал Ника и убедился, что никого из Девяти не было на его этаже.

Ник примчался в холл, затащил Карна в его комнату и захлопнул дверь.

— Аббат отделил Девятку от всех. На втором уровне только Девятка и аббат. Мы проходили мимо покоев Ричарда, у дверей стояла стража гвардейцев Совета. Брат Бенжамин предложил представить меня позже. Он шепнул мне, что герцога Ричарда нет у себя сейчас, он у друзей на другом этаже.— Лицо Ника горело от возмущения.— Юный дурак, кажется, не понимает, что это пренебрежение к приговору Совета!— Ник оглядел комнату Карна и нахмурился.— Аббат только разглагольствует о правилах Пути без классовых различий, как я посмотрю. Идем. Моя комната здорово отличается от этой. Нет сомнений, что священник не хотел, чтобы ты шел.

Карн в комнате Ника обнаружил густую шкуру на широкой мягкой кушетке и кресло. Такой фаворитизм был против правил Пути. Все люди были равны перед Богом. Это было воссоздание

всех удобств для Девятки. В комнате даже горел огонь в камине. В таком старинном месте, как Дом Уединения, это был настоящий огонь. Но Карну не хотелось подходить к нему.

— Мы еще не видели, как живет Ричард.— Родимое пятно, которое становилось заметным только когда Ник был зол или разгорячен, стало темно-красным ото лба к волосам. Он запустил руку в волосы, открывая кончик родимого пятна, сбегающего к шее. Он покачал головой.— Я все гадаю, где аббат прячет добро, полученное от этого толкования правил Пути.— Его тон выдавал сомнения в том, что лидер Пути мог так вести себя, да еще публично.— То, что мы видели, подтверждает слова Дюваля.

Карн кивнул.

— Он тоже не видел комнат Девятки. Видит бог, мне нужен сторонник среди Свободных.

Колокол прозвонил к вечерней трапезе. И двое юношей отправились к столу, следуя за соседями Ника. Они медленно спустились по двум лестничным маршам на первый этаж в помещение на стороне озера Дома Уединения. Даже здесь аристократы Девяти сидели отдельно, правда, за теми же блюдами, что и остальные. По молчаливому согласию Ник и Карн разошлись по своим местам. Карн недоумевал, почему люди из малых Домов не возмущаются такой дискриминацией. Его интересовало также, будет ли Ричард есть вместе со всеми. Дюваль говорил, заточение Ричарда не было строгим.

Харлан в трапезную не пришел. Особое обхождение с ним не было всем известно.

После ужина Карн и Ник обследовали Дом этаж за этажом. Во всем Бревене не было ни единого знака пребывания Ричарда Харлана, кроме гвардейцев Совета у дверей на втором уровне. Возмущение вызывало и то, что были подкуплены солдаты Совета для выполнения прихотей Харлана.

Карн и Ник остановились наконец у окна четвертого этажа. Усталые, разочарованные они глядели, как солнечные лучи покидают зеленые склоны перед стеной Бревена. Каждый был погружен в свои мысли. Колокол ударил три раза. Молитвы. Они переглянулись.

— Во имя прибытия в первый день?— спросил Ник.

Карн кивнул.

— Неплохая идея, особенно для меня. Свободные значительно набожнее, чем самые религиозные Дома.

Карн отвернулся от весеннего вечера и не торопясь направился к лестнице.

— Встретимся здесь позже.

Ник спускался один. Не нужно, чтобы наследника одного из Девятки часто видели в обществе торговца.

Карн стоял в церкви с остальными Свободными. Ник, пришедший позже, прошел на место, оставленное для опоздавших. Когда началось благодарение, они выскользнули.

Они остановились под лестницей.

— Я думал,— сказал Ник.— Служба — на удивление отличное место для размышлений. Может быть, мы на ложном пути. Может быть, Ричард вовсе не живет в этих комнатах на втором уровне, пока кто-либо из администрации Совета не прибывает с визитом.

Карн носком ботинка чертил круги. Раздавалось легкое шуршание.

— Аббат не должен был пренебрегать приказами Совета до такой степени.— Он поднял глаза.

Ник встретился с ним взглядом.

— Правда? Ричард мог сделать это политически и финансово выгодным. Аббат не глуп. Мы обнаружили его двойные стандарты только из-за той роли, которую здесь играем. Я уверен, что никто не подозревает о различиях между Девяткой и остальными, кроме аббата и нас. Известен хотя бы один из Девяти, у кого друг — Свободный?

Карн покачал головой.

— Так ты полагаешь, Ричард содержится где-то вдали от всех обитателей, чтобы особые условия его пребывания не были обнаружены?

Ник утвердительно кивнул.

— Священник, возможно, вносит и выносит еду и все необходимое в эту комнату на втором этаже, будто Ричард действительно там, так же точно, как кто-то делает это для вас в Онтаре. Возможно, плата за молчание священника просто дополнительная еда. Аббат на нее не слишком щедр, если судить по ужину.

— Мы искали Ричарда везде, проверим внизу?

Они побежали вниз. На следующем этаже коридор расходился в две стороны.

— Разделимся? — Голос Ника прозвучал неуверенно. Если Ричард живет с такими нарушениями приговора, о каких говорил Дюваль, всякий, кто раскроет это, попадает в опасное положение. Он покачал головой.

— Я не хотел бы столкнуться с солдатами Харлана в одиночку. Даже как Свободный Карш.

Ник направился влево. Двое мужчин дошли до первого поворота, не увидав ничего, кроме света, пробивавшегося из-под двери.

— Похоже на склады,— сказал Карн, когда они остановились на углу и посмотрели вдоль другого коридора, похожего на оставшийся позади.— Нужно много провизии, посуды и белья, чтоб содержать что-то такое же большое.

Ник пожал плечами.

— Я не знаю. Дядя Эмиль и его сенешаль занимаются этим в доме.

На третьем повороте они обнаружили лестницу вниз. Они постояли, прислушиваясь. Снизу не доносилось ни звука. Они переглянулись и стали спускаться.

Лестница привела их в длинный холл. В конце холла, в углу, появились слабый свет и шум. Они двинулись туда. К их удивлению холл не повернул там, где им показался угол. Он уходил влево и прямо в темноту, но деревянный брус преграждал проход. Шум доносился из освещенного дверного проема в середине левого коридора. Двое мужчин, одетых священниками, стояли у двери.

— Они одеты священниками,— прошептал Ник,— но я даю сотню гильдкредитов, что они вооружены. Как они стоят! Ни один штатский не сможет стоять так смирно и прямо.

Сердце у Карна екнуло. Солдаты и переодетые — все равно солдаты Харлана. Значит, Нику не удастся узнать, что происходит. Ни один солдат не даст пройти другу заклятого врага своего хозяина. «Друг моего врага — мой враг». Если им надо доказать, что Ричард живет вне заключения, если им надо доказать, что свет и праздничный шум вокруг Ричарда, тогда должен туда идти он, Карн.

Его сердце забилось сильней. Ладони взмокли. У Ричарда острые глаза и острый ум.

Достаточно ли коричневых линз, чтобы провести его? Карн обтер ладони о штаны. Ричарда надо остановить. Он может узнать Карна, но Карн должен рискнуть. Он подумал о разоблачении, о возможной смерти, о гибели Дома, если Ричарда не остановят. Он снова вытер ладони и пошел на свет.

Рука Ника схватила его, останавливая.

— Куда тебя черт несет! — он проворчал, слова звучали острее от шепота.

— У меня нет шанса иметь наследника год, а может, и больше. Кит родила одного и может родить другого за это время, но она в руках Харлана. Для Халарека важно знать, что контроль этот именно Ричарда. Дюваль говорит, что так оно и есть. Если это правда, кто-то должен положить этому конец, доложив Совету о происходящем.

— Итак, Лхарр Халарек готов отправиться в логово Харлана? Ты сошел с ума!

Карн возразил:

— Я Ольдермен Карш из Йорка. Я смогу пройти хотя бы так. А тебя узнают сразу же. Ты никогда не войдешь. Если только отделаешься этим. Кроме того, ты единственный наследник Дома.

— Карн...— Ник шагнул вперед.

Карн тяжело взглянул на него.

— Для меня риск меньше. Никто среди Девятки не разглядывает Свободных пристально.— Карн отвернулся.— Кроме того, я хочу, чтоб ты доложил Совету, если меня разоблачат. Если я узнаю, что там происходит...

Ник попытался еще раз.

— Думаешь, Ричард тебя не узнает?

— Я не собираюсь приближаться к нему, даже чтобы он меня заметил...

И в этот миг они вздрогнули от пронзительного женского крика. Оба прижались к стене, чтобы их не заметила стража. Смех последовал за криком. Карн жестом приказал Нику оставаться на месте, а сам двинулся вдоль стены к свету. Стражники были выбиты из своей неподвижности. Через несколько мгновений женщина в шелковом прозрачном платье вышла к стражникам, вручила им огромную бутылку и вернулась в комнату.

— Ангелы!..— Ник не мог больше вымолвить ни слова.— Женщина,— выдохнул он,— в Бревене! Дюваль прав больше, чем мне хотелось бы!

— О боги. Дюваль был прав.— Совет скорее поверит одному из Девятки, чем Свободному. Карн знал, что одним из Девятки должен быть он. Он собрался с духом и пошел вперед, пытаясь казаться уверенным. Он никогда раньше не шел навстречу такой опасности без оружия. Никогда.

Когда он дошел до стражников, он скинул капюшон, открывая цвета Йорка. Стража обыскала его и, не найдя оружия, пропустила.

Карн отметил про себя, что, очевидно, не каждый из прибывших обыскивается во дворе.

У дверей двое молодых людей растянулись на полу. Они пили что-то из кожаного бурдюка и громко смеялись. Одним из них оказался брат Бенжамин. Снова появилась женщина. Она склонилась к ним и предложила закуски на подносе, демонстрируя при этом себя с наибольшей обворожительностью. Выпрямившись, она заметила Карна и одарила его широкой улыбкой. Пять лучиков звезды профессионалки сверкали на грудной косточке, золотой звезды высшего класса.

Карн не ответил на улыбку. Он не мог. Если верить Дювалю, эту судьбу Ричард готовил для Кит, будто она была простой шлюхой, а затем вернул бы ее семье. Возможно, он зайдет так далеко, что отметит ее звездой. Было трудно поверить, что он решится на это, но он всегда превосходил все ожидания, даже самые смелые.

Карн почувствовал слабость. Если Дюваль не предупредил бы Ника о Ричарде, что бы произошло? У Кит девочка. Что еще задумал Ричард? Он ничего не выяснит, стоя на месте. Он должен показать Совету, что действительно происходит в Бревене.

Глава десятая

Я спокойно лежу в постели и слушаю осторожные движения леди Агнес за занавесом кровати. Она старается не шуметь, но подметки ее туфель хлопают по каменному полу, когда она кружит по комнате. Она появилась за неделю до рождения малышки Нарры и была счастливым даром. Я никогда не думала, что увижу ее при таких обстоятельствах. Для нее я всегда была девчон-

кой-сорванцом, но ее безукоризненное следование правилам приличия сделало ее идеалом в глазах Одоннела. Все на Старкере IV знали безупречность манер и чувство такта леди Агнес. Она была примером дуэньи всем родителям. Никто, кроме Халареков, не мог бы предположить, что она хоть чем-нибудь поможет мне в побеге из тюрьмы. Это тюрьма. Эннис — хороший муж и отец, и никто не относился ко мне скверно, но я не могу покинуть свои покои, даже пойти в зал к Эннису.

Даже если бы я смогла, нет никакого шанса сбежать из Дома Одоннелов. Нет никакого шанса сбежать из любого Дома без помощи извне. Абсолютно никакой. Даже война более сотни лет назад не смогла разрушить ни один из Домов. Как сможет мой брат или какой-то отряд надеяться проникнуть туда, куда не смогли добраться бомбы?

Я слышала, как леди Агнес опустилась в кресло рядом с кроватью. Стул скрипнул, и я услышала легкое бормотанье, которое она всегда издавала, подымая малышку. Роды были тяжелыми, но леди Агнес говорила мне, что так бывает всегда с первым ребенком. Но я все еще слишком усталая.

Засыпаю. Я сплю одна и подолгу, с тех пор как появился малыш. Эннис спит в покоях напротив. Он считает, что моему телу нужен покой и лечение прежде, чем мы... Открываю глаза, леди Агнес меня будит легким потряхиванием. Она подает мне Нарру, и я укрываю ее одеялами, чтоб она ела в тепле.

Леди Агнес отдергивает занавески и велит подавать обед. Когда Нарра засыпает, леди Агнес забирает ее у меня, пеленает ее и укладывает в изысканную колыбель, которую сделал Эннис. Эта чудесная колыбелька была свидетельством того, что он действительно хотел ребенка, когда говорил об этом.

Леди Агнес подходит к кровати, подавая мне платье так, что я проскальзываю в него и уже не мерзну во время туалета. Ее доброта вызывает у меня слезы. В эти дни слезы быстро и часто наворачиваются на глаза. По словам леди Агнес, это тоже дело обычное у молодых мамаш. Мне неловко от ее доброты. Жизнь женщин Девятки тяжела, и леди Агнес старательно выполняет свое попечение. Доброта, особенно у леди Агнес, редко длится долго.

— Катрин, к вам скоро прибудет гость,— голос леди Агнес очень тихий.— Фрейлина, которую посылает вам лорд Карн, появится здесь через час.

Новость ошеломила меня сначала. Две огромные уступки от Одоннела меньше, чем за две недели. Леди Агнес, а теперь и фрейлина — это больше, чем я могла бы предполагать. Уступки были не нужны Эннису. То, что у меня есть компаньонки теперь, гораздо важнее, чем соображения Одоннела. В конце концов, я жду гостью! Она станет моей фрейлиной, если понравится мне. Может быть, подругой, ведь леди Агнес никогда ею не сможет стать.

Холодной водой в лицо, щеткой по волосам. Коса не такая

изысканная, как делали Тамара или Донна. А леди Агнес и вообще не умеет этого. На завтрак я выбрала хрустящий хлебец с маслом и огромный оранжевый плод и села на кровать закусить.

— У вас будут крошки на простынях,— заметила леди Агнес, глядя поверх вязания.

Я представила себе новую фрейлину. Выше меня, благородная дама, знающая толк в тканях, прическах и всех необходимых работах из-за семейной трагедии или расточительности мужа. Карн знает, как важна для меня моя внешность. Он был почти в шоке от того, как я выглядела на свадьбе. Эннис делал все, что мог, чтобы помочь, но его помощь, кроме зеркала, вовсе не была помощью. (Если знатная дама почти не знакома с такими вещами, то как ничтожно знаком с ними дворянин?) Дом Энниса и Дом Одоннела были просто невежественны в этих вопросах гардероба и причесок. Они ничего не могли предоставить, кроме этого ужасного свадебного платья.

Послышались голоса за дверью. Она открылась, и стражник поклонился молодой женщине, пропуская ее в комнату. За ней шел сенешаль Одоннела. Он поклонился, но прежде, чем успел вымолвить хоть слово, молодая женщина склонилась в реверансе.

— Мир этому дому, миледи,— проговорила она.

— И вашему,— отвечала я ей.

— Позвольте, я представлю вам Адриану Дюваль из Льюиса,— сказал сенешаль.

Молодая дама снова поклонилась, медленно и грациозно. Затем она поднялась, откинула волосы со лба и улыбнулась широкой, сердечной улыбкой.

— Я очень рада видеть вас, леди Катрин. Ваш брат много говорил мне о вас.— Ее голос был сиплым и слабым.— Я хорошо рассказываю то, что было, и придуманное, я знаю толк в одежде и прическах, чтобы быть модной. Лорд Карн сказал, вам это необходимо.

Я почувствовала, что леди Агнес нахмурилась. Ее представления о стиле, даже ее понятия о правильных темах дамской беседы, были взглядами старшего поколения. Карн просто констатировал о моем облике. Чувство стиля Адрианы Дюваль показывало ее платье. Вишнево-красное платье, соответствующее указаниям Домов о скромности одежды, не открывало кожи ни на груди, ни на шее. Сидело оно безукоризненно и несомненно шло ей. Ожерелье и серьги, которые она выбрала, соответствовали одежде и обстоятельствам, которыми было в основном интервью о службе в знатном Доме. Маленькое зеркальце висело на ленте, закрепленной на поясе, как дань последней моде, за которой я не могла следить последние месяцы.

Мне понравился ее голос, ее стиль, ее манеры. Ее теплота будет приятным контрастом строгости леди Агнес. Кроме того, Адриана была свободной женщиной. Я не должна буду следить каждую минутку за тем, что говорю, чтобы защитить свой Дом

от сплетен, которые она принесет своим. А умение рассказывать сделает времяпровождение после ужина более приятным. Вечера были удручающими. Леди Агнес не знала других историй, кроме тех, что рассказывают людям до двенадцати. Одоннел не позволял ей ни писем, ни три-д, а книги были редкостью. Рассказы были обычным занятием в Домах после ужина. Я была удивлена, что и Свободные этим развлекаются.

Очень необычно, что свободная женщина служит в знатном Доме. Я не припомню, чтобы встречалась со свободной женщиной прежде.

Я повернулась к сенешалю с улыбкой.

— Благодарю вас. Передай господину, что фрау Дюваль мне подходит.— Он с поклоном удалился.

— Мой чемодан! — прокричала ему Адриана. Она обернулась с улыбкой и вручила мне записку.— Я была оптимистична насчет службы и взяла с собой кое-что.

В записке говорилось: «Мой отец и ваш брат преследуют одни политические цели. Мой отец — член Совета от Льюиса. Вы встречались с ним на своей свадьбе. Я могу служить связной или разведать кое-что. Это намерение моего отца. Уничтожьте записку».

Я взглянула на Адриану. Ее глаза быстро оглядели комнату. Вопрос был понятен: есть ли подслушивающие устройства? Были ли они? Я не думала, что были. То, что шпионили некоторые слуги, я не сомневалась. Кое-кто из наших тоже.

Внешняя стража, ворча, тащила огромный кофр. Его поставили посреди комнаты. Адриана вручила каждому мужчине по монете. Она оглядела комнату, пока дверь не захлопнулась за ними. Затем она стянула перчатки.

— Где я могу расположиться?

Я указала на альков, который она могла разделить с леди Агнес. Он отделялся от комнаты тяжелой драпировкой. Она распаковала багаж и села писать письмо. Она приложила печать и позвала стражника, чтобы он передал это посыльному. Мое сердце замерло. Мог быть кто-нибудь так глуп, чтобы догадаться послать письмо из моих покоев куда-нибудь за пределы Одоннела — Харлана? Гаррен Одоннел не даст и слову о ребенке вырваться, пока он сам не будет готов объявить о ее рождении. Он может убить Адриану за измену, за шпионаж, за любое преступление, которое ему пригрезится, если она испортит его тщательно подготавливаемое сообщение. И когда Ольдермен из Льюиса обнаружит ее смерть, будет слишком поздно.

— Я обещала отцу написать, как только приеду, о своем благополучном прибытии,— сказала она явившемуся на ее звонок человеку. Ее манеры были наивными, как у девочки.

Стражник глянул на Адриану со злостью и потребовал открыть записку и прочесть ему.

— Вы не умеете читать? — спросила она сладко. Он отвесил ей пощечину.

— Женщины знают свое место в *этом* Доме! — заорал он.— Читай!

Адриана посмотрела на него удивленно и послала такой правый ему в челюсть, что он зашатался. Он ударил бы ее еще раз, но я встала между ними, и он не посмел ударить меня.

В Халареке такого стража наказали бы (во времена моего отца) или изгнали из владения без рекомендаций (метод Карна), что, пожалуй, было хуже. В Одоннеле, если бы не защита Энниса, мы, женщины, заплатили бы за такую выходку Адрианы и мое вмешательство. Похоже, Адриана не понимала этого или, хотя бы, не показала страха. *Она надломила печать, прокашлялась и начала* читать.

— Дорогой отец, я благополучно прибыла в Одоннел и встретилась с леди Катрин. Я представилась, как ты советовал мне, сделав особенно глубокий реверанс для миледи. Платье, в котором я появилась, в отличном состоянии, как ты помнишь, оно из специальной ткани. Я напишу позже о том, как мне понравится здесь. Твоя любящая дочь, Адриана.

Солдат смотрел разочарованно. Я облегченно вздохнула. Письмо было написано, казалось, балованным ребенком. Адриана разглядывала стражника, и мне показалось, что усмешка злорадства пробежала по ее лицу. Она смотрела ему прямо в глаза. Это был взгляд уверенной и защищенной женщины.

— Я живу здесь под защитой Совета, префект и Лхарр Гаррен дали разрешение мне писать отцу, когда я захочу, лишь бы это не касалось политики и не нанесло ущерб Дому Одоннела. Вы видели письмо. Мой отец ждет его через три дня. Это дает вам время показать его Лхарру Одоннелу, если вы должны это сделать.

Стражник сжал губы. Могу поспорить, он хотел показать это письмо Одоннелу, но теперь это не имело смысла.

— Лорд Эннис узнает у Фрема Дюваля через три дня, получил ли он письмо,— добавила я для полноты.

Я посмотрела на платье, которое было темой письма. Это был высококачественный шелк, только и всего. Я слегка коснулась пальцами рукава. Ничего особенного не было.

Это был код! У нее заготовленный код о платье. Было бы в ужасном состоянии вместо «особенного», если бы ребенок умер. Оценка моего союза с Эннисом, как «уникальной мастерской», показалась мне забавной.

Как мне проявить свое понимание и признательность? Но мне не пришлось этого делать. Она подошла ко мне и заключила в свои объятия. Я тоже обняла ее. Она отступила и занялась своим дорожным туалетом.

Адриана быстро вошла в мою жизнь в Доме Одоннела. Она передвигалась с ленивой грацией, но за этим спрятался острый и быстрый ум, как доказало письмо. Она была добра с Эннисом,

любила ребенка, училась у леди Агнес ее совершенствам. На самом деле, ее могло описать только одно слово «самообладание».

Адриана принесла надежду. Моя жизнь в Одоннеле была мирной, я уважала и любила Энниса, но я не хотела смириться с тем, что мой ребенок будет воспитан врагами. С возможностью Агнес писать письма я смогу передать Карну важные сведения. Она одна была моим утешением.

Я должна была знать, что такое спокойствие не может быть вечным. Адриана была у нас уже месяц, когда Эннис разбудил меня ранним утром.

— Слушай, Катрин,— прошептал он,— Гаррен говорит, что тебе придется уехать через день или два. Он не сказал куда, но он сказал, что не думает, что я захочу поехать. Он знает, я люблю тебя.— Он уронил голову мне на плечо, и я почувствовала, что он пытается собраться. Он никогда не говорил слов, но сотней дел доказывал свою любовь.— Мне сказали, что Ричард не рад, что ты не беременна снова. Он намерен сделать тебя беременной сам.

— Он не посмеет!— прошептала я.— Я твоя жена! Он не посмеет опозорить свой собственный Дом.

Эннис посмотрел на меня сверху:

— Это позор, если об этом узнают люди. Вот философия Ричарда. А если он в Бревене, мужском уединении, кто может заподозрить, что у него женщина? Кроме того, я должен вести себя так, словно ребенок мой,— это будет спокойнее, или ты станешь вдовой, и тогда свободна для него. Для Ричарда все одинаково. Его сила так велика, что я не могу противостоять ему открыто. Гаррен тоже не сможет сопротивляться, хотя даже он этого не может вынести.

Кровь отхлынула от моего сердца. Сам Ричард. Я слышала голос Энниса откуда-то издалека.

— Почему, как ты думаешь, ты была в Одоннеле все это время? Держать тебя подальше от Ричарда. Одоннел мой родной Дом. После сегодняшнего дня я не смогу дать тебе безопасность.— Эннис схватил меня в объятия. Он говорил мне в ухо: — Я умру за тебя, если это поможет. Я только что получил все долги. Но даже это может не помочь уехать вам с Наррой благополучно. Мы соединимся с караваном, но выехать нам надо до восхода солнца, чтобы встретить его, и Нарра не должна плакать, иначе нам конец.

Эннис еще крепче прижал меня к себе.

— Было очень тяжело согласиться, чтобы Ричард воспитывал Нарру. Я не могу согласиться на то, что он уготовил тебе. Знаешь ли ты, как сильно я люблю двух своих девочек?— прошептал он.

Он включил свет и стал собирать самое необходимое. Я пыталась заставить себя собраться с мыслями. Если Одоннел думал перевозить меня, он сделал бы это в полной тайне, потому что любой выход на поверхность грозит моим захватом. Карну надо сообщить об этом как можно быстрее. Сможет ли хоть одна из

женщин отправить сообщение? Разрешат ли им уйти после нашего побега? Как Эннису удастся справиться с этим делом? Как мы сможем пройти мимо стражи у дверей, особенно с ребенком?

Я разбудила своих дам и сказала, что мы уходим. Мы решили, что леди Агнес и Адриана, обе, отправят послание Карну. Если Эннис и я уйдем, дам отправят домой. Хотя никакого значения это иметь не будет, но Одоннелы смогут задержать их на несколько дней, чтобы они не сообщили Карну. Или он способен держать их, пока нас не поймают.

(*Продолжение в следующем томе серии «Монстры вселенной»*)

Содержание

Планета зимы. Книга первая 5

Книга Иджила 185

Зимний мир 325

С. Дж. Миллс
ПЛАНЕТА ЗИМЫ
Зарубежная фантастика

Лицензия ЛР № 040390 от 11.03.92 г.
Сдано в набор 1.12.93 г. Подписано в печать 15.03.94 г. Формат 60×90/16. Печать офсетная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 26. Гарнитура Таймс. Заказ 1928. Тираж 30 000 экз.

ГФ «Полиграфресурсы», Москва, Петровка, 26

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Комитета Российской Федерации по печати.
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

МВ

С.Дж. МИЛЛС · ПЛАНЕТА ЗИМЫ